

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + Refrain from automated querying Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

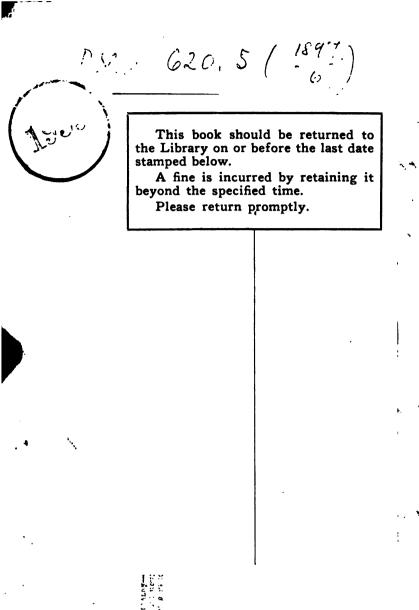
- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях. Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.

Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
 - В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
 - Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Muccus Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

Maruyong amouse ony/snaua hnay unholismesy 1 1 150 1. Aby emusio hurs Toentos Utanalions -10-16 2. elogunique eturini Comencinohurs 16-22 2. Peymisois enapres resprictuo 22 - 28 I Henemuno Louis Whamber 3-9 & Coviends Dumpey Man qualburs 6. Carryness chieurs Conarminos 9 18 7. Afgrownia Byungos Calennel. 21-24 sh - 5 & Curicain Munician Osgapulur 9. Dhopmenoh Cura Respokus 7-13. 1. Serun chiamoun turende 14-20 1. hopeoberies duencation Next 20-2 12. elederences Bacuires Maburb. 26-B. Terares Huareau Men poken 2-8 14. Rapuanols Hurround Verpol. 8-19 18. Manuebers theexealops Joeneg 1421 1. Befrer Lexies Bacerein Cledop J-Z.

ІЮНЬ.

1897.

PYGGKOG KOTATGTRO

Nº 6.

СОДЕРЖАНІЕ:

•	
1. НА СТОЙБИЩЪ. Очеркъ изъ	чу-
котской живни	. Н. Тана.
2. ДВОРЯНСКІЕ НАКАЗЫ ВЪ Е	
ТЕРИНИНСКУЮ КОММИССІЮ 1	
I—П	
3. ОЛИВЬЕ ДАТАНЪ. (Изъ полит	TH46-
скихъ правовъ современной Фран	niz). '
Романъ. Окончаніе	•
4. КАРЛЪ МАРКСЪ И ЕГО РУСС	
КРИТИКЪ. Продолженіе	
5. ЖРЕЦЫ. Романъ. Продолжение.	К. М. Станюковича.
6. СРЕДИ НОЧИ И ЛЬДА. Про	
женіе	
7. ПОСЛЪДНЕЕ СЛОВО. Исъ ж	
русскихъ въ Америкћ. I—V	
8. ПРОЩАНІЕ. Стихотвореніе	П. Я.
9. ПОЭМА КОНЦА ВЪКА	
10. О ЖИЛИЩАХЪ ПЕТЕРБУ	
СКИХЪ РАБОЧИХЪ	m. n. Horpobekou.
	(См. на оборотъ).

11. НОВЫЯ КНИГИ:

Генрихъ Сенкевичъ. На свётломъ берегу.—Н. Пружанскій. Новый Монсей. — Гюставъ Лансенъ. Исторія францувской интературы. — В. Алексевъ. Римскіе поэты въ біографіяхъ и образцяхъ.—Р. Орженцкій. Ученіе о цівности у классиковъ и канонистовъ. —В. Е. Умяльяюсъ. Торжество германской промышленности. — Н. В. Рейнгаратъ. Незвилидова геометрія и позитививът. — Р. Гіссьзід. Преділы душевнаго равновісія. — Александръ Чеховъ. Призрініе душевно-больныхъ въ С.-Петербургі. Алкоголиямъ и возможная съ нимъ борьба. —Е. Карновичъ. Русскіе чиновники въ былое и настоящее время. — Книги, поступившія въ редакцію.

- 13. ИЗЪ ГЕРМАНІИ А. Коврова.
- 14. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. . . . Н. К. Михайловскаго.
- 15. ДНЕВНИКЪ ЖУРНАЛИСТА . . . С. Н. Южанова.
- 16. ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. О. Б. А.
- 18. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ конторы редакціи журнала.

Контора редакція покоривійше просить подписчиковъ, уплатившихъ за журналь на условіяхъ разсрочки 3 р., 5 р. и 6 р. поторопиться высылной соотвътствующихъ доплатъ до полной подписной суммы 6 р., 4 р. и 3 р.

Подписчеки, живущіе въ Москвъ, для избъжанія лишнихъ хлопотъ и расходовъ по пересыякъ денегъ, могутъ вносить доплаты въ Отдъленіе нашей конторы (Никимскія ворома, д. Газарина), представляя печатный адресъ, по которому высылается журналъ взъ Петербурга.

1897.

Pychoe koratetro

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕР АТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 6.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЦЕНТРАДЬВАЯ БЕЗВЕСТЕНА «Тактинена» 3.

N415700.00.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъважая, 15. 1897. PSlaw 620,5 (-897)

NDA 1923

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY NOV21 1961

содержаніе.

		CTPAH.
1.	На стойбищъ. Очеркт изъ чукотской живни.	
	Н. Тана	5 45
2.	Дворянскіе наказы въ Екатерининскую коммиссію 1767 г.	
	М. М. Богословского. І-П.	46 83
3.	Оливье Датанъ. (Изъ политическихъ нравовъ со-	
	временной Франціи). Романъ Жюля Каза. Окон-	
	чаніе	84-109
4.	Карлъ Марисъ и его русскій критикъ. М. Б. Рат-	
	нера. Продолжение	110—131
5.	Жрецы. Романъ. <i>К. М. Станоковича.</i> Продолженіе.	132—162
6.	Среди ночи и льда. Фритофа Нансена. Продол-	
	menie	163 - 196
7.	Последнее слово. Изъ жизни русскихъ въ Аме-	
	рикѣ. Е. Сомовой. I—V	197—233
8.	Прощанів. Стяхотворенів ІІ. Я	. 234
		_
	Позма конца въка. Н. И. Коробка	1- 19
10.	О жилищахъ петербургскихъ́рабочихъ. <i>М. И. Покрое</i> -	
	ской	19— 38
l 1.	Новыя книги:	
	Генрихъ Сениевичъ. На свёткомъ берегу. — Н. Пруманскій. Новый Можсей. — Гюставъ Лансонъ. Исторія французской	
	дитератури.—В. Аленсъевъ. Римскіе поэты въ біографіяхъ	
	и образцахъ, Р. Орже вций. Учение о цънности влассивовъ	
	н канонистовъ.—В. Е. Унальянсь. Торжество германской про-	
	мышленности.—Н. В. Рейнгардть. Неэвилидова геометрія и	
	(C) wa afan	

•	
позитивизиъ.—Р. Fiecheig. Предълы душевнаго равновъсія.—	CTPAH
Аленсандровъ - Чеховъ. Призраніе душевно - больныхъ въ СПетербурга. Алкоголизмъ и возможная съ нимъ борьба.— Е. Карневичъ. Русскіе чиновинки въ быдое и настоищее	•
время.— Книга, поступившія въ редакцію	38— 61
12. Изъ Францін. <i>Н. К</i>	62 82-
13. Изъ Германіи. <i>А. Коврова.</i>	83 96
14. Литература и жизнь. Н. К. Михайловскаго	97—126
15. Диевинкъ журналиста. С. Н. Южакова	127-153
16. Хроника внутренней жизни. О. Б. А	153-172
17. Народно-хозяйственные наброски. Н. Карышева	

•

•

•

-

•

•

•

•

Продолжается подписка на 1897 годъ на вжемъсячный дитературный и научный журналъ

PYCCKOE BOTATCTBO,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

подписная цъна: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.; . безъ доставки въ Петербургъ и Москвъ 8 р.; за границу 12 р.

подписка принимается:

Въ С.-Петербургъ въ конторъ журнала—уг. Спасокой и Басковой ул., д. 1—9.

Въ Москвъ-въ отделени вонторы — Никитскія ворота, д. Галарина.

Книжные магазины, доставняющіе подписку, могуть удерживать за коминссію и пересыку денегь тойько 40 коп. съ каждаго годового экземидара.

Подинсчини «Русскаго Богатства» польвуются уступной правышнов внигь нев петербурговой монторы мурнала или изъмосковомаго отделенія монторы.

Каталогъ внигъ печатается въ важдой внижей журнала.

Редакторы П. Быковъ, С. Поповъ.

Въ конторъ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО» «Петербург», уг. Спасской и Басковой, д. 1—9) и въ отделеніи конторы (Москва, Никитскія ворота, д. Гагарина) имъются въ продажь:

Н. Гаринъ. Очерви и разскази. Т. І. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

- Очерки и разсказы. Т. П. Ц. 1 р.,

съ пер. 1 р. 25 к.

- Гимназисты. Ц. 1 р. 25 к., съ

пер. 1 р. 50 к.

Ви. Короленко. Въголодний годъ. Изд. третье. Ц. 1 р., съ пер. 1 р.

- Очерви и разсказы. Книга первал. Изд. седьное. Ц. 1 р. 50 к.,

съ пер. 1 р. 75 к.

- Очерки и разсказы. Книга вторая. Изд. третье. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Савной музыканть. Этюдь. Изд.

пятое. Ц. 75 к., съ пер. 90 к. Л. Мельшинъ. Въ міръ отвержен-

ныхъ. Записки бывшаго каторжнина Ц. 1 р. 50, съ пер. 1 р. 75 к. Н. К. Михайловскій. Ерипи-

ческіе опыты: Левъ Толстой. Ц. 1 р., съ пер.

1 р. 25 в. — Н. Щедринъ. Ц. 1 р., съпер. 1 р. 25 в. Иванъ Грозный въ русской интературъ. Герой безвременья. Ц.

1 р., съ пер. 1 р. 25 к. Н. В. Шелгуновъ. Сочиненія. Два тома. Ц. 3р., съ пер. 3 р. 60 к. - Очерки русской жизни. Ц. 2 р.,

съ нер. 2 р. 40 к. М. А. Протопоновъ. Литературно-вритическія карактеристики. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. С. Н. Южаковъ. Соціологическіе этюды. Т. І. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 p. 75 g.

Соціологическіе эткоды. Т. П. Ц. <u>1</u> р. 50 к., съ нер. 1 р. 75 к. — Дважды вокругь Азін. Путевыя

висчативнія. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Д. Маминъ-Сибирякъ. Гор-

ное гивадо. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

— Три конца. Романъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 35 к.

Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири. 2-ое изданіе. Ц. 1 р., съ

пер. 1 р. 15 в. Ж. М. Станюковичъ. Откровен-. М. Станюковичъ. Откровен-ные. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ С. Н. Кривенко. На распутън. пер. 1 р. 75 к. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 50 к.

— Морскіе силуэти. Ц. 1 р., съ. пер. 1 р. 20 к.

Н. Съверовъ. Разскази, очерки н наброски. Ц. 1 р. 50 к., съ пер-1 p. 75 k.

Ю. Везродная. Офорты. Ц. 1 р.

50 к., съ пер. 1 р. 75 к. А. Шабельская. Наброски карандашомъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

В. Немировичъ - Данченко. Волчья сыть. Романъ Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

А. Осиповичъ (А. О. Новодворсвій). Собраніе сочиненій. Ц. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Э. Арнольдъ. Светь Азін: жизнь . и ученіе Будди. Ц. 2 р., съ перес. 2 p. 30 K.

Реклю. Земля. Шесть выпусковъ. Ц. 6 р. 80 к., съ пер. 8 р. 50 r.

Дитятинъ. Статьи по И. И. исторія русскаго права. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 90 к. . Гиббинсъ. Промышленная

исторія Англін. Ц. 80 к., съ пер

Ш. Летурно. Соціологія, основанная на этнографіи. Вый. І. Ц. 60 к., съ пер. 75 к. Вып. II. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

М. С. Корелинъ. Паделіе античнаго міросозерцанія. Ц. 75 к., съ

пер. 90 к.

С. Сигеле. Преступная толиа. Ц.

40 к., съ пер. 55 к.

Н А. Карышевъ. Крестьянскія вивнадвивныя аренды. Ц. 3 р., съ пер. 8 р. 50 к.

- Въчно-наслъдственный насмъ земель на континентв Зап. Евро-

пы. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. [. И. Каръевъ. Историко-философскіе и соціологич. этюды. П. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к. Г. Вуасье. Очерки общественнаго настроенія временъ цезарей. Ц.

1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к. С. Р. Гарпинеръ. I. Пуритане и Стюарты. П. О. Эйри. Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV.

В. В. Лесевичъ. Опыть врити--оп атарановоно вінаводатови отвиро витивной философіи. Ц. 2 р., съ пер. 2 p. 30 E.

- Письма о научной философіи. Ц.

1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

– Этюды и очерки. Ц: 2 р. 60 к.,

съ пер. 2 р. 80 в. — Что такое научная философія?

Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. Эд. Чаннингъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ Свв. Америки.

П. 1 р. 50 к., еъ пер. 1 р. 75 к. В. Киппъ. Соціальная эвоминя. П. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Н. И. Наумовъ. Собраніе сочиненій. Два тома. Ц. 3 р., съ пер.

3 р. 50 в. Ч. Бэрдъ. Реформація XVI въка. П. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к. Э. К. Ватсонъ. Этюды и очерки

по общ. вопросамъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. Н. А. Рубакинъ. Этоди о рус-

ской читающей публикъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. — Разсказы о великихъ и гроз-

ныхъ явленіяхъ природы. Изд. 3-е. Ц.

18 к., съ пер. 29 к.

С. Я. Нацеонъ. Литературние очерки. Ц. 1 р., съ цер. 1 р. 25 к. В. Острогорскій. Изъ исторіи Э. Тэйлоръ. Первобитвая культура моєго учительства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Р. Певенфельцъ. Графъ Л. Н. Толстой (на простой бумага). Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 **ж.**

(на веленевой бумагь). Ц. 1 р.

50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

А. Н. Анненская. Анна. Романъ для детей. Изданіе второс. Ц. 60 к., съ пер. 77 к. (Можно посмлать почт. марками).

Дж. Мармери. Прогрессъ науки. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Э. Реклю. Земля и лоди. Швеція н Норвегія. Ц. 1 р., съ пер. 1 р.

- Бельгія и Голландія. Ц. 1 р., съ

пер. 1 р. 20 к.

Полиисчики

Пж. К. Инграмъ. Исторія рабства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р.

50 K.

пользуются уступкой въ размъръ стоимости пересылки.

Полные экземпляры журнала «Русское Богатство» за 1893, 1894, 1895 и 1896 года. Цена за годъ 8 р.

I. К. Блунчли. Исторія общаго, государственнаго права и политики. Цвна (емисто 3 р.) 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к. Большей уступки не двлается.

Е. П. Карновичъ. Замвчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россін. Ціна (вмисто 2 р. 50 к.) съ перес.

1 р. 50 к.

В. Ф. Бранцтъ. Ворьба съ пьянствомъ за границей и въ Россіи.

Ц. 60 к., съ пер. 75 к. Дж. Леббокъ. Какъ надо жить.

П. 80 к., съ пер. 1 р. В. А. Гольцевъ. Законователь-отво и нрави въ Россіи XVIII въка Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р 45 к. Е. Н. ВОДОВОЗОВА. Жизнь евро-пейских народовъ. І. т. Жители Юга. II т. Жители Сивера. П. т. Жители Средней Европы. Ц. за каядый томъ 3 р. 75 к., съ нер. 4 р. 40 к. — Умственное и нравотвенное развите дътей. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. В. И. Водовововъ. Новая русская интература. Ц. 1 р. 25 к., съ нер. 1 p 50 k. Словесность въ образцахъ и раз-

борахъ. Ц. 1 р 25 к., съ нер. 1 р. 45 к. — Очерки изъ русской исторіи XVIII вака. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

4 p. 50 B.

«Русскаго Богатства», при покупкъ внигъ.

Г. Геттнеръ. Исторія всеобмей-интературы XVIII віжа. Т. І. Англійская литература. Ц. 1 р. 50 к., съ цер. 1 р. 75 к.

С. А. Ан-скій. Очерки народной литературы. Ц. 80 к., съ пер. 95 к. Путь-порога. Художествевно-з». тературный сборникъ (На простов бумага). Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. (На веленевой бумагь). Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Въ побрый часъ. Сборенет. (Въ обложев). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 p. 85 k.

· (Въ переплетв). Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 10 к.

Е. Дюрингъ. Великіе люди въ литературъ. Ц. 8 р. 50 к., съ пср 3 p. 85 k.

Проделжается подписка

на шесть томовъ сочиненій

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Ивданіе редакція журнала «Русское Богатство».

УДЕШЕВЛЕННОЕ

жаданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ,

съ портретомъ автора,

который приложень къ IV тому.

Подписная цъна 9 рублей.

Въ отдъльной продаже цена за шесть томовъ 12 р. Подписна съ наложеннымъ платежомъ не принимается.

Вышли І, ІІ, ІІІ и ІУ тт.

Содержаніе І т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъвъ общественной наукі. 5) Дарвинизить и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъмитературных и журнальных заміток 1872 и 1873 гг.

Содержаніе і т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герон и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толив. 7) На вёнской всемірной выставкв. 8) Изъ дитературныхъ и журнальныхъ заметокъ 1874 г. 9) Изъ дневника

и переписки Ивана Непомнящаго.

Содержаніе III т. 1) Философія исторіи Лун Блана. 2) Вико н его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономія личнооти Дю-

ринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

Содержаніе IV т. 1) Жертва старой русской всторіи. 2) Идеамизмъ, идолоповлонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной діятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдів и веправдів. 8) Литературныя замітки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замітки 1879 г. 12) Литературныя зажітки 1880 г.

V и VI т. выйдуть въ сентябръ.

подписка принимается:

Въ Петербургъ—въ конторъ журнала «Русское Богатство» — уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.

Въ Москвъ- въ отделения конторы — Никитския ворота, д. Гагарина.

на стойбищъ.

Очеркъ изъ чукотской живни (отрывки изъ дневника).

Полдень давно миноваль, но солнце еще высоко стояло на небъ, обливая яркими лучами и хмурые ряды лиственницъ, безмольно стоявшихъ на обрывистомъ берегу узкой и извилистой виски, *), и огромные сърые шатры нашего стойбища, похожіе скорбе на холмы, чёмъ на человіческія жилища, и въ особенности гладкую, ослепительно белую, снежную пелену, закутавшую и землю, и мерзлую рёчку, и черныя вётви деревьевъ, упавшую легкимъ пушкомъ на длинныя и острыя верхушки шатровыхъ жердей, похожихъ на связку огромныхъ вольевь, накрытыхъ толстымь сёрымь чехломь. Яркій блескь снъга ръзалъ глаза и заставлялъ жмуриться. Воздухъ былъ наполненъ сверкающими блестками тончайшихъ снажныхъ пылинокъ, ръявшихъ и переливавшихъ всеми цветами радуги. Светь какъ будто превратился въ вещество, въ блистающую ткань, струмвшуюся и трепетавшую вокругь, и заполоняль землю, вознаграждая ее за унылыя сумерки, еще вчера давившія ее своими тажелыми танями. Въ этомъ обидіи свата было что то горячее, сулившее обновление природы и близкое воскресеніе жизни, закованной уже болье полугода въ суровыя мик бонскиои ипфи.

Я довольно уныло бродиль по стойбищу, стараясь отогрёть ноги, которыя пощинываль славный мартовскій морозь, не смотря на двойные мёховые сапоги. Обиліе свёта не особенно прельщало меня. Уныніе зимнихъ сумерекъ уже изгладилось изъ моей памяти, а невыносимый блескъ снёга успёль навязать мнё начало особой глазной болёвни, которою въ это время страдають почти всё жители полярныхъ странъ. Я предпочель бы немножко меньше свёта, а главное побольше тепла. А между тёмъ холодь ни за что не хотёлъ смягчиться, и при постоянтомъ пребываніи съ ранняго утра до поздней ночи на открытомъ воздухё, даваль себя чувствовать самымъ непріятнымъ

^{*)} Мелкая ръчка, притокъ.

образомъ, забираясь подъ всевозможные покровы и проникая сквозь самыя затёйливыя сочетанія мёховъ.

Однако населеніе нашего стойбища обращало мало вниманія на колодъ и спокойно предавалось обычнымъ занятіямъ. Эттынинъ, довольно тщедушный и тощій старикъ съ зам'ятной просъдью въ всклокоченныхъ волосахъ, съ плоскимъ лицомъ, похожимъ на потертую маску, и испорченными слезящимися глазами, сидълъ на корточкахъ у входа въ шатеръ и терпъливо скоблиль маленькимь кривымъ ножичкомъ тонкія березовыя перекладины, изъ которыхъ должна была составиться новая вадовая нарта. Старшая жена его, Оттва въ странной одеждь, состоявшей изъ широчайшихъ мёховыхъ шароваръ и просторнаго полудекольтированнаго корсажа, вырёзаннаго глубокими мысами на груди и спинв и обнажавшаго всю шею, сидъла на земль и, засучивъ широків рукава, мьшавшів ся работь, чинила, широко раскинутый передъ нею, старый шатеръ такъ спокойно, какъ будто ея бронзовое тело, светившееся изъ подъ одежды, действительно было сделано изъ бронвы и не имело никакой чувствительности къ холоду. Двъ молодыя бабы, разостлавъ на снъгу внутреннюю мъховую палатку, ожесточенно колотили ее кривыми колотушками изъ оленьяго рога, стараясь удалить изъ густого мёха слёды человёческаго дыханія, осевшаго на ствны во время ночного сна и въ настоящую минуту, подъ дъйствіемъ мороза, превратившагося въ бъловатый иней. Онъ уже цълый часъ исполняли эту тяжелую ежедневную обязанность чукотской ховяйки. Лица ихъ разгорелись отъ усилій, крупныя капли пота выступили на лбу и медленно текли по щекамъ, расплываясь въ толще чисто геологическихъ наслоеній грязи, никогда не знавшихъ смывающаго вдіянія воды. Одна изъ нихъ, чтобы облегчить свои движенія, спустила съ одного плеча широкій кэркэрг, открывъ всю правую половину своего здороваго торса и обнаживъ пышную бълую грудь, къ сожаленію испятнанную такими же геологическими наслоеніями, какъ и ея лидо. Другая хватала комьями снъгъ и засовывала себъ за назуху, чтобы освъжить разгоряченное тъло. Кучка ребятишекъ, привязавъ концы кръпкаго ремня къ вътвямъ двухъ деревьевъ, стоявшихъ рядомъ, съ визгомъ и криками забавлялась качаніемъ на качеляхъ. Мальчики помогали дъвочкамъ раскачиваться и потомъ, хватая ихъ за длинные распустившіеся оборы м'єховых сапогь или просто ва ноги, старались заставить упасть на снёгь.

Молодая здоровая ламутская баба Авдотья сидъла на корточкахъ у огнища и варила въ маленькомъ желъзномъ котелкъ полужидкую зеленожелтую массу довольно подозрительной наружности, съ характернымъ острымъ запахомъ.

То была похлебка изъ оденьяго моняда *). Собственно говоря, на котеловъ съ варевомъ она обращала довольно мало вниманія, а все время занималась подкладываніемъ въ огонь миніатюрныхъ щепочекъ, едва достаточныхъ для того, чтобы поддерживать маленькое голубоватое пламя подъ самымъ донышкомъ котла. Кругомъ нея быль густой льсь, но она непоколебимо соблюдала обычай, вынесенный изъ безлесной тундры, где дрова цёнятся почти на вёсь золота. Она такъ увлеклась своимъ занятіемъ, что решительно не замечала, что делается вблизи.

Мой спутникъ по странствіямъ, «походскій казакъ» Васька Кауровъ, неуклюжій парень съ чрезвычайно рябымъ лицомъ и маленькими узкими глазами, одинъ изъ которыхъ быль испорчень оспой, одътый въ длинную черную кукашку **) съ волчымъ воротникомъ и прикрывшій плешивую голову выпороточнымъ малахаемъ, похожимъ на женскій капоръ, лъниво поднялся съ пня, на которомъ просидълъ уже болъе часа. спряталь въ карманъ коротенькую трубку носограйку, медленно подошель къ длинной нарть, стоявшей у одного изъ шатровъ, и, взявъ въ руку долгій чауть ***) изъ крепкаго моржоваго ремня, принялся свертывать его въ кольца. Свернувъ всв кольца и расправивъ какъ следуетъ петлю, онъ съ притворно безпечнымъ видомъ сдёлалъ нёсколько шаговъ по направленію къ ничего не подозр'явавшей ламутки и вдругь сильнымъ движеніемъ руки бросиль арканъ и накинуль ей петлю на шею и плечи.

- Хватиль! Хватиль! радостно кричаль Васька по русски, волоча свою добычу по глубокому снъгу на длинномъ арканъ.
- Не дури, дыяволь! визжана ламутка по чукотски. -А то польномъ хвачу! — Но торжествующій Василій не обращаль вниманія на этоть визгь и, преодольвая отчаянное сопротивление ламутки, тащиль ее къ высокому берегу виски, откуда узкая, гладко утоптанная тропинка круго спускалась внизъ. Дотащивъ ее до спуска, онъ весело покатился подъ гору, употребивъ свою пленницу, какъ живыя салазки, громкимъ свистомъ и гиканьомъ подражая крикамъ каюра ****), спускающагося на легкой собачьей нарть съ высокаго косогора.

Ламутва, получивъ слободу, встала и, отряхнувъ сивгъ, облинившій ся одежду, полізяла обратно на верхъ. Гладкая шерсть ея мягкаго кэркэра, обращенная наружу, предохранила ее отъ ушибовъ. Глаза ея весело улыбались. Явное уха-

^{*)} Моняломъ навывается веленоватая масса полуперевареннаго мху, вынутая наъ желудка убитаго оденя и очищенная отъ непереварившихся растительных волоконь. Чукчи варять изъ нея похлебку, съ примесью крови и

^{**)} Мёховая рубаха. ***) Арканъ.

^{****)} Каюръ—человъкъ, управляющій собачьей нартой.

живаніе Васьки, выражавшееся даже въ такихъ наёздническихъ эволюціяхъ, очевидно, не было ей непріятно. Замахнувшись на своего рыцаря изъ приличія поліномъ, подхваченнымъ по дорогі, она подошла къ костру и стала подкладывать въ почти угасшій огонь свои неизменныя щепочки.

Черезъ четверть часа Василій возобновиль нападеніе съ такимъ же успъхомъ, какъ прежде: ему очень нравилась эта игра и онъ повидимому намеревался продолжать ее до безконечности. Котелокъ совсемъ остыль налъ погасшимъ костромъ. Зеленой похлебкъ въроятно не было суждено свариться въ этотъ день.

Я стояль у дороги и, отъ нечего делать, наблюдаль за этими гимнастическими упражнениями. Спустившись съ горы въ третій или четвертый разъ и опять поднявшись на плошалку, Василій отряхнуль снівть, запорошившій ему шею и лицо, и подошель ко мнв.

- А знаете, баринъ, обратился онъ ко мнв, широко осклабляясь, въдь эта ламутка, можно сказать, моя собственная! Я ее третьяго года купиль на тундрв!
 - Какъ купилъ?-спросилъ я съ удивленіемъ.
- А такъ! очень просто! Еще заплатиль за нее тогда полъ-лахтака *) да кирпичъ чай, да папушу табакт!
- Да развѣ на тундрѣ людей продають?
 Бабъ продають. По ламутской, да по тунгузской вѣрѣ, сами знаете, бабу даже полагается продаваты. Я это вздиль на тундру оленей убивать въ третьемъ годъ... быль туть одинъ чукча дружный: къ нему завхалъ. Ну, убилъ у него сколько то оленей, переночеваль, собираюсь вхать дальше, а онь и сталь мев продавать эту бабу. Сынь у него быль, за жену ее держаль, да только изъ дому увхаль, а бабу то оставиль. Ну, старику какь разъ и ловко ламутскую невъстку съ рукъ спихнуть. Ихніе старики не любять чужеродныхь бабъ!.. «Купи, говорить эту бабу! Дешево отдамъ!» — Да ты, говорю, какъ это, сынову жену продаешь? - «Не твоя, говорить, забота. Я, отецъ, я и ховяннъ! Да какая она, говоритъ, жена! Такъ себъ, дъвка гулящая! А для насъ совсъмъ худа: ъстъ по многу, работаеть лічню, что подъ руку подвернется, крадеть! Купи, брать! За-дешево отдамъ. Только съ глазъ увези!..» Ну я и купилъ.
 - Да на что она тебъ? У тебя, въдь, своя жена есть!
- Ну, жена!.. Что жена!.. Все таки коть на прислугу годится. У насъ, въдь, на Походской **) рыбу убирать некому! Хоть «горный» человёкъ ***), а руки-то есть...

^{*)} Шкура большого тюленя породы phoca barlata.

^{**)} Походская виска впадаеть въ западное устье реки Колымы. На м'вств ея визденія находится русское поселеніе. ***) Горный въ противуположность рючному, живущему на реке, обовна-

- Ну, а потомъ что?-спросиль я.
- Да потомъ то вышло худо. Такъ и попользоваться не пришлось. Посадиль я ее на нарту, побхаль дальше по тундръ къ Шапки Холму. Версть сто не отъбхаль, встрътиль тунгусовъ.—«Ты, говорять, куда это Якуля жену увезъ?»— «Какая она жена? говорю, мит ее старикъ за пол-лахтака, да за чай, да за табакъ продаль! Онь говорить: она совствъ не жена!»—«Нтъ!—говорять,—вреть старый лъшій! Она настоящая жена Якулю! И попъ вънчаль, и все какъ слъдуеть! Отдай лучше назадъ! Гръхъ въдь! Да и Якуль узнаеть, худо будеть! Отдай лучше!... Все равно, говорять, мы не попустимся! Якуль намъ друженъ. Не отдашь добромъ, силой возъмемъ! Якулевой жены не дадимъ увезти русаку!... Отдай безъ гръха!»...—Вижу я: ихъ нятеро, а я одинъ. Повертълся... Думаю: чортъ съ вами! Пускай мое пропадаетъ! Ссору затъешь, еще до начальства дойдеть. А мит правымъ выйти некакъ!...
 - Такъ и отдаль?
 - Такъ и отдалъ! Чего дълать стану?..
- A плата то?—спросиль я, улыбаясь.—Вернуль ли ее оть старика?
- Вернешь ее отъ стараго черта!.. Весь животь по пустому пропаль. Я оттуль воротился, сталь ему говоремь. Говорель, говорель... да съ чукчей развъ сговоришься? Такъ и попустился!.. «Лахтакъ, говорить, я изръзаль. Воть, только лоскуть остался!.. Чай вышель. Табакъ выкуриль... Нисто мъту!» Жена моя даже крикъ подняла: «заплати, говорить, хоть чъть нибуды!» «Чего, говорить, дамъ? Нисто мъту!.. Васька, говорить, у меня и такъ все въ карты выиграль! Ничего не осталось!»
- Какъ выигралъ? спросилъ я съ удивленіемъ. Вы развѣ играли въ карты?
- Какт-да, баринъ! Три дни, три ночи не переставали. Такъ и дулись ет козла! Этотъ Рэни на карты шибко жарный! Какъ русаковъ увидитъ, такъ и прильнется, какъ съра *): «Давай да давай»!.. А чего давай? Самъ то и играть по путть не умъетъ! На то зарится, видишь, чтобы отъ русскаго коть разъ выиграть!.. Ну, да гдъ имъ противъ насъ!
- Да какъ же вы играли? Ты разскажи толкомъ! попросиль я.
- Да такъ и играли! Въ четвертомъ годъ это было... Прітхалъ онъ на Походскую виску съ парнемъ своимъ на четырехъ оленяхъ, —второй сынъ у него, порядочный мальчонко! Напроходз въ карты закатился на всю ночь... Оленей,

чаеть человёка, живущаго вдали отъ Колымы, на западной тундре или восточномъ Камия.

^{*)} Древесная смола, употребляемая для жеванія.

конечно, покинуль безь вниманія... Ну, собаки двухь оленей и распластали. О! слышниъ крикъ! Выскочили на улицу, а одени совсемъ готовы, дежать на снегу. «Чорть съ вами!» - говорить. Оттуль подошель во мнв. А онь мнв всегда дружный быль. «Купи, говорить, мою бъду! Все таки собакамъ на кормъ годится!» Я и взяль оленчиковъ. Даль ему полкирпича, да фунть табакт, -- больно ужъ изъеди собаки... Маленько помелелиль, оттуль опять приходить:—Водка, говорить, есть?— «Одна бутылка есть», говорю. — Продай мив! — говорить.— Сердце хочеть водки!— «А чъмъ купишь?» — Оленями, говорить. «Какими оленями? У тебя этто олени нъту!» — Два пряговые есть! Твиъ куплю!---«Брать, говорю, грвиъ ввды!» -- Не твое дъло! Мои олени не твои! Давай водки! По чашкъ оленя отдамъ! Налилъ я ко нему двъ чашки. Выпилъ онъ ихъ смаху, погодя приводить двухъ оленей. А парень то сзади идеть, такъ и плачеть. — А ты, говорю, голова, на чемъ домой убдешь? — Да ты, говорить, разв'в меня на своихъ собакахъ не отвезешь?—Поглядёль я на него: совсёмь бевь ума доспелся парень... Легли спать. На утро приходить Рэни, одинарно голову книзу держить. Ты о чемъ эдакъ? говорю. О! худой я! Худой!-говорить,-пряговыхъ быковъ убиль, теперь на чемъ вздить стану? Да ты, брать, отвезещь ли хоть домой то?-Отвезу! говорю. Твоихъ оленей взяль, какъ не отвезу?-И!.. обрадовался Рэни! — Спасибо, — говорить. — Прівдемъ, я тебъ сколько хочешь оленей убью! Говори прямо, сколько надо?... Я могу!-Десять, говорю, убей!-Хоть десять, хоть двадцать!кричить. Пальцы на рукахъ ростопыриль, для счету, значить... Подумаеть, у него и нивъсть какой табунъ! Иванъ Тагариновъ туть случился. -- И ты, говорить, прівзжай! И тебв убью, сколько попросишь! — «Спасибо! — говорить Иванъ. — Пять убъешь, такъ и ладно». Повхали мы. Я на своей нартв Рэни везу и парня везу. А Иванъ Татариновъ налегив сзади. Повезли съ собой животь: сколько то кирпичей, да сколько то папушъ. Прівхали на стойбище, а у него и табуна *) ніту. Такъ важенокъ **) 40-ли, 50-ли, кругомъ руйты ***) ходить. А какъ стали доважать до стойбища, онъ и говорить: «Станеть баба меня спрашивать про пряговыхъ, ты не говори, что тебъ убиль!> Вправду, только прівхали, баба и спрашиваеть: «а пряговые гдв? >-- «Волки, говорить, разогнали! Парень день и ночь проискаль. Следовь чисто нету! Однако за реку ушли! > Парень молчить, и я молчу. Пообъдали. Сталь онь со краю ловить да убивать оленей, наубиваль всв пятналцать.

^{*)} Мъстное русское наръче говорить: оденей табунъ, а не оденье стадо.

^{**)} Важенка-самка оленя.

^{***)} Руйта – шатеръ.

- «Ну, говорить, давайте въ карты играть!
- «Чѣмъ станемъ играть?—говоримъ. Тебѣ весь животъ отдали!
- «И!..—говорить, развѣ мы не люди? Поставимъ коть по рубахѣ, да раскозлимъ!

«Сняли мы съ себя рубахи, поставили на конъ. Я и выиграль.

- «Давайте еще! говорить.
- «Ла чего поставимъ?
- «Да хоть по фунту табак», да по кирпичу поставимъ съ каждаго человъка!
 - «Да нъту у насъ!

— «Ну чего тамъ! Вы, говорить, поставьте по оленю изъ моего убоя, а я поставлю товаръ!

«Съли играть, да оттуль играли день и ночь и опять день до вечера... И что же ты думаещь? Мнъ карта такъ и идеть, все выигрываю, да выигрываю. Выиграль у него весь чай и весь табакъ, который мы ему дали. Оттуль сталъ онъ оленей ставить, а я ихъ такъ и забираю. Выиграль 25 оленей, оттуль чайникъ, оттуль котель, двъ тарелки, четыре чайныя пары, топоръ, сковороду, пол-лахтака... Какое только было обзаведеніе, все отобраль. А Татариновъ не выигрываеть и не про-игрываетъ. Ночь пришла, онъ и отсталъ.—«Я, говорить, спать лягу!» А мы такъ и играемъ! Осталось у Рэни только шесть оленчиковъ, пустые, пряговые!—Четыре оленя поставлю—кричить.—А кочевать чъмъ будешь?—Мои олени, моя и забота!

«Выиграль я и этихъ оленей. А баба его такъ и плачеть, глаза у нея запухли оть слезь. — Перестанемъ! — говорю — гръхъ! — Нътъ, говоритъ, нельзя перестать! — Совсъмъ умъ потерялъ. Спать не хочетъ, всть не хочетъ, все о картахъ думаетъ. Выспался Татариновъ, сталъ собираться домой. — «Закажи, говорю, походчикамъ, чтобъ сюда всъ нарты ъхали! Я табунъ выигралъ!» Уъхалъ Татариновъ, а мы еще играемъ. — Чего ставить станешь? — говорю. — Два пряговыхъ оленя! — Чъмъ въдить станешь? — Не твое дъло! Не стану въдить! У васъ на Походской лътовать стану!

«Выиграль я и этихь оленей.—Ну, а теперь чего?—Воть, говорить, мой домъ! Его поставлю! Стала его баба вопить голосомъ. А онь ее колотить.—Ты чего ревешь, кричить, какъ надъ покойникомъ? Еще я живой! Могу я уйти на Камень *), привести оттуда большой табунъ!

«Вынгралъя и чумъ **), и пологъ **). — Конецъ! — говорю. — Ничего, нъту! Теперь чего поставишь? — Есть! кричить, — себя

^{*)} Камень—гора, скала. Нагорная сторона Колымы называется каменной стороной. **) Чумъ—наружный шатеръ. Пологь—внутренняя мёховая палатка.

поставлю! жену поставлю! дътей поставлю!—«Ой, говорю, не могу! Дай мнъ поспать! Встану, тогда опять играть станемъ». А межъ тъмъ три нарты съ Походской прівхали, и моя жена вмъстъ. Убилъ я собакамъ по оленю: даровые, такъ чего жальть? Ляго спать, проспалъ ночь и день! Потомъ всталъ и говорю:—«Ступайте вонъ изъ моего дома! Мой теперь домъ!» Вышли они вонъ, а я шесты обломалъ, и чумъ и пологъ на нарту уложилъ. Былъ у меня портяной положекъ, его наставилъ. Опять вошли, съли.

- «Ну чего ставищь?
- -- «Парня своего поставлю! Воть этого!
- «Грѣхъ, говорю, на людей играть!
- «Мой гръхъ! кричитъ. Мой сынъ, не твой!
- «А жена моя и говорить:—играй ужо! Можеть онъ что нибудь и отыграеть. Грёхъ вёдь!
 - «Ну, говорю, во что сына ценишь?
- «Поставь хоть 10 *олень*,—говорить.—Въ работники на виску возьмещь!
- «Ну, ладно! говорю. Только въ послёдній разъ сядемъ теперь играть! Выиграешь, конецъ! И проиграешь, конецъ!
- «Съли опять. Навалиль онъ на меня два козла, а на немъ нътъ ни одного. Ладно! говорю. По крайности хоть разъ выиграешь! Сталь онъ сдавать, я и давай саксыриль *). Саксыриль, саксыриль... Сдаль онъ карты. Что же ты думаешь? У меня полныя руки козырей! Да такъ подрядъ и навалиль на него три козла и выиграль! Разозлился онъ, страсть! Не то ему досадно, что имъне все отдаль, а то, что ни разу выиграть не могъ. Собраль карты, перерваль пополамъ и бросиль въ огонь.—Ну, говорю, все я у тебя забраль! Все твое мое стало! Теперь оленей переубиваю, на нарты положу и домой повезу!
 - «Брать! говорить. А я какъ же?
 - «А мнъ, говорю, какое дъло?
 - «Оленей, говорить, убъешь, и меня убей вмёсть!
 - «Нътъ! говорю. Зачъмъ человъка убивать стану?
- «Все равно! говорить: убдешь, я позадь тебя жену и дътей заръжу и самъ заръжусь!

«Испугался я: храни Богь, зарвжется. Они въдь чукчи отчаянные. Были туть 12 оленей. Все пряговые быки.—Вогь, говорю, это тебв! И сына твоего мнв не надо!—Даль ему чайникь, котель, топорь. Четыре парочки чайныя были, и тъхъ покинуль.—А домъ, говорить, какъ же?—Домъ, говорю, увезу!—А мы какъ?—А какъ знаешь!—Домъ, говорить, увезешь, не надо мнв и оленей!

^{*)} Саксырить особеннымъ образомъ тасовать карты, съ цёлью привлечь удачу на свою сторону.

«Нечего дёлать, оставиль я ему и чумъ, и пологь. О!.. Обрадовался Рэни, словно нивёсть какое богатство получиль. — «Другь, кричить, другь! Я на Камень пойду. Послё на Камень поёдешь, ко мнё заёдь! Что въ моемъ домё по нраву увидишь, самъ бери, меня не спрашивай!» Даль ему еще кирпичъ, папушу. Съ тёмъ и уёхаль!»

— А ламутка какъ же?

- Вотъ тогда то онъ и продалъ мнѣ ламутку. Старшаго сына дома не было, онъ и спихнулъ его жену. На тундрѣ это не за рѣдкость!
 - Сколько же ты оленей выиграль? спросиль я, помолчавь.
- Да я, баринъ, 10 то купилъ,—высчитывалъ Васька съ довольной улыбкой, очевидно, увлекаясь пріятными воспоминаніями о своей удачѣ.—Да свой животъ назадъ воротилъ. Они, значить, даромъ пришлись. Оттуль три собакамъ убилъ, да еще тринадцать увезли на Походску. А пряговыхъ те 12 къ нему назадъ отдалъ. Вотъ и всѣ его олени!—Да и такой чудакъ! продолжалъ Васька: черезъ годъ ѣду по рѣкѣ, встрѣчаю его у «Креста». Откуда идешь?—говорю. «Съ Камня».—Куда?—«Въ Средній!» *). Смотрю оленей у него не то шесть, не то семь.
- Да ты вачёмъ въ Средній?—говорю.— «Торговать!»—А чего есть?— «Два оленя, пять боковъ!» **). О, и посм'єялся я, ребяты!—Ой, говорю, далеко ты идешь, а мало везешь!—Ніть! говорить. Два оленя продамъ по десять рублей, бока хоть по рублю, смогу я хоть полведра взять!
- Будто какой безумный дасть ему по десять рублей за оленя!—прибавиль Васька.
 - А назадъ пойдешь, чего эсть станете?—говорю.
- Пустое! говорить. Пряговыхъ убивать станемъ, вогъ и вда! А въ ту же ночь у Креста Протопоповъ выигралъ и оленей, и бока. Съ твмъ онъ и вернулся на Пантелеиху!
 - Здорово же тебъ въ карты везло! замътилъ я.
- Оно не совсёмъ карты! сказалъ Васька, подмигивая. А только гдё имъ противъ нашего брата выстоять? Мы вёдь, какъ сказать, на козлё ***) съ молоду выросли, а они вонъ и счету попутт не энають. Совсёмъ нелюди! Сами видите: пальцы такъ и топырять ****). Ему ходить надо, а онъ подъ столомъ глаза *****) высчитываеть. Такой человёкъ какъ

^{*)} Городъ Средне-Колымскъ.

^{**)} Бокъ, мяткая часть мяса, покрытая жиромъ, снятая съ задняго бедра.

***) Козбяъ—карточная нгра якутскаго происхожденія, чрезвычайно распространенная въ краї и не им'яющая ничего общаго ни съ козлами, ни съ козами, о которыхъ никто не им'яють понятія.

^{*****)} Въ чукотской системи счисленія пальцы рукъ занимають мисто весьма важнаго вспомогательнаге средства.
*******) Очки на картахъ.

выиграеть? Да они чисто ни у кого и не выигрывають. Съ якутами на Долбъ сядуть, все равно, якуты такъ смаху у нихъ шкурку и спустять. Ну да горная въра, чего будеть?

— Постой!—сказаль я, подумавь.—Значить, когда ты ламутку купиль, при тебъ жена была?

Васька широко оскалиль вубы.

- Какъ-да была! Вивств и къ Шапкв Холму вздили!
- Что же? она ничего не говорила?
- И, баринъ! наши походскія бабы добрыя! Сами тоже... Ну и объ мужевьяхъ безо вниманія! Хоть онъ себя на десять кусковъ разорви, и десяти дъвкамъ по куску раздай!..

Разговоръ нашъ былъ прерванъ громкими криками, раздавшимися внизу, въ глубинѣ занесенной снѣгомъ виски, гдѣ пролегала узкая дорога, твердо наѣзженная многочисленными полозьями чукотскихъ турокъ и русскихъ нартъ и выводившая на Колыму.

— Держи, держи!—кричали русскіе и чукотскіе голоса.— Порвуть, порвуть!

Васька сорвался съ мъста и, что было мочи, почти покатился внизъ по косогору.

— Наши вдуть, собакъ сдержать не могуть! — бросиль онъ на бъгу. Я, какъ могъ, последоваль за нимъ. Въ узкой и глубокой ложбине, огражденной крутыми склонами обрывистыхъ береговъ, происходило невыразимое смятеніе. Десятка полтора оленей, заложивъ на спину вебвистые рога, въ безумномъ ужасе неслись во весь опоръ по дороге, толкая и сбивая другъ друга съ навженной тропы. Три или четыре печвака *), спокойно пасшихся на косогоре, увидевъ бегущихъ товарищей, быстро сбежали къ нимъ на встречу, очевидно, желая узнать, въ чемт чело, и были увлечены ихъ стремленіемъ. Боле опытные быки, не поддаваясь суетному любопытству, напротивъ, быстро карабкались на косогоръ, торопясь поскоре скрыться подъ надежную защиту лёсной чащи.

Изъ-за крутого поворота дороги съ трескомъ вылетъла длинная и узкая нарта, увлекаемая дюжиною черныхъ косматыхъ собакъ. Зубастые скакуны, привязанные попарно къ кръпкому шестисаженному nomaty изъ моржевого ремня, такъ и рвались впередъ. Двъ человъческія фигуры, упъпившись за дугу нарты, волоклись по сторонамъ, упираясь ногами и всъмъ тъломъ о каждую неровность дороги въ отчаянныхъ, но тщетныхъ стараніяхъ замедлять быстроту остервенълыхъ животныхъ. Собаки мчались впередъ, очертя голову, съ тихимъ, но зловъщимъ

^{*)} Печвакъ-молодой олень.

повизгиваніемъ. Пасти ихъ были раскрыты, глаза сверкали, какъ у волковъ. Наиболье ръзвыя подпрыгивали по временамъ всъми четырьмя ногами вдругъ и какъ то особенно дергались впередъ, стараясь перервать свару *). Другія, разстилаясь по вемль, съ визгливымъ плачемъ вытягивали впередъ лапы, и пъпко хватались за каждый бугорокъ, чтобы ускорить движеніе надоъдливой нарты, тяжело волочившейся сзади.

Васька, кубаремъ скатившись съ косогора, ворвался въ потягъ и, схватившись объими руками за ремень, тоже распластался по снъту, волочась среди бъгущихъ собакъ, какъ мъвшокъ съ руклядью.

— То-ой, тоо-ой, то-о-ой! **)—выкрикиваль онъ протяжно, стараясь успоконть упряжку. Эттыгинь и другой чукча въ старой кукашкъ и потертыхъ камусныхъ ***) шароварахъ, съ криками бъжали на встръчу. Двъ дъвки, выколачивавшія пологь, сбежали съ косогора и побежали вследъ нями, издавая ръзкіе гортанные крики, похожіе на панье бича: хокъ! хокъ! хокъ! и стараясь спугнуть ихъ съ дороги, чтобъ прогнать наверхъ въ безопасную лесную чащу. Но обезумъвше олени бъжали все прямо, путаясь и сбиваясь, какъ прежде. Ихъ длинныя ноги дълали удивительные прыжки въ воздухъ, унося ихъ отъ преслъдователей. Собаки, видя, что лобыча готова ускользнуть, взвыли съ отчаннія, еще наддали, напрягая последнія силы, очень удачно обогнули чукочь, бежавшихъ навстръчу, но въ ръшительную минуту невольно посторонившихся, и, словно невзначай, налетели на какого то горемычнаго печвака, который въ сотый разъ сбился съ колем въ глубокій снівгь. Одень тотчась же быль сбить съ ногь и со всёхъ сторонъ опутанъ потягомъ, нарта остановилась, люди и собаки сившались въ одну безпорядочную кучу. Внезапное появленіе этой свиріной упряжной своры, олени, безпорядочно разсыпавшіеся по дорогі и по прибрежнымъ косогорамъ, группа косматыхъ хищниковъ, копошившихся надъ добычей, и людей, старавшихся отнять добычу у собакъ, все это вивств походило скорве на сцену изъ фееріи, чвиъ на двиствительность.

• Когда я подбъжалъ, люди успъли, наконецъ, одержать верхъ. Васька и другой маленькій человъчекъ, одинъ изъ тъхъ, которые волочились за дугой нарты, отводили въ сторону потягъ, чтобы подняться наверхъ по тропинкъ, по которой мы только что спустились. Заъденный олень, лежалъ на землъ, подергиваясь въ послъднихъ судорогахъ. Эттыгинъ быстро и сердито

^{*)} Свара-крвикій ремешокъ, прикрвиляющійся къ потягу.

^{**)} Crost!

^{***)} Камусъ-шкура съ оденьихъ ногъ.

лопоталь по чукотски, проклиная русскую взду и требуя платы за убитое животное.

Васька посмотръль на него недоброжелательнымъ взглядомъ.

— Опять мечтоваться сталь! — сказаль онь по русски.— Это какой олень? Худенькій печвакь разв'в олень!—И разв'я ты не хочешь ни разу накормить моихь собакь?

Другая фигура изъ волочившихся за нартой, облеченная въ длинный балахонъ изъ черной дабы, достигавшій до пять и надатый поверхъ вытертой парки *), копалась теперь въ грядкъ **) нарты, что то отыскивая. Эттыгинъ хотёлъ возразить Васькъ, но голосъ его пресъкся. Въ рукахъ этой фигуры онъ увидълъ круглую жестяную посудину съ узкимъ горлышкомъ, похожую на тъ, въ которыхъ держатъ керосинъ, которую она немного приподняла и снова сунула внутрь, тщательно завернувъ ее въ старую ровдужную комлейку.

- Водочка! осклабился Эттыгинъ. Водочку привезли! Люблю водочку! продолжалъ онъ, зажмуривая свои красные глазки, воспаленные отъ нестерпимаго снъжнаго блеска, узкіл щелки которыхъ совствиъ заплыли гноемъ. Васька, это твоя водка! Поднеси!
- Какъ-да, поднесу! А печвака собакамъскормлю сегодня, а?—заискивающе говорилъ Васька.—Ты, вёдь, мой другь, а?
- Возьми!—сказаль Эттыгинъ равнодушно, тыкая ногой упавшаго оденя.—Развъ мнъ жалко?

Глаза его были прикованы въ градев нарты.

- Анюша, налей чашку!—сказадь Васька, подходя къ нартв. Фигура въ длинномъ балахонъ, оказавшаяся его женой, достала изъ старой нерпичьей сумы бълую чайную чашку, осторожно освободила жестяное горлышко изъ-подъ комлейки, налила изъ него драгодънную влагу и тотчасъ же заткнула его деревянной пробкой. Эттыганъ выпиль ее, какъ воду.
- Еще, еще! схватился онъ объими руками за драгоцънную жестянку. Налей еще одну!

Анюща бросила на него зверскій взглядъ и, снова ототкнувъ пробку, неохотно налила еще полчашки.

— Мишка, повзжай наверхъ! — сказала она своему спутнику, положивъ посудину на прежнее мъсто. — Да собакъ покръпче привяжите! А то сорвутся, бъда въдь! Они всъхъ оленей передушать!

Мишка, молодой мальчикъ съ бълокурыми волосами, съ

100

^{*)} Парка—динный мёковой балахонъ съ капюшономъ, надёваемый большей паметь повору пругой мёковой оложия.

большей частью поверхъ другой м'яховой одежды.

**) Грядка—задокъ собачьей нарты, оплетенный низенькой оградой мул.

тонкаго ремня, натанутаго поперекъ перекладинъ.

— Таймъ, таймъ! Тахъ, тахъ, тахъ! — разданся ръзкій окрикъ собачьой команды. Собаки пользли на косогоръ, направляясь къ стойбищу. Васька и Анюша пошли сзади.

— Почего прівхала?—спрашиваль Васька довольно суровымь голосомь. Они не поздоровались съ женой во время ея

прівзда, и теперь оба позабыли объ этомъ.

— Ъды не стало, такъ прівхала! — угрюмо сказала баба. У насъ на Походской вискъ сей годъ чистая бъда! Наказаніе божеское! Ни у людей, ни у собакъ! Всъ нарты упали! Про васъ услышала, сюда прівхала. Можетъ ты мнё хоть два оленчика убъешь!

— Я чвиъ убью?—также угрюмо сказаль Васька.—Чай,

табакъ нъту! Можетъ ты привезла!

— Мы сами давно не пьемъ! — возразила баба. — Когды себъ четверть выпросила у Омчата. Съ тъмъ и жила до сегодня. А табаку отъ роду!... Всъ кисеты выкрошили, да выкурили!.. Братанъ прівхалъ изъ Средняго, четыре бутылки далъ, то привезла.

Мы поднялись на гору. Мишка уже быль на стойби-щъ и, отвязавъ потягъ отъ барана *) нарты, привязывалъ его прямо къ одному изъ деревьевъ, стоявшихъ вблизи. Собаки, почувствовавъ себя на привязи, спокойно улеглись на снъту, свернувшись клубочкомъ. По ихъ теперешнему виду можно было заключить, что это самыя смирныя животныя на свътъ. Чукчанки, въ виду пріззда гостей, посцъщно снимали съ шестовъ сушившійся пологь, наміреваясь поставить его въ шатрѣ на обычное мъсто, тъмъ болье, что солнце близилось къ закату. Оттва накладывала куски мерзлаго мяса въ огромный котель, намеревансь варить еду. Другая жена Эттыгина, молодая высокая чукчанка съ медно-краснымъ загорелымъ лицомъ, съ двумя тонкими синими линіями татупровки, выгравированными иглой и спускавшимися отъ вершины яба вдоль щекъ до самого подбородка, съ рубащечными пуговками въ ушахъ вмёсто серегь, съ тонкой ниткой мелкаго цвётного бисера на полуобнаженной шев, сидвла на корточкахъ и толкла мерялое мясо большимъ каменнымъ молотомъ, настоящимъ орудіемъ каменнаго въка, приготовляя любимое кушанье чукочь нэкійтахэнь (мералое мясо, раздробленное на мелкія крошки).

Пологь, натанутый на кольяхъ, уже принялъ обычную форму четвероугольнаго короба, опрокинутаго вверхъ дномъ. Бабы, ползая внутри, устилали вемлю двойнымъ рядомъ мохнатыхъ

^{*)} Баранъ-передняя дуга, къ которой привязывается потагъ. № 3 оджът I

постелей, тщательно запихивая подъ нихъ нижніе края полъ. У самого входа онъ положили два длинные и плоскіе мъшка, набитые рухлядью, составившіе низкій барьеръ вродъ порога, который долженъ былъ служить изголовьемъ для спящихъ (чукчи ложатся въ пологъ головою къ выходу). Передняя пола была подобрана кверху, подвязана тонкими ремешками и неуклюжими складками спускалась внизъ вокругъ отверстія, назначеннаго для входа. Оттва положила на большую желъзную сковороду цълую груду топленаго жира, лежавшаго широкими, тонкими пластами въ деревянномъ корытъ, и зажгла толстую свътильню изъ размельченной гнилушки; лейка загоръзась яркимъ и чистымъ пламенемъ, не дававшимъ копоти и напоминавшимъ иламя стеариновой свъчи. Баба внесла ее въ пологъ и поставила на широкую деревянную поддставу, на самомъ видномъ мъстъ, у задней стъны, какъ разъ противъ входа.

— Войдите! — позвала она насъ, окончивъ всё приготовленія. Русскіе гости, иззябшіе на морозі, который усиливался по мітрі приближенія вечера, торопливо полівли въ полоть. Баба отвизала входную полу и опустила ее внизъ, наглухо закрывая тісное поміщеніе. Пологь наполнился більми клубами отъ дыханія, потемнившими даже світлое пламя лейки, и сталь быстро согріваться. Я понемногу сталь снимать лишнюю одежду, стянуль съ себя верхнюю кукашку, положиль въ сторону ошейникь изъ песцовыхъ хвостовъ, рукавицы изъ лисьихъ лапъ, подбитыхъ недопескомъ (молодой песецъ) и т. д.

Со двора пролѣзали все новые и новые гости, наполная всѣ углы тѣснаго помѣщенія. Входившіе чинно садились, поджимая ноги и стараясь занимать какъ можно меньше мѣста. Я, какъ почетный гость, сидѣлъ у лейки, какъ разъ противъ Эттыгина, который моргалъ своими красными глазками, мнѣ на встрѣчу, стараясь не смотрѣть на пламя, сіявшее передъ самымъ носомъ. Русскіе гости усѣлись подлѣ меня, а чукчи подлѣ Эттыгина. Мы составляли двѣ группы, разбитыя по народностямъ и, нѣкоторымъ образомъ, противупоставленныя другъ другу.

Началось часпитіе, составляющее у всёхъ здёшнихъ народовъ родъ предисловія къ ёдё и дёйствительно необходимое для того, чтобы согрёться послё продолжительнаго пребыванія на сорока градусномъ морозё. Оттва достала изъ маленькаго деревяннаго ящика нёсколько разнокалиберныхъ чашекъ съ отбитыми краями, тщательно завернутыхъ въ невообразимо грязную тряпку, нёчто вродё старой бумажной шали, истертой до дыръ. Разставивъ посуду на большой чугунной жаровнё, служившей вмёсто стола, она налила изъ небольшаго неказистаго чайника съ полуотломленнымъ носкомъ горячую черную жидвость, потомъ прибавила кипятку. Посуда Эттыгина не отлича-

лась многочисленностью. Кому не хватило чашекъ, тв пили изъ жельзныхъ тарелокъ, изъ ковша, изъ сковороды, даже изъ старой пороховой жестянки со среваннымъ верхомъ. Чукчи и русскіе жадно глотали горячую воду, стараясь наполнить драгопенной теплотой все поры своего тела. На дворе готовились все новые и новые запасы кипятку. Чай, вначаль очень крыпкій, черный, какъ пиво, сталь свётлёть и скоро обратился въ чуть окрашенную водицу. Клубы горячаго пара, поднимавшеся надъ чайникомъ, наполнили пологъ густымъ бълымъ туманомъ. Въ пологъ стало тепло, потомъ жарко, потомъ наступила температура арестантской бани или тропическаго болота, наполненнаго міазмами. Распаривавшіеся чукчи снимали безъ церемоніи свои двойныя міховыя рубашки, обнажая крівцкіе неуклюжіе торсы, по обыкновенію покрытые толстыми пластами грязи. Бабы и дъвки вползали и выползали изъ полога, услуживая мужчинамъ, принимали самыя невероятныя позы, вытягивались во весь рость по земль снаружи, всовывали голову и правую руку въ пологъ, чтобы поспешно выпить чашку, и снова исчезали въ наружномъ мракв. Оттва, разливавшая чай въ пологу, разогрълась пуще мужчинъ и, передернувъ плечами, спустила съ правой стороны свой отренанный кэркэръ, обнаживъ шею, черную, какъ голенище, и грязную грудь.

Васька съ безобразнымъ лицомъ, изъвденнымъ осной, съ вытекшимъ лѣвымъ глазомъ и плѣшивымъ затылкомъ, странно противорѣчившимъ его ухваткамъ женскаго любезника и удальца, сидѣлъ подлѣ меня. На плечахъ его красовалась ветхая красная рубаха, надѣтая еще осенью и уже достигавшая той роковой минуты, когда она должна была окончательно распасться на куски и располятись въ стороны.

Жена его, съ широкимъ лицомъ и выдающимися скулами обычнаго на Колым' русско-юкагирскаго типа, съ маленькими черными глазами, лишенными бровей, съ широкимъ ртомъ и тонкими, почти совствиъ бевкровными губами, съ жидкой, но грубой косичкой, какъ будто сплетенной изъ конскаго волоса, была облечена въ сърую юбку и какую-то затрапезную кофту, украшенную двумя огромными бёлыми фарфоровыми пуговицами, похожими на игрушечныя колеса. Такихъ пуговицъ я никогда не видъль въ Россіи. Онъ дълаются неизвъстно гдь, должно быть нарочно для Колымы, которая укращаеть ими даже мужскія куртки и пиджаки, сшитые по модному образцу. Одежда Анюши была праздничнымъ нарядомъ, далеко превосходившимъ обычный балахонъ изъ синей дабы, облекающій плочи русской поръчанки. Мишка помъстился у самого входа и поминутно высовываль голову на свёжій воздухъ. Онъ быль слабъ головой и чувствоваль себя нехорошо въ угарной атмосферъ полога.

Люди на противуположной стороне сидели гораздо теснее насъ. Эттыгинъ, притиснутый къ задней ствикв, чтобъ не ударить въ грязь предъ русскими гостами, надёль на свое обнаженное твло, за неимвніемъ рубашки, черный вицмундирь, купленный имъ за дорогую цёну у какого-то чиновника, въ гор. Среднеколымскъ, невообразимо ветхій и рваный, но украшенный новыми желтыми пуговицами съ государственнымъ орломъ, Правительство не хотело пожаловать Эттыгина параднымъ кафтаномъ, и онъ самъ пожаловалъ себя имъ, въ виде этого випмундира. Старая тетка Эттыгина, Отаутъ, поблекшая и изсохшая, съ морщинистымъ лицомъ, на которомъ чуть виднались двв синія черты, нататуированныя леть 40 тому назадь, сидъла рядомъ, обхвативъ трясущимися руками чашку и поджавъ ноги, обутыя въ толствишіе торбаса, съ оттопыренными шетками *). Возлъ нея сидъли два тунгуса, Егоръ и Апанай, пришедшіе въ гости изъ тунгусскаго стойбища, расположеннаго на той-же вискъ, на версту повыше, которые всю зиму слъдовали за чукчами, чтобы питаться крохами съ ихъ стола. Эти тунгусы не имъли ровно ничего и безъ чукочъ давно умерлибы съ голоду. Но Апанай не принадлежалъ къ этому стойбищу. Онъ прівхаль нісколько дней тому навадь, съ ріжи Алавеи, гдв у него было несколько десятковъ собственныхъ оленей. Оба они считались самыми сильными шаманами въ ближайшей округь, особенно старый Егорь, видавшій на въку всякіе вида, говорившій по русски и по якутски, бывшій когда-то богачемъ, но давно прошившій все до посл'єдняго оленя. Лицо его было совсемъ другого типа, чемъ у чукочъ, бледное, продолговатое, съ лукавыми глазами, съ длинными волосами, висъвшими кругомъ головы безпорядочными космами. Онъ тоже снялъ кукашку, обнаживъ тъло, тощее, какъ у комара, и, если возможно, еще болье грязное, чъмъ у чукочъ. Апанай (Афонасій) быль гораздо моложе. Глаза его дико горъли. Взоръ то уходиль внутрь, то недвижно останавливался, устремляясь куда-то вверхъ, черезъ головы сидъвшихъ напротивъ людей, какъ будто присматриваясь къ чему-то невидимому для иныхъ взоровъ. Чукчи въ такія минуты боязливо поталкивали другъ друга, испуганно взглядывая по направленію этихъ странныхъ глазъ. Даже Васька, черезъ голову котораго взглядываль дикій шамань, раза два обернулся и внимательно осмотрълъ ствну за своей спиной. Волоса Апаная были заплетены въ двѣ косы, упадавшія по плечамъ; онъ носиль національную тунгусскую одежду и снявъ свой кафтанъ страннаго покроя, узкій на груди, и, украшенный внизу широкими

^{*)} Подошны чукотской зимней обуни дёлаются изъ жесткихъ "щетокъ", облекающихъ подошну оленя, между верхними и нижними копытами.

оттопыренными полами, собранными въ крупныя складки, остался въ одномъ нагрудникѣ, подпиравшемъ шею и переходившемъ внизу въ четыреугольный передникъ, сшитый изъ съраго камуса.

Дальше Апаная сидъли трое молодыхъ парней, пастуховъ Эттыгина, который не любиль лично присматривать за табуномъ. Поближе сидълъ Пуккаль, тоже считавшійся шаманомъ, — маленькій, приземистый, съ темнокоричневымъ лицомъ и гладкоостриженной, почти обритой головой, обрамленной спереди узкой полоской волось и украшенной двумя небольшими клочками, похожими на звъриныя уши. Въ его ушахъ виднались длинныя бисерныя подваски, спускавшіяся до плечь. У Пуккаля было несколько десятковъ собственныхъ оленей, и онъ жиль у Эттыгина скорве въ качествв подсуспожа, чемъ настоящаго работника. Тощій и долгій, Ранаургинь, тоть самый, который недавно хотёль остановить собакъ вмёстё съ Эттыгиномъ, сидёлъ рядомъ, выставивъ костлявыя кольни, съ продранными меховыми заплатами. Это было признакомъ крайней нищеты, ибо даже самые бідные изъ чукочъ не носять зимою потертой или изорванной одежды: шкуръ на тундрв много, и онъ ничего не стоять. Но жена Ранаургина была подъ стать ему, хворая, безсильная, почти глухая, сильно хромавшая на одну ногу, совстви задавленная тяжелой долей чукотской женщины. Мужъ ея въчно ходиль въ старой изорванной одеждъ, ибо она никогда не могла во время приготовить ему новую, пологь ея протерся до дырь, собственный кэркэръ давно потерялъ всю шерсть и лоснился отъ сала. Самъ Ранаургинъ былъ бъднъе всякаго тунгуса: унего не было даже собственной пары пряговыхъ оленей, а между темъ старый Рукквать, его отець, владель трехтысячнымъ табуномъ. Но Рукквата унесла «долгозубая старуха», прокочевавшая по тундрв на красных оленях десять льть тому назадъ (по просту говоря, оспа), и Ранаургинъ остался послъ него маленькимъ десятилътнимъ мальчикомъ. Плохо охраняемый табунь растаяль, какь комь снёга подь майскимь солнцемъ, и теперь сынъ Рукквата долженъ былъ изъ милости сторожить чужія стада, питаясь худомозілыми печваками, которые годились на пищу развъ собакамъ, но всегда выпадали на долю его шатра при очередномъ убов.

У входной ствики сидвль Эуръ, маленькій, корявый, съ совершенно животнымъ выраженіемъ лица, съ большими оттопыренными ушами, какъ у летучей мыши. Полтора года тому
назадъ, Эуръ высваталъ у Эттыгина дочь, обязавшись ему,
какъ нъкогда Яковъ Лавану, сторожить его стада въ теченіе
трехъ лътъ. Но бракъ считался дъйствительнымъ со дня договора, и молодая Тытынна (игла) спала не только съ Эуромъ,

но даже съ его другомъ Пуккалемъ, не имѣвшимъ собственной жены. Это случалось каждый разъ, какъ Эуръ уходилъ ночевать въ табунъ, т. е. по меньшей мѣрѣ пять разъ въ недѣлю, ибо Эура, выкупавшаго себѣ жену, нечего было щадить. Узы дружбы, соединявшей его съ Пуккалемъ, превратились, благодаря этой оригинальной формѣ брака, въ узы родства, дававшаго даже право наслѣдства послѣ нәутумгина (смѣннаго товарища по женѣ).

Лица чукочь не отличались рёзкостью признаковъ монгольской расы: глаза были прореваны прямо, носы имели довольно почтенный размёръ, но ихъ никакъ нельзя было назвать красавцами. Черты ихъ были грубы, словно вытесаны топоромъ, лица имели широкую лунообразную форму. Узкій, покатый лобъ уходиль назадъ, переходя въ квадратный, словно приплюснутый черепъ, маленькіе глазки не имели никакого выраженія, широкіе рты часто разгрызающія твердыя оленьи кости. Что то неуклюжее, несимметричное было въ каждой голове и въ каждой фигуре. Беглому взгляду казалось, что и руки, и ноги, и голова каждаго изъ нихъ прикреплены какъ то не у мёста, или что у нихъ обё руки только лёвыя и обё ноги тоже лёвыя, и все тёло состоить изъ двухъ лёвыхъ половинъ, не совсёмъ удачно пригнанныхъ другь къ другу.

Чаепитіе прододжалось добрыхъ полтора часа. Когда, наконецъ, нъсколько огромныхъ чайниковъ кипятку были опорожнены, Оттва допила всв остатки изъ разнообразныхъ сосудовъ, тщательно облизала чашки, собирая языкомъ всв крошки спитаго чая, завернула вытертую посуду въ ту же тряпку и бережно сунула ее въ ящикъ. Женская рука, просунувшись изъ подъ полы полога, протолкнула на середину огромную сковороду, на которой лежала цёлая гора толченаго мерзлаго мяса. О ложкахъ не было и помину, гости тли руками, погружая ихъ въ порошкообразную массу и каждый разъ тщательно облизывая полурастаявшія крошки, приставшія къ концамъ пальцевъ. Между темъ бабы на дворъ, притащивъ изъ подъ горы печвака, назначеннаго на кормъ собакамъ, достали изъ него внутренности, намъреваясь приготовить ихъ для параднаго угощенія. Когда мерзлое мясо было събдено, со двора стали следовать одинъ за другимъ всевозможные виды hors d'oeuvre'овъ, быстро приготовленныхъ по всемъ правиламъ чукотского кулинарного искусства. были и головной мозгъ, который Оттва разорвала на мелкіе кусочки своими черными, какъ сама грязь, руками и положила на тарелку, оленьи глаза, видъ которыхъ внушаль содроганіе, большіе, круглые, сь кровавыми бълками и мелкими обрывками связокъ; почки и печень, наръванные ломтиками, носовые хрящи, мелко изрубленные ножомъ. Самое видное мъсто занимали свъжеободранныя ноги, которыя болье почетные гости разобрали по рукамъ и, вооружившись огромными ножами, стали отдирать и разгрызать жесткія связки съ искусствомъ и остервенъніемъ, которыя сдълали бы честь любой собакъ. Обглодавъ жилы, объдающіе стали разбивать спинкой тяжелаго ножа костяныя трубки для того, чтобы извлечь комель (костный мозгь), составляющій наиболье драгоцьное лакомство чукотскаго мэню. Разбивъ кость, они обязательно передавали ее хозяйкъ, которая вынимала круглую полоску мозга и, разорвавъ на кусочки прежнимъ порядкомъ, раздавала присутствующимъ.

Сама Оттва во всёхъ этихъ лакомыхъ блюдахъ не принимала никакого участія и ограничивалась тёмъ, что каждый разъ тщательно собирала крошки, остававшіяся отъ мужчинъ, и запихивала ихъ въ ротъ. Только старая Отаутъ, истинная владѣтельница большей части оленьяго стада, пасшагося вокругъ стойбища, сидѣвшая рядомъ съ Эттыгиномъ на почетномъ мѣстѣ, имъла право ъсть вмѣстѣ съ мужчинами.

Послѣ закусокъ послѣдовала серьезная трапеза. Цѣлая гора полусваренныхъ кусковъ мяса, наваленныхъ грудою на ту же сковороду, явилась среди полога. Баба срѣзывала куски мякоти, немилосердно тиская и комкая мясо своими липкими руками, и крошила ее на кусочки, чтобы мужчинамъ было удобнѣе ѣсть. На долю женщинамъ оставались кости и объѣдки. Вмѣстѣ съ мясомъ женское населене проникло въ пологъ и, разобравъ кости, принялось глодать ихъ, выковыривая ножомъ малѣйшіе остатки изъ самыхъ сокровенныхъ закоулковъ позвонка или тазоваго вертлуга. Гора мяса на сковородѣ дважды исчезала и дважды появлялась вновь, пополняясь изъ невидимаго запаса такой же таинственой рукой, просовывавшейся въ пологъ снаружи. Очевидно, на дворѣ еще оставались бабы, которымъ не было мѣста въ пологъ.

Чукчи вли съ торопливымъ остервенвніемъ, съ какими то отвратительными всклебываніями послв каждаго куска, яростно разгрызая зубами кости. Бабы разбивали спинкой ножа костныя трубки, чтобы извлечь оттуда мозгъ, который отдавали мужчинамъ, обсасывая только жиръ, текшій по пальцамъ.

— Отчего мало варили?—проворчаль Эттыгинь, снимая со сковороды послёдній кусокь.—Принесите коть крови!

Черезъ минуту таинственная рука, принявъ опуствишую сковороду, протолкнула ее обратно въ пологъ, наполненную оригинальнымъ кушаньемъ изъ опаленныхъ губъ и копытъ, мелко накрошенныхъ и облитыхъ свъжей кровью недавно убитаго оленя. Пастухи и бабы, которые чувствовали еще голодъ, дружно накинулись на вновь принесенное блюдо и скоро вы-

пачкались въ немъ до ушей, напоминая общество пирующихъ мюдобдовъ, только что опустошившихъ жилы закланной жертвы.

Эттыгинъ вяв неохотно. Мысли его были чвиъ-то поглощены.

— Гдв Васька? — спросиль онь вдругь.

Я уже несколько минуть чувствоваль, что мне стало свободнее сидеть, и теперь поняль, что это произошло отъ удаленія Каурова, который очень ловко выскользнуль изъ полога.

Анюша скорчила недовольную гримасу.

— Где будеть? Оннако у нарты стоить, съ фляжкой целуется!-проговорила она по русски. Эттыгинъ, почти ничего непонимавшій по русски, всетаки утвердительно кивнуль головой. Онъ хорошо зналъ и самъ, куда могъ скрыться Васька. Не говоря ни слова, онъ натянуль свою кукашку на голову и торопливо скользнуль изъ полога. Только былыя пятки его сверкнули передъ глазами. Сосъди не обратили вниманія на его исчезновеніе и прододжали пировать надъ сковородой. Пологь быль наполненъ запахомъ пота, вонью распарившагося человъческаго тъла, испареніями горячей пищи, промозглымъ вловоніемъ оттаявшихъ оленьихъ шкуръ и еще Богъ знаетъ, какими запахами. Короткіе сёрые волосы оленьей шерсти носились повсюду, являясь необходимой приправой къ каждому блюду, прилипая къ потному тълу, залъзая въ уши и въ носъ. Дышать было нечемъ. Мишка высунуль голову изъ полога наружу и такъ и останся въ этомъ положении, не ръшаясь вернуться обратно. Я кое какъ прополвъ къ выходу и, приподнявъ край шкуры, тоже высунулся на улицу, обдаваемый ледянымъ дыханіемъ сорока градуснаго мороза. Но моя голова была крыче Мишкиной, и я разсудиль вернуться къ покинутымъ мною сосъдямъ, тъмъ болье, что наши вытянутыя рядомъ тъла сильно стесняли Анюшу, сидъвшую въ промежуткъ. Отсутствіе Эттыгина продолжалось недолго. Но когда онъ вернулся, въ его лицъ и манерахъ была замътна явственная перемвна. Забравшись въ пологь, онъ вместо того, чтобы сесть, выпрямился во весь свой, впрочемъ, очень маленькій рость, подпирая головой невысокую крышу.

Одна нога его попала въ самую середину сковороды и скользнула по размазанной крови, упираясь носкомъ въ желъзные края. Ранаургинъ посмотрълъ съ упрекомъ вверхъ, но сказать ничего не ръшился, только принялся усиленно выгребать пальцами остатки крови изъ подъ жесткой щетинистой подошвы сапога. Но Эттыгину было мало того, что онъ самъ стоялъ на сковородъ.—«Встаньте!»—сказалъ онъ повелительно. Не долго думая, онъ опустилъ внизъ руки и, поймавъ за волосы двухъ ближайшихъ сосъдей, потянулъ ихъ кверху. Остальные не заставили себя просить и встали сами. Ранаургинъ въ

последний разъ провель ладонью по сковороде и, забравъ сколько могъ крови, всталъ на ноги и принялся тщательно облизы вать свою руку. Я равнодушно смотрелъ на группу, стоявшую передо мной въ самыхъ нелепыхъ позахъ, подъ низенькой крышкой полога. Каждый разъ, когда Эттыгинъ напивался, онъ проделывалъ передо мной ту-же самую сцену.

— Великій начальникъ!— сказалъ Эттыгинъ. — Открой намъ свое ухо! Мы всѣ стоимъ передъ тобой, и у насъ во рту одинъ языкъ! Мы хотимъ просить великою просьбою на русскихъ гостей, которые пріѣзжають къ намъ за торгомъ! Ты напиши наше слово на большую бумагу и пошли ее Tipn — Эрэму*), чтобы онъ узналъ объ обидѣ своихъ людей. Сердитая вода— худая вода, и люди на тундрѣ всѣ обѣднѣли отъ нея. На Каменъ мало ѣздятъ русскіе купцы, и всѣ люди тамъ богаты оленями, а мой народъ сталъ бѣденъ... Зачѣмъ купцы возять водку? Глаза увидятъ, душа захочетъ, тогда нэмнэмъ **) отдастъ все!

Онъ долго говорилъ на эту тему, кланяясь и заставляя кланяться другихъ, которые, впрочемъ, и безъ того стояли, сильно наклонившись впередъ.

Я безстрастно слушаль рачи Эттыгина, не считая даже за нужное повторять мое прежнее увереніе, что я вовсе не великій начальникь и не уполномочень принимать такія жалобы. Я ожидаль, когда онь закончить свою речь последней заключительной просьбой, а именно попросить, чтобы я угостиль его хоть получашкой водки, ибо умъ «великаго начальника» хорошо знаеть, гдъ ее можно найти, и сердце его можеть потребовать ее, напримёрь, оть казака, который не смветь противиться начальству, такъ какъ онъ казакъ и получаеть паекъ и т. д. Но услышать обычное заключение пьяныхъ жалобъ чукотскаго старосты инъ не пришлось на этоть разъ. На дворъ раздался оглушительный вой дюжины собачьихъ глотокъ Мишкиной упряжки, которому вторили разсвянные голоса чукотскихъ собакъ, привязанныхъ тамъ и сямъ у опрокинутыхъ саней. Парни, сунувъ головы въ кукашки, проворно нырнули изъ полога. На стойбище всегда можно опасаться нападенія волковъ на оленье стадо, и пастухамъ приходится вёчно быть насторожё.

Но на этотъ разъ переполохъ произошель не отъ волковъ. Ку-ухъ! ку-ухъ! — послышалось протяжное *гарканъе* ***), сопро-

^{*)} Тірк-Эрэм-Солнечный Внадыка, т. с. Государь.

^{**)} Нэмнэмъ-житель. Этимъ именемъ чукчи часто обозначаютъ самихъ

^{***)} Собаками управляють посредствомъ особыхь разнообразныхъ окривовъ, совокупность которыхъ называется гарканьемъ.

вождаемое мягкимъ шуршаніемъ навойданных *) половьевъ по снъгу. Черезъ минуту Пуккаль подбъжалъ къ пологу, наскоро просунулъ голову внутрь и, радостно сообщивъ: «Хечька пріъхалъ, водку привезъ!»—такъ же быстро исчезъ вновь. Черезъ нъсколько минутъ въ пологъ проползъ новый гость, высокій, плотный человъкъ среднихъ лътъ, съ лицомъ тоже крайне обезображеннымъ оспой, повредившей, какъ и у Васьки, лъвый глазъ. То былъ Оедоръ Ошеловъ, извъстный на тундръ подъ именемъ Хечьки (Оедька), одинъ изъ мелкихъ скупщиковъ внпоротка, песца и прочей чукотской пушнины. Оедька былъ мастеръ на всъ руки: и промышленникъ, и собачій каюръ, и даже борецъ, съ молоду очень любившій участвовать въ состязаніяхъ, до которыхъ и чукчи, и тунгусы большіе охотники. Среди неуклюжихъ чукочъ и тощихъ тунгусовъ его статная фигура производила пріятное впечатльніе, почти выкупавшее безобразіе рябого лица.

Даже среди нижнеколымскихъ порвчанъ Өедоръ выдавался пристрастіемъ къ карточной игрѣ, за которой проводилъ дни и ночи полярной зимы, когда порвчанину и дѣлать то больше нечего. Онъ считался великимъ покусникомъ «козла» и собиралъ въ теченіи зимы посильную дань со всѣхъ своихъ партнеровъ, разныхъ казаковъ и мѣщанъ, живущихъ въ крѣпости по сосѣднимъ заимкамъ. Но весной, во время пріѣзда на анюйскую ярмарку купцовъ и властей изъ Среднеколымска, онъ каждый разъ отдавалъ всю эту дань «столичнымъ» игрокамъ, съ значительной приплатой изъ собственнаго кармана. Въсвободное отъ картъ время Өедоръ занимался мелкой торговлей на тундрѣ, кредитуясь для этого у среднеколымскихъ купцовъ на нѣсколько сотъ рублей.

Не смотря на выгодность этой торговли, имъвшей впрочемъ очень незначительные размъры, барышей съ нея не хватало даже для пополненія карточныхъ дефицитовъ, и бедоръ сводиль концы съ концами только благодаря торговит водкой, въ которой онъ спеціализировался и которая въ нижнеколымскомъ округт даетъ барыши по истинт громадные. Въ Нижнеколымскомъ собственно говоря, продажа спиртныхъ напитковъ воспрещена, но бедоръ ежегодно выписывалъ двт или три фляги**) спирту «для собственнаго потребленія», разсыропливалъ ихъ содержимое водой и на каждой бутылкт наживалъ 300 или 400 процентовъ барыша.

Оедоръ пролъвъ на почетное мъсто и сълъ рядомъ съ Эттыгиномъ, оттъснивъ старую тетку. Въ пологъ набилось народу

^{*)} Половья собачьей нарты обмывають водой на моров'я (войдають предоставляя имъ покрываться тонкимъ слоемъ плотно приставшаго льда. чтобы уменьшить треніе при вед'я.

**) Плоскій деревянный сосудъ, вм'ящающій 3 ведра.

больше прежняго. Пуккаль и Ранаургинъ тоже вернулись всладъ за Оедькой, только Эура не было: онъ ушелъ, по обыкновенію, «въ ночное».

Собаки, завывавшія на дворѣ, очевидно, обрадовались поводу дать одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ концертовъ, о которыхъ не слышавшій не имѣетъ никакого понятія. Оедькины собаки тоже присоединились къ дикому хору. Три десятка визгливыхъ глотокъ, надрываясь отъ усердія, издавали ужасающіе звуки, способные потрясти небо и землю. Старые псы лаяли отрывистымъ хриплымъ басомъ. Молодые щенки выводили тончайшимъ фальцетомъ унылыя, безконечно долгія рулады, надрывавшія душу и улетавшія въ недосягаемую высоту. То былъ чудовищный гимнъ дѣтей мрака, воспѣвавшихъ свое иго и морозныя узы. Я готовъ былъ заткнуть уши и забиться головою подъ шкуры, чтобы не слышать его...

- Здравствуй, другъ! сказалъ Оедоръ, совершивъ церемонію привътственнаго прикладыванія щекъ кресть на кресть, вамъняющую поцълуй на тундръ. — Тебя давно не видалъ, соскучился, повидать прівхалъ! — говорилъ онъ льстивымъ голосомъ, изображая сладкую улыбку на своемъ хитромъ лицъ.
- A гостинца привевъ? спросилъ Эттыгинъ, который, повидимому, не могъ думать ни о чемъ другомъ, кромъ водки.
- Другу да не привезу?—отвътилъ Оедоръ и, вытащивъ изъ за пазухи зеленую бутылку, передалъ ее Эттыгину.

Бутылка была весьма коварнаго свойства. По виду она совствить походила на *шампанку*, но была меньше ея объемомъ, съ короткимъ горлышкомъ и огромнымъ выемомъ на днт, вначительно уменьшавшимъ ея вмёстимость.

Но подслеповатые глазки Эттыгина сразу оценили коварство бутылки.

- Зачёмъ маленькую бутылку привезъ?—зарычаль онъ, схвативъ, однако, подарокъ и прижимая его къ груди обёмми руками.—Зачёмъ не привезъ большую?.
- А ты мой тятя!—смиренно возразвиль Өедоръ.—Я передъ тобой все равно собака! Сказаль: большую, въ другой разъ привезу большую. Теперь иной посуды дома не случилось!

Эттыгинъ налиль чашку и выпиль ее залпомъ.

- Посмотримъ! сказалъ онъ, какая водка! И, намочивъ палецъ прямо изъ бутылки, поднесъ его къ огню. Голубоватое пламя вспыхнуло около пальца.
- Не жжетъ!—сказалъ Эттыгинъ.—Вотъ я изъ Средняго взялъ флягу да пробовалъ, такъ палецъ горитъ виъстъ. Вотъ водка!
- Видишь, какъ бредить!—сказалъ Васька. Это надъ подаркомъ такъ согнущается! Сказано, нехристь!

Өедоръ только покачаль головой и не отвётиль ни слова. Началась попойка. Эттыгинъ пиль съ собачьей жадностью, но считаль за нужное угощать также почетныхъ гостей, хотя, подъ предлогомъ большого почета, поиль ихъ не изъ чашки, а изъ мёдной чарки, которую велёль бабё достать изъ посуднаго ящика. Я рёшительно отказался отъ вонючей сивухи, способной возбудить рвоту, при первомъ глоткѣ. Васька тоже долго отнёкивался, потомъ выпиль. Выпили и Өедоръ, и Егоръ, и старая Отауть. Эттыгинъ началь пьянёть, и буйство его дикой природы проснулось и вырывалось наружу. Ему хотёлось задирать всёхъ и каждаго. Но на первый разъ онъ счелъ за лучшее начать съ низшихъ членовъ общества.

— Ранаургинъ, ты худой человъкъ! — заговорилъ Эттыгинъ. — Ты мое мясо ты кудой человъкъ! Огчего ты не въ табунъ? Ты всегда хочешь сидъть въ пологу! Каждую ночь спать съ бабой! Съ бабой спать станешь, какой пастухъ будешь?..

Ранаургинъ не отвъчаль ни слова.

— Ты воръ! — прододжалъ Эттыгинъ, повысивъ діапазонъ обвиненій. — Ты у меня укралъ десять оленей и отдалъ ихъ Ванчеру. Ты тунгусовъ къ моимъ оленямъ прикармливаешь!.. Твое сердце не любитъ оленей. Ты слишкомъ любишь спать! Дома съ бабой спишь, въ табунъ придешь, спишь!.. Худой человъкъ! Лѣнивыя ноги, незрячіе глаза, тяжелая поясница!

Руккватовъ сынъ молчалъ и, кажется, плохо слушалъ слова ковяина. Все время онъ, не отрываясь, смотрёлъ жадными глазами на зеленую бутылку, которая быстро пустёла и изъ которой ему не досталось ни капли.

— А ты, Пуккаль, вздиль на Анюй? — продолжаль Эттыгинь, обращая свое нападеніе на новое лицо. — Зачёмъ даромъ оленей гоняль? Зачёмъ ничего не привезъ оттуда? Ни бёличьяго хвоста, ни лисьей лапы! Два мёсяца даромъ провель! Худой человёкъ! Пустой человёкъ! выпотрошенный желудокъ!

Пуккаль низко опустиль голову и тряхнуль своими длинными подвёсками. Но Эттыгинь умилостивился и налиль ему чарку. Онъ опрокинуль ее въ роть и хотёль уже проглотить бя содержимое, какъ вдругь его остановила рука Ранаургина, безмолвно требовавшаго своей доли.

Пуккаль безпрекословно выпустиль изо рта часть водки обратно въ чарку и подаль ее Ранаургину.

— Васька!—закричаль Эттыгинь, чувствовавшій все большую и большую злобу.—Давай водки! Ты много дней мою ёду ёшь! Пой меня водкой! Не то убирайся вмёсть со своей бабой, на свою голодную землю!

Васька посмотрель на него злыми глазами.

- Йау, йау! *) сказалъ онъ; однако, не тронулся съ мъста.
- Вы нищіе!—кричаль Эттыгинъ,—вы всё только нашу ѣду ѣдите! Дай водки, Васька! Сейчасъ!! Принеси!!..
- Хорошо! отвътилъ Васька, но взглянулъ на него еще свиръпъе. У русскихъ принято въ разговоръ не противоръчить чукчамъ, что бы они ни говорили. Тъмъ не менъе, не смотря на утвердительные отвъты Васьки, видно было, что еще одинъ окрикъ со стороны Эттыгина—и начнется драка.

— Анюша! — началъ опять Эттыгинъ. — Дай рыбки! хочу всть рыбку! Тащи! У тебя есть! Вотъ сковорода! Сейчасъ при-

неси!.. Кроши!..

Дикій человіть расходился и сознаваль себя властелиномъ.

— Я всёхъ голодныхъ кормлю! Я русаковъ сорокъ лётъ кормилъ, самъ бёденъ сталъ! Кормите меня рыбкой! Больше не дамъ оленины!..

Анюта посмотръла на него еще злъе, чъмъ ея супругъ.

— Я въ цервый разъ вижу этотъ твой домъ! — возразила она сердито. — Зачъмъ ты говоришь понапрасну такъ много словъ? Охъ жалко, я настояще не знаю по чукотски! Я-бы тебя выговорила! — прибавила она уже по русски.

Женщина оказалась бойчве мужчинъ.

— Чтожъ дълать? подхватиль Оедоръ. — Какъ мы, значить, всв имъ подвластны. Потому промышляй, не промышляй, до весны все равно не хватить. А тутъ еще собаки. Безъ оленей наплачешься. Такъ ужъ намъ надо угождать имъ!..

Но Эттыгинъ уже перешелъ къ другому предмету.

— Ламмэръ! **) — обратился ко мий неукротимый старикъ. — Ты все пишешь!... Напиши коммиссару ***), чтобы онъ моихъ триста оленей отдалъ! Уже десять лътъ, какъ я заплатилъ сто оленей, да Эункъу по моему слову далъ сто, да сто отдалъ Аттанъ. Все равно я далъ всё триста! А кафтана все нътъ, да нътъ. Говорятъ, на будущій годъ! А я считаю, что онъ совсъмъ не написалъ Тірк-Эрэму, что чукотскій староста Эттыгинъ отдалъ голоднымъ русскимъ триста оленей... Это все равно, что у меня украли! Не даютъ кафтана, давайте оленей назадъ!.. Ой! будемъ шумъть! — неожиданно крикнулъ онъ. — Будемъ кричать! Сегодня праздникъ! Водка есть! У Хечьки есть! У Васьки есть! Много есть!.. Ламмъръ, давай сухарей и сахару!..

Я насыпаль на тарелку жесткихъ ржаныхъ сухарей, изъ моего скуднаго дорожнаго запаса. Попойка разыгрывалась.

^{*)} Ужо ужо!

^{***)} Чукчи называють исправника, по старой памяти, коммиссаромъ.

Өедоръ принесъ боченокъ, въ которомъ было еще три бутылки, и отдалъ его Эттыгину. Даже Пуккаль успѣлъ напиться и дикимъ голосомъ вопилъ какую-то нелѣпицу, воспѣвая лейку и стѣны полога, боченокъ водки и рюмку, которую держалъ въ рукахъ. Я, молча, наблюдалъ за дѣйствіями всей подпившей компан!и.

- Вася!—сказалъ Өедоръ.—Надо веселить барина! И мы вапоемъ!
- Запоемъ! согласился Васька. Только стару пъсенку! Баринъ стары пъсни любить!

И, откинувъ назадъ голову, онъ затянулъ тончайшимъ фаль-

цетомъ и жалобно наивный мотивъ «Скопиной пъсни».

Скопину да его мати приговаривала:

Ты не взди, Скопинъ, во каменну Москву и т. д.

Странно и печально зазвенѣла пѣсня древней Москвы, полная отраженіемъ чувствъ и впечатлѣній совершенно иного порядка, среди этой грубой обстановки, вылетавшая изъ устъ порѣчанина, почти такого же дикаря, какъ и окружавшіе его чукчи. Какъ будто внезапный лучъ свѣта прорѣзался среди безобразной мглы, въ которой погрязъ и я самъ, и все окружающее меня.

Но Васьки не пришлось допить до конца свою писню.

Общее вниманіе привлекъ на себя тунгусъ Егоръ, который, подвыпивъ, расхвастался своимъ шаманскимъ искусствомъ:

- Я великій шамань! кричаль онь. Истыкайте меня всего ножами! Воть мое брюхо! распорите его ножомы! Мив все нипочемы! Я живой буду! Только на столь положите сто рублей! Воть мое брюхо! Колите ножомы! Я не боюсь! Пропаду, пускай! Ладно!.. По крайней мъръ у моихъ дътей ъда будеть!—закончиль онъ не совсъмъ логично.
 - Выпей водки!—приставаль къ нему Эттыгинъ.
- Мнѣ водки не надо, мнѣ надо ѣду, закричалъ тунгусъ, однако съ жадностью схватилъ чарку и выпилъ что то ужъ въ десятый разъ.

— Какую тебь тру?—завизжаль Эттыгинъ.—Вы, тунгусы, и такъ, какъ собаки, вытаскиваете мясо изъ нашего котла!

Васъ убить надо!

Молодой тунгусъ, державшій въ рукахъ рюмку и собиравшійся ее выпить, різкимъ движеніемъ бросиль ее на сковороду.

- Ты чего кричишь? спросиль онъ тихимъ, но вловъщимъ голосомъ: — Хочешь я тебя съгъмъ?
- Зачёмъ ты льешь водку, мэрекичкинъ тури! *) заревёль Эттыгинъ.
 - Сердце у тебя выну и скормлю собакамъ, возвысилъ

^{*)} Ругательство равносильное русскому: «Будь ты провлять».

голосъ тунгусъ. — Душу твою разорву на четыре части и разбросаю по сторонамъ!

Эттыгинъ разсвиренель.

. — Ты кэля! *)—завопилъ онъ не своимъ голосомъ. — Я тебя заръжу! — И, схвативъ полуаршинный ножъ, лежавшій на шкуръ подль него, онъ бросился на тунгуса.

— Будеть тебѣ, дьяволъ! — сказалъ Өедоръ по-русски и повкимъ движеніемъ выбилъ ножъ изъ его нетвердой руки.— Ты чего, ыкыргаулинъ **) что ли? рѣзать людей задумалъ?— сказалъ онъ Эттыгину.

Эттыгинъ сразу утихъ.

— А зачёмъ онъ водку проливаеть? — бормоталъ онъ. — Здёсь не Якутскъ! Водка дорога!

И, поднявъ сковороду на уровень своего рта, онъ выхлебнулъ изъ нея пролитую водку, смъщанную съ остатками крови и ихлой кучей оленьей шерсти.

- Якутскъ далеко! повториль онъ, улыбаясь, и посмотръль побъдоносно по сторонамъ, какъ будто совершивъ какой то подвигъ. Тебъ какъя ъда нужна? обратился онъ опять къ Егору, что то припомнивъ. А куда ты дълъ семъдесять оленей, которыхъ получилъ отъ моего брата за дъвку? Неужели всъхъ проигралъ въ карты?
- Полио безумное говорить! разсердился Егоръ. И одноге не проиграмъ въ карты! Все на водку ушло и теперь на водку идеты! Полно кричать! Хочешь пить? Воть моя бутника! Пей!

И онъ поставиль на столь бутылку, вынутую изъ-подъ полы, которую успёль пріобрёсти отъ Васьки, какъ послё я узналь, въ обмень за одного изъ десяти пряговыхъ оленей, еще уцёлёвшихъ у него отъ прежняго табуна.

Пирующіе приходили и уходили. Только Ранаургинъ не следоваль за ними и печально сидёль въ опустевшемъ пологу. Васька тоже остался и пододвинулся къ сыну Рукквата.

— Зачёмъ это Эттыгинъ съ тобой такъ худо разговариваетъ?—подзадоривалъ онъ молодого пастуха.—Пьяный худо разговариваетъ... Зачёмъ слу-шаешь, какъ тебё говорятъ худыя слова, будто ты дёвка?..

Ранаургинъ поддакивалъ, но плохо слушалъ слова Васьки. Онъ думалъ о боченкъ, который унесли изъ полога, и соображалъ, сколько тамъ еще осталось и достанется ли на его долю

^{*)} Келя—влой духъ.

**) Ыкыргауленъ—рогатый. Такъ называють чукчи эскимосовъ, жавишаю на островахъ у Берингова пролива, которые имбють обыкновеніе вставлять куски кости по сторонамъ рта въ об'й щеки. Ыкыргаулины пользуются славой свирёныхъ воиновъ, пиратовъ и вообще людей, склонныхъ жъ вровопролитию.

хоть несколько капель. У чукочь считается большой обидой, если при выпивке кому нибудь изъ присутствующихъ не поднесуть ни капли, хотя бы на столько, чтобы замочить усы.

Пьяная компанія вернулась и продолжала попойку. Только

Апаная не было.

- Давайте бороться! кричаль Егорь. Даромъ я тунгусь, а давайте бороться! Я хоть старый человёкь, а постою за себя!
- Э, врешь! Русскіе лучше васъ!—сказаль Өедоръ, блеснувъ единственнымъ глазомъ.—Если станемъ бороться, да мы всю землю вашей спиной вымъряемъ! Воть давайте лучше побъжимъ до Лакеева объ закладъ, кто кого покинетъ! Ставлю десятъ рублей! А станемъ бороться, да мы отъ васъ лоскутьевъ не найдемъ!.. Правда Васька? спросилъ онъ казака.

Будь здёсь какіе нибудь чукчи поудалее, дёло не обощлось бы безъ драки, но, какъ нарочно, Эттыгинъ и его пастухи были люди слишкомъ ничтожные, чтобы состязаться съ Өедькой.

— Ты, Пуккаль, слушай и молчи! — ядовито заговориль Эттыгинъ. — Когда русскіе говорять, ты молчи и. бойся, потому что они лучше тебя. Когда русскіе и тунгусы говорять тебѣ съ обидой, ты молчи и бойся, какъ трусливая дѣвка!

Но Пуккаль дъйствительно молчаль, несмотря на всъ

поддразниванія старика.

— Гдѣ Апанай? — вдругъ спросилъ Эттыгинъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ. — Почему онъ не пьеть съ нами? Пойдемъ искать его!

Вся толпа опять вылѣзла изъ полога. Я послѣдоваль за ними. Апаная мы нашли въ сосѣднемъ пологу, гдѣ онъ сидѣлъ у лейки и угощалъ самъ себя водкой изъ чашки, которую ему удалось купить у казака. Онъ наливалъ изъ чашки нѣсколько капель въ рюмку, ставилъ ее на тарелку, потомъ приглашалъ самъ себя выпить, какъ будто обращаясь къ постороннему лицу, бралъ рюмку, подносилъ ее ко рту съ невнятнымъ бормотаніемъ и дѣлалъ медленный глотокъ. Все это имѣло цѣлью по возможности продолжить наслажденіе напиткомъ, ибо въ чашкѣ оставалось уже очень мало.

Однако, увидъвъ эти манипуляціи, Эттыгинъ замътно струсилъ.— «Не надо худое думать!—заискивающе сказалъ онъ шаману.—Лучше выпей!» И онъ налилъ большой чайный стаканъ и поднесъ его Апанаю.

— И боченокъ тоже твой! Онъ поставиль деревянный боченокъ около шамана на оленью шкуру, предварительно встряхнувъ его, чтобы доказать, что въ немъ есть еще водка.

Апанай ведичественно приняль стакань.

— То-то!—сказаль онъ.—Не надо слишкомъ много говорить! Пей да молчи! А съ шаманами не ссорься. — Пойдемъ

опять въ твой пологь! — прибавиль онь, мимоходомъ допивая и свою чашку и подхвативъ боченокъ подъ мышку. Мы вернулись въ пологь Эттыгина, который все таки быль больше. Попойка дошла до апогея.

Егоръ припаль во мет на грудь и соваль мет въ роть свои мокрые усы, вонявше сивухой.

— Начальникъ! — говорилъ онъ. — Я внаю, ты хочешь ёхать далеко. Дай мнё четыре рубля, и я призову тебё на помощь всёхъ своихъ духовъ. И того, что клокочеть, какъ щеглокъ, и того, что каркаеть, какъ воронъ, и того, что стучитъ, какъ желна, и того, что кичетъ, какъ лебедь!.. Ты вёдь знаешь!

Я дъйствительно зналъ, что духи тунгусскихъ шамановъ обладаютъ всевовножными птичьими голосами.

Компанія мало по малу расходилась, одоліваемая опыненіемь и сномь. Мишка, который все время смотріль на эти дикія сцены широкораскрытыми, немного испуганными глазами, задремаль въ уголку, съежившись, какъ котенокъ. Өедоръ ушель спать въ пологь Эура.

Оттва уложила въ другомъ углу двухъ своихъ маленькихъ сыновей и приготовляла ложе для своего властелина. Васька и Анюша легли тутъ же рядомъ. Я кое какъ примостился, протянувъ ноги къ тому углу, гдъ скорчился Мишка. Егоръ сълъ посреди полога, на небольшомъ мъстечкъ у лейки, которое обыкновенно оставляется не ванятымъ, и объявилъ, что тоже хочеть остаться здъсь и будетъ спать сидя.

Устроивъ ложе, т. е. расправивъ барьеръ изъ мѣшковъ, служившій изголовьемъ, и притащивъ огромное одѣяло изъ толстыхъ оленьихъ шкуръ, Оттва привела откуда то Эттыгина, стащина съ него одежду и стала укладывать его, какъ ребенка.

Но у Эттыгина были совсёмъ другіе планы.

— Не хочу съ тобой спать!—кричаль расходившійся старичишка.—Ты старая! У тебя кожа сморщилась, какъ опаленная ровдуга *). Пойду къ ламутев! Пусть у меня будеть три жены!—И, откинувъ одвяло, онъ, совершенно нагой, быстро выползъ изъ полога.

Васька безпокойно заворочался съ боку на бокъ.

— Ты главная жена!—сказаль онь бабѣ, которая дежала въ нерѣшимости, не зная, что предпринять.—Ты ему столько дѣтей нарожала, а онъ тебя покидаеть для какой то ламутской шлюхи!

Слова его вывели Оттву изъ нервшительнаго состоянія. Сбросивъ въ свою очередь одвяло, она предстала предъ нами во всемъ ужасв своей наготы, какъ чукотская венера, выходящая изъ груды оленьихъ шкуръ, и, не обращая на насъ

^{*)} Замша, выдъланная изъ олоньей кожи.

особаго вниманія, стала подвязывать длинные оборы своихъ м'єховыхъ сапогъ, потомъ натянула на себя свое просторное платье и, въ свою очередь, вышла изъ полога въ погоню за нев'єрнымъ мужемъ. Черезъ н'єсколько минутъ она вернулась, таща Эттыгина за загривокъ, какъ кошка тащитъ котенка. Онъ по прежнему былъ нагъ, какъ Адамъ до гр'єхопаденія.

— Спи туть!—сказала она, съ силой бросая его на преж-

нее мѣсто.

— Харэм, Харэм, Харэм! Не стану, не стану!— кричаль Эттыгинь.—И онъ опять нырнуль изъ подъ одбяла.

— Ты отчего убъгаешь? — сказаль Егорь со смъхомъ ему

въ догонку.

Но Эттыгинъ не слушаль увъщаній. Это была отвратительная, а вивств съ тъмъ забавная сцена: три раза Эттыгинъ убъгаль къ ламуткъ, и три раза Оттва извлекала его изъ запретнаго Эдема и водворяла на законное мъсто.

Не дожидаясь окончанія этой оригинальной борьбы, а забылся тяжелымъ и безпокойнымъ сномъ. Егоръ раздумалъ спать сидя и примостился поперекъ двухъ супружескихъ паръ, положивъ голову на постель Эттыгина, а ноги протянувъ прямо на Ваську. Пуккаль и Апанай еще ходили по стойбищу. Засыпая, я слышалъ ихъ пьяные голоса, распъвавшіе дикую импровизацію чукотской пъсни и очень похожіе на волчій вой.

На другой день пьяная компанія проснулась довольно поздно. Эттыгинъ, трезвый и мрачный, немедленно приступиль къ выполненію тёхъ обязательствъ, которыя онъ молча взяль

на себя вчера, выпивая Оедькину водку.

Өедык надо было убить шесть оленей. Кром того, по какому то странному разсчету, оказалось, что за водку, взятую у казака Егором и Апанаем приходится убивать оленей тоже Эттыгину. Один изъ десяти пряговых оленей Егора на этотъ разъ спасся отъ угрожавшей ему участи. Васык нужно было убить трехъ оленей, принимая во внимание тъ четыре чашки, которыми онъ угостим Эттыгина вечеромъ.

Ранаургинъ и Эуръ пригнали съ пастбища одинъ изътабуновъ, принадлежавшихъ Эттыгину; нъсколько сотъ оленей сгрудились на одномъ концъ площадки, гдъ было посвободнъе, и испуганно смотръли на людей, копошившихся въ лагеръ. Когда ето нибудь приближался къ нимъ, они спъшили неребъжать на другой конецъ площади. Они очевидно не довъряли человъку. На срединъ площади образовалось нъчго въ родъ арены, по объимъ сторонамъ которой стояли Эуръ и Пуккаль съ длинными арканами въ рукахъ. Ранаургинъ на своихъ длинныхъ ногахъ бъгалъ взадъ и впередъ, стараясь перегонять оленей черезъ арену самыми небольшими группами. Ему помогали и Эттыгинъ, и тунгусы, и русскіе гости, и бъ-

бы, и даже старая Отауть, чуть ковылявшая на своихъ дряхлыхъ ногахъ. Нужно было девять оленей, заранве обреченныхъ на закланіе, прогнать мимо стоявшихъ впереди пастуховъ, на разстояніи, удобномъ для того, чтобы бросить арканъ. Но діло шло медленно. Олени ни за что не хотіли повиноваться, и все устремлялись не туда, гді стерегли ихъ Пуккаль и Эуръ. Наконецъ Эуръ, улучивъ минуту, кинулъ арканъ и поймалъ за рога молодую струю важенку, пробітавшую мимо.

Почувствовавъ на своихъ рогахъ арканъ, важенка немедленно принялась выдёлывать отчаянные прыжки и курбеты, оказывая ожесточенное сопротивленіе власти человіка. Двое чукочь подбіжали на помощь и, осторожно перебираясь по аркану, успіли схватить ее за рога. Эуръ, вынувъ ножь изъ за пояса, подошель къ важенкі и ловкимъ ударомъ ткнуль ее прямо въ сердце. Люди, державшіе арканъ, старались такъ натянуть его, чтобы убитое животное упало раной вверхъ. Эуръ омочиль свои пальцы въ свіжей крови и, зачерпнувъ немного, брывнуль на закать солнца. Это животное, убитое для русскихъ, вмістів съ тімъ составляло жертву духу ночи.

Когда всё олени были убиты, подошли бабы и стали потрошить. Вынувъ внутренности и вываливъ въ котелъ моняло изъ большого желудка, они наливали туда кровь, черпая ее ковшемъ изъ оленьяго брюха. Моняло предназначалось для ихъ собственнаго употребленія. Изъ брюха каждой важенки онъ доставали совершенно сформировавшагося выпоротка, длиннаго и тощаго, обросшаго скользкой черной шкуркой. Ихъ было шесть, ибо Эттыгинъ велёлъ убить трехъ быковъ и шесть важенокъ. Важенки были меньше, а потому дешевле. Эттыгинъ мрачно посмотрёлъ на выпоротковъ.

— Вивсто одного оленя, двухъ убиваю! — сказаль онъ Оедыкв.

— На новый мъсяцъ родились-бы, на своихъ ногахъ кодили-бы!—Выпоротковъ чукчанки тоже отложили въ сторону. Кромъ того, у каждаго оленя онъ очень искусно вырубили и выломали темянную кость вмъстъ съ рогами, укръпленными на ней. Это предназначалось для весенняго праздника роговъ, который долженъ былъ скоро наступить.

Когда оленьи тупи были совствы готовы, Оедоръ и Мишка поситино нагрузили свои нарты. Они торопились утать, что-бы добраться до Ермолаева, лежавшаго верстахъ въ пятидесяти, хотя не позже полуночи. Анюша осталась на стойбищт, чтобы пожить итсколько дней витест съ мужемъ.

Проводивъ русскихъ гостей, Эттыгинъ по вчерашнему усъяся у шатра и сталь скоблить свои неизменныя палочки. Пастухи угнали табунъ въ лесъ. Бабы принялисъ за обычныя работы.

Въ простотъ моего сердца я полагалъ, что попойка окончена и что опять началась обычная трезвая и трудовая жизнь.

Однако Васька, тоже по вчерашнему сидъвшій на шнъ съ невкивнной трубкой въ зубахъ, скоро вывелъ меня изъ этого-

. Віноджуков

Воть сегодня закурять, такъ закурять!-- сказаль онъ. повходя ко мев.-Вчера маненько выпили, а сегодня закрутять ужь по настоящему!

— Какъ закрутять?—спросиль я.—A водка гав?

_ Вона!-отвътиль Васька.-Водка куда двватся? У стараго чорта за пологомъ цълая фляга спрятана. Онъ у Петрушки взяль за казенных оленей. Сами, однако, знасте!

Дъйствительно, мнъ было извъстно, что казакъ, закупавшій оленей для Среднеколымской казачьей команды, заплатель Эттыгину за тридцать два оленя флягу спирта, но я какъ-то выпу-

стиль изъ виду это обстоятельство.

_ Воть посмотрите, какъ они сегодня будуть чертить! __ проволжаль Васька. Старый-то дьяволь русскую водку выдудиль, такъ хорошо разварился! Теперь прильнется къ флягь, его и лошадьми не отодрать!

. На вискъ послышался топотъ и скрипъ половьевъ, и два огромные оленя, какъ вихрь, взлетьии по косогору, увлекая за собой маленькую, словно игрушечную, турку, на которой сииваь верхомъ, толкаясь объ снёгь ногами, здоровый чукча въ длинной желтой кухлянки *) съ волчымъ кокулемъ **).

— Видишь! какъ воронъ на падаль, такъ и явился!—замътилъ Васька, набивая опять трубку. - У нихъ, однако, на

водку особенный нюхъ есть!

Прівхавшій оказался двоюроднымъ братомъ Оттвы, старшей жены Эттыгина. Стойбище его находилось верстахъ въ восьмидесяти, но такое разстояніе для чукочь ничего не значить. Онъ выбхаль утромъ и намеревался переночевать, а на

другое утро увхать домой.

Начанась обычная вечерняя суета, происходящая всегда по одному и тому-же образцу и закончившаяся продолжительнымъ чаепитіемъ и обильной трапезой. Какъ только последній кусокъ быль съедень, Эттыгинь вышель изъ полога и скоро вернулся съ большой бутылкой, наполненной крапкимъ сниртомъ. Чукчи не признають необходимости «сыропить» сердитую воду.

Попойка началась также, какъ и вчера. Чукчи пили спиртъ

чашками, какъ воду, не думая о закускъ.

— А знаешь, зачёмъ я пріёхаль, — сказаль Кэоульгинъ (та-

^{*)} Кухпянка—верхная одежда, состоящая изъ двухъ балахоновъ, ровдужнаго и мъховаго, надъваемыхъ одинъ на другой. **) Кокуль—канишонъ.

жово было имя новаго гостя), обращаясь къ Эттыгину.—Арара приказаль привезти ламутскую бабу!

Васька сдёлаль движеніе, какь будто его укусили.

- Зачемъ Араре ламутка? спросиль онъ отрывисто.
- Не Араръ, Якулю! отвътилъ Кооульгинъ, Арара, голова. Большой человъкъ на тундръ... Якуль ему жаловался, говорить: «жену мою отняли!» Нехорошо! Она въдь его купленная, да и попъ вънчалъ!
 - А тебъ какое дъло до Якуля? спросиль Васька грубо.
- Якуль мой другъ! Якуль мий, все равно брать, больше чить брать!—живо возразиль Кэоульгинъ.

Васька насупился и замодчаль. Выпивка подвигалась впередъ быстрве вчерашняго. Видно было, что въ водкв нвтъ недостатка. Эттыгинъ приносиль изъ тайника, скрытаго гдв-то за пологомъ, бутылку за бутылкой. Гости, которымъ было душно въ пологу, вылъзли въ чоттомъ *) и съли на разостланныхъ шкурахъ передъ огнищемъ, на которомъ еще тлъло нъсколько углей.

Сегодня въ попойкъ принималъ большее участие женский эмементъ, вчера пребывавший совсъмъ на заднемъ планъ. Старая Отаутъ, вышивъ нъсколько рюмокъ, скоро опьянъла.

— У меня меть ни отца, ни матери, ни мужа, ни детей!— вапела она жалобнымъ голосомъ.— Отецъ и мать ушли, когда эти большія лиственницы были еще тонки, какъ оленій хвость...

Она широкимъ жестомъ показала на лъсъ, виднъвшійся

сквовь отверстіе полуоткрытаго шатра.

— Мужа и сыновей унесъ Великій Моръ, чтобы они были пастухами при его красныхъ оленяхъ. А я осталась одна, какъ сухое дерево среди тундры... Когда Отаутъ сидъла одна у порога своего пустого шатра и умъ ея былъ смутенъ отъ слезъ, пришелъ съ Запада лживый человъкъ и сказалъ: «поди Отаутъ со мной! Я буду тебъ сыномъ!» Лживый человъкъ, нукавый человъкъ любилъ не Отаутъ, а ея оленей, но безумная старуха повърила словамъ и покинула родные камни и могилы, и ушла на чужую западную тундру!.. Никогда, никогда не будетъ у Отаутъ сына на западной тундръ!..

Старуха пѣла эти жалобы протяжнымъ речитативомъ, разбивая ихъ на строфы и сопровождая каждую строфу самыми

горыкими рыданіями.

Подъ лживымъ человъкомъ подравумъвался Эттыгинъ. Старука была родомъ съ «каменнаго» берега, но Эттыгинъ сманилъ ее съ собою на тундру, послъ того, какъ оспа унесла ея мужа и дътей. Кроульгинъ сидълъ рядомъ и пълъ дикимъ голосомъ:

^{*)} Чоттонъ помъщение въ наружномъ шатръ.

— «Вотъ моя тру-у-бка, тру-у-убка, тру-у-у-бка! А въ ней: та-ба-акъ, таба-акъ, таба-акъ!»

Но старуха, окончивъ свою импровизацію, совсёмъ разрыдалась и упала из нему на грудь, повторяя свою вёчную жалобу на одиночество. Касульгинъ нёжно обнималь ее, и отъсочувствія ся слезамъ онъ и самъ прослезился; и замочиль ейвсе лицо.

Оть Кооульгина старуха перешла къ Ваське и, заключивъего въ объятія, снова стала произносить свои причитанія темъже раздирающимъ речитативомъ.

— Я одна, всегда одна!—повторяла она.—Мужъ и дъти меня покинули! Зачъмъ они ушли, а я осталась? Мои зубы не могутъ жевать, руки не въ силахъ мять кожу, глаза въчно плачутъ и не видять ничего! Когда падаетъ снътъ на мою шею, миъ холодно, когда солнце жжетъ мою голову, миъ жарко!.. Зачъмъ старымъ глазамъ смотръть на солнце?.. Лучше для Отаутъ попросить «копья»!

Вовможно, что Эттыгинъ воспользовался-бы намекомъ, ваключавшимся въ этихъ словахъ, если-бы не было русскихъгостей. Старая Отаутъ не разъ уже подумывала о спасительномъ ударъ копья, освобождающемъ отъ старческаго бремени,
невыносимаго при суровыхъ условіяхъ этой живни, но еще не
могла принять опредъленнаго ръшенія. Но въ присутствіи русскихъ гостей словамъ старухи о копьт нельзя было дать дальнъйшаго развитія. Эттыгинъ ограничился только тъмъ, что въ
внакъ одобренія налилъ большую чашку водки и подаль старухъ. Эпитеты лживый и лукавый, относившіеся къ его особъ,
повидимому, мало задъли его. Старуха выпила и окончательно
опьянъла.

Придвинувшись къ огницу, она наклонилась надъ тлевшими углями, делая руками странные жесты и произнося невнятныя заклинанія. Она молилась огню, чтобы онъ дароваль ей скорое свиданіе съ ея родными. Тело ея склонялось все более и более, и она окончила-бы темъ, что упала-бы на горячіе угли, если-бы ламутка и другая баба не схватили ее за платье и не оттащили въ сторону. Видя, что она не шевелится и находится уже въ совершенно безсознательномъ состояніи, оне взяли ее за руки и за ноги и утащили въ ея пологъ, стоявшій рядомъ.

Оттва и другія бабы, которыхъ Эттыгинъ угощаль все-таки очень скупо, тімь не меніе, становились все возбужденніе и веселіе. Развязность ихъ річей и движеній замітно увеличивалась. Очевидно, веселье мужчинъ дійствовало на нихъ заражающе, или-же оні черпали вдохновеніе изъ какого-то нешвийстнаго источника. Оттва явно была навеселів и, прищелкивая пальцами, кружилась на одномъ містів, тяжело прито-

нывая своими неуклюжими сапогами. Васька, выпившій три или четыре чашки, выглядёль съ виду совершенно трезвымъ, Анюша, питавшая великое презрёніе къ чукчиткамъ, ушла въ пологь и легла спать.

Вдругъ Кооульгинъ, замътивъ, что ламутка не показывается обратно, всталъ съ своего мъста и вышелъ изъ шатра. Васька вскочилъ, какъ уколотый, и последовалъ за нимъ. Выпивающее общество разбрелось по угламъ. Я тоже всталъ и вышелъ вследъ за Васькой. На дворъ уже не было никого, но изъ полога старухи слышались громкіе голоса, и я вошелъ туда.

Васька и Кооульгинъ сидъли другъ противъ друга и вели разговоръ, повидимому, довольно дружелюбный, но тонъ голосовъ повышался, и дъло грозило окончиться дракой. Ламутки не было, а Отаутъ лежала навзничь, неподвижная, какъ трупъ, връпсо сомкнувъ глаза и широко раскрывъ свой беззубый ротъ.

Кооульгинъ былъ настроенъ примирительно. Васька, напротивъ, считалъ, что новый гость вторгается въ его владёнія, и мотому въ свою очередь задираль его.

- У меня сердце есть и мужество есть!—говориль Васька.—И я никого не боюсь! Никакихъ людей вашего рода я никогда не боялся!..
- И я не боюсь никого!—отвъчалъ гость.—Ты все равно мой брать! У насъ сердце равное!
- Сердце мое совершенно кръпкое! кричалъ Васька. Нисколько я не пугаюсь! Не боялся я «ковралиновъ», а васъ и подавно! И раньше этого постоянно ъздилъ къ вамъ и не боялся! Вашъ родъ плохой! Слабый вашъ родъ!
- Вотъ и я никого не боюсь!—кричалъ чукча.—У насъ сепаце совсёмъ одинаковое! Мы два брата!

Такіе переговоры продолжались до тёхъ поръ, пока Кооульгинъ, раздраженный приставаніями, не объявиль, что у него сердце больше.

— А, больше?.. Могу я тебѣ показать, что не больше, а меньше!—И, не говоря лишняго слова, Васька полѣзъ на сонерника со сжатыми кулаками. Кроульгинъ приготовилъ ему достойную встрѣчу, и, сцѣпившись, какъ собаки, они стали кататься и кувыркаться по пологу, рискуя совсѣмъ задавить неподвижную старуху. Пользуясь уклономъ почвы, я выждалъ удобную минуту и вытолкнулъ живой клубъ изъ полога въ чоттонъ.

Очутившись въ чоттонъ, они выбъжали вонъ, ища болье удобной арены. Я поспъшно послъдоваль за ними.

Противники уже стояли другь противь друга, въ боевой позиціи.

— Я за памутскую бабу заплатиль! — причаль Васька. —

Подлахтака! Фунть табаку! Кирпичь чаю! Я ее купиль! Она все равно моя жена! Ты зачёмъ къ ней лезешь? Пока я туть живу, ни одинъ чукча не отниметь ее!

— Я силенъ, я отниму!-кричалъ чукча.-Ты казакъ походскій, вздишь на собакахъ, умъ у тебя все равно, какъ у cocara! Cocara! Cocara! Cocara! Ha! Ha! Ha!

- Ты хочеть драки?-- кричаль Васька. -- Хочеть драки? Лавай! Я morv!

Противники сняли кукашки и, швырнувъ ихъ въ сторону, кинулись другь на друга. Я сдёлаль попытку растащить ихъ. — Не мёшай, баринь!—сердито крикнуль Васька.

Онъ перервалъ пополанъ свою ветхую рубаху, чтобы уровняться съ чукчей, и бросиль обрывки на снъгъ.

Противники опять встали другь противъ друга. Видъ ихъ. быль ужасень. Нижняя часть тёла, одётая въ толстую мохнатую одежду, какъ-то нелено оттеняла верхнюю, совершенно обнаженную и несоразмерно тонкую. Рябое и безобразное лицо Васьки совершенно исказилось оть ярости, на углахъ рта выступила пъна. Его худое и корявое тело, повидимому, зябло на морозъ, и онъ каждый разъ передергивалъ плечами, безсовнательно стараясь укрыть то треугольное местечко между лопатками, которое у обнаженнаго человъка зябнеть больше всего. Короткіе усы Кроульгина ощетинились, какъ у кота. Его большая голова моталась во всё стороны, зубы свётились, какъ у волка.

Онъ, повидимому, совершенно не ощущаль холода и бъгалъ, какъ безумный, вокругь противника, осыпая его бранью и восхваляя свое мужество.

Наконецъ, они снова бросились другь на друга и стали бороться. Топая ногами по снъту, они то толклись на одномъ мъсть, то передвигались впередъ или кидались въ сторону, силясь пригнуть противника къ землъ. Повременамъ одинъ схватываль другого за кожу и, собравь ее въ рукъ, какъ будто это была одежда, старался приподнять противника вверхъ. Васька, очевидно, былъ сильнее Кроульгина и скоро подмяль его подъ себя; но чукча, ловкій, какъ кошка, мгновенно высвободился, и, сценившись клубомъ, враги стали кувыркаться по сугробамъ, перекатываясь другь черезъ друга и обминая своими обнаженными плечами каждое мягкое мъстечко на сићгу. Черезъ минуту они уже опять стояли на старомъ мъстъ, другь противъ друга, въ боевой повиціи.

Я видель, что дело не окончится для Васьки добромъ. Плечи его судорожно подергивались, шаровары были набиты СНЕГОМЪ, ВАТИСКАВШИМСЯ ЗА ПОЯСЪ.

— Надо ихъ разнять! — сказаль я Пуккалю и Ранаургину, которые стояли рядомъ со мной, съ наслаждениемъ любуясь единоборствомъ. «Эгей!» — дружелюбно сказали пастухи. Неожиданное зрълище привело ихъ въ превосходнъйшее расположеніе духа. Они осторожно зашли сзади Кроульгина и,
сквативъ его внезапно за руки, потащили къ шатру Эура,
стоявшему поодаль. Васька, повидимому, былъ доволенъ такимъ
оборотомъ дъла. Молча надъвъ свою кукашку, онъ опять полъзъ въ пологъ старухи, куда, мимоходомъ сказать, недавно
пролъзла и ламутка. Она помогала старухъ исполнять тяженыя обязанности женскаго хозяйства, и пологъ Огаутъ былъ ея
жилищемъ.

Пастухи дотащили Кооульгина до входа въ шатеръ, но онъ выразвять решительное нежеланіе войти въ чоттонъ и принялся даже кусаться и лягаться ногами. Они были принуждены оставить его снаружи и сами остались вивств съ нимъ. Каоульгинъ стояль, широко разставивь ноги и опираясь плечами на людей, державшихъ его ва руки. Оставшись на свъжемъ воздухв, онъ успокоился и больше не пытался рваться, остатокъ-же своей ярости изливаль въ целомъ потоке вызововъ и бранныхъ словъ. Я стоялъ неподалеку и смотрълъ на его нельную полуобнаженную фигуру. Его неуклюжее тыло напоминало уродливыя формы деревянныхъ божковъ, выравываемыхъ эскимосскими или негритянскими художниками. Холода онъ, очевидно, вовсе не ощущалъ, и ему въ голову не пришло потребовать свою одежду, лежавшую на снъту. Наскучивь вызывать отсутствующаго врага, онь сталь обращаться во мий:

— Ты все равно русскій!—кричаль онь.—Давай, поміряємъ силу!—Если ты мужчина и у тебя не бабье сердце, давай, попробуемъ, кто изъ насъ лучше!.. Ты писарь! Ты вічно пишешь! Я пишу лучше тебя!—кричаль онъ, думая уязвить меня въ самое чувствительное місто моего самолюбія.—Давай вмість станемъ писать письмо на этомъ сніту!

Я уступиль Кооульгину поле сраженія и направился въ пологь Эттыгина. Мет было холодно, несмотря на двойную итковую одежду. Въ пологъ были Эттыгинъ и его двъжены, Пуккаль и Ранаургинъ. Анюша спала въ углу сномъ праведницы. Эттыгинъ былъ совершенно пьянъ.

У меня двѣ жены! — говорилъ противный старичишка,
 съ гадкой улыбкой.

Обѣ бабы пришли въ неистовый восторгъ и шумно расхокотались. Оттва въ порывѣ неудержимаго веселья прищелкула пальцами и, выдернувъ изъ за пазухи черную бутылку, аполненную до краевъ, потрясла ею надъ головой, подмитизая Эттыгину. Она, очевидно, разсчитывала, что смѣлость ея сойдеть благополучно, ибо ея повелитель находится въ слишкомъ игривомъ настроеніи, чтобы сердиться на что-бы то на было. Но ея разсчеть не оправдался.

— Зачёмъ женщины смёются, когда я говорю?—неистово завониль Эттыгинь.

Его охватиль припадовъ неудержимой ярости, присущей. каждому чукчё въ пьяномъ состояніи.

— Зачёмъ женщины говорять такъ много словъ, когда мы вдвоемъ разговариваемъ?.. Зачёмъ женщины пьють водку?.. Тірк-Эрэм не велёль, чтобы женщины пили водку! Отчего онв пьяны?.. Мэркичкинъ омэле! *).

И, не долго думая, онъ схватель сковороду, наполненную растонленнымъ жиромъ, пылавшимъ большимъ и яркимъ пламенемъ, и бросилъ ее въ голову Оттвъ, виъстъ съ деревянной подставой. Въ пологе воцарилась тьма, а во тьме началась больба. Я слышаль пыхтаніе борющихся, переворачиваніе таль, сплетенныхъ вмёстё, глухіе удары кулаковь, ругательства и женскій визга. Подобравь кое-кака лейку, я посп'ящно выскочиль изъ полога и зажегь ее оть угольевь на огнище, еще таввшихъ подъ непломъ. Вернувшись въ пологъ, я увидъль, что маленькій Эттыгинъ сидить верхомъ на своей огромной жень и колотить ее кулаками по обнаженной спинь.

- Откуда у тебя бутылка? - кричаль онь въ изступленіи. Ты украла у меня бутылку водки! — и онъ старался вырвать у нея спорную посудину. Ранаургинъ и Пуккаль помогали ему, но не очень усердно. Они, пожалуй, предпочлибы полюбовно расшить эту бутылку, витств съ ен владетельницей. Оттва не защищалась, но упорно отстаивала свою драгоденность, запихнувъ ее въ сокровенныя глубины своихъ косматыхъ шароваръ и какъ будто даже обвившись вокругъ нея своимъ полгимъ твломъ.

Видя, что съ ней ничего нельзя поделать, разсвиреневшій старикъ схватилъ конгуну *), валявшуюся на шкурахъ около лейки. Оттва только крвиче стиснула вубы и варылась головою въ широкій вороть каркара.

Видя, что дело грозить зайти слишкомъ далеко, я счель необходимымъ вмешаться и, въ свою очередь, сталь кричать на Эттыгина, требуя, чтобы онъ немедленно оставиль въ поков

– Я только хотель отнять у нея бутылку, — сказаль старикъ. Вачемъ женщинамъ пить краденую водку? - Однако, онь послушался и выпустиль Оттву. Она забилась въ уголь, вакъ избитая собака, и горько плакала, сжимая завётную бутылку въ глубинв своихъ одеждъ.

^{*)} Всв будьте проклаты!

^{**)} Кэнгуна—короткій жезять съ широкимъ роговымъ набалдашникомъ на нежнемъ концѣ, служитъ для опоры во время ходъбы.

— Развѣ я ребенокъ, что ты меня бышь?—говорила она. Она была горда своимъ положеніемъ старшей жены, народившей мужу столько здоровыхъ дѣтей, и не ожидала съ его стороны такой жестокости.

Анюта проснувась отъ шума и сонно протирала глаза.

- А гдв твой Васька? спросиль я, не безъ задней мысли.
- Гдъ будеть? отвътила она просто. У ламутки оннако!
- Да развъ тебъ ничего, спросиль я съ удивленіемъ, что онъ къ другимъ ходить?
- И, баринъ!—сказала баба.—Походитъ, походитъ, такойже назадъ вернется! Ихъ Кауровыми не сдълаетъ и моего отъ меня не отниметъ. Я какъ была Каурова, такъ и останусъ Каурова! Потому я вънчанная!

Предъ такой широкой терпимостью оставалось только раз-

вости руками.

Молодыя бабы принесли сковороду, наполненную кусками варенаго мяса. Чукчи, торопившіеся при вечерней ёдё, не услёли хорошенько поёсть и теперь опять проголодались. Эттыгинъ заискивающе посмотрёль на меня.

— Ты не пиль съ нами!—сказаль онъ.—Съвшь коть ку-

сокъ изъ моихъ рукъ!

И, отломивь оть запаса, лежавшаго на сковородь лейки, кусокъ грязнаго сала, къ тому-же совершенно обвалянный оленьей шерстью, онъ прибавиль къ нему кусочекъ мяса, смяль все это въ комокъ въ своей ужасной рукъ и сдълалъ попытку втиснуть его въ мой ротъ. Я чуть не схватиль его за горло.

Самый видъ этой черной лапы, съ затиснутымъ въ ней угощеніемъ, вызываль во мий рвоту. Эттыгинъ, видя мое сопротивленіе, бросиль на меня удивленный взглядъ, потомъ пироко улыбнулся, сунуль комокъ въ свой собственный роть, пожеваль, проглотиль и почмокаль губами, чтобъ показать, какъ это вкусно. Оттва, не переставая плакать, вытянула руку и, схвативъ со сковороды огромную кость, принялась грызть ее, какъ волчица. Традиціонный ножъ появился въ ея рукъ. Слезы мёшали ей ёсть. Отрёвавъ одинъ или два куска, она провела ножемъ у себя подъ носомъ и продолжала разрёзывать мясо, даже не обтеревъ запачканнаго клинка... Я положиль кусокъ, который держаль въ рукъ. Меня тошнило.

Тотчась-же послё ужина понойка возобновилась. На этотъ разъ угощаль Пуккаль, который купиль у Эттыгина двё бутылки за пару «чемодановъ» *) и выставиль ихъ обществу. Пирующіе опять покинули пологь Эттыгина и ушли въ шатеръ Эура, гдё Пуккаль играль роль второго хозяина.

^{*)} Чемоданъ,—неразръзанная шкура, искусно снятая съ круглой тюленье туши и замъняющая у чукочъ дорожный мъщокъ.

На дворъ снова раздались крики. То были недавніе противники, встрътившіеся у входа въ шатеръ.

- Собака, собака, собака!—кричаль чукча по прежнему.
 А ты волкъ, волкъ! Не взять тебъ ламутки! Чего пристаешь, по волчья? Не взять теб'в ламутки! Я за нее выкупъ лалъ!
- Собака, собака, собака!-повторяль чукча, еще ожесточеннъе.
- А ты волкъ, волкъ!.. Ты волкъ, а я медвёдь! Не боюсь никого! На своемъ владенія, какъ медвёдь, противъ всёхъ чу-

Мић надоћно слушать эту перебранку, и я вернулся въ шатерь Эттыгина. Несколько бабъ суетились въ чоттове, занимаясь совершенно неебычайнымъ дъломъ. Онъ, очевидно, вышели уже бутылку Оттвы и хотели достать еще водки.

Долгая Оттва возилась, какъ домовой, въ черномъ и глубокомъ углу, свади полога. Тытынна стояла на стражъ, а вторая жена Эттыгина свётила Оттве огромной головней, принесенной отъ костра, на которомъ недавно варили пищу, и равсыпавшей вокругь искры.

Мое появление произвело было тревогу, но, узнавъ мое лицо, бабы успокоились. Оттва подняла голову и издали привътливо кивнула инв. Ока не забыла моего недавняго заступничества. Потомъ она опять принялась за прерванное занятіе. Вытащивъ флягу изъ подъ какихъ-то саней, она высвободила туго замкнутую пробку, при помоще ногтей и зубовъ, и, сильными рувами приподнявъ грузный сосудъ, налила спирту въ подставленный котелокъ, еще хранившій на стінкахъ сліды «моняльной» каши. Ламутка, изъ за которой на дворъ происходила борьба, была тоже вдёсь. При невёрномъ свёте головни, я увидъль, какъ блестять ся глава, издали следившіе за каждынь движеніемъ Оттвы.

Мужчины съ криками и шумомъ ходили изъ шатра въ шатеръ. Эттыгинъ упаль на дворъ, и объ жены дружно потащили его за ноги, къ его пологу. Онъ валялся по сивгу и кричалъ.

- Когда я быль молодъ, у меня было четыре жены, и мив было хорошо! Теперь у меня двё жены, и меё тоже хорошо! Бабы шумно смвялись и душили его поцълуями.

Маленькій сынь Оттвы, котораго она впопыхахь забыла кормить, съ ревомъ бродилъ по стойбищу. Онъ котель всть и спать. Но въ однихъ пологахъ было темно, другіе были набиты пъяными, которыхъ крики его пугали. Не находя удобнаго пріюта, онъ растянулся прямо на снігу, опираясь головой объ дерево и, спрятавъ поглубже голову въ большой мъховой капишонъ своей одежды, заснуль подъ открытымъ небомъ. Васька и Кооульгинъ давно уже обнимались и угощали другь друга

водкой изъ Пукколевой бутылки. Кэоульгинъ называль Ваську своимъ братомъ и нэутуминомъ, вёроятно, имёя въ виду, именно, ламутку. Онъ даже спрашиваль, не ссорятся-ли люди на дворѣ. Ему казалось будто онъ недавно слышаль чьи-то крики и будто кто-то хотѣль обидёть его брата. Но онъ заступится!

— Пускай, пускай!—кричаль чукча, ударяя правымь кужакомь по лёвой ладони.—Пускай! Горло перерву!—и онъ вы-

разительно щелкаль своими волчыми челюстями.

Въ шатръ Эттыгина, напротивъ, происходила ожесточенная борьба между Оттвой и ея дочерью. Дъло шло опять о бутылъвъ водки, которую Оттва припрятала себъ на утреннее по-хитье, а Тытынна подсмотръла и вытащила, собираясь угоститься, какъ слъдуетъ. Оттва поймала ее на мъстъ преступленія и теперь хотъла отвоевать свою собственность. Старая чукчанка оказалась гораздо болье жестокой, чъмъ колотившіе ее недавно мужчины. Она съ неописанной яростью таскала дочь за волосы и топтала ее ногами. Тытынна не сопротивлялась, но также отчаянно сжимала добычу въ глубинахъ своихъ одеждъ.

— Я тоже хочу пить!—хрипъла она, стараясь укрыть голову отъ сыпавшихся ударовъ.—Ты мит ничего не давала!

Было уже за полночь. Я вошель въ пологь, зажегь свъчу и сталь устраиваться на ночлегь, предоставивь чукчамь окончить пиръ безъ моего присутствія.

Кэоульгинъ увхалъ рано утромъ, когда я еще спалъ, и увезъ съ собой Авдотью; Васька, по словамъ Эттыгина, очень дружелюбно попрощался съ обоими. Впрочемъ, Кэоульгинъ объщалъ, что уговорить Якуля заплатить Васькв на Анюской

армаркъ покупную пъну ламутки.

Черезъ два дня мы перешли Колыму и откочевали на тундру. Васька съ Анюшей жили, какъ примърные супруги, и о второй женъ, купленной за поллахтака и т. д., не говорилось ни слова. Но чукчи долго съ наслажденіемъ вспоминали подробности попойки. Эттыгинъ припряталь остатокъ спирту и кръпился, намъреваясь выгодно сбыть его на ярмаркъ, гдъ у «чаунскихъ» или у «носовыхъ» пришлецовъ можно взять по лисицъ за «разсыропленную» бутылку. Пастухи все время проводили въ табунъ, ибо олени стали безпокойнъе. Приближалось время рожденія телятъ, когда для чукотскихъ різлиноез *) начинается страда, продолжающаяся всю весну и все лъто, до тъхъ поръ, пока воды снова покроются льдомъ, и земля одънется толстымъ слоемъ снъга.

Н. Танъ.

Средневодымскъ. 1895 г. Ноября 4.

^{*)} Ріудинъ-оденій пастухъ.

Дворянскіе наказы въ Екатерининскую Комиссію 1767 года

T.

Въ іюнь 1767 г. въ Москвы въ первин разъ собрадись виборные отъ свободныхъ сословій русской земли, созванные императренер иля соотавленія новаго законодательнаго кодекса. Въ Москву они прівхани не съ пустыми руками: каждый привезъ оть своихъ набирателей более или менее объемистую тетраль, въ которой последніе высказали свои нужды и желанія. Депутаты же оть свободныхъ крестьянъ, благодаря особымъ условіямъ представительства, которыя даны были этому сословію, привозили ихъ даже по ивскольку: эти депутаты избирались по одному на провинцію, а наказы имъ вручанись оть каждаго «погоста»—прихода. Отсюда и выходило, напримеръ, что представителю отъ крестьянъ Архангельской провинцін, заключавшей въ себ'є цільку шесть укадовъ, пришлось вахватить съ собою въ Москву-195 наказовъ. Дворянскіе депутаты, избираемые по увадамъ, привознии каждый по одному наказу; хотя были случан, когда одниъ и тотъ же депутать представляль два ние даже три увяда. Но тогда и наказъ быль оть этихъ увядовъ общій. Только Новгородскій увядь въ последній разъ вспомниль свое старинное деленіе на «пятины», приславъ по депутату отъ каждой. Свезенный ими всеми матеріаль быль громадень: 163 наказа отъ дворянъ, 401 отъ городовъ и 1066 отъ свободнаго сельскаго населенія *). Для разбора ихъ была организована особая коммиссія, и этой комиссін было надъ чёмъ поработать. Въ этихъ подутора тысячахъ тетрадей м'ястное общество, русская провинція, записало свои жалобы и выразило свои желанія. Уже и въ то время сознавали, повидниому, всю важность этихъ голосовъ изъ провинцін: недаромъ Вольшая Комнесія (такъ мы называемъ общее собра-

^{*)} Сертесьич. Еватерининская законодательная комиссія. В'єсти. Евр. 1878, 1 стр. 229. Наказы отъ дворянь изданы въ Сборнив'в Имп. Русск. Истор. Общ., тт. IV, VIII, XIV, LXVIII и ХСІІІ. Въ этомъ изданіи они перенумерованы римскими цифрами. При ссыдкахъ и будеть указываться римскою цифрой № наказа, а поставленною съ нимъ рядомъ арабскою статья наказа.

віе Екатерининской комиссіи въ отличіе оть многихъ частныхъ компосій, при ней состоявшихъ) съ обсужденія этихъ наказовъ и приступила къ своей работв. И для историка эта груда наказовъматеріаль чрезвычайной важности. Теперь, открыван каждый день отоличную газоту, мы болье или менье внимательно просматриваемъ отдель сь заглавіснь: «областная хроника», «провинціальная жизнь» и т. д., который знакомить насъ съ состояніемъ провинціальнаго общества, его нуждами, желаніями и настроеніемъ. Есля мы хотимъ вникнуть въ эту меотную жизнь более глубоко, мы имеемъ къ тому сволько угодно различныхъ средствъ: мы можемъ вышесывать областныя газеты, прислушиваться въ голосамъ земскихъ и дворянскихъ собраній и городских думъ. Наконецъ, съ провинціей знакомить насъ вавъ изищная, тавъ и научная литература. Ничего подобнаго ивть у насъ для XVIII в., точно такъ же, какъ и у правительства того времени не было иныхъ способовъ ознакомиться съ мёстными нуждами, кроме совыва депутатовъ. Областныхъ органовъ печати тогда не существовало; до самаго вонца вака не было также никавихъ местиму общественных собраній. Литература почти вовсе не касалась провинців, изрёдка только выводя ее на сцену, чтобы оомъять ее въ комедін, но микогда не затрогивала ее серьезно. Русская провинція втеченіе всего XVIII века высказалась только одинъ разъ: въ середнив его въ Екатерининской комиссін. Вотъ почему бумаги этой комиссіи служать для нась надежнымь фонотрафомъ, записавшимъ хоръ этихъ провинціальныхъ голосовъ и теперь передающемъ ихъ намъ. Эти голоса идуть иъ намъ двумя путями: во первыхъ, посредствомъ депутатскихъ наказовъ, а затъмъ и самыя пренія въ комиссін записаны и сохранились въ ся журналахъ. Оба эти ряда документовъ прекрасно дополняють другъ друга, но прениущество следуеть всетаки отдать первому изъ нихъ. Въ самомъ деле, Комиссія действовала слишкомъ не долгое времи н, веди свои работы безъ всякаго определеннаго плана, не успела коснуться всёхъ вопросовъ, интересованшихъ провинцію. Затёмъ, не вой депутаты въ ней активно участвовали: какъ и всегда бываетъ въ такого рода собраніяхъ, -- говорили только меньшинство; общихъ голосованій по обсуждаемымъ вопросамъ и совсёмъ не бывало и обывновенно вомиссія переходила, повидемому, совершенно случайно жъ скъдующему вопросу, не окончивъ обсуждения предыдущаго. Притомъ могло случиться, что съ мижнісмъ, высказаннымъ въ комистік депутатомъ, не всегда бы согласились пославшіе его избиратели. Съ другой стороны случанось, что та вопросы, за которые очень горячо стояли дворяне на уведныхъ съведахъ, проходили равнодушно при обсужденін ихъ въ комносіи. Такъ, напримеръ, очень многія дворянства высказались за дарованіе имъ и на будущее время права собираться на съёзды для занятія мёстными дёлами. Между темъ, когда коснушесь такой статьи при обсуждение проекта «правъ благородныхъ», внесеннаго въ большую комиссію изъ дирекціонной, ни одинъ депутать не нашелси высказать свое мивніе *). Наконенъ, на мевніе, высказываемое депутатомъ въ комиссін, во время борьбы партій могии оказать влінніе, помимо его инчиналь BETHEROPS. H TO OCCTAHORES. BY KAEVID ON'S HOHARS. H SABERARIHIECE въ комиссін личныя отношенія. Въ нылу спора извістное мийніе могло получить горавдо болже разкія очертанія, чанть какія оно нивно въ наказв. Воть почему наказы полеже и вериве могуть отражать взгазды провинців, чёмъ рёчи депутатовь въ самомъ собраніи. Этихъ местимую макавовь, какь уже мы видели, три группы: оть дворянства каждаго уёзда, оть каждаго города и оть свободнаго земледальческаго населенія, подраздалявшагося на наоколько видовъ. Сюда входили во 1-хъ крестьяне, сохранившіе свободу, «черносошные» (государственные), «дворцовые», во 2-хъ такъ навываемые служниме люди «старыхъ службъ»: однодворцы, па-NOTHING COMMATIN -- ROUTHHITCHTL CTAPINED MOCKOBCKEEL HOMEOBL, HOHOивщавшійся півные поселеніями по граненамь Московскаго государства для ихъ защиты, въ 3-хъ-инородческое населеніе. Городскіе наказы, разумается, выясняють главнымь образомъ потребности и желанія городского населенія, и только два остальныхъ разряда относятся въ убедному. Но наказы отъ свободнаго сельскаго населенія имбють синшкомъ мостное вначеніе. Въ самомъ деле: свободная масса крестьянства постепенно все более танка подъ действіемъ кріпостного права, сохраняясь только на безопасномъ русскомъ севере, где не было надобности распространять поместную систему, бывшую однимъ изъ факторовъ въ распространении крапостного права. Изъ 1066 наказовъ отъ сельскаго населенія 496, т. е. почти половина приходится на одну Архангельскую губернію, гдь за то ревизін совсью не находили крыпостных душь. Другіе разряды этого класса: служилый (однодворцы, пахатные солдаты) и внородческій были разміщены по противоположнымы, южной н юго-восточной окраннамъ государства. Такинъ образомъ, только дворянскіе наказы представляють нанболье полно средніную часть Европейской Россіи, гдв сосредоточены быле два важивније класса русской земли: крипостное крестьянство и поместное дворянство. Влагосостояніемъ послёдняго, державшаго въ своихъ рукахъ громадную массу капитала и труда страны, -- определялось экономическое благосостояніе всего государства. Притомъ въ XVIII въка оно было нанболее просвещеннымъ классомъ, а обладая двумя такими силами, какъ капиталъ и просвъщение, око руководило и политическими судьбами русскаго народа, будучи въ троякомъ отношении его правительствомт. Во 1-хъ оно управляло своими «подданными» по своимъ вотчинамъ. Затемъ изъ него же формировался весь составъ центральной и областной администраціи, отъ сенаторовъ до увядныхъ воеводъ выпочительно. Наконецъ, въ XVIII в. это же дворянство

^{*)} Сб. И. О. ХХХИ стр. 297.

Манифесть 14 декабря 1766 г., которымъ предписывались выборы въ комиссію, быль встрічень обществомъ очень сочувственно и даже, пожалуй, восторженно. Такое настроеніе господствовало въ м 6, Откільті.

нужды и желанія.

самой комиссіи въ первые дни ся засёданій, когда охваченные какимъ-то радостнымъ порывомъ депутаты не знаин, чемъ только отблагодарить императрицу и какой титуль ей придумать. Но и въ самых наказахь можно заметить тоже возбужденное и рапостное настроеніе. Въ очень многихъ изъ нихъ въ самыхъ горичихъ выраженіяхь, хотя и переданнихь тяженимь напыщеннимь языкомъ XVIII в., изливается благодарность Екатерине и предписывается депутату, «припавъ къ освященнымъ стопамъ», исходатайствовать поаводеніе поставить ей оть всего дворянства монументь. Въ самомъ даль, было оть чего придтя въ восторгъ русскому провинціальному дворянину. Отъ правительства, въ особенности со времени Петра, онъ привыкъ ожидать только самаго грубаго обращенія. Его насильно обучали и гнали на службу, а если онъ не быль обучень и не могъ получить офицерскаго ранга, то его исправно и били, иноколько не раздичая его отъ его-же мужика рекруга, стоявшаго въ строю съ нимъ рядомъ. «За раны и за кровь» его отставляли отъ военной службы и «определяли къ деламъ», т. е. перечисляли въ статскую, посылая куда-нибудь въ «комносары» въ пріому корабельнаго лёса, въ надвиратели «надъ строеніемъ заводовъ» и т. п. Только дрихлымъ старикомъ, вымотавъ изъ него все полезимя силы, его отпускали, «со смотра давая абшидь», въ родную деревию доживать свой въкъ на чистомъ воздухв. Всю жизнь, во время этой тажелой службы, онъ только и видель пинки и толчки. И вдругь теперь правительство не только отпустило его со службы, но и любезно осведомидось, что ему не нравится и чего ему угодно. Понятно съ накимъ синиворов, бинальпринороди стоте статир сменя дворяния манифесть 14 декабря. Притомъ на поднятіе духа собравшихся дъйствовала самая торжеотвенность, какою были обставлены съёзды и выборы. Что на съезды для выбора депутатовъ и сочиненія накавовъ собиранось всетаки меньшинство уваднаго дворянства-въ этомъ нельзя еще видеть несочувственное отношение къ делу: большинство дворянства было не дома-на служба; но нать причинь думать, чтобы это отсутствующее дворянство не разделяло настроенія съехавшихся *). Однако иногда самое это радостное настроеніе, въ которомъ съвзжавшееся дворянство принимаюсь за порученную ему работу, мешало серьезными образоми отнестись им делу. Волоколамскіе дворяне съехались въ свой городъ къ 12 марта, выбражи въ этоть день въ предводители А. А. Загряжскаго и комиссію изъ четырехъ лецъ для составленія проекта наказа, после чего отправились на объдъ въ начальнику города. 14 марта они уже собрались въ загородномъ домъ предводителя, оказавшагося большимъ хавоосоломъ, гдв «были угощены обеденнымъ столомъ, во время

^{*)} Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ "малолюдство" съѣхавшихся объясняется временемъ, въ которое происходнии съѣзды: въ мартѣ, во время разлива. См. XXIX.

жотораго пили за здравіе Ея Инператорскаго Величества, причемъ производилась пальба изъ пушекъ, поставленияхъ передъ помомъ». После этого предводительского обеда, да еще съ тостами за государыню, «предводитель съ дворянствомъ», какъ гласить оффиціальное описание этого съвзда, «упраживансь въ чтении проекта лепутатскаго наказа». Вечеромъ зажженъ быль фейерверкъ, въ которомъ изображено было имя государыни, а по сторонамъ начальныя интеры: В. М. И. П. В. О., означавшія: «благоволеніе монаршее, всполнение подданныхъ, благополучие общества», после чего «вев угощены быде ужиномъ». 15 выбрали депутата, подписали наказъ н объдали у одного изъ членовъ комиссіи по составленію наказаки. Шаховскаго. 16-го приглашены были на обеденный столъ къ новонабранному депутату, вице-президенту военной коллегія графу Чернышеву въ его загородный домъ, после чего и разъехались, по своимъ деревнямъ. Отвройте теперь волоколамскій наказъ: онъ проникнуть самымъ радужнымъ настроеніемъ; такъ и видно, что, его сочиняли люди прямо съ предводительского обеда. «Его содер--жаніе», какъ его резимироваль протоколь съвзда, «главиййщее состояло въ томъ, чтобы принести Ея И. В. за изливаемыя ею на своихъ подданныхъ повседневно милости всеподданическую благодарность съ теплыми молитвами во Всевышнему о непоколебимомъ ея здравін» *). Въ самомъ деле, въ наказе волоколамское дворянство говорить, что у него собственно нёть никакихь нуждъ, чтобы УТРУЖЛАТЬ ГОСУДАРЫНЮ; УЖЪ ТОЛЬКО ИЗЪ ОДНОГО ПОСЛУШАНІЯ ВЫСОчайшему манифесту оно избрало депутата и сочинило наказъ, включивъ въ него всего четыре пункта, въ которыхъ вскользь указало на въкоторое неудобство въ законахъ, опредъявшихъ наслъдственное право, и ограничилось общей просьбой о дарованіи корпусу дворянства «правъ и преимуществъ», совершенно ве указавъ, какых вменно. Но за то депутату предписывалось «крайное стараніе приложить» къ тому, чтобы «ясходатайствовать высочайшее соизволеніе сділать Ея И. В. статую», и это поручадось ему «какъ главиващее нашихъ нуждъ и прошеній». Трудно думать, чтобы Волоколамскій увядь благодонствоваль больше прочихъ, его окружающихъ, но приди въ отмичное расположение духа у радушнаго предводителя, дворяне забыли все окружающія ихъ невигоды и не только ни на что не жаловались и ничего не просили, но и заключили свой наказъ тёмъ, чёмъ часто заканчиваются такіе общественные об'єды по торжественными случаями, когда сердца подограты-пожертвованіемъ. Дворянство изъявило готовность ставить принасы на расположенный въ узяде полкъ ниже штатной цены, а убытокъ, которые будеть произведень такимъ понижениемъ, расположить на всехъ помещиковъ уезда по числу ровизскихъ душъ. Точно также муромскіе дворяне заявили въ своемъ наказе, что «по

^{*)} Сб. И. О. т. IV стр. 26—27.

довольномъ общемъ разсужденім» они не признають никакихъ отигошеній и нужать. Къ сожальнію, пока не излано никакихъ локументовь о томь, камь именно и при каких обстоятельствах составлялись пворянскіе навазы, и поэтому нельзя рённить многихъ интересныхъ вопросовъ, какъ, напр., въ какой степени принимадоучастіе събажавшееся дворянство въ обсужденін каказа, составленнаго спеціальной комиссіей; возникали ли при этомъ споры или вой: наказы проходили такъ же гладко, какъ волоколанскій; соотавлялосьли по нескольку проектовъ, сводимыхъ затемъ въ одинъ общій; въ какой мёрё вліяль на содержаніе наказа образь мыслей отледьнаго выдающагося лица, увлекавшаго собраніе, какъ это замётно, напр. на врославскомъ наказъ. Этотъ последній составленъ подъ сильнымъ вліянісмъ допутата ярославскаго дворянства, изв'ястнаго ки. М. М. Шербатова, съ идеями котораго можно такъ корощо познакомиться по журналамъ Комиссін; ому принадлежить большая часть наказа *). Сынъ костромского депутата, впосивлотвін маршала комнесін Бибикова, разсказываеть въ біографін отца, что наказъоть коотромскихъ дворянъ былъ составленъ последнимъ, и что въ немъ онь старанся приспособиться въ мыслямъ императрицы, которыя были ему очень хорошо известны. Этоть проекть наказа и быль. утвержденъ костроискимъ дворянствомъ **). Только въ этехъ двухъ отучаяхь намы и известны авторы наказовь.

Саман посившность, съ какою велось дело, могла въ значительмой степени мещать серьезному отношению въ нему. Манифесть о
созыве комисси засталъ врасполохъ мирно дремавшую втечене
долгаго времени провинцию и, разбудивъ ее внезапно, предписалъ
ей высказать свои нужды: съ просонья не всякий соображаеть сразу.
Темъ боле это было трудно для дворянства по темъ обстоятельствамъ, въ какихъ оно находилось въ первой половине XVIII в.
Отвлеченная государственной службою наиболе деятельная часть
его не жила въ местности, гдв она владела землею. Въ Большомъ наказе ***) Екатерина жалуется, что хозяева деревень, бывая
въ нихъ очень редко или и совсемъ не бывая и, следовательно,
сами не занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, заводять тамъ оброчную систему, которую она признавала вредной, и что всё дервени

^{*)} Ему принадлежать 1-ое и 3-е разділеніе наказа. 2-ое разділеніе составлено неизвістнимъ лицомъ. Сочиненія ин. Щербатова, СПб. 1896 г. т. І, стр. 30 и 31.

^{**)} Впрочемъ, въ повазаніямъ Бибикова-сына слъдуеть относиться осторожно. Такъ онъ упоминаеть о такихъ статьяхъ этого наказа, которыхъ на самомъ дъдъ тамъ кътъ (о вольныхъ клъбонашцахъ, о воспрещение продажи връпостныхъ). За то такое требованіе, которое тамъ есть—лишеніе права службою получать дворянское достоинство—едва ли соотвътствовало взглядамъ императрицы. Это онъ такъ преувеличенно обвинялъ костромскихъ дворянъ въ безграмотности, сказавъ что ½ избирателей была безграмотна, тогда какъ такихъ изъ 73 было только 9.

-ночти на оброкъ. Изъ того, однако, что дворянство отвискалось по большей части изъ своихъ деревень, никакъ не следуеть заключать, чтобы оно всетаки не интересовалось ихъ судьбою. Съ деревнею связывали отсутствующаго помещика самыя прочные и важныя нити-экономическія. Оттуда онъ получаль средства къ суще--отвованію, тамъ была «вся его жизнь», какъ сказаль-бы древній летописецъ. Дворянство отдавало государству свои цветы и плоды, но корин его, впитывающіе кріпостной трудь, танинсь вы глубинів деревни и тесно съ нею были связаны. Поэтому каждая невзгода деревни, поражавшая эти кории, отзывалась на немъ очень больно; но оно гораздо более ощущало эту боль, чемъ умело разсказать о ней и точно формулировать свои ощущения. Только этимъ наболавшимъ чувствомъ и можно себе объяснить такое, напр., требование Одного изъ наказовъ, какъ назначение смертной казни за каждую взятку, какъ бы она не была незначетельна. Это просто врекъ оть боли, причиняемый такимъ ужаснымъ недугомъ, какимъ было взяточничество въ XVIII въкъ. При частныхъ встръчахъ другъ съ другомъ тогдашніе пом'вщики, віроятно, не меніе теперешнихъ умени охами и вздохами жаловаться другь другу на печальное подожение обстоятельствъ. Совсемъ нное было дело облечь эти жалобы въ определенную точную форму. Къ тому же дворянство совоемъ ОТВЫКЛО ДЕЙСТВОВАТЬ ОбЩЕСТВОМЪ ВЪ МЕСТНЫХЪ ЛЕДАХЪ, ОТСТАВЪ ВЪ этомъ отношении даже отъ дворянъ XVII въка, всетаки събажавшихся время отъ времени для разнаго рода выборовъ. Если уже после долгаго действія скатеринниских учрежденій провинція была полна Плюшкеныхъ и Собакевичей, то не надо вабывать, что наказы въ комиссію 1767 г. подписывались ихъ отцами, которые не непытали на себе воспитательного действія ниваких общественныхь учрежденій, подобныхь екатерининскимь. Тамъ трудиве было имъ отдавать себе ясный отчеть о мёстныхъ делахъ и, отрашаясь оть частных отдельных фактовь, которые было запрещено вносить въ наказы, представлять нужды уезда въ виде общихъ формулъ и отыскивать общія причины явленій. Съ трогательною скромностью тульскіе дворяне просили ихъ извинить, если наказъ ихъ покажется «смешанным» и непорядочно разсвянным» по непривычев нашей въ семъ упражнени». Дворяне Серпуховскаго, Тарусскаго и Оболенскаго уведовъ боятся за неполноту довольно обстоятельно все таки составленнаго ими наказа; поводомъ къ такому опасению служить у нихъ, очевидно, также сознание непривычки и неуменья работать на такого рода поприще, сибо мы ниже подписавшіеся», какъ говорять они въ наказё, «почти всю жизнь свою унотребнии въ военной Ея И. В. службв *) Эта непривычка говорить публично и писать объ общественныхъ делахъ отразилась даже на самомъ слоге наказовъ: некоторые изъ нихъ написаны съ

^{*)} XXVI. XLIV.

безтолковостью, достойною разви помищицы Коробочки, въ особенности когда пело касается поридической области. Это какой то надутый, расплывчатый, туманный и часто чрезмёрно мапыщенный языкъ, лишающій иногда возножности уловить накія-нибудь опрепеленныя очертанія. А межлу темъ ето вовсе не вина вообще языка. XVIII въка: тогда же существоваль и другой слогь. Прочтите изряду оъ этими наказами какое-нибудь «доношеніе», написанноепростымь подъячемь любой воеводской канцелярін: оно всегла ясно. полно и иногла даже со щегольствомъ. Значить, причина неполмоты и меясности наказовь зависеть не оть свойствъ языка, а оть непривычки обстоятельно обдумывать местныя общественныя нужды: и деловито ихъ выражать. Раньше правительство никогда не спрашевало о нихъ дворянство, поэтому оно и не привывло двловымъ азыкомъ о нехъ отвечать. Быть можеть именю это неуменье и сомивніе въ своихъ снаяхъ и побуждало ниме убяды обращаться къ сосъдямъ и списывать ихъ наказы пъинкомъ или внося только нфкоторыя изміненія *). Дворяне Рославльскаго увяда (Смоленской губернін), опасаясь за менолноту составленнаго ими наказа, прямопоручали своему депутату заглянуть, если будеть иметь къ тому случай, въ наказъ дворянъ сосединго Смоленскаго увзда и прибаветь оттуда въ свой, если что нибудь найдеть тамъ лишнее противъ наъ наказа. Иногда это недоверіе къ своимъ силамъ достигаеть крайней степени: дворяне Юрьева-Польскаго убяда заявили, что они ничего представлять не могуть по своему скудоумію. Но особенно тажелое впечатавніе производить очень коротенькій наказъ дворянъ Кадмевскаго удзда **), уже достаточно, впрочемъ, осинянный въ нашей интературь. Эти захолустные дворяне обратили главное внимание на одно неудобство, казавшееся виъ наиболее существеннымъ: благодаря вазенной винной монополін, было ограничено право частиаго винокуренія и перевоза вина пом'єщикомъ изъ своей деревни въ городъ: «посему дворянство», жалуется этотъ наказъ. симъя штабъ и оберъ-офицерскіе чины, пріёхавъ въ городъ, за неимъніемъ при себъ домовой водки и вина, принуждены бывають съ питейныхъ домовъ покупать водку и вино многимъ съ противными и съ непристойными спеціями и запахомъ; почему дворянство похарактерамъ ихъ видеть принуждены въ томъ себе недостатокъ. Положимъ. Кадмевъ былъ одинъ изъ техъ темнымъ угловъ русской земли, которые такъ метко охарактеризоваль Сквозникъ-Лиу-

^{*)} Въ этомъ для насъ еще небольшая бёда относительно полноты наказовъ, какъ источника, такъ какъ сосёдніе уёзды жаловались обыкновенно на одно и тоже, даже если и самостоятельно составляли наказы. Но есть и другіе случаи заимствованія: наказъ Луховскаго у. теперешней Костромской губерніи весь сшить изъ лоскутовъ, взятыхъ изъ наказовъдовольно далекихъ отъ него уёздовъ Тульскаго и Одоевскаго. Съ тульскимъ наказомъ очень много общаго также у шуйскаго.

^{8*)} Теперь Кадмевъ—заштатный городъ Костромской губерніи.

55

хановскій, сказавъ, что оттуда хоть три года скачи, ни до какого государства не доёдешь.

Все это, однако, только немногія исключенія, которыя тімь боже обращають на себя вниманіе, что они редки. Сововив иное впечативніе получинь, ознакомившись со всею массой наказовь. Пусть изкоторые не полны и выражены невразумительно: они пополняются и объясняются другими. Что за быда, что немногіе изъ нехъ въ этомъ большомъ хорв беруть неверную ноту и не дотягивають за неименіемь голоса: нхъ подавляеть своей массой остальной хорь, издающій вполив согласное минорное созвучіе. Картина провинціи XVIII въка является нарисованною очень полно, когда прочтешь вой наказы. Большинство тоглашняго пворянства поняю и постаралось исполнить предложенную ему задачу вполий серьезно. Это во 1-хъ показываеть та делающая ему честь откровенность, съ которою оно высказало свои жалобы предъ престоломъ, хотя приходилось иногда задъвать довольно щекотливыя темы, рискуя попасть въ недовкое подожение. Кажется, этимъ опасениемъ и должно объяснить ту ивсколько раболенную форму, которой отличаются многіе наказы: быть можеть ею дворянство хотело заявить о своей невывыной преданности самому престолу въ то время, какъ ему приходилось разко осуждать изданные высочайшей властью законы нии критиковать действія назначаемых тою же внастью агентовь. Дворянство въ наказахъ сказало своей государмий горькую правду оъ тою же откровенностью, съ какою его предки обращанись съ челобитными въ своимъ царямъ, съ развищею разва только въ выраженіяхъ: тамъ, гдв последніе коротко говорили: «быомъ челомъ жологи твои», тамъ первые «съ рабскимъ подобострастіемъ превлоняли кольна сердень своихь и припадали въ освященнымъ стопамъ». Притомъ обстоятельства были уже нимя: правительство XVIII в. переставало отвечать взаниностью на такую откровенность. Царь XVI и XVII вв. не стеснялся въ тысячахъ своихъ гранотъ соглашаться и завлять публично о негодности воеводскаго персонала и о разворенін управинемыхъ. Правительства XVIII вёка были какъ то более самолюбивы и менее склоним критиковать свои собственныя действія, а критиковъ изъ общества посылали въ Преображенскій приказъ или Тайную канцелярію бесідовать съ Ромодановскимъ или Ушаковымъ. Тъмъ болъе, следовательно, дворянство могло опасаться очутеться въ неловкомъ положеніи, высказывая правду, которая могла колоть глаза—и темъ не менее высказало. Въ своихъ сетованіяхь оно вногда доходило до того одушевленія, въ которое приходить обеженный и жанующійся человінь, найдя участываго слушателя: въ етомъ можес легко убедеться прочтя наказъ Ряжскаго увада, гдв съ необыкновенной горячностью дворяне перечислими вов тв обиды, которыя имъ приходилось терпеть отъ воеводской канцелярін своего увяда. Другой наказъ прямо таки требоваль, чтобы даже самое слово «воевода» было забыто *). Туть вылилось долго скрываемое, но сильно наболевшее чувство, котораго не могла удержать оффиніальность подаваемой жалобы.

Насколько серьезно относились иныя дворянства къ возложенному на нихъ дёлу, это видно, затёмъ, изъ того, что они не считали своего дёла оконченнымъ, избравъ депутата и вручивъ ему наказъ, и не потеряли интереса къ дальнъйшимъ судьбамъ этого наказа: они предписывали въ заключеніи наказа своему депутату поддерживать сношенія съ предводителемъ, иногда даже «ежепочтно», увёдомляя его о ходё дёла въ коммиссіи. Наконецъ, ближайшее знакомство съ самымъ содержаніемъ наказовъ лучше всего показываеть ихъ дёльность.

II.

Въ двухъ отношеніяхъ наказы, данные уёздными дворянствами своимъ депутатамъ, могутъ служить для насъ источникомъ для знакомотва съ состояніемъ русской провинціи XVIII віка. Какъ извістно, дворянству было предоставлено изъяснить въ этихъ наказахъ мъстные нужды и недостатки, т. е. жаловаться. Но цель коммиссии была главнымъ образомъ законодательная: она призывалась «сочинить» проекть Новаго Уложенія на место прежняго уложенія царя Алексвя, совершенно устаръвшаго и непригоднаго, а все еще не отивненнаго и продолжавшаго свое действіе. При выбор'в депутата имълось въ виду, что онъ поъдеть въ Москву не только представдять нужды, но и участвовать въ составленіи новыхъ законовъ. Воть почему и увздныя дворянства, обсуждая свои нужды и недостатки, добрую долю своего вниманія направили на критику стараго законодательства и на ходатайства объ изданіи цёлаго ряда новыхъ законовъ, казавшихся ему необходимыми. Но критикуя старый законъ по частямъ или требуя отмёны его въ цёломъ, они въ большинстви случаевъ довольно подробно и обстоятельно модивировали свое требованіе, указывали на неудобства оть примененія извъстнаго закона въ жизни, на его обходъ житейской практикой, на вредныя последствія оть него происходящія. Въ свою очередь настанвая на изданіи какого либо новаго закона, содержаніе котораго туть же въ наказё и проектировалось, дворянство указывало на тв существующія въ жизни неудобства, которыя, по его мижнію, такой законъ могь бы искоренить. Чемъ подробнее эта мотивировка, чёмъ она ближе въ жизни и конкретиве, темъ для насъ она, вонечно, драгоціннію, такъ какъ тімь дучше она рисуеть провинціальные порядки, на которые жаловалось дворянство. Но оно очень редко ограничивалось только жалобой. По большей части оно туть же и подсказывало правительству те средства, при помощи кото-

^{*)} XXVI, 20.

рыхъ оно надвилось прекратить окружающія его неудобства и достигнуть того общаго «блаженства», создать которое и было конечной цёлью коммиссіи и о которомъ гласила надпись на депутатскихъ знакахъ. Такимъ образомъ, по дворянскимъ наказамъ мы увнаемъ не только то, на что дворянство жаловалось, по и то, чего оно хотбло. Оба эти предмета: и предметь его жалобъ, какъ и предметь его просьбъ въ одинаковой степени для насъ важны. Первый знакомить насъ съ тою действительностью, въ которой жилъ руководящій провинціальный классъ, второй—съ теми идеалами, которыми онъ жилъ: а безъ ндеаловъ, какъ бы ни была различна ихъ цённость, не можеть жимъ никакое человёческое общество, какъ безъ нихъ не живеть никакая стдёльная личность. Жизнь безъ идеала не жизнь, а только прозибаніе.

Правомъ обратиться къ правительству съ жалобой дворянство воспользовалось въ самой широкой степени, и эти жалобы были большею частью довольно горьки. Только очень немногіе увады, съ наказами которыхъ мы познакомников выше, были настроены такъ оптимистически. Подавляющее большинство остальных в исполнено менеселаго взгляда на окружающую действительность. И такъ, на что же жаловалось дворинство XVIII в. въ своихъ наказахъ? Уже заранее можно предвидеть, что главная масса жалобь будеть направдена на то, что более всего задевало его главные интересы. До Второй половины прошнаго выка русское дворянство имыю двоякое вначеніе: оно было олужильно и владвльческим классомъ. Въ первомъ своемъ качестви оно было связано съ государствомъ, которому оно обявано было службой, во второмъ-съ местностью, гдв находился источникъ его содержанія. На него была наложена повинность личной службы государству, такъ же, какъ на другіе классы была наложена повинность доставлять государству финансы. Государственными интересами поглощались до половины XVIII в. въ Россін вов останьные, поэтому первое значеніе дворянства несонзмъримо господствовало надъ вторымъ. Пока главною изъ государотвенных задачь была вившили оборона — ивотнооть разсматриванась гораздо больше, какъ источникъ рессурсовъ для государственныхъ потребностей, чёмъ какъ предметь заботь со стороны государства. Всв свои силы местность напрягала для государства, отъ котораго получала пока только безопасность отъ вившинкъ враговъ. И дворянское землевлядение было тогда только рессурсомъ для отбыванія службы, подобно тому какъ теперь такимъ средствомъ для отбыванія государственной службы является для чиновника получаемое имъ денежное жалованье. Съ нашей точки зрвнія плохъ тоть чиновникъ, который жалованьемъ интересуется больше, чемъ самой службой, и не разсматриваеть перваго какъ средство для второй; соответственно этому съ точки вренія тогдашняго государства плохъ быть бы тоть дворянинь, котораго интересы направлянись кь помъстью больше чемъ къ служов, какъ бы велика ни была разница

между денежнымъ содержаніемъ, не требующимъ никакого ухода, и землею, требующею усиленных трудовь и заботь, чтобъ быть дыйствительнымъ источникомъ содержанія. Въ эпоху наказовъ это сословіе, выразнишее на себя устани рильскаго дворянотва взглядь. вавъ на «вамень, служащій основаніемъ государству»—не забываеть еще своего служнаяго значенія. Столичное московское дворянство «приводить себь на память, что россійское иворянство издревле яко ворнусь, составляющій силу, оборону и независимость государства». Совершенно такіе же взгляни на свое служилое происхожесніе и значеніє высказывають и провинціальных дворянства, какъ, напр., болховское, заявляющее, что «вся слава и честь дворянства-жертвовать себя въ службе Ея И. В., или валуйское, доказывавшее, что «начатокъ дворянства не инымъ образомъ произошель, какъ оть достопанятных выть и заслугь предковь ихь». Но уже вы эпоху наказовь служний интересь дворянства отощель на второй плань: вёдь онъ и состоямь только вь томь, быть или не быть обявательной службь. То быль интересь чисто отрицательнаго карактера, какой возбуждаеть въ обществе всикая накладываемая на него повинность: дворянство спало и видело, какъ бы добиться необизательности службы и, конечео, пиши оно свои наказы до манифеста 18 февраля 1762 г., въ нехъ на главномъ месте стояле бы ходатайства объотивив или, по врайней мерв, о сокращение срока обязательной службы. Съ изданіемь этого манифеста самая насушная потребность дворянотва была удовлетворена: ему предоставлена была свобода служить или не служить по своей воль. Воть почему въ наказахъ и и вътъ просьбъ о службъ. Какъ это ни странно. въ одномъ изъ нихъ встречается даже совершенно обратное требованіе. Наказъ Кашинскаго увзда просить о введеніи вновь обязательной службы, ограниченной только десятилетнимъ срокомъ, мотивируя свою просьбу тамъ соображеніенъ, что «первый долгь дворянскій зависить въ томъ, чтобы показать заслуги своему отечеству ва всё тё преимущества, которыми онъ (т. е. дворяванъ) отъ государя своего пожалованъ». Вполнъ естественно, что вслъдъ за снятіемъ съ очереди вопроса о службі, на первый планъ выступиль другой существенный дворянскій интересь — владільческій. Связь, бывная прежде между землевладениемъ и службой, теперь уже порвалась. Наобороть даже, по мере того какъ съ дворянина постепенно снималась повинность обявательной службы, его владыльческія права все болье и болье укрыплялись. Всь его земельныя влаприја обращены опти вр водины; поместве — этоть временный и условный видь владенія — было уничтожено. Мало того, владеніе землей и крипостными трудоми дилалось все болже исключительной привиллегіей дворянскаго класса: переставая быть обязательно служилымъ, этотъ классъ все болье становился привидингированновдадвическимъ. Такимъ онъ и выступниъ въ наназахъ. Въ нихъ болбе всего лворянство занято своими владельческими правами и

довольно равнодушно въ инчнымъ. Въ нёкоторыхъ, но только въ мемногихъ, наказахъ былъ возбужденъ вопросъ объ отмёнё тёлесмаго наказанія для дворянна. И позже при обсужденіи этого вопроса въ самой коммиссіи, когда въ ней разсматривался «проектъ правъ благородныхъ», послужившій основаніемъ для изданной впосмёдствін жалованной грамоты, несмотря на сильную оппозицію представителей другихъ сословій, горячо возстававшихъ противъ такого изъятія для дворянъ изъ общаго уголовнаго права, эта важная статья не нашла себё защиты въ представителяхъ дворянскаго сословія, равнодушно выслушавшихъ нападки на нее.

И такъ, владвльческіе интересы стоять у нашего дворянства ХУШ в. на первомъ планъ. Посмотремъ теперь, чъмъ особенно было недовольно оно въ области своихъ владельческихъ правъ какъ вемле- и душе владальны. Прежде всего оно жаловалось на самое состояніе права собственности, т. е. на то положеніе, въ которомъ находилось ваконодательство о собственности. Излише говорить. въ какомъ печальномъ положенін нахопилось въ половина XVIII в. наше законодательство вообще: дучшинь доказательствомь этого служеть самый совывь коминссін для сочиненія новаго Уложенія. На безпорядокъ въ законодательстве жаловалось и дворянство, за-ABARA BY CROUND HERESSEN O CREATEROUS OTHROHIE OLY ANHOMORIE указовъ» и прося, по изданіи новаго уложенія, впредь сепаратныхъ указовъ не издавать. Но быть можеть ни въ одномъ отделе правъ не было такой путаницы, какъ въ правъ на землю. Дъйствовало неотивненное формально уложение 1649 г.; вивотв съ немъ лъйотвовала необъятная масса изданных после него указовъ, не редко протеворечивыхъ, притомъ негде не только не сведенныхъ, во даже и не собранныхъ. Не было не только никакого свода законовъ, ко даже и простого вхъ сборника. Всявдствіе этого публика могла плохо быть знакома оъ законодательствомъ, и оно могло быть хорошо известно только опытному приказному практику. А между тыть едва ин какимъ нибудь инымъ предметомъ законодательство нитересованось болье, чемъ правомъ на землю, и едва ин какой другой предметь вызваль такое множество постановленій, какъ этоть. При такомъ хаотическомъ состояни законодательства о собственности на землю, вполнё естественно, что въ головахъ людей того времени право соботвенности или не сознавалось въ ясныхъ определенныхъ очертаніяхъ, или, если такое ясное сознаніе права было, то это было только идеальное право, которое иногда шло совоймъ въ разразъ съ существующимъ законодательствомъ. А между тыть люди того времени и руководились иногда такимъ идеальнымъ правомъ, благодаря чему на практике появлялись сделки, протоворъчащія вакону или непризнанныя имъ и потому могущія быть поводами къ процессамъ, особенно при развитии абединчества, на которое такъ жалуюся наказы. И такъ, дворянинъ могъ владёть попавшимъ въ нему въ руки именіемъ и не всегда давать себе нений отчеть, соотвітствуєть ин то основаніе, на которомъ опъвиадіветь, закону или ніть, и потому не всегда могь бідть спокоснь за свое владініе, если бы какому нибудь сутягі сосійду, заручившемуся небезкорыстною дружбою приказнаго крюка, вздумалось бы почему либо заявить на это имініе претензію. Воть почему дворянство и жаловалось, что «въ семь ділій и законы государственные кажутся намь быть темны или недостаточны» и что «оть многаго числа разныхъ указовь, кои всякій въ свою пользу наклоняеть—одинъ, можеть быть, не принадлежащее получить, а другой невинно обижень»

Кром'в такой общей темноты въ праве собственности, въ отдельныхь случаяхь было невозможно выяснять и утвердить свое право на известную вемию. Въ отделенномъ захолустномъ увзде одинъ помъщикъ продавалъ или закладывалъ другому нъсколько «четвертей» какой нибудь пустоши. Писался акть этой сдёлке—купчая или закладная. Но чтобы такой акть имань действительную силу, его необходимо было «явить» въ правительственномъ мъсть. Теперь въ каждомъ увздномъ городв есть нотаріусь, у котораго и являють такіе акты. Тогда такую явку можно было сдёлать только въ одной изъ столецъ въ вотчинной коллегіи или ел конторф. Такая центрадизація повемельных одівловь не была безь основаній; вывотченной коллегін хранились писцовыя и межевыя книги всего государства, служившія, между прочимь, доказательствомь на право владенія за неимвніемъ плановъ. Такимъ образомъ здесь только могла быть произведена какъ проверка правъ на известную землю липъ, заключавшихъ сделку, такъ и отметка о переходе этого имущества, съ темъ, чтобы служеть въ свою очередь основаниемъ для поверки на будущее время. Утвердивъ сделку, Коллегія посылала указъ въ увадъ въ воеводскую канцелярію, которая и приводила сделку въ нополненіе. «отказывала» землю тому, кто должень быль получить ее. Это сосредоточение поземельныхъ дъль въ одномъ центръ достадось вотчинной коллегіи еще оть эпохи московскаго государства: оно было необходимо при той общирной раздачь земель въ помъстье, какая производилась въ XVI и XVII векахъ, когда правительство должно было зорко следить за расходованіемъ все уменьшавшагося жоличества земли и для удобства справокъ иметь весь поземельный архивъ подъ рукою. Въ XVIII в. въ такой централизаціи уже не было нужды, а между темъ она была страшно тажела для дворянъ землевладельневь; поездка въ отдаленную столицу, наемъ тамъ квартиры и продовольствіе, пока тянулось діло, а въ вотчинной коллегів «окораго решенія по множеству техъ дель получить было не можно>--- легко себ' представить, что должна была испытать какая нибудь увздная Коробочка, когда, пріобретая какое нибудь владеньице, принуждена бывала отправляться въ Москву. Иногда и

^{*)} XXXIX, 3.

случалось, что повздка въ Москву и исполнение всей этой процедуры при переходъ всили изъ однихъ рукъ въ другія могла обойтись дороже стоимости самой вемли. Поэтому очень часто мелкому и седному дворяниму такія поёздки бывали не подъ силу, и приходилось владёть вемлею или по неутвержденному формально документу, или же и вовсе безъ документа. Случалось, что именіе могло нёсколько разъ перемённть владёльцевъ, переходя изъ рукъ въ руки такимъ формально не обезпеченнымъ путемъ, такъ что и самая нить этихъ переходовъ порывалась въ памяти. Создавалась тогда поливищая неясность правъ на известный участокъ зомли и невовножность доказать ихъ. При отдаленности присутственнаго мъста по поземельнымъ дъламъ и при неполноть и неиспости поземельнаго законодательства, возможны были случаи такого рода, упоминаемые иными наказами: покупщикъ имънія отдаль уже за него продавцу деньги и получиль оть него купчую крипость. Ему остается одна формальность, чтобы вступить во владеніе пріобретеннымъ имъніемъ, съездить въ Москву явить крепость, которую онъ и откладываль, отвлеченный службою или по инымъ причинамъ. Между твиъ продавецъ умиралъ, имение переходило въ наследникамъ, не знавшимъ о продажв, которые и отказывались признать крипость дийствительной *). Въ этомъ случай ийть еще ниче-го злоумышленнаго со стороны продавца. Но бывало такъ, и на это жалуются многіе наказы, что владілець продаваль землю сразу нъсколькимъ лицамъ, выдавая каждому купчую крепость и получан съ каждаго деньги. Изъ этихъ купчихъ утверждалась вотчинною коллегіей не та, которая раньше была совершена, а простота, которая раньше другихъ была туда представлена въ утверждемію. Остальные же покупатели, держа въ рукахъ купчія, считали свое право обезпеченнымъ и не спітшили вхать въ вотчинную коллегію. Когда они узнавали объ обианъ, они могли, если хотели, взыскивать потерянныя деньги судомъ; но въ то время это было слишкомъ рискованнымъ предпріятіемъ: качать даже справедливую тяжбу было тогда все равно, что начать авартную игру — можно было потерять и последнее. Воть почему дворянство такъ настойчиво просить перенести поземельныя дёла въ мёстность — децентрализовать вотчинную коллегію и ся архивъ.

Итакъ, на общемъ неопределенномъ фоне имущественнаго права бывало очень часто неясно право отдёльнаго лица на отдёльное имущество. Не ограничиваясь, однако, такой общей жалобой на печальное ссетояніе права собственности, дворянство указывало на отдельныя явленія въ области этого права, которыя его тревожили. При этомъ въ однихъ случаяхъ оно жаловалось на излишнюю ствснительность существующихъ законовъ, въ другихъ же, напротивъ, приводило последствія недостатка ихъ и требовало ихъ дополненія.

^{*)} CXXXI, 36.

Такъ передко въ наказахъ встречаемъ жалобы на очень съуженное право распораженія недвижимым имуществомь, на стёсненіе свободы духовнаго завещанія законами о наслёдстве. «О коль совершенно счастивымъ можеть тогда назваться всякій россійскій дворяниять», восклицаеть дмитровскій наказь, если ему будеть предоставлена подная свобода распоряжаться своимъ именіемъ, не равлечая движеного отъ недвиженого и родового отъ благопріобретеннаго. «Теперь же», могивируеть свое пожеланіе наказъ, «родители, види между детей своихъ одного благоразумнаго и воздержнаго, другого расточителя, желали бы ввірить овое нивніе первому для содержанія другого». Но законь связываеть ихъ, и имъніе дълится поровну, ко «взаниному убитку» обонкъ детей. Точно также родители «съ горестью взирають на обдемкъ дочерей своикъ». Смну, иногда недостойному, отецъ принуждень оставить 13 долей именіи, а дочь въ нищете съ четырнадцатою долею; между твиъ какъ мужчина имветь гораздо болве средствъ доставить себ'я пропитаніе, чамъ женщина, «которых» неръдко видимъ угиотаемыхъ скудостью, ведущихъ горестную жизнь, потому что, привыкнувъ жить изобильно въ дом'в родительскомъ, несносно имъ, лишась родителей, лишиться и достаточнаго содержанія». Дворянство жаловалось далее на то, что даже бездетный владелець стеснень въ распоряжения имуществомъ: онъ не можеть оставить его близвому другу, оть котораго пользовался самъ одолженіями, а обязанъ оставлять его дальнимъ, иногра и неблагодарнымъ родотвенникамъ. Съ другой стороны дворянство желало бы большаго ствененія въ практикв разділовь наслідуемых вивній. Доли равноправныхъ наследниковъ должны быль быть равны, и практика доводила этотъ принципъ до абсурда. Если наследодатель оставлять инскливко небольшихъ именій, разбросанныхъ по разнымъ уведамъ, наслёдники делились но отдёльными именіями, а дробили ихъ на части, такъ чтобы каждому наследнику приходилась доля въ каждомъ именіи. Такимъ образомъ и выходило, что доставалось каждому «въ одномъ месте пять, въ другомъ две, а въ ниомъ почасту и по одной душть крестьянъ». «И до того отъ сихъ выделовь дошло», говорить поковскій наказь, «что рёдко можно сыскать одно селеніе, гдё бъ не было пять или десять разныхъ владельцевъ». Отсюда недовики въ государственныхъ сборахъ и нескончаения ссоры между сосёдями, такъ что «бёдные люди, а наниаче вдовы, претерпъвая крайнее разореніе, и такія малыя частицы принуждены продавать за безцень, единственно для избежанія осоръ и нападеній отъ сильныхъ и, однимъ словомъ сказать, въ своемъ вивніи невольники» *). Части, приходящіяся на долю каждаго изъ делящихся наслёдниковъ, иногда такъ малы, что, по замъчанию керенскаго наказа, и одного крестынина содержать

^{*)} LXIX, 18.

нечёмъ, и если правительство не прекратить такихъ раздёловъ, то «все дворянство исчезнеть и хуже однодворцевъ быть могуть».

Выли и другіе пробълы въ области наслъдственнаго права, на воторые жаловалось дворянство. Законодательство плохо следило за практикой и не всегда отвечало потребностимь, вызываемымь этой последней. Очень часто на практике родители еще при жизни передавали все свое имъніе дътямъ, чтобы избавить ихъ отъ хлопоть по утвержденію въ правахъ наслёдства я вёрнёе укрёпить за ними нивніе, и сами поступали на содержаніе въ немъ. Случай, такъ художественно изображенный Тургеневынь въ его «Степномъ кором'в Лирв», бываль, какъ видно изъ наказовъ, очень частымъ въ дворянскомъ быту XVIII в. Если дети, получивъ именіе, умирали раньше своихъ родетелей-именіе должно было переходить уже къ вкъ наситаникамъ нисходищемъ или боковымъ, но никакъ не къ ролетолямъ, такъ вакъ законъ но зналъ наследованія восходешную. Хорошо еще, если такіе наслідники—діти, умирая, оставляли своимъ водителямъ внуковъ; но если они умирали бездетно — наследство могдо перейти иногда къ очень отдаленнымъ родственникамъ помимо родителей-наследодателей, не смотря на ближайшую кровную связь ихъ съ умершими. Такой порядокъ вещей одинъ изъ накавовъ называеть удаленнымъ оть «естественнаго права», обнаруживая тыть некоторое знакомотво съ терминами философіи XVIII в. Здёсь законодательство, не предполагавшее такой широкой практики слачи вижній при живни, шло вь разрізь со взглядами общества, вадъван чувство справединвости; поэтому и вызвало противъ себя такъ много жалобъ въ наказахъ.

Подобное же неудовосльтвіе возбуждали законы о наследованія бездітных супруговъ. По смерти одного изъ нихъ его имущество переходило къ его наследникамъ въ его родъ, оставнийся же въ живых получаль изъ ниущества укершаго только такъ называемую «указную часть» въ размёрё ½. Между тэмъ при жизии обоихъ вмущество на практикъ не раздължось. Если бы оно заключалось въ деньгахъ, тогда легко было выдълить часть умершаго. Но сововыть иное дело, когда приходилось разотаться съ инвијемъ, гдв была прожита жизнь вилоть, на хозяйственное улучшение котораго были затрачены средства именно того, которому приходилось съ нимъ разставаться. Поэтому дворянство и просить установить между супругами наследование одного после другого «нбо въ союзномъ бракъ обще о приращении своего интереса трудятся» *), съ темъ, чтобы владеніе такинь наследотвомь было пожизненнымь или до вторичнаго вотупленія въ бракъ. Въ особенности большое затрудненіе причинять въ такихъ случаяхъ разділь кріпостныхъ душъ. Богатая дворянская невеста приводила за собою въ домъ мужа болье или менье значительное число такъ называемыхъ «приданыхъ

^{*)} CXX, 6.

девокъ». Эти посабдиня съ течениемъ времени выдавались за крепостныхъ мужа. По смерти жены, если бракъ былъ бездётенъ, ед родотвенники требовали съ мужа не только этихъ «приданыхъ дъвокъ» ставшихъ теперь уже матерями семействъ, но и ихъ мужей н семейства. Такое требованіе поддерживалось закономъ *), а между темъ оно могло произвести целое разорение въ козийстве овдовавшаго супруга. Вообще трудно себа представить что нибуль печальные положения, въ какое попадаль такой бездытный вдовець. Тотчасъ же на него набрасывалась вся женина родин со ввысканіемъ ся имущества до последней нитки: ся земель, ся крепоотныхъ, его крепостныхъ, женившихся на ед приданыхъ девкахъ; мало того, требовали всю движниость и даже платья, которыя давнымъ давно могли быть изпошены. Списокъ приданаго вносился обыкновенно въ такъ называемую «рядную», составлявшуюся предъ бракомъ, и вдовецъ обязанъ былъ возвратить въ точности все перечесленное въ этомъ спискъ. Отъ этого возвращения по рядной, говорить болковскій наказъ, «нередко мужь въ крайнее разореніе приходить, ибо, не взирая на тридцати и сорокалетнее жены его съ немъ пребываніе, съ него требують возвращенія приданаго, которое она уже переносима», тамъ болье, что въ рядной обыкновенно цена всякой веще «ради пышности и тщеславія» сильно преувеличивалась. Всё эти явленія въ области наслёдственнаго права казались дворянству несправедливыми, и оно требовало ихъ измененій. Но то, чего оно добивалось, было нисколько не чуждо вообще русскому праву. Еще въ Псковской Правив есть постановленія о взаниномъ наследованін супруговъ другь после друга, поживненнаго или до второго брака, какъ въ движеномъ, такъ и въ недвеженомъ инуществе. Тамъ есть также оговорка, какъ разъ предотвращавшая возникновеніе явленій только что изложенныхъ. Въ случай вступленія во второй бракъ мужъ долженъ быль возвратить родственникамъ первой жены также и ея платье, но при этомъ ему должны были поверить на слово, что онъ все отдель, и не принуждать его къ показанію подъ присигой **).

Замвиательно, что самое главное изъ владвльческих правъ, принадлежавшихъ дворянству—крвпостное право на крестьянъ—не возбудило къ себв въ наказахъ почти никакого вниманія. Въ нихъ, какъ мы увидимъ ниже, очень много недовольства на нѣкоторые частные законы, стоявшіе въ связи съ крвпостнымъ правомъ, напр., на законы о бъглыхъ крестьянахъ, но самое крвпостное право по существу не вызвало никакихъ замвчаній. Легко понять, почему такъ было. Очевидно, что увздныя дворянства, составляя наказы, не могли допустить и мысли о томъ, чтобы это право было поставлено подъ знакъ вопроса. Они считали его на-

^{*)} CXXIV, 9.

^{**)} Псв. Суд. Гр. ст. 89—90.

столько исконнымъ и неотъемленимъ, что не находили нужнымъ о немъ и заговаривать, совершенно не предвидя, что оно сделается вопросомъ, хотя и минолетнымъ, уже въ самой комиссіи. Дворянство висколько не боялось за прочность этого права сверху. И если наказъ Шелонской пятины просиль въ новомъ Уложеніи «подтвердить съ такимъ объявленіемъ, что узаконенная издревие помещицкая власть наль ихъ людьми и крестьянами неотъемлется, какъ донынь была, такъ и впредь будеть», то вовое не потому, чтобы составители его не были уверены въ дальнейшемъ существовани крыпостного права: напротявь, самый тонь этехь оловь показываеть, что они не нивли на этотъ счеть некакихъ сомивній-а единственно только по тому, что они «стали примечать, что моли и крестьяне помещевамъ своимъ послушание по нескольку уменьшають». Такимъ образомъ дворяне Шелонской пятины гораздо болже боялись за врзиостное право снизу, чёмъ сверху, и эта статья должна была быть включена въ Уложение не ради уверения дворянства, а только ради внушенія вріпостнымъ. Не безпокоясь за самое бытіе кріпостного права, дворянство не ходатайствовало вовсе и о его развитии. На практикъ это развитіе, очевидно, дошло уже до такихъ предъдовъ, что не оставалось жедать инчего большого. Законодательство, ольдуя въ направленін, указанномъ практикою, доходило къ половеев XVIII в. до высшей точки въ разветіи этого права: какъ разъ наканунъ созванія депутатовъ, въ 1765 г., законъ настолько расшириять власть помещика надъ крепостнымъ, что позволиять первому есылать второго въ Сибирь уже не только на поселеніе, какъ это разрешалось закономъ 1760 г., но и въ каторжныя работы. Воть почему дворянство Керенскаго уёзда, одно изъ очень немногихъ, коснувшихся крепостного права, не находя уже ничего, о чемъ бы можно было просить для его расширенія, просило только не ограничивать власти и полномочія дворянства надъ своими дворовыми в крестьянами, «ибо Россійской имперін народъ сравненія не имъеть въ качествахъ съ европейскими». Иными словами оно счетало основаніемъ для кріпостного права самыя природныя свойства русскаго народа, совершенно также, какъ Аристотель полагаль, что сама природа предназначаеть ивкоторыя племена къ рабству. Положеніе двля въ живин вполив удовлетворяло дворянъ-помещиковъ, и только одно ливенское дворянство не посовъстилось выступить съ требованіемъ, ондьно отдававшимъ возарвиіями Двинской Судной Грамоты (1397): не ставить въ вину пом'ящикамъ и ихъ прикащикамъ смерти врестьянина, если она «учинится ему паче чаянія при бою» плетьми, батожьемъ или палками въ наказаніе «за продерзности», прося таких образомъ для пом'вщика не нного чего, какъ замаскированнаго права смертной казин надъ врестьянами. Что такіе случан бывали на практикі, это хорошо известно, но только у одного убеда хватило духу обратиться съ просьбой санкціонировать эту практику закономъ.

Недостатки въ общемъ правъ, о которыхъ сочло нужнымъ заявить дворянство, отражанись въ одинаковой мёре въ каждой провинціи и болье или менье сильно давали себя знать всему дворянотву. Но гораздо более вниманія привлекали къ себе въ наказахъ ть спеціально изотныя условія, при которыхъ дворянству приходилось осуществлять свои, хотя бы и неудовлетворявшія его владальческія права. Въ жалобахъ этого рода выступають ирачныя стороны мёстной жизии: наказы, коночно, могуть зарактеризовать провинцію только съ этой стороны. Дайствительно, картина тахъ условій, въ которыхъ жило пом'єстное дворянство въ первой подовинъ XVIII в., какъ ее рисують наказы, является крайне безотрадной. «Мы вообще не такъ время свое провождаемъ, какъ бы надлежало», жалуется рыльское дворянство, «не такъ живемъ, какъ благородному дворянству прилично». Нѣсколько наказовъ коснулнсь правовъ общества и жаловались на нелостатовъ просвещения и въ простомъ народъ и въ дворянствъ: «по несчастио нашему простой нашъ народъ мало о законъ Божіемъ знасть, а много таковыхъ, кои и совстви не знають-отчего въ обществъ большія несправелдивости, ложь, воровство, грабительство и смертоубійство не искореняются». Свётскіе же законы и наказанія противъ такихъ нравственных золь недействительны, разсуждаеть псковское дворянство. Лети бедныхъ дворянъ, по замечанию костромскаго наказа, «Въ невъжествъ и косности возрастають и не только дълаются неспособными къ службе, но и ни малейшаго вида дворянскаго въ жити и въ поведени своемъ не имъють: а многи черезъ то приходять въ развыя гнустныя страсти и шалости, которыя имъ же самимъ, наконецъ, во вредъ и погибель обращаются». То сосмовіе, которое должно было бы просвёщать народь, оказывалось неже своего назначения и по темноте разве немногимъ отличалось отъ простого народа. «Можеть ин незнающій научить незнающаго», спрашиваетъ псковское дворянство, разсуждая о невежестве сельскаго духовенства. Все хоть немного образованное духовенство подучаеть места въ городахъ, сельскій свищенникъ «не токмо какое поучение, неже о чемъ изъяснить о худомъ и о хорошемъ можетъ, нбо самъ мало знаеть». Низшіе церковно-служители: дьячки и пономари при увздныхъ церквахъ «того-жъ сорта незнающихъ и самые проставшіе». Ефремовскіе дворяне, прося правительство «вкорешить въ сердца наши страхъ, чтобы помишли Бога и законъ Его», жаловались, что во всемъ городъ Ефремовъ и въ уёздъ нёть ин одного ученаго священника, а какіе есть-ть оть неразумія не только не могуть никого наставить на истинный законь, но еще н сами «въ худыхъ предпріятіяхъ состоять, многіе входять въ ябеды... и употребляють себя въ другихъ количествахъ, то есть въ пьянствахъ и въ чиненіи безобразностей». Поэтому «подлый народъ» никакого благочинія отъ нихъ «набраться не можеть». Білевское дворянство, жалуясь на бедствія, которыя ему приходится терпеть

оть воровь и разбойниковь, прибавляеть, что, какъ оказывается изъ розможныхъ дёль, «по большей части въ сихъ разбойническихъ партіяхъ попы, дьяконы и дьячки являются—и самое большое пристанодержательство отъ нихъ же происходить». Съ такимъ неудовистворительнымъ положеніемъ духовенства керенскій наказъ ставить въ связь усиленіе раскола и даже выражаеть опасеніе, «чтобъ и вся подлость въ ту ересь прельщена не была». Поученія въ церкви эта «подлость» никогда никакого не слышить, раскольники, «яко ханжи таскаясь по селамъ и деревнямъ», всячески прельщаютъ народъ въ ересь, а сельскіе священники и церковники «больше стараются себя употреблять въ воровство». Жалобы этихъ двухъ послёднихъ наказовъ читаешь съ немальмъ удивленіемъ.

Но только очень и очень немногіе наказы видять средство пля борьбы съ такимъ печальнымъ состояніемъ нравственнаго уровня народа въ распространении среди него грамотности и требують учрежденія для него школь. Таковы псковскій, который желаль распространенія шволь грамотности, гдв преподавателями были бы церковнослужетели, или дмитровскій, предлагавшій поміщикамъ -содержать учителя на каждые сто дворовь для обученія крестьянскихъ детей грамоте и первымъ ариеметическимъ правиламъ, и внушавшій пом'єщикамъ, что отъ грамотнаго престъянина они же получать больше пользы и что во всякомъ случав «грамота пахать не номѣшаетъ». Надо, впрочемъ, замѣтить, что эти два наказа вообще отличаются гораздо большею широтою взглида сравнительно съ другими. Требованія объ учрежденіи м'єстныхъ школь встрічаются и въ нъкоторыхъ другихъ наказахъ, но только для дворянскихъ детей. Притомъ такія требованія вызывались вовсе не стремленіемъ къ просвіщенію, а, главнымъ образомъ, условінми военной службы, установившей образовательный цензъ для полученія офицерскаго чина. И тогда, следовательно, какъ еще и теперь, воекная служба была главнымъ двигателемъ русскаго просвещенія...

Если даже пастыри церкви попадались иногда въ разбойническихъ партіяхъ, то легко себе представить, какъ распространены были разбои и какъ жутко было жить тогда въ деревив. Безопасность, действительно, была совсемъ необезпечена; редкій наказъ не пожалуется на воровство и разбои. Это была, очевидно, самая наболевшая язва русской провинціи. На населеніе Пензенскаго уёзда разбойники нагнали ужасъ. Дворяне этого уёзда, подъ живымъ еще впечатленемъ злодейства надъ какимъ то помещикомъ Тоузаковымъ, о которомъ они упоминають въ наказе, не находять словъ для выраженія бёдствій отъ разбойниковъ. Эти последніе, «кого изъ помещиковъ въ домахъ застануть, мучать злодейски, пытають, жгуть огнемъ, рёжуть и на части разрубають и прочими безчеловечными мученіями людей, а особливо дворянство умерщвияють, а домы ихъ и съ жительствы выжигають». Отъ этого помещики, по словамъ наказа, «бёдственные страхи претерпёвають и

многіе, а особинно въ ночное время, въ домехъ своихъ не бывають, а укрывають себя вы неизвистныхъ никому мистахъ». Съ необывновеннымъ единодушіемъ и съ радвимъ ожесточеніемъ дворянство просить отмены новых более гуманных законовъ, ограничивающихъ пытку и смертную казнь, и настойчиво требуеть возврата къ старой практика Уложенія, видя въ таких суровых в наказаніяхъ единственное средство прекратить зло. Тѣ «увѣщеванія отъ свящевника», которыми законъ 1763 г. пробеваль заменить пытку. годятся, по выраженію алаторскаго дворянства, «просв'ященному и полетезированному народу, а россійскій народъ, когда который сдёлается влодвемъ, то уже такое окамененное сердце и духъ сугубый виветь, что не только священнику, и въ розыску, когда его пытають, правды не скажеть». Не сознавая, дворянство прямо не говорило, отчего россійскій народь такь часто деланся влоденнь, но косвенно оно же само указывало, что главнійній контингенть разбойнических партій составляли б'ягыне врвиостине, и тв зверства, которыя такъ врасноречиво описало пензенское дворянство, совершались именно этого рода людьми и очень часто надъ собственными своими же помъщиками. Эти послъдніе попадали въ положеніе между двухъ огней: они принуждены были для защиты себя отъ разбойническихъ натедовъ содержать огромную дворию, а между тъмъ неръдко эта же двория служила источникомъ, откуда формировались разбойническія партін. По заявленію білевскаго наказа, между разбойниками бываеть очень много холопей, которые мстя помыщикамъ «за учиненныя имъ по продерзостямъ ихъ наказанія—съ веливнить свирепотномъ возлагають на нихъ руки». Многіе дворяне, продолжаеть наказъ, «черезъ немногое время жалостно лишены жазни въ нашей провинців». Судъ и полиція были недостаточны и бездействовали. Само общество не могло имъ солействовать изъ страха. На повальныхъ обыскахъ обыватели принуждены бывали «одабривать» задержанныхъ въ разбов, потому только, что боялись съ ихъ стороны мести, такъ-какъ имъ по большей части удавалось тыть или инымъ путемъ ускользнуть изъ рукъ правосудія.

Не лучше разбойника бываль иногда свой же сильный сосёдь помёщикь, на котораго негдё было искать управы и котораго боялесь мёстныя власти. Воть почему въ наказахь такь же много жалобь на притесненія оть сильныхь сосёдей, какь и оть разбойниковь. Уже по наказамь видно, что исторія Троекурова сь Дубровскимь разыгрывалась въ каждомъ уёздё: разработка мёстныхъ архивовь вскроеть не одну сотню дёль подобнаго рода. Самый порядокь тогдашняго дворянскато землевладёнія только содёйствоваль
этимъ ссорамъ между сосёдями. Надо замётить, что онъ во многомь не походиль на тоть, какой мы знаемъ теперь. Когда мы говоримъ о помёстьё теперь, намъ сейчась же рисуется опредёленный, обведенный точно обозначенными межами участокъ земли разнаго рода съ усадьбою и хозяйственными постройками. Оть та-

кого представленія надо отрішиться, когда идеть річь о дворянскомъ землевлядени первой половины ХУШ в.: оно вовсе не было такимъ индивидуальнымъ, за исключеніемъ, быть можеть, только врушныхъ нивній. Мелкое дворянское землевладініе того времени во многомъ напоминаетъ порядки, которые мы наблюдаемъ въ современной намъ врестьянской общинь. Участки отлальныхъ дипъ вовсе не были размежеваны: межеваніе только что начиналось не залонго по созванія комессін. Одно седеніе, какъ мы видёли изъ наказовъ, ръдко когда принадлежало одному и тому же помъщику: по большой части имъ владели инсколько лиць. Между ними распредълены были крестьянскіе дворы, раздёлить которые было не трудно. Но тамъ неопредаленнымъ участкомъ земли, который примыкаль въ этому селенію, они владёли сообща. Земля всего селенія разбивалась на три подя, какъ и теперь разбивается земля крестьянской общины. Но въ каждомъ подъ каждый изъ помъщиковъ-олносельчанъ могь польвоваться только тамъ количествомъ десятинь, которое полагалось ему по тому документу, по которому онъ владель землею (т. е. писцовой книге, грамотамъ жалованнымъ, купчимъ и т. д.) и никакъ не больше. Въ XVII в. такая выншняя захваченная помещивомъ сверхъ «указной дачи» пахотная земля называлась «примёрной» и отбиралась у помёщика при повемельныхъ переписяхъ. Понятно, почему въ то же седеніе, если тамъ оказывалось излишине количество пахатной вении, достаточное для помъстнаго оклада, правительство могло пресадеть еще одного помещика и такимъ образомъ содержать въ увадв однимъ служилимъ человекомъ более. И такъ разграничивались не участки земли проведенными на нихъ межами, а только самыя права на известныя количества земли, определяемыя поземельными документами. Такое землевладение замётно уже по писцовымъ внигамъ XVI въка; съ техъ поръ дробленіе владеній только увеличилось и черевполосица участковь могла только возрасти. Въ этихъ дворянскихъ общинахъ происходили постоянныя сооры: драдись между собой крестьяне одного села, принадлежавшіе разнымъ владельцамъ, дрались и сами эти владельцы, жившіе туть-же въ одномъ сель группой. Поэтому и встрычаемъ въ наказахъ такія настойчивыя просьбы о размежеванін общихъ дачь на отдельные участки. Въ такой дворянской община и быль особенно широкій просторъ для притесненія слабыхъ сильныкъ. Въ нее втирался богатый сообив помещика, пріобретая выней вакимыбы то ни было путемъ право хотя бы на одинъ врестьянскій дворъ и нёсколько четвертей вемли. Тогда онъ дёлался совершеннымъ повелителемъ въ общинъ: пригоняя изъ своего помъстья такое количество крипостныхъ, что съ ними не могло сладить все селеніе, онь вырубаль и свозель общій лёсь, захватываль такое количество вемли, какое ему было угодно и т. д. Жалобы на такіе захваты особенно часты въ наказахъ. Судъ былъ безсиленъ противъ сильнаго и слишкомъ дорогъ для бъднаго. Да и самыя наказанія за завладьніе были настолько незначительны, что завладьніе всегда давало извъстную прибыль, хотя-бы за него пришлось отвътить штрафомъ. Такса этого штрафа установлена была еще Уложеніемъ и была слишкомъ низка сравнительно съ измѣнившимися цѣнами. Такъ напр., по Уложенію за завладьніе десятиной пашенной земли ввыскивалось по 2 руб. за каждый годъ, а по вычисленію одного изъ наказовъ эта десятина, засѣянная рожью, давала въ годъ до 20 рублей *). Другіе посѣвы приносили и болье. Завладьвшій, даже проигравъ процессъ, не быль такимъ образомъ въ накладъ.

Эти чрезвычайныя, однако частыя несчастія должны были еще болве попрывать благосостояние помещичьяго хозяйства, которое, какъ его рисують наказы, находилось и безъ того въ незавидномъ положени. Выло иного постоянных причинь, ившавших процвытанію сельскаго хозяйства въ то время. Изъ нихъ главитишая непривычка тогдашняго дворянина хозяйничать, вследствіе постояннаго его отсутствія на службі — не была отивчена набазами, такъ какъ ничто не мърчало уже теперь дворянину усъсться въ именіи и заняться хозяйствомь. Но за то вполее ясно, хотя и не прямо, обозначена другая, также отрицательно действующая причина-крипостной трудь, на которомъ держалось все сельское хозяйство того времени. Дворянство, поскольку оно высказалось въ навазахъ, не сознавало основной причины того бъдствія, на последствія котораго оно заявляло такія громкія жалобы. Оно жаловалось на то, что этоть не свободный трудь ускользаль изъ его рукъ, что крвпостные нассами бъжали изъ поместій, но обо не сознавало или не хотело признаться, что коренной причиной этихъ побетовь было именно самое крепостное право, и поэтому надеялось пресвчь ихъ палліативными средствами въ видв усиленія строгости ваконодательства относительно быглыхъ. Какъ бы то ни было, но это последствие неводи сильно давало себя знать земле. владельцамъ, и редкій наказь не пожалуется на крестьянскіе побыти. Само собою разумнется, что эти жалобы всего громче раздавались въ окраинныхъ увядахъ, откуда и крестыянамъ бежать было легче. Тамъ этотъ побыть являлся «главныйшимъ изнеможеніемъ». По наказамъ можно проследить даже те направленія, по которымъ отливалъ крепостной трудъ изъ центральной Россіи. Ихъ было два: изъ юго-восточныхъ увздовъ врестьяне быжали по Волгв нии въ низовые приволжские города, гдв находили зароботокъ, или въ степи Янцкаго и Донского войска, гдв, зимуя, организовали разбойническія шайки, весной подымавшіяся на свой промысель къ свверу **). Эта масса бъглаго мюда, сконившаяся на юговосточной окраинъ, и была нъсколько лъть спусти однимъ изъ

^{*)} XXIX, 7, 8.

^{**)} LXXXIV, 2).

главныхъ элементовъ пугачевскаго ополченія. Другое направленіе шло на западъ въ Польшу, и отъ него страдали пограничныя съ Польшей изстности теперешнихъ Новгородской, Псковской, Смоленской и Калужской губерній. Пограничная линія не была естественною и плохо охранялась рёлкими и малолюдными военными форностами, такъ что перейти ее было довольно не трудно. Какъ можно судить изъ наказовъ, положение крестьянъ въ соседней Литве было легче, чёмъ въ Россів. По врайней мёрё дворянство Пусторжевскаго уёзда чистосердечно разсказало правительству о томъ, какъ оно пытается иногда возвратить бёгиедовъ «ласковынъ вывовомъ» и какіе «бездальническіе отваты» получаеть оть бывшихь врёпостныхъ. Въ этихъ отвётахъ они «не токмо помещиковъ, но и самую природную свою сторону безстранию порицають». Перечислены далье и ть отечественные порядки, противь которыхь направлена была критика этихъ бежавшихъ и которые заставляли покидать родину: на первомъ мёстё неволя, затёмъ тягость государственныхъ повинностей; «а сверхъ того клевещуть и на господскія тагиы, чего де въ Польше уже нёть, а знають де только заплатить за грунть и панскую работу, а въ прочемъ де я во всемъ волемь», прибавляеть наказь, передавая уже ети крестьянскіе отвёты прямою рачью. Крома того для врестьянь быле тяжелы въ Россін казенныя монополіи винная и въ особенности соляная, которыхъ не было въ Польше, и, если верить наказамъ, дешевизна соди и вина за-границей была одной изъ приманокъ къ побъту. Словомъ, крестьянинъ находниъ польскіе порядки горазпо болве легиеми и постоянно «овирался на тамошнія вольности», а б'ємавь н «облакомясь» этими вольностями, по выражению одного наказа. переводиль туда свои семейства и подговариваль къ бъготву своихъ односельчанъ. Одна часть бъглецовъ садилась на земляхъ польскихъ помъщиковъ и тамъ оставалась, перемъняя даже въру на уніатскую или католическую. По зам'вчанію опочецкаго наказа, сосъдніе съ Россіею польскіе владельцы, которые прежде совсёмъ не имвли врестьянь и по бедности сами пахали вемлю, - теперь, благодаря притоку русскихъ бъглецовъ, разбогатели и инвить большія мастности. Другіе бытлецы, напротивь, распродавь всь захваченные съ собою съ родины пожитки, составляли шайки, и, получивъ отъ польскихъ помещиковъ оружіе, возвращались въ Россію. гда грабили прежнихъ своихъ господъ. Пусторжевскіе дворяне жалуются, что они принуждены въ вещнее и летнее время, когда бы именно и сабдовало заняться сельскимъ хозяйствомъ, опасаясь «нечаннаго техъ злодень нападенія, спасая животь свой отлучаться» и что поэтому всв они доходять до «всекомечной скудости». По свёдёніямъ, приводимымъ смоленскимъ наказомъ, число бъжавшихъ за последнее передъ его составлениемъ время изъ Смоленской губернін превосходило 50.000.

Эти два главныя русла, по которымъ направлялись бъжавшіе,

не были единственными. Масса крестьянъ растекалась по всему пространству русской земли, не выходя за ея предвлы. Сами поивщики, нуждаясь въ рабочихъ рукахъ, не прочь были сажать у себя быглыхъ. Часто прежній владалець очень хорошо зналь, у кого живеть его бёглый, но не ниёль средствь ёхать или посылать повереннаговъ ту далекую воеводскую канцелярію, въ которую надо было подать искъ противъ укрывателя. При томъ процессъ былъ по большей части соминтелень и всегда дологь, а въ благопріятномъ случай, выигравъ дёло, приходилось переправлять бёглеца на прежнее мёсто частными средствами, и онъ часто бёжаль вновь, убивъ на дороге своихъ провожатыхъ. Очень иного бёглыхъ врестьянь поступало на фабрики и заводы, которые одинь изъ наказовъ и называеть лаже главнымъ «каналомъ» иля ихъ бёготва. Достать такого беглеца оть фабриканта и заводчика было совсёмь невозможно: они были неподсудны областнымъ учрежденіямъ, н приходилось начинать противь нехъ дело въ мануфактуръ и бергколлегін, где они были ведомы судомъ, и расходы по отысканію бежавшаго крестьянина могли обойтись дороже, чёмъ стоила нокупка новаго. Воть почему дворинство выражало въ наказахътакое сильное неудовольствіе противъ изъятія фабрикантовъ и заводчиковъ изъ общей подсудности.

Понятно, какъ должны были отражаться эти побёги на помёщичьихъ хозяйствахъ. Земля, лишансь прилагаемаго къ ней крапостного труда, пустыва и не приносила дохода, а свободнаго наемнаго труда совоймъ не существовало. Между тимъ правительство продолжало взинать от помещика, отъ котораго бежали престыяне, вов взносы въ томъ же размере, какъ и прежде: обжавше, какъ и умершіе, не исключались изъ оклада. Особенно усиливались побъги и особенно они были тяжелы для помъщиковъ во время рекрутскихъ наборовъ: за каждаго бъжавшаго своего рекруга помъщикъ обязанъ былъ выставить новаго, котораго иногда, за неимъніемъ крестьянъ, приходилось покупать, а цёны во время наборовъ страшно повышанись. «Черезъ продолжение такихъ побъговъ» жаловался пусторжевскій наказъ, многіе дворане, ниввшіе прежде немалое число крестьянъ, нынъ совствъ ничего не имъють и находятся въ жалостномъ состояния». Смоленское дворянство еще. въ 1762 г. жаловалось императрицъ, что крестьяне не только семьями, но и прими деревними обгуть въ Польшу, а повинности взыски-BARTCH «CL HYCTOTH GOSL HSLSTIN», H TTO OTL BOOFO STOFO OHO HDHшло въ прайнюю бедность. Действительно, въ томъ же году одно оффиціальное «доношеніе» командира этого смоленскаго дворянства, служившаго въ то время особымъ полкомъ, уверяло, что есть самые природные смоленскіе дворяне, которые такъ об'єднівли, что скитаются межъ дворовъ, нанимаются на работу не только у «своей братіи», но даже и у крестьянь и темь только себя питають, «бродать въ раздранныхъ одеждахъ, аки ниціе». Несколько леть раньше

(1755 г.) на смотръ и разборъ, произведенный смоленскимъ дворинамъ, иные изънихъ являлись пъшкомъ, въ лаптихъ и въ крестъянскихъ сёрыхъ кафтанахъ. Слёдовательно, наказы не преувеличивали печального положенія дёла.

Были и другія условія, препятотвовавшія пропетанію сельскаго ховяйства. Многіе наказы, въ особенности южныхъ черновемныхъ и густо населенныхъ губерній, Воронежской и Бёлгородской, жаловались на тесноту населенія и недостатокъ земли совершенно такъ же, какъ Сиоленская и Новгородская жаловались на недостатокъ населенія. Такъ дворяне Крапивенскаго увяда заявляли, что «у мнотихъ помещиковъ за малонивніемъ земли крестьянскій дворъ меньше лесятины земли владеють». Въ Қарачевскомъ уёздё не только нельзя было и думать о переложной систем'в хозяйства, но по недостатку вемли не приходилось даже оставлять третьяго поля, и черновемъ мотощали ежегодными посёвами, не давая ему отдыха. Недостатокъ льса къ югу отъ Москвы также даваль себя чувотвовать. Тульсвое дворянство припоминало, что вогда-то были великіе лёса по рекамъ Жиздре и Угре, отъ которыхъ теперь остается только «печальное напоминовеніе бывшаго благоденствія», и ему приходится довольствоваться жалкими остатками прежней роскоши, сожалья «о истребленномъ безвременно и безполезно государственномъ совровищв». Поэтому же многіе наказы просиди принять мітры въ сохраненію лісовь и, прежде всего, уничтожить истреблявніе вхъ отекляные, желёзные и другіе заводы. Большое недовольство вызывало во многихъ убядахъ также законодательство о дугахъ: по уложенію, еще продолжавшему действовать, муга предоставлялись въ общее пользование для выгона скотины до Троицына дня. Съ этого срока они запирались и трава запускалась до обнокоса. Но такой общій законь не быль удобень для всего пространства Россін съ разными влиматами, и самый терминъ быль неудобень, тавъ вакъ былъ непостояненъ. Въ наказахъ и предлагались опредъленные сроки.

Въ хозяйственномъ отношении интересы помъщиковъ и крестьвоть почему первые въ статьяхъ наказовъ, янъ совиадали: касавшихся сельскаго хозяйства, такъ горячо вступались за вторыхъ. Общимъврагомъ явиямся купецъ-кумакъ, окупщикъ сельскихъ продуктовъ. Дворянство и крестьяне были лишены возможности торговин въ городахъ: торговия въ городахъ была исключительно въ рукахъ посадскаго населенія. Между производителемъ и потребителемъ сельскихъ продуктовъ становился посредникъ купецъ, который, являясь въ деревню безъ всякой конкурренцін, понижаль, на сколько могь, цены. Пртитомъ онъ не только прижималь сельскихъ хезневъ понеженість ціны, но по большей части обибриваль и обвішиваль ихъ. Обманъ въ торговив — характериый признакъ перазвитыхъ странъ: въ Россіи онъ сталь исчезать только въ последнее время. Жалобы на плохое состояніе мірь и вісовь общи всёмь наказами:

встречаются просьбы завести на рынкахъ казенныя образцовыя мёры и гири и держать ихъ на цёпяхъ, прикованными къ каменной стене. Стеснительны были также вазенныя монополін; винная и содяная. Хотя инымъ дворянамъ первая давала чувстовать свое неудобство только темъ, что имъ запрещалось привозить свое домашнее вино въ городъ, гдъ, какъ жалованся одинъ наказъ, «къ дворянамъ приходять гости, а за неимъніемъ вина по чести своей остаются безъ удовольствія» *), однако другіе указывали боле существенное неудобство ствененія винокурія: оно лишало возможности содержать большое количество скота (для которато продусты винокуренія служать кормомъ), необходимое для удобренія земли**). Для крестьянъ была особенно тяжела другая изъ монополій-соляная, и многіе наказы находять цёну соли слишкомъ высокой. Соль продавалась изъ казенныхъ амбаровъ по 40 к. за пудъ, прибыль частнаго торговца, распредъявшаго этоть продукть среди населенія, была строго ограничена закономъ: она не могла превышать 2 воп. на пудъ. Такая цвиа (42 к.—3 р. 78 к. на наши деньги, такъ • какъ рубль 50-хъ годовъ XVIII в. равиялся 9 нынёшнимъ) была велика для населенія и слишкомъ невыгодна для частнаго торговца. Онъ и не везъ соль туда, куда стоимость провоза не покрывалась прибылью. Поэтому во многія местности соли совоёмь не привовилось, и населеніе должно было питаться безъ этого предмета первой необходимости ***).

Но хорошо, когда оно еще какъ инбудь питалось. Многіе наказы указывають на частые неурожан и довольно ярко описывають бёдствія, переживаемыя тогда сельскимъ населеніемъ. «Пусторжевскій увздъ имбеть свое местоположеніе подъ студеными полюсами», читаемъ мы въ его наказъ; оъдко когда тамъ урожай бываетъ самъ третей, а иногда едва и на семена хватаетъ; отчего крестыне бывають принуждены, съвы свой и господскій хлібо, распродать скоть и все, что имбють, и затёмь, скитаясь по міру, петаться милостыною, «и единственно до того многіе дошли, что подкрёнаяють животь свой только травою и кореньемъ»; помѣщики же «смотря на ту нищету — непрестанко терзаются жалостью», а помочь не въ состояніи, такъ какъ многіе, раздавъ имъ хлібъ свой, едва и сами до нови пропитаться могуть ****). Но такія печальныя происшествія случались не только подъ «студеными полюсами». На югь, въ; черновемной полось, при урожануъ клеба было такое изобиле и цены на него были ка-

****) LIX, 8.

^{*)} CXXIV, 8.

^{**)} Пом'вщикамъ, разр'вшалось выкуривать свое вино въ им'вніяхъ, новъ строго опред'єленномъ количеств'в, пропорціональномъ ихъ «рангамъ».

^{***)} LXIV, 18. Дворянство Обонежской пятины Новгородскаго увзда и просидо поэтому отменить этоть определенный размеръ прибыли, «ибо торгъ, жилы государства, любить волю, а не принуждение».

отолько дешевы, что, по уверенію мценскаго наказа, не вознаграждали труда земледвиьца. Но хавбъ отсюда вывозился весь и, когда случались «неродимые года», когда измученная безобразнымъ хозяйствомъ почва, какъ избитая кляча, отказывалась служить ховянич-приходилось терпеть голодь, распродавать скоть и одежду. Справиться съ такими чрезвычайными бъдствіями было тогда гораздо трудеве, чвиъ теперь. Занять деньги можно было только у частныхъ лиць за очень высокій %. Казенный кредить еще только начинался: банки были открыты только въ столипахъ, кула повянки были не всемъ доступны. Воть почему дворянство уже съ 60-хъ годовъ XVIII в. затянуло ту жалобную песню объ открытів ему дешеваго и удобнаго кредита, которой оно не прекратило еще до нашихъ дней. Тогда оно проседо объ открыти провинціальных банковъ и распространеніи изданнаго для купечества вексельнаго устава и на дворянъ, такъ какъ последніе принуждены были занимать деньги при помощи подставныхъ лицъ, чтобы, согласно требованию закона, вексель быль написань на купеческое имя. Но просьбы о денежномъ кредетв еще только начинались. Гораздо настойчивве дворянство ходатайствовало объ открытін казенныхъ хлёбныхъ магазиновъ, откуда оно могло бы въ случав неурожая получать ссуду живбомъ, возвращая ее впосивдотвін съ разсрочкой за недорогой %. Эта просьба о магазинахъ едва ин не самая общая въ наказахъ.

Тогда же раздались въ наказахъ жалобы и на тоть недостатокъ въ деревенской жизни, противъ котораго такъ напряженно борются теперешнія земства—отсутствіе какой бы то ни было санитарной помощи для сельскаго населенія. Врачей не было не только въ убздахъ, но очень нерёдко даже и въ городахъ. Въ особенности, конечно, страдало крестьянство, которому медицинская помощь была уже совсёмъ недоступна. Орловское дворянство представляло въ наказё, что множество дворовыхъ людей и крестьянъ умираютъ отъ такихъ болёзней, которыя могли бы быть излёчимы; дворяне соболёзновали о жизни человёческой, взирая на сей бёдный народъ, которые умираютъ, какъ скоты, безъ всякаго призрёнія, нногда отъ самой малой раны, которую можно бы и пластыремъ залёчить». При этомъ дворянство серьезно замёчало, что и крестьяне, несмотря на ихъ грубое воспитаніе, встетаки способны получать облегченіе отъ медицинской помощя.

Въ значительной мъръ плохому состоянию сельскаго хозяйства содъйствовало неудовлетворительное устройство податей и повинностей, отбываемыхъ населениемъ въ пользу государства. Не столько жаловались на тягость отъ высоты самыхъ податей и повинностей, сколько на неудобства отъ дуриой организаци ихъ взимания, благодаря которой онъ падали на население неравномърно, собирались въ неудобное время и не измънялись соотвътственно измънениямъ платежныхъ силъ общества. Та подать, на введение которой правительству XVIII в. пришлось потратить столько трудовъ—по-

душная—не вызвала противъ себя возраженій по существу, за исключеніемъ двухъ наказовъ, язъ которыхъ оденъ, находя ее вредной для земледвлія, предлагаль ее заменеть косвенными налогами на предметы потребленія, а другой поземельнымъ налогомъ, какой быль введень уже только въ нашемъ столькі *). Остальные наказы не находили ее тяжелой и требовали только частичныхъ техническихъ исправленій въ ся раскладкі и взиманіи; производства ревизій черезь болье короткіе сроки, исключенія изъ оклада, во первыхъ, такъ называемыхъ «убылыхъ душъ», т. е. умершихъ, бёжавшихъ, за которыхъ приходилось платить до новой ревизіи; во вторыхъ, старыхъ и увъчныхъ, которые не могли заработать на подать. Если исключить изъ оклада «убылую душу» было такъ трудно, то съ другой сторокы правительство очень охотно и скоро включало ВЪ ОКЛАТЬ ВСЯКАГО НОВАГО ПОСЕДЕНЦА НА ЗЕМЛЕ ПОМЕЩИКА, ХОТЯ ОНЪ приходиль обыкновенно съ пустыми руками, и помъщикъ долженъ быль тратиться и на его хозяйственное обзаведение, и на взносъ за него подушной. Но все это были только частности дела; сама по себе подать не вазалась тяжелой, къ самому способу раскладки по душамъ дворянство вполнъ уже привыкло. Московское дворянство находило даже подушную подать «самою простою и чистою пворянскою податью». Многія другія дворянства предлагали заміннть увеличеніемъ подушной разные другіе сборы, изъ которыхъ вызываль особенное неудовольствіе сборъ «съ частных» бань» (по 1 рублю съ каждой). Налогь этоть, введенный Петромъ Великимъ, быль не столько тяжель, сколько несправедливь, такъ какъ падалъ совершенио одинаково, какъ на того могущественнаго помъщика вельному ХУШ в., который обладаль десятками [тысячь врвиостныхъ, строилъ дворцы съ колониздами и флигелями, заводиль парки съ разными «монплевирами» и «миловидами», содержаль несивтныя стан гончихь и борзыхь собакь и приживателей гостей, такъ и на того его соседа, который владель двумятремя крестьянскими дворами, если только этоть последній не отказываль себь въ столь необходимомъ для русскаго человъка удовольствін, какъ баня. Гораздо болье, впрочемъ, чъмъ самыми сборами, дворянство тяготилось тою процедурой, съ которой принимались эти сборы въ воеводскихъ канцеляріяхъ: въ видъ подачи особыхъ «доношеній», при которыхъ следовало вносить деньги: самая подача была устроена съ одною только целью: содрать съ плательщика лишнюю ввятку подъ благовиднымъ прикрытіемъ платы за написаніе этихъ «доношеній», такъ какъ платить въ канцелярію прівзжали отъ помещиковъ прикащики и старосты-люди по большей части не грамотные.

Гораздо болве страдало сельское населеніе оть натуральныхъ повинностей. Такъ, некоторыя дворянства жаловались на тягость

^{*)} V, 6. XVI, 9.

рекругскаго набора, прося замёнить его вербовкой вольных вохотниковъ, и мотивировало просьбу темъ, что рекрутскіе наборы отрывають хатбонашневъ отъ земли. Наибодте тяжелы были эти наборы въ мъстностихъ, погранечныхъ съ Польшею: сданные въ рекруты тотчасъ же бежали за границу, а на место ихъ помещики должны были поставлять новыхъ. Но гораздо болье неудовольствія возбуждала противъ себя повинность постоя: жалобы на нее почти въ каждомъ наказе. Особыхъ казармъ для войска въ городахъ тогда не существовало; войска были расквартированы по домамъ обывателей въ городь и по деревнямъ увзда. Повинность эта распредвиялась очень неравномърно; всею своею тяжестью она падала на тв мъотности увзда, гдъ стояли войска, и для нехъ постой быль истинымы наказаніемы. Крестьяне такихь деревень, жалуется наказъ Обонежской пятины, «принуждены подъ образомъ, будто добровольно, оть страха давать подводы для перевозки провіанта, исправлять конюшень мощеніе и покрышкою оныхъ изъ своей соломы, которая по недороду хайба и самимъ къ пропитавию скота весьма нужна; стоящихъ же солдать, кромъ ихъ провіанта, хозяевамъ-нъкоторые по согнасию, и другіе неспокойныхъ по необходимости, принуждены довольствовать харчемъ и солью». Бывали хозяевамъ и другія обиды «по амбиціи солдатской». Съ солдатомъ крестьянинъ еще уживался, но особенно приходилось терпъть отъ офицеровъ, безъ церемоніи высылавшихъ хозяевъ занятыхъ нии квартиръ совсемъ вонъ, такъ что те, жалуется наказъ, лишась своихъ доисвъ, врвнуждены скитаться съ женами и съ дътъми по чужниъ *). «Солдатъ, стоящій у крестьянина на квартиръ», разсказываетъ другой наказъ **), «есть господинъ, и оный бъдный земледълецъ, стращась его, исполняетъ все повелънное и, хотя самъ не вибеть, что боть, а служивому последнее отдать не отвазывается и вакое ниветь бедное питомотво-довольствуеть» Если крестьянинь не исполняль требованій своего суроваго повелителя, ему приходилось испытывать на себь его тижелую боевую . руку. «Итакъ и въ семъ случав бидный для претерпинія созданный трудник», какъ называеть «наказъ крестыянна, не ушель отъ разоренія и отягощенія».

Также неравномёрно падала на уёздное населеніе повинность содержанія и ремонта больших дорогь. Оть нея гораздо болёе страдало ближайшее къ дорогё населеніе, отдаленныя містности чувствовали ее меньше. Крестьянъ сгоняли чинять дорогу, не обращая вниманія на время года, и часто отрывали оть сельских работь въ самую рабочую пору. «По согнаніи» ихъ «обобравь—расцускали, отчего кроме всеконечнаго разворенія и несеноснаго отягощенія крестьянству ничего не происходить», какъ замёчаеть наказъ

^{*)} LXIV, 5.

^{**)} LXIX, 8.

Поковскаго увзда. На придорожныхъ деревияхъ лежала еще обяванность поставлять подводы по казеннымъ требованіямъ, которой уже совсемъ не знали далекія отъ дороги деревин. Сверхъ того нералко крестьянина отрывали оть работь по разнымъ казеннымъ порученимъ, назначая въ сторожа къ вазеннымъ солянымъ амбарамъ и т. п. Отъ всей этой совокупности повинностей положение «къ претерпънію созданнаю трудника» дълалось, дъйствительно, не завиднымъ. Неудивительно после этого, что алаторокое дворянство, сравнивая положеніе сосланнаго въ каторжным работы разбойника съ положениемъ крестьянина земледёдьца, находило послёднее более тижелымъ и поетому требовало для разбойниковъ смертной казни: злодый, разсуждало оно, предпочитаеть быть въ каторги, нежели деревенскимъ земледъльцемъ; «понеже бъдный крестьянивъ троедатчикъ: платить въ казну подушныя, помещику доходы, себя-жъ, жену и детей корметь». А ссыльный ни о чемь такомъ не заботится, да кромъ того получаеть еще оть казны и пищу, и одежду.

Таковы были главивника жалобы дворянства на тв условія, при которыхъ ему приходилось осуществлять свои владельческія права: отсутствіе безопасности въ уёздё, дурныя хозяйственныя обстоятельства, теместь податей и повинностей всибдствіе ихъ неравномарности. Но самыми громкими жалобами уёздныхъ наказовъ были жалобы на тв государственные органы, задачею которыхъ и бываеть обыкновенно устраненіе всёхъ этихъ невзгодъ: мёстную администрацію я судъ. По смерти Петра Великаго эти две функціи были соединены въ рукахъ губернаторовъ, провинціальныхъ и увядныхъ воеводь, посаженных въ техъ же городахъ, где они бывали въ XVII в. При Екатерине I, какъ известно, было воскрешено воеводское управленіе XVII в. зам'єннышее собой довольно сложное областное устройство съ отделеніемъ суда отъ администраціи, заведенное было Петромъ. Но вернувшееся теперь къ XVII столетію и по форм'я областное управленіе XVIII вѣка не разрывало инкогда съ нимъ по духу. Какъ и въ XVII в., его главной задачей было вовое не благо мъстности, гдв оно действовало, а общегосударственные интересы. Пересматривая сохранившіяся діла воеводскаго управленія XVIII влегко заметить, что наибольшее внимание воеводы поглощалось такъ называемыми «нитересными», т. е. казенными двлами и уже на второмъ плане стояли дела, направленныя къ удовлетворенію нуждъ мъстнаго общества. Воеводское управление первой половины XVIII в., не могло дать м'встному обществу даже самаго необходимаго-безопасности. Оно не только не было озабочено увеличеніемъ блага местнаго общества, но даже не было способно оградить его оть самаго жестокаго зна, какъ разбон. Можеть быть воевода XVIII в. приносиль обществу своею деятельностью менее вреда, чемъ его предшественникъ XVII в., во всякомъ случав нельзя сказать, чтобы онъ приносиль ому больше пользы, если уже только не считать большей пользой меньшаго количества вреда. Можно думать, что воевода XVIII в. быль менте самодуромь и грабителемъ, но порядки въ воеводскихъ канцеляріяхъ этого въка были не лучше предыдущаго. Ло чего мъстное общество было раздражено воеводскимъ управленіемъ, видно изъ требованія одного наказа, просившаго предать забвенію самое названіе воеводь: очевидно, какую ассоціацію ндей и чувствъ возбуждало это названіе. Всецько поглощенный отправленіемъ казенныхъ, главнымъ образомъ финансовыхъ, двяъ по указамъ изъ центра, воевода не только не шель навстръчу мъстному обществу, но съ посадою оттаживаль его оть себя, когда оно въ нему обращалось за помощью: ему некогда было заниматься этими делами. Когда обиженный, жалуется лихвинское дворячство, обращается въ судьямъ съ просъбою о правосудів и рашеніи своего дёла-то «судьи ответотвують свирёшымь взоромь» и прямо встречають просителя выговоромъ. Еще большее огорчение дворянство усматривало въ обращении воеводской канцелярін съ публикой: когда случается дворянамъ, даже васлуженнымъ, имъющимъ офицерскіе чины и выше, обращаться въ секретарю и повытчику, «и они отвытотвують также, следуя судейскому обычаю неучтиво и грубо» *). Въ виду этого, ибкоторыя изъ дворянствъ просили не назначать въ секретари имъющихъ «офицерскій рангъ», для того, чтобы можно было «штрафовать секретаря палкою». Въ ряжской канцелярін обыкновенно всв подаваеныя прошенія возвращались просителянъ безъ всякаго объяснения причинъ. Ряжское дворинство нанболье подробно изложило недостатки своей воеводской канцеляріи. Особенно разко подчеркивало оно ея бездаятельность для удовлетворенія містных нуждь: слідствій о воровствахь и смертныхь убійствахь тамь не производять втеченіе долгаго времени и рівшеній съ виновными не чинять; колодниковъ держать въ заключеніи дольше, чемъ полагается, и даже, желая избегнуть лишняго производства, дають имъ свободу; дорогь и мостовь въ исправности не содержать; прошенія о б'ятыхъ оставляють безъ последствій; за продажей казенной соли не наблюдають, поэтому приставлечные къ ней целовальники обвешивають покупателей, а жалобы на нихъ въ канцелярів не принимаются; подводную повинность распредъляють неправильно; присыдаемыхъ изъ высшихъ правительственныхъ мёстъ указовъ не публикують, такъ что никто въ убздв о нихъ и не знаеть. Наказъ нарисоваль выразительную картину правовъ самой воеводской канцелярін: «канцелярских» служителей допустили до великаго пыниства, распускнаго житія и непорядочныхъ поступокъ, такъ что оные, не имен начальничья страху и должнаго воздержанія и наказанія, во время самаго присутствующих васёданія находятся въ томъ пьянстве почти безпрерывно». Само собою разумъстся, что уже налишне и говорить о процевтании «злопримства и лакомства» въ этихъ воеводскихъ канцелиріяхъ: бради какъ

^{*)} CXVII, 3.

только могли, при каждомъ удобномъ случай. Достаточно будеть привести одно замъчательно наивное требованіе алаторскаго дворянства. Хорошо зная, что по закону одниаково жестоко должим быть наказаны какъ берущіе взятки, такъ и дающіе, оно просило освободить «датчика» отъ такихъ угрозъ, т. е. косвеннымъ образомъ разрёшить взятки! Взяточничество иногда было умёло организовано и съ формальной стороны прикрыто: въ ряжской канцелярів подъячіе безусловно не брали, о чемъ и заявляли открыто. Но туть же посажены были пятнадцать вольнонаемныхъ писцовъ, которымъ и должно было вносить за «труды, что они потребують», а требовали они, конечно, такъ, что на всёхъ хватало.

Въ особенности сильные нападки вызвало, разумеется, судопроизводство. Даже Юрьевъ-Польскіе дворяне, «по скудоумію» не заявившіе никакихъ жалобъ въ своемъ наказв. и тв оговорились: «кромъ того, что имъется въ произведении по формъ судовъ великія продолженія, какъ всемъ взрёстно». Жалобу на судебные порядки можно назвать самой общей и самой громкой въ наказахъ. Указывалось главнымъ образомъ два недостатка: недоступность суда и его медленность. Малодоступень для населенія судь быль по двумъ причинамъ: во 1-хъ онъ былъ слишкомъ долекъ отъ населенія: по незначительному ділу о потравів поля, порубків ліса н т. п. приходилось бхать версть за триста въ воеводскую канцелярію далекаго города, иные увзды были громадны. Во 2-хъ онъ быль слишкомъ дорога. Уже при самой подачв искового прошенія взыскивалась пошлина въ три рубля (=рублей 27 на наши деньги), какова бы ни была цена иска. Все производство совершалось на гербовой бумагь; для посылки за отвётчикомъ снаражался канцелярскій служитель; при изготовленіи ему инструкців взыскивалась особая плата, а такихъ посылокъ бывало по нескольку. Данковское дворянство вычисляло, что одна только подача иска и три посылки. по ответчика обходились въ 5 р. 84 к., что составить рублей сорокъ пять на наши деньги. Выходило нередко, что цена иска могла быть вначительно меньше, чёмъ приходилось уплачивать пошлинъ при его подачв, и это конечно, во многихъ случаяхъ, препятствовало обиженному начинать дело. Но то были только казенныя пошлены по таксв. Чтобы дело не затигивалось, надо было давать взятки. Служители канцелярів, посыдаемые за ответчикомъ, соглашались вкать не иначе, какъ «за договорную цвиу» съ истцомъ. Но кромв вовкъ этихъ поборовъ, приходняось тратиться на прожитіе въ городъ или на наемъ повъреннаго: трудно сказать что было хуже.

Судъ былъ еще темъ более дорогъ, что онъ былъ дологъ. По выражению дмитровскаго наказа, «судъ есть обрядъ весьма продолжительный и, можно сказать, безконечный». Въ ряжской воеводской канцеляріи, какъ увёряло дворянство, «черезъ пятнадцать лёть ни одного суднаго дёла, кромё тёхъ, въ коихъ сами тяжущіеся помирятся, въ рёшеніи не найдется». Что процессы тянулись

дъть по 10 и по 20, на это часто указывають наказы: эти цифры, кажется, и употребляются въ нехъ для выраженія средней прополжительности процесса. Эта медленность, даже и помимо влоупотребленій, происходила частью отъ самыхъ свойствъ судебнаго процесса, частью оть безсилія суда. Большое недовольство въ наказахъ возбуждаль сложный, медленный состязательный процессъ. оботавленный разными формальностями, способный затянуться на безконечное время, введенный Петромъ Великимъ и извъстный полъ именемъ «формы суда 1723 года». Дворянство единогласно требонало его отмвны и возвращения къ прежнему следственному пронессу. Жаловались также на множество инстанцій, по которымъ могдо пройти одно и те же дъю; если оно начиналось въ увадномъ городь, то ихъ было цять: уведная воеводская канцелярія, губериская канцелярія, коллегія потицін и сенать. Понятно, на сколько времени могь ответчикъ затянуть процессъ, если только хотель поволочить истна.

Итакъ, процессъ могъ продолжаться безконечно даже и тогда, когла стороны явились на судь. Но обыкновенно проходило значительное время прежде, чёмъ удавалось добыть на судъ отвётчика, который, по выражению одного наказа *), «всёми мёрами происки н пронырства употребляеть, оть суда отбываеть и обиженнаго разными вымыслами волочить и убытчить, къ сему обыклая и застаръдая поведенція». Часто бывало, замічаеть верейскій наказь, что истецъ, подавъ исковую челобитную, «лёть пять и болёе отвётчика своего къ суду сыскать не можеть». Отвётчики не являлись не только по тремъ, установленнымъ по закону посылкамъ, но даже и по многимъ, а судъ, по крайней мъръ по «кръпостнымъ дъламъ», (т. е. по деламъ, где доказательствами были крепостные документы) не могь постановить заочнаго рашенія. Обыкновенно посланный изъ воеводокой канцелярін за отвётчикомъ подъячій не заставаль отвётчива дома: ому объявляли тамъ, что онъ находится въ отдаленныхъ мъстахъ, -- въ Сибири или въ Астрахани, о чемъ пославный и доносыль, возвращаясь въ канцелярію. Тогда на явку ответчику давалоя «поверстный срокъ» по Укоженію, который для дальнихъ месть могь быть продолжителень. По прошестви этой отсрочки ответчикь получаль новую, сказываясь больнымь. Наконець, иногда, если отвётчикъ былъ мало мальски сильнымъ человъкомъ, онъ попросту не обращаль вниманія на эти приглашенія явиться въ судь, и последній ничего не могь съ нимъ сдълать. Въ Комиссін одинъ депутать отъ однодворцевъ откровенно заявилъ, что когда однодворцамъ случалось подавать челобитную на господъ помещиковъ, то судья вричань на нихъ: «какъ вы смёсте на такую знатную персону просить!» нли даже просто, не говоря ни слова, приказываль выталкивать челобит-

^{*)} CXVII, 3.

^{№ 6.} Огдѣлъ I.

чивовъ изъ канцелярів *). Быть можеть, этоть судья руководился въ такомъ образв двиствій твиъ просты иъ соображеніемъ, что все равно овъ и самъ бы ничего не могь подвлать съ «знатной персоной».

Всякаго рода влоупотребленія могли только еще болве затягивать водовету. Къ этому обывновенно и направлялись всё усилія «повівренныхъ». Влагодаря состязательному устному процессу 1723 года, институть адвокатуры сниьно развился: дворянство жалуется въ наказахъ, что, благодаря неуменью говорить на суде, оно постоянно принуждено нанимать повёренныхъ. У богатыхъ помёщиковъ бывали такіе адвокаты изъ своихъ же дворовыхъ людей, обученные всякимъ придическимъ тонкостимъ. Но, главнымъ образомъ, контингенть этой адвокатуры формированся изъ низшаго приказнаго эдемента. Что такое быль этоть стрянчій въ первой половина имнъшняго въка, это мы хорошо знаемъ по комедіямъ Островскаго. легко себе представить, чемъ онъ могь быть столетіемъ раньше; «Поваренные», какъ выразниси козельскій наказъ, «не всв люди свойствъ честныхъ». Но такое заявление было слишкомъ скромнымъ. Другіе наказы обыкновенно не находять словь, чтобы изобразить пріемы современной имъ адвокатуры. Пов'вренные «по своему ябеднеческому искусству стараются судное дело волочить и продолжать и завизывать недельными спорами и дальновидными справками» и «СПЛОТАЮТЬ РЁЧЕ ТАКЬ, ЧТО, НАКОНОЦЬ, ИЗЪ ТОГО ПРОИЗОЙДЕТЬ КЪ СМсканію правды хотя и безпристрастному судьй немалое затрудненіе» **). Вся задача, следовательно, сводилась въ тому, чтобы запутать и затинуть дело, и это было выгодно поверенному, такъ какъ онъ отъ пала кормился. Нерадко, не сойдясь въ гонорара, онъ, ознакомившись съ бумагами одной стороны, переходиль въ другую. «Продають ненасыщенною, несытною своею алчею и сдылають праваго виноватымъ -- характеризуетъ одинъ наказъ деятельность по-

Наконець, дёло затягиваль и самъ судья-воевода или его канцелярія въ своихъ интересахъ. Ускорить дёло можно было только взяткой, нначе являлась въ каждомъ дёлё необходимость въ такомъ множестве бумагь, разнаго рода записей, выписей и пр., что дёло, даже и не откладываемое подъ сукно, грозило сдёлаться безконечнымъ. «Просители отягощены», заявляло алаторское дворянство, «совоёмъ напрасными бумагами: дёло бываетъ такое, что только сдёлать справку и составить протоколъ, а вмёсто этого производятся должайшія изследованія и чинятся изъ многочисленныхъ прим'ярныхъ законовъ выписки», такъ что какъ будто законовъ на столе судейскомъ не имеется, а знають законы только секретари съ подъячими.

Само собою разументся, что въ такой судъ можно было придти

^{*)} XIV, 46.

^{**)} XXXII, 6; XXIX, 7.

оъ жалобой на убытовъ въ нёсколько рублей и уйти оттуда совсёмъ развореннымъ. Предпринимать искъ всегда было рискованнымъ дёломъ: вёсы Оемиды колебались не по обыкновеннымъ естественнымъ законамъ тяжести. Судъ не только не зашищалъ обиженныхъ и не возстановлялъ ихъ правъ, но часто только содёйствовалъ ихъ большему развореню. Вотъ почему не будетъ особенной натяжки въ жалобахъ наказовъ половины XVII в. видётъ большее сходство съ челобитными дворянъ и дётей боярскихъ половины XVII вёка (на соборё 1642 г.) въ которыхъ они говорили: «а разворены мы, холопи твои, пуще турскихъ и крымскихъ басурмановъ моссовскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедимхъ судовъ»; или, еще раньше, съ жалобами земскихъ людей половины XVI в., простодушно заявлявшихъ царю, что они запустёли отъ воровъ и разбойниковъ да отъ его государевыхъ намъстниковъ.

(Окончаніе слъдуеть).

М. Богословскій.

ОЛИВЬЕ ДАТАНЪ.

(Изъ политическихъ нравовъ современной Франціи).

Романъ Жюля Каза.

(Oxonvanie).

XXIX.

На следующее утро Оливье проснулся вдругь, какъ будте кто-то закричаль въ его комнате. Онъ приподнялся на постели и прислушался. Было уже поздно, солнце светило въ окна и шерокими блестящими полосами освещало паркеть и полировку новой мебели.

Онъ быль одинъ. Все было тихо.

Онъ сталъ медленно одъваться; его члены были вялы, безкровны, какъ бы разбиты паденіемъ. Свътъ мъшалъ ему. Онъ проснулся съ чувствомъ стыда, остающагося послъ ночи, полной чудовищныхъ грезъ. Въ его ушахъ звучалъ влой смъхъ-Жюли. Она, какъ призракъ, вростала въ его жизнъ.

— Пусть такъ, — скаваль онъ громко. — Не будемъ думать объ этомъ больше. Быть можетъ, я былъ глупъ. Почему? потому что потерпълъ неудачу. Я могъ имъть успъхъ. Тогда я не былъ бы глупъ... Будемъ сильны и не станемъ больше думать объ этомъ...

Часы пробили десять.

Онъ рѣшительно взялъ дѣло Баратье и сталъ читать его. Но черезъ нѣсколько минуть онъ сидѣлъ, облокотившись на столъ локтями, приподнявъ голову, устремивъ глаза на чернильницу. Его рука лихорадочно вертѣла карандашъ.

Онъ думалъ о засъданіи палаты, которое должно было открыться черезъ нъсколько часовъ. Республика падетъ. Члены правой были увърены въ своемъ большенствъ. Голоса считались и пересчитывались заранъе. Паденіе демократіи неизбъжно.

Что ому до этого, разъ онъ не увидить больше Полинь-

еровъ? Если бы даже его позвали, его нога не будеть въ этомъ домъ. Это нелъпо, безумно, но это такъ!

А если восторжествуеть Республика?

Онъ быстро всталь и расхохотался. Побъда Республики, а онъ скомпрометироваль себя, примкнувъ къ другой партіи!. Своими статьями, своей полемикой въ реакціонныхъ журналахъ!.

— Это было бы смешно! И право, мне кажется, я желаю этого... Да, вменно! да здравствуеть Республика и пусть все • идеть въ чорту!.. Я не буду ничемъ нивогда!.. Такихъ членовъ, насъ такихъ тридцать шесть милліоновъ во Франціи. Что я дълаль до сихъ поръ: я четаль, изучаль всё системы, всё философін политики, я всасываль въ себя все, что могь вивстить и переварить. Къ чему я пришель? Къ тому, что всъ мевнія кажутся мев одинаковы. Есть только одно ввчное,это всемірное недоразумініе! Разрішите его сегодня, оно возникнеть завтра! Впрочемъ, я достигь еще одного результата: мой отецъ меня не уважаеть, женщину, которая любила меня безкорыстно, — я прогналъ самъ... Что мев остается?.. Симона? маленькая Симона, это прелестное потерянное и вновь найденное былокурое и проврачное виденіе, виденіе поэта, который бонтся испортить свою мечту, точно опредвливь ее... Первый насморкъ, первый сквозной вётеръ унесеть ее, превратить въ бевформенную массу это прелестное лицо, эти чистосердечные глаза, крошечный ротикъ, который произносить невинныя шут-К ... что мей до этого? что она мей? что я ей? ничего... Я зъваю, я голоденъ, вотъ и все.

Онъ кончиль одёваться и пошель завтракать въ ресторанъ. Туть онъ подумаль, что было бы полезно повидаться съ Баратье. Ему нужно было поговорить съ нимъ объ его дёлё. Симона наканунё предупредила его, что она, по всей вёроятности, останется въ постели весь день. Не отложить ли визить на завтра? Зачёмъ? Развё ему такъ хочется встрётить молодую дёвушку? Онъ шель туда только ради дёла.

Онъ нашелъ ее, однако, въ кабинеть Баратье, котораго не было дома. У него вырвался жесть удивленія.

- Вы, вначить, не очень устали?
- Она подбъжала въ нему съ таинственнымъ видомъ.
- Совсемъ нетъ... я васъ ждала.
- Меня?
- Да.
- Вы съ мной желаете говорить о прошломъ?
- O! нътъ... я желаю вамъ сообщить новость... Я узнала ее сегодня утромъ... Я думаю, что это и придало мнъ такую бодрость сегодня, я чувствую себя живой и дъятельной...

Оживленная, съ розовыми щеками, блестящими глазами и быстрыми жестами, она вся была движеніе и жизнь.

- Въ чемъ же дѣло? спросиль онъ, улыбаясь.
 Она произнесла торжественно.
 - Жюли... выходить замужъ.
 - Оливье побладналь.
 - A! sa koro me?
- Тише! это секреть... ча только вамъ его довъряю... я не должна была его знать... Она мит ничего объ этомъ не говорила вчера вечеромъ... Ея отецъ сказалъ папа... Я поклянась молчать... не вамъ, впрочемъ... Я сейчасъ же подумала о васъ, потому что секретъ лучше хранить вдвоемъ, втроемъ даже, считая и папа... Она выходитъ замужъ за посланника... Они встрътились на водахъ... Это ръшено, но не хотятъ объявлять свадьбы раньше, чъмъ черевъ мъсяцъ... Ну! что вы скажете на это?
- Что же мий сказать? Этоть бракъ самая естественная вещь въ мірй.
- Конечно, конечно... Но вы, вы не знаете, что значать подруга, выходящая замужъ... Я совсемъ сбита съ толку. Я не знаю, грустно мив или весело... Готова я прыгать отъ радости или плакать... Знаете, это странно, но мив кажется въ эту минуту, что я еще больше люблю Жюли и въ тоже время я сержусь на нее... за что, скажите?

Она съла въ кресло своего отца, передъ бюро... Ея рукаиграла машинально разръзнымъ ножомъ, взглядъ былъ обращенъ въ пространство, лицо задумчиво.

Оливье смотрълъ на нее, сидя рядомъ на нивенькомъ та-буретъ.

Она медленно повернула голову въ его сторону, и онъ увидълъ жалеое, грустное личико, страдальческое, нъжное съ большими, свътлыми, печальными глазами, говорящими: «а мнѣникто не предложитъ руки, никто и не предлагалъ никогда, я не выйду замужъ, а, между тъмъ, я могла-бы любить, о! ямогла-бы любить такъ сильно... я была бы весела, добра... я составила бы счастье того, кто пожелалъ бы взять меня».

Олевье быль тронуть до глубины души этимъ безсовнательнымъ призывомъ нѣжности и любви. Бѣдное, маленькое созданье, слишкомъ слабое, слишкомъ тщедушное для грубыхъ прикосновеній, каждая минута живни его сохранялась лишь заботами и предосторожностями, душа его была создана, чтобъ раствориться въ душѣ другого, губы призывали поцѣлуй и оно должно было умереть съ сердцемъ полнымъ невысказанныхъ желаній, завернуть въ саванъ свою дѣвственную наготу, свою узкую, округлую грудь, которой не коснется ничей поцѣлуй.

Ужасное, дикое желаніе потрясло его, какъ электрическій токъ. Рычаніе звіря слышалось въ глубині души, подобно

крику самца въ пустынъ. Чудовищное, преступное тянуло его къ себъ. Въ немъ накопилось слишкомъ много ненависти. Ему котълось зла, котълось видъть жертву, бъющуюся подъ его торжествующей силой. Ему котълось броситься на эту нъжную дъвушку и взять ее. Ея взгляды, безъ ея въдома, выражали безмолвиде согласіе отдающагося тъла. При первомъ поцълуъ, при первомъ грубомъ объятіи мужскихъ рукъ, она отдастся вся, покорно и безмолвно.

Они молча смотръли другь на друга.

Онъ вскочиль, сдёлаль быстрое движеніе впередъ, причемъ его шляпа покатилась на поль, потомъ сразу остановился, круто повернулся и большими шагами перешель комнату. Его лицо было блёдно, какъ смерть, и подергивалось конвульсіями. Рёзкимъ движеніемъ приподняль онъ занавёсь у окна и, прислонившись лбомъ къ стеклу, остался неподвижнымъ.

Симона, изумленная, встала также и подошла къ нему.
— Что съ вами? — спросила она дрожащимъ голосомъ, блёдная, съ испуганнымъ взглядомъ.

Она не поняда; но она чувствовала, что опасность была близка; она дрожала, какъ ланъ передъ грозой, въ атмосферъ, насыщенной электричествомъ.

— Что съ вами? — повторила она.

Она стояла совсёмъ близко, почти касаясь его. Ея рука протянувась инстинктивно, чтобъ взять его руку.

Онъ смотрълъ на нее, не говоря ни слова.

- Со мной то, —думаль онь, —что я тебя люблю... что ты ангель... что я всегда любиль тебя... ты первый женскій образь, который мнё снился по ночамь; юношей я слёдиль за тобой безь твоего вёдома; мужчиной я опять думаль о тебё; со мной то, что теперь я хотёль-бы стать на колёни передь тобою, цёловать твои маленькія ножки, заставить ихъ раздавить мою голову, потому что я чудовище. Со мной то, что я обожаю тебя, что я анаю, что ты любила бы меня и что это невозможно... Со мной то, что я все это думаю и даже не могу этого сказать тебё.
 - Вы больны? Не хотите-ли чего-нибудь?
- Извините, mademoseille... да, я выпью немного воды. Онъ наполниль стакенъ, стоявшій на бюро, и выпиль воду залюмъ.

Имъ было неловко. Въ передней послышались шаги.

— Это папа, — сказала Симона вполголоса.

Она посившила състь въ кресло у бюро, стараясь придать своему лицу выражение веселой беззаботности.

Она не сдълала ему никакого знака, но онъ поняль по ея взгляду, что она приказывала ему състь снова около нея, на низенькомъ табуретъ. Онъ повиновался, поднялъ свою шляпу

и улыбнулся этой женской уловкі, къ которой одинаково могла приб'єгнуть опытная развратница и этоть невинный, дрожащій оть волненія ребенокъ.

— Нельзя войти, — закричала она отпу, отворявшему дверь. — Мы заняты дёлами, мы говоримъ о твоемъ процессъ.

Но она бросилась ему на встричу. Онъ поциловаль ее, окинувъ влюбленнымъ взглядомъ.

- Знаешь, сказала она сейчасъ-же. Я ему разсказала.
- Что?
- О бракѣ Жюли.

Баратье улыбнулся, и Оливье зам'втиль на этомъ красномъ, здоровомъ лиц'в легкое облако грусти. Рана, которую этотъ человъкъ носиль въ сердц'в, должна была всегда сочиться кровью, растравляемая постоянными намеками, на которые не скупилась жизнь.

Они пожали другь другу руки.

- Вы внасте, чъмъ кончилась вотировка въ палатъ?
- Нътъ.

— Большинство оказалось за республику. Конституція прошла, мы разбиты.

Новость ошеломила Оливье. За себя онъ почувствоваль ударь не сразу. Но разрушеніе надеждь Полиньеровь, паденіе всего ихъ кружка, конець этой тщеславной болтовни и суеты,—все это наполнило его тайной радостью, и его глаза вагорілись. Ему хотілось репрессій, ссылокь, заключеній вътюрьму. Пусть акть справедливости, начатый ходомь событій, идеть до конца. Ему было безразлично, что потокь захватить его вмість съ другими.

— Я васъ оставляю, сказала Симона.

На порогѣ двери она повернулась и обиѣнялась быстрымъ съ Оливье ввглядомъ.

Черезъ двадцать минуть ушель и онъ.

Его нервы ослабли; онъ былъ спокоенъ и не страдалъ. Его охватило какое-то оцъпенъніе.

Онъ разсуждалъ хладнокровно.

Жюли его наказала... «Симона чахоточная. Бракъ ее убъетъ, на ней также нельзя жениться...» Какое въроломство! какое презрѣніе! Однако, что-же? Жюли была права... Она только мстила. Ей надо было стеретъ стыдъ того, что она сама предложила себя. Львица, призвавъ льва, царапаетъ и рветъ его когтями. Она также царапнула его по сердцу.

Онъ отправился къ Дьелафуа и встретиль его у дверей.

Они прошли несколько шаговъ вместе.

— Что за лицо у васъ, мой милый!—воскликнулъ Дьелафуз.—Знаю, знаю. Видите, я былъ правъ. Вы сдёлали промахъ. Но, чортъ возьми! не все еще потеряно. Вы никого не

убили, ничего не украли... Пока не побываещь въ тюрьмѣ, все еще можно спасти... Двадцать шесть лѣтъ! Вамъ только двадцать шесть лѣтъ!.. Республика только что начинаетъ свой путь... Идите къ ней... Ваше прошлое? Грѣшки молодости, какое кому дѣло до нихъ! Милый мой, я хотѣлъ бы быть въ вашей шкурѣ... У васъ есть талантъ и передъ вами золотой рудникъ для разработки.

- Какой рудникъ?
- Радикализмъ.

Оливье покраснёль, возмущенный цинизмомь своего патрона, а тоть уходиль, смёлсь, и въ этомъ смёхё звучало презране ко всёмъ человёческимъ дёлишкамъ.

На улицахъ господствовало оживленіе, на иныхъ лицахъ виднѣлась радость. Какой-то жалкій чудакъ, съ желтымъ лицомъ и опущенной головой, въ пальто, которое висѣло на немъ, точно мокрое бѣлье, — бросилъ на Оливье взглядъ безмолвнаго отчаянія, и этотъ взглядъ проникъ ему въ сердце. Молодой человѣкъ увидѣлъ какъ бы свое отраженіе. Другіе шли торопливо и молча, третьи жестикулировали и шумѣли... Всѣ несли куда-то свое оживленіе, у всѣхъ была цѣль, всѣхъ кто-нибудь ждалъ, не спрашивая, честны они или нечестны... всѣ работали и бились для кого-нибудь дорогого и близкаго.

А онъ одиновъ, какъ всегда! Для него собственное я замъняло религію, стъна отдълила его отъ тъхъ, кто его любить, а на сердцъ у него сухо и пусто, какъ въ знойной пустынъ...

Вдругь что-то пронеслось въ этой томительной тишинъ души... дуновеніе влажнаго вътра, капля росы... что-то неуловимо мягкое и нъжное. Онъ полумаль о Симонъ.

Симона! Это значить любовь невозможная и безкорыстная, отъ которой онъ не потребуеть для себя ничего, но которая неодолимо влекла теперь его изсушенное эгоизмомъ сердце, какъ чаща свёжей воды привлекаеть губы раненаго...

XXX.

Онъ сталь часто ходить въ Баратье. При малейшемъ предлоге, онъ бежаль туда. Часто онъ находиль Симону одну.

Однажды она сказала ему:

- Васъ не видно больше у Полиньеровъ. Знаете, что о васъ дурно отвываются?
 - Kro?
 - Всв. т-те Полиньеръ, Жюли...
 - Что же они говорять?

Она покраснъла, не ръшаясь продолжать.

— Но... я ужъ и не знаю... Они говорять, что вы боитесь скомпрометировать себя... что вы дезертируете... что вы...

Она замолчала.

- Интриганъ? спросиль онъ.
- О! нъть, -- воскликнула она съ движениемъ протеста. Она покраснила, какъ ракъ.

Онъ пожаль плечами.

- Скажите мив всю правду. Что говорить Жюли?
- Жюли?

Медленно, тихимъ голосомъ, какъ будто это открытіе было необходимо и ее принуждаль вы нему долгь, она проговорила:

— Жюли влан, она васъ не любить.

Она следила за действиемъ своихъ словъ по липу молодаго человъка.

Знала она что-нибудь? Угадана она? Выраженіе страданія мелькало въ углахъ ся рта, голубые глава заволовлись тенью. Неужели она ревновала?

Она прибавила:

- Ея свадьба уже объявлена... Это будеть черевъ шесть недвль... Я не буду на свадьбв, насъ уже здвсь не будеть..
 - Какъ не будеть? вскричаль онъ.
- Да, мы уважаемъ въ Канны, черезъ двв, три недвли... Я никогда не провожу зиму въ Парижъ...

Она произнесла последнія слова такъ грустно, что у Оливье сжалось сердце, какъ будто онъ былъ у изголовья умирающей.

Они замодчали. Ихъ взгляды встретились и они продолжали смотреть другь на друга, испытывая одинаковое волненіе.

. Онъ приходиль каждый день, говоря съ Баратье о его процессь, требуя оть него объясненій, которыя тоть должень быль повторять на следующій день. Ему необходимо было видъть Симону.

Онъ всегда ее находиль въ кабинеть отца. Ръдко оставались они одни, но она слушала разговорь, опершись локтями на бюро, внимательная, какъ будто ей были интересны эти безконечныя цифры. Время отъ времени она забывалась, глядя на него.

Ему нравилось говорить при ней. Порядокъ и ясность, которые онъ вкладываль въ свои мысли, слова, которыя находиль, чтобы ихъ выразить, наполняли его гордостью. Онъ ловиль на серьезномъ личикъ дъвушки наивное восхищение, которое его поднимало, освъщало его мозгъ, смягчало сердце.

- Мы тебъ очень надовли, дъвочка?—говориль Баратье.
- Вовсе нътъ. Увъряю тебя, что я все понимаю. Теперь внем стерминав отс

Разъ Баратье принуждень быль выйти. Онъ должень быль вернуться только черезъ часъ.

На Симонъ было розовое платье, которое она надъвана на

объдъ у Полиньеровъ. Она держала въ рукъ бълую гвоздику; и нюхала ее, разговаривая.

Оливье узналь платье и сказаль это ей.

- Да, отвъчала она. Я его надъла сегодня, сама не знаю почему. Проснувшись, я сейчасъ подумала объ этомъ розовомъ платъв, мив захотвлось его надъть, я такъ и сдълала... У васъ не является иногда такихъ фантазій... капризовъ? Это пустяки, а между тъмъ они даютъ счастье.
- Вы въ немъ прелестны... Мив представляется, что мы съ вами только что вышли изъ-за стола.
- Я часто думаю объ этомъ объдъ... Мить было весело, я смъялась, я была немножко сумасшедшая, быть можеть... Мы познакомились съ вами въ тоть вечеръ.
- Ваша память вамъ измёняеть... Мы видёлись раньше... у Полиньеровъ.
- Да, но мы еще не болтали... Представьте себѣ, я была очень удивлена, найдя васъ такимъ любезнымъ Сначала мнѣ было немножко страшно сидѣть рядомъ съ вами... Это потому, что я васъ всегда видѣла съ ужасно серьезнымъ лицомъ, почти злымъ... я боялась. Обыкновенно я васъ видѣла въ салонѣ въ разговорѣ съ важными господами... о политикѣ, конечно... Никогда вы не смѣялись... не танцовали... Вы не говорили съ дамами.

Ея лицо изм'внилось, стало грустнымъ, приняло чуть зам'втное выраженіе упрека. Ея голосъ получиль отт'вновъ горечи.

— Впрочемъ, да... Вы говорили съ Жюли... даже часто... Ну! именно вотъ въ эти минуты у васъ было злое лицо... Можно было подумать, что вы ссоритесь... и вы были часто вибств.

Она замолчала, кусая свою гвоздику, обративъ глаза на молодого человъка, съ молчаливымъ вопросомъ.

Онъ быль тронуть и слушаль ее, улыбаясь.

— Ну, ничего!—сказала она вздыхая, и такимъ тономъ, въ которомъ Оливье угадывалъ нёчто въ роде прощенія.

Внезапно измѣнивъ настроеніе духа, охваченная порывомъ веселости, она продолжала:

— Но мы съ тёхъ поръ прекрасно вознаградили себя... Мнё кажется, что мы знакомы давно, давно... Увёрены-ли вы, что мы не встрёчались ранёе?.. Мнё кажется, что я васъ видёла гдё-то еще въ другомъ мёстё, не у Полиньеровъ.

Неужели ея память, дъйствительно, сохранила смутное воспоминаніе о Монморанси, о молодомъ человъкъ, проходившемъ иногда мимо террасы ея дома? Или ея чувство продолжилось инстинктивно въ невъдомое прошлое, смутное, таинственное, за предълами существованія?

Оливье колебался. Къ чему возобновлять воспоменанія,

которыя навёрное хранились только въ немъ? Не вспугнутъли эти слова иллювію, въ которой они жили оба въ эту минуту и были такъ счастливы?

Онъ промодчалъ.

Они услышали возвращавшагося Баратье.

Она быстро положила гвоздику на стулъ, раздълявшій ее отъ Оливье. Онъ взялъ цвътокъ, теплый и влажный, и спряталь его въ рукъ.

Черезъ часъ онъ уходилъ и, спускаясь съ лъстницы, прижималъ гвоздику къ губамъ, цълуя ее, вдыхая ея собственный ароматъ вмъстъ съ тъмъ, который въ ней оставила молодая дъвушка, ея улыбку, ея веселость, ревнивую грусть, всю грацію больного, невиннаго ребенка.

R lee оплои в и стидои вном сво Істидом вном внО люблю невозможное, смерть! Мнъ не надо было бы ее больше видьть. Быть можеть, я совершаю преступленіе. Но я пойду въ ней завтра-же. Виноватъ-ли я? Я долженъ видеть, слышать этого ребенка, даскать своими глазами ея волосы, глаза, губы, ея нъжную шейку, все ея тъло... Она забудетъ меня... Я не первый возбудиль въ ней потребность ласки... Она, бъдняжка, которую избегають, какъ зачумленную, отдавалась и другимъ... Зачемъ мне отказываться отъ несколькихъ минутъ забвенія, радости, счастья? Что мнв до всего прочаго? Коломесъ назначенъ су-префектомъ: его, выходца реакціонныхъ салоновъ, республика принимаетъ; она ему платить за славу отдовскаго имени; я не завидую. Дюнонкъ, главный редакторъ вечерней газеты, сила нынъшняго дня! Онъ поддерживаеть и свергаетъ министровъ; я не завидую и ему. Перонна ставить свою кандидатуру въ ближайшіе выборы, онъ пройдеть; у меня нъть къ нему дурного чувства. Мой умъ остановился на одной мысли, на молчаливомъ и восхитительномъ соверцаніи. Что-то плачеть, рыдаеть въ мев, что-то нежное и счастливое. Симона, маленькая Симона, я только люблю тебя, я весь твой!

Эта тайная, безнадежная любовь, о которой никто не увнаеть, нравилась ему. Ночью онъ засыпаль съ мыслью о смерги, не о грубомъ самоубійстві, выказывающемъ трусость или безсиліе: небытіе и любовь сливались теперь въ одно, отождествлялись въ его воображеніи.

Физически онъ себя чувствоваль больнымъ. Онъ не виъ, его энергія и воля упали. Онъ испытываль захватывающее ощущеніе тяжелаго сна, непреодолимаго, какъ медленно потухающій вулканъ, становящійся все холоднів съ каждой новой зарей.

Дни проходили за днями; отъйздъ Симоны приближался. Она теряла свою веселость и съ каждымъ свиданіемъ становилась все грустийе. Молча сидёла она, углубясь въ какое нибудь рукодёлье. Ея маленькая рука, протягиваемая ему на прощаніе, была холодная, вялая.

Бъ послёдній разъ, когда онъ ее засталь одну, она сказала:

- Черевъ пять дней мы убдемъ.
- Холода приближаются.
- Я бы хотела не уважать, остаться въ Париже. Я бо-
- Однако, она необходима... докторъ не позволить вамъ остаться на зиму въ Парижъ.

Она опустила голову, вадыхая, сложивъ руки на коленяхъ.

- Да... да... я знаю, что я больна... очень больна... я думаю объ этомъ... о смерти... я боюсь умереть. Ночью я вдругь просыпаюсь, оледенты отъ ужаса, и сажусь на постели... я стала-бы кричать, если бы дверь въ комнату папа не была открыта, и я не боялась его тревожить.
 - Тысячи людей проводять виму на югв.

Она покачала головой, все смотря на свои блёдныя, слабыя руки, и сказала серьезно и важно:

— Я внаю... понятно, что мий ничего не говорять, но выдь это не трудно угадать. Я сравниваю себя съ другими, и, увъряю васъ, знаю хорошо... Моя мать, мой маленькій брать умерли... отъ бользни груди... отъ чахотки! Обыкновенно я не думаю объ этихъ грустныхъ вещахъ; мий довольно настоящаго; я весела и счастлива... Все меня развлекаетъ и занимаетъ... Прежде я увъжала съ радостью, потому что я люблю прекрасную страну, куда мы увъжаемъ, люблю ея голубое небо, солнце, цвъты. Но этотъ годъ повядка мий кажется такой скучной, я такъ не хотъра бы вхать. Я предчувствую горе. Эта комната... Мий кажется, что я больше не войду въ нее... что я говорю прости всему, что меня окружаетъ, и...

Она подняла свои большіе, св'єтлые глаза на молодого челов'єка и замолчала, но лицо ея продолжало говорить:

«И вамъ. Я васъ больше не увижу, а я хочу васъ видъть, я не хочу разставаться съ вами. Скажите мив что-нибудь... одно слово... Скажете мив, что вы меня любите... Вы въдь видите, что я васъ люблю, что смерть пугаетъ меня теперь потому, что она разлучить меня съ вами... а этого не должно быть»...

Онъ заставилъ себя улыбнуться и проговорилъ голосомъ полнымъ слезъ:

— Mademoiselle, позвольте побранить васъ, вы не благо разумны, вы огорчаете своихъ друзей... послушайте... Симона...

Услышавъ свое имя, произнесенное чуть слышно, точно дыханьемъ вътерка, молодая дъвушка просіяла и разцвъла, какъ свътлая утренняя зорька. Ея губки задрожали, жилки на шев налились. Все ея существо выражало благодарность и

въ тоже время страшную усталость. Любовь была не по силамъ ея душъ.

Ихъ руки готовы были встрётиться, но въ эту минуту вошелъ Баратье.

— Я провожу вась на вокзаль, — сказаль Оливье.

Въ день отъвзда онъ проводиль ихъ на платформу до самого вагона. Симона шла рядомъ съ нимъ, и вдругь онъ почувствовалъ, что она беретъ его руку и сжимаеть ее изо всей силы своими маленькими, нъжными пальчиками. Такъ они сдълали нъсколько шаговъ.

Она не могла отвъчать на его прощальныя слова. Ея горло сжалось.

Сидя въ углу вагона противъ окна, она не сводила глазъ съ молодого человъка.

Раздался произительный свистокъ и повздъ тронунся.

Симона кинулась въ дверямъ и бросила ему прощальную улыбку, улыбку банальную и свътскую. Но оба почувствовали, что ихъ губы искали воображаемаго поцълуя, въ которомъ судьба отказывала имъ навсегда!

Повадъ полаъ мимо, извивая свой хвость при шумѣ выпускаемыхъ паровъ и вертящихся колесъ, потомъ сталъ меньше и меньше, удаляясь со всей скоростью, и надъ нимъ развъванся только султанъ бълаго дыма.

Оливье повернулся. Платформа была пуста, въ воквалъ ца-

рила тишина и холодная сырость.

Онъ обернулся еще разъ. Повздъ сталъ черной точкой, удаляющейся вдаль, и на ней блестить, какъ глазъ, кровавый кругъ краснаго фонаря.

Потомъ и онъ исчевъ, путь стелъ.

Тогда Оливье бросился бъжать со всёхъногь, и грудь его разрывалась отъ рыданій.

XXXI.

Зима установилась холодная, печальная.

Оливье, очень занятый въ судъ, слъдиль за политикой по газетамъ. Республика торжествовала при крикахъ и вопляхъ побъжденныхъ партій, которыя мельчали и раздроблялись. Рауль Барро, недавній трибунъ, сталъ главой государства. Оливье опять восхищался имъ. Онъ купилъ его портреть и поставилъ на своемъ бюро.

Между тімь, кризись духовнаго безсилія прошель. Онь проснулся съ новыми силами, съ отдохнувшими мышцами, съ пустой душой, съ жаждой діятельности. Онъ мечталь убхать изъ Франціи, странствовать по світу въ поискахъ неизвістныхъ приключеній; онъ задыхался въ Нарижі. Весною всимхнула стачка въ одной изъ каменноугольныхъ провинцій центра Франціи. Происходили безпорядки, было убито нъсколько жандармовъ.

— Возьмите на себя защиту рудовоповъ! — говорилъ ему Льелафуа, — и ваше дъло въ шляпъ.

— Я? Но вакъ-же я могу? Кто меня знаетъ?

- Хотите, я поговорю съ Барро?
- Вы, значить, съ нимъ видитесь?
- Редко... Но мы были близко знакомы, когда онъ начиналь свою каррьеру въ суде. Насъ связывали симпатіи, котя онъ быль гораздо моложе меня. Воть уже десять лёть, какъ мы не встрёчались. Но я пойду къ нему... Теперь онъ сила.

Оливье смотрълъ на адвоката съ быющимся сердцемъ, взвол-

ванный, какъ передъ опасностью.

— Но это невозможно. А если Барро узнаеть, что я писаль въ консервативныхъ газетахъ, что я сражался противъ республиканцевъ?

Адвокать пожаль плечами.

- Зачёмъ-же вамъ признаваться, вы скажете июта на все, вы будете отрицать устно, письменно, печатно. Нёть и нёть! Отрицаніе—это превосходное средство! Вамъ сунуть подъ носъ статьи Коріолана, а вы скажете: это не я! Приведуть свидётелей, типографщиковъ, кассира, который выдаваль гонораръ, а вы все свое: нёть, и кончено!
 - Какъ убійцы въ судь?
 - Именно... Итакъ, я побываю у Барро...

Оливье протянуль ему руку.

- Благодарю васъ, сказаль онъ просто.
- Ну чего тамъ! Я рада буду поговорить съ этимъ державнымъ властелиномъ.

Черезъ день послѣ этого Оливье ждаль, блѣдный и нервный, въ передней Барро, который, занимая высшую оффиціальную должность, жиль теперь въ одномъ изъ дворцовъ.

Судебный приставъ пригласилъ Оливье следовать за собою

и доложиль громко:

— Г. Оливье Датанъ.

Молодой человъкъ едва узналъ Барро. Онъ пожирълъ, почти опухъ, щеки у него отвисли, какъ мъшки, въ откинутыхъ назадъ длинныхъ волосахъ видивлись бълыя пряди. Его лицо также измънилось и имъло выраженіе нъсколько надменнаго величія. Глаза, окруженные опухшими въками, смотръли сверху внизъ.

Оливье поклонился ниже, чемъ намеревался. Какая-то сила согнула его спину. Онъ сълъ на указанное ему мали-

новое кресло, ожидая, узнаеть-ли его Барро.

— Дьелафуа мив говориль о вась по поводу этого двла...

онъ мив сказаль о васъ много хорошаго, и я вполив вврю ему... Это человвкъ... Знакомы-ли вы съ вопросами, относящимися до каменноугольной промышленности?

— Когда я имъть честь, милостивый государь, быть принятымъ вами нъсколько лъть тому назадь, вы дали мнъ слъдующее наставленіе: ничто не должно быть незнакомо государственному человъку, онъ долженъ все язучить, все знать...

Онъ невольно покраснъль, произнося эту лесть. Барро сдвинуль брови, посмотръль на него молча, проницательно и по-

качаль головой съ недовольнымъ видомъ.

Онъ задалъ молодому человъку нъсколько вопросовъ, какъ бы зондируя его. Мало-по-малу его лицо проясняюсь. Навонецъ, довольный сдъланнымъ экзаменомъ, онъ улыбнулся и сталъ вдругъ снова добрымъ малымъ, простымъ и привътливымъ, какимъ Оливье его зналъ прежде.

- Я очень люблю Дьелафуа, сказаль онъ Я желаль бы, чтобъ онъ приняль отъ меня какую-нибудь должность, онъ оказаль-бы большія услуги: люди его закала рёдки, даже между республиканцами, прибавиль онъ съ иронической улыбкой...
 - Но его убъжденія... его прошлое во время Имперіи...
- Пустяки!.. Политика не должна быть на влопамятна, ни заствичива. Моя мечта сдвлать министрами герцога Х.,маркиза Z,-г. У.,-всёхъ подвижниковъ павшаго роялизма... Что касается до принцевъ спретендентовъ, то я ихъ назначилъ бы корпусными командирами и посланниками. Они были-бы нашеми представителями у державъ. Окруженные королевской роскошью, въ общения съ королями, -- они оставались-бы върны Франціи, потому что это смновья храбрецовъ... Они были-бы лучшими слугами республики... Но все это фантазія.. Въ настоящую минуту выплывають на сцену подонки общества; они поднимаются и хотять завладеть всёмъ... Этоть каменноугольный процессь очень щекотпивое дело... Нужно будеть добиться оправданія рабочихь, даже виновныхь въ убійствахъ. Но зачинщиковъ нужно погубить непремвино; ихъ надо обличить; мы ихъ покажемъ буржувзін, которая, обезумъвь оть страха, кинется къ намъ; нужно сдълать ихъ предметомъ преврънія для рудокоповъ, которые должны отнестись равнодушно къ ихъ высылкв.

Онъ говорилъ долго, увлекаясь своимъ красноречиемъ, объяснялъ дело, излагая подробно его причины, разсматривая самыя отдаленныя последствія, набрасывая широкими штрихами защитительную речь, которую требовали обстоятельства.

Онъ нарисоваль ропоть демагогіи, готовой къ возмущенію, жаждущей безпорядковь и власти. Плотина могла прорваться. Кровавыя грезы копошатся въ мозгахъ. Эта толпа шла стихійно, бевъ оружія, бевъ начальника, группируясь около нёсколькихъ неопредёленныхъ девизовъ. Кто знаетъ, не придется-ли пустить въ ходъ силу? Это прямая угроза буржуазін, которой приходится думать о необходимой самооборонъ...

Слушая и отмъчая его совъты, проникаясь его мыслью, Оливье видълъ передъ глазами эту орду нищихъ и недовольныхъ; слышалъ ея рычаніе. Изъ нея подымался, ей предшествовалъ еще глухой, но чудовищный гулъ, точно внезапные порывы вътра передъ грозой. Цълый океанъ головъ, — черный народъ, — волновался передъ нимъ, лишенный организаціи, движимый лишь инстинктомъ борьбы за существованіе. Какой магической властью облечется имя того, кто явится символомъ объединенія для всъхъ этихъ обездоленныхъ! Въ первый разъ эта перспектива открывалась передъ нимъ во всей своей простотъ и ясности... И вотъ, судьба посылаетъ ему это дъло...

Онъ едва слушалъ Барро; на его губахъ застыла улыбка согласія и восхищенія. Слава шла къ нему на встрічу. Минута была рішительная. Побіжденный этоть разъ, онъ уже не поднимется.

Когда онъ простился съ Барро, смиренно, какъ удовлетворенный проситель, онъ чувствоваль, что не любить больше этого человъка, что въ одинъ прекрасный день онъ будеть съ нимъ бороться. Онъ оставляль за собою врага.

Въ передней пристава почтительно встали при его появления. Онъ вышель, сіяющій, высоко поднявь голову.

Я долженъ побъдить — говорилъ онъ себъ.

Черезъ шесть недёль онъ говориль въ провинціи передъ присяжными. На него была возложена защита одного изъ руководителей, на которомъ лежали самыя тяжкія обвиненія. Буржуазія требовала его головы, соглашаясь лишь на этомъ условіи помиловать рабочихъ.

Когда Оливье поднялся на своемъ мѣстѣ, блѣдный, почти мрачный, наступила глубокая тишина. Онъ окинулъ аудиторію быстрымъ взглядомъ: съ одной стороны—безстрастныя лица судей, съ тонкими благородными чертами, затѣмъ присяжные, видимо запуганные, какъ стадо, почуявшее волка; напротивъ, среди обвиняемыхъ въ рабочемъ платъѣ, его кліентъ, смотрѣвшій на него и тоже содрогавшійся отъ неизвѣстности и страха. Это былъ человѣкъ съ большой головой, съ выпуклымъ лбомъ, умнымъ и суровымъ лицомъ; съ другой стороны, позади баррьера, составленнаго изъ жандарискихъ трехуголокъ—блузы, головы женщинъ, чепчики, сѣдые и черные волосы, молчаливая толпа бѣдняковъ.

Въ продолжени одной секунды Оливье испытывалъ смертельную тоску. Ему стало страшно.

Онъ началъ громкимъ голосомъ, который заставилъ его м с. отделъ 1.

самого задрожать, и онъ чувствоваль, что дрожь охватила все собраніе.

Его рѣчь была апологіей народа. Оставивъ скоро частный предметь своей защиты, онъ пустился въ отступленія общаго карактера. Онъ нашель обравы, чтобы нарисовать бѣдствія рудокоповъ, онъ ихъ заставиль рычать отъ страданія. Онъ говориль объ ихъ правѣ на существованіе, на хиѣбъ насущный, на покой въ старости, когда волосы побѣлѣють и члены потеряють силу...

Каждое его слово производило впечатленіе. Въ одномъ мёстё толпа стала рукоплескать. По слову президента снова водворилось молчаніе. Оливье продолжаль, сжавъ кулаки съ искаженнымъ, страшнымъ лицомъ, поднимая руки, блёдный, безъ кровинки, похожій, въ широкихъ складкахъ своей тоги,

на ангела смерти, свирвнаго и неумолимаго.

Судьи облокотились на столь. Присажные слушали, блёдные оть испуга. Его кліенть, поддерживая голову обёнии руками, слёдиль за всякимъ его движеніемъ. Толпа, молчаливая, двигалась, точно волны передъ близкою бурей, на него смотрёли сотни глазъ, пламенныхъ и дикихъ.

Онъ випровизироваль, увлеченный своимъ красноречемъ, не следя за собой. Внутренно, его сердце разрывалось отъ радости. Его губы дрожали отъ страстной потребности смеха: онъ говорилъ противъ Барро.

Его кліенть быль оправдань. Всё подсудиные также.

Толпа стучала ногами и расходинась съ шумными криками торжества.

На улицѣ Оливье окружили. Было темно, онъ еле могъ разглядѣть людей; сотни рукъ пожимали его руки. Какая-то женщина поцѣловала его въ губы.

Онъ задрожаль, его ноги подкосились, сердце, казалось, переставало биться въ груди, когда могучій крикъ поднялся изъ тысячи грудей къ беззвъздному небу:

— Да вдравствуеть Датанъ!

Онъ оперся на чье-то плечо, проливая слезы, невидимыя въ темнотъ.

На другой день въ двенадцать часовъ повздъ уносиль его въ Парижъ. Первый его визитъ быль къ Дъелафуа, который встретиль его объятіями.

— Браво!-воскликнуль онъ.-Браво!..

Онъ показаль Оливье груду развернутых газеть. Защитительная річь Оливье была приведена in extenso. Статьи въ радикальных газетах носили заглавіе: Оливье Датанъ. Онъ вернулся въ Парижъ знаменитостью.

— Я не знаю, по правдъ сказать, —проговорилъ Дьела-

фуа, — придется-ли ваша защита по вкусу Барро. Десять лътъ тому назадъ онъ бы ей апплодироваль, но теперь...

Оба улыбнулись.

Отецъ ожидать его на квартиръ. Добрый старивъ бросился въ объятія сына съ изліяніемъ, въ которомъ Оливье почувствоваль прощеніе.

— Видишь, я пришель обнять тебя, поздравить, — сказаль докторь. —Я долго сомнавался въ теба. Я не поняль
тебя. Я видаль въ теба ренегата. У тебя была минута слабости... очевидно, нужда, которой я никогда не зналь, заставила тебя потерять голову... Но сегодня все заглажено... О!
дорогое дитя, если-быты зналь, какъ меня мучило это недоразуманіе. Ты не быль больше моимъ сыномъ, были дни, когда
я спрашиваль себя, живъ-ли ты, не умеръ-ли. Но, знаешь-ли,
что въ твоей рачи ты сказаль тоже, что сказаль-бы, безъ
твоего краснорачія, конечно, твой старый, глушый отець?...
Насколько преувеличенно... ну, это горячая кровь... молодость...

Оливье слушаль въ смущенів. Прощеніе, какъ прежде превръніе отпа, было ему больно. Эти преувеличенія, которыя старикъ объясниль увлеченіемъ, были преднамврены и разсчитаны... Убъжденія! Но у него ихъ не было больше. Его совъсть умерла, онъ просто плыветь по теченію къ славъ в богатству! Въ судъ ввуки собственнаго голоса, игра интонацін и удареній вызывали въ немъ самомъ какое-то волненіе. но теперь его сердце было сухо. Все это было ему безразлично. Важно было одно: все увеличивающееся значение его имени, неизвъстнаго еще наканунъ, сегодня переходившаго изъ усть въ уста; это имя, которое повторяли, быть можеть, въ предместьяхь и въ мастерскихъ, которое объжало Францію, Европу, весь свёть, разнесенное всюду печатью, имя, упавшее, какъ бомба, среди Полиньеровъ, имя, которое въ прошлую ночь провозглашали во мракъ сотни грубыхъ голосовъ, между темъ какъ буржуа дрожали за своими закрытыми ста-BHAMM.

Докторъ ушелъ, а онъ негъ. Его силы истощились. Но онъ гналъ отъ себя приближавшійся сонъ: ему хотілось встать, опять перечитывать газеты, на столбцахъ которыхъ всюду виднічлось его имя, большими буквами, какъ будто горівшими передъ его утомленными глазами...

Онъ проснулся, проспавъ более двенадцати часовъ.

На полу у дверей онъ нашель письмо, просунутое наканунъ консьержемъ.

М-те Наполи писала ему на восьми страницахъ, исполненныхъ энтувіазма, навывая его великимъ гражданиномъ, напоминая, что имъла удовольствіе видъть его разъ у себя, ж упрекая, что онъ никогда не переступать больше дверей, которыя передъ нимъ широко открыты.

Наполи! Онъ забылъ о ней. Давно какъ-то говорили о ея бракъ съ Барро. Теперь они не видълись, и она нъсколько мъсяцевъ тому назадъ основала соціалистическую газету.

Онъ одёлся, купиль свётлыя перчатки и пошель къ ней. Ему казалось, что воть уже нёсколько часовъ его зацёнило какое-то зубчатое колесо и тянуло куда-то безъ его вёдома и воли.

Онъ удержался отъ движенія удивленія, когда увидѣлъ Наполи, спѣшившую ему на встрѣчу,—такъ она постарѣла и завяла. Впрочемъ, она была еще недурна, но румяны на щекахъ, крашеныя губы и подведенныя рѣсницы старили ее ещебольше. Она была въ платьѣ, слишкомъ свѣтломъ для ея возраста. Пепельная пудра въ волосахъ должна была скрывать сѣдыя пряди.

Она схватила его руки, долго ихъ держала, стоя близкокъ нему, поднявъ голову, улыбающаяся, съ блестящими глазами. Отъ нее пахло сильными, изысканными духами.

— Я васъ ждала и очень благодарна, что вы тотчасъ же пришли на мое приглашение... Садитесь...

Они съли на маленькій диванъ для двоихъ; она—спиной къ окну, въ полусветь, который дълалъ ее значительно красивъе; онъ—въ полуоборотъ къ ней, иъсколько удивленный впечатлъніемъ, которое она теперь производила на него.

Они находились въ маленькомъ темноватомъ будуарѣ; большая двустворчатая дверь вела въ салонъ, въ которомъ четыре года тому назадъ онъ видѣлъ ее въ первый разъ. Онъ вспомнилъ, какъ онъ тогда дрожалъ, сконфуженный, оттиснутый до самой стѣны локтями гостей, избѣгая высокомѣрныхъ взглядовъ. Ему припомнилось также желтое лицо отца и то, какъ они уходили тайкомъ, молчаливые, униженные.

У васъ громадный талантъ, — говорила Наполи. — Мена такъ взволновало чтеніе вашей защитительной річи. Это такъ больно и въ то же время такъ пріятно. Нужно вернуться къ далекимъ временамъ, чтобъ найти такое горячее, убъдительное, сильное краснорічіе... За то и какое торжество!..

Оливье чуть замётно поклонился. Онъ улыбался и ликоваль: ея голосъ звучаль восхитительной мелодіей въ его ушахъ. Это лицо казалось ему достойнымъ обожанія.

— Но почему вы никогда не приходили ко инъ?

Ея губы сжались милой и своенравной гримаской; ея брови поднимались вопросительно; глаза ласкали его, полные нъжности и упрека.

Онъ отвътиль неопредъленнымъ жестомъ.

— Я должна была бы бранить васъ... Но я хочу вамъ

сдёлать одно предложеніе... Не отказывайте мнё... Будьте сотрудникомъ въ нашей газетё... Вы будете въ ней полнымъ хозяиномъ, конечно... Согласны?

— Принимаю съ благодарностью, madame.

Она подскочила отъ радости.

— Въ завтрашнемъ номеръ мы объявимъ объ этомъ большими буквами. О, я такъ вамъ благодарна. Съ этого дня гавета ваша... Она становится вашей трибуной, вы станете подготовлять свою кандидатуру.

Онъ сдёлаль жесть удивленія.

- Какую кандидатуру?
- Въ депутаты, разумвется.
- О, но кандидатура стоить дорого, а я заработываю еще далеко недостаточно.
 - А газета? ея средства въ вашемъ распоряжени.

Она прибавила решительнымъ тономъ, не ожидая ответа:

— Наконецъ, и я что нибудь значу! Я хочу, чтобъ вы стали депутатомъ при слёдующихъ-же выборахъ, т. е. черезъ восемь мёсяцевъ... вы будете кандидатомъ или отъ Парижа, или отъ одного изъ департаментовъ... кое-гдёя имёю большое вліяніе.

Онъ вскричаль, задыхаясь оть счастья:

— Но вы раскрываете передо мною будущность... Я вамъ буду обязанъ всёмъ.

Онъ схватиль ея руки, готовый поцеловать ихъ. Ему показалось, что она ихъ сама приближаеть къ его губамъ.

Она продолжала серьезно:

— Вамъ удастся... Вы явились, чтобы занять вакантное мёсто... Барро становится диктаторомъ, онъ окружаеть себя сомнительными личностями, онъ дёлаеть авансы побёжденнымъ партіямъ. Его популярность колеблется... Онъ падеть... Нужно, чтобы онъ палъ... Измённикъ относительно тёхъ программъ, которыя дали ему положеніе, узурпаторъ деспотической власти, которую самъ заклеймилъ, диктаторъ послё того, какъ быль проповёдникомъ свободы, развратникъ и плутъ, — онъ долженъ искупить все это... Вы примкнете къ его врагамъ, и удары новаго противника онъ долженъ почувствовать...

Она говорила сурово, сдержаннымъ голосомъ.

Оливье вспомниль взглядь полный любви, которымъ она когда-то окинула Барро. Теперь она его ненавидёла. Она коттёла его паденія и раззоренія. Быть можеть, онъ, Оливье, будеть обязанъ своимъ счастьемъ неизвёстной ему ссорё, раздёлившей эти два существа. Онъ достигнеть своей цёли, какъ преемникъ, какъ иститель. Онъ чувствоваль, что въ немъ развивалась и росла такая же ненависть къ Барро.

Они молчали. Между ними заключался безмольный договоръ,

Оживившись и снова улыбаясь, она проговорила:

— Завтра у меня об'вдаеть вся редакція и н'всколько депутатовъ... Вы придете, не правда-ли?

Онъ согласился и всталь.

Она проводила его до дверей передней.

— Вы туть у себя, — сказала она, пожимая ему руку въпоследній разъ, поднявъ голову, протянувъ шею, съ вызывающимъ жестомъ, который его привелъ въ смущеніе.

Сказала она это, какъ собственница газеты? какъ хозяйка?

или какъ женщина?

Предчувствіе говорило ему, что она будеть его любовницей. Общность интересовъ связывала ихъ и бросала въ объятія другь друга. Эта женщина, принадлежавшая прежде другимъ, уже не молодая, привлекала его, вызывала въ немъчувство сладострастія, котораго онъ еще никогда не испытываль.

XXXII.

Разъ утромъ онъ получилъ записку отъ Баратье, который его извёщалъ о своемъ возвращени въ Парижъ и просилъ придти съ нимъ повидаться по дёлу о процессе.

Семь мъсяцевъ прошло съ того дня, какъ онъ провожалъ-Симону на платформу желъзной дороги, гдъ они разстались соединенные тайной любовью, не имъвшей завтрашняго двя.

Ему не хотелось ее видеть. Эта мимолетная нежность, бледный цветокъ сентиментальности оставиль въ немъ чувство какой-то неловкости.

Онъ задрожалъ и поблёднёль, входя въ кабинетъ Баратье. Симона была тамъ; она сидёла въ креслё, блёдная, съ впавшими щеками, съ большими глазами, окруженными черной тёнью. Она съ трудомъ приподнялась, согнувшись вдвое, напоминая старушку... Она надёла то розовое платье, въ которомъ была во время ихъ памятнаго свиданья наединё.

Она протянула молодому человѣку свою блѣдную маленькуюруку, хрупкую и проврачную, всю сквовящую голубыми жилками.

— Какъ ваше здоровье, mademoiselle,—спросиль онъ машинально.

Она улыбнулась, хотвла отвётить, но жестовій кашель чуть не задушиль ее, на щекахь загорёлось два красныхъ цятна, глаза, подернутые влажной дымкой, зажглись, какъ горячіе угли. Въ изнеможеніи, она снова сёла, почти упалавь кресло.

— Это ничего, — сказалъ Баратье. — Она простудилась.

Онъ говорилъ громко, почти кричалъ. Его глаза блуждали. Онъ вналъ, что его дочь погибла.

— Вамъ надо было еще остаться на Югъ.

— Тамъ слишкомъ жарко; кромѣ того, она непремѣнно хотъла вернуться.

Оливье повернулся въ Симонъ. Она смотръда на него молча, не сводя глазъ, и казалось, говорила: «Видите, я была права; мнъ не надо было уъвжать. Теперь я умираю. Но я хотъла васъ увидъть еще разъ, я вернулась. Вы тутъ, я смотрю на васъ. Оставайтесь, оставайтесь... Любите вы меня? я—люблю васъ»...

Никакого намека не было сдѣлано на успѣхи Оливье. О нихъ, казалось, и не знали. Одна вещь только занимала этого человъка и этого ребенка: смерть. Время отъ времени взгляды отца и дочери встрѣчались, спрашивая другъ друга нѣжно и ласково.

Оливье задыхался. Симона какъ бы упрекала его въ чемъ-то, приписывала ему свою болевнь. Она какъ бы звала его на помощь, просила изъ глубины души спасти ее отъ смерти, унести, перенести ее туда, гдъ она будеть здорова, гдъ они будутъ счастливы, будутъ любить другь друга.

Его разговоръ съ Баратье диился не болъе четверти часа.

Они говорили, не понимая другь друга.

Когда онъ поклонился на прощанье Симонъ, она улыбнулась ему, вытянувъ голову впередъ, какъ бы подставляя свой лобъ для поцълуя.

— До скораго свиданья,—прошентала она и пожала ему руку изо всёхъ силъ. Но пожатіе было такъ слабо, что Оливье едва почувствоваль его.

Онъ ушелъ точно въ туманъ.

Много разъ носле этого онъ подходиль къ ихъ дверямъ, но непреодолемый ужасъ удерживалъ его, и онъ уходиль обратно.

Такъ проходили дни, недъли. Онъ писалъ ежедневно въ газетъ Наполи. Его книга объ ораторахъ, начатая въ дни бъдности и въры, теперь печаталась. Событія бъжали другь за другомъ безпорядочно, нелогично и поднимали его все выше съ каждымъ днемъ. Яростная полемика съ газетой Барро еще болъе увеличила его зарождавшуюся популярность и бросила ее, какъ опасную волну, разрывающую плотину, среди откормянной и спокойной буржуваји.

Всё статьи скрывали въ себе нападение на самаго Барро. Наполи ихъ пересматривала и подбавляла яду. Ихъ головы склонялись и сталкивались надъ корректурами, исправляемыми сообща. Однажды вечеромъ онъ ее подёловаль въ високъ. Она улыбнулась и продолжала писать.

Въ это время избиратели Барро потребовали, чтобы онъ далъ отчетъ на публичномъ собраніи въ своихъ полномочіяхъ. Было рёшено, что Оливье будетъ говорить тоже. Съ нимъ отправится Наполи и вся редакція газеты.

Барро, великолъпный своей силой и пренебрежениемъ, съ откинутыми назадъ волосами, съ блестящимъ взглядомъ, встрътилъ ихъ улыбкой презръня и пожалъ плечами. Затъмъ онъ сталъ смотръть въ другую сторону. Оливье поблъднътъ, почувствовалъ себя униженнымъ, безсильнымъ передъ этимъ гигантомъ и задыхался отъ сознанія своей измъны,

- Я не буду говорить, - сказаль онъ тихо Наполи.

Она сжала ему руку и прижалась къ нему.

— Это необходимо, это необходимо, —отвъчала она быстро.

— Но я буду раздавленъ.

Она, его умоляла доожащимъ отъ нетерпенія голосомъ. Схвативъ его руку, она нервно, лихорадочно ее пожимала.

Они посмотръли другъ другу въ лицо. Она улыбалась и своими полуоткрытыми губами призывала его губы.

Толпа шумъла и волновалась при свъть висячихъ лампъ, издававшихъ ръзкій, удушливый запахъ.

Оливье сталь говорить. Онъ сознаваль себя неже противника. Барро, откинувшись въ креслъ, закинувъ голову назадъ, опустилъ сжатый кулакъ на столь и смущаль его своимъ взглядомъ. Оливье уже слышались свистки и шиканье. Холодный поть выступилъ на его лбу.

Вдругъ Барро вскочилъ и, ударивъ кулакомъ по столу,

кинулъ сильное презрительное возражение.

Поднялось волненіе. Барро настапваль. Начался шумъ. Съ полчаса всё только кричали. Обрывки фразъ летали въ вовдух в. Безуміе сорвалось съ цёни. Барро, красный, съ вытаращенными глазами, выставивъ впередъ свою широкую грудь, жестикулироваль, биль кулакомъ по столу и открываль роть, но ничего не было слышно, кром криковъ толпы. Угрозы смертью гремёли, какъ выстрёлы. Стулъ брошенный изъ глубины залы, разбилъ лампу и упалъ среди толпы. Насталъ невообразимый шумъ, потрясавшій стёны, началась свалка. Кулаки, трости, стулья подымались и опускались при крикахъ боли и ярости. Одинъ человъкъ упалъ къ ногамъ Оливье. Его черепъ быль раздробленъ скамьей, которою, какъ шарикомъ, управляли трое беснующихся. Оливье потащилъ прочь Наполи, почти унесъ ее на рукахъ безъ сознанія. На ея платъ была кровь

Они съли въ фіакръ.

Въ продолжени всего пути она оставалась въ его объятияхъ, пассивно поддаваясь его поцвлую.

— Я васъ люблю, — повторялъ онъ, — я васъ люблю. Онъ какъ бы просилъ прощенія. Ему казалось, что онъ былъ неудовлетворителенъ. Онъ думалъ, что она уже не върить въ него, что она сердится, что онъ ре обманулъ. Его охватывалъ ужасъ при мысли объ этой бойнъ...

Вдругь она обвила его руками, прижалась въ нему и под-

ставила свой роть его поцёлуямь.

— Я также люблю васъ.

Фіакръ остановился.

Она протянула ему руку, еще дрожа всёмъ тёломъ, близкая въ обмороку.

— Когда я вась увижу? — спросыть онъ.

- Завтра, конечно.

Онъ удержаль ея руку въ своихъ, понизиль голосъ, сдълаль его нѣжнымъ, умоляющимъ и спросилъ:

— Хотите придти ко мий завтра... чтобъ быть совсёмъ однимъ...

Она колебалась секунду.

— Хорошо, завтра, въ три часа...

Еще одно рукопожатіе, и она исчезла въ воротахъ, которыя за нею заперъ Оливье.

Онъ вернулся къ себъ пъшкомъ.

Наполи отдавалась ему. Значить, онъ не потеряль ничего въ ея глазахъ. Его слабость прошла не замеченной въ этой сумятице, которая послужила ему на пользу. Во всякомъ случае Барро потерпель неудачу. Ему шикала толпа.

Придя домой, онъ нашель извъщение о смерти Симоны. Похороны должны были происходить завтра на кладбищъ Мон-

мартра.

Онъ долго и задумчиво смотръль на это траурное письмо. Ему припомнилось первое появленіе Симоны въ его жизни. Онъ думаль о голубой лентъ. Онъ видъль снова себя, робко проходящимъ мимо террасы съ опущенной головой, прислушивающимся въ этому свъжему дътскому голосу. Потомъ онъ нашель ее. Была минута любви, любви безъ надежды. Послъдній разъ, какъ они видълись, она умирала. Теперь все кончено! Она думала о немъ въ послъднія минуты своего блъднаго существованія! Онъ старался представить ее себъ на смертномъ одръ... Если бы она могла жить, если бы они любили другь друга!.. Жалъль онъ объ этомъ?.. Дало-ли бы ему это счастье? Почему его сердце такъ болъзненно сжималось и почему онъ не плакаль?

Онъ вынуль изъ ящика цветокъ белой гвоздики, который она дала ему за несколько дней до ея последняго путешествія. Цветокъ сморщияся, пожелтель, облетель... Онъ поцеловаль жалкіе остатки, разсыпавшіеся подъего губами, —и почувствоваль легкій нежный запахъ. Этоть поцелуй назначался холод-

ному, былому лбу мертвой Симоны. Его глаза оставались сухи, въ горлъ пересохло.

Онъ пойдеть завтра сказать ей послёднее прости, онъ послёдуеть за маленькимъ гробомъ, который не будеть тяжелъ для носильщиковъ. Но ему не хотелось мешаться въ толпу присутствующихъ. Ихъ любовь была тайной, тайной останется и последнее «прости», и его вздохъ, быть можетъ, и его слезы...

На другой день, скрываясь за могилами у самыхъ воротъ кладбища, онъ следилъ за чьей-то похоронной процессіей, которая тянулась черная и молчаливая.

Бълыя, прозрачныя облачка бъжали по голубому небу. Солице ярко и горячо освъщало памятники. Зеленые, свъжіе листья вытягивались въ горячемъ воздухъ. Тысячи птичекъ пъли, порхали по крестамъ и въткамъ, влетали въ чащу деревьевъ, поднимались стаей, когда процессія растягивалась вловъщей линіей по бълымъ аллеямъ. Цвъты издавали благоуханія, среди нихъ жужжали насъкомыя...

Еще разъ прозвучаль кладбищенскій колоколь, возвіщая о новой похоронной процессіи.

Оливье увидёль бёлыхъ лошадей и карету, обитую бёлымъ. Гробъ исчезаль подъ кучей бёлыхъ букетовъ и вёнковъ.

Сзади шель Баратье, опустившійся, съ непокрытой головой, свісившейся на грудь. За нимъ слідовали обычные посітители салона Полиньеровъ. Всі были здісь. Въ первомъ ряду среди дамъ шла Жюли съ матерью.

Онъ следиль издали, скользя между памятниками.

Всв остановились.

Онъ ждалъ. Молчаніе царствовало надъ могилой Симоны. Онъ ждалъ, смотрълъ, какъ присутствующіе расходились и воввращались одинъ за другимъ. Прошелъ и Баратье. Тогда онъ побъжалъ. Каменьщики собирались укръпить памятникъ. Они его отодвинули немного, чтобъ установить лучше, и Оливье, наклонившись, увидълъ крышку гроба и мъсто, гдъ должна была покоиться голова, окруженная бълокурыми волосами.

Его сердце разрывалось, двѣ крупныя слезы скатились по щекамъ.

— Прощай Симона, прощай, любившая меня малютка!

Онъ возвращался одинъ по пустынному владбищу, ярко освъщенному солнцемъ; птицы пъли, взлетая при его приближения, цвъты и листья издавали благоуханіе.

Онъ вышель въ ворота кладбища и ему показалось, что онъ оставиль за собою кого-то, кто еще жиль и думаль о немъ.

Онъ спустился въ Парижъ. Веселая, дъятельная толпа двигалась по улицамъ. Магазины открывали широко двери теплому, легкому воздуху. Улицы были залиты солицемъ, блестъли проважающіе экипажи. Толпа сновала, точно въ муравейникв, въ который сунули палку.

Вниманіе Оливье привлекла картинка, выв'яшенная въ окн'я кіоска, нарисованная ярко и сильно. Онъ подошелъ и остановился съ открытымъ ртомъ, не в'еря своимъ глазамъ.

Каррикатура, подъ названіемъ: Лест и комарт, изображана. Барро подъ видомъ льва съ открытой пастью, источающей пъну, съ поднятыми усами, съ налитыми кровью глазами; пригнувшійся на своихъ чудовищныхъ лапахъ, онъ какъ бы собирался сдёлать яростный скачокъ, въ то время какъ его хвостъ разсъкалъ пространство. Надъ немъ носился на лазоревыхъ крыльяхъ комаръ, гиперболически толстый и рослый. У негобыла человъческая голова, украшенная краснымъ колпакомъ. Лицо было желто, точно въ желтухъ. И эта голова была его собственная. Это былъ онъ, Оливье Датанъ.

Его голова закружилась. Онъ закрыль ослёпленные глаза. Зубы сжались такъ сильно, что чуть не сломались.

Съ другой стороны, въ другомъ кіоскъ была выставлена таже каррикатура. Комаръ въ красномъ колпакъ выдълялся на бълой бумагъ, господствуя надъ львомъ, дразня его, крылатый, неуловимый. Всъ кіоски, всъ продавцы газетъ выставили каррикатуру. Прохожіе останавливались, смотрёли и улыбались.

— Въ басив вомаръ побъждаетъ льва, — подумалъ Оливье.

Въ глубинъ его души подымались крики радости и опьяняли его. Блёдный и сіяющій, шель онъ полный торжества среди всеобщихъ восклицаній.

Когда онъ переходиль бульваръ, его остановила чья-то рука.

— Ты, великій челов'якь, уже не видишь больше друзей? — проговориль чей-то бась, который онь сейчась же узналь.

Это быль Лазарюсь, громадный въ своемь желтомъ костюмъ, который онъ носиль уже нъсколько лъть. Подъ мышкой онъ держаль картонку.

Оливье едва удержался, чтобъ не обнять его.

— Ахъ! старина, какъ я радъ тебя встрётить... что новаго у тебя?

Онъ невольно сменлся. Радость переливалась черевъ край, какъ кипящая вода.

Лазарюсь пожаль плечами и сдёлаль губами свою обычную гримасу.

— He metoro...

И затыть онъ прибавиль съ проніей:

- Это ты становишься знаменитостью. Твои изображенія на всёхъ стенахъ Парижа.
 - А Гонорина?—спросиль Оливье.

Богема посмотрёль на него и помодчаль, колеблясь. Наконець сказаль:

— Гон рина?.. Мы живемъ теперь вмёсть. Ты знаешь, что я ждаль оть одной тетки наслёдства въ нёсколько тысячъ франковъ. Тетка умерда, и я отдалъ деньги Гоноринв. Она открыла маленькую мастерскую. У нея есть работница и ученица. Она хозяйка... Я исполняю порученія.

Онъ показаль на кортонку, которую держаль подъ мышкой.

— Такъ вотъ, старина... Съдые волосы и ревматизмъ могутъ теперь приходить. Я у пристани. Однако я тебя оставляю, мив нужно отнести заказъ. До свиданья...

Оливье казалось, что онъ ушелъ слишкомъ скоро. Онъ видёмъ, какъ Лазарюсъ скрылся въ толий, возвышаясь надънею своей широкой, мягкой шляной, которая качалась въ такть его тяжелой походкъ.

— Онъ мив завидуетъ и ненавидить меня, — подумаль онъ. Друзья! У меня ихъ больше не будеть. Да и были-ли они когда? Что за двло! Пусть же они сдохнуть отъ зависти! Если они станутъ поперекъ моей дороги и если я смогу, я ихъ уничтожу.

Онъ продолжаль свой путь.

— Черевъ нъсколько мъсяцевъ я буду депутатомъ. А потомъ? потомъ... кто знаетъ? Быть можетъ, я никогда не поднимусь выше. Этоть вопрось решить время... При первой революція я бы составиль себ'в безсмертное имя. Смерть не испугала бы меня; я бы повелъваль ею, и самь приняль бы ее мужественно... Что вначить эшафоть после победы, после опьяненія власти? Разв'є эти герои были сильніве нась? энергичнье? рышительные? Хотыты!—въ этомъ все. Мое желаніе громадно!.. Кто знаеть, что будеть завтра? Быть можеть, разразвится революція... Явятся люди. Намые теперь, признанные неспособными, они стануть гигантами черевь двадцать четыре часа... Война!... Я сталь верослымь въ эпоху разгрома, въ эпоху паническаго страха развореннаго народа... Та война влечеть за собою другую, еще отдаленную, но роковую... Мой голосъ можеть вогда нибудь решить эту войну, привести Францію къ побълъ..

Онъ вспомнилъ портретъ Барро, продававшійся послів пораженія: трибунъ, въ міховой шубів, стоить на бастіонів, покрытомъ снівгомъ... Быть можеть, въ одинъ прекрасный день будуть продавать и его портреть, портреть Оливье... послів побіды! Бурныя, котя смутныя желанія охватили его... Безумная оть энтузіазма толна толкалась на площадяхъ... Милліоны рукъ рукоплескали... Раздавались торжественные пушечные залиы... Молодыя, прекрасныя женщины подходили къ нему, покоренныя, улыбающіяся... Его ослапляли картины счастья...

Часы пробили надъ его головой. Было три четверти

TDeTLATO.

Его охватила дрожь любви. Онъ ускорилъ шаги, боясь, что Наполи придеть первая на свиданье.

Конецъ.

Карлъ Марксъ и его русскій критикъ.

Л. Слонимскій. «Марксъ и его школа». Вѣстн. Евр. 1896 г., мартъ. «Экономическая теорія Маркса». Вѣстн. Евр., апрѣль и май 1896 г. «Капитализмъ въ дектринѣ Маркса» Вѣстн. Евр. 1896 г. іюль, августъ, сентабрь.

П.,

Посвятивъ предыдущую статью критикъ возраженій г. Слонинскаго противъ теоріи цвиности Маркса, мы показали, что существенная заслуга этого ученія заключается въ историчности, а существенный недостатокъ названной критики—въ игнорированіи этой историчности. Марксъ извлекъ свой законъ цвиности изъ анализа историчности характерныхъ чертъ капиталистическаго козяйства,—г. Слонинскій закрыль глаза на эти черты и этимъ лишилъ себя возможности оцвинть по достоинству выдающіяся черты ученія, подвергаемаго ямъ, однако, энергической критикъ.

Совершенно такимъ же характеромъ отличаются разсужденія т. Слонимскаго о прибавочной стоимости.

До сихъ поръ еще пользуется популярностью та мысль, что теорія прибавочной стоимости есть спеціальное изобрѣтеніе Маркса, пущенное имъ въ ходъ въ цёляхъ апологіи правъ рабочихъ и для вящшаго посрамленія капиталистовъ. А между тёмъ достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ экономическою литературою, чтобы понять, что эта часть ученія нёмецкаго экономической литературою, чтобы понять, что эта часть ученія нёмецкаго экономической пісонискій шагъ на общемъ пути классической экономической школи. Еще Ад. Смитъ разсматриваль ренту, какъ «первый вычеть изъ труда, приложеннаго къ землё»,—произведенія котораго въ первобытномъ состояніи общества, предшествовавшемъ обращенію земель въ собственность и скопленію капиталовъ, безраздёльно принадлежали работнику. Вторымъ вычетомъ—является прибыль.

Точно такъ же Рикардо смотрить на прибыль, какъ нъ вычеть изътруда, говоря, что «прибыль зависить отъ количества труда, расходуемаго на доставление рабочимъ предметовъ первой необходимооти» *). Ясно выраженнымъ мы находимъ подобный взглядъ у завершителя классической экономін—Дж. Ст. Милля. «Причина прибыль»,—говорить послідній,—«та, что трудъ производить больше, чімъ требуется на его содержаніе... Капиталь даеть прибыль потому, что пища, одежда, матеріалы и орудія длятся больше времени, чімъ какое нужно было для производства ихъ. Прибыль возникаеть не оть посторонняго обстоятельства, не оть обміна, а оть производительной силы труда... Прибыль опреділяется стоимостью (курс. автора) труда» **).

Въ этихъ словахъ уже отчетливо вырисовывается мысль, что источникомъ прибавочной стоимости, прибыли, чистаго дохода является только производительность человёческаго труда. Но, не говоря ужео нёвоторыхъ отступленіяхъ у названныхъ экономистовъ отъ этой точки зрёнія, можеть ли приведенное межніе, вёрное по существу, считаться окончательнымъ разрёшеніемъ вопроса? Разрёшила ли классическая политическая экономія интересующій насъ вопрось, дала ли она на него исчерпывающій отвёть и въ какомъ отношеніи къ ся отвёту находится ученіе Маркса?

Человаческій трудь способень выданное время произвести больше, чемъ сколько нужно на его содержание. Примемъ это за Факть. Но вытекаеть ин отсюда необходимость возникновенія прибавочной стоимости? «Если», -- удачно замъчаетъ по этому поводу Зиберъ, -- «если въ одинъ часъ труда и добуду себв нищи, одежды и т. д., сколько мив нужно на целыя сутки, то стану ли я лосив этого производить еще излишевъ пищи, одежды и т. под.,будеть зависьть отъ того, захочу-ли я этого или не захочу. Въ посивднемъ случав, очевидно, нельзи будеть сказать, что прибыль жин излишень оть капитала возникаеть оть того, что пища, одежда и проч. живуть дольше времени, какое нужно для ихъ производотва, такъ какъ котя это последнее условіе и будеть состоять на лицо, но прибыли не будеть и следа. Воть если я буду поставлень общественными условіями, а не природой производства, въ такое ствененое положение, что не могу не захотеть продолжать свою работу сверхъ опредъленняго времени, тогда прибыль получится, **ж** (внем выд. он он.

Постановка определенных общественных условій на мёсто природы производства, доказательство, что прибавочная стоимость возникаєть въ силу исторических условій современнаго хозяйства, что она неразрывно связана съ самимъ процессомъ капяталистическаго производства—это и составляєть главную и выдающуюся заслугу ученія Маркса.

^{*)} Рикардо. Сочиненія. Стр. 170.
**) Дж. Ст. Милль. Основ. политич. экономін. Спб. 1874, т. І, стр.

^{***)} Н. Зиберъ. Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно--экономическихъ изслъдованіяхъ. Спб. 1885. Стр. 354.

Прибыль, чистый доходь, или то, что Марков называеть прибавочною стоимостью, реализируется только при продажё товара, въ процессё обмёна. Къ последнему мы и должны обратиться прежде всего для определенія источника прибавочной стоимости. Всматривансь ближе въ процессъ обмёна, мы видимъ, что непосредственная форма обращенія товаровъ выражается такою формулою: т (товаръ)—д (деньги)—т (товаръ), т. е. превращеніе товара въ деньги и обратное превращеніе денегь въ товаръ—продажа одного товара для покупки другого товара. Мотивы такой сдёлки совершенно ясны, конечною его цёлью является потребленіе. Здёсь одна потребительная стоимость отчуждается, для того, чтобы за полученныя деньги пріобрёсти другую, качественно отличную потребительную стоимость.

Но рядомъ съ разобранною формою обращения отпрываемъ мы другую, спецефически отличную оть нея, а именно Д-Т-Д, т. е. превращение денегь въ товаръ и обратное превращение товара въ деньги, покупку для продажи. На первый взглядь эта форма кажется совершенно лишенною содержанія: выивнять 100 ф. ст. на илопокъ для того, чтобы, всявдъ ва темъ, опять выменять этотъ клопокъ на тъ же 100 ф. ст., представляется намъ операціей столь же безпривной, какъ и неивпой. И она была бы таковой, если бы дело представлялось въ томъ виде, въ какомъ рисуеть его приведенный приміръ. Но процессь Д-Т-Д обязань своимь содержавісив количественному различію между его конечными членами. Хлопокъ, купленный за 100 ф. ст., продается не за 100 ф., а, напримеръ, за 100-10 ф. ст. или за 110 ф. ст. Полная форма этого процесса должна быть представлена, поэтому, следующимъ образомъ: Д—Т—Д'; гдв Д'= Д+д., т. е. равна денежной суммв, первоначально пущенной въ ссуду, плюсъ приращение. Это приращение или избытокъ надъ первоначальною отонмостью и навывается прибавоч-HOMO CTOMMOCTEMO.

Мы видимъ, что получение прибавочной стоимости является характерною и неотъемлемою чертою сделки Д-Т-Д. Конечно, она можеть возникать и при сделев Т. Д.Т. Земледвиецъ, продающій пшеницу для того, чтобы купить на эти деньги платье, можеть продать свою пшенецу выше ся настоящей стоимости, ели купить платье за цвиу, низшую по отношенію къ ся действительной стоимости. И наобороть, онь можеть быть самь обмануть купцомъ, торгующимъ платьемъ. Тъмъ не менъе для самой этой . формы обращения подобныя различія въ стоимости представляють всегда обстоятельства чисто случайныя, а эквивалентность этихъ стоимостей представляеть здёсь скорке условіе нормальнаго хода процесса. Напротивъ, процессъ Д-Т-Д' почти совершенно теряеть содержаніе, какъ скоро крайніе члены этой формулы предотавияють стоимости, равныя по своей величинь. Въ общемъ, при нориальномъ ходе процесса сделка Д-Т-Д' необходимо рождаеть прибавочную стоимость.

Къ более подробному анализу сделки этого типа мы поэтому и должны обратиться, чтобы получить отвёть на интересующій насъвопрось объ источнике прибавочной стоимости.

Но чтобы освободить процессь обращения отъ болье сложныхъ в запутанныхъ формъ его, оставниъ на время сделку Д—Т—Д' и возымемъ самый простой случай, когда два лица А и В обмъниваются между собой двумя товарами: виномъ и рожью и посмотремъ, получать-ли они при этомъ прибавочкую стоимость? Намъ извъстно, что, по крайней мъръ въ теоріи, обмънъ есть противуставленіе другь другу двухъ равныхъ стоимостей. А если такъ, то здёсь очеведно нътъ мьста возникновенію прибавочной стоимости. Но действительность не всегда соотвътствуетъ теоріи; поэтому допустимъ, что на самомъ дёль въ обмънь участвують неравныя стоимости. Объяснится ли тогда возникновеніе прибавочной стоимости.

Предположенъ, что всебдотвіе какой нибудь необъяснимой привилегін продавець получить право продать товарть выше его настоящей стоимости, напр., за 110 вийсто 100, т. е. съ номинальною надбавкою цены въ 10%. Такимъ образомъ продавецъ кладетъ въ свой кошелекъ прибавочную стоимость въ 100/о. Но посив того жакь онь быль продавцомь, становится онь покупщикомь. Навстречу ему выступаеть теперь какой инбудь третій владілець товаровь и, въ свою очередь, пользуется привиллегіей продавать товаръ на 10°/6 выше его первоначальной стонности. Итакъ, нашъ купецъ выиграль 10, какъ продавецъ, для того только, чтобы потерять тв-же 10, какъ покупатель. Въ пъломъ дъло представляется дъйствительно такинъ образонъ, что всё владельцы товаровъ продають другь другу свои товары на 10% выше ихъ стоимости, всибдствіе чего результать получается такой-же, какъ если бы они продавали свои товары по вхъ настоящей стоимости. Предположимъ теперь насборогь, что покупатель получиль привиллегію покупать товары ниже ихъ истинной стоимости. Здёсь иеть даже надобности напоминать, что покупатель становится въ свое время тоже продавцомъ. Такимъ образомъ все опять остается по старому. Образованіе прибавочной стоимости не можеть быть объяснено ни твиъ, что продавцы продають свои товары выше ихъ настоящей стоимости, на темъ, что покупатели покупають ихъ ниже этой стоимости; меняютсяне эквераленты на эквиваленты, или въ обивиъ вступають стоимости неэквивалентныя между собою, въ обонкъ случанкъ прибавочной стоимости не получается. Иначе говоря, обращение или обивиъ товаровъ не создаеть прибавочной стоимости. Поэтому, мы должны нскать ея источника где небудь выв обывна, вив непосредственнаго обращения товаровъ.

Но можеть-ин прибавочная стоимость произойти изъ чего инбудь другого, кромъ обращенія, обмъна? Прибавочная стоимость реализируется въ обмънъ; до обмъна товаръ проходить процессъ производства. Слъдовательно, кромъ обмъна, только процессъ производства товара можеть создать прибавочную стоимость. Но возможно-ин это? Виаделецъ товара можеть посредствомъ труда соз-MARSTE CTORMOCTH, HO BE COCTOSHIN-HE ONE CONJUSTE CAMOBOSPACTAющую стоимость, прибавочную стоимость? Онъ можеть возвыситьстоимость товара, прибавивь въ существующей уже стоимости новую отонмость посредствомъ прибавленія новаго труда, что онъ дідаеть, напр., когда превращаеть кожу въ сапоть. Сапоть получасть большую стоимость, чемъ кожа, но стоимость кожи остается. прежнер: въ продолжени изготовления сапога она не возрастаетъ присоединеніемъ какой либо прибавочной стоимости. Лля того, чтобы подучилась прибавочная стоимость, чтобы данная стоимость самовозрасла, необходимо увеличение этой стоимости безъ прибавления COOTBETCTBYDINGTO ECHHYECTBS TDYRS, S DTO HOBOSMOWRO BE HOROCDORотвенномъ процессъ проязводства. Итакъ, въ сферъ проязводства. прибавочная отонность не создается. За процессомъ производства. женосредственно следуеть акть обивна, въ которомъ реализуется ирибавочная стоимость, и если эта прибавочная стоимость не создана въ производстви, то, очевидно, она совдается въ обмини. Номы уже видии, что въ обмънв прибавочная стоимость совдаваться не можеть.

Итакъ, мы получили двойной результатъ: прибавочная стоимость не можетъ создаваться въ обмъ́нъ̀ и, въ то же время, не можетъ создаваться виъ обмъ́на. Она должна, слъдовательно, создаваться и въ обмъ́нъ̀, и виъ обмъ́на.

Таково противорѣчіе, изъ котораго необходимо во что бы ни отако выйти, иначе мы не разгадаемъ тайны происхожденія прибавочной отонности.

Тайна будеть нами разгадана, противоречіе устранено, если мы поближе вглядимся въ формулу обмена Д—Т—Д' (Д+д).

Формула эта распадается на два акта:

- 1) Д-Т, покупка на деньги извъстнаго товара;
- 2) Т-Д' (Д+д), продажа товара за деньги.

Прибавочная отонность, получающаяся въ результать этого процесса, должна создаться въ одномъ изъ двухъ актовъ. Но оба эти акта суть акты обмъна, а въ обмънъ, какъ мы уже доказали, прибавочная стоимость создаться не можеть. Въ силу этого правила въ первомъ актъ Д—Т стоимость Д была вымънена на равную же отоимость Т. Въ силу этого же правила во второмъ актъ Т—Д/——(Д+д) отоимость Д/—(Д+д) могла получиться только въ результатъ обмъна на равную отоимость, непревышающую стоимость товара, фигурировавшаго въ первомъ актъ (Т). Слъдовательно, для того, чтобы сдълка Д—Т—Д! (Д+д) вообще могла состояться, необходимо допустить, что отоимость Т, полученная въ результатъ перваго акта (Д—Т) сдълки, превратилась до начала второго акта Т—Д/—(Д+д) въ возросшую стоимость Т/=Т+т. Иными словами,

одълка расчленяется и должна быть формулирована следующимъ образомъ:

Д—
$$T T' (T+r)$$
—Д' (Д+д)

Въ промежуткахъ между окончаниемъ перваго акта (Л-Т) и началомъ второго (Т'-Д') стоимость Т должна была превратиться въ Т'. Должна была возрасти. Но какинъ образонъ возрасти? Конечно, не вследствіе преложенія соответствующаго количества труда самого владельца товара, такъ какъ въ такомъ случав им бы не имъли вознакновенія прибавочной стоимости, а лашь фактъ созданія новой стоимости путемъ затраты труда. Нёть. Сама стоимость Т должна была дать прибавочную отонность, она должна была самовозрасти, и въ этомъ самовозростании кроется секреть возникаювенія прибавочной стоимости. Необходимо, чтобы товаръ Т родиль новую отонность не въ силу приложенія къ ней труда ся владільпемъ, а лишь на основании одного пользования, потребления его. Итакъ, источникомъ прибавочной стоимости служить потребление некотораго товара. Но какой же это товарь, потреблень способень давать прибавочную стоимость или рождать новую стоимость? Мы знаемъ, что стоимость создается только трудомъ. Трудъ есть опредівнення діятельность, сумма дійствій, составляющих проявленіе известной силы, — силы, которая въ этой деятельности находить свое потребленіе. И вотъ, та сила, потребленіе которой выражается въ труде человеческомъ, потребляясь, совдаетъ прибавочную стоимость. Прибавочная стоимость создается потребленіемъ рабочей CHIN.

Мы нашии искомый источникъ прибавочной стоимости. Теперь займенся ближайшимъ определеніемъ способа этого создаванія.

Прежде всего, что такое рабочая сила? Подъ рабочею силою разумвется сумма физическихъ и умственныхъ способностей, которыя существують въ организмв живой человвческой личности и которыя она приводить въ движение каждый разъ, когда производить потребительную стоимость какого бы то ин было рода.

Какъ создается рабочею силою прибавочная стенмость? Прибавочная стоимость, создаваемая рабочею силою, есть излишекъ сверхъ стоимости этой рабочей силы. Чёмъ же опредёляется стоимость рабочей силы? Мы опредёлили рабочую силу какъ товаръ, потребдение котораго даетъ прибавочную стоимость. Стоимость каждаго товара опредёляется количествомъ труда, потребнаго на его производство. Поэтому и стоимость товара—рабочая сила опредёляется количествомъ труда, потребнаго на ея производство. Но рабочая сила есть свойство человёка, ея проявленіе предполагаетъ существованіе этого человёка; поэтому стоимость рабочей силы опредёляется количествомъ труда, необходимаго для производства, а, слёдовательно, для воспроизведенія человёка, или, иными словами, стоимость рабочей силы человёка опредёляется количествомъ труда, необходимаго для производства средствъ существованія рабочаго; короче:

стоимость рабочей силы равняется стоимости средствъ существованія рабочаго.

По этой стоимости покупается товарь—рабочая сила владільцемь капитала. Все, что рабочая сила производить въ процессе производства сверкъ этой стоимости, есть прибавочная стоимость, получаемая капиталистомъ. Если рабочій, проработавь 12 часовъ въ день, въ теченія 6 часовъ окупиль стоимость своей рабочей сили, то эта 6 часовъ составляють оплаченный необходимый трудъ; остальные 6 часовъ, составляя неоплаченный, прибавочный трудъ рабочаго, образують прибавочную стоимость для капиталиста. Отношеніе труда необходимаго къ прибавочному можеть быть нетолько 6:6, но самое разнообразное. Оть величины этого отношенія зависять, между прочимъ, количество прибавочной стоимости, получаемой капиталистомъ.

Такъ разрѣшается поставлений нами вопросъ объ источникѣ прибавочной стоимости: прибавочная стоимость создается въ процессѣ производства, но не непосредственно, путемъ самато производства,—а посредствомъ эксплуатаціи живой рабочей силы. Созданіе прибавочной стоимости есть фактъ, объясняемый не техническими, а соціальными, общественно-историческими условіями современнаго хозяйства.

Чтобы совдать законъ прибавочной стоимости, потребовалась весьма трудная работа воледотвіе крайней сложности и замаскированности буржуазныхъ отношеній, и если сила абстракціи, самънявшая Марксу по собственнымъ его словамъ микроскопъ н реактивы, вообще сослужнае ему полевную службу, то особенно это примению къ изложенному нами блестищему месту «Капитала». Марков обумвив сквозь вившиюю, товарную форму современнаго обивна, сквозь всё рыночныя, вещныя отношенія пронивнуть въ общественное содержание совершающихся на поверхности процессовь и изъ ихъ анализа извлечь законъ, не оставдающій въ симсив доказательности желать начего лучшаго. Въ ярких врасках необразивь возножные случаи ивновых сделовь, Маркоъ доказалъ невозможность созданія прибавочной стоимости въ обивнъ. Затвиъ онъ обратниса нъ производству, и невозможмость совданія и здёсь прибавочной стоимости была доказана после мастерского разграниченія двухъ явленій: совданія новой стоимости нутемъ приложенія соотвітствующаго количества труда и созданія прибавочной стоимости, самовозрастанія си безъ трудовыхъ затрать. Изъ этого быль сдълань догическій выводь о потребленіи купленной рабочей силы, какъ объ источникъ прибавочной стоимости, и въ результать на место природы производства англійской классической школы явились у Маркса общественныя отношенія, рождающія разбираемую экономическую категорію.

И здёсь, какъ и при предыдущемъ изложения теорія цённоств, ме распространяясь подробно объ отношении учения Маркса къ

ученіять англійской школы, укажень на эту одну черту, отмівченную саминь Марксонъ: «Природа», — говорить Марксь, — «не производить, съ одной стороны, владільцевъ денегь и товаровъ, а съ другой, — владільцевъ одной лишь своей собственной рабочей силы. Это отношеніе вовсе не есть отношеніе естественное, вытекающее изъ законовъ природы; оно не есть также отношеніе общественное, которое было бы свойственно всімъ историческить періодамъ. Очевидно, что само это отношеніе есть результать предшествующаго историческаго развитія, произведеніе многихъ экономическихъ переворотовъ, продукть разрушенія цілаго ряда боліве старыхъ формъ общественнаго производства» (Кап., т. І, стр. 112). Эта историчность теорін прибавочной стоимости какъ и ученія о цінности—составляеть главную ей заслугу, и ее то забыль или не поняль г. Слонимскій.

Противъ изложения учени г. Слонимскимъ одълано много возраженій, разсыпанныхъ на протиженіи всёхъ шести его статей безъ опредёленнаго плана и руководящей нити. Мы постараемся однако собрать этотъ критическій аггломерать и расположить существенные пункты его въ порядке—отчасти наибольшей важности ихъ, отчасти наибольшей пригодномъ для уясненія.

Изъ изложеннаго только что ученія мы виділи, что Марксъ приходить къ своей теоріи прибавочной стоимости прежде всего на основаніи стрицанія возможности возникновенія ся въ процесов обийна. Г. Слонимскій думаєть совершенно наобороть. Прибавочная стоимость, по его мийнію, возникаєть именно въ процесов сбийна. Какъ мы виділи изъ ученія Маркса, главнымъ аргументомъ въ пользу невозможности созданія прибавочной стоимости въ обийнів служить соображеніе о равенствів выигрышей при продажі и потерь при покупків. Мы выше отмітили, что это равенство есть песомийнає условіе современнаго мінового хозяйства, необходимоє слідствіе содержанія сділки Д—Т—Д, господствующей въ капитальстическомъ обществів. Г. Слонимскій береть быка за рога и нападаєть на этоть краеугольный камень теоріи.

"Функція производителей", — говорить онъ, — "заключается именно въ томъ, что они производять товары и продають ихъ съ выгодою для себя. Они всегда должны болье продавать, чыть покупать, —иначе они были бы уже не производителями, а торговцами, перекупщиками, между которыми только распредыляется извъстная часть прибыли производителей. Марксъ молчаливо ставить невозможное иредположеніе, что фабриканты столько же покупають товаровь, сколько продають, т. е. что они спеціально торговцы, а не фабриканты. Вмъстъ съ этимъ невъроятнымъ предположеніемъ рушится и построенный на немъ выводъ о равенствъ прибылей и потерь для производителей при продажъ и покупкъ товарсвъ выше ихъ стоимости; слъдовательно, унечтожается самъ собою выводъ о невозможности извлеченія прибавочной цѣнности изъ обмѣна или обращенія товаровъ" (Апр., 836).

Такова общая мысль г. Слонимскаго, противополагаемая мысли

Маркса. Последній, какъ мы видели, доказываеть свою мысль примеромъ. Русскій критикъ опровергаеть эту мысль и доказываеть справедливость своей мысли тоже при помощи примера.

"Фабриканть", -говорить онъ, -- продаеть свои товары съ надбавкою десяти процентовъ въ ихъ стоимости и выручаетъ при этомъ сто тысячъ рублей прибыли; затемъ на эти сто тысячь онь покупаеть другіе товары, нужные ему для производства или для потребленія, и съ своей стороны переплачиваеть въ ихъ цене десять процентовъ, т. е онъ теряетъ при покупкъ десять тысячь рублей, что вовсе не одно и то же. Гдъ же туть равенство, которое предполагаетъ Марксъ. Для того, чтобы существовало это равенство, т. е. чтобы выигрышь при продажь соотвытствоваль потеры при повупит, необходимо было бы, чтобы фабрикантъ купилъ товаровъ на миллонъ, т. е. на всю сумму стоимости своего производства. Допустимъ, однако, что онъ купилъ товаровъ на миллонъ и потерялъ въ ихъ цвив всв свои сто тысячь прибыли; изъ этихъ купленныхъ продуктовъ онъ выработаль на своей фабрикъ новые товары, пънностью въ десять милліоновъ рублей, и при продажь ихъ онъ опять выигрываеть десять процентовъ, т. е. целый милліонъ, на место потерянныхъ при покупке ста тысячь... Потеря при покупки товаровь уменьшаеть прибыль только на одинъ процентъ, такъ что после операціи продажи и покупки фабриканту остается девять процентовъ барыша вивсто десяти. Этимъ ограничивается все практическое дъйствие того обстоятельства, на которое указываеть Марксъ,—и никогда не можеть выйти инчего другого, если не играть словами, а анализировать действительныя явленія" ("Вёстинвъ Европы", апрыв, стр. 829-30).

Любопытно, что этимъ примѣромъ г. Слонимскій, анализирующій дѣйствительныя явленія, въ сущности (какъ мы это сейчась увидимъ) лишь подтвердилъ оспариваемую мысль Маркса, «играющаго словами».

Отмътимъ прежде всего что, желая доказать возможность созданія прибавочной стоимости въ обмюмю, г. Слонимскій пользуется примъромъ промышленника-фабриканта, т. е. берегь случай изъ области производства. Въ силу такой методологической ошибки вся аргументація критика получаеть невърное направленіе и приводить къ результату, совершенно обратному тому, который желательно было при помощи ея доказать. Примъръ распадается на два случая. Въ первомъ г. Слонимскій предполагаеть, что фабриканть, носль продажи продуктовъ своего производства, затратить лишь прибыль (сто тысичъ) на дальныйщую покупку товаровъ; во второмъ—что вся вырученная сумма (милліонъ сто тысячъ) пойдеть на такую покупку. Разберемъ сначала второй случай.

По словамъ г. Слонимскаго выходить следующее: фабриканть вложиль въ производство товары стоимостью въ милліонъ рублей, пріобрётенные за милліонъ сто тысячь, т. е, съ потерею ста тысячь; затёмъ въ производстве фабриканть выработаеть продукты стоимостью въ десять милліоновъ, которые продасть съ прибылью въ одинъ милліонъ; вычтя изъ этой прибыли потерянныя раньше при покупке сто тысячь, мы все таки получимъ въ результате выигрышъ для фабриканта въ девятьсоть тысячъ. Со всёмъ этимъ мы совершенно согласны, но не доказываеть ли этотъ результать

безусловную правильность миннія Маркса и полную несообразность возраженій его оппонента? Фабриканть затратиль на производство милліонь сто тысячь рублей, выработаль къ концу производства товаровь на десять милліоновь и при продажё яхъ получить прибыль въ милліонь. Гав произведень этоть милліонь? Что дало возмежность его получить? Не то ли, что стоимость въ одинъ милліонь процессомъ производства превращена въ стоимость десяти милліоновь? Неужели этоть примъръ можеть какимъ нибудь образомъ доказать ту мысль, что прибыль возникаеть изъ обмена? Предоставляемъ послё этого читателямъ судить, кому изъ спорищихъ экономистовъ принадлежить анализъ действительныхъ явленій, и кому игра словъ...

Конечно, гораздо последовательнее логика г. Слонинскаго въ первомъ случав разбираемаго примера, где для доказательства возникновенія прибавочной отоимости въ обмінів, онъ предполагаеть, что изъ всей вырученной после производства суммы лешь пребыль сдълается предметомъ дальнъншаго оборота. Но основательно ли такое предположение? Отвъчаеть ин оно действительной природъ капиталистическаго ховяйства? «Истинный побулительный мотивъ и опредъижещая цель капиталистического процесса производства соотонть въ возножно большемъ самовозрастания капитала. Прибыль, по словамъ Vanderlint'a, есть единственная пъль промышленноств» (Капиталь, I, 284). «Въ процессь круговращения современнаго капитала начало и конецъ процесса одинъ и тогъ же, т. е. деньги, мъновая стоимость, и уже въ силу одного этого движение здъсь должно быть безконечно» (Ibidem, 93). «Движеніе капитала безмерно, такъ какъ въ самомъ заключенін своемъ оно открываеть принципъ и побудительную причину для своего дальнейшаго возобновленія, и такъ какъ цель его, т. е. увеличеніе стоимости при заключенін процесса оказывается каждый разъ такъ же мало достигнутой, какъ и при его началь». «Владелецъ денегъ становится капиталистомъ лишь постольку, поскольку онъ представляеть собою живое одицетвореніе этого процесса, одаренное сознаніемъ и волею. Его особа, или лучше скавать, его кариань, есть тоть пункть, откуда постоянно исходить деньги и куда онв постоянно снова возвращаются. Объективное содержание этого процесса-возрастание стоимости-есть, въ тоже время, субъективная цель напиталиста... Следовательно, потребительная отонмость инкогда не можеть быть разонатриваема, какъ непосредственная цель капиталиста. Его цель не состоить также въ достижении какого-нибудь отдельнаго единичнаго вынгрыша, но въ постоянной погонь за вынгрышемъ, за прибылью» (Ibidem, 94—5). Воть въ какихъ чертахъ представляется сущность круговращенія капитала глубокимь знатокомь капиталиотической жизни. Кто мало-мальски вдумывался въ эту жизнь, тотъ понемаеть, что сколько-бы капеталногь ин выручиль оть продажи «Вонкъ продуктовъ, онъ всю выручку обратить снова на покупку, и въ этихъ безпрестанныхъ актахъ обращения не можетъ создаваться прибавочная стоимость въ силу разенства потерь при покупкъ и барышей при продажъ.

Примъняя эти общія разсужденія къ разбираемому примъру, мы придемъ въ следующему его пониманію. Фабриванть произвель товаръ на милліонъ рублей, и при условін существующей на рынка десятипроцентной прибыли на вапиталь, выручиль при продажь этого товара медліонь ото тысячь. Какь поступить далье этоть фабриканть? Г. Слонимскій думаеть, что онъ изъ полученной при продаже суммы истратить только прибыль — сто тысячь. Но куда же денеть онь вырученый мелліонь? Пойдеть-ии эта сумма вивоть съ прибылью на покупку предметовъ потребленія, или же для продолженія производства, или же для того н иругого вижоте --- но ясное дело, что, выручивъ милліонъ ото тысячь рублей, фабриканть затёмь совершить покущку другихь товаровъ на всю вырученную сумму, т. е. на мидліонъ сто тысячь рубдей, при чемъ онъ пріобрётеть за эту сумму товаровь стоимостьюдешь въ милліонъ, т. о. потеряеть при своей покупев сто тысячъ выегранных при предытущей продажь. Потеря полностью погасить вынгрышъ, и вотъ то «равенство», на которое ссылается Марксъ и противъ котораго совершенно напрасно силиться боротся его критикъ.

Итакъ, если держаться второй половины примъра г. Слонииокаго, то есть предполагать покупку фабрикантомъ товаровъ на всювырученную сумму, то мы неминуемо приходимъ къ выводу Маркса, о происхожденіи прибавочной стоимости въ процессё производства. Держаться же первой половины примъра невозможно, такъ какъ предположеніе, что капиталнотъ, выручая въ результать производотва извъстную сумму, лишь прибыль дъласть предметомъ дальнъйшаго оборота, равносильно непониманію задачъ и стремленій капитала, роли капиталиста, вообще природы капиталистическаго хозяйства.

Наговорявъ достаточно много о возможности созданія прибыли въ обмівні въ апрільской книгі, критикъ въ інді місяці того же года заявляеть, что въ сущности и самъ Марксъ допускаль то же самое, во ІІ томі «Капитала», къ явному противорічію ученію, развитому въ первомъ томі того же сочиненія. Эго дасть, между прочимъ, поводъ нашему критику для нікоторой общей аттестаціи німецкаго ученаго.

"Прибъгая", говорить онъ—«къ извъстнымъ доводамъ для подтвержденія своей теоріи, Марксъ легко отказывается отъ нихъ или даже самъ опровергаетъ ихъ по минованіи въ нихъ надобности. Такъ, между прочимъ, въ первомъ томъ «Капитала» доказывается невозможность для вапиталиста извлечь прибыль изъ товарнаго обращенія на томъ основаніи, что при всеобщей надбавкъ къ трудовой стоимости товаровъ капиталисты столько же теряли бы въ цънъ покупаемыхъ продуктовъ, сколько выятрывали бы при продажъ своихъ собственныхъ товаровъ, при этомъ подразужъвалось, что ценность покупокъ фабриканта всегда равияется ценноств его продажъ. Во второмъ тоже объясняется уже, что фабриканты нензобжно продактъ больше, чемъ покупаютъ, и что безъ этой разницы въ ценности покупокъ и продажъ капиталъ не исполнялъ бы вовсе своей производительной функціи (стр. 94 и др.). Въ этомъ случай Марксъ, очевидно, отрекается отъ одного изъ существенныхъ своихъ аргументовъ, какъ отъ ненужнаго софизма, сослужившаго свою службу» (імль 360).

Решительный тонь разсужнения и ссылка на странену «Капетала» должны окончательно убедить читателей въ правоте г. Слонимскаго. Но если, не довольствуясь одною сомикою, читатель ваглянеть въ ту страницу «Капитала», которую цитуеть г. Слонииокій», онъ увидить, что дело обстоить не совсемь такъ, какъ утверждаеть г. Словинскій. Дійстветельно, Марков говорить, что со сторовы капиталиста «предложение товарных» стоимостой постояннобольше, чёмъ вапрось его на товарныя стоимости»; что «если бы его предложени уравновёшивались съ его запросомъ въ этомъ отношенін, то его капаталь не сыграль бы роли производительнаго капитала»; что капиталисть полжень «продать пороже, чёмь купиль»--все это говорить Марксъ, но всетаки онъ говорить изчто примопротивоположное тому, что ому приписываеть г. Слонимскій, Воть полленныя слова Маркса: «Капиталисть вменно потому вносить въ обращение стоимостей вы форми денегь меньше, чимь сколько извлекаеть изъ него, что въ виде товаровь онь вносить стоимостей бодьше, чемъ сколько извлекаеть ихъ въ этой форме. Насколькоонъ играетъ роль простого одицетворенія капитала, промышленнаго ваниталиста, предложение товарныхъ стоимостей съ его стороны постоянно больше, чёмъ запросъ его на товарныя стоимости. Если бы его предложенія уравновішиванись съ его запросомъ въ этомъ. отношения, то это было бы равносильно тому, что стоимость его капитала не возрастала бы; его капиталь не сыграль бы роли производительнаго капитала; производительный капиталь превратился бы въ товарный, который не быль бы обременень сверхотонмостью, онъ бы не извлекъ изъ рабочей силы въ продолжение процесса производства сверхстоимости въ товарной формв, --- сивдовательно, вообще, не разыграль бы роли производительного капитала; въ дейотвительности онъ долженъ продать дороже, чамъ купиль, «это же можеть ему удасться только въ томъ случав, если онъ помощью капиталистического процесса производства превратить купленный имъ более дешевый товаръ, имеющій меньшую стоимость, въ такой, который будеть иметь большую стоимость, следовательно, более дорогой. Онъ продаеть свой товаръ дороже не потому, что продаеть его выше стоимости, но потому, что товаръ имветъ стоимость высшую, чёнь сунна стоиностей составных частей, вощедшихь вь его производство» (Кап., II, 73). Все ето место взятое целькомъ, а меотрывочными фразами, очевидно, не содержить въ себе ни істы той мысли, которую приписываеть Марксу его критикъ. Марксъ говорить. что фабриканть продаеть болье, чемъ покупаеть, но въ

какомъ омысећ? Маркоъ отлично понималъ, что «капиталистическій пропессь производства, разсматриваемый въ целомъ, представляеть единство процесса производства и обращения» (Ib., III. 1). Поэтому. говоря въ цитируемомъ мъсть о дъятельности фабриканта, онъ брадъ его во всемъ объемъ его промышленно-торговыхъ функцій, въ моменть производства и обращенія. Въ этомъ смысль, фабриканть, вызадывая въ производство известное количество купленныхъ товаровъ, и получая въ результатъ производства большее количество ихъ, - продаеть больше, чёмъ покупаеть. Г. же Слонинскій, забывъ о производственной деятельности фабриканта, взяль его новлючительно въ процессъ обращения, и въ этомъ симсив утверждаеть, что фабриканть больше продаеть, чемь покупаеть. И Марксы, и его критекъ провзносять одни и тъ же слова, но говорять совершенно различныя вещи. Впрочемъ не въ этомъ дело. Мы опрашиваемъ только, есть ли во всей приведенной питать хоть мальйшее отступленіе отъ того, что говорилось въ первомъ томе «Капитала»? Оставиль ин Марксъ «одинъ изъ существенныхъ своихъ аргументовъ», «по минованіи въ нихъ надобности»?

Г. Слонимскій не ограничивается однимъ возраженіемъ, не довольствуется утвержденіемъ, что прибавочная стоимость можеть возникать въ обміні; онъ доказываеть даліе, что она не можеть создаться въ производстві.

«Всв разсужденія объ образованіи прибавочной ценности во время процесса производства теряють почву, если вспомнить, что ценность вовсе не составляеть самостоятельнаго внутренняго качества, присущаго товарамъ, а зависить отъ вившенкъ условій, надъ которыми производители не властим, т. е. отъ степени общественной потребности въ данныхъ товарахъ и отъ среднихъ общественно-необходимыхъ условій ихъ производства. Какая прибавочная ценность можеть создаться до появленія товаровъ на рынкъ, когда пънность существуетъ еще только въ предположеніяхъ и расчетахъ предпринимателя? Сколько-бы ни употреблялось усилий на совдание и увеличение прибавочной цанности, въ процессъ производства, нинакой прибавочной ценности не окажется на деле, если она не входить въ цены производимыхъ товаровъ и не вліяеть на эти товарныя цены. Въ предълахъ-же существующихъ ценъ можно достигнуть «прибавочной ценности» только путемъ удешевленія производства; но удешевленіе производства, дълаясь всеобщимъ и доступнымъ, понижаетъ цены товаровъ и сивдовательно опять-таки не оставляеть въ рукахъ производителя нижакой спеціальной прибавочной ценности» (поль, 357-8).

Въ этихъ строкахъ что ни слово, то путаница. Цвиность, по мивнію г. Слонимскаго, зависить «оть степени общественной потребности въ данныхъ товарахъ и отъ среднихъ общественно-необходимыхъ условій ихъ производства». Что это означаеть? По опредвленію Маркса и всёхъ сторонниковъ трудовой теоріи трудълишь тогда считается производительнымъ, если онъ приложенъ къ производству предметовъ, на которые существуеть спросъ, которые отвъчаютъ извъстной общественной потребности Общественная потребность въ данномъ продуктъ есть, слъдовательно, условіе віпе qua non

ценности этого продукта. Но следуеть ин изъ этого, что отъ этой потребности зависить приность, что она опредваяет приность продукта? Какъ въ такомъ случав объяснить факть отсутствія цвиности для воздуха, растительности дівотвеннаго ліса,—продуктовь, несомвъне отвъчающихъ насущнымъ потребностимъ? Наконецъ, какъ измърить величину данной потребности, где найти почву для взаниной оценки разнородныхъ потребностей? Неть, г. Слонимскій проото смъщаль условіе существованія ценности съ ноточникомъ нин мариломъ этой панности. Такое же смашение онъ допустиль и въ указанін роли общественно-необходиныхъ условій производства, на что им уже указали въ первой статье-при разборе возраженій противъ этой части ученія Маркса. Но полное непониманіе того, что такое прибавочная стоимость, а виботь съ нею и капиталистическое хозяйство, сквозить въ утвержденіяхъ г. Слонимскаго о несуществованін прибавочной стоимости вий реализаціи ся при продажь. Здёсь опять смёшеніе необходимаго условія съ причиною явленія. Марков это предведёль. «Хотя», -- говореть овъ, -- «набытокъ стоимости товара сравийтельно об издержвами его производства (т. е. прибавочная отонность) образуется вы непосредственномъ процессь производства, но реализуется онъ только въ процессь обращена: всявдствіе этого тыть легче является представленіе, что этогь избытокь возникаеть изъ процесса обращенія». (Капиталь, III, 15, 96 и др.). Реализація и возникновеніе-два соверменно различныя понятія, и сившивать ихъ совершенно нелогично. Наконецъ, чтобы покончить оъ даннымъ мёотомъ, укажемъ еще на провозглащение въ концъ приведенной цататы г. Словимскимъ кажой-то «спеціальной прибавочной ценности», подъ которой онъ очевидно разумноть надбавку къ общей цвив товара или къ издержжамъ его производства. Это уже полное непониманіе того, что такое прибавочная отонмость, этоть гвоздь современнаго капиталичес каго XOBSECTES.

Итакъ, приведенныя возраженія г. Слонискаго им счатаемъ неубъдательными, основанными на невърной оцънкъ явленій капиталистическаго хозяйства и созданнаго для ихъ уясненія ученія Маркса. Но у критика имъется въ запасѣ еще иѣсколько возраженій. Предположимъ, говорить онъ, что мысль Маркса о созданіи прибавочной стоимости въ процессъ производства и върна. Но на, какомъ же основаніи Марксъ утверждаеть, что созданіемъ этой прибавочной стоимости мы обязаны исключительно одному фактору, участвующему въ производствѣ—именно человѣческому труду, и почему онъ игнорируеть производствѣ—именно человѣческому труду, и почему онъ игнорируеть производствѣ рабочей силы капиталомъ и созданіи прибавочной цѣнности путемъ эксплоатаціи особаго дара живаго труда примѣняются въ болѣе полной мѣрѣ къ рабочему скоту, чѣмъ къ людямъ» (май. 270). Съ другой стороны и при замѣнѣ работы машинами иѣть и рѣче о потерѣ превмуществъ,

связанных от упомянутым выше природным даром живой рабочей силы (271). Словом, вритеком поднять вопрось о производительности рабочей силы животных и машинь, о способности их производить цённость и прибавочную цённость. Признаться, намъ нёсколько совёстно пускаться въ опровержевіе высказанныхътолько что г. Слонимскимъ мыслей; намъ придотси для втого завернуть въ область самыхъ элементарныхъ истинъ экономической науки, правда весьма часто затемняемыхъ чисто словесной путаницей.

Неленое заблуждение думать, будто Марков весь процессъ производства представляеть результатомы одного лишь человеческого труда. «Трудъ»,—говорить онъ,—«есть не единственный поточникь произведенной имъ потребительной стоимости, вещественнаго богатства. Трудъ—его отецъ, по словамъ William'a Petty, а земля (природа) его мать».

Но создание богатства не инфеть ничего общаго съ созданиемъ стоимости. «Земля (природа) въ качестве фактора производства потребительной стоимости, матеріальняго богатотва, пшеницы, нгиграеть двятельную роль. Но она не имбеть инкакого отношения къ производству стоимости пшеняцы. Насколько выражается въ пшеннив стоимость, пшеница разсматривается только какъ опредвденное количество овеществленного общественного труда, при чемъсовершенно все равно, въ чемъ вменно трудъ этотъ овеществленъ, вля какова потребительная стоимость этого вещества». (Капиталь III, 675). Къ силамъ природы, очевидно, относится рабочій скоть, къ имиъ жеотносятся, по роли своей въ процессъ производства, и машины. «Подобно каждой другой части постояннаго капитала, машины не создають стоимостей, но передають свою собственную стовность продукту, для производства котораго оне служать. Если мы исчис- . димъ ихъ средиою ежедневную затрату, или ту составную часть стоимости, которую они передають продукту ежедневнымъ изнашиваніемъ своимъ и поглощеніемъ вспомогательныхъ средствъ, напр. насла, угля и т. п., то окажется, что они пействують даромъ какъ-бы бозъ содъйствія человіческаго труда, одной силой природы». (Капиталь, І, 342-3). А разъ ни рабочій скоть, ни машены неспособны создать стонмости, то, конечно, они не могуть явиться и создателями прибавочной стонности, составляющей лишь часть

Таково ученіе Маркса. Теперь обратнися къ возраженіямъ его-

Г. Слонемскій весьма энергично и ядовито высмінваєть, какъоригинальный парадоксь, мысль Маркса объ «неключительномъ дарів живой рабочей силы» производить прибавочную стоимость. Въдругомъ місті онъ съ большимъ усердіемъ указываєть на то, что все ученіе Маркса есть одно повтореніе «шаблоновъ англійскойклассической школы». Удинительно, какъ при подобныхъ общихъжаглядахъ г. Слонимскій не догадался, что и вритикуємая мысль Маркса есть не болье и не менье какъ одинъ изъ подобныхъ клас-сическихъ «шаблоновъ». Сомнъвающихся въ этомъ мы просимъ прочитать известную главу изъ сочиненія Ракардо «Объ отличительныхъ свойствахъ цвиности и богатства» *).

Въ этой, замечательной по ясности и убедительности аргументаціи главе Ракардо останавлявается на споре между Адамомъ-Смитомъ и Сеемъ, споре, для насъ крайне интересномъ. «Сей—говорить Ракардо,—обвиняетъ Смита въ томъ, что последній не обратиль вниманія на ценность, придаваемую товарамъ силами природы и машенами, потому что полагаль, что ценность всехъ вещей порождается трудомъ человека». Обвиненіе, какъ мы видимъ, совершенно подобное тому, какое въ настоящее время, не смотря на много давностей, протекшихъ съ этой этохи, воздвигается на немецкаго ученаго его русскимъ критикомъ.

"Но обвинение это мив кажется неосновательнымъ", -- возражаетъ Ривардо. "Ад. Смить нигде не уменьшаеть значенія услугь, оказываемыхь намъ этими естественными агентами и машинами, но онъ справедливо отличаеть родь цености, придаваемой ими товарамь; они (т. е. сили природы и машины) оказывають намъ услуги, увеличивая количество продуктовъ, дълая людей богаче, увеличивая ценность потребленія, но такъ жакъ они исполняють свое дёло даромъ, нбо за употребление воз-духа, теплоты или воды начего не платется, то оказываемая ими намъ помощь не присоединяеть ничего къ міновой пінности". "Какъ скоро при помощи машенъ или знакомства съ остественными науками вы принуждаете силы природы исполнять ту работу, которая прежде производилась человекомъ, то меновая ценность такой работы соответственно уменьшается. Если мельница приводилась въ движение трудомъ 10 человъкъ, а потомъ сдълено открытіе, при помощи котораго трудъ этихъ десяти человъвъ сберегается дъйствіемъ вётра или воды, то панность муки, составляющей частью продукть работы мельницы, немедленно понизилась бы въ соотвётствін съ воличествомъ сбереженняго труда, хотя общество стало бы богаче на сумму товаровъ, которые могъ бы произвести трудъ 10 человъвъ... Сэй постоянно упускаеть взъ виду весьма существенное различие между ценностью потребления (т. с. потребительною -стонмостью, богатствомъ) и меновою ценностью, стонмостью".

Напротивъ Рякардо, продолжая точку зрвин Ад. Синта, настанваеть на необходимости такого различия.

"Цвиность существенно отличается отъ богатства", — категорически заявляетъ онъ—"вследствіе механическихъ изобретеній… миліонъ людей можеть въ одну эпоху увеличить вдвое или втрое размёръ богатства… но эти люде инчего не прибавили бы вследствіе того въ ценности про-изведеній. Постоянно увеличивая легкость производства, им постоянно уменьшаемъ ценность товаровъ, хотя темъ же способомъ мы увеличиваемъ національное богатство. Большое количество омибокъ въ политической экономіи возникло изъ ложнаго на этотъ предметь взгляда, по которому увеличеніе богатства и увеличеніе ценности принимались за-одно и тоже».

^{*)} Д. Рикардо, сочиненія, перев. Зибера. Спб. 1882 стр. 171—180.

И много еще блестящихъ мыслей и остроумныхъ примъровъ приведено Рикардо въ защиту положения, что силы природы (вътомъ числе и рабочий скотъ) и машины создаютъ богатство, но не создаютъ ценности, стоимости.

Совершенно такова же, какъ мы ведели, точка зрвнія Маркса, которая, такимъ образомъ, оказывается вовое не его открытіемъ и не оригинальнымъ парадоксомъ, будучи давнымъ давно установлена. англійскою классическою школою. Конечно, и противъ положевія этой школы раздавалноь возраженія. Съ однемъ изъ нихъ, принадлежащимъ Сэю, им выше познакомились. Время классической экономін давнымъ-давно минуло; наука сдёлала съ тёлъ поръ громадные шаги впередъ. Къ чему же привела исторія науки? Чьемевніє: Смита-Рикардо (а всявдъ за неми Маркса), или Свя, —восторжествовало? Чтобы ответить на этотъ вопросъ, оставинъ на время Маркса, способнаго лишь запугать иных благонамеренных мыслителей своими якобы партійными соображенівми, а раскроемъ произведение объективной, оффиціальной академической науки: Handwörterbuch der Staatsswissenschaften, гдв читаемъ следующія слова, приналлежащія перу одного изъ редавторовъ этой энциклопедів. проф. Лексиса.

"Производство есть изготовление хозяйственныхъ благь посредствомъ человической диятельности. Совершенно обратно выгляду физіократовъ, согласно воторому природа является единственною, действительно производительною силою, — новейшая политическая экономія разскатриваєть производство, какъ исключительный результать личной двятельности человъка... Въ сравнении съ человъческой мускульной силой, мускульная сила животных выяется силой природы, которой люди уже съ древивишихъ временъ пользовались для облегченія своего труда. Современное жепроизводство отличается особеннымъ хараетеромъ въ силу постоянно возрастающаго примененія машинь, приводимыхь вь действіе стихійными силами. Такъ какъ эти машини исполняють ть же самыя двиствія, которыя прежде непосредственно производились челов ческой силой, -- возможнозаблужденіе, будто работа, исполняемая машинами и называемая въ механивъ также работой, можетъ быть поставлена наравиъ съ человъчесвимъ трудомъ и следовательно разоматриваться какъ самостоятельное производство. Но, очевидно, отношение машины въ производству въ сущности таково же, каково отношеніе между природными силами, д'явствующими въ жизни растеній и животныхъ, и инструментами, управляемыми рукой человъка для полученія сырыхъ матеріаловъ и изготовленія ремесленныхъ изділій. Производительная діятельность престыянина состоить въ обработкъ земли, разбрасываніи зерна, сборъ урожая; обусловливаемый силами природы рость хлабныхъ растеній не есть производство въ нашемъ хозяйственномъ смысле, но лишь условіе продуктивности труда престьянина. Точно также железный топоръ-не самостоятельный факторь производства, но только вспомогательное средство, новышающее производительность труда дровосека въ сравнения съ примитивными орудіями каменнаго періода... Отъ того, что этими вспомогательными средствами являются не ручные инструменты, а машины, дело ничуть не изменяется.. Правильный взглядь на машины и вообще техническія вспомогательныя средства, не вакъ на самостоятельные факторы производства, а лишь вакъ на повышающіе производительность труда, этоть взглядь быль обосновань

впервые Родбертусомъ, хотя онъ принадлежить въ числу основныхъ ндей Маркса. Такому возэрвнію противоположно старинное ученіе о трехъ координированныхъ факторахъ производства—трудѣ, капиталѣ и землѣ или естественномъ факторахъ производства—трудѣ, капиталѣ и землѣ или естественной точки зрѣнія, очевидно, несостоятеленъ. Земля или природа и капиталъ ни въ какомъ случав не могутъ быть поставлены рядомъ съ трудомъ, но вполнѣ подчинены ему. Трудъ — вотъ единственный активный факторъ производства, природа доставляетъ лишь матеріалъ для осуществиенія труда или даетъ первоначальных свободныя силы, приданіе которымъ цвиности возможно только посредствомъ труда. Капиталъ въ своемъ объективномъ значеніи совокупности уже произведенныхъ вспомогательныхъ средствъ производства, не можетъ вообще быть первичнымъ факторомъ производства, такъ какъ онъ самъ уже является продуктомъ. Капиталъ представляетъ собою лишь подготовительный трудъ для конечной цѣли производства настоящихъ предметовъ °).

Читатель вправъ жаловаться на обиле цитать въ нашей статьв, но мм ръшились привести длинныя выписки для того, чтобы документально доказать, что мысль объ «исключительной производительной силь человъческаго труда» не есть спеціальная выдумка Маркса, изобрътенняя изъ какихъ-то партійныхъ соображеній; что это основное положеніе англійской классической школы, устоявшее вопреки обильнымъ нападеніямъ главнымъ образомъ французской школы и теперь, по компетентному свидьтельству проф. Лексиса, являющееся господствующимъ въ наукъ, замѣнивъ собою «старинное ученіе о трехъ координированныхъ факторахъ производства».

Высменвая оригинальный парадовов Маркса, критивъ, очевидно, не зналъ, что онъ этимъ самымъ высменваеть основное положене, усвоенное современною экономическою наукою въ качестве прочинаго наследія отъ классической школы.

Всякій, кто согласится съ этимъ, пойметь вмёсте съ темъ, что г. Слонимскимъ «не было понято основное отношеніе постояннаго капитала къ переменному, а, следовательно, не была понята также сущность прибавочной стоимости, а вмёсте съ темъ и все основаніе капиталь и споссба производства» (Капиталь, III 593),

Если намъ удалось доказать неубъдительность доводовъ г. Слонамскаго по вопросу о производительности силъ природы и машинъ, то остается въ силъ утвержденіе Маркса, что такою производительною силою обладаеть только трудъ человъческій. Но этимъ мы еще не устранили всёхъ возраженій г. Слонимскаго по вопросу о производительныхъ силахъ.

Дѣло въ томъ, что по его мевнію, если уже допустить возможность созданія прибавочной стоимости исключительно человіческимъ трудомъ (чего онъ вовсе, конечно, не допускаеть), то и тогда невозможно согласиться съ утвержденіемъ Маркса, будто цінность создается трудомъ исключительно простыхъ рабочихъ.

^{*)} Lexis, "Production". CTATES BE "Handworterbuch der Staatswissenschaften", herausg. von Conrad, Elsber, Lexis, Loening. 5 Band. Iena 1893. 282, 283-5.

"Почему собственно" воскиндаетъ г. Слонимскій, — "нишь простые рабочіе, случайно приставление къ непонятнимъ имъ изобрътеніямъ чужого ума, должны считаться единственными творцами промышленнаго
капитала и его доходности, и почему они имъютъ большее право на
обогащеніе, чъмъ другія категоріи рабочихъ и чъмъ сами устроители
машенъ—объ этомъ умалчиваетъ Марксъ въ обширныхъ трехъ томахъ
своего изсладованія" (Май, 277—8). "Онъ всегда говоритъ исключительно
о наемныхъ рабочихъ, о величинъ ихъ рабочаго дня, объ ихъ прибавочномъ неоплаченномъ труду и о создаваемой ими прибавочной цвиности,
присвояемой капиталистомъ" (Май, 290), въ то время какъ "эти понятія
очевидно непримънимы къ труду высшаго разрада—къ труду техниковъ,
неженеровъ и разныхъ ученыхъ спеціалистовъ, рабочихъ часовъ. Капитаистъ извлекаетъ выгоду изъ рабочы ученыхъ техниковъ и инженеровъ
не присвоеніемъ части ихъ рабочаго дня, а другими способами, неимъющими ничего общаго съ эксплоатаціей простыхъ наемныхъ рабочихъ".

Замвчаніе о томъ, что «учение» работники получають вознагражденіе не по количеству рабочихъ часовъ, мы, очевидео, можемъ оставить безъ вниманія, такъ какъ способъ полученія вознагражденія не изміняеть сущности діла, и поштучная плата простыхъ рабочихъ, какъ это прекрасно разъяснять Марксь, допускаеть еще большую капиталистическую эксплоатацію, чёмъ плата поденная. Точно также и замічаніе о томъ, что капиталисть извлекаетъ прибавочную стоимость изъ труда этихъ рабочихъ «не присвоніемъ части ихъ рабочаго дня, а иными способами» мы не въ состоянія обсудить за неимініемъ болье опреділенныхъ указаній на характеръ этихъ «нныхъ способовъ», какъ они представняются г. Слонимскому. Поэтому, мы остановнися исключительно на вопросів о томъ, вірно ли передаль критикъ мийніе Маркса о созданіи прибыли трудомъ только простыхъ рабочихъ и возможно ли такое мийніе по смыслу всего ученія о прибавочной стоимости.

Признаться, недоумению нашему не было конца при чтении предыдущихъ строкъ критика, приписывающихъ Марксу мысль о производительности будто бы труда исключительно простыхъ рабочихъ. На чемъ основано это странное сужденіе-мы положительно не понимаемъ. Общее опредвление понятия производительности труда дается Марксонъ въ самонъ началь «Капитала», между прочемъ, въ следующихъ строкахъ: «Какъ товаръ прежде всего долженъ быть предметомъ потребленія, чтобы имёть стоимость, такъ точно трудь прежде всего должень быть полезнымь трудомь, целесообразною производительною деятельностью, чтобы считаться расходомъ человъческой рабочей силы вообще, а слъдовательно и просто человическимъ трудомъ», опредиляющимъ стоимость товаря (Капиталь, І, 11). Здесь въ качестве условія производительности человъческаго труда поставлено лишь требование полезности его, целесообразности, способности удовлетворить известную общественную потребность. Но здісь и річи ніть о категоріи труда, о боліве проотыхъ и высшихъ формахъ его. Наоборотъ, вов разсужденія

Маркса о приведеніи высшихъ родовъ труда къ среднему простому труду очевидно указывають на то, что производительность более сложныхъ работъ нисколько имъ не отрицается. Наконецъ, въдь самъ же г. Слоненскій вследь за своемъ огульнымъ обвененіемъ приводить такія слова Маркса: «Было вамічено раньше», -- говорить Марксь, -- что для процесса образованія стоимости вполив безраздично, какую работу присвоиваеть себь капиталисть-простую среднюю общественную работу, или сложную, нивющую высшій специфическій вісь. Въ каждомъ процессі образованія стоимости высшая работа должна быть сведена къ среднему общественномутруду. и, напр., день высшей работы будеть считаться равнымъ такому то числу дней простого труда. Избёгають поэтому излишняго расчета и упрощають; анализь предположеніемь, что употребдяемый капиталомъ рабочій исполняеть простую общественную среднюю работу». Напрасно г. Слонимскій не обратиль еще вниманія на примічаніе, слідующее у Маркса за приведенными словами, въ которомъ указывается на то, что «общирный классъ. немогущій предложить взамінь пищи ничего, кром'в простого труда, соотавляеть главную массу народа» (слова Джемса Милля *). Итакъ, вотъ две причины, по которымъ, какъ намъ думается, Марксъ, говоря объ образовании прибавочной стоимости, сравнительно мало касался представителей высшаго труда. 1) число такихъ лицъ весьма незначительно въ общей массе населенія; 2) трудъ высшій Марксъ считаль возможнымь приводить къ простому среднему труду. Правда г. Слонимскій протестуєть противъ такого приведенія, въ виду чего онъ и объясненіе Маркса считаеть неубъдительными; но объ этомъ мы уже достаточно распространились въ первой статъв. Во всякомъ случав для насъ важно прямое заявленіе Мареса о томъ, что въ образованіи прибавочной стоимости представители высшаго труда принимають участіе вполив однородное съ участіемъ простыхъ рабочихъ.

До сихъ поръ мы разбирали общее опредёление производительности труда. Но у Маркса имёстся еще опредёление этого поиятія въ смыслё спеціально капиталистическомъ. Такъ какъ конечною цёлью капиталистическаго хозяйства служить получение прибавочной отоимости, а послёдняя достигается покупкою живой рабочей силы, то въ специфически-капиталистическомъ смыслё производительнымъ можеть считаться лишь трудъ, создающій прибавочную стоимость, т. е. наемный трудъ.

«Вивств съ кооперативнымъ характеромъ самаго рабочаго процесса по необходимости расширяется и понятіе о производительномъ трудв и его источникв—производительномъ работникв. Съ другой же стороны, оно, напротивъ того, суживается. Капиталистическое производство не есть только производство товаровъ, но

^{*)} См. Капиталь, І, 143—4.

^{№ 6.} Отдаль (

есть, главнымъ образомъ, производство прибавочной стоимости. Работникъ производить не для себя, а для капитала. Поэтому недостаточно, чтобы онъ производиль вообще. Онъ долженъ производить прибавочную стоимость. Только тоть работникъ производителенъ, который производитъ прибавочную стоимость для капиталиста, или который служить для самоуведиченія стоимости капитала» (Капиталь, I, 442).

Можеть быть по отношению къ этому последнему определению г. Слонимскій правъ? Можеть быть, въ спеціально-капиталистическомъ смысле производительностью, по Марксу, обладаеть только трудъ простыхъ рабочихъ? Чтобы ответить отрицательно на эти вопросы, стоять только продолжить приведенную цитату и обратить внимание на тотъ примеръ, которымъ Марков поясилеть свое определеніе. «Съ этой точки врёнія», —говорить онъ, — «школьный учитель бываеть проезводительнымь работникомь только въ томь случав, если не ограничивается обработкою детскихъ головъ, но. въ то же время, обрабатываеть и самаго себя для обогащения предпринимателя. Дело висколько не изменится отъ того, что капиталь будеть вложень въ школьное заведеніе, а не въ колбасное. Повтому понатіе о производительномъ работник содержить не только отношеніе между д'автельностью и полезнымъ результатомъ, между работникомъ и продуктомъ труда, но также и специфически общеотвенное отношение производства, когорое обращаеть работника въ праное средство возрастанія стонмости капитала» (Ів., І. 443-4). Сопоставниъ съ этимъ следующее место: «Наука вообще ничего не стоить капиталисту, что, однако, не препятствуеть ему эксплоатировать ее. Капиталъ присвоиваетъ чужую науку, какъ и чужой трудъ» (Ibid., I. 342, прим.). После этихъ словъ наши соботвенныя толкованія елва-ли необходины. Съ категоричностью, не оставияющею міста ния малійших сомніній. Марксь заявляеть. что въ вопросв о производительности капиталистическаго работника решающее значение вибеть: 1) полезность работы, 2) известное общественное отношение продавца рабочей силы въ ея покупателю. Но опять-таки въ числе условій не упоминается о категоріяхъ работь. о труде высшаго или низшаго рода. Напротивъ, определенно говорится, что продукть самой высшей работы—наука —присванвается капиталистомъ совершенно такъ-же, какъ матеріальное богатотво. А затемъ въ качестве примера выбранъ учитель, представитель несомавняю высшаго труда, и премёръ подкрапляется опять-таки весьма категорическимъ замъчаніемъ, что «діло нисколько не изміняется оть того, что капиталь будеть вложень въ школьное заведеніе, а не въ колбаснов», т. е. все равно, оъ эксплоатаціей какого рода труда, невшаго ели самаго высшаго, мы бы не емъле дъло. Дъло вовсе не въ томъ, а только въ извъстномъ отношения липъ другь къ другу, въ общественномъ отношеніи. Та же мысль высказывается и въ 3-иъ томъ «Капитала»: «Поскольку трудъ не

обладаеть особеннымъ характеромъ наемнаго труда, онъ стоимости не создаеть... И вообще, если мы опредължемъ трудъ, какъ созидающій стоимость, мы смотримъ на него не въ его конкретномъ видъ, какъ условіе проязводства, но въ его общественномъ значеніи» (Капиталъ, III, 681).

То обстоятельство, что въ данномъ случав рвчь идетъ о стоимости вмёсто прибавочной стоимости, не измёняетъ мысли Маркса, такъ какъ очевидно, что если необходимо извёстное условіе для производства прибавочной стоимости, а послёднее не мыслимо безъ производства стоимости вообще, то и для производства стоимости остается въ силё то же условіе.

Посив всего сказаннаго очевидно, какъ неосновательно, какъ невърно возражение г. Слонимского о томъ, что Маркоъ считалъ производительнымъ только трудъ простыхъ рабочихъ и только объ этомъ трудь говориль «въ трехъ общирныхъ томахъ своего Капитала»: приведенныя опредъленія вивоть съ приивромъ труда учителя служать прямымъ тому опроверженіемъ. Мы можемъ теперь по достоинству оценить убедительность общаго мижнія критика по этому вопросу. «Если-бы Марков», —говорить онъ, — «вкиючиль въ теорію пребавочной панности элементь высшаго труда, то все его ученіе цензбіжно приняло бы другой видь, и онъ не могь бы придти въ темъ положеніямъ и комбинаціямъ, которыми наполнены три тома «Капитала» (май, 281). Мы, наобороть, видели, что Маркоъ «элементь высшаго труда» въ свою теорію включиль, и теорія оть этого нисколько не измінилась. Повторяя слова критика, но только по другому адресу, мы можемъ сказать, что предоказаніе на счеть «нам'вненія вида» теоріи ни въ какомъ случав не могло иметь симсиа, если только «не играть словами, а анализировать действительныя явленія». Игра словами въ данномъ случав, очевидно, на сторонв г. Слонимскаго, а анализъ двиствительности несомивино принадлежить Марксу, -- тому ученому, который, создавъ теорію прибавочной стоимости, вытекающую изъ опредъденнаго общественнаго отношенія лиць, изъ исторически-общественнаго характера капиталнотическаго производства, не могь оставить эту теорію въ зависимости оть постороннихъ, общественнаго отношенія не изміняющихъ условій, вроде вопроса о тіхъ или миыхъ категоріяхъ труда. Сдінать это могь только тоть критикъ, который, не понявъ историческихъ характерныхъ чертъ капиталистическаго ховяйства, темъ самымъ оказался лишеннымъ способности понять то ученіе, которое не ничеть симска и объясненія вяв этой исторической обстановки.

Непониманіе или игнорированіе историчности ученія Маркса не представляєть, впрочемъ, исключительной особенности критики только г. Слонимскаго. Къ сожальнію, это почти общій гръхъ критиковъ намецкаго ученаго. Сознаніе общности и распространенности этого явленія въ научной литературів и служеть для насъ однимъ изъглавныхъ побудительныхъ мотивовъ веденія полемики съ г. Слонимскимъ, такъ какъ сама по себі взятая нами на себя задача, право, весьма скучная вещь.

ЖРЕЦЫ.

Романъ.

VIII.

За черверть часа до шести Невзгодинъ подъёхаль съ Неглиной въ небольшому подъёзду отдёльныхъ кабинетовь «Эрмитажа». Озябшій на сильномь морозів, онь торошляво сунуль извозчику деньги и вошель въ ярко освещенныя съин. Пріятное ошущение тепла и света охватило его.

Два ведные швейцара, остриженные въ кружовъ, и, по московской модь, въ черныхъ полукафтанахъ и въ высокихъ са-

погахъ, привётливо поклонились гостю.

— Вы на об'єдъ въ честь Андрея Михайлича? — осв'єдомился одинь изъ нихъ, помоложе, снимая съ Невзгодина его, несколько легкое для русской зимы, парижское пальто съ маленькимъ барашковымъ воротникомъ.

— Да...

Невагодинъ невольно улыбнулся и насколько торжественному выраженію лица молодого, востроглаваго ярославца, и значетельному тону, какемъ отчеканель онъ имя и отечество юбиляра, съ московскою почтительностью не называя его пофамилін.

— А вы знасте, кто такой Андрей Михайлычъ?

— Помелуйте-съ... Какъ не знать-съ Андрея Михайлыча! обидчиво замътнять молодой швейцаръ.—Извъстные ученые и профессоры... Я ихъ не разъ видълъ... Бывають у насъ.

«Воть она популярность!» - подумаль Невзгодинь и спро-

— Собралось еще не много?

— Человъть ста полтора, пожалуй, уже есть!-отвъчаль швейцарь, помахивая черноволосой головой на вышалки, полныя шубъ.

— Oro!—удавленно воскликнуль Василій Васильевичь, хо-

рошо знавшій привычку носевичей опаздывать.

— А ждемъ свыше двухсоть персонъ-съ!—не безь гордости продолжаль швейцаръ.—Извольте получить нумерокъ!

Оправившись передъ зеркаломъ, которое отразило небольшую статную фигуру въ отлично сидъвшемъ парижскомъ новомъ фракъ, Невзгодинъ поднялся на верхъ и остановился на площадкъ, у столика, гдъ собирали за объдъ деньги. Заплативши семь рублей и написавши на листъ свою фамилію, онъ котълъ, было, двинуться далъе, какъ его окликнулъ чей-то высокій, необыкновенно мягкій тенорокъ...

Въ этомъ маленькомъ, толстенькомъ пожиломъ господинъ во фракъ и въ бъломъ галстухъ, —выскочившемъ съ озабоченной физіономіей изъ корридора къ столику, — Невзгодинъ сразу узналъ Ивана Петровича Звенигородцева — всегдашняго устроителя юбилеевъ и распорядителя на торжественныхъ объдахъ, извъстнаго застольнаго оратора и знакомаго со всей Москвой присяжнаго повъреннаго.

Выраженіе озабоченности внезапно исчезло съ его лица. Румяненькое, заплывшее жиркомъ, съ жиденькой бородкой и маленькими блестящими глазками, полными плутовства и вибств съ твмъ добродушія, оно теперь все сіяло радостною улыбкой, словно-бы Звенигородцевъ увидаль передъ собою лучшаго своего друга. И, не смотря на то, что Иванъ Петровичъ былъ очень мало знакомъ съ Невзгодинымъ и считалъ его, какъ и многіе, пустымъ зубоскаломъ, онъ, какъ коренной москвичъ, широко раскрылъ свои объятья и троекратно облобызалъ Невзгодина необыкновенно крйпко и сочно.

- Давно-ли, Василій Васильевичь, къ намъ изъ Парижа? ласково и півуче спращиваль Звенигородцевь, задерживая руку Невзгодина въ своей пухлой потной руків.
 - Вчера.

Осторожно высвободивь руку, Невзгодинь отерь губы.

- Какъ разъ на юбалей попали... Увидите, дорогой Василій Васильичь, какъ у нась хорошихь людей чествують... Двісти пятьдесять человікь записались на обідь... Было бы и вдвое больше, но мы отказывали... Нельзя-же всіхъ пускать, безъ строгаго выбора... Ну и усталь же я сегодня. Хлопоть, я вамъ скажу, съ этими юбилеями! И навірное въ назначенный часъ публика не соберется. Ужъ скоро шесть, а всего только стошестьдесять человікь. Надо дать знать, чтобы юбиляра привезли не раньше половины седьмого...
 - И Звенигородцевъ туть-же распорядился объ этомъ.
 - Развъ юбиляра привезуть?
- Обязательно и въ четырехивстной каретв. Или вы забыли московскій юбилейный чинь? А еще москвичь!
 - Кто-же привезеть Косицкаго?
 - Двое. Представитель стараго покольнія профессоровь:

Левь Александровичь Цвётницкій и представитель молодой науки: Николай Сергенчь Зарычный.

— А Маргарита Васильевна здёсь?

- Не видаль. Кажется, еще не прівзжала. А вы что-же?.. Все еще повлоняетесь гордой англичаночкъ?.. А корошъсть съ тъхъ поръ, какъ замужемъ... Прелесть, что за женщина. Воть увидите!—оживленно и щуря глаза прибавиль Звенигородцевъ.
- Давно не поклоняюсь, Иванъ Петровичъ... И я недавно женился...

Ввенигородцевъ горячо поздравилъ Невзгодина и, замътивъ, что тотъ собирается отойти, остановилъ его словами:

— На одну минутку, Василій Васильичь!

Отведя Невзгодина въ сторону, онъ проговорилъ, слегка понижая свой тенорокъ и принимая значительный видъ человъка, озареннаго счастливою мыслыю:

- Челомъ вамъ бъю, Василій Васильичъ! Не отважите.
- Въ чемъ?
- Вы вёдь, я слышаль, занимались въ Париже науками?
- Занимался.
- Такъ знаете-ли что? Скажите, голубчикъ, за объдомъръчь Косицкому въ качествъ представителя отъ русскихъ учащихся въ Парижъ. Это будетъ, я вамъ скажу, эффектно и оченътронетъ старика...

Невзгодинъ разсивялся.

- Да какъ-же я буду говорить, никъмъ не уполномоченный?
- Такъ что за бъда! Развъ на васъ будутъ въ претензін за то, что вы почтите хорошаго человъка? Косицкій въдь не Найденовъ... Онъ сохраниль традиціи и вполнъ нашъ... Право, скажите, Василій Васильичъ, нъсколько теплыхъ словъ... Сдълайте это для меня... Я васъ запишу... Вы будете говорить пятнадцятымъ... идеть?
- Нѣть, не идеть, Иванъ Петровичь. Не записывайте... я говорить не стану.
- Экій вы какой! Ну, въ такомъ случав, скажите чтонибудь отъ своего имени... Вы, вёдь, хорошо говорите.
 - Совствъ не умъю...
- Полно, полно... Я помню, вы разъ говорили на вакомъто объдъ... Сколько остроумія, сколько...

Звенигородцевъ вдругь оборваль рачь и, засіявшій, съ замаслившимися глазками, бросился, словно ошалалый коть, къ поднимавшейся по ластница молодой, хорошенькой дама.

«Все тотъ-же юбочникь!» — подумалъ, улыбаясь, Невзгодинъ и быстрыми шагами пошелъ по корридору, мимо отдёльныхъ кабинетовъ, встречая безшумно снующихъ половыхъ въихъ ослепительно белыхъ рубахахъ и шароварахъ.

Отворивъ бълыя съ золотомъ двери, онъ вошелъ въ знаменитую колонную залу «Эрмитажа», въ которой Москва даетъ фестивали и упражняется въ красноръчіи.

Въ большой бёлой залё, ярко освёщенной свётомъ громадной люстры, три длинные стола, расположенные покоемъ, были уставлены приборами, сверкая бёлизной столоваго бёлья и блескомъ хрусталя. Длинный рядъ бутылокъ и массивныя канделябры дополняли сервировку.

Мужчины, большею частью во фракахъ и бёлыхъ галстукахъ, дамы въ свётлыхъ нарядныхъ туалетахъ наполняли пространство у колоннъ и между столами. У всёхъ были праздничныя лица. Шелъ оживленный говоръ, и до ушей Невзгодина часто доносилось имя юбиляра. Видимо, онъ сегодня былъ главнымъ предметомъ разговоровъ собравшейся публики.

Невзгодинъ торопился занять два мёста рядомъ, стараясь найти ихъ поближе къ среднему столу, гдё долженъ былъ сидёть юбиляръ. Ему котёлось разсмотрёть поближе разныя московскія знаменитости и лучше слышать рёчи. Но мёсть вблизи почетнаго стола уже не было—во всёхъ стаканахъ или рюмкахъ торчали карточки, такъ что Невзгодинъ нашелъ два мёста рядомъ въ концё одного изъ боковыхъ столовъ.

Взглянувъ на изящное меню съ портретомъ юбиляра, лежавшее у каждаго прибора, онъ направился къ выходу, чтобы

встретить Маргариту Васильевну.

Это было не такъ-то легко. Публика все прибывала, и на пути Невзгодину приходилось останавливаться, чтобы удовлетворять болье или менье праздное любопытство знакомыхъ, отвъчая на одни и тъ-же вопросы и восклицанія удивленія, что онъ въ Москвъ, что женать, что занимался химіей и написаль повъсть.

Оказывалось, что про него ужъ все было извъстно, котя самъ онъ еще и не быль извъстностью.

Наконецъ, онъ выбрался въ дверямъ.

Черезъ нъсколько минутъ онъ увидалъ Маргариту Васильевну. Она вошла одна и была очень изящна и мила въ своемъ черномъ шерстяномъ платъъ, оттънявшемъ ослъпительную бълизну ея красиваго строгаго лица.

Она тихо подвигалась среди толпы, щуря близорукіе глаза и слегка наклоняя голову въ отвёть на поклоны знакомыхъ.

Невзгодинъ подошелъ къ ней.

- Вы давно здёсь?—спросила она, радостно улыбаясь, и по пріятельски пожала руку Невзгодина.
 - Прівхаль въ шести, какъ назначено... по-европейски.
- А я по-азіатски опоздала... И какой же вы нарядный во фракъ, Василій Васильевичь! прибавила молодая женщина, оглядывая Невзгодина.

- И какая-же вы интересная въ своемъ черновъ платъй,
 Маргарита Васильевна! тъмъ-же тономъ отвъчалъ Невзгодинъ.
- Будто? кокетливо уронила Маргарита Васильевна, оживляясь и видомъ нарядной толны, и комплиментомъ Невагодина.
- Увъряю васъ, что говорю безъ малъншаго пристрастія!—подчеркнулъ онъ.
 - Здесь всё въ светлых нарядахь, а я-монашкой.
 - И всетави вы одеты лучше всёхъ.
 - A Аносова? ...
- Великолепная вдова? Я ее не видаль. Она разве будеть? Что въ сущности ей Гекуба и она Гекубе? А, впрочемъ, московскія дамы оть скуки ездять не только на юбилеи, но даже и на заседанія юридическаго общества... Такъ Аносова будеть?
- Непременно. По крайней мере, утромъ говорила, что будеть.
 - Вы развъ съ ней знакомы?
- Сегодня повнакомилась. Была у нея по дёлу. Очень она мив понравилась.

Они на минуту остановились. Заръчная поздоровалась и обижнялась нъсколькими словами съ какой-то дамой.

- И вы, Василій Васильевичь, кажется, знакомы съ Аносовой?—продолжала Магарита Васильевна, когда они двинулись далже.
- Какъ-же, сподобился нынѣшнимъ лѣтомъ въ Бретани. Такъ вамъ великолѣпная Аглая Петровна даже очень понравилась? Вѣрно удивила чѣмъ-нибудь по благотворительной части?
- Именно... удивила. Объщала пятьдесять тысячь на одно дъло, о которомъ мы съ вами еще будемъ бесъдовать. А вамъ развъ Аносова не нравится?—спросила Заръчная, останавливая пытливый взглядъ на Невзгодинъ.

Онъ нисколько не смутился отъ этого взгляда и спокойно твётиль:

- Нравится, какъ корошій экземплярь роскошной женской красоты.
 - И только?—съ живостью кинула Маргарита Васильевна.
- Ну и неглупая, характерная женщина, изучавшая даже Шелли... А вообще не моего романа.
- Не вашего?—весело промодвила Зарвиная, внезапно обрадованная эгоистически-радостнымъ чувствомъ женщины, прежній поклонникъ которой не сотвориль себъ новаго кумира.

Помодчавъ, она прибавила:

— A вы, Василій Васильнчь, кажется, могли-бы быть reроемь ея романа? Невзгодинъ нъсколько смутился и не безъ раздраженія спросиль:

— Откуда сіе, Маргарита Васильевна?

- Плоды моихъ наблюденій надъ Аглаей Петровной, котда мы говорили о васъ!—смёнсь отвётила молодая женщина.
- Такъ они ошибочны. По крайней мъръ, я не замъчаль этого.
 - А я заметила!—настанвала Заречная.
- И, признаться, я не особенно быль-бы польщень блатоволеніемь красавицы-вдовы, еслибь у нея и явился такой невъроятный капризъ...
 - Отчего невъроятный?.. Развъвы не можете понравиться?
- Только не Аносовой. Повёрьте, что она съ ея красотой и милліонами давно нашла-бы себё героя—и, конечно, не такого невзрачнаго, какъ вашъ покорнейшій слуга, еслибъ чувствовала въ томъ потребность...
- Но она васъ всетави завитересовала. Вы часто съ ней видълесь въ Бретана?
- Еще бы! Эта современная московская купчиха съ отличнымъ англійскимъ выговоромъ, съ ласковымъ взглядомъ баркатныхъ глазъ, скрывающимъ колодную жестковатость натуры, крайне любопытна и стоитъ изученія. Въ самомъ дёлё, въ ней какъ-то уживаются вмёстё расточительная благотворительница и самая отчаянная скавалыга... Наклонность къ умственнымъ отвлеченіямъ и кулачество. Восхищеніе Шелли и обсчитываніе рабочихъ...

-- Будто?

- Навърное. Я знаю. Мой пріятель быль техникомъ на одной изъ аносовскихъ фабрикъ. Онъ кое-что мив поразсказаль. Рабочимъ тамъ очень скверно, а управляющій англичанинъ просто-таки скотина.
 - И Аносова все это знаеть?
- Превосходно. Она баба-дёлецъ и сама во все входить. Она и Маркса читала, не даромъ-же говорить, что капитализмъ необходимая стадія развитія... Герой ея—нажива.
- Вы, Василій Васильнчь, кажется, черезъ-чуръ сгущаете краски... Развъ Аносова при всемь этомъ не женщина... Развъ она не способна увлечься?
- Неспособна. Слишкомъ трезвенна и темпераменть спокойный.
 - Ну, такъ вы недостаточно ее изучили. Надо продолжать.
- Что-жъ, я не прочь... Здёсь, въ Москве на своей почве она будеть видие, чемъ за границей!—засменися Невзгодинъ... Ну, вотъ и наши места... Далеконько отъ юбиляра, но луч-шихъ не нашелъ, Маргарита Васильевна!
 - И отлично, что далеко...

- А я недоволенъ. Пожалуй, и не разслышишь всёхъ рёчей, а ихъ будеть иного. Четырнадцать ужъ обезпечено!
 - Четырнадцать? Это ужасно! Несчастный Косицкій!
- Ну и публика не особенно счастливая! Я, впрочемъ, намъренъ всъ ръчи слушать... Въдь два года не слыхалъ московскаго красноръчія.
- А я постараюсь не слушать ни одной... Надовли онъ. И все однъ и тъ-же...
- Звенигородцевъ и меня просиль сказать пятнадцатую ръчь.
 - Что-жъ, скажите... Васъ я буду слушать.
 - Благодарю, но я ръчи не скажу.
- И, объяснивъ просьбу Звенигородцева, Невзгодинъ прибавиль:
- И вёдь Звенигородцевь не находить ничего страннаго, предлагая говорить рёчь оть имени другихъ... Меня же будеть костить за то, что я отказался... Впрочемъ, нынче мало что считается предосудительнымъ... читали въ газетахъ объяснение одного петербургскаго профессора, уличеннаго въ фабрикации анонимнаго письма?.. Какая развязность у этого профессора!.. Какой мъдный лобъ!
 - Ну и у здёшнихъ есть мёдные лбы.
- Не смъю спорить, но все-таки наши до ановимныхъ инсемъ не доходили...
- А кто нашими сосъдями будуть за объдомъ? Вы знаете, Васильи Васильичъ?
 - Сейчась увнаю.

Невагодинъ ваглянулъ на карточки, вложенныя въ стаканы по бокамъ занятыхъ имъ приборовъ, и проговорилъ:

- Вашъ сосёдъ: молодой беллетристь Тумановъ... Вы его янаете?
 - Знаю...
- Такъ познакомъте меня съ нимъ. Онъ талантливыя вещи пишеть.
 - А рядомъ съ вами кто?
 - Анна Аполлоновна Вербицкая. Кто такая?
 - Не имъю понятія...
- Я и того менъе... Однако три четверти седьмого... ъсть хочется, а юбиляра не везуть его асистенты.
 - Кто такіе?
- Цвътницкій и вашъ супругь. Николай Сергвичь върно будеть сегодня говорить?
- Конечно! промодвила Маргарита Васильевна, и твиъ пробъжала по ея лицу.

Въ эту минуту раздался громъ рукоплесканій. Толпа двинулась къ дверямъ. — Наконецъ-то, будемъ закусывать! — весело сказалъ Невзгодинъ и сталъ аплодировать, приподнимаясь на ципочки, чтобъ увидать юбиляра.

Но вийсто него въ глаза Невзгодина бросилась крупная,

статная фигура Зарвчнаго.

Прислонившись въ колониъ близь входа и высово поднявъ свою красивую голову съ гривой волнистыхъ черныхъ волосъ, онъ жаднымъ, неспокойнымъ взглядомъ всматривался въ толпу, словно кого-то искалъ.

«Жену ищетъ!»--подумалъ Невзгодинъ и незамътно взгля-

нуль на Маргариту Васильевну.

Прежняго оживленія уже не было въ ея побліднівшемъ, казалось, лиці. Серьезная и почти суровая, она тоже смотріна на красавца-мужа, и въ ея сірыхъ глазахъ блестіль влой огонекъ, и тонкія губы складывались въ презрительную улыбку.

— Что-жъ вы не аплодируете, Маргарита Васильевна?

Косицкій этого стоить. Онъ предестный человікы!

— Всъ они предестные! — съ какимъ-то порывистымъ оздобленіемъ произнесда молодая женщина.

Встрътивъ удивленный и пытливый взглядъ Невзгодина, она внезапно покрасита, точно досадуя на свою несдержанность, и прибавила:

— Я сегодня въ зломъ настроенів.

— Косицкій право порядочный человікь. Я немножко знаю его и помню, какъ джентельментски онъ провадиль меня на экзаменъ, хоть и благоволиль ко мні!

«Пахнеть серьезной драмой и, кажется, последнимь актомъ!»—решиль про себя Невзгодинь и, какъ истинный беллетристь, почувствоваль даже некоторую радость при мысли о возможности близкаго наблюденія этой драмы.

И онъ снова захлопалъ, увидавши, наконецъ, юбиляра.

IX.

Улыбаясь растерянной и словно-бы виноватой улыбкой, маленькій, худенькій старичекь въ мёшковатомъ фракё, съ сёдой бородой клиномъ и съ длиннымъ носомъ, придававшимъ го добродушному лицу нёсколько птичій видъ, кланялся направо и налёво, двигаясь мелкими шажками среди рукоплескавшей толпы, и поминутно останавливался, чтобы пожать руки встрёчающимся знакомымъ и благодарить за поздравленія, добавляя слова благодарности взглядомъ, который будто говорилъ, что онъ, Андрей Михайловичъ Косицкій, не виновать во всемъ томъ, что происходить и просить снисхожденія.

Не ожидавшій такого многолюдства и сконфуженный аплодисментами и тёмъ, что служить предметомъ общаго внаманія, онъ, видимо, находился въ затрудненія: въ какую сторону залы ему направиться, остановиться-ли, или идти и что вообще предпринять. Въ этоть затруднительный моменть онъ невольно вспомниль совёть своей супруги, преподанный еще сегодня утромъ: «не быть хоть на юбилей разсёянной фефелой и держать себя съ достоинствомъ!»

«Ей хорошо давать указанія, а попробовала-бы она быть въ моемъ положенім!»—невольно подумаль смущенный и взволнованный юбиляръ, снова кланяясь на аплодисменты и обрадованно останавливаясь около знакомаго, точно ища у него помощи.

Но Иванъ Петровичъ Звенигородцевъ не даромъ быль превосходнымъ распорядителемъ на всявихъ торжествахъ и не напрасно-же его въ шутку звали «оберъ-церемонійместеромъ».

Какъ только смолели привътственныя рукоплесканія, его кругленькая, толстенькая фигурка вынырнула изъ толпы, и онъ, сіяющій и торжественный, словно-бы самъ быль юбиларомъ, очутился около Косицкаго и фамильярно; въ качествъ друга, подхвативъ его подъ руку, повелъ юбиляра, какъ послушнаго бычка на веревочкъ, въ сосъднюю комнату, къ громадному столу, сплошь уставленному всевовможными закусками.

— Ты, Андрей Михайлычь, кажется, померанцевую?

Это была первая обыденная фраза, которую сегодня услыкалъ старикъ. Съ утра къ нему на квартиру являлись разныя депутаціи, говорили ръчи въ приподнятомътонъ, волновавшія и трогавшія Андрея Михайловича. Онъ порядкомъ-таки усталь и до
сихъ поръ находился въ напряженномъ состояніи. Вопрось о
водкъ словно-бы возвратиль его къ привычной ему дъйствительности, и онъ могъ попросту отвътить съ шутливымъ укоромъ,
аппетитно поглядывая на закуски:

- А еще пріятель! Я, Иванъ Петровичь, очищенную!
- Прости, голубчикъ. Я и забылъ... Это Левъ Александрычъ пьетъ померанцевую!

Ввенигородцевъ налиль двъ рюмки, но прежде чъмъ човнуться, не могь, конечно, не выразить своихъ чувствъ публично. Распоряжаясь юбиляромъ, какъ своей собственностью, онъ привлекъ его къ себъ и такъ кръпко попъловаль трижды въ губы, что шатавшійся передній зубъ юбиляра чуть было не выпаль, и Андрей Михайловичъ благодарно поморщился оть боли.

Чокнувшись затёмъ съ юбиляромъ и проглотивъ рюмку водки, Звенигородцевъ куда-то исчезъ.

Толпа обступила плотной ствной закусочный столь. Закусывали, по московскому обыкновению, долго и основательно. Только бёдняга юбилярь, не смотря на желаніе попробовать вакусокъ основательно, никакъ не могь этого сдёлать, и нёкоторое время стояль съ пустой тарелочкой въ рукв, не имём возможности что-нибудь себё положить. Къ нему, не переставая, подходили добрые знакомые съ поздравленіями и къ нему подводили незнакомыхъ почитателей и почитательницъ его ученой дёятельности, съ которой они, впрочемъ, были незнакомы, считавшихъ долгомъ выразить старику свое уваженіе. Поневолё приходилось отвёчать, благодарить и пожимать руки и терять надежду полакомиться свёжей икрой, до которой Андрей Михайловичь быль большой охотникъ.

Спасибо супруга-она выручила. Эта внущительных размёровь, гренадерскаго роста и рёшительнаго вида дама, лёть за сорокъ, сохранившая следы былой красоты и, судя по костюму и слишкомъ оголенной шев, имъвшая еще претенвію производить впечатленіе, — не оставила и здёсь, на юбилей, мужа безъ своего властнаго надвора, какой неослабно имъла ва нимъ въ теченіе долголітняго супружества. Нісколько удивленная, что съ утра такъ чествують Андрея Михайловича, котораго она высокомърно всю жизнь считала фефелой и съ которымъ дома обращалась, какъ неограниченная монархиня Съ своимъ върноподданнымъ, вполив игноряруя, что онъ читаль полицейское право, -- госпожа профессорна вовнутилась, увидавши, что Андрей Михайловичь «мямлить», какь она выражалась, съ какою-то барышней и при этомъ даже умильно улыбается вивсто того, чтобы всть хорошую закуску сь такимъ-же аппетитомъ и съ такимъ-же достоинствомъ, съ какими это дъласть она. И профессория, ръшительно отстранивъ отъ стола какого-то господина, наложила полную тарелку свъжей нары, достала хлёбъ и подойдя къ мужу, который передъ ней казался карликомъ, нъжно проговорила:

— Воть кушай, а то ты ничего не тыы!

Юбилярь благодарно и въ то-же время ивсколько боязливо взглянуль на жену, принимая тарелку.

— Да ты лучше отойди въ сторону, а то здёсь тёсно! продолжала нёжнымъ тономъ супруга.

Барышня исчезла, и Андрей Михайловичъ покорно отошелъ за женой.

- Воть здісь никто не помінаеть тебі... Присядь къ столу... Ты совсімь сонный какой-то... И всего точно боишься... Совсімь не похожь на юбиляра!—выговаривала она шопотомь.—Чего еще хочешь... Я тебі принесу...
- —Спасибо, Варенька... Мий довольно ивры... А я точно усталь... И наконець разви я могь ожидать... Столько сегодня неожиданной чести.
 - Ну вшь... вщь... И какая неожиданность... Ты развѣ не

стоишь почета... Слава Богу, тридцать лёть профессоромъ... Вшь... вшь... Не говори...

Юлиляръ не заставиль болже себя просить и съ удовольствиемъ уплеталь икру, оберегаемый супругой, которой почти всж знакомые несколько побанвались, какъ очень решительной дамы.

Варъчный еще въ залъ увидъль жену и Невзгодина.

Онъ велъ ее подъ руку и о чемъ-то весело ей разсказываль. Рита улыбалась! Зарёчный видёль потомъ, какъ Невзгодинь услуживаль ей, подавая закуски, и теперь они опять вмёстё стоять въ сторонке и снова оживленно разговаривають, не обращая ни на кого вниманія.

Ревнивыя подозрѣнія съ новою силой охватили молодого профессора. Онъ сдѣлался мраченъ, какъ туча, и украдкой наблюдаль за Ратой и Невзгодинымъ. Откуда такая дружба между ними послѣ того, какъ онъ былъ отвергнуть и уѣхалъ изъ Москвы? О чемъ они говорять? О, какъ хотѣлъ бы Николай Сергѣевичъ узнать, но къ нимъ всетаки не подходилъ, не желая встрѣчаться съ этямъ пустѣйшимъ человѣкомъ, который вдругъ сдѣлался ему ненавистнымъ. Онъ понималъ не избѣжностъ встрѣчи, если не здѣсь, не сегодня, то на дняхъ, дома—этоть «нахалъ» теперь зачастить къ Ритѣ—но, какъ человѣкъ нерѣшительный, хотѣлъ встрѣчу отдалить.

Послѣ юбиляра Николай Сергѣевичъ, повидимому, обращалъ на себя наибольшее вниманіе публики, и въ особенности дамъ. Къ нему то и дѣло подходили, съ нимъ заговаривали, ему восторженио улыбались, на него указывали, называя фамилію и прибавляя: «извѣстный профессоръ». Одна дама назвала его «неотразимымъ красавцемъ» такъ громко, что Зарѣчный слышалъ, и умоляла повнакомить ее съ нимъ.

Но сегодня Николай Сергвевить быль равнодушиве къ проявленіямъ восторговь поклоненія и, обыкновенно мягкій и ласковый въ обращеніи съ людьми, быль сдержань, неразговорчивь и меланхоличень.

Онъ выпиль уже четыре рюмки водки, желая разогнать ревнивыя думы, и скупо подаваль решлики какой-то поклонний, пережевывая кусокъ балыка. Глаза его невольно смотръли въ ту сторону, гдъ были Рита и Невзгодинъ.

«И какимъ сталъ франтомъ этотъ прежній замухрыта! Видно, болье не отрицаеть приличныхъ костюмовъ»! со злостью думалъ Заръчный.

Въ эту минуту откуда-то выскочиль Ввенигородцевъ и обхватывая талко Николая Сергвевича, весело воскликнуль

— А въдь мы съ тобой, Николай Сергъевичъ, не пили. Выпьемъ? Звенигородневь со всёми болёе или менёе извёстными людьми быль на «ты».

— Пожалуй...

Они подощли въ столу, чокнулись и выпили.

Пока они закусывали, Звенигородцевъ успълъ уже сообщить, торопливо кидая слова своимъ нъжнымъ и пъвучимъ голоскомъ, о томъ, что Невзгодинъ—вотъ она современная молодежь!—оказался просто-таки трусомъ. Иначе, чъмъ же объяснить его отказъ сказать ръчь Косицкому?

- Прежде, не бойсь, радикальничаль. Помнишь? Всё у него оказывались лицемёрными болтунами, показывающими кукиши въ карманё, а теперь и кукишь боится показать! Видно, какъ женился, такъ и того... Радикализмъ въ отставку!— товориль Звенигородцевь почти шепоткомъ и при этомъ такъ добродушно и весело улыбался, точно онъ искренно радовался, что Невзгодинъ оказался трусомъ и вообще негоднымъ челожъкомъ.
 - Развѣ Невзгодинъ женатъ? воскликнулъ Зарѣчный.

Въ голосъ его невольно звучала радостная нотка.

- —. То-то женияся. Только-что самъ мив сообщиль. Да онъ развъ у тебя не быль?
 - Быль, но не засталь дома.
- Говорять, и химію въ Парижѣ изучаль. Что-то сомнительно. И повёсть написаль... мнѣ сейчась говориль Тумановъ... И принята. Ну, да мало-ли дряни имиче принямають! Признаться, я не думаю, чтобы Невзгодинъ могь написать что нибудь порядочное... Какъ по твоему?
 - И инъ кажется... Поверхностный человъкъ...
- Брандахлысть, хоть и не лишень иногда остроумія. Да ты развів не видаль его?
 - Нъть, не видаль!-солгаль Заръчный.
 - Онъ только что здёсь быль съ Маргаритой Васильевной.
 - А жена его съ нимъ?
- Жена? Жены не видаль. Вёрно, и она здёсь!—рёшиль Ввенигородцевь, отдававшійся иногда порывамь вдохновенія...
- Однако пора юбиляра и къ столу вести. А каковъ юбилейчикъ-то? Дейсти сорокъ человикъ обидающихъ... Ты будешь говорить пятымъ... не забудь!

Съ этими словами Иванъ Петровичъ исчеть, отыскивая глазами юбиляра.

Несколько обрадованный вестью о женитьсё Невзгодина, Зарёчный направился къ жене. Онъ засталь ее одну. Невзгодинь въ эту минуту разговариваль около съ извёстнымъ профессоромъ химикомъ.

— Я и не видался съ тобой сегодня. Здравствуй, Рита!—

сь нёжностью шепнуль Зарёчный, протягивая женё руку в словно бы внезапно притахшій при видъ Раты.

— Здравствуй! — безучастно проиолвила она,

Онъ пожаль маленькую руку и сказаль:

— Я тебъ заняль мъсто за среднимь столомъ... недалеко оть юбиляра... Около тебя будеть сидёть профессоръ Марголенъ... Ты, кажется, его перевариваешь?-прибавиль онъ съ грустной улыбкой.
— У меня уже есть ийсто.

- Съ къмъ же ты сидишь? Одна?
- Нътъ. Я буду сидъть рядомъ съ Невзгодинымъ. Онъ на дияхъ вернулся изъ за границы, вчера быль у меня, и я ему объщала.

Это подробное объясненіе, которое почему-то сочла нужнымъ дать Маргарита Васильевна, вызвало въ ней досаду, в она покрасивла.

- Въ такомъ случав, виновать. Съ Невагодинымъ, конечно. лебъ будеть веселъе! — произнесь Заръчный взволнованнымъ голосомъ.
 - Разумъется, веселье, чъмъ съ твоими профессорами.
- А ты, Рита, все еще въ чемъ-то обвиняемь профессоровь и главнымъ образомъ меня? - чуть слышно спросиль онъ. Рита молчала.
- О, какъ ты жестока Рита, —съ мольбою шепнулъ Зарвчный... Обвинять другихъ легко.
- Я и себя не оправдываю! отвётила такъ же тихо Рита и громко прибавила: — А ты Василья Васильевича не **узна**ешь?

. Услыхавь свое имя, Невагодинь подошель.

Бывшіе соперники встратились сдержанно. Они раскланялись сь преувеличенной въжливостью, молча пожали другь другу руки и изсколько секундъ глядали одинъ на другого. не находя, казалось, о чемъ говорить.

Молодая женщина наблюдала обоихъ.

Она видъла въ лицъ мужа скрытую непріязнь и поняла, что источникь ея-ревность. Въ Невзгодинъ, напротивъ, она не замётила ни мальйшаго недоброжелательства въ мужу. Одно только равнодушіе. И это кольнуло ея женское самолюбіе. Она вспомнила, какъ страстно относился прежде Невагодинъ къ своему счастливому сопернику.

Навонецъ, Зарвчный сказалъ:

- Вась, я слышаль, можно поздравить, Василій Васильнев.
- Съ чѣмъ?
- Вы женились.
- Какъ-же. Свершиль сей подвигь!--- шутливо промолвиль Невагодинъ.

Тонъ этотъ не понравился Зарвчному.

- И, говорять, избрали карьеру писателя?
- По крайней мъръ, хочу попробовать.

— И будете жить въ Москвъ?

— A тебъ върно этого не хочется. Уже возревновалъ! подумалъ Невзгодинъ и отвътилъ:

— Не ръшиль еще...

— Надёюсь, мы будемъ имёть честь вась видёть у нась... Вы гдё остановились?

Невагодинъ сказалъ.

— На дняхъ я буду у вась, Василій Васильичь.

Съ этими словами Заръчный поклонился и отошель, далеко не успокоенный въ своихъ ревнивыхъ чувствахъ. Такіе господа, какъ Невзгодинъ, легко смотрять на бракъ. Недаромъ же онъ выразился о своей женитьбъ въ шуточномъ тонъ. И отчего жена его не съ нимъ?

Тёмъ временемъ Звенигородцевъ отыскалъ юбиляра на угловомъ диванъ и проговорилъ:

— Ну брать, Андрей Михайлычь, пойдемь на закланіе:

— Пойдемъ!—покорно отвётиль юбилярь, поднимаясь. Звенигородцевъ на минутку остановиль его и спрашиваль:

— Кого посадить около тебя? Молоденьких дамъ желаешь?...

- Зачёмъ же дамъ, да еще молоденькихъ?—смущение возразилъ старикъ, озираясь: иётъ-ли вблизи жены.
 - Ты находишь это нъсколько легкомысленнымъ для юбилея?

— Пожалуй что такъ...

- И, быть можеть, Варвара Николавна этого не одобрить? лукаво подмигнуль глазомъ Звенигородцевъ и засмвялся. Ну въ такомъ случав ты будешь сидвть между своими сверстниками коллегами... Или хочешь, чтобъ около тебя сидвла супруга твоя Варвара Николавна? спросиль самымъ, повидимому, серьезнымъ тономъ Иванъ Петровичъ, хорошо знавшій, какъ побаивается Косицкій своей жены.
- Какъ знаешь... Я вёдь сегодня собой не распоряжаюсь. . Только удобно-ин на юбилей устроивать семейную обстановку?..

 Конечно, не слъдуетъ... Ел и такъ достаточно. Такъ ты будещь между коллегами. Этакъ выйдетъ солидиъе.. Ну идемъ!

Звенигородцевъ съ торжественностью подвель юбиляра въ столу и указаль ему мъсто на самой серединъ. По бокамъ и напротивъ усълись профессора, въ томъ числъ и Заръчный, и нъсколько болье близкихъ внакомыхъ юбиляра. Супругу его Звенигородпевъ усадилъ не вдалекъ около одного молчаливаго профессора.

Скоро всё разсёлись за столами, и тотчась же замелькали бълыя рубахи половыхъ, которые разносили тарелки съ су-

помъ и блюда съ пирожнами, предлагая «консоме или кремъ п'аспержъ».

Въ залъ наступило затишье.

- Поглядите, Василій Васильичь, ніть-ли здісь Аносовой. Я своими близорукими глазами не увижу!-проговорила Маргарита Васильевна, озирая столы.
- Вы думаете такь легко ее замётить вь этой массё публики?
 - Такую красавицу? Она невольно бросится въ глаза. Ну извольте.

Невзгодинъ обглядъль столы и промодвиль:

- Не вижу великольпной вдовы.
- Значить ея ивть. Странно!
- Отчего странно?

- Объщала быть, а она, какъ кажется, изъ тъхъ ръдкихъ женщинь, которыя держать слово.

Въ эту самую минуту сидевшій за столомъ противъ Невзгодина, скромнаго вида, въ новенькомъ фракъ, молодой рыжеватый блондинь въ очкахъ, все время безпокойно поглядывавшій на двери, не дотрогиваясь до супа, внезапно поднянся со своего мъста, около котораго быль некъть незанятый приборъ, и двинулся къ выходу.

Въ дверяхъ показалась Аносова.

- Воть и она! Смотрите, что за красота! шепнула Маргарита Васильевна.
- Что и говорить: великольпна... И, кажется, напротивь насъ сядеть. А кто этоть блондинь?
 - Это племянникъ и наследникъ Аносовой! сказалъ кто-то.
- Но долго ему дожидаться наслёдства! раздался чей-то голосъ.

Всв глаза устремились на эту высокую, статную, осленительную красавицу въ роскошномъ, но не быющемъ въ глаза черномъ бархатномъ платъв, общитомъ бълыми кружевами у лебединой шен, въ длинныхъ перчаткахъ почти до локтей, съ крупными кабошонами въ ушахъ, которая плывущей неспъшной походкой, слегка смущенная и зардавшаяся, шла въ столу въ сопровождения блондина.

- Воть, тетенька... Другихъ мёсть не могь достать! —проговориль онь съ особенною почтительностью.
- Чёмъ худы мёста... Отличныя! весело промолвила она, опускаясь на стуль.

Звенигородцевъ уже детвль со всёхь ногь къ Аносовой.

— Аглая Петровна!.. Здравствуйте, божественная, и по-жалуйте за столь юбиляра. Для васъ берегь ивсто, чтобы сидэть подлъ... И Андрей Михайловичь будеть очень радъ видъть вась поближе.

— Мив и туть хорошо... Благодарю вась, Ивань Петровичь. Да истати у меня vis-à-vis добрая знакомая! — прибавила Аносова, увидавъ противъ себя Зарвчную.

Щеки ея какь будто зарумянились гуще, и она, ласково улыбаясь своими большими, ясными глазами, приветно, какъ короткой знакомой, нёсколько разъ кивнула Зарвуной и сдержанно, почти строго, чуть-чуть наклонила голову въ отвёть на поклонъ Невзгодина, не глядя на него.

«Ишь... королевой себя въ публикъ держить. Боится «норали»!--усмъхнулся про себя Невзгодинъ, не безъ тайнаго восхищенія посматривая на великольпичю вдову, которую онъ видъль вь первый разь въ парадъ, и вспомниль, какъ просто она себя держала съ нимъ въ Бретани.

— И жарко-же здъсь! -- обратилась она, сничая перчатки, въ Зарваной и, повидимому, не обращая ни малейшаго вииманія на Невзгодина.

Маргарита Васильевна деликатно согласилась, что жарко, хоть и приписала румянець Аносовой другой причинъ.

Спокойнымь жестомь своей былой холеной руки Аглая Петровна отстранила тарелку съ супомъ.

— Я очень рада, что случай свель меня сидеть противъ вась, Магарита Васильевна. По крайней мере, есть съ къмъ перемолвиться словомы!.. - съ заметнымь оживлениемъ продолжала Аносова. — А вы не думайте, что я люблю опавдывать. Я этого не люблю. Но раньше не могла прівхать-было серьезное двло. Впрочемъ, я послава сюда артельщика и просила его дать знать, когда будуть садиться за столь, и, какъ видите, ошиблась на нъсколько минуты!-прибавила она, улыбаясь чарующей улыбкой и открывая рядь чудныхъ зубовъ.

«Всв статьи свои показываеть!» — рашиль Невзгодинь и уже настраиваль себя недоброжелательно противь «великольпной вдовы», которая не удостоивала его ни однимъ словомъ, точно лътомъ и не называла его пріятелемъ и не звала непремънно

побывать у нея въ Москвъ.

— Рыбы прикажете, Маргарита Васильевна?

— Пожалуйста...

Онъ положиль ей на тарелку рыбы и, наливая въ рюмку бълаго вина, прошепталъ:

- Такъ даже очень нравится?

Маргарита Васильевна усивхнулась и, точно поддразнивая,

утвердительно кивнула головой.

- А вы, Василій Васильичь, давно сюда пожаловали? обратилась, наконець, Аглая Петровна въ Невагодину послъ того, какъ покончина съ рыбой и запила ее рюмкой бълаго
 - Третьяго дня, Аглая Цетровна.

Взгляды ихъ встрётились. И въ глазахъ у обоихъ мелькнуло что-то не особенно привётливое.

— Собираетесь и меня удостоить посъщениемъ? — кинула

сь едва замётной усмёшкой Аносова.

— Обявательно собираюсь удостоиться этой чести, Аглая Петровна. Только боюсь...

— Какой пугливый! Чего вы боитесь?

- Помешать вамь. Вы, говорять, всегда заняты.
- Кто это вамъ сказалъ? всныхивая, отвъчала Аносова. Върно сами сочинили ради краснаго словца? Положимъ, занята, но у меня есть время и для знакомыхъ... Отъ трехъ до шести я дома... Маргарита Васильевна подтвердить это.

— Охотно, Аглая Петровна... Но вы мало знаете Василія Васильича?.. Онъ любить иногда поднять на зубовъ... Вдобавовъ и беллетристь. Его повъсть въ январъ будеть напечатана.

— Вы летомъ этого мет не говорили, Василій Васильнчъ?—

промодвила Аглая Петровна.

— Да развѣ нужно трубить о своихъ грѣхахъ?..

— Значить, и насъ гръшныхъ когда нибудь опишете?

— Васъ съ особеннымъ удовольствіемъ, Аглая Петровна, возвель бы въ перяъ созданія.

— Только ему не достаеть изученія. Онь вась недоста-

точно знаеть, -- вставила Маргарита Васильевна.

— Недоволенъ онъ мною... Я это знаю!— васмѣялась Аглая Петровна.—А узнать меня — не мудрое дѣло... Съ Богомъ, описывайте, Василій Васильичъ. Обижаться не буду, если вы даже и сгустите краски!..

— Вы-то не будете сердиться?... Еще какъ! — насмъщинво

проговориль Невзгодинь.

Но Аглая Петровна уже не слушала и о чемъ-то загово-

- Ваше здоровье, Маргарита Васильевна! сказалъ Невзгодинъ, чокаясь со своей сосъдкой. — Желаю вамъ..:
 - Чего вы мий пожелаете?
 - Говорить? шепнулъ Невагодинъ...

— Говорить...

- Какъ добрый пріятель?..
- Да что вы съ предисловіями... Я не боюсь правды...
- Ну такъ искренно желаю вамъ... полюбить кого-нибудь и...
 - И что?
 - А дальше все приложится.
 - Вы думаете?
- Думаю, если только васъ не захватить какая-нибудь широкая дёятельность. Да и гдё она? И то... одна дёятельность васъ, женщинъ, не удовлетворить... А вы вёдь все

искали людей, да разсуждали, а никого по настоящему не любили... Не правда-ли?

- Правда. И за то расплачиваюсь!—чуть слышно проронила молодая женщина.
 - Вольно-же!

Маргарита Васильевна нетеривливо пожала плечами и примолкла, отставивъ рюмку.

— Вы не сердитесь, что я... завель такой разговорь.

Больше не буду! -- виновато промодвиль Невзгодинь.

- За что сердиться? Я сама завела-бы его. Вы не слепы и видите, что я не любила и не люблю мужа и вдобавокъ...
 - Развѣнчали его?

Маргарита Васильевна молча кивнула головой.

- И всетаки жили и живете съ нимъ! съ какою-то безжалостностью художника и съ искреннимъ негодованіемъ правдивой натуры продолжалъ Невзгодинъ, понижая голосъ.
 - За преступленіемъ слідуеть наказаніе!
- Но не такое варварское и извините постыдное... Мужчинъ вы обвиняете въ компромиссахъ, а сами...
- Довольно... Мы объ этомъ поговоримъ... Здёсь не мъсто...
 - Никто не слышить... Здёсь шумъ...
 - Во всякомъ случав, спасибо вамъ за пожеланіе...

Маргарита Васильевна отпила изъ рюмки. Выпиль полную рюмку и Невагодинъ.

- Постараюсь последовать вашему совету и полюбить какого-нибудь интереснаго человека... Только воть вопросъ: где его искать?—съ нервнымъ, злымъ смехомъ сказала Маргарита Васильевна.
 - И, помодчавъ, прибавила:
- А у васъ все та же страсть затронуть самое больное місто человівка... посыпать соли на свіжую рану, чтобы человівка не предавался самообману на счеть своих і добродітелей... Но я за это не сержусь... Напротивъ, очень благодарна... Ваше здоровье, Василій Васильнуь, и литературнаго успіха.

Съ этими словами Маргарита Васильевна допила свою

рюмку и спросила:

- Когда-же вы прочтете инв свою повъсть?
- Какъ-нибудь на-дняхъ.

Нѣсколько разъ Аглая Петровна взглядывала на Маргариту Васильевну и Невзгодина, прислушиваясь къ ихъ разговору, и сама разговаривая въ то же время съ племянникомъ, казалось, съ интересомъ и совершенно спокойная. По крайней мѣрѣ, ея лицо словно бы застыло въ своемъ безстрастномъ великолѣпіи и глаза свѣтились яснымъ, холоднымъ блескомъ. И только густыя брови чуть-чуть сдвинулись, да пальцы нервно сживали хлібный катышевь, обнаруживая тайное волненіе Аносовой.

Нъкоторыя слова, долетавшія, среди общаго говора, до ев тонкаго слуха, изощреннаго въ дътствъ и потомъ во время несчастнаго ранняго супружества, бывшаго деломъ коммерческой сделки родителей, и возбужденныя лица Заречной и Невагодина -- особенно первой -- не оставляли въ Аносовой почти нивакого сомнанія въ томъ, что между ними произошло объясненіе самаго интимнаго характера. (Точно они не нашли для этого болье удобнаго мъста! -- мысленно подчеркнула Аглая Петровна, бросая выглядь въ ту сторону, гдв сидель Заречный, и замічая, что и онь, мрачный и взволнованный, не спускаеть глазь съ жены).

И Аносова втайнъ сердилась, испытывая обидную досаду дъловой женщины, увъренной въ своемъ умъ и въ знаніи людей, которую обощия другая - эта, казалось, вполнъ искренняя, маленькая, худенькая блондиночка, заставившая повървть осторожную и мало доверчивую къ людямъ Аглаю Петровну ея словамъ, что она только дружна съ Невагодинымъ и любитъ его, какъ добраго стараго пріятеля.

«Туть не одной дружбой пахнеть!» — ръшила «веливольиная вдова», чувствуя, что въ сердце ся растеть жепріязнен-

ное чувство къ Маргарить Васильевив.

«Ужели это ревность, и Невзгодинь ей, въ самомъ дълъ, нравится?» — подумала Аносова и даже преврительно повела плечомъ, словно-бы сама удивленная этому странному капризу.

Что особеннаго въ этомъ Невзгодинъ? - задала она себъ

вопросъ.

Правда, онъ уменъ, но умъ у него какой-то насмъшливый, и взгляды совсвиъ дикіе, какъ у голыша, которому лично ничего не стоитъ держаться крайнихъ мивній... Онъ, правда, естественъ и простъ, но вообще «непутевой» человъкъ. А собою такъ ужъ совсемъ не виденъ... Такъ себе... подвиж-

ная, нервная мордочка...

і, нервная мордочка... . Но, не смотря на эту оцънку, что-то говорило въ ея душъ, что ее интересуеть, и больше чемь кто либо другой, изъ ея многочисленных поклонниковь, этоть непутевой человыкь», съ его «мордочкой», едва-им не единственный, который равнодушно относится и въ ея врасотв, и въ ея уму, и въ ея милліонамъ и который съ разкой откровенностью говориль ей въ глава то, чего никто не осмъливался, и, повидимому, нисколько не боялся разорвать съ ней знакомство, завязавшееся совершенно неожиданно въ Бретани. И она должна была признаться себъ, что и тогда, когда они часто видались, встръчаясь на «пляжь», Аглая Петровна была нъсколько изумлена тому интересу, который впервые возбудиль въ ней Невзгодинъ не только, какъ

дюбопытный, не шаблонный человёкъ, но и какъ интересный мужчина. Не даромъ же она въ Бретани съ нимъ даже слегва кокетничала, стараясь понравиться ему и умомъ, и чарами своей красоты, и видимо искала его общества. Она, всегда точная, отложила даже на недёлю свой отъёздъ съ морского берега, на что-то надёясь, чего-то ожидая и, къ изумленію своему, не дождалась им малёйшаго намека со стороны Невзгодина на силу ея очарованія. Не даромъ-же она, какъ какаянибудь глупая дёвчонка, посылала справляться объ его адресё, досадуя, что онъ не явился къ ней тотчасъ-же по пріёздё, какъ обёщаль, и такъ обрадовалась неожиданной встрёчё, хотя и не показала вида.

Неужели Невзгодинъ можетъ нарушить ея горделивый покой, который досель не нарушаль ни одинъ изъ мужчинъ?

«Вздоръ!» рёшительно протестовала она противъ этого. И Аглая Петровна подняла на Невегодина строгій, почти

и Агляя, петровна подняла на певагодина строги, почти непріязненный взглядъ, словно бы возмущенная, что этотъ легкомысленный, ненадежный человікъ могъ занимать ся мысли.

А онъ перехватиль этотъ взглядъ и хоть бы что!

«Пусть себё увцекается чужою женой... Чорть съ нимъ!» рёшила Аглая Петровна и обратилась съ какимъ-то вопросомъ къ Туманову, молодому, молчаливо наблюдавшему беллетристу.

Половые, между твиъ, разносили третье блюдо.

- Что-жъ это значить? Еще ръчей не говорять! воскливнуль удивленно Невзгодинъ.
- Успокойтесь... будуть!—промольила Маргарита Васильевна.
- Прежде на объдахъ ръчи обыкновенно начинались послъ супа, а то послъ рыбы... Въроятно, намъ хотять дать поъсть, чтобы мы могли слушать ораторовъ не на голодный желудокъ... Это не глупое новшество.

Онъ принялся за вду и прислушивался, какъ его сосъдка слъва, молодая женщина, довольно миловидная, не умолкая, громко и авторитетно говорила сидъвшему рядомъ съ ней господину о задачахъ настоящей благотворительности. Она изучала ее въ Европъ. Она посъщала тамъ разныя благотворительныя учрежденія. Необходимо и въ Москвъ совершенно реформировать это дъло... Но ее не слушаютъ... Она одна... Никто не хочетъ понять, что это дъло очень серьезное и требуетъ самаго внимательнаго отношенія... Надо строго различать виды бъдности...

«О несчастный! — пожалёль Невзгодинь господина, которому читали лекцію о благотворительности и, обращаясь къ Маргарить Васильевнь, тихо зам'ятиль:

— Счастливы вы, что не слышите моей сосёдки. Она пронагандируеть благотворительность во всёхъ ся видахъ... Это въ Москав, кажется, нынче въ модё? Благотворительность является чуть-ян не спортомъ.

— А вы уже успын заивтить?

- Еще бы! Кого только нев дамъ я не видаль въ эти дин, все благотворительницы. Что это: вліяніе скуки или мода нев Петербурга?
- И то, и другое. Впрочень, у изкоторыхь есть и искреинее желаніе что-небудь ділать, помочь кому-нибудь. Вы знаете, и я работаю въ попечительстві... И не оть скуки только! прибавила Маргарита Васильевна.

— И довольны этой двятельностью?—удивленно спросиль

Невзгодинъ.

— Все что-нибудь, если нъть другого.

- А вы и благотворительности не одобряете? - неожиданно

кинула Аглая Петровна, обращаясь въ Невагодину.

— Почему же непременно: «и». И почему вамъ кажется, что я ее не одобряю, Аглая Петровна?—съ насмешливой умыб-кой небрежно спросилъ Невагодинъ.

Этоть тонъ и эта улыбка вворвали Аносову. Но она умъла хорошо владъть собою и, скрывая раздраженіе, промоленла:

- Да потому, что вы ко всему относитесь пессимистически... Это, впрочемъ, придаеть извъстную оригинальность! — иронически прибавила она.
- Й не заслуживаеть вашего милостивато благоволенія? Но положите гитов на милость и не съките неповинную голову, Аглая Петровна. Если васъ такъ интересуеть знать, какъ я смотрю на благотворительность, то я почтительнайше доложу вамъ, что я ровно ничего не имъю противъ благотворительныхъ экспериментовъ. Я только позволяю себъ иногда недоумъвать...
 - Чему?—съ замътнымъ нетеривніемъ перебила Аносова.
- Тому, что иногда и неглупые люди хотять себя обманывать, воображая, что въ этихъ двлахъ панацея отъ всёхъ солъ, и возводять въ перяъ созданія выбденное яйцо; увъренные, что они... истинные евангельскіе мытари, а не самые обыкновенные фарисеи.

— А вы развъ знаете, что они считають себя мытарями?

Или вы имъете даръ угадывать чужія мысли?

- То-то внаю, Аглая Петровна... встрвчаль такихъ и среди мужчинъ, и среди женщинъ... И, кромв того, имвю претензю угадывать иногда и чужія мысли! смвась, прибавиль Невзгодинъ.
 - Можно и опибиться!
- И весьма. Не отвбаются только люди, слишкомъ влюбленные въ свои добродътели. А я въдь — гръшникъ и непогръшимымъ себя не считаю! — улыбнулся Невзгодинъ. Когда-нибудь,

если позволите, мы возобновимъ эту тему, а теперь невозможно. Звенигородцевъ поднялся и призываеть насъ къ вниманію... Сейчасъ, върно, онъ начнеть говорить.

Раздался звонъ стакана, по которому стучали ножомъ. Разговоры сразу замолкли. Прекратила свою лекцію и сосъдка Невзгодина, бросая на него негодующіе взгляды за его сравненіе благотворительной дъятельности съ выбденнымъ яйцомъ. Половые убирали тарелки, стараясь не шумътъ. Стали разливать по бокаламъ шампанское. Въ залъ воцарилась тишина. Юбиляръ торопливо вытеръ бороду, закапанную соусомъ, и, нъсколько размякшій послъ утреннихъ поздравленій и послъ двухъ стакановъ бълаго вина, въ ожиданіи ръчей, уже чувствоваль себя вполнъ готовымъ къ умиленію, все еще недоумъвая, за что его такъ чествують?

«Это все Иванъ Петровичъ устроиль!»—подумалъ скроиный старикъ и, благодарно взглянувъ на Звенигородцева, потупилъ очи въ пустую тарелку.

X.

Возвысивъ свой тенорокъ, Звенигородцевъ просиль милостивыхъ государынь и государей прослушать некоторыя изъ приветственныхъ телеграммъ и писемъ, полученныхъ глубовочимымъ юбиляромъ изъ разныхъ концовъ Россіи и изъ за-границы.

— Ихъ такъ много, что всё читать займеть много времени. Ихъ перечтеть потомъ самъ Андрей Михайловичь и убёдится, что не одна Москва цёнить и глубоко уважаеть его научную и общественную дёлтельность, а вся Россія. Онъ узнаеть, что и за границей у него есть горячіе почитатели... Я позволю себѣ прочитать только нёкоторыя.

И когда смолким рукопиесканія, Звенигородцевъ сталъ читать телеграммы отъ университетовъ, отъ редакцій журналовъ и газеть, отъ разныхъ обществъ и отъ болбе или менбе извъстныхъ лицъ.

Нъкоторыя изъ привътствій сопровождались рукоплесканіями. Телеграмма Найденова встрічена была гробовымъ молчаніемъ.

Перечисливъ затъмъ фамиліи лиць, совсѣмъ неизвъстныхъ, приславшихъ поздравленія юбиляру, Звенигородцевъ торжественно поднесъ весь этотъ ворохъ бумаги юбиляру, положилъ передъ нимъ на столъ и затъмъ удалился на свое мъсто, шепнувъ Цвътницкому, чтобы тотъ начиналъ.

Тогда поднялся сосёдъ юбиляра за обёдомъ, старый профессоръ Цвётницкій. Тотчась же всталь и юбилярь, и, такъ

какъ они очутились близко другъ къ другу, то Цвётницкій, плотный, коренастый старикъ, отступиль нёсколько шаговъ назадъ.

— Бъдняга Косицкій! Неужели онъ будеть выслушивать всь рычи стоя! — замытиль Невзгодинь.

- А то какъ-же, не сидеть-же ему, когда къ нему обращаются!-ответила Маргарита Васильевна.

Ораторъ, между темъ, отнашлялся и началъ слегка вздраги-

вающимъ, громкимъ, низковатымъ голосомъ:

— Глубокоуважаемый и дорогой мой другь и товарищъ, Андрей Михайловичь! Мнв выпала честь первому приветствовать тебя, и гордый этой честью я темь не менее чувствую, что едва ли смогу выразить съ достаточною силою тъ чувства глубокаго уваженія и, можно сказать, даже благогованія, которыя невольно внушаешь ты, высокочтимый Андрей Михайловичь, и своими учеными заслугами, и безупречною своею деятельностью, какъ профессоръ и, наконецъ, какъ безупречный, добрый человёкь и рёдкій товарищь. Обозрёвая пройденный тобою путь, путь труда и чести, глазамъ моимъ представляется...

И почтенный ораторъ, продолжая въ томъ же нёсколько приподнятомъ тонъ, повнакомилъ слушателей съ пройденнымъ юбиляромъ путемъ, начиная со студенческаго возраста до настоящаго дня, и такъ какъ путь быль дологь, то и ръчь профессора была несколько длинновата и при этомъ изобиловала такимъ количествомъ прилагательныхъ въ превосходнейшихъ степеняхь, что самь юбилярь, хотя и умиленный, тёмь не менве испытываль не малое смущеніе, когда его называли однимь изъ европейскихъ ученыхъ, рёдкимъ знатокомъ науки и смё-лымъ борцомъ за правду... И самъ этотъ Левъ Александровичъ Цватнецкій, съ которымъ онъ еженедально винтиль по маленькой и посив за ужиномъ выпиваль бутылочку дешевенькаго бъленькаго вина, никогда не заикаясь о наукъ, отъ которой они оба, признаться-таки, давненько отстали, -- казался ему другимъ Львомъ Александровичемъ, не настоящимъ, довольнотаки прижимистымъ и практическимъ человекомъ, съумевшимъ получить казенную квартиру раньше, чемъ онъ, — а какимъ-то возвышеннымъ и торжественнымъ и необыкновенно добрымъ.

И когда онъ, наконецъ, кончилъ, пожелавъ юбиляру на долго оставаться еще «гордостью московскаго университета и однимъ изъ лучшихъ людей Москвы», то Андрей Михайловичъ почувствоваль некоторое облегчение и, растроганный, поцеловавшись съ ораторомъ, проговорилъ:

— Ну ужъ ты того, Левъ Александрычъ... Хватилъ, братъ...

— Ты, заслужиль, Андрей Михайловичь. Заслужиль, брать. Я хоть и плохой ораторь, но за то оть души! -- отвёчаль Цвет-HBUKİÄ.

Подъ впечативнемъ-ли собственной рвчи и вообще торжественности обстановки или, быть можеть, и нъсколькихъ рюмокъ водки за закуской и хереса послъ супа, но дъло только въ томъ, что положительный и вообще мало чувствительный профессоръ (что особенно хорошо знали студенты во время экзаменовъ) внезапно почувствоваль себя нъсколько растроганнымъ и ощутилъ приянвъ нъжности къ «другу»; котораго въ обыкновенное время частенько-таки поносиль за глаза.

И, смахивая толстымъ пальцемъ съ глазъ слезу, прибавиль:

— Ты, Андрей Михайлычъ, скроменъ, а ты, собственно говоря, замёчательный человёкъ!

Публика, между темъ, въ знакъ благодарности за окончаніе длинной и скучноватой речи, наградила оратора умеренными аплодисментами.

- Ну, что, понравилась рѣчь? Будете еще слушать? иронически спрашивала Невзгодина Маргарита Васильевна.
- Плоха. Ораторъ пересолиль даже и для москвича. Косицкій нав'врное сконфувился, узнавши, что онъ европейскій ученый. Б'єдный! Ему опять не дають покоя! зам'єтиль Невзгодинъ.

Дъйствительно, къ юбиляру подходили со всъхъ сторонъ, чтобы чокнуться. И онъ благодарилъ, пожимая руки и цълуясь съ коллегами и болъе близкими знакомыми. Ему то и дъло подливали въ бокалъ шампанскаго.

- Сколько приметь онъ сегодня попѣлуевъ! замѣтила, усмѣхнувшись, Маргарита Васильевна.
 - Цъловаться московскій обычай.
- И ругать тѣхъ, кого только-что цѣловали, тоже московскій обычай. Профессора его свято держатся.
- Ужъ вы слишкомъ на нихъ нападаете, Маргарита Васильевна... Косицкаго къ тому-же всё любять...
 - Я выдь внаю эту среду. Насмотрывась.
 - И что-же?..
- Лицемеры и сплетники не хуже другихъ... Косицкаго любять, а послушали бы, что про него говорять его же друзья...
- Смотрите, Маргарита Васильевна! «Матримоніальное право» направляется къ своему верноподданному.
 - Кого это вы такъ вовете?
- Такъ въ мое время студенты звали жену Андрея Михайлыча. Вы съ ней знакомы?
 - **Нътъ**.
- Ну и бабецъ... я вамъ скажу!.. Она хочеть, кажется, дать представленіе: публично расцёловать Андрея Михайлыча... Она вёдь дама отважная, я ее знаваль!

Но этого не случилось.

Правда, монументальная, вся сіяющая и торжественная

профессорша съ самымъ рѣшительнымъ видомъ подошла къ юбиляру, но, повидимому, не имѣла намѣренія засвидѣтельствовать публичнымъ поцѣлуемъ свою преданность и любовь.

Она невольно взглянула сверху внизъ съ нъкоторымъ, не лишеннымъ восторженности, изумленіемъ на своего крошечнаго передъ нею Андрея Михайловича, котораго считала не только не орломъ, а скоръе вороной, и который вдругь оказался, по словамъ Цвътницкаго, такимъ знаменитымъ человъкомъ,—и съ чувствомъ проговорила:

— Твое здоровье, Андрей Михайлычъ! Какъ я счастлива за тебя!

Она отхлебнула изъ бокала и, словно боясь, какъ бы «знаменитый человъкъ» не возгордился послъ юбилея и не вышелъ изъ ея повиновенія, внушительно прибавила, понижая до шопота свой густой низкій голось:

- Бороду оботри... На ней крошки... Да не . пей много... Раскиснешь!
- Оботру, Варенька... Я не много, Варенька... И я чувствую себя отлично, Варенька!—покорно отвътиль Андрей Михайловичь и тотчасъ же сталь перебирать бороду своими маленькими костлявыми пальцами.

Убъдавшись, что слава не испортила юбиляра, она улыбнулась ему такой пріятной улыбкой, какую онъ видълъ изръдка и всегда только при публикъ, и вернулась на свое мъсто.

Присвять, наконець, и юбилярь. Но, увы, сидъть ему при-

Вследъ за Цветницкимъ говорили речи еще два профессора и—надо отдать справедливость—не особенно влоупотребили вниманіемъ юбиляра и многочисленныхъ слушателей. Вероятно, въ качестве профессоровъ другихъ факультетовъ (одинъбылъ математикъ, другой — химикъ) они упомянули о научныхъ заслугахъ Андрея Михайловича въ общихъ чертахъ, не переходя пределовъ юбилейнаго славословія, и не приводили въ смущеніе юбиляра гиперболическими сравненіями.

Стремительно поднявшійся со стула послів нихъ Иванъ Петровичь Звеннгородцевь началь съ того, что скромно, потупивъ свои глазки въ таренку, просиль у юбиляра позволенія сказать «всего нісколько словь», а говориль, однако, по крайней мірів, съ четверть часа, заставивъ половыхъ, только что вошедшихъ съ блюдами жаркого, замереть въ неподвижнихъ позахъ и слушать вмістіє съ публикой, съ какою необыкновенною легкостью выбрасываль онъ періоды за періодами, одинъ другого глаже, закругленніе и красивіе, съ тою ніжтною, почти вкрадчивою интонаціей своего мягкаго тенорка, которая пріятно ласкала слухъ, придавая річи тонь задушевности. При этомъ ни одной затруднительной паузы, ни малій-

шей запинки, словно бы въ горяй Звенигородцева помещался исправный органчикъ, исполнявшей только что заведенное по-

пури.

Его речь именно представляла собою легонькое попуры, которое и юбилярь, и присутствующая публика слушали сь удовольствіемъ, хотя и затруднились бы передать содержаніе этой музыки пріятныхъ, красивыхъ и подчасъ хлесткихъ фразъ, касавшихся слегка всевозможныхъ темъ. Восхваляя юбиляра, какъ одного изъ стойкихъ и энергичныхъ хранителей завътовъ и носителей идеаловъ, не погасившаго въ себъ духа, ораторъ затемъ говориль обо всемъ понемногу: о заветахъ Грановскаго, объ идеалахъ лучшихъ людей, о наукъ, о правдъ въ жизни и жизни въ правдъ, объ обществахъ грамотности, юридическомъ и психологическомъ, въ которыхъ юбиляръ рабо. таеть, не покладая рукь, объ интеллигенціи и народь, о литературъ, искусствъ и поэвін и о любви москвичей къ своимъ избраннымъ людямъ, какъ глубокочтимый юбиляръ. Сравнивъ ватемъ его дентельность съ яркимъ огонькомъ манка, который, во мракв ночи, служить предостерегательной звездочкой для пловновъ, ораторъ весьма ловко перешелъ къ пожеланію, чтобы у насъ было бы побольше такихъ огоньковъ, ярко свётящихся среди мрака нашей жизни, и эффектно закончиль следующей тиралой:

— И тогда, господа, будеть кругомъ свътлъе, и тогда скоръе наступить царство знанія и красоты, добра и правды... Такъ поднимемъ же наши бокалы за одного изъ лучшихъ и достойнъйшихъ представителей этихъ въчныхъ началъ, безъ которыхъ такъ несовершенна, такъ безплодна жизнь, за дорогого нашего Андрея Михайловича!

И съ этими словами Иванъ Петровичъ, съ поднятымъ бокаломъ въ рукъ, побъжалъ цъловать юбиляра, и въ ту же минуту половые стали разносить жаркое.

Любимому оратору, часто доставлявшему удовольствіе своими рѣчами, благодарные москвичи дружно поанплодировали. Многіе подходили пожать ему руку за прочувствованную рѣчь, а одинъ изъ его пріятелей назваль его Гамбеттой.

Сосъдка Невзгодина пришла просто въ восторгь и громко удивлялась способности Ивана Петровича говорить такъ просто,

вадушевно и красноръчиво.

- Иванъ Петровичъ мастеръ! Онъ когда угодно скажетъ ръчь!—замътилъ кто-то блатотворительной дамъ, тоже не лишенной способности говорить безъ удержа о благотворительности.
- Разбудите Ивана Петровича ночью и попросите ръчь онъ мигомъ ее произнесетъ! подтвердилъ какой-то господинъ. Наступила маленькая передышка. Всъ занялись жаркимъ.

Почтенный кобиларъ, пользуясь перерывомъ, пришелъ нъсколько въ себя и торопливо жевалъ остатками своихъ зубовъ фабчика.

— А вёдь хорошо, Андрей Михайличь! — шепнуль его другь Цвётныцкій, только что покончившій изрядный кусокь индейки и запившій ее шампанскимь. — Отлично, брать! — прибавиль онь, дружески потрепавь Андрея Михайловича по колінню своєю широкою волосатою рукой.

Юбиляръ растроганно улыбнулся и положиль себъ салату.

- И, главное, знаешь-ли что?
- Что, голубчикъ?
- А то, что на твоемъ юбилев нвтъ никакой натянутости. Просто и задушевно. И все хорошіе люди собрались... Не бойсь, Неждановъ не осмёлился... И многіе другіе... Знають, что имъ не мёсто здёсь...
- Да... это ты вёрно: именно задушевно. Ужъ я и не знаю, за что я удостоился такой чести... Просто—не могу понять... И утромъ... эти адреса... Оть товарищей, оть студентовъ... За что?
- Не скромничай, Андрей Михайлычь. Значить, есть за что... Ты во всякомъ случай величина... понимаешь сила, крупная величина! Повёрь мнё... Я кое-что понимаю... Я не дуракъ, надёюсь! вызывающе прибавиль нёсколько заплетающимся языкомъ коренастый профессоръ, основательно знакомившійся, во время рёчей, съ винами разныхъ сортовъ.

— Что ты, что ты, Левъ Александрычъ!.. Ты въдь у насъ...

слава Богу... извъстный умница.

— И живи, мы, напримѣръ, съ тобою во Франціи или въ Англіи, Андрей Михайлычъ, мы бы...

Профессоръ многозначительно улыбнулся...

— Мы бы... давно были министрами, Андрей Михайлычъ... Воть что я тебъ скажу, дорогой мой коллега!—самоувъренно досказаль профессорь и налиль себъ и юбиляру шампанскаго, предлагая выпить.

Въ это время среди шумнаго говора раздалось чье-то гром-

— Николай Сергвичъ кочетъ говорить... Николай Сергвичъ! — Николай Сергвичъ будетъ говорить! — повторило ив-

— Николай Сергвичъ Оудетъ говорить!—повторило н сколько голосовъ и мужскихъ и женскихъ.

— Тсс, тсс!—раздалось со всвхъ сторонъ.

Въ залъ, почти мгновенно, наступила мертвая тишина.

Всё глаза устремились на статную, высокую фигуру Зарёчнаго и обратили вниманіе на то, что Николай Сергеевичь, обыкновенно спокойный передъ своими речами, сегодня, казалось, быль взволнованъ. Лицо его слегка побледнело и было напряженно серьевно. Брови нахмурились, и полноватая рука нервно теребила бороду. Въ блествиших прасивыхъ глазахъ было что-то вызывающее.

Одна только Маргарита Васильевна не глядвла на мужа. Она опустила глаза и уже заранве относилась враждебно къ тому, что будеть говорить мужъ.

Многія дамы бросали завистливые взгляды на счастливицу, у которой мужъ такой замічательный человінь и такой красавець и при томъ влюбленный въ нее, и находили, что она недостаточно цінить такого мужа.

Взглянула на Маргариту Васильевну и Аносова. Взглянула и, точно окончательно разрѣшившая свои сомиѣнія, отвела взглядь и, слегка подавшись впередъ своимъ роскошнымъ бюстомъ, приготовилась слушать, внимательная и серьезная, чувствуя себя вполиѣ одинокой среди этой толпы, гдѣ у нея было такъ много знакомыхъ.

«А Зарвчный сила въ Москвв, и какъ вдвсь его почитаютъ!»—невольно думалъ Невзгодинъ, замвчая общее напряженное внимание и восторженныя лица у многихъ дамъ и ислодыхъ людей.

Прошла небольшая пауза, и Заръчный, бросивъ взглядъ на жену, началъ свою ръчь, обращаясь къ юбиляру, но говоря ее исключительно для Риты.

XI.

Слегка вибрирующимъ отъ волненія, но увёреннымъ и звучнымъ голосомъ, хорошо слышнымъ въ дальнихъ концахъ кала, Зарёчный сказалъ, что не станетъ повторять ни объ ученыхъ заслугахъ юбиляра, ни объ его отзывчивости на все хорошее и честное, ни объ его скромности и добротъ. Объ этомъ говорили другіе, и это всёмъ извёстно.

— Но я считаю долгомъ обратить особенное вниманіе всёхъ здёсь собравшихся почитателей вашихъ, Андрей Михайловичъ, — продолжалъ ораторъ, слегва повышая тонъ и словно бы подчеркивая, — на нёчто другое и, по моему мнёнію, болбе важное съ общественной точки зрёнія, — это на то скромное, некрикливое и въ то же время воистину мужское упорство, съ какимъ вы шли по трудному и нерёдко даже териистому пути профессора, не поступаясь своими завётными убъжденіями и стараясь, по скольку это было возможно, проводить свои принципы и во всякомъ случай трусливо не таили ихъ даже и тогда, когда приложеніе ихъ не всегда могло имёть мёсто. Надо, повторяю, имёть неистощимый запасъ любви къ своему дёлу и много нравственнаго мужества, чтобы въ теченіе тридцати лёть, не смотря на неблагопріятныя подчасъ условія,

являющіяся нерідко непрошенными спутниками діятельности порядочныхъ людей, не покидать, какъ доблестный часовой. свого обязывающаго поста и высово держать светочь знанія. охраняя независимость науки, по крайней мёрв, въ своей аудиторіи. И—что всего удивительніе—долгіе годы трудовогослуженія не изсушили вась, не сделали равнодушнымь къ добру и алу. Вы не растеряли на жизненномъ пути своихъ идсаловъ, не предавали ихъ страха ради іудейска, увеличивая собою ряды маловарова и отступникова, и, случалось, переживали трудныя времена, когда торжествующими идеалами. были не ваши, не падали духомъ отъ того, что такихъ, вакъ вы, мало, а малодушныхъ — большинство. Такимъ образомъ, вы, Андрей Михайловичъ, всей своей дъятельностью даете всёмъ намъ поучительный примъръ настоящаго пониманія общественнаго долга и блестящее рашение этическаго вопроса, являющагося для многихъ мучительнымъ и спорнымъ, а для нъкоторыхъ теоретиковъ и мечтателей, знающихъ жизнь толькопо книгамъ и думающихъ, что она негко укладывается въ безпредъльности героическихъ, но безплодныхъ стремленій, къ сожаленію, и поводомъ въ несправеднивымъ и оскорбительнымъ обвиненіямъ. Вопросъ этоть старъ, какъ міръ: что лучше и плодотворные - дылать-ли возможно хорошее, хотя быть можеть и не въ полномъ его объемъ, являясь скромнымъ работникомъ небольшого, но честнаго дъла, или же, усомнившись въ возможности сделать желательное, бросить любимое дело и горделивоотойти, потвшивъ на время себя призракомъ геройства, въ сущности никому не нужнаго и безплоднаго? Нъсколько поколеній ваших ученивовь, обясанныхь вамь не одними только знаніями, и вашъ сегодняшній праздникъ — краснорічивый отвъть на этотъ вопросъ!

Варывъ буримъъ рукоплесканій не далъ продолжать Зарѣчному. Слова его, видимо, нравились, отвѣчая настроенію и взглядамъ большинства слушателей. Каждый какъ будто внутренно удовлетворядся и придавалъ еще большую значительность и своимъ маленькимъ дѣламъ, и своимъ маленькимъ стремленіямъ, и всей своей безмятежно-эгоистической жизни.

Невзгодинъ впервые слушалъ Зарвчнаго.

Далеко не изъ его поклонниковъ, онъ съ первыхъ же словъ молодого профессера почувствовалъ силу его таланта и съ возраставшимъ вниманіемъ слушалъ оратора, отдаваясь, какъ художникъ, обаянію и самой ръчи, и гибкаго, выразительнаго и, по временамъ, страстнаго голоса Заръчнаго.

«Pro doma sua!» подумаль онъ и взглянуль на Маргариту Васильевну.

И она, казалось, внимательно слушала мужа.

Когда смолкъ варывъ рукоплесканій, и снова воцарилась

тишина, Зарвчный, казалось, еще съ большей страстностью и съ большемъ красноречіемъ продолжаль развивать ту-же тему. Онъ снова говориль о безполезности и вредъ безсмысленнаго геройства, хотя и допускаль, что бывають такіе случан, когда должно принести въ жертву даже любовь къ дълу. Онъ польвованся юбиляромъ, приписывая ему, уже осовъвшему отъ умиленія, ту борьбу въ минуты сомнівній между желаніемъ бросить все и чувствомъ долга, которой въ дъйствительности почтенный Андрей Мехайловичь никогда не испытываль, не имбя ни малейшаго желанія «бросать все» и быть изведеннымъ супругой; и мудрость вмія, и чистоту горлицы, и тв соображенія о наукв и объ оставленіи молодежи безъ настоящаго руководительства, которыя будто-бы удерживали юбиляра на его посту въ тяжелыя минуты унынія; соображенія, которыхъ Андрей Михайловичь никогда не имълъ, а просто тянулъ добросовестно лямку, не делая никому зна по своему доброavmiro.

Когда Николай Сергвевичь кончиль, въ залв стояль гуль отъ рукоплесканій. Дамы махали платками. Почти всё поднялись со своихъ мёсть и спёшили пожать руку Зарёчнаго. Вездё раздавались восклицанія восторга. Ему устроили овацію.

- Превосходная рѣчь. Я иду пожать руку вашему талантнивому мужу, Маргарита Васильевна!—проговорила нѣсколько возбужденная Аглая Петровна.
 - И, поднимаясь, спросила:
 - А вы не пойдете?
 - Нътъ.
- А ваше сочувствіе, я думаю, ему дороже сочувствія всёхъ насъ! — полушутя кинула Аносова и тихо двинулась, стеценно и величаво отвёчая на поклоны знакомыхъ.
 - Ну, а вы что скажете о ръчи мужа, Василій Васильнаъ?
- У вашего мужа орагорскій таланть. Річь талантлива по формі.
 - А содержаніе?
- Спеціально отечественное. Оправданіе получки жалованья возвышенными соображеніями.
 - А всв въ восторгв.

Въ это время не вдалекъ отъ нихъ раздался громкій голосъ высокаго старика съ большой съдой бородой, который, обращаясь къ сидъвшей съ нимъ рядомъ молоденькой дъвушкъ, произнесъ:

— Я помию, Ниниша, какъ въ этой же самой залѣ говорилъ Пироговъ на своемъ юбилев. Онъ не то говорилъ, что говорять нынче молодые профессора.

Невзгодинъ и Маргарита Васильевна прислушивались.

— А что онъ, папочка, говорилъ?

- Многое, но особенно живо врѣзались въ моей памяти слѣдующія слова Пирогова, обращенныя къ профессорамъ: «Поступитесь вашимъ служебнымъ положеніемъ, пожертвуйте тѣмъ, что дается зависимостью положенія, и вы получите полную свободу мысли и слова!»... Теперь дають совсѣмъ другіе совѣты!—негодующее прибавиль старикъ.
- Не всё въ восторге, Маргарита Васильевна. Кто этотъ старикъ?
- Развѣ вы не знаете—это Лунишевъ. Интересный старикъ. Бывшій профессоръ, потомъ доброволецъ-солдать въ крымскую войну, затьмъ гарибальдіецъ и съ тѣхъ поръ непримиримый земепъ.

Между тыть, снова начались рычи, но уставшій юбилярь слушаль ихъ сидя, и публика послы Зарычнаго уже не съ прежнимъ вниманіемъ слушала ораторовъ.

Встали изъ-за стола часовъ въ десять, и Маргарита Васильевна тотчасъ же убхала. Невзгодинъ проводиль ее до подъвада и объщалъ забхать къ ней на другой же день.

Возвратившись въ залу, онъ встретился лицомъ къ лицу съ Аносовой.

При видъ Невзгодина Аглая Петровна, казалось, была исумлена, и съ ея губъ сорвалось:

- А я думала...
- Что вы думали?
- Что вы убхали, какъ только скрылась Маргарита Васильевна!—насибшинво кинула Аносова.
- Какъ видите, вы ошиблись. Я только проводиль Маргариту Васильевну. Мив еще хочется посмотреть, что здёсь делается.
- Опять говорять рёчи. Замучили Андрея Михайлыча. Ну прощайте, и я уёзжаю.

И внезапно поднимая на Невзгодина взглядъ, полный чарующей ласковости, она кръпко пожала его руку и тихо бросила:

— Пріважайте же поскорви ко мив. Я очень буду рада васъ видіть и съ вами поспорить.

Проговоривъ эти слова, она всимхнула и торопливо вышла изъ залы.

(Продолжение слъдуеть).

К. Станюковичъ.

Среди ночи и льда.

Норвежская полярная экспадиція 1893-96 гг.

Фритьофа Нансена.

Вторинкъ, 16-го января. Сегодия ледъ спокоенъ. Притупляеть ли отрастное желаніе чувствительность, или же само по себ'я это желаніе постепенно сглаживается и переходить въ отупеніе? О, это жгучее стремленіе, которое я испытываль днемь и ночью, было блаженствомъ! Теперь же его пламя превратилось въ ледъ. Почему родина кажется мив теперь такой далекой? Она составляеть жизненный нервь человека и безь нея жизнь кажется такой пустой и одинокой; ничего вром'в могельной пустоты! Ужъ не весна-ли это порождаеть безпокойство въ человьке, вызываеть въ немъ стремленіе къ д'янтельности, къ чему нибудь отличному оть этой безпечной, разслабляющей жизни? Не представляеть ли душа человека только последовательную смену настроеній и чувствованій, меняющихся столь же неожиданно, какъ вътеръ? Можеть быть мой мозгъ переутомился, такъ какъ мои мысли были направлены и днемъ и ночью на одинъ и тотъ же пунктъ: достигнуть полюса и снова вернуться домой. Быть можеть я нуждаюсь только въ поков, въ сив? Боюсь ин я жизни? Неть, этого не можеть быть!

Но что же меня гнететь? Быть можеть тайныя сомивния въ неполнимости моего плана? Мой умъ смущенъ и все пришло въ безпорядовъ; я самъ составляю для себя загадку. Я усталь, хотя и не чувствую утомленія. Быть можеть это отгого, что я вчера вечеромъ долго читаль? Вокругь меня образовалась какая то пустота и мой умъ представляеть какъ будто чистый листъ. Я смотрю на картины, изображающія родину, но онѣ какъ то мало меня трогають, я думаю о будущемъ, но мнѣ какъ будто довольно безразлично, вернусь ли я теперь вли будущею осенью. Если мнѣ вообще суждено когда нибудь вернуться, то одинъ годъ или два уже не идуть въ счеть.

Прежде я такъ не думалъ. Теперь у меня нѣть никакого желанія читать, рисовать или вообще что нибудь дѣлать. Глупости! Не попробовать ли миѣ прочесть нѣсколько страницъ изъ Шопендълить, гдё находимся. Мы опять сдёлали хорошій шагь впередъ въ съверномъ направленіи: еслибъ такъ шло и дальше! Въ честь дня рожденія короля у насъ было сегодня угощеніе изъфигь, изюма и миндаля.

Вторнивъ, 23-го января. Когда я сегодня утромъ взошелъ на палубу, то увидалъ, что «Кайфасъ» сидитъ на льду у кормы и повернувшись въ востоку, ластъ, не переставая. Предполагая, что тамъ что нибудь да есть, я взялъ револьверъ и спустился на ледъ, Свердрупъ сайдовалъ за мною также съ револьверомъ. Когда я приблизился въ собакъ, то она встала и побъжала впередъ по направленію въ востоку; очевидно, тамъ находился какой нибудь звъръ и, конечно, это могъ быть только медвъдь.

Полная дуна, красунсь въ съверной части неба, казалась краснаго цвъта. Ея слабые лучи косвенно освъщали разломанную поверхность льда. Я смотрълъ по всъмъ направлениять черезъ холмы, бросавшіе длинныя и разнообразныя тъни, но въ этомъ хаосъ ничего не могъ разглядъть. Мы пошли дальше. Кайфасъ бъжалъ передънами, ворча и лая и настороживъ уши; и же слъдовалъ за нимъ, ожидая каждую минуту, что воть передъ нами появится медвъдь-

Нашъ путь направлялся въ востоку, вдоль канавы. Вдругъ собака стала выказывать большую осторожность. Наконецъ она остановилась, издавая глухое ворчаніе; мы, значить, приблизились въ звірю. Я вскарабкался на ледяной холмъ, чтобы осмотріться, и замітиль между двумя ледяными глыбами что то темное, что, поведимому, къ намъ приближалось.

- Это какая то черная собака, крикнуль я.
- Нізть, это медвідь, возразня Свердрупь, стоявшій сбоку и поэтому мучше видівшій.

Я тоже разглядаль наконець, что это быль большой звёрь и то, что я приняль за собаку, была его голова; своими движеніями онъ походиль на медевдя, но цевть его какъ будто быль темиве. Я выхватиль револьверь изъ кариана и бросился впередь, чтобь пустить звёрю нёсколько пуль въ голову, но когда я быль оть него на разстояніи всего лишь ийскольких в шаговы и собирался стрилять, онъ вдругь подняль голову и тогда я увидаль, что это моржъ. Въ ту же самую минуту онъ бросился въ сторону, въ воду. Мы остановились. Стрелять въ этого молодца изъ револьвера было бы все равно, что опрыскивать гуся водой. Тотчась же после того большая черная голова снова показалась въ полось луннаго света, видневшейся на темной поверхности воды. Звёрь долго смотрель на насъ, потомъ на минуту исчезъ подъ водой и снова полвился поближе въ намъ, выряя и фыркая и то появляясь, то исчезая подъ водой. Еслибъ только у насъ былъ гарпунъ, я бы легко могь запустить его въ спину звъря. Да, если-бъ былъ... Мы побъжали назадъ на «Fram», чтобъ принести оттуда ружье и гарпунъ, но гарпуны витесть съ веревкой были уложены и найти ихъ было не такъ-то легко. Кто-же могь подумать, что они могуть намъ вдёсь понадобиться? Притомъ вёдь гарпунъ надо было еще отточить, а это также береть время.

Несмотря на всё наши поиски вдоль ванавы къ востоку и западу, мы больше не нашли моржа. Богь вёсть куда онъ дёвался: на большомъ пространствё въ окружности не было видно ни одного отверстія во льду. Тщетно досадовали мы съ Свердрупомъ на себя, что не догадались сразу, что это быль за звёрь, такъ какъ тогда моржъ быль бы въ нашихъ рукахъ. Но кто же могь ожидать, что мы наткнется на моржа, посреди пустыннаго, покрытаго льдомъ моря, на 1800 метрахъ глубины и притомъ въ серединё зимы? Никто изъ насъ ни о чемъ подобномъ не слыхивалъ прежде и это было настоящимъ чудомъ.

Такъ какъ и думалъ, что мы, быть можеть, попали на мелкое мъсто, вбливи берега, то сдъланъ былъ промъръ, но лоть длиною въ 240 метровъ дна не достигъ.

Согласно вчерашнемъ наблюденіямъ мы находимся теперь подъ 79°41′ свв. широты и 135°29′ восточной долготы, это большой прогрессь, и то, что мы несколько подвинулись къ западу, особеннаго значенія на имеють. Сегодня вечеромъ видно какъ несутся облака, гонимыя сильнымъ южнымъ ветромъ, который вероятно скоро и насъ потащитъ дальше, но теперь пока бриза, дующая съ юга, очень слаба, такъ что едва ощутима.

Среда, 24-го января. За ужиномъ Педеръ разсказывалъ намъ разныя удивительныя исторіи про Новую Землю и своего товарища Андреаса Бека.

- Видите ии, разъ мы съ Андреасомъ наткнулись на берегу на могилы. Мы подумали, что не худо бы посмотрёть, что тамъ такое есть, и потому разломали нёсколько гробовъ. У нёкоторыхъ покойниковъ еще сохранилось мясо на подбородкё и носу и даже шапки остались на головё. Андреасъ, видите ли, быль отпётый малый, онъ разломаль гробы, вытащиль оттуда черена и сталь катать ихъ, а изъ нёкоторыхъ сдёлаль цёль и стрёляль въ нихъ. Потомъ ему захотёлось посмотрёть, сохранился ли въ костяхъ костный мозгъ; онъ взяль бедренную кость и разломаль ее, и дёйствительно тамъ оказался мозгъ. Онъ взяль деревянную палочку и выковыряль его оттуда.
 - Какъ же онъ рашился?
- О, вёдь онъ быль, знаете, голландець. Но въ ету ночь ему приснился дурной сонъ. Къ нему явились мертвецы и хотёли забрать его, но онъ бросился отъ нихъ бёжать и взобрался на бугшприть, гдё онъ сидёль и страшно кричаль, а мертвецы стояли на бакё. Одинъ изъ нихъ со сломанною бедренною костью, стоявшій впереди, сталь требовать, чтобы Андреасъ починиль кость. Въ этоть моменть онъ проснулся. Мы, видите ли, лежали въ одной койке. Я сидёль и смёзлся, слушая какъ онъ ореть. Я не хотёль

его будеть, нётъ! Я думалъ, что недурно будеть, если ему отплатится за это.

- Нехорошо было, Педеръ, что вы принимали участіе въ этомъ оскверненія труповъ.
- О, я въдь ничего имъ не сдълалъ. Я только разломалъ одинъ гробъ на дрова, чтобы развести огонь для кофе. Когда мы раскрыли этотъ гробъ, то трупъ распался.

Кто то заметиль:

- Въдъ это, кажется, чорть употребляль человъческій черепь вижото чашия?
- Видите ли, у него не было ничего другого подъ рукой и онъ случайно нашелъ черепъ. Въ этомъ вёдь ничего не было дурного, или....?

Туть вивінался Якобсонь.

— Въ стрвиъсъ по черенамъ ничего необычайнаго нътъ, сказаль онъ, потому ли, что люди питають особенное пристрастіе кътакой мишени или по какой либо другой причинъ. Стрвияють по глазнымъ впадинамъ и т. д.

Я спросиль Педера насчеть могилы Тобисена *), вырывали ли его, чтобы установить съ точностью, не быль ли онъ и его сынъ убиты своими людьми?

- Нѣть, его никогда не вырывали.
- Я проважаль тамь въ прошломъ году, сказаль Якобсонъ. На берегь и не съвзжаль, но помнится, что и слышаль будто его должны были выкопать.
 - Это все вздоръ; никогда его не выкапывали.
- Ну, сказаль я, мий кажется, что и что то слышаль объ этомъ и даже, кажется, здёсь на судий. Если и не очень ошибаюсь, то вы сами, Педеръ, разсказывали объ этомъ.
- Нътъ, я инкогда этого не разсказывалъ; и говорилъ только, что одинъ человъкъ однажды всадилъ острогу въ гробъ и она до сихъ поръ торчить тамъ.
 - Зачвив же онв это сдвлаль?
- Да потому, что онъ котълъ знать, есть ли что нибудь въ гробу, но не хотълъ его открывать, видите ли. Оставимъ его по-конться въ миръ.

Пятница, 26-го января. Мы съ Педеромъ прошли сегодня утромъ почти 12 километровъ вдоль польные и увидали, что она оканчивается между старыми сдвинутыми ледяными гребнями; въ общемъ полынья длиниће 13 километровъ. На обратномъ пути ледъ началъ сдвигаться и все время ощущался довольно сильный напоръ.

^{*)} Зивертъ Христіанъ Тобисенъ быль одинъ изъ самыхъ сиблыхъ норвежскихъ китолововъ. Онъ родился въ Троисо въ 1821 году и умеръ на Новой Землю въ 1873. Полагають, что онъ быль убитъ во время зимовки на вападномъ берегу Новой Земли.

Когда мы шли по новообразованному льду, то онъ вдругъ началъ трещать подъ нашими ногами и морщиться и затёмъ поднялся, образовавъ двё высокія стёны, между которыми мы шли точно по улицѣ. Это сопровождалось непрекращающимся шумомъ, наноминающимъ то вой и вязгъ собаки, жалующейся на холодъ, то грохоть огромнаго водопада. Мы часто бывали вынуждены бёжать на старый ледъ, то потому что попадали въ цёлый хаосъ пловучихъ глыбъ, то вслёдствіе того, что сдвигающіяся льдины направлялись какъ разъ поперекъ польным и передъ нами поднималась высокая стёна, похожая на застывшій валь. Казалось будто ледъ, съ южной стороны польные, тамъ, гдё находился «Fram», двигается къ востоку или же съ сёверной стороны отодвигается на западъ, такъ какъ ледяныя глыбы съ обёнхъ сторонъ направлялись косвенно, возвышаясь другъ противъ друга.

Мы нашли следы маленькаго медеёдя, пробежавшаго накануне вдоль полыные. Къ сожалёнію, оне отправился оттуда на юго-вападъ и у насъ было мало надежды на то, что онъ, при продолжающемся южномъ вётрё, почуеть судно и явится къ намъ, чтобы раздобыть себё немного мяса.

Суббота, 27-го января. Дни стали теперь гораздо свётиве; мы можемъ даже читать за обёдомъ.

Въ поддень Свердрупу показалось, что онъ видить землю, темную и неправильной формы, на нѣкоторыхъ мѣстахъ которой замѣчались возвышенности. Впрочемъ онъ думалъ, что это могли быть облака. Вернувшись съ прогулки, я отправился наверхъ, чтобы осмотрѣться, но нигдѣ не видѣлъ ничего, кромѣ нагроможденнаго льда. Быть можеть это именно и видѣлъ Свердрупъ, но возможно также, что я явился слишкомъ поздно (на слъдующій день выяснилось, что это былъ по просту оптическій обманъ).

Сегодня вечеромъ былъ сильный напоръ льда; онъ начался въ 7¹/, часовъ въ полыньй и продолжался непрерывно два часа. Казалось, на насъ ебрушивается водопадъ, противъ силы котораго ничто устоять не можетъ. Слышно было также, какъ разламываются большія глыбы и взаимно разбивають другь друга въ дребезги. Высокія ледяныя стёны, образовавшіяся вслёдствіе сдвиганія и нагроможденія льда, распространялись вёроятно вдоль полыны на востокъ и западъ, такъ какъ грохоть слышался на всемъ этомъ пространствё.

Шумъ приближается. Судно получаетъ сильные толчки, точно отъ волнъ подо явдомъ. Эти волны подходять свади и направляются впередъ. Мы пристально вглядываемся въ темиоту, но ничего разглядъть не можемъ, потому что ни зги не видать. Въ настоящее время я слышу трескъ и толчки въ ледяной возвышенности, находящейся у кормы. Шумъ все усиливается, становится громче и постепенно распространяется. Наконецъ, онъ нёсколько затихаетъ, затёмъ становится неравномърнымъ и между отдёльными толчками

наблюдаются все болье и болье длинным паузы. Мив такъ холодно, что и удаляюсь виневъ.

Едва я устася за писаніе, какъ судно снова начало подниматься и содрогаться, и я сквозь его стъпки слышаль гуль напора. Такъ какъ медвъжьей ловушкъ могла грозить опасность, то трое изъ насъ отправились посмотреть что съ нею. Убъднишсь, что между сдвинувшемся цепью ледяныхъ горъ и проволокою, къ которой прикръплена ловушка, находится еще свободный промежутокъ въ 50 шаговъ, они оставили ее на мёсть. Они разсказываютъ, что обравовавшаяся подъ вліяніемъ напора ледяная цёпь имъсть отвратительный видъ. Однако въ темноть многаго не различищь.

Теперь снова начивается сильный напоръ, такъ что я даже долженъ ныйти на палубу, чтобы осмотрёться. Какъ только отворяется дверь, такъ сейчасъ слышится громкій грохотъ. Этотъ шумъ слышится какъ у носовой части судна, такъ и по направленію къ кормѣ. Очевидно съ объихъ сторонъ сдвиганіе льдовъ вызываетъ образованіе ледяныхъ цёпей и если эти цёпи подойдутъ къ судну съ обоихъ концовъ, то онѣ захватятъ его и легко поднимуть вверхъ. Ледъ напираетъ со всёхъ сторонъ и совсёмъ близко отъ насъ.

На старомъ колий у бакборда также слышится трескъ, который снановится все громче и, насколько я могу разглядёть, холмъ медленно поднимается. Поперекъ большой льдины, у бакборда, также образовалась полыныя, въ которой, несмотря на темноту, можно разсмотрать воду. Напоръ и шумъ, производимый льдинами, все усиливаются, и и начинаю испытывать такое чувство, какъ будто меня самого поднимають вийсти съ кормою, на которой я стою в смотрю на сумятицу, господствующую среди ледяныхъ массъ. Эти последнія напоминають своимь видомь гигантскихь змей, чудовищныя туловища которыхъ извиваются въ разныя стороны. Надъ всимъ этемъ возвышается безмятежное, усиянное звиздами небо и только на северовостове непрерывная игра севта севернаго сіянія, дучи котораго то потухають, то загораются снова, нарушаеть спокойствіе небесъ. Я подумаль опять, какъ хорошо в безопасно у насъ на «Fram» и съ некоторымъ презреніемъ взглянуль на ужасный хвосъ, вызываемый природой совершенно безъ всявой цёли. Нать, природа не удастся раздавить насъ такъ скоро, и даже напугать насъ!

Вдругъ я вспомнилъ, что мой прекрасный термометръ лежитъ въ отверстіи на льдинѣ, по ту сторону канавы и подвергается опасности. Я тотчасъ же спрыгнулъ на ледъ и отыскалъ мѣсто, гдѣ я могъ перескочитъ черезъ канаву. Я сталъ шаритъ въ темнотѣ, пока не нашелъ, наконецъ, кусокъ льда, прикрывающій отверстіе и, тотчасъ же схвативъ веревку, вытащилъ термометръ. Довольный, поспѣшилъ я на судно, въ свою каюту, гдѣ и закурилъ трубку мира. Прислушиваясь съ наслажденіемъ къ грохоту, произ-

водимому напоромъ, я принялся за свой дневникъ, лишь по временамъ ощущая сотрясенія, точно причиняемыя землетрясеніемъ.

Испытывая такое чувство увёренности и бевопасности, я не могу не подумать съ глубокимъ сожаленіемъ о техъ многихъ, которые должны были стоять на палубе, и быть на готове оставить свое хрупкое судно, какъ только наступало давленіе льда. Несчастный экнпажъ «Тегетгофа»! Онъ пережилъ трудныя времена, а между темъ судно его было еще лучше многихъ другихъ судовъ.

Теперь половина двинадцатаго и шумъ начинаеть затихать.

Удивительно, что въ настоящее время, когда луна находится въ последней четверти и время прилива миновало, давление льда такъ сильно. Это совсемъ не соответствуеть нашимъ прежнимъ наблюденимъ, также какъ и то обстоятельство, что напоръ начался позавчера въ полдень и продолжался до двухъ часовъ, а затемъ опять возобновился въ два часа утра.

Сегодня онъ продолжался отъ 71/2 до 101/2 часовъ вечера. Не вліяеть ян туть материвъ? Температура сегодня—41,4° С, но вѣтра иѣтъ и давно уже у насъ не бывало такой пріятной погоды для прогулки. Температура кажется здѣсь почти мягкой, когда иѣтъ вѣтра.

Нёть, давленіе льда не прекратилось. Когда я вышель на палубу въ безъ четверти 12 часовъ, то опять начался грохоть и содроганіе льда. На этоть разъ давленіе ощущалось у бакборда. Вдругь послышались точно громкіе выстрёлы, раздавшіеся одинь за другимъ и затихшіе вдали. Одинъ толчокъ, послё котораго ощущалось слабое давленіе, и затёмъ уже наступало спокойствіе. Слабое сёверное сіяніе.

Воскресенье, 28-го января. Страннымъ образомъ съ 12 часовъ мы не ощущали больше напора. Ледъ, повидимому, совершенно покоенъ. Образовавшійся всявдствіе давленія позади судна цёлый хребеть ясно указываеть, какъ силенъ быль напоръ. Въ одномъ мёств высота хребта достигаеть 5½—6 метровъ надъ поверхностью воды. Льдины въ 2½ метра толщины разламывались, громоздились другъ на друга, образуя четырехъугольныя глыбы и раздроблялись на куски. Въ одномъ мёств высилась въ воздух огромная комонна, образованная ледяными глыбами. По ту сторону этой ледяной стены не было замётно особеннаго безпорядка и лишь мёстами ледъ нёсколько сдвинулся и кое гдё виднёлись большія трещины, объясняющія тоть грохоть взрыва, который мы слышали ночью. У штирборда ледъ также треснуль въ нёсколькихъ мёстахъ. Очевидно, давленіе шло съ съвера или съ обверовостока.

Горная ледяная цёнь позади нась—самая большая, какую я когда-либо видёль. Если-бы Fram находился въ этомъ мёстё, то по всей вёроятности судно было-бы поднято совсёмъ изъ воды наверхъ. Пройдя нёкоторое разстояніе въ сёверо-восточномъ направленія, я не замётиль тамъ никакихъ слёдовъ напора.

Снова воокресење! Удивительно какъ быстро идеть времи. Въ одномъ отношени мы теперь находимся въ лучшемъ настроени духа—мы знаемъ, что, непереставая, двигаемся на обверъ. Бъглый выводъ изъ сегодияшнихъ наблюденій указываеть на 79° 50′ ств. широты. Это небольшей усптать, начиная съ понедъльника, но въдъ вчера и сегодия почти не было вътра, а въ другіе дни онъ быль очень слабъ. Только одинъ или два раза наибольшая екорость вътра была три метра; въ остальное же времи—1 или 2 метра.

Вчера после обеда произошно замечательное событие. Я велель прикрепить къ стене картину Мунге «Три принцессы». Съ самаго отъезда изъ Христіаніи мы собирались сделать это, но до сихъ поръ у насъ не хватало достаточно энергіи, чтобы исполнить такую тяжелую работу—надо вёдь было вколотить четыре гвоздя!—и поэтому картина постоянно срывалась и, падал, гильотинировала того, кто сидель въ это время на софе.

Вторникъ, 30-го января. 79° 49′ съв. широты, 134° 57 восточной долготы—вотъ что докладываютъ намъ сегодняшнія наблюденія. Въ воскресенье мы находились подъ 79° 50′ съв. ш. и 133° 23′ в. д., но это ототупленіе ме представляетъ для меня ничего неожиданнаго, такъ какъ съ воскресенья почти полное затишье. Я объясняю себь это дъло следующимъ образомъ: ледъ, приходящій въ движеніе въ известномъ направленіи, подъ влінніемъ ветра, дувшаго въ этомъ направленіи более или мене долгое время, постепенно сдвигается теснее. Когда ветеръ спадаетъ, то происходить обратное движеніе. По моему миёнію, такая перемёна направленія явилась причнюю давленія, бывшаго въ субботу: напоръ льда тогда прекратился столь же внезапно, какъ и начался. Съ техъ поръ не замётно во льду ни малейшихъ признаковъ движенія. Давленіе льда по всей вёроятности указываеть на тотъ моменть, когда начинается обратное движеніе.

Сегодня после обеда подужь легкій ветеровь съ юго-востова, постепенно перешедшій въ «мельничный ветерь». Мы снова идемъ на стерь и на этоть разъ наверное перейдемъ черезъ 80°.

Среда, 31-го января. Вътеръ свистить надъ недяными холмами, снъть съ шумомъ носится въ воздухъ и кажется будто небо и ледъ слились въ одно. Темно, кожа болить отъ холода, но мы быстро идемъ на съверъ и поэтому находимся въ прекрасномъ настроеніи духа.

Четвергъ, 1 го февраля. Та же погода, что и вчера, только гораздо мягче (—22° С). Сеттъ падаетъ совершенно такъ, какъ у насъ зимой. Вътеръ повернулъ еще болъе къ югу, но началъ спадать.

Мы можемъ навърное считать, что уже перешли 80° и поэтому у насъ было сегодня маленькое предварительное празднество, угощеніе изъ фигь, изюма и миндаля, а также стръльба стрълами; причемъ эта послъдния имъла для меня послъдствіемъ наполненіе моего кармана папиросами. Пятница, 2-го февраля. Сегодня большой пиръ въ честь 80°, начавшійся съ угощенія свёжних ржанымъ хлібомъ и пирогами за завтракомъ. Я предприняль далекую прогулку, чтобы нагулять аппетить для обіда.

Согласно наблюденіямъ, сдёданнымъ сегодня утромъ, мы находимся подъ 80° 10′ сёв. широты и 132° 10′ восточной долготы. Ура! Хорошо плыли! Я предлагалъ большое пари, что мы достигли 80°, но никто не выразвиъ желанія принять мой вызовъ.

Меню нашего объда было слъдующее: супъ изъ бычачьихъ квостовъ, пуддингъ изъ рыбы, картофель, паштетъ изъ илса, зеленый горошевъ, турецею бобы, морошка съ молокомъ и каждому полагалась цълая бутылка пива. Послъ объда кофе и папиросы. Можно-ли желать большаго? Вечеромъ намъ подали варенье изъгрушъ и персиковъ, пряники, сушеные бананы, фиги, изюмъ и миндаль. Мы праздновали цълый день.

Мы читали разсужденія по поводу нашей экспедиціи, опубликованныя передъ нашимъ отъйждомъ, и временами отъ души смёнлесь надъ многими изъ возраженій. Но наши близкіе, тамъ на родинѣ, быть можеть и не будуть смёнться, если прочтуть въ настоящую минуту эти возраженія.

Понедёльникъ, 5-го февраля. Сегодня за столомъ им вишили последнюю бутылку пива Рингнеса. Печальный день.

Вторимсъ, 6-го феврани. Тихая, ясная погода. На югѣ, надъгоризонтомъ сильное мерцаніе, то желтое, то зеленое в свѣтле-голубое; все-же оотальное небо ультрамариноваго цвѣта. Смотря на это небо, я старался припомнить, бываеть-ли когда-либо итальянское небо еще болѣе голубымъ. Я этого не думаю. Удивительно, что такая окраска совпадаеть обывновенно съ холодомъ. Быть можеть воздушное теченіе въ верхнихъ слояхъ, идущее изъ сѣверныхъ, болѣе свѣтлыхъ областей, приносить съ собою болѣе сухой и прозрачный воздухъ?

Цвёть небесь сегодня быль такъ замёчателень, что нельзя было не яюбоваться имъ. Поразительный контрасть представляють красная рубка на Fram и бёлый снёгь, покрывающій крышу палатки и такелажь. Ледь и холмы кажутся фіолетовыми, тамъ, гдё дневной свёть на нихъ не падаеть; эта окраска выражена особенно рёзко на снёжныхъ поляхъ, покрывающихъ льдины. Температура —47° и —48° С. Выходя изъ салона, гдё термометръ указываеть +22° С, мы слёдовательно внезапио непытываемъ пониженіе на цёлыхъ 70°. Несмотря на это, хотя и легко одётые и съ непокрытою головой, мы все-таки не чувствуемъ сильнаго холода и даже можемъ безнаказанно прикасаться къ мёдной ручкё дверей и держаться за проволочный канать у вантъ.

Но за то мы можемъ видъть холодъ! Дыханіе наше обравуеть точно облако порохового дыма, а если плюнуть на палубу, то вокругь сырого мъста тотчасъ-же образуется маленькое облачко пара. Fram постоянно выділяєть туманъ, который уносится вітремь, а человіка и собаку можно издали распознать между ледяными холмами и ціпями по столбу пара, который слідуеть за неми по стопамъ.

Среда, 7-го февраля. Удивительное дёло, какъ непрочна надежда или, вёрнёе, настроеніе человёка!

Сегодня утромъ дулъ слабый вётеръ отъ нордъ-нордъ-оста, со скоростью двухъ метровъ въ секунду; термометръ стоялъ на —49,6° С. Духъ мой омрачился опять и инт снова сдълалось безразлично, какъ мы вернемся домой, только бы это случилось скорте. Я предположиль, что на стверт находится земля, откуда и происходять холодные вётры, прозрачная атмосфера, морозъ и светло-голубое небо, и пришелъ къ заключеню, что эта общирная земля образуеть полюсь холода, гдт постоянный максимумъ атмосфераго давленія, и насъ снова гонить въ югу стверо-восточнымъ вётромъ.

Около полудня стало облачиве и мое настроеніе улучшилось. Надо ожидать, что снова задуеть южный візтеръ, по теперь пока температура еще слишкомъ для этого низка. Однако температура также начинаеть подниматься, такъ что мы можемъ положиться теперь на візтеръ.

Дъйствительно, сегодня вечеромъ вътеръ подулъ съ юго-запада. Теперь въ 12 часовъ скорость его 3,6 метра, температура же поднялась до —42°. Это много объщаетъ. Въроятно мы скоро достигнемъ 81°. Земля на съверъ опять исчезда.

За столомъ намъ подавался сегодня, вместо пива, лимонный сокъ съ сахаромъ, что всемъ понравилось. Мы называемъ этотъ напитокъ виномъ и находимъ, что онъ лучше сидра.

Сегодня вечеромъ произведено было взвѣшиваніе. Прибавленіе вѣса у нѣкоторыхъ имѣеть даже тревожный характеръ, нѣкоторые прибавились въ вѣсѣ за послѣдній мѣсяцъ на два килограмма, напримѣръ, Свердрупъ, Блессингъ и Юэлль, которому принадлежитъ первенство, такъ какъ онъ вѣсить 86,2 килограмма. «Я еще никогда столько не вѣсилъ», заявилъ Блессингъ, но у всѣхъ можно было констатировать такое-же прибавленіе жира.

Да, безъ сомивнія наша экспедиція требуеть напряженія силь, но меню нашихъ обёдовь вполив соотв'ятствуеть нашей работв. Сегодняшній об'ёдь: супъ изъ бобовь, пуддингь съ мясомъ, картофель, рисъ въ молокі и брусничное варенье. Вчерашній об'ёдь: рыба, обжаренная въ сухаряхъ, съ картофелемъ, кролийм и къ нимъ картофель и французскіе бобы; пареная черника и брусника съ молокомъ. Къ завтраку вчера давали намъ св'ёженспеченный пшеничный хлёбъ, а сегодня ржаной. Это образцы нашего обычнаго питанія.

Случилось такъ, какъ я и ожидаль. Я слышу вой вётра въ такелажё. Это уже настоящій штормъ, какъ мы его здёсь понимаемъ. Суббота, 10-го февраля. Изъ вётра ничего хорошаго не вышло. Но мы все-таки надъявись, что прошим порядочное разстояніе къ съверу, поэтому для насъ было непріятною неожиданностью узнать, что мы опять находимся подъ 79° 57' съв. широты—значить ушли на 13' далье къ югу, а не къ съверу.

Просто удивительно какъ легко привыкаеть къ разочарованіямъ! Опять возникаеть страстное стремденіе и опять миб кажется, что достиженіе цёли такъ далеко и такъ сомнительно! И къ тому же ночью мив счится какъ разъ, что мы выходимъ изо льда къ западу отъ Исландіи. Надежда слишкомъ непрочное судно, которому довъряться не слёдуетъ.

Сегодня я предприняль далекую и успешную поездку на собакахъ.

Воскресенье, 11-го февраля. Мы отправились съ двума упражками. Дёло шло хорошо; сани гораздо лучше двигались по льду, чёмъ я думаль, но они все-таки глубоко врёзываются въ снёгъ. На плоскомъ льду четыре собаки могуть везти двухъ человёкъ.

В торникъ, 13-го февраля. Вчера была сдълана далекая пойздка на юго-востокъ съ бълыми собаками; сегодня же мы отправились еще дальше на лыжахъ, въ томъ же напрявленіи. Это хорошее, здоровое упражненіе при температурѣ —42° до —44° и рѣзкомъ сѣверномъ вѣтрѣ.

Природа здёсь такъ прекрасна и непорочна, ледъ такой безукоризненно белый и свёть и тени начинающагося дня такъ чудно отражаются на свёжевыпавшемъ снёге! Покрытый инеемъ и свегомъ такелажъ Fram, ослешенсьно белым, выделяется на голубомъ фонф сверкающаго небосклона.

Четвергъ, 15-го февраля. Вчера я прошелъ на лыжахъ дадьще на съверо-востокъ, чъмъ это дълалъ раньше, и все-таки могъ видъть издалека такелажъ судна, возвышающійся надъ краемъ льда. Такъ какъ ледъ въ этомъ направленіи былъ плоскій, то я могъ бъжать быстро. Сегодня я провхалъ по этому же пути на собавахъ. Я изследую кругомъ эту область и обдумываю свои планы на будущее.

Какъ преувеличены понятія объ арктическихъ холодахъ! Въ Гревландів было холодно и здёсь не меньше. Средняя температура дня равняется теперь 40° и 42° ниже нуля.

Вчера я быль одеть обыкновенным образомъ: на ногахъ кальсоны и брюки, чулки, гамащи, чулки для сиега и финскіе башмаки; сверху обыкновенная рубашка, воротникъ изъ волчьяго меха и куртка на тюленьемъ меху. Я потель въ этой одежде, какъ лошадь. Сегодия и сидель смирно въ саняхъ и ехаль, одетый лишь въ тонкіе панталоны, надетые на обыкновенные, и въ шерстяную рубашку, жилетку, вязаную исландскую шерстяную куртку, а сверху куртку изъ сукна и изъ тюленьяго меха. Я нашель температуру очень пріятной и даже потель и сегодня. Вчера, какъ и сегодня, на лицо у меня была надета красная фланелевая маска, но мит отъ нея сделалось жарко, такъ что я ее сняль, несмотря на режий холодими ветерь съ севера.

Этоть съверный вътеръ продолжаеть держаться и дуеть по временамъ со скоростью 3—даже 4 метровъ, но мы, повидиному, не двигаемся къ югу и стоимъ смирио подъ 80° с. ш. или быть можеть даже нъсколькими минутами съверите. Что туть за причина? Теперь ежедневно ощущается слабый напоръ; замъчательно, что этоть напоръ также возникаеть во время послъдней четверти луны.

Луна стоить высоко на небё и кроит того теперь уже появился дневной свёть. Скоро появится и солице. Какъ только это произойдеть, мы устроимъ большое пиршество.

Патенца, 16-го февраля. Ура! 80° 1′ сёв. широты, слёдовательно съ прошлой пятинцы мы подвинулись на нёсколько минуть къ сёверу, и притомъ несмотря на постоянный сёверный вётеръ, не прекращающійся съ понедёльника. Это что-то удивительное! Объясняется-ие это тёмъ, какъ я думаль все время на основаніи вида облаковъ и тумана, что на югё господствоваль южный вётеръ, препятствующій движенію льдовъ въ этомъ направленіи, или же мы попали наконець въ область теченія.

Обратное движеніе въ югу, испытанное нами вопреки южному вътру, завлючаеть въ себё нёчто удивительное; то же самое надо сказать и по поводу того обстоятельства, что им остаемся стоять на мёстё, несмотря на сёверный вётеръ. Выходить такъ, какъ будто начали дёйствовать какія то новыя силы.

Сегодня произошло также ивчто удивительное: мы увидали въ полдень солице, или, точиве выражаясь, его изображеніе, такъ какъ это было лишь отраженіе солица. Видъ этого яркаго свётила, по-явившагося надъ самымъ краемъ льдовъ на горизонтё, произвелъ странное впечатлёніе. Можно было бы ожидать на основаніи встрёчающихся у полярныхъ путещественниковъ восторженныхъ описаній перваго появленія этого «божества жизни» послё долгой зимней ночи, что это зрёлище вызоветь ликованіе и у насъ; но я не испыталь инчего подобнаго, и такъ какъ мы ожидали появленія солица лишь спустя нёсколько дней, то мною овладёло чувство разочарованія и огорченія при видё этого обътила теперь, потому что это означало, что мы болёе подвинулись на югь, чёмъ это думали.

Я очень обрадованся, когда убъдияся, что это не могло быть солнце. Отражение его въ воздухъ вначалъ имъло видъ плоской пламенно-красной огненной полосы на горизонтъ; затъмъ оно раздълнлось на двъ огненныя полосы, одна надъ другой и между нями темное пространство. Съ верхушки гротъ-мачты и разглядълъ четыре или пять такихъ горизонтальныхъ линій и всъ онъ были одинаковой длины, такъ что представляли какъ бы четырехъ-угольное матово-красное солице, пересъченное темными горизонтальными полосами.

Астрономическія вычисленія, сдёланныя нами послё обёда, показали, что солице въ действительности находилось въ полдень на 2°22' ниже горизонта. Мы не можемъ ожидать появленія его диска надъ поверхностью льда раньше вторника, это находится въ овязи оъ предомленіемъ лучей, которое очень сильно въ здёшнемъ холодномъ воздухв. Сегодия вечеромъ, на основаніи появленія изобра женія солица, мы всетаки устрошли маленькій праздинкъ въ честь этого свётила, заключавшійся въ угощеніи фигами, бананами, изюмомъ, миндалемъ и пряниками.

Воскресенье, 18-го февраля. Вчера я отправился на лыжахъвъ востоку и нашелъ путь очень удобнымъ, какъ для лыжъ, такъ и для саней. Сначала приходится пробираться между ледяными холмами и цъпями, что довольно утомительно, но затъмъ идетъ большая гладкая равнина, простирающаяся далеко къ съверу, востоку и юго-востоку.

Сегодня я отправидся съ восьмые собаками; теперь взда на собакамы идеть отлично.

Все еще дуеть съверный ветерь. Это скучно. Погода однако светная.

. Все прекрасно. Мы бъгаемъ на лыжахъ, катаемся на саняхъ, читаемъ для своего развлечения и поучения, потомъ производимъ наблюдения, болгаемъ, куримъ, играемъ въкарты и шахматы, пьемъ и ѣдимъ, но тъмъ не менъе такая жизнь, долго продолжансь, становится проклитемъ, по крайней мъръ миъ такъ кажется иногда.

Когда я емотрю на картину, изображающую мой домъ при вечернемъ освёщенін, мою жену, стоящую въ саду, то миз кажется, что я не въ состоянін больше продолжать эту жазнь. Но лашь безжалостной судьбе извёстно, когда мы снова будемъ стоять вмёстё, снова будемъ ощущать сладость жизна и любоваться фіордомъ...

Если принять все въ соображеніе, то, признаюсь по совъсти, положеніе вещей представляется мей чертовски непріятнымъ. Мы находимся теперь подъ 80° съв. широты; въ сентябрі мы находились на 78°. Это значить—одинъ градусь въ місяцъ. Если мы будемъ подвигаться и даліве съ такою же скоростью, то въ 45 или быть можеть 50 місяцевъ мы достигнемъ полюса и, затімъ, черезъ 90 или 100 місяцевъ, достигнемъ 80° по ту сторону полюса, иміза въ виду еще черезъ одинъ или два місяца освободиться отъ льда и вермуться домой. Въ мучшемъ случаї, слідовательно, если такъ будеть идти и дальше, мы попадемъ домой лишь черезъ восемь літъ!

Мей припоминается, что когда я, передъ отъйздомъ, разсаживаль въ своемъ саду маленькіе кусты и деревья, то профессоръ Бреггеръ писаль мей, что никому невзейстно, какія длинныя тіни будуть бросать эти деревья, когда я вернусь. Теперь они лежать подъ покровомъ зниняго сейга, но весною опять распустится и будуть расти. Какъ часто это повторится?

О, это бездантельное состояние временами дайствуеть по истина угнетающимь образомь. Жизнь представляется такою же мрачной, какъ и зимняя ночь. Нигда ни одного солнечнаго луча, только вы прошедшемь и въ очень, очень отдаленномъ будущемъ. Мий кажется иногда, что я должень порвать это оциненание, побороты апатию, овладавшую мною, и найти исходъ своимъ силамъ.

Но развів не можеть произойти что нибудь? налетять ураганъ, который поломаеть весь этоть ледь и приведеть его въ движеніе словно высокія волны открытаго моря? Пусть наступить біда, пусть мы должны будемъ бороться за свою жизнь, но только пусть мы двигаемся внередъ! Играть роль нассивнаго зрителя, не имёть возможности пошевелить рукой, чтобы двинуться внередъ—это ужасаю. Надо обладать въ десять разъ большими душевными силами, чтобы сидіть смирно, довірая собственнымъ теоріямъ и предоставляя лишь дійствовать силамъ природы, не иміз возможности инчего сділать для достаженія своей ціли, чімъ бороться собственными силами.

Я симу здёсь и жалуюсь, какъ старая баба. Развё же все это было мий неизвёстно, когда и отправлялся сюда? Обстоятельства сложились не хуже, чёмъ и ожидаль; наобороть—скорйе даже лучше. Куда же дёвалась возвышенная радостная надежда? Куда дёвались гордыя мечты, парившія высоко, точно юные орлы? Точно мокрыя вороны, съ парализованными крыльями, покинули оніз освіщенное солицемъ море и скрылись въ туманныхъ болотахъ отчаннія. Быть можеть все это вернется назадъ съ южнымъ вітромъ. Но нёть, пойду лучше почитаю кого нибудь изъ старыхъ философовъ.

Сегодня вечеромъ былъ небольшой напоръ; сдёланное только что наблюдение указываеть, что мы подвинулись къ югу на 3'.

11 часовъ вечера. Напоръ льда. Ледъ трещить, давить на судно и потрясаеть его.

Понедальника, 19-го февраля. Еще разъ приходится подтвердить, что ночь всего темиће бываетъ передъ разсийтомъ. Сегодия: вътеръ началъ дуть съ юга и достигъ сворости 4-хъ метровъ въ секунду.

Утромъ мы бурнии ледъ и нашли, что у бакборда толщина льда 1 м. 875 и слой поврывающаго его сибга—4 сант. Спереди судна толщина льда—2,08 м., но сюда надо причислить и слой сибга въ ибсколько сантиметровъ. Такое приращение льда нельзи считать очень значительнымъ, если вспомнять, что температура упала до 50° С ниже нуля.

Сегодня, также какъ и вчера, мы наблюдали отраженную картину солнца; сегодня оно стояло высоко надъ горивонтомъ и почти имъло форму круглаго диска. Нъкоторые утверждали, что они разглядъли верхній край настоящаго солнца. Педеръ и Влессингъ увъряли даже, что они видъли по крайней мъръ половину солнечнаго диска, а Юэлль и Скотть Гансенъ настаивали на томъ, что весь солнечный дискъ находился надъ горизонтомъ. Я боюсь, что они совсёмъ забыли какъ солице выглядить, такъ какъ уже давно не видали его.

Вторинкъ, 20-го февраля. Сегодия большое празднество въ честь солица, котя и безъ него. Мы увърены, что увидали бы солице, еслибъ не облака на горизонтъ. Мы однако не котъли пропустить праздникъ и ръшили воспользоваться случаемъ и отпраздновать во второй разъ, когда на самомъ дълъ увидимъ солице.

Утро началось стрельбою въ цель; затемъ следоваль обедъ изъ трехъ или четырехъ блюдъ и «вино Fram» (alias: лимонный сокъ), кофе и поздне «пирогъ—Fram». Вечеромъ мы лакомились ананасами, пирожными, фигами, бананами и конфектами, после чего полезли въ свои койки, думая о томъ, что мы пресыщались едой, въ то время какъ сильный юговосточный ветеръ гналъ насъ на северъ.

Мельница цёлый день находилась въ движеніи и хотя настоящее солице и не показалось для нашего праздника, но нашъ салонъ освещало наше искусственное солице, когда мы сидёли за столомъ.

Великое омовеніе нашихъ физіономій по случаю праздника. Богь мой, до чего мы дойдемъ! Нікоторые изъ насъ положительно напоминають своимъ видомъ убойный скоть и округлость щекъ Юздля начинаеть принимать тревожные разміры. Когда я сегодня разсматриваль его профиль, то у меня явилась мысль, какъ это онъ потащить свое тіло черезъ ледъ, если намъ придется въ одинъ прекрасный день оставить судно. Мы должны подумать теперь о томъ, чтобы уменьшить порціи на инкоторое время.

Среда, 21-го февраля. Южный вётеръ держится. Сегодня я вытащиль щелковыя сёти, которыя мы вчера опустили. Въ верхней, висёвшей ближе къ поверхности, находились главнымъ образомъ крошечные крабы, а въ Мюрреевской, опущенной приблизительно на глубину 90 метровъ, находилось множество другихъ маленькихъ ракообразныхъ животныхъ, такъ сильно фосфоресцировавшихъ, что все содержимое сёти, когда я опорожниль ее въ кухиъ, при свътъ лампы, сверкало, какъ раскаленные уголья.

Къ моему удивленію, направленіе веревки обти указывало на сіверо-западъ, хотя мы, суди по вітру, должны были двигаться быстро на сіверъ. Чтобы выяснить себі діло, я опять опустиль сіть, но едва она спустилась подъ ледъ на нівсоторую глубину, какъ веревка снова стала указывать на сіверо-западъ и все время удерживалась въ этомъ направленіи. Какъ же объяснить это явленіе? Возможно ли, что мы, не смотря ни на что, всетаки находимся въ теченіи, направляющемся на сіверозападъ? Будущее, надо надіяться, подтвердить это. Мы можемъ считать два румба (221/20) отклоненія компаса, и въ такомъ случай теченіе должно идти по направленію къ нордъ-весту.

Во мьду замічаются сильное движеніе; во мяогихъ містахъ образовались полыныя.

Четвергъ, 22-го февраля. Веревка съти въ теченіе цълаго дня указывала западное направленіе, но теперь, послѣ объда, она направляется внизъ вертикально, такъ что ми, повидимому, не двигаемся съ мѣста. Вѣтеръ спалъ и послѣ объда стало совсѣмъ тихо. Однако къ вечеру снова подулъ слабый вѣтерокъ, сначала съ вогозапада, потомъ съ запада и наконецъ къ вечеру начался сѣверовосточный вѣтеръ, появленія котораго мы такъ боядись. Въ 9 часовъ вечера подулъ сильный вѣтеръ съ сѣверо-запада. Послѣобъденныя наблюденія указывають, что мы ни въ какомъ случаѣ не подвинулись сѣвериѣе 80° 11', и это не смотря на южный вѣтеръ, не перестававшій въ теченіи четырехъ дней. Что же это звачить? Не находится ли подо льдомъ «мертвая вода», которая мѣшаетъ намъ двигаться впередъ или назадъ?

Вчера ледъ раскололся у штирборда, и трещина распространидась дальше медвежьей западни. Толшина плотнаго льда была 3,45 метровъ, но подъ нимъ образовался другой ледъ. Въ техъ местахъ, где льдина расколодась поперекъ, ясно было заметно наслоение глетчеровъ; даже видны были болбе темные и грязные слои, хотя цветь этихъ слоевь въ данномъ случае быль результатомъ присутствія въ водё коричневокрасныхъ организмовь, экземпляры которыхъ мев случалось находить раньше. На многихъ местахъ льдины слои были изогнуты, совершенно такъ, какъ геологические слои, образующіе земную кору. Безъ сомивнія, они обязаны свониъ пронохожденіемъ горизонтальному давленію во времи напора льдовъ, что особенно можно было заметить по близости одного огромнаго холиа, образовавшагося во время последняго напора. Удивительно, какъ это льдина, въ 3 метра толщины, могла такъ волнообразно изогнуться, не расколовшись. Очевидно, это было произведено напоромъ, что можно было ясно видеть вблизи образовавшихся вследствіе напора ледяныхъ цёпей, которыя такъ стиснули льдину, что ея верхняя поверхность лежала на одномъ уровив съ поверхностью воды, между тёмъ какъ въ другомъ мёсте она находилась на высотв приблизительно полметра надъ водой, --ее приподняль ледь, сдвинувнійся подъ нею. Температура льда на его поверхностя во время напора должна была быть—20° или—30° С. Во мносихъ мъстахъ льдина треснула. Трещины были часто покрыты рыхлымъ льдомъ, такъ что дегко было провалиться, какъ это случается на опасныхъ глетчерахъ.

Суббота, 24-го февраля. Сегодняшнія наблюденія указывають 79°54' сів. широты и 132°,57' восточной долготы. Просто удивительно, какъ быстро мы подвинулись къ югу, хотя сіверный и сіверо-западный вітеръ дуль не боліе 24 часовъ.

Воскресенье. 25-го февраля. Кажется, будто ледь снова двигается къ востоку. О, я вижу передъ собою лътина картины, зеленыя деревья, журчащіе ручейки, я читаю о жизни альпійских пастуховь, о жизни въ горахъ, и тоска заполваеть мий въдущу. Зачёмъ думать теперь о такихъ вещахъ? Вёдь пройдуть годы прежде, чёмъ мы все это увидимъ снова.

Мы уподобляемся въ быстроте улитев, но двигаемся далеко не съ такою же уверенностью, какъ она. Мы тащинъ съ собою свой домъ, но то, что мы выполнили сегодня, завтра уничтожается.

Понедельникъ, 26-го февраля. Мы идемъ въ северо-востоку. • Сильная мятель. Ветеръ достигаетъ временами скорости 11 метровъ въ секунду; онъ завываетъ вокругъ такелажа и свиститъ надъ льдомъ. Мятель такъ сильна, что можно погибнутъ у самаго судиа.

Мы сидимъ здъсь и прислушиваемся къ завыванию въ трубъ и вентиляторахъ, точно у себя дома, въ Норвегии. Крылъя мельняцы вертятся съ такою силою, что мы ихъ едва можемъ различить. Намъ пришлось, однако, ихъ остановить сегодия вечеромъ, такъ какъ аккомуляторы были заряжены въ достаточной степени; мы прявязали крылья, чтобы вётеръ не могъ ихъ переломать. Электрический свётъ у насъ не прекращается почти всю эту недёлю.

Сегодня дуеть самый сильный вітерь, какой когда-либо быль въ теченіе этой зимы. Если что-набудь вообще можеть встряхнуть ледь и погнать нась къ сіверу, то это должень сділать такой вітерь. Однако, барометрь падаеть слишкомъ быстро; скоро опять подуеть сіверный вітерь. Надежда много разь меня обманывала и теперь не вийеть для меня боліе никакой привлекательности; буря не производить на меня сильнаго впечатлівнія. Я жду весны и літа, не відая какія они принесуть съ собою переміны.

Но подярная ночь, страшная арктическая ночь прошла, и у насъ-снова дневной свётъ. Я долженъ сказать, что не вижу вокругъ себя изможденныхъ блёдныхъ лицъ, которыя, какъ предполагалось, должны были явиться результатомъ этой ночи. Куда я ни взгляну, я вижу днемъ, при яркомъ солнечномъ освёщении, только кругамя, хорошо упитанныя физіономіи.

Странное впечатавне ироизводить теперь искусственный свёть. • Намъ казалось раньше, когда горёли наши лампочки накаливанія, что у насъ свётло, какъ днемъ. Но теперь, когда мы опускаемся въ каюты днемъ, намъ кажется, что мы попали въ погребъ, хотя и зажжены всё лампы. Впечатавніе нолучается одинаковое, какія бы нампы ни горёли.

Вторинкъ, 27-го февраля. Мы плывемъ на востоко-юго-востокъ. Мой пессимизмъ оправдывается. Почти весь день дулъ сильный западный вётеръ; барометръ стоитъ низко, но начинаетъ подыматься неправильнымъ образомъ. Температура саман высокая, какую только намъ пришлось наблюдать въ теченіи зимы:—9,7° С. Въ 8 часовъ угра термометръ стоялъ на—22° С. Температура поднимается и падаетъ въ обратномъ отношеніи къ барометру. Согласно сего-

дняшнимъ послаобаденнымъ наблюденіямъ мы находимся приблизительно на 80°10' сав. широты.

Среда, 28-е февраля. Прекрасная погода сегодня; вётра почти нёть, и температура приблизительно—26° до —30° С. На югё находятся облака, такъ что солице мало видно, но тёмъ не менёе давно уже очень свётло. Послё обёда мы съ Свердрупомъ отправились на лыжахъ; въ первый разъ въ этомъ году можно было совершить такую прогулку послё обёда.

Вчера и сегодня мы пробовали выкачивать воду, такъ какъ, по нашему мизнію, въ судив должна была находиться вода, но помпа не действовала, хотя мы и употребляли соль и теплую воду. Весьма втроятно, что вода замерала вокругъ помпы; впрочемъ, можеть быть, въ судив и изть воды. Въ машинномъ трюмв уже болве масяца не показывалась вода и въ переднемъ трюмв воды изть, тамъ болве теперь, когда носъ судна приподнять напоромъльда; сивдовательно, вообще въ судив не можеть быть много воды.

Сегодня вечеромъ вѣтеръ снова задуль съ юго-юго-запада, и барометръ падаеть, изъ чего можно заключить, что приближается хорошій вѣтеръ. Но «барометръ надежды» все еще не поднимается выше своей нормы. Вечеромъ я выкупался на кухиѣ въ жестяной ваннѣ; когда вымоешься чисто, то какъ то больше чувствуешь себя человѣкомъ.

Четвергъ, 1-го марта. Мы почин не двигаемся. Прекрасная мягкая погода, только—19° С. Небо облачно, небольшой сивгъ при слабомъ вътръ.

Мы попробовали сегодня бросить лоть, удлинивы пеньковую веревку нашего лота кускомы стальной проволоки; но последняя оборвалась визота съ лотомы. Мы прикрепили новый лоть и спустили вою веревку около 3,475 метровы, не достигнувы дна. При вынимании лота стальная проволока снова оборвалась; вы результать, сабдовательно, мы дна не достигли, но потеряли два лота, около 50-ти килограмиовы каждый, которые и сстались вы глубины. Богы вёсть, достигли ли они уже дна. Я почти готовы вырить Бентсену, что вы земной оси есть дыра, и мы пробовали промёрить глубину вы этой дыра.

Пятница, 2-го марта. До этого времени щенки оставались въ рубкъ и надълали много бъдъ: изгрызли ящикъ для инструментовъ Гансена, корабельные журналы и т. п. Вчера мы ихъ въ первый разъ выпустили на палубу и сегодня они все утро тамъ оставались. Они выказываютъ большую любознательность, тщательно изслъдуя всъ предметы, но, повидимому, особенный интересъ возбудняи въ нихъ всъ собачьи конуры, имъвшіяся на судеъ.

Воскресенье, 4-го марта. Теченіе по прежнему направляется къ югу. Сегодня снова дуеть северо-западный ветерь, но не такой сильный. Я ожидаль, что мы далеко подвинулись на югь, но послеобеленные наблюденія указывають только 79°54° сев. шир.

Мы, сявдовательно, за посявдніе дни, прежде твиъ началь дуть этоть вітерь, ушли довольно далеко на сіверь. Вчера и сегодня погода была непріятнам, такъ какъ—37° и 38° С. при скорости вітра въ 11 метровъ въ секунду очень чувствительны. Замічательно, что сіверные вітры теперь несуть съ собою холодъ, а южные—тепло. Въ началі зимы наблюдалось какъ разъ обратное явленіе.

Понедёльникъ, 5-го марта. Свердрупъ и а сдёлали большую прогумку на лыжахъ на сёверо-востокъ. Дорога была въ хорошемъ состояніи, такъ какъ вётеръ намелъ кругомъ сиёгъ и насколько возможно сгладилъ поверхность льда.

Вторинкъ, 6-го марта. Сегодня быль ръзкій холодъ—44°, 46° С. и вътеръ дуль со скоростью 5,8 метровъ. Представлянся удобный случай отморозить себъ лицо и руки, и ивкоторые изъ насъ воспользовались этимъ.

Сѣверо-вападный вѣтеръ продолжается, но я какъ то начинаю уже равнодушно относиться къ тому, какой дуетъ вѣтеръ. Сегодня я фотографировалъ Іогансена у анемометра и въ то время, когда я снималъ его, онъ отморозилъ себѣ носъ.

Вечеромъ происходило всеобщее взявшиваніе. Эта процедура всегда насъ чрезвычайно интересуеть; мы съ любопытствомъ слъдимъ за тамъ, кто вынграль и кто потеряль въ въсъ. На этотъ разъ большинство потеряли не много, быть можеть, потому, что перестали пить пиво и вмёсто него употребляемъ лимонный сокъ. Только одинъ Юэлль не перестаетъ увеличиваться въ въсъ и теперь уже достигъ 600 граммовъ. Нашему доктору также везетъ въ этомъ отношеніи, но сегодня онъ показываетъ увеличеніе въ въсъ всего лишь на 300 граммъ. Но въ другомъ отношеніи бъднягь не везеть: никто не хочеть хворать на судив. Съ отчаннія онъ самъ захворалъ, у него сдълалась головная боль, но онъ себя выльчилъ. Въ послъднее время онъ сталь изучать собачьи бользни; быть можеть, туть ему будеть практика.

Четвергъ, 8-го марта. Теченіе въ югу. Свердрунъ и я совершили хорошенькую прогулку на лыжахъ на северъ и на западъ. Спетъ после ветра въ прекрасномъ состояніи, и мы мчались, какъ пухъ, гонимый ветромъ, минуя всё прецятотвія въ виде ледяныхъ хребтовъ.

Погода была прекрасная, температура только—39 С. Но сегодня вечеромъ опять было очень холодно (—48,5 С.) при силь выгра въ 5—8 метровъ. При такой погодъ, конечно, очень невесело стоять у вытряной мельницы, чтобы управлять ея крыльями, пальцы при этомъ сильно болять, и порою отмораживаются щеки, но такъ какъ безъ этого мельзя обойтись, то приходится всетаки исполнять эту работу.

Днемъ всегда бываеть более чемъ достаточно ветра для нашей мельницы, и мы уже третью неделю пользуемся электрическимъ свётомъ, но всетаки очень грустио, что все время дуеть этотъ се-

верный и сіверо-западный вітерь, и Богь вість, когда онь наконець прекратится.

Не находится не къ съверу отъ насъ материкъ? Насъ все тащитъ къ югу. Трудно сохранять увъренность при такихъ обстоятельствахъ, но придеть время и научить, что дълать.

После продолжительной паузы судно снова испытало сотрясение сегодня после обеда. Я вышель на палубу. Въ полынье произошель напоры льда, какъ разъ у носовой части судна. Такъ какъ
теперь новолуніе, то мы могли ожидать напора, но мы уже привыкли не думать о приливахъ, потому что въ последнее время они
обнаруживали мало действія. Само собою разуместся, что теперь
приливы должны быть особенно сильны, такъ какъ приближается
весеннее равноденствіе.

Пятинца, 9-го марта. Сегодия утромъ веревка сёти показывала на юго-вападъ, между тёмъ канатъ, къ которому быль привизанъ сыръ, опущенный въ воду для оттанванія, указываль противоположное направленіе. Имбемъ ли мы южное теченіе съ вётромъ? Гм! въ такомъ случай что-нибудь должно произойти. Или быть можетъ это только теченіе прилива, принимающее такое направленіе?

Все еще дуеть тоть же самый свверный вѣтеръ; мы все двигаемся къ югу. Воть въ чемъ заключается перемѣна, которую намъ должно было принести равноденствіе, какъ и надѣялся. Сѣверный вѣтеръдуетъ воть уже болѣе двухъ недѣль, и и не могу не сознаться, что меѣ становится грустно. Спокойно и медленно, но безнощадногибнеть одна надежда за другой... Развѣ же и не имѣю основанія грустить?

Я несказанно тоскую по родинь. Выть можеть, и оть неи удаляюсь, но, быть можеть, наобороть. Во всякомъ случав не очень утвлиятельно, что осуществление плана постоянно задерживается, если не совсемъ уничтожается, подобнымъ скучнымъ и утомительнооднообразнымъ способомъ.

Природа безстрастно совершаеть впродолжени многих тысячельтій свой круговой путь. Літо и зима сміняются, исчезаєтьвесна, приходить осень и находить насъ среди прежняго же хаотическаго безпорядка сміныхъ плановъ и разрушенныхъ надеждь. Это точно вертищееся колесо: то одна, то другая его сторона оказываются наверху. Между тімъ въ душт по прежнему раздается ніжная музыка воспоминаній; то звучить она, какъ бурный водопадъ, то слышатся тихіе и ніжные звуки, точно отдаленная музыка.

Я стою в смотрю на безотрадныя ледяныя пространства, стехъ равненами, возвышенностями в долинами, образовавшемися подъ вліяніемъ напора, вызываемаго смъняющимися теченіями зимнихъ приливовъ. Солице освіщаеть ихъ своими яркими лучами. Посреди находится Fram, недвижимо заключенный во льду. Когдаже ты, мое гордое судно, снова будещь свободно плыть по открытому морю?

На этихъ, пливущихъ по неизвестнымъ путамъ, ледяныхъ массахъ, сосредоточнись всё помыслы жалкаго человеческаго сущеотва, мало-по-малу сообщившаго свое стремленіе цёлому народу,
который употребиль всё старанія, чтобы дать ему возможность отправиться туда, куда влекли его мечты, между тёмъ этоть народъмогь бы на что-нибудь другое употребить свои силы. Но къ чему
же весь этоть шумъ? Вёдь если разсчеть вёренъ, то эти льдины
должны быть превосходными—нётъ, непреодолимыми—союзниками.
Но если въ разсчете есть какая нибудь ошибка, то, разумёстея,
имёть дёло съ этими льдинами не такъ пріятно. Но часто ли разсчеты оказываются вёрными?

Ну, а еслибъ я былъ свободенъ теперь? Я бы повторилъ то же самое, исходи изъ тёхъ же положеній. Надо выждать, пока научищься върно разсчитывать.

Я смёюсь надъ цынгой! Нёть лучшаго санаторія, какъ наше судно. Я смёюсь надъ могуществомъ льда! Мы живемъ точно въ неприступномъ укрёпленіи. Я смёюсь надъ колодомъ; онъ—нечто! Но надъ вётрами я не смёюсь; они составляють все. Они не подчиняются никакой человічності водъ.

Что пользы постоянно сокрушаться о будущемъ? Зачёмъ создавать себё заботы по поводу того, плывемъ им мы впередъ, или назадъ? Отчего не жить безпечно, день за днемъ, не нарушая ничёмъ мериаго теченія временя? Отъ времени до времени вёдь порывъ вётра нарушаеть это затишье.

Жазнь—удивительное учрежденіе! Вічное отремленіе впередь, все впередь—къ какой ціли? Потомъ приходить смерть, и всему наступаеть комець раньше, чімь ціль бываеть достигнуть.

Сегодня я сділаль большую прогулку на лыжахь. На нівкоторомъ разстоянія къ сіверу находятся многочисленныя, новообразованныя польные и ледяныя вершины, черезъ которыя трудно было проходить. Но терпівніе все преодоліваеть, и я скоро достигь отдаленной равнины, очень удобной для бізга.

Было довольно холодяю—47° и —48° С. при скорости съверовосточнаго вътра въ 5 метровъ, но я не особенно чувствоваль это. Здерово и пріятно быть на воздухъ въ такую погоду. Я одъть быль, какъ обыкновенно, и только сверху куртка изъ тюленьяго мъха и холщевыя панталоны, на лицо же я надъль полумаску для защиты яба, носа и шекъ.

Сегодня было довольно сильное давленіе льда, въ различномънаправленіи. Сегодняшнія вычисленія указывають широту 79° 45′, слідовательно, въ четыре дня, съ 4-го марта, мы подвинулись въ югу только на 8 минуть. Это медленное движеніе, не смотря на сильный вітеръ, поразительно. Если на обверів есть земля? Я все боліе и боліе начинаю думать объ этомъ. Существованіе материка на сіверів тотчась же бы намъ объяснию, почему мы не ндемъ на сіверъ, а насъ такъ медленно подвигаеть къ югу. Но это обстоятельство можеть зависёть также и оть того, что ледъ сдвинулся очень плотно и образоваль огромную земерящую массу. Меня удивляеть, что сёверо-западные вётры дують такъ часто, а сёверо-восточнаго вётра почти не бываеть, хотя на основаніи круговращенія земли мы должны были бы ждать появленія этого послёдняго. Если тамъ нёть никакой земли, то я совоёмъ не могу найти объясненія этому явленію, по крайней мёрё, въ томъ, что касается направленія вётра.

• Распространяется и земля Франца-Іосифа на востокъ или на съверъ или же оттуда идетъ въ однемъ или другомъ направлении непрерывный рядъ острововъ? Тутъ во всякомъ случай инчего ивтъ невозможнаго. Когда австрійцы прошли довольно далеко на съверъ, то имъ пришлось пренмущественно имътъ дъло съ съверо-восточнымъ вътромъ, между тъмъ какъ у насъ дуютъ съверо-вападные вътры. Не находится ли ядро этого материка на съверъ, посредний между ихъ меридіаномъ и нашимъ? Я едва могу върить, что эти удивительно холодиме вътры съ съвера происходять только отъ того, что они дуютъ надъ поверхностью покрытаго льдомъ моря. Если тамъ, дъйствительно, есть земля, и мы ее достигнемъ, то вой наши тревоги исчезнутъ. Но никто не знаетъ, что принесетъ съ собою будущее и, быть можетъ, лучше, что мы этого не знаемъ.

Суббота, 10-го марта. Веревка указываеть теченіе къ свверу и теперь, послі обіда, подуль легкій южный вітерокъ. Мей онъ принесь пользу, какъ всегда, разсіявь мое уныніе. Сегодня у меня опять бодрое настроеніе, и я снова могу предаваться счастливымъ мечтамъ о большой странів на сівері, съ горами и долинами, и мы сидимъ у подножія стіны горъ и жаримся на солнці, ожидая весны. На льдинахъ этой страны мы совершаемъ свой путь до самаго полюса.

Воскресенье, 11-го марта. Прогулка на лыжать на северъ. Тенпература—50° С. Сила вётра 3 метра. Холодъ не очень чувотвителенъ, только низъ живота и ноги у насъ сильно озябли, такъ
какъ некто изъ насъ не надёлъ «панталонъ для вётра» (такъ называли им легкія панталоны изъ тонкаго плотнаго сукна, служащія
для защиты отъ вётра и сиёга) и мы были одёты въ обыкновенные шеротяныя панталоны и кальсоны. На верхнюю часть тёла у
насъ была надёта рубашка, воротникъ изъ волчьяго мёха или
обыкновенный шеротяной костюмъ и куртка на оленьемъ мёху.

Въ первый разъ въ жизни я чувствоваль, что у меня мерзнуть ноги, а именио колени. Мои спутинки испытывали то же самое. Это ощущение появняесь после того, какъ мы довольно долго обжали противъ вётра. Мы стали растирать ноги, и оне опять согрелись, но я думаю, что мы бы ихъ сильно отморозили, еслибъ продолжали обжать дальше, не обращая вниманія. Въ другихъ отношеніяхъ мы не имели и пакихъ основаній жаловаться на колодъ. Наобороть, температура была вполие пріятная, и я убежденъ, что даже пони-

женіе ен еще на 10—20, даже 30° вполив переносимо для че-

Удивительно, какъ изманяется у человака способность воспріничивости. Дома мив было непріятно выходить на воздухь въ 20° мороза, даже въ безватряную погоду. Когда сидишь дома въ теплой комнатв, то понятіе объ ужасахъ холода всегда бываеть преувеличеннымъ. Мы вса чувствуемъ себя прекрасно, не смотря на холодъ, хотя накоторые изъ насъ и сокращають свои прогулки изъ-за этого. Но это бываеть тогда, когда одежда слишкомъ легка и недостаточно защищаеть отъ ватра.

Сегодня вечеромъ—51,2° С и сѣверо-восточный вѣтеръ со скоростью 4,4 метра. Влестящее сѣверное сіяніе въ южной части неба. Даже въ полночь заря теперь становится очень замѣтной.

Понедёльникъ, 12-го марта. Медленное движеніе въ югу. Я предприняль одинъ далекую прогулку на лыжахъ къ сёверу. Сегодня я надёль теплые панталоны и нашель, что онё слишкомъ теплы. Утромъ было—51,6° С при съверномъ вётрё, приблизительная скорость котораго была 4 метра. Въ полдень стало теплёе на нёсколько градусовъ. Уфъ! этотъ съверный вётеръ освёжаетъ таки! Барометръ снова поднялся, и я думаль, что вётеръ перемёнится, но онъ осталоя тотъ же.

Вотъ что принесъ намъ мартъ мѣсяцъ, на которомъ я основывалъ всѣ свои надежды. Я долженъ ждать теперь лѣта. Скоро пройдеть цѣлое полугодіе, и мы почти не двинулись съ мѣста.

Ахъ, я усталъ, такъ усталъ; дайте мив спать, только спать. Пусть придеть сонъ и безшумно закроеть двери мовхъ мыслей, прекративъ ихъ течене. Пусть придуть сновидени, и безсивжный берегь Готгааба осветится снова яркими солиечными лучами!

Среда, 14-го марта. Вечеромъ вдругъ всё собаки начали даять; мы рёшили, что оне чують медвёдя. Свердрупъ и я похватали свои ружья, спустили двухъ собакъ и бросились впередъ.

Заря еще не прекратилась, луна же начала свътить. Лишь только собаки были на льду, какъ бросились отремглавъ, точно двъ ракеты, прямо на западъ; мы старались поспъвать за ними. Прытая черевъ канаву, я провалился сквозь ледъ до самыхъ колёнъ. Страннымъ образомъ я не промокъ, какъ это можно было ожидать, котя на мнё были обуты только финскіе башмаки и гамаши, но при этой температурѣ (—39° С) вода замерваетъ на поверхности холодной матеріи раньше, чёмъ проникаетъ сквозь нее. И позднёе я ничего не чувствовалъ, такъ какъ вода образовала ледяной панцырь, который почти согрѣвалъ меня. Добравшись до довольно отдаленной канавы, мы открыли, что собаки почуяли вовое не медевдя, а скорѣе моржа или тюленя, такъ какъ въ новообразованномъ льду мы замѣтили много отверстій, черезъ которыи этотъ звѣрь просовывалъ голову. Но какое удивительно тонкое чутье у собакъ! Звѣрь

находился на разстояніи болью одного видометра и, вёдь, только чуть-чуть высунуль свою морду изъ-подо льда наружу.

Мы вернулнов на судно, чтобы взять гарпунъ, но звъря больше не видали, хотя несколько разъ обходили канаву. Между темъ, одна изъ собакъ, «Панъ», въ имлу увлечения, подощелъ слишкомъ близко къ отверстию и упалъ въ воду. Ледъ былъ такъ высокъ, что онъ не могъ выкарабкаться безъ чужой помощи, и еслибъ меня туть не было, то онъ навърное утонулъ бы. Теперь онъ лежитъ въ салонъ, гдъ чувствуетъ себя прекрасно, и сохнетъ. Хотя онъ пробылъ въ водъ довольно долго, но не промокъ насквозъ, и кожа подъ его толстымъ грубымъ мъхомъ была совсъмъ теплая и сухая. Собаки всегда бываютъ чрезвычайно довольны, когда ихъ впускаютъ въ каюты, но это удовольстве не часто выпадаетъ на ихъ долю. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно расхаживаютъ по всъмъ каютамъ, отыскиван удобное мъстечко, гдъ бы могли разлечься.

Пріятная погода, вътра почти нѣть. Яркій свѣть и луна; въ сѣверной части неба вечерняя заря, въ нижней—сѣверное сіяніе, то вифющее видь пылающихъ трезубцовъ, то превращающееся въ серебряную завѣсу, къ складкахъ которой, колыхающихся отъ дуновенія вѣтра, тамъ и сямъ выглядывають красивыя кружева. Это чудное зрѣлище всегда одинаково ново и одинаково приковываеть вниманіе.

Четвергъ, 15-го марта. Сегодня утромъ—41,7°С и къ восьми часамъ вечера—40,7°, но въ теченіе дня было нісколько тепліве. Утромъ температура была—40,5°, а въ 4 часа послів об'яда—39°. Повидимому, солице скоро вступить въ свои права.

Собави—удивительныя существа. Сегодия вечеромъ имъ опять должно быть было жарко въ конурахъ, такъ какъ ивкоторыя изъ инхъ выявають другь на дружку въ конуру и лежать тамъ, твоно прижавшись другь къ другу; у нихъ ивть тогда охоты совершать прогулки, и онв предпочитають лежать и граться на солиць. Но сегодия, счевидео, онв находять погоду пріятной и умеренной, и поэтому иструдно было соблавнить ихъ на прогулку.

Пятница, 16-го марта. Свердрупъ въ последнее время былъ занятъ приготовленіемъ парусовъ для лодокъ. Сегодня дуетъ легкій юго-западный вётерокъ, поэтому мы и рёшили испробовать одинъ изъ его парусовъ, прикрапивъ его къ двумъ, связаннымъ вийсте, ручнымъ санкамъ. Проба вышла удачной и даже не нужно было сильнаго вётра, чтобы сани скольвили. Такой способъ передвиженія можетъ намъ очень пригодиться въ томъ случав, если намъ придется возвращаться по льду домой.

Среда, 21-го марта. Наконецъ, наступила перемвна. Вётеръ дуетъ съ юго-востока и снова насъ тащитъ къ съверу. Равноденствіе миновало, и съ того времени мы не подвинулись ни на одинъ градусъ къ съверу. Интересно, гдв то встрітитъ насъ слідующее

равноденствіе. Если мы попадемъ къ тому времени еще дальше къ югу, то победа наша будеть очень сомнительна; если же мы подвинемси дальше на съверъ, то битва выиграна, хоти она и можеть долго продлиться. Я возложиль всё упованія на лето; оно должно принести какую-нибудь перемёну. Открытое море, по которому мы дойхали, не могло образоваться исключительно только подъ вліянісиъ такнія льдовъ; тугь должны были действовать и вётры, и теченіе. Если же ледъ, на которомъ мы теперь находимся, такъ дадеко уносится на съверъ, чтобы уступить меото этому открытому морю, то онъ долженъ помочь намъ пройти большое разотояние нашего пути. Можно предположить, что лёто, подъ вліянісмъ холоднаго полярнаго моря на сёверё и теплой Сибири на югё, принесеть оъ собою северные ветры. Во мей это всетаки возбуждаеть некоторыя сомейнія, но съ другой стороны мы нивемъ теплыя моря на западъ, которыя, пожалуй, дъйствують сельнье; притомъ же и Жаннету въп поташело на съверо-западъ.

Удивительно, что, не смотря на западные вѣтры, мы всетаки не двигаемся къ востоку; мы находимся подъ 135° вост. долготы.

Великій четвергь, 22-го марта. Такой же сильный юго-восточный вітерь и теченіе на сіверь. Наше настроеніе улучшается. Вітерь свистить въ такелажі, и эти звуки раздаются точно побіднан піснь.

Утромъ съ одною изъ собавъ сдинался тяжелый припадовъ судорогъ; у нея показалась піна изо рта, и она бішено кусала все, что ей попадалось. Когда припадовъ завершился столбиявомъ, мы отнесли животное на ледъ и положили его. Собава прыгала точно жаба, вытянувъ неподвижно ноги, загнувъ голову и шею вверхъ, между тімъ какъ спина у нея вытянулась, какъ сёдло. Опасаясь, что у нея водобоязнь или какая-нибудь другая заразительная болівнь, я пристрілиль ее на місті. Быть можеть я поторопился, такъ какъ відь врядъ ли теперь могла у насъ быть какая-нибудь зараза на судні. Однако, что же это было такое? Эпилептическій припадовъ?

Недавно меня напугаль одинь изъ щенковь, начавшій бъгать кругомь въ рубкі точно безумный, послів чего онъ залізть въ щель между ящикомъ и стіной, гді и спрятался. Это виділи и другіе, но векорі послів того онъ опять быль здоровь.

Страстная пятинца, 23-го марта. Наблюденія въ полдень указывають 80° сёв. широты. Въ четверо сутокъ мы прошли такое же разстояніе на северь, какое прошли на югь въ теченіе трехъ недель. Во всякомъ случав это можеть служить уте́шеніемъ.

Удивительно, какъ скоро ночи стали свётлыми. Теперь даже первой величины звёзды едва замётны въ полночь.

Суббота, 24-го марта. Канунъ Паски. Сегодняшній день ознаменованся тімъ, что мы впустили дневной світь въ салонъ. Въ теченіе всей зимы люкъ, для предохраненія отъ холода, быль покрыть снігомъ, и, кромі того, вокругь были поставлены собачьи конуры. Теперь же мы выбросили весь сивгь на ледъ и хорошенько вычистили и вымыли стекла люка.

Понедельникъ, 26-го марта. Мы не двигаемся; теченія нёть. Какъ долго это протянется? Какъ я гордился и торжествоваль въ последній день равноденствія; весь міръ казался мий тогда свётльмъ; теперь я уже больше не горжусь!

Солице стоить надъ ледяными равнинами и освёщаеть ихъ своимъ сіяніемъ. Весна приходить, но не приносить съ собою радости. Здёсь все также пустывно и холодно. Душа застываеть.

Еще семь леть такой жизни или, быть можеть, только четыре, что же тогда будеть съ душой? А она?.. Еслибъя только могь дать волю своей тоске! О, я тоскую гораздо больше, чемъ бы следовало. Я не имею мужества думать о будущемъ... Что будеть дома, когда пройдуть года, и никто не явится?

Я внаю, что это бользненное настроеніе; но это безділтельное, мертвое однообразіє безь всякой переміны угнетаеть душу! Никакой борьбы, даже никакой возможности бороться! Все это тихо и мертво, такъ неподвижно и все такъ застыло подъ ледянымъ по-кровомъ... О, даже душа ціненіеть! Чего бы я не даль за одинъ только день борьбы! За одинъ только моменть опасности!

Я все еще долженъ ждать и наблюдать теченіе, но если оно приметь обратное направленіе, то я сожгу свои корабли и рискну всёмъ, чтобы только пробраться по льду на сёверъ. Это будеть опасное путеществіе, туть будеть поднять вопросъ жизни и смерти, но развів у меня есть другой выборъ? Недостойно человіка брать на себя задачу и затімъ бросать ее, когда предстоить сразиться за нее. Есть только оденъ путь и этотъ путь—«впередъ, Fram!»

Вторникъ, 27-го марта. Мы снова идемъ къ югу; вътеръ съвермый. Наблюденія въ полдень указывають 80,4' съв. широты.

Но зачёмъ такъ унывать! Я уставился на одинъ единственный пунктъ и только и думаю о томъ, какъ бы достигнуть полюса и продожить дорогу въ Атлантическій океанъ.

Но въдь наша настоящая задача—изольдовать неизвъстныя поларныя области. Развъ же мы ничего не дълаемъ для пользы науке? Мы привеземъ съ собою довольно богатое собраніе наблюденій, произведенныхъ въ этой области, намъ теперь уже слишкомъ хорошо извъстной. Остальное же есть и остается лишь вопросомъ тщеславія. «Люби больше истину и меньше—побъду».

Разсиатривая картину Эйлифа Петерсена, изображающую норвежскій сосновый лість, я мысленно переношусь туда. Какт чудно-хорошо теперь тамъ весной, среди этой задумчивой, меданхолической тишины, между этими статными древесными стволами. Я чувствую влажный мохъ, въ который безійумно погружаются моя нога. Желтовато-коричневая вода освобожденнаго отъ зимнихъсковъ ручейка журчить въ расшелинахъскалъ; воздухъ напоенъ ароматомъ мха и сосновыхъ иголъ, между тімъ какъ надъ головой

темныя верхушки сосенъ колышутся весеннимъ вётеркомъ на фонб светло-голубыхъ небесъ и издають вёчно жалобный шелесть, а внизу, подъ ихъ защитой, душа безстрашно отдается своимъ порывамъ и находить успокоеніе въ лёсной глуши.

О ты, возбуждающій благоговініе сосновый лісь, единственный повіренный моего дітства! Оть тебя я научился понимать природу, ея дикость и грусть. Ті воспиталь мою душу для жизни. Одинь, въ глуби ліса, у пылающихъ углей костра, на краю безмольнаго, мрачнаго лісного болота, въ то время, какъ темная ночь разстилалась надо мной, какъ я бывать счастливъ, наслаждансь гармоніей природы!

Четвергъ, 29-го марта. Удивительно какую перемѣну производить дневной сиѣтъ, снова осифщающій нашу каюту. Когда мы встаемъ къ утреннему завтраку и видимъ сиѣтъ, произкающій въ каюту, то вполиѣ сознаемъ, что, дѣйствительно, наступило утро.

Мы много работаемъ. Надо изготовить паруса для лодовъ и ручныхъ саней, надо также сделать новыя крылья для мельницы, воторыя могии бы действовать при всякой погоде. Если бы мы могли также приделать крылья и Fram! Надо приготовить ножи, остроги для медвёдей, которые намъ ни на что негодны, западня, въ которыя мы не поймаемъ ни одного медвёдя, тоноры и разныя другія столь же полезныя вещи. Въ настоящее время мы заняты наготовленіемъ деревянныхъ башиаковъ въ большомъ количествь, затемъ мы организовали еще одну отрасль промышленности: кованіе гвоздей. Участинками этой промышленной компаніи являются Свердрупъ и кузнецъ Ларсъ. Изготовляемый продукть превосходенъ, н на него постоянно вывются требованія, такъ какъ наши маленькіе гвозди израсходованы на сооруженіе ручныхъ саней. Крожі того, мы очень усердно работаемъ надъ нашими санями. Затемъ у насъ есть еще одна мастерская, изготовляющая скрышенія для лыжь, а ВЪ ЖОСТЯНОЙ МАСТОРСКОЙ ЗАНЯТЫ ИСПРАВЛЕНІСМЪ ЛАМИЪ.

Нашъ докторъ, за недостаткомъ паціентовъ, устроиять переплетную, очень полезную для библіотеки Fram, гдё некоторыя кинги много читаются и поэтому приходять въ весьма печальное состояніе. Всего более, однако, у насъ на судив занимаются веденіемъ дневниковъ, все ихъ пишуть. Короче говоря: ивть ничего на светь, чего бы мы не делали, и только одного мы не можемъ сделать—хорошаго ветра.

Наши мастерскія можно сміло рекомендовать; работають онів прочно и хорошо. Недавно наша промышленная діятельность еще расширилась организаціей, подъ фирмою «Нансенъ и Амундзенъ», фабрики нотныхъ дисковъ для гармоніума. Картонные диски отъ долгаго употребленія и сырости сильно пострадали, такъ что въ теченіе зимы мы испытывали большой недостатокъ въ музыкі. Вчера, однако, я серьевно взялся за работу и приготовиль цинковый дискъ. Такъ какъ онъ дійствоваль прекрасно, то мы займемся впослід-

ствін приготовленіємъ церковной и світской мувыки, но теперь, сейчасъ приготовляємъ вальсы. Эти послідніє, къ нашему утішенію и удовольствію, звучать превосходно. Какъ только раздаются звуки вальса, такъ въ сердцахъ многихъ обитателей Fram пробуждается новая жизнь.

Я жалуюсь на утомительное однообразіе нашей обстановки, но право же и несправедивъ.

Въ течение последнихъ дней солице ярко осейщало сивжиме холим, но сегодня мятель окутываетъ Fram сивжною завесой. Но затемъ вскоре опить появляется солице, и сивжная пустына сверкаеть, какъ прежде.

Въ природъ есть настроеніе. Часто я останавливался, какъ вко-панный, когда менте всего думаль объ этомъ, при видъ чудной вечервей игры красовъ. Ледяные холын, окутанные голубовато-леловыми сумерками, выдъляющиеся на оранжевомъ фонъ небесъ, освъщенныхъ мерцаніемъ солнечнаго заката, представинють такое зрвлище, которое навсегда запечативнается въ душе, какъ самая глубокая повзія красокъ. А эти світния, мечтательным ночи! Сколько воспоменаній о Норвегін вызывають оні въ насъ, норвежцахъ! Въ воображение рисустся весеннее утро; звізды уже начали мервнуть въ небесахъ, и бледный месяцъ уже выглядываеть надъ верхушками деревьевь, въ то время, когда я отправлялся на охоту за тетеревами. Здёсь, на съверъ, зари со своими сверкающими тонами красокъ напоминаетъ весенній разсветь въ лесной чаще, тамъ, на родинь. Облачный голубой тумань, разотилающием внику, а вверху сверкаеть заря, переходящая въ свежій утренній супракъ надъ 60дотомъ; теминя и незкія облака, выявляющіяся на темнокрасномъ фонв. кажутся далекими возвышенностями.

Дневной свъть, суровый и безжизнение бълый, не представлять ничего привлекательнаго. Но за-то вечеръ и ночь сиятчають душу этого ледяного міра. Она видить печальныя грезы и, кажется, будто въ вечернихъ тонахъ красокъ можно разслышать подавленную жалобу. Но скоро это прекращается, и снова солице однообразно свътить днемъ и ночью, безъ всякихъ оттанковъ, на вачно голубомъ далекомъ небосклонъ.

Пятинца, 6-го впредя. Сегодня должно было произойти замечательное событіе, котораго мы ожидали съ большимъ интересомъ: солнечное затменіе. Ночью Скотть Гансенъ вычислиль, что затменіе начнется въ 12 часовъ 56 минуть. Для насъ было очень важно хорошо обставить наблюденіе, такъ какъ мы могли бы при этомъ проверить самымъ точнымъ образомъ наши хронометры. Поэтому мы и приготовили, для большей вёрности, свои инструменты и часа за два принялись уже наблюдать. Мы пользовались при этомъ большей подворною трубой и нашими большими теодолитами.

Гансенъ, Іогансенъ и я, каждый по очереди, сидваи пять минуть передъ инструментами, чтобы наблюдать края солица; мы ожидали, что первая тёнь покажется съ западной сторовы. Туть же стояль ето нибудь другой и наблюдаль за часами. Мы такимъ образомъ прождали цёлыхъ два часа. Наконецъ, наступилъ счастивый моментъ, когда, по нашему вычисленію, мы должны были увидёть тёнь. Гансенъ емотрекъ въ большую подзорную трубу, когда вдругъ ему почудилось какое-то дрожаніе солнечныхъ краевъ; 33 секунды позднёе онъ векрикнулъ: «Вотъ!» И въ тоть же моментъ то же самое воскликнулъ Ісгансенъ. Часы показывали 12 ч. 56 минутъ $7^1/_2$ секундъ. Позднёе на семь съ половиною секундъ, чёмъ мы вычислили, какое-то темное тёло заслонило солице. Всё мы испытали громадное удовольствіе, и въ особенности Гансенъ, такъ какъ отсюда можно было вывести заключеніе, что наши хронометры находятся въ превосходномъ порядкё.

Дневной свёть замётно угасаль, когда мы сощие въ каюту въ столу. Въ два часа затмёніе достигно своей высшей точки, и мы даже въ салонё могли замётить, насколько уменьшился дневной свёть. Послё обёда мы стали наблюдать тоть моменть, когда кончилось затмёніе.

Воскресенье, 8-го апрёля. Вчера утромъ я еще лежаль въ своей койка и раздумываль, вставать или нётъ, когда на палуба надо мной послышались чьи-то поспашные шаги, за которыми последовали другіе. Что-то въ этихъ звукахъ было такое, что меня невольно заставило подумать о медвада; у меня явилось безсознательное стремленіе спрыгнуть съ кровати, но я остался лежать и прислушивался, не услышу ли выстрёла изъ ружья. Но ничего больше не было слышно и я вскора опять погрузняся въ свои мечтанія.

Вдругъ въ салонъ вбёжалъ Іогансенъ и крикнулъ, что пара медвёдей, полуживыхъ или быть можетъ уже мертвыхъ, лежатъ на большонъ лединонъ холий за кормою судна.

Могштадъ и онъ стреняни по этимъ медевдямъ, но у нихъ ивтъ сольше патроновъ. Многіе тотчасъ же похватали ружья и бросились наверхъ; я уже напялять на себя поскорве платье и отправился на палубу, гдв узналь, что медевди бъжали, и наши люди бросились за ними въ погоню. Но пока и надеваль свои лыжи, они уже успъли вернуться и разсказали, что медевди убъжали. Не смотря на это, я всетаки отправился за ними такъ быстро, какъ только могъ это сделать на лыжахъ, и вскорв напаль на следъ медевдей, вначаль слегка окровавленный. Это была медевдица съ медевженкомъ, который, какъ и полагалъ, долженъ быль быть тяжело раченъ, такъ какъ после первой пули Іогансена онъ исселько разъ падалъ. Поэтому мив казалось, что не трудно овладеть имъ. Не сколько собакъ бъжали передо мною по следу. Оне повернули къ свверо-западу, и я устремился за ними, страшно потъя на солицъ.

Сивжная равнина, сверкающая своею ослепительною вечною белизной, сильно утомина мое вреніе. Я, повидимому, не приближался къ медведямъ. Шансы поймать ихъ могли быть разстреены собаками, которыя были достаточно горячи, чтобы загнать медвёди, но не могли бы удержать его на мёстё. Мив не хотелось, однако, отказаться оть этого удовольствія.

Вокоръ послъ того поднялся туманъ и скрылъ все отъ моихъ глазъ, за исключениемъ слъдовъ медвъдей. Затъмъ туманъ разсъялся и солице снова заблистало, какъ прежде. Мачты Fram давно уже исчезли за крании льдовъ, а и все продолжалъ бъжатъ. Вскоръ, однако, и почувствовалъ слабость и голодъ, такъ какъ впопыхахъ даже не позавтракалъ и долженъ былъ сознаться, что «зеленъ виноградъ»—и вернуться назадъ безъ медвъдей.

По дорогѣ а прошелъ мимо удивительнаго холма. Онъ былъ болѣе шести метровъ высоты (къ сожалѣнію, миѣ не удалось вымѣрить его до самой верхушки), средняя его часть, вѣроятно, подъвліяніемъ напора, рушилась, между тѣмъ какъ остальныя части образовали роскошную тріумфальную арку ивъ самаго бѣлаго мрамора, на которую солице бросало свои яркіе сверкающіе лучи. Ужъ не ради ли моего пораженія сооружена эта арка?

Я вскарабкался на возвышенность, чтобы разглядёть Fram, но должень быль пробъжать еще ивкоторое разотояніе прежде чвить, наконець, разсмотряль на горизонтв таколажь судна. Только къ пяти съ половиною часамь добрался я, наконець, после этой неожиданной прогулки, голодный и усталый, до судна, где вознаградиль себя за долгій пость.

Во время моего отсутствія некоторые изъ товарищей отправились за мною съ санями, чтобы привезти убитыхъ мною медведей. Едва достигли они места, где быль произведень первый выстрель, какъ Іогансенъ и Блессингь, бывшіе несколько впереди прочихъ, увидали за однимъ ближнимъ холиомъ свежіе следы медведей. Но прежде, чемъ они зарядили ружья, зверя уже удалились, и началась новая охота. Іогансенъ погнался за мими на лыжахъ, но и его охота оказалась такою же безуспешеной, какъ моя.

Не повинуло ин насъ счастье? Я похвалялся, что еще ни разу не случилось, чтобы я не забраль съ собою застреленнаго медейдя, но сегодня!... Удивительно, что мы въ теченіе одного дня увидёли четырехъ медейдей, тогда какъ воть уже три мёсяца къ намъ не показывался ни одинъ! Не означаетъ ли это что небудь? Не находимся ли мы вблизи материка на съверозападъ, чего и жду давно? Поведимому, готовится какая-то перемёна.

Наблюденія вчерашняго вечера указывають 80°15' свв. широты — самый свверный пункть, какого мы только достигли.

Воскресенье, 15-го апраля. Воть уже и половина апраля. Какъ радостно звучить это слово, какой въ немъ источникъ блаженства! Уже при одномъ его произнесеніи встають въ воспоминаніи весеннія картины, такое время, когда настежъ растворяются двери и окна, чтобы впустить въ комнаты весенній воздухъ, изгоняющій зимною пыль, — когда трудно усидёть спокойно и такъ и тянеть

уйти въ лесъ, въ поле, чтобы дышать воздухомъ свежевспаханной земян и явбоваться фіордомъ, освободившимся отъ лединыхъ оковъ и сверкающимъ на солнцъ. Какой нензсикаемый источникъ ликованія пробуждающейся природы заключается въ словів «апріль»! Но влёсь-влёсь инчего полобнаго нёть! Солице также долго блестить на небъ, но его яркіе лучи падають не на поля, льса и горы, а на оследительную белизну свежевыпавшаго снега. Почти не тинеть полинуть зимнее убължие. Апрыль здысь не влечеть за собою никакихъ переменъ; если они и происходить, то гораздо повдине. Лин протекають однообразно. Я не ощущаю забсь и сабдовь безпокойства, вызываемаго весной, и замываюсь, какъ въ раковинъ, въ своихъ научныхъ изследованіяхъ. Я провожу день за днемъ, погружаясь въ мірь микроскопа и забывая время и все окружаюшее. По временамъ я выхожу не надолго изъ темноты на свётъ; дневные лучи сверкають вокругь меня и въ моей душт раскрывается узкая щель, дающая проходъ свёту и бодрости, но затёмъ снова надо идти внизъ, въ темноту, и опять работать.

Прежде чёмъ лечь спать, я еще разъ выхожу на палубу. Дневжой светь только что погась и одиновія звезды слабо сверкають на небе, въ то время какъ бледная луна освещаеть ледъ. Но теперь и этого не бываеть; солице не исчезаеть за горизонтомъ и все время день. Я смотрю вдаль, на эту пустынную сивжную равнину, на эти безпредъдъныя, безмольныя, безжизненныя ледяныя массы, находящіяся въ незаметномъ движенія. Нячего не слыхать, кромъ слабаго шелеста вътра въ такелажъ, да иной разъ, вдали, глухого треска сдвигающягося вьда. И среди этой безжизненной пустыни видивется только маленькое темное пятно — Fram! Но подъ этемъ дединымъ покровомъ, на сотни метровъ въ глубену, находится ценый мірь, изобилующій самыми разнообразными формами жизни, міръ, закирчающій въ себь такія же сочетанія, какъ н нашъ, такін же стремленія, заботы и навёрное такія же радости н такую же борьбу за существованіе повсюду. Если им проникнемъ оквовь кринкую раковину, то натыкаемся на такой же пуньсь жезни, какъ бы ни была толота кора, поль которою онь скры-BACTOS.

Мив представляется, что я симу въ одиночествъ и прислушивансь къ звукамъ одной изъ самыхъ могущественныхъ струкъ природы. Безпрепятственно звучить надъ вселенной величественная симфонія природы безчисленные въка, то выражаясь оглушительнымъ шумомъ дъловой жизни, то неподвижнымъ холодомъ смерти, какъ въ Шопеновскомъ похоронномъ маршъ. А мы, — мы представляемъ лишь безконечно малыя, незамётныя колебанія струны въ этой постоянно мёняющейся, но въ тоже время неизмённой, могущественной музыкъ вселенной. Тоны этой музыки — это міры; колебанія однихъ продолжаются дольше, другихъ — короче, но каждый поочереди долженъ уступить мёсто новымъ тонамъ.

Грянушій міры! Снова и снова я возвращаюсь къ этой мысли. Я смотрю далеко за предъды въковъ... Медленно и незамътно уменьшается теплота и также медленно падаеть температура земли. Тысячи, сотни тысячь, милліоны лёть проходять, наступають долинковые періоды и проходять, теплота все уменьшается. Пловучія деляныя массы очень медленно, но все полвигаются дальше, все дальше въ южнымъ широтамъ и нивто не заметить, когда наконецъ наступить такое время, что всё моря земли будуть представлять одну большую ледяную массу. Жизнь исчезла съ поверхности земли и сосремоточилась лишь вглуби океана. Но температура продолжаеть падать: ледъ растеть, становится все толще и толще, господство жизни прекращается. Милліоны леть пройдуть, прежде чень ледь достигнеть диа морей. Последній следь живни исчезь, вемля покрыта сивгомъ. Все, ради чего жилось, болве не существуеть. Плоды всёхъ нашихъ усилій и страданій исчезли милліоны лёть тому назадъ, погребенные подъ снёжнымъ саваномъ.

Окоченвиая, безжизненная медяная масса—вемля всетаки продолжаеть свой путь въ въчности; солице свётить тускло и лунаболье не блестить на небъ и едва заметна. Но съверное сімне, быть можеть, еще пламенветь надъ пустынисю ледяною поверхностью и звёзды тихо и мирно сверкають, какъ и прежде. Одивуже погасли, но новыя заблестьли и кругомъ вращаются новые міры съ новою жизнью и такими же безцёльными страдавіями. Таковъ безконечный кругь въчности, въчный ритмъ природы.

Понедъльникъ, 30-го апръля. Мы плысут, сверъ. Вчерашнія наблюденія указывають 80°42′; костім лиія 80°44′30′′ свв. широты. Вътерь все время дуеть с. и спо-востива.

Пріятная весенняя погода. Чуг квуется, чле принив весна, котя термометръ и оспариваеть это.

На судив мы производимъ большую весениюю чистку; очищаемъ-Fram отъ льда и сивга и наше судно выглядить точко освобожденная отъ зимняго покрова окала, покрытая цветами. Сивгь выбрасывается съ палубы лопатами за бортъ. Темный такслажъ резковыделяется на голубомъ небе, а позолоченные шарики флаговъ на верхушей мачть сверкають на солице.

Мы купаемся въ лучахъ палящаго солнца на солнечной сторонъ судна, гдъ термометръ показываетъ выше точки замерзанія; мирно покуриваемъ трубки, любуясь легкими весенними облачками, плывущим по голубому пространству. Выть можеть нѣкоторые изъ насъвсноминають свою родину, гдъ теперь распускается береза...

(Продолжение сладуеть).

послъднее слово.

(Изъ жизни русскихъ въ Америкъ).

Ť.

Вдали показалась темная полоса берега. Бѣлогрудыя чайки съ однообразнымъ крикомъ носились вокругъ парохода, едва касаясь волнъ своими плоскими крыльями. По временамъ волной приносило къ самому борту зеленую вѣтку или пѣлый вомъ водорослей.

Въ третьемъ классв эмегрантскаго парохода «Норвегія», приблежавшагося въ американскому берегу, въ такъ называемомъ «Steerage», народу было биткомъ набито. Шумъ и говорь пестрой толиы, съ взрывами хохота, вавизгиваньемъ женщинъ и крикомъ ребять, непріятно нарушаль торжественную картину океан Волсы, будто сердясь, ударяли въ пароходъ, забрызгивая съ въ негъ пассажировъ, которые съ крикомъ и кожотомъ отек. Вън отъ борта, давя и толкая задніе ряды. Начинались давка за возня.

Но, но мъръ того, какъ приближался берегь, толна стихала. Толно близость обътованной земли, къ которой стремились всъ тюмысты послъднихъ годовъ, ради которой териълись липенія и откладывался каждый грошъ, сковывала уста. За послъдное время все темное и безотрадное на родинъ скранивалось одникъ свътлымъ лучомъ въ будущемъ: «Мы вдемъ въ Америку». Все териълось только пока, а тамъ, въ Америкъ, начнется новая жизнь.

Но что такое Америка? На этоть вопросъ едва-ли кто могъ ответить съ точностью. Каждый представляль себе Америку по своему. Для мечтательныхъ головъ это быль какойто чудный привракъ въ тумане, что-то прекрасное, великое, хотя неясное. Людямъ практическимъ она представлялась более конкретно, но каждый рисоваль ее себе довольно односторонне. Нёмецъ-булочникъ ожидаль громаднаго сбыта своихъ булокъ, ирландецъ—освобожденія отъ англійскаго гнета, итальянецъ-вемледёлецъ—огромныхъ пространствъ свободной

земли, гдё и онъ можеть облюбовать себё кусочекъ; богатому еврею она представлялась волшебной страной милліонныхъ гешефтовъ; для бёднаго еврея прелесть ея была въ томъ, что у него не спросять паспорта и не будуть гонять съ мёста на мёсто. Каждый ожидаль найти въ Америкъ рёшеніе именно того вопроса, который его мучилъ, который составлянь для него главное въ жизни. Но какъ все это сложится, каковы условія жизни, никто не вналь. Всё кое-что слыхали, кое-что читали, получали короткія, наскоро набросанныя письма отъ родныхъ и друзей, уёхавшихъ въ Америку, воть и все.

У самаго борта, отдёлившись отъ всей толиы, стояль съ задумчивымъ видомъ блёдный, темноглазый человёкъ съ нервнымъ, подвижнымъ лицомъ. Высовій ростъ, большой бёлый лобъ, темная окладистая бородка и темные же волнистые волосы дёлали его красивымъ. Но слегка вздернутый носъ и открытыя губы придавали нёсколько наивный видъ его лицу. Судя по мягкимъ линіямъ, нъкоторой неправильности и неопредёленности чертъ, въ немъ можно было угадать славянина.

Константинъ Сергъевитъ Бунинъ былъ русскій, москвитъ. Одътъ онъ былъ скромно, даже небрежно; дешевое темносърое нальто сидъло на немъ мъшковато, дорожный картувъ былъ порядочно помятъ.

Буниет съ напряженнымъ вниманіемъ следиль за прибли жавшимся берегомъ и казался очень взволнованнымъ. Взглядъего близорукихъ глазъ былъ прикованъ къ берегу. По временамъ онъ вынималъ большой дорожный бинокль изъ сумки, виствшей у него черезъ плечо, и всматривался въ даль.

Съ той самой минуты, какъ исчезъ изъ глазъ берегъ Стараго Свъта, Бунина охватило какое-то особенное чувство. Онъ будто сразу отдълился отъ прежней жизни; полной мелкихъ интересовъ и недовольства собой; теперь онъ свисока смотрълъ на прошлое; даже тъ порывы къ чему-то «невъдомому», которые онъ называлъ «подъемомъ духа» и которыми онъ такъ дорожилъ, казались ему теперь смъщными. Чте за смыслъ былъ въ этихъ безплодныхъ стремленіяхъ «перевернуть вемлю», въ эгой никогда не удовлетворенной жаждъ «великихъ дълъ»? По мъръ того, какъ онъ отдалялся отъ того берега, онъ чувствовалъ, какъ въ немъ росло и кръщо сознаніе своихъ силъ, сознаніе, что онъ уже совершилъ что-то, ръшившись порвать со старымъ и ужхать въ Америку.

Величіе океана, то мирнаго и тихаго, съ поразительно гладкой и ясной, будто стальной поверхностью, то бурнаго и страшнаго, съ дикимъ ревомъ и гуломъ волнъ и неистовыми порывами вътра, постоянно поддерживало его приподнятое настроеніе. На родинъ онъ никогда не испытываль такого продолжительнаго прилива силъ. Даже толпа вокругъ съ своеми будничными заботами, ссорами и крикомъ дѣтей, съ своею несмолкавшей болтовней, не могла нарушить торжественнаго настроенія его души. А главное, это вѣчное недовольство собой, которое грызло его за послѣдніе годы, исчезало подъ вліяніемъ чудныхъ картинъ моря, какъ таеть снѣгь оть теплыхъ солнечныхъ лучей весной. Онъ чувствоваль, что усталая душа его отдыхаеть, что она воскресаеть къ новой жизни, полной смысла и значенія, а главное, полной настоящаго дѣла... Да, эго главное. За всѣ послѣдніе годы, сътѣхъ поръ, какъ десять лѣть тому назадъ Бунинъ кончилъ университеть, онъ метался изъ стороны въ сторону, хватался то за то, то за другое, бросалъ, опять искалъ, снова бросалъ, отчаявался.

Два года тому назадъ онъ присоединился къ одной земледъльческой общинъ, членами которой были нъкоторые товариши его по университету.

Сначала все шло хорошо. Но за последнее время въ ихъ организацію началь вкрадываться ригоризмъ, который претиль его любви къ нравственной свободе, и независимости. Ввели даже исповедь по субботамъ—всё члены должны были «открывать душу» и «каяться»...

У него какъ разъ начинался мучительный періодъ недовольства собой и своимъ дёломъ, когда онъ прочелъ книгу Беллами «Взглядъ назадъ» и увлекся ею. У него всегда была способность добавлять и развивать то ученіе, которымъ онъ увлекался; но черезъ нёсколько времени наступала критика и «идолъ разбивался». Туть же онъ быль такъ завлеченъ, что, услыхавъ отъ кого-то о попыткахъ Беллами основать въ Америкъ общество, согласное съ принципами его книги, ръшилъ бросить все и такъ въ Америку. Конечно, желаніе уткать жило уже въ немъ безсознательно и прежде, книга Беллами была только послёднимъ толчкомъ.

Но какое громадное значеніе имёль этоть толчокъ! Точно годы, длинные годы онъ шель скованный цёпями, а туть вдругь цёпи спали и онъ почувствоваль себя свободнымъ, какъ вётеръ. Да, хуже всякихъ цёпей были сомиёнія, которыя терзали его, отравляли жизнь, отнимали волю...

И какъ онъ ни работалъ надъ собой, какъ ни стремился къ душевному услокоенію, «смыслъ жизни», казалось, уходилъ отъ него все дальше и дальше впередъ, точно маня и поддравнивая.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ онъ прочиталъ «Взглядъ назадъ», онъ уже бралъ билеть на вокзалѣ Смоленской желѣзной дороги. Онъ ѣхалъ въ Америку съ намѣреніемъ сначала познакомиться съ жизнью, поработать простымъ рабочимъ, а потомъ поступить въ общество Беллами, поучиться въ немъ и впослѣдствіи устроить подобное же общество са-

мостоятельно. Денегь у него всего было сто рублей, такъ что отступленіе было отръзано.

По мере того какъ пароходъ приближался къ американскимъ берегамъ, Бунинъ чувствовалъ, что душа его наполняется такимъ восторгомъ и счастьемъ, какихъ онъ не испытиваль во всю жизнь. У него захватывало духь оть прилива новыхъ ощущеній.

Небо было подернуто розовой дымкой. Вдали, въ таин-ственномъ туманъ, былъ еще скрытъ Нью-Іоркъ. Но вотъ блеснуло солнце и яркіе лучи словно прорвались сквозь білорововыя облака. Воть туманъ разсвевается понемногу и справа появляется цвътущей полосою берегь Длиниаго Острова, съ потонувшими въ зелени домами и виллами. Солице свётить все ярче и ярче; съ разныхъ сторонъ, точно вынырнувъ изъ воды, показываются пароходы, парусныя суда, барки, нагруженныя лесомъ, легвія лодочки, и все это тянется къ одной точкв, Нью-Іорку. Длинный Островъ остается въ сторонв, а вдали, соединяя его съ Нью-Іоркомъ, видивется Брукиинскій мость-чудо инженернаго искусства, издали кажущійся огромной волшебной паутиной, раскинутой надъ моремъ.

А тамъ влёво, на фонъ яснаго голубого неба выдълилась гигантская Статуя Свободы, съ высоко поднятой вверхъ рукой, въ которой она держить факель. Бунину казалось, что она делаеть имъ, новымъ пришельцамъ, приветственный знавъ.

Бунинъ оглянулся на своихъ спутниковъ. Всё зашевелились. Нъкоторые тащили багажъ, убирали дътей, другіе слъдили за приближавшимся берегомъ, перебрасываясь веселыми шутками и остротами. Все утомленіе длиннаго пути быле забыто. Лица большинства свытились радостью.

У Бунина шевельнулось въ сердив какое-то особенное теплое чувство къ нимъ. Въдь это все братья по труду, люди, такъ же какъ и онъ, идущіе на рискованное, неизв'ястное будущее, такъ же недовольные своимъ прошлымъ и ищуще лучшей живни. Онъ готовъ быль обнять и этого еврея съ длинной съдой бородой, поддерживающаго старушку жену въ черномъ какъ смоль парикв, изъ подъ котораго выбивались бълые волосы, и этого краснощекаго нёмца, невозмутимо покуривающаго сигару, и ту молодую женщину съ ребенкомъ на рукахъ, устремившую взглядъ, полный безпокойства на берегъ.

Бунинъ подошелъ къ ней и улыбнулся ребенку, черноволосому и черноглазому мальчугану, лъть трекъ. Тоть отвътиль ему также улыбкой, плутовски прищуривь глаза, и спряталь лицо на груди матери:

«E un Italiano *)?» спросила она. Бунинъ отрицательно по-

^{*) «}Вы итальянецъ?»

качаль головой. Marito? *) спросиль онь указывая пальцемъ на берегь. Она поняла. Si, Signore; si **), отвътила она, вся просіявъ. Теперь, когда она улыбалась, онъ замътиль, какъ она красива своей типичной красотой южной Италіи, съ смутлымъ цвътомъ лица и темнымъ румянцемъ. Глаза также были очень хороши, черные, блестящіе, съ продолговатымъ разръзомъ. Мальчикъ прыгалъ у нея на рукахъ и тянулся къ берегу.

А новый край все приближался, маниль къ себъ свъжей зеленью своего берега—цвътомъ надежды, и всъ лица оживлялись однимъ чувствомъ, чувствомъ удовлетворенія и радости достигнутой цъли. Что до того, что завтра опять явится новое желаніе, новая цъль? Въдь въ этомъ стремленіи впередъвся жизнь человъка.

II.

По мъръ приближенія въ Нью-Іорку неясныя очертанія зданій опредълялись все болье и болье, и берегь, казавшійся издали фантастическимъ, принялъ весьма прозаическій видъ. Кирпичныя зданія заводовъ и фабрикъ, съ высокими трубами, преобладали. Мъстами возвышались башни и церкви самыхъ разнообразныхъ стилей, или вдругъ неожиданно надъ всёми зданіями выросталъ неуклюжій многоэтажный домъ современной архитектуры, одинъ изъ тъхъ «домовъ до неба», которыми такъ гордятся американцы; издали онъ имълъ видъ высочайшаго карточнаго дома, за который дрожищь—какъ-бы онъ не повалился: такъ несоразмърна его вышина съ шириною.

Пароходъ подошеть не прямо къ Нью-Іорку, а остановился сначала у острова Эллисъ для инспекціи, какъ было заявлено пассажирамъ. Толпа повалила съ парохода. Странное впечатлъніе произвель на Бунина вокзаль, обширный и длинный, въ концъ котораго сновали чиновники въ черныхъ пиджакахъ съ свътлыми пуговидами. Можетъ быть обиліе желъвныхъ рёшетокъ, которыя особенно поразили Бунина, придавали ему «казенный» видъ. Пассажиры шли по одному въ рядъ и ряды были раздёлены ръшеткой; вправо и влъво отъ нихъ также были желъзныя ръшетки. Эти ръшетки направо и налъво поднимались до потолка, а за ръшетками сидъли и ходили люди. Въ первую минуту Бунинъ не могъ ихъ разсмотръть и не зналъ, что о нихъ подумать. Онъ быль слишкомъ занять той процедурой, которая продълывалась надъ но-

^{*) «}Mymb?»

^{**) «}Да, господинъ, да».

воприбывшими. Онъ стояль въ конце длиннаго ряда и видель. что каждаго изъ переднихъ нассажировъ останавливаль чиновникъ, стоявшій у конторки, допрашиваль его о чемъ-то, очевидно, записываль его отвать и или пропускаль, или отправляль за одну изъ ръшетокъ, направо или наявю. Теперь допрашавали ту молодую итальянку съ ребенкомъ, которая обратила на себя вниманіе Бунина на пароході, и онъ виділь, какъ она волновалась, отвъчая, путалась и вся дрожала. Чиновникъ, очевидно, не понималъ ея и съ нетерпеніемъ крикнуль: «Signore professore!» Другой такой же чиновникь, брюнеть съ итальянскимъ типомъ лица, равязно подошель въ молодой женщине и ваговориль на ся родномъ явыке. Она просіяла и стала торопливо ему что-то объяснять. Бунинъ вспомналь, что еще дорогой слышаль о новыхь правилахь для иммиграціи, чрезвычайно строгихъ, но тогда онъ совсёмъ не обратиль на это вниманія: онъ быль слишкомь полонь своими имслями и мечтами. Но теперь мечты кончились и действительность вступила въ свои права. Онъ поняль, что молодую женщину не хотять пропустить. Итальянецъ - профессоръ отошель въ другимъ своимъ товарищамъ и между ними происходило совъщание. Молодая женщина смотръла на нихъ умоляющимъ вворомъ, полнымъ страха.

— No, no and no, — отразаль наконець профессорь, беря плачущую женщину за руку и подводя къ правой рашетка, дверь которой тотчасъ-же за ней захлопнулась.

— Ваше имя, національность, возрасть, занятіе, имѣете ли родныхъ въ Америкъ, сколько имъете съ собой денегь?—этоть градъ вопросовъ посыпался совершенно неожиданно на Бунина, который внимательно следиль за сценой съ молодой женщиной и быль сильно взволновань. Что это значить? Неужели ее отправять назадь? Чиновнику приплось сердито повторить вопросы. Къ счастью, отвъты Бунина оказались удовлетворительными, и его пропустили. Но онъ не ушелъ тотчасъ же, а ръшилъ разузнать объ участи итальянки и помочь ей, если будеть возможность. Онъ сталь въ сторонъ и высматриваль, кто изъ служащихъ мене занять, чтобы разспросить его. Но всв они были въ такой суетв, отвъчали всвиъ такъ ръзко и нетеривливо, что Бунинъ долго не ръшался подойти. Онъ смотрёль то на чиновниковъ, сновавшихъ взадъ и впередъ, то на пассажировъ, опвиленныхъ решетками, и невольно сравниваль представителей Новаго и Стараго Свъта. Передъ нимъ стояла толна примельцевъ, еще не перешагнувшихъ чрезъ очарованный кругь. На каждомъ взволнованномъ лицъ можно было прочесть одинъ безпокойный вопросъ-приметьли ихъ новая родина или холодно оттолкноть, какъ это сдълана старая. Свёжестью и силой вённо оть этой толны оригинальныхъ, типичныхъ представителей Европы, съ ихъ пестрой одеждой разныхъ мёстностей, загорёлыми лицами и грубыми рабочими руками. Какой рёзкій контрастъ представляли они съ этими прилизанными чиновниками въ однообразной формё, съ гладко обритыми лицами и коротко, по солдатски, обстриженными головами. Бунину стало смёшно, когда онъ вспомниль, какъ онъ представляль себё американцевъ въ дётствё—какими-то сказочными героями, непремённо съ перьями на головё.

Наконецъ Бунинъ решился обратиться къ одному юркому блондину съ живыми проницательными глазками, обжавшему мимо него.

- Скажите пожалуйста, что за люди сидять тамъ за рёшеткой?—спросиль онъ вёжливымъ тономъ, но ломаннымъ англійскимъ языкомъ. Блондинъ окинулъ его испытующимъ недовёрчивымъ взглядомъ.
- Направо пассажиры, которые должны быть снова отправлены назадь, въ Европу, а налѣво временно-задержанные.
 - Но почему же ихъ отправляють назадъ?
- Вы слишкомъ много хотите знать. Это совсёмъ не ваше дёло. Вёдь васъ пропустили, ну и довольно съ васъ.
- Да, но меня интересуеть судьба моихъ товарищей попутешествію. Что сдёлають съ этой молодой женщиной?

Чиновникъ посмотрълъ на него пристально, усмъхнулся и насмъщино сказалъ:

— А, такъ это *она* васъ интересуетъ. Ее отправять назадъ, въ Европу, съ следующимъ пароходомъ. У нея нетъ адреса ни мужа, ни родныхъ и она можетъ быть въ тягость стране. Да вотъ прочитайте правила.

Онъ подвель Бунина къ одной изъ конторокъ, на которой лежалъ печатный листокъ съ правилами. Вогъ что прочель Бунинъ:

Назадъ въ Европу отправляются:

- 1) Рабочіе, прівхавшіе изъ Европы по контракту, т. е. впередъ заручившіеся работой въ Америк'в и заключившіе контракть.
- 2) Люди, не имъющіе ни денегь, на знакомыхъ въ Америкъ.
- 3) Пауперы, бывшіе въ Европ'я въ рабочемъ дом'я, или сид'явшіе въ тюрьм'я преступники.
 - 4) Жены, не знающія адреса своихъ мужей въ Америкъ.

5) Беременныя дівушки (буквальное выраженіе).

Прочитавъ эти правила, подъйствовавшія на него вродъ ушата холодной воды, Бунинъ невольно оглянулся вправо, на жельзную ръшетку. Теперь онъ ясно увидьять, что за ней,

...

кром'в итальянки, седить еще челов'вкъ тридцать мужчинъ. Всё они были очень б'ёдно од'ёты, им'яли блёдныя, опухшія лица, всклокоченныя бороды и вообще неряшливый видъ людей, надъ которыми благовоспитанное общество давно произнесло свой приговоръ, назвавъ ихъ «отребьями». Они ходили за р'ёшеткой взадъ и впередъ точно дикіе зв'ёри въ клётк'ё, каждый погруженный въ свою горькую думу, н'ёкоторые съ едва сдерживаемымъ волненіемъ, другіе покорно, съ пришибленнымъ видомъ...

— И эти всё будуть возвращены въ Европу? спросиль Бунинъ.

— Да, у нихъ нътъ ни денегъ, ни друзей. Америкъ не нужны люди, которые будутъ въ тягость странъ. Америка для американцевъ! Вогъ нашъ девизъ!

И чиновникъ отошелъ отъ Бунина, небрежно махнувъ ему рукой. Въ манерахъ всёхъ чиновниковъ таможни Бунинъ заметилъ это небрежно повелительное и вмёстё фамильярное отношение. Бунинъ догналъ его.

— Можно инъ взглянуть на списки эмигрантовъ?

— Повторяю, мы не хотимъ, чтобы вы внали слишкомъ много. Ну, да ужъ такъ и быть, воть одинъ.

Бунинъ просмотрълъ списокъ. Противъ фамиліи каждаго эмигранта было обозначено имя его, возрасть, занятіе, сумма имъющихся на лицо денегъ. Денегъ у большинства было очень мало: по 5, 6, 8 долларовъ, у нъкоторыхъ только по 2 доллара. Бунинъ покраснълъ, онъ вспомнилъ какой суммой, въ его глазахъ казавшейся ничтожной, онъ «отръзалъ себъ отступленіе». Но отдаваться самобичеваніямъ было некогда, и онъ снова принялся наблюдать.

Въ эту минуту изъ-за ръшетки появилась семья, которую онъ ваметиль еще на пароходе. Люди эти, повидимому, прівхали изъ Свв. Германін, можеть быть, изъ Помераніи. Всв члены семьи-бълобрысые, съ бездвътными лидами и длинными желтоватыми волосами. Отецъ семьи-высокій, худой, въ очкахъ на маленькомъ ведернутомъ носу, въ длинномъ черномъ сюртукъ и круглой низенькой шляпъ, кроткимъ выраженіемъ лица напоминаль пастора. Жена его, женщина среднихъ лёть, съ отцейтшимъ лицомъ и плоской грудью, тоже въ черномъ скромномъ платъв, потертомъ, хотя опрятномъ, и очень старомоднаго покроя, казалась забитой, замученной работой. Дъти, которыхъ было 5 человъкъ и всв на одно лицо, некрасивыя и бледныя, какъ родители, пеплялись за юбку матери. Бунину невольно прашло въ голову, что они будуть лишними въ Америкъ. Гдъ имъ начинать жить сначала? Законченной жазнью велло оть этой пары. И дети какія-то захудалыя. Бунинъ только что хотель подойти къ нимъ и заговорить по-нъменки, какъ виругь громкій возглась: «Nicolo Piccolomini» отвлекъ его вниманіе. Онъ оглянулся, — кричаль чиновникъ, стоявшій у ріметки, за которой поміщийсь родные новоприбывшихъ, прівхавшіе ихъ встрітить, и посторонняя публика. Красивая итальянка за ріметкой оживилась и вся засіяла радостью. Итальянецъ небольшого роста съ загорівнымъ, худощавымъ лицомъ и выразительными глазами вышель изъза ріметки, гді стояли ожидающіе, и почти бросился къ маленькой крестьянкъ. Она, вся сіяющая, спокойно и ласково ему кланяется—у нея здоровые деревенскіе нервы, а онъ порывисто обнимаеть ее.—Видно очень стосковался безъ нея на чужбинть. Мальчикъ, живой портреть отца, довірчиво идеть къ нему на руки, какъ будто только вчера его виділь и сразу чувствуеть себя на своемъ мість. У отца на глазахъ слевы радости.

— Здёсь всё наши, товарищи,—говориль онъ взволнованнымъ голосомъ,—пришли тебя встрётить.

У барьера ихъ встретило четверо такихъ же черноглавыхъ итальянцевъ въ синихъ рабочихъ блувахъ.

Всё торопливо жмуть руку пріёзжей и закидывають ее вопросами. Они говорять на своемъ пёвучемъ языкё радостно и задушевно, не обращая ни малейшаго вниманія на толиу вокругь.

— Go ahead, go ahead! *)—раздается повелительный голосъ чиновника у двери. —Итальянцы захватывають вещи прівжей и предшествуемые отцомъ, къ щекв котораго крыжо прильнуль ребенокъ, направляются къ двери. Съ ними исчезаеть точно лучъ солнца, на мгновеніе осветившій мрачную залу съ решетками, и лица, озарившіяся было улыбкою, делаются опять серьезными и озабоченными.

Но вниманіе Бунина уже отвлечено. Изъ-за рѣшетки, гдѣ стоять пассажиры, показывается крестьянка, судя по одеждѣ—полька, въ широкой короткой юбкѣ, грубыхъ мужскихъ сапо-гахъ и бѣломъ платочкѣ на головѣ. Она согнулась почти до земли подъ тяжестью необъятнаго краснаго полосатаго мѣшка, который перекинутъ у нея черезъ плечо. Она изнемогаетъ, но тащить его, въ немъ все ея имущество.

А чиновникъ пристаетъ къ ней: «Какъ имя, сколько летъ, какое занятіе, сколько денегъ» и отправляетъ ее въ отдёленіе временно задержанныхъ. Она едва плетется, да еще подгоняетъ двухъ крошечныхъ дёвочекъ, которыя цёпляются за ея передникъ.

За ней тянется огромная семья польских вереевь. Ребятишекъ, оборванныхъ, худыхъ, блёдныхъ—не перечесть. Отецъ, съ большой рыжей бородой и крючковатымъ носомъ, изо всёхъ

^{*) «}Впередъ, впередъ»!

силь хлоненеть, чтобы ихъ пропустили. Но онъ единственный взроссый работникъ: такая семья можеть быть въ тягость Аме-

рикв.

Но что это? Какія отчаянныя рыданія! Бунинъ оглянулся. Одинъ изъ чиновниковъ велъ за руку молодую женщину, одътую по-городски, съ нъвоторой претензіей. Легкое летнее платье, отдъланное лентами и кружевами, широкими складками падало вокругь ея неестественно полнаго стана. Свётлая соломенная шляпка скрывала верхнюю часть ея страшно поблёд-нёвшаго лица. Ея полное тёло вздрагивало отъ судорожныхъ рыданій, похожихъ на стоны. Она шла, поникнувъ головой и стараясь закрыться платкомъ отъ направленныхъ на нее со всвять сторонъ взглядовъ. Но не смотря на то, что часть лица ея была скрыта, Бунинъ угадываль, что она красива. Изящный оваль лица, нъжная розоватая кожа, свътлые выощіеся волосы, бълыя руки съ тонкими пальцами, ръвко отличали ее отъ всей прітежей толпы. Въ рыданіяхъ ся слышалось безпомощное отчаяніе слабой, изніженной жен-щины. Бунинъ удивился, что не замітиль ея на пароході. Върно, пряталась въ кають, бъдняжка. Вдругь, какъ молнія, у него промелькнула мысль о последнемь параграфе устава объ иминграціи. Какая страшная драма должна происходить въ ея душв! Неужели нельзя ей помочь? Бунинъ рванулся къ ней, охваченный чувствомъ глубокаго состраданія.

— Можеть быть и эта вась интересуеть?—раздался насмёшливый голосъ блондина, съ которымъ Бунинъ говорилъ прежде. Бунинъ отшатнулся, какъ ужаленный. Блондинъ втолкнулъ молодую женщину за рёшетку, гдё сидёли отправлявшеся въ Еврону, захлопнулъ за ней дверь и, видя, что инспекція кончена, крикнулъ громкимъ голосомъ: «All out!» (Всё вонъ!)

Всй оставшіеся въ вокзал'я пассажиры двинулись къ пе-

ревозу.

Бунинъ быль въ недоумвніи. Что туть дёлать? Нельзя же такь бросить несчастную... Сердце Бунина было полно жгучимъ чувствомъ жалости. Онъ стоялъ и оглядывался съ нерёшительнымъ видомъ вокругъ, не зная что предпринять. Вдругъ у выходныхъ дверей онъ замётилъ высокаго старика почтеннаго вида, въ черной длинной одеждё и съ пушистой сёдой бородой. Онъ раздавалъ какіе-то листки пассажирамъ. Бунинъ обрадовался—это навёрно пасторъ или представитель какого нибудь благотворительнаго общества. Онъ можетъ помочь Не долго думая, Бунинъ подлетёлъ къ нему.

— Вы измець? — спросиль его старикъ.

— Нътъ, русскій.

— Еврейскаго въроисповъданія? — сказаль старикь, при-

готовившійся было дать Бунину листокъ, но тепераживдя его обратно въ сумку.

— Нъть, русскій, христіанинь,—догадался **догад**анть Бунинь. Тогда старикь сунуль ему въ руку нъсколько брошю-

рокъ и хотель уже отойти, но Бунинъ удержаль его.

— Нъть, нъть, мнъ нужно съ вами поговорить... Туть такой ужасный случай... Можеть вы въ состояніи помочь. Путаясь и перерывая разсказъ ненужными объясненіями, Бунинъ передаль старику свои догадки.

— Какъ вы думаете, есть-ли возможность помочь? Въдь вы

принадлежите къ филантропическому обществу?

— Я принадлежу къ Евангелическому обществу, которое разносить истинное ученіе Христа по всему міру— съ важностью сказаль старикъ.—А какой филантропъ можеть быть выше Христа, который охватываеть своей любовью весь мірь...

- Да, да, конечно, радостно подтвердиль Бунинъ. И онъ опять сталъ ему говорить о молодой женщинъ и о необходимости помочь ей. Старикъ выслушалъ его внимательно, но подъ конецъ покачалъ головой съ сомнъніемъ.
- Я понимаю, вы говорите о молодой женщинв, которую сейчасъ провели за решетку. Ваше участіе къ несчастной весьма похвально. Но я боюсь, другь мой, что вы еще слишкомъ юны душой и придаете слишкомъ большое значение нашему временному пребыванію на этой грішной землі. Эта молодая женщина, очевидно, вступила на нуть граха и несеть справедливое возмездіе. Мы, служители Христа, не должны вмішиваться въ мелкія житейскія діла; мы смотримь дальше, заботнися не о временномъ пребывании въ сей юдоли слезъ, а стараемся приготовить человека къ иной, лучшей жизни, жизни въчной — онъ подняль взоръ къ небу — тамъ на небесахъ. Въ этомъ смысле я поговорю и съ молодой женщиной. А вы возымите эти листки, прочтите; въ нихъ вы найдете утвшеніе. Онъ всунуль Бунину въ руки нівсколько листковъ и Евангеліе и опять отошель къ входнымъ дверямъ и сталь раздавать листки проходившимъ.

Бунинъ въ грустномъ раздумът остался на своемъ мъстъ и машинально развернулъ одинъ изъ листковъ. Заголовокъ былъ следующій: «Нуженъ-ли тебт другь?»—Бунинъ сталъ читать дальше. «Нуженъ-ли тебт другь, любезный читатель, другъ, который защититъ тебя отъ всякихъ опасностей, поможетъ тебт въ нужде, другъ, который съ любовью проститъ тебт твои слабости, дастъ тебт мудрый советъ въ затрудненияхъ твоихъ и не откажется руководить тобою? Нуженъ-ли тебт другъ, которому ты можешь поверить свои страдания и печали, который съ полнымъ сочуствіемъ отнесется къ твоему

горю, серти котораго открыто для тебя во всёхъ случаяхъжизта? Дабальний читатель, я радуюсь, что могу указать тебётакого другь этотъ—Христосъ». Бунинъ нёсколько разъ передаталь эти слова, силясь понять ихъ, а самъ вседумалъ: что дёлать, что дёлать?.. Наконецъ одинъ изъ чиновниковъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Вы опоздаете на пароходъ, который перевозитъ пассажировъ въ Нью-Іоркъ и вамъ придется ждать до вечера. Бунинъ модча взялъ свой чемоданъ и въ раздумьи пошелъ задругими.

Ш.

Въ клопотакъ перехода на берегь въ Нью-Іоркъ, никто не заметиль, что небо заволокло тучами. Когда все вышли на улицу, дождь начиналь идти частыми, крупными каплями, точно Новый Свёть для пріема незваных гостей приготовиль имъ колодную ванну. Но Бунинъ не обращалъ на дождь ни мальйшаго вниманія. Онъ схватиль свой чемоданчикъ, открыльзонтикъ и помчанся съ пристани. Его что-то толкало впередъ. Въ ушахъ его все еще звучали рыданія молодой женщины и онъ мучился угрызеніями совъсти, что ничего не сдълаль для облегченія ся участи. Въдь эдакое малодушіе! Ему котвлось убъжать отъ своихъ мыслей. Нужно признаться, первое впечатленіе въ Америке, полученное отъ инспекціи на острове Эллисъ, было не особенно пріятное. У него на душ'в осталось какое-то смутное чувство обиды за человека. Нечего сказать. эти прилизанные чиновники обращались съ людьми, какъ съ пъшками. Но, въдь, они исполняли свою обязанность и дъйствовали въ интересахъ своей родины; они исполняли свой нравственный долгь. Бунинъ старался всячески отогнать неотвявныя мысли и опять настроиться на тоть возвышенный душевный ладь, который охватиль его на пароходе и наль ему такія счастивыя мгновенья.

Нътъ, нътъ, не нужно судить по первому впечатлънію. Прочь критика, прочь жесткая проза жизни! Онъ пріъхаль сюда не для того, чтобы подмъчать отрицательныя свойства американцевъ. Ему нужно знать, что они создали положительнаго, онъ пріъхаль учиться.

Бунинъ шелъ быстрымъ шагомъ, съ жадностью вдыхая въ себя влажный воздухъ. Ему не върилось, что онъ по другуюсторону океана, что онъ ногами своими касается почвы Америки. Ему казалось какимъ-то святотатствомъ попирать ногами эту священную землю и онъ не шелъ, а летълъ, бросая бъглый ввглядъ на окружающее. Дождь усиливался, но Бунинъ

не замвчаль этого. Онь долго шель по узкимь жинцамь, принегавшимь къ пристани. Ряды кирпичныхь, китада деревянныхъ домовъ, часто недостроенныхъ, смотрвли жиндривътливо. Нъкоторые были положительно грязны. Во множить домахъ внизу помвщались овощныя лавочки, съ грудами фруктовъ и зелени передъ окнами. Кое-гдъ попадались маленькія китайскія прачечныя, гдъ китайцы-мужчины съ косичками и въ широкихъ балахонахъ стирали и гладили съ самымъ серьезнымъ видомъ и очень ловко. Бунину это показалось очень смъщнымъ. «Ужъ не своеобразное-ли это ръшеніе женскаго вопроса?»—подумаль онъ и остановился передъ окномъ. Китаецъ съ косицей добродушно улыбнулся ему. Утюгь гладко и легко скользиль по бълью въ его довкихъ рукахъ. Бунинъ отвътиль ему тоже улыбкой и пошель дальше.

Въ общемъ эта часть города производила впечативніе чегото ваброшеннаго, недодъланнаго. Мъстами были навалены грудами, безъ всякой крыши, доски, дрова, жельзо. Все это ржа-ВВЛО И ГИНЛО ОТЬ СЫВОСТИ. Неприветливый виль улипъи усиливающійся дождь понемногу ум'врили пыль Бунина, и онъ сталь подумывать о томъ, чтобы найти квартиру. Какъ ее нскать? Кого спросить? Вдругь у него мелькнула мысль объ эмигрантскомъ бюро, о которомъ онь много слышаль. Увильвъ на углу улицы почталіона, онъ подошель къ нему и разсиросиль его о дорогь. Почтаніонь говориль на американскій парь, у Бунина быль сильный русскій акценть, но всетаки въ концівконцовъ они поняли другь друга. Эмегрантское бюро оказалось недалеко, и минуть черевь 10 Бунинь уже шагаль по Кастиь Гарденъ, небольшому парку; въ углу котораго пріютилось скромное кирпичное зданіе, а въ нажнемъ этажь егоэмигрантское бюро.

Бунинъ вошелъ и совсвиъ растерялся—столько пытливыхъ вворовъ обратилось на него. Вдоль большой комнаты съ очень невкимъ потолкомъ быле поставлены длинныя скамые и на нихъ сидвии «жаждущіе труда», на явой сторонв мужчины, на правой, въ вначительно меньшемъ числъ, женщины. Въ сторонь, у окна, стояла конторка, у которой сидыть завъдующій бюро, окруженный инсколькими рабочими. Бунинъ рышился подождать и прошель на левую сторону, мужчины потеснились и дали ему мъсто. Поставивъ чемоданъ, онъ свиъ и обернулся назадь. Боже, какія серьезныя, энергичныя лицаі Большую часть рабочихъ составияла цветущая молодежь рослые, здоровые парии, съ грубыми руками, привыкшими къ труду, видно прямо изъ деревни. Были и пожилые люди, два-три старика. Бунину чувствовалась какая-то особенная привлекательная простота въ этихъ сильныхъ фигурахъ. «Мы ищемъ работы», какъ будто говорили они, «и не

стышися этого. Мы имвемь на нее право, стоить взглянуть наши житистыя руки». — Дальсть какихъ людей шлеть Европа Америкв,— пона наши

лумаль Виннь.

- Скажите, какого рода работу достаеть бюро?—спросиль онь своего соседа, молодого пария, разговаривавшаго по-нёмецки съ сидевшимъ съ нимъ рядомъ старикомъ.
- Всякую, отвётиль тоть, смотря по вашей спеціальности. Ваша какая?

Бунинь замялся.

— Переплетное мастерство.

За нъсколько дней до отъезда онъ дъйствительно подъучился переплетать книги. Онъ слыхаль, что въ Америкъ необходима. спеціальность.

— Ну, не внаю, есть-ин такая работа. Спросите у завъaviomaro.

Когда Бунинъ, дождавшись своей очереди, подошелъ къ человъку, сидъвшему у конторки, и спросилъ, можетъ ди онъ. нивть занятіе по переплетному мастерству, тоть різко отвітиль:

— У насъ нътъ на это спроса.

Бунинъ, сконфуженный, тотчасъ-же отошелъ, не сказавъ. болье ни слова, точно у него явыкъ прилипъ къ гортани. даже забыль о цёли своего прихода-квартире. Ему захотёлось уйти, какъ можно скорве, и, захвативъ свой чемоданчикъ, онъ посившно вышель, усиввъ заметить добродушно-насмешливую улыбку молодого немца - соседа.

- Чорть возыми, какая безкарактерность, - полумаль онъ. останавливаясь съ растеряннымъ видомъ на крыльцв и неупо-

умъвая, куда ему теперь дъваться.

— Вы русскій?—вдругь раздалось подлів него. —Онъ вздрогнулъ и обернулся. Передъ нимъ стоялъ гладко выбритый господинъ съ небольшими усиками, щегольски одётый. Бунину бросился въ глаза ярко малиновый клетчатый галстухъ на туго накрахмаленной рубашкв.

Склонивъ голову на бокъ и растопыривъ руки, онъ ласково смотрёль на Бунина маленькими черными глазками.

— Зъ нашихъ? — спросиль онъ. Бунинъ улыбнулся.

— Нътъ, я русскій, — отвъчаль онъ.
— Ну, чтожь такое? И я русскій. Позвольте зарекомендоваться-портной Вейнштейнъ, въ Минска. А давно-ли вы прівхали? А не можно-ли вамъ чёмъ помогать?

Бунинъ вдругъ почувствовалъ, какъ въ душъ у него шевельнулся одинъ изъ многочисленныхъ предравсудковъ «русскаго барина», но онъ въ ту же минуту вспомнилъ, что онъ въ Америкъ, гдъ всъ люди равны, и подавиль въ себъ непріятно шевельнувшееся чувство.

- Не поможете-ли вы мнв найти квартиру?
- А зачёмъ нётъ? Ми всегда рады помогать greene horn'амъ *). А какую квартиру вы бы желали? У меня въ семействе есть комната, хорошая комната, чистая, только не очень большая. И возъму недорого.
 - А вы гдв-же живете? спросиль Бунинъ.
 - Въ Дантанъ.
 - Дантанъ? Это чтожъ такое? Городъ, что-ли?

Вейнштейнъ тихо засмвялся.

— Это мы такъ называемъ Нижній Нью-Іоркъ. Американцы говорять down-town, ну, а мы немножко сократили для скорости, и вышель Дантанъ. Всё русскіе тамъ живутъ. Мы можемъ доёхать по этой конкъ за пятакъ. Вы квартиру посмотрите и сами рёшите.

Онъ махнулъ кондуктору и побъжалъ, а за нимъ и Бу-

нинъ.

Когда они вошли въ конку, Вейнштейнъ отеръ потъ съ лица и сталъ съ пріятнымъ видомъ поглядывать по сторонамъ. Народу въ вагонт было порядочно. У Вейнштейна лицо прояснялось все болте и болте и, наконецъ, совстиъ расцетло умыбкой. Онъ съ небрежнымъ видомъ вынулъ изъ кармана папироску и, не зажигая, коснулся до нея губами. Кондукторъ сейчасъ-же закричалъ на него довольно ртзко.

— Развѣ вы не знаете, что здѣсь курить не позволено? Вейнштейнъ плутовски смотрѣлъ на него и улыбался во весь роть.

— A развѣ я курю?—развѣ можно курить незажженую папиросу?

Кондукторъ засивялся.

Вейнштейну только этого и было нужно. Онъ потрогиваль самодовольно карманы, и точно какимъ-то волшебствомъ изъ нихъ стали вылъзать маленькія коробки. Вейнштейнъ продолжалъ плутовски улыбаться и наконецъ заговориль, обращаясь къ публикъ:

— Ladies and gentlemen! here are beautiful Russian political cigarettes. Good for all political opinions. *)

А самъ продолжалъ вытаскивать коробку за коробкой.

Бунинъ только удивлялся, откуда онъ брались.

Публика посматривала на него и одобрительно посмън-валась.

А онъ все раздавалъ да раздавалъ.

^{*)} Greenhorn-новичекъ, веленый.

^{**)} Леди и джентльмены! Воть чудесныя русскія политическія папиросы. Онъ хороши для разныхъ политическихъ взглядовъ, мивній!

- Here are Russian nihilist cigarettes, here Russian Empire

cigarettes. *)

Теперь только Бунинъ замътилъ, что коробки были съ разными картинками. На техъ, которыя онъ вытаскиваль изълевыхъ кармановъ, были изображены какія-то страшныя всклоченныя головы съ свиръщымъ видомъ, а на тъхъ, которыя онъ таскаль изъ правыхъ-генералы въ каскахъ и довольно фантастическихъ ярко веленыхъ мундирахъ.

Публика быстро раскупала папиросы. Вейнштейнъ сіяль все болве и болве.

— Are those real Russian nihilists? **)—совершенно серьезно спросиль одинь американець, указывая на чудовище, изображавшее русскаго нигилиста.

— O, yes, Sir, yes, quite genuine ***)—съ такой увъренностью отвечань Вейнштейнь, какь булто самь присутствоваль

на его крестинахъ.

— Это вы чтожь такое, батенька мой, творите? — спросывь

удивленный Бунинъ.

- Ахъ, махнулъ на него рукой Вейнштейнъ съ легкимъ оттенкомъ превренія, но потомъ вдругь вскинумъ на него вопросительный взглядь: -- Да вы ужь сами не принадлжите-ли къ «грешнимъ лицамъ»?
- Что вы хотите этимъ сказать?—съ удивленіемъ спросиль Бунинь.
- О, я знаю, я знаю, погрозиль ему пальцемъ Вейн-
- Зъ русскихъ только «грёшное лицо» заважаеть въ AMEDERV.

Бунинъ засмаялся.

- Нѣть, я вполиѣ легальный.
- Легальный?—недовърчиво протянулъ Вейнштейнъ.
- Да, да. А вы вотъ лучше объясните мив, что за мажинацію вы продвлываете съ вашими папиросами?
- О, вы этого совсвиъ еще не знасте и не можете понять. Но я постараюсь вамъ объяснить. Видите-ли, Америка-страна рекламы. Здёсь все построено на рекламе. Такъ это first таte ****) реклама, первый сорть реклама. Кто во всей Америкъ придумаль что нибудь такое, кром'в Вейнштейна? А, скажитежа, кто? Good for all political opinions! Въдъ это прямо въ бровь! Кто можеть отказаться купить такую сигарету? Демоврать? Нъть. Республиканецъ? Нъть. Популисть? Нъть, нъть и неть. Эти сигареты соединяють всехь въ одно!

^{*)} Вотъ русскія нигилистическія папиросы, воть имперскія.
**) Что это настоящія русскіе нигилисты?
***) О, да. сэръ, самые настоящіе.
****) Первый сорть.

Вейнштейнъ совсемъ разгорячился и вертёль въ воздухё пальцемъ, показывая, какъ онъ соединяеть всёхъ въ одно.

Бунинъ смотралъ на него съ искреннимъ изумленіемъ.

- Но я вижу, что вы еще не можете понимать, какое важное значение имбеть реклама. Нёть не можете, вижу изъ вашихъ глазъ, что не можете. Вы еще зеленый, ой какой зеленый. Но когда вы поживете въ Америкъ и посмотрите вокругь, вы вспомните вашего перваго друга Вейнштейна и скажете: «Не was right»! *)
- Да, зачёмъ за горы ходить, воть, посмотрите въ окновей стёны Нью-Іорка—одна реклама. Посмотрите, тамъ нарисована эта хорошенькая дёвушка въ одной рубашке, которая, безъ большихъ церемоній, надёваеть корсеть? Это объявленіе оть одной корсетной фабрики. Или видите вы эту громадную картину, семь страшно толстыхъ женщинъ, такихъ толстыхъ, что, кажется, оне сейчасъ лопнуть. Но, неть, нисколько, это только такъ кажется, это реклама отъ одного театра, который загребаетъ деньги. И если вы туда пойдете, вы увидите, что женщины эти совсёмъ не такія, а даже довольно обыкновенныя, но это такъ нужно, это реклама.

Бунинъ выглянулъ въ окно и дъйствительно увидаль громадную, грубо намалеванную картину, изображавшую шесть бълыхъ женщинъ и одну негритянку, ъдущихъ на велосипедахъ. Всё онё были въ узкихъ панталонахъ и въ невёроятно вырёзанныхъ и стянутыхъ лифахъ. Женщины были представлены неестественно крупными и жирными, такъ что грубое тёло положительно выпирало взъ узкихъ корсетовъ. Бунинъ съ отвращенемъ отвернулся.

— Какая гадость! — сказаль онъ.

— Гадость! — обидёлся Вейнштейнъ, гадость! А будете-ли вы ихъ когда нябудь забывать или нётъ? Я вамъ прямо скажу, никогда. А это все, что было только нужно. О, какая здёсь бываеть великолённая реклама, и какіе здёсъ есть умные люди! Воть видите на всёхъ стёнахъ объявленіе: «Большая нужда! Большая нужда! Great necessity значить большая нужда. И дальше Ридлей переполненъ, Ридлей это извёстный купецъ. Это значить ни что другое, а что у него слишкомъ много лежалаго товара, и что онъ продаеть его за безцёнокъ. Ридлей слишкомъ много товара, и что онъ продаеть его за безцёнокъ. Ридлей слишкомъ много товара! Продаеть за безцёнокъ. И всё бъгутъ. И дамы умирають отъ жары около его прилавковъ и страдають. Но, какъ одёты! Какъ одёты! И шелкъ, и бархатъ, и кружева—и все за 24 цента аршинъ, а кружево по 1 центу.

^{*)} Онъ былъ правъ.

О, Ридлей—чудодъй, волшебникъ! Какъ онъ одъваетъ американскихъ и еврейскихъ дамъ! Боже! Не дамы, а куклы.

Онъ опять отеръ поть съ лица и продолжаль:

— Вонъ посмотрите, тамъ, во всю ствну напечатано: «Жуй юкатанскую смолку!» и всё жують, а туть: «Кури виргинскій листь» и курять. Или «Читай Солнце» и читають. Да, и такъ нужно. Здёсь каждый себя прославляеть, т. е. и Амърику, и себя. И каждый делается полезнымь человекомь, и каждый имбеть право черезъ нять лёть сдёлаться американскимъ гражданиномъ. Вотъ вы легальный русскій госмоль, прійхавшій только сегодня, не имбете права, а я безпаспортівцё еврей изъ Минска, имбю право, потому что я воть уже 5 лёть продаю русскія сигареты «Good for all political opinions» и стараюсь на пользу Америки. Да, а тамъ я разболатью и буду выбираться и куплю много вотовъ, и буду важнымъ чиновникомъ. И, можеть быть, когда нибудь президентомъ Америки будеть не Кливелендъ, а Вейнштейнъ, конечно, не я, а мой внукъ или правнукъ.

Онъ на минуту замолчалъ, а потомъ медленно перевель на

Бунина мечтательный взглядь и спросиль:

- А зачёмъ нётъ, скажите, зачёмъ же нётъ?

Бунинъ съ любопытствомъ посматривалъ на прадъда превидента Вейнштейна. Оживленное лицо, блестящіе глаза, добвольный видъ показывали, что онъ чувствуеть себя, какъ рыба: въ водъ.

Такого типа въ Россіи онъ не встрвчаль и туть же рашился нанять у него ввартиру и поближе съ нимъ невнакомиться.

- Хотите, я разскажу вамъ еще одну маленькую исторію?—спросиль Вейнштейнъ, очевидно, довольный впечативнимъ, которое онъ произвель на своего спутника.
 - Разскажите, пожалуйста.

Вейнштейнъ ерзалъ на мъсть, потиралъ руки, вообще го-

товился къ чему-то необыкновенно интересному.

— Слушайте-же, — началь онь, — Въ одинъ прекрасный льтній вечерь по Бруклинскому мосту идеть молодой человьки прекрасной наружности, въ отличной одеждь — бълая крахмальная рубашка, шелковый галстухъ, новенькая пара; все какъ следуеть приличному молодому человеку изъ высоко-нравственной семьи. На лице у него напечативно благо-образіе. Но не смотря на все это, онъ очень печалень и даже делаеть какія-то отчаянныя движенія руками, какъ будто хочеть броситься въ воду. Онъ подходить къ периламъ, смотритъ пристальными глазами на воду, перевешивается, точно собирается кувыркомъ въ воду. Это продолжается полчаса. Вокругъ собралась большая толпа и думала: «Решится онъ, или не решится?» Какъ вы думаете, что сдёланъ молодой человекь?

- Утопился, неувъренно вырвалось у Бунина.
- Ха, ха, ха, покатился Вейнштейнъ. Воть это все, что только мив было нужно. А натъ-же, натъ, не угадали. Вътотъ моментъ, когда толпа уже котала схватить его за фалды, онъ обернулся, вынуль изъ кармана сигарету и пошелъ спокойно по мосту, а когда все стали смотреть, что онъ станетъ дълать, онъ вытащилъ изъ кармановъ коробки съ смгаретами Good for all political opinions и сталъ продавать и въ 10 минутъ чродалъ на 10 долларовъ. И знаете-ли кто это былъ?

- Ужъ не вы-ли? - сказалъ Бунинъ.

— Да,—съ свромной гордостью отвъчаль Вейнштейнъ.— Это быдь мой первый дебють. И тогда я подумаль, что я этовкій человъкъ для Америки, и я что нибудь такое объщаю нь будущемъ.

• — А воть мы и въ Дантанъ! — воскликнуль онъ послъ минутнаго модчанія.

Вейнштейні фоскочиль сь конки и почти побіжаль впе-

редъ. а за нимъ Бунинъ, едва поспъвая.

Бунинъ съ любопитствомъ оглядывался по сторонамъ, ж

чемъ дальше они шии, темъ более онъ удивлялся.

Ему показалось, что его путешествіе чрезь океань и пріфать въ Америку—не болье, какъ сонь, что онъ все еще не вывізаль изъ западной Россіи: до того на него пахнуло атмосформ западно-русско-еврейскаго городка; тоть-же смышанный впахъ чеснока и рыбы въ воздухъ, такія же маленькія мавченки со старьемъ, у дверей которыхъ сидять толстыя еврейки въ парикахъ, тоть-же пронзительно-громкій говоръ, то по-русски, то на жаргонъ, и крикъ босоногихъ ребять, которыми кишать грязныя улицы.

Конечно, архитектура не та—въ Россіи совсёмъ нёть этихъ правильныхъ трехъ-этажныхъ домовъ, построенныхъ по одному шаблону и инбющихъ видъ одной длинной казармы, но атмосфера улицъ совершенно такая-же.

🔻 дверей одного изъ домовъ Вейнштейна встретила хоро-

шенькая молодая женщина.

— Какъ ты долго сегодня, я тебя ждала, ждала...

— А я тебф гостя и жильца привезъ. Сегодня прівхаль въ Нью-Іоркъ зъ Россіи. Позвольте представить, г. Бунинъ,—моя супруга.

Молодая женщина привътливо поклонилась.

— Пойдемте на верхъ, надъюсь, что комната вамъ понравится. Она говорила по-русски совершенно чисто, безъ малъйшаго акцента, который былъ очень замътенъ у ел мужа.

Вейнштейны жили въ 3-мъ этаже въ маленькой, очень скромной квартире. Комната, предназначенная для Бунина, была такъ мала, что кровать загораживала ее всю.

Но Бунинъ быль радъ и такой комнать и тотчасъ-же ръ-

- Ну, а вамъ какъ живется въ Америкъ?-спросилъ Бу-

нинь молодую женщину.

- Очень скучаю по Россін,—отвічала она.—Сейчась быужхала, да воть онь у меня такой американскій энтузіасть, что и думать нечего. Вірно, уже успіль разсказать вамь просвой дебють?—засмізлась она.
 - Какъ-же, я слушаль съ большимъ интересомъ.
- А какъ мы бъдствовали первые шесть мъсяцевъ, работая на фабрикъ—върно не разскавалъ?
 - Нъть.
- Да, онъ добрый, помнить только хорошее. А я не могу забыть, какъ съ нами обращались. Наконецъ, мы не вытершъли и убхали на рискъ въ Нью-Іоркъ. Тутъ его папиросы насъ спасли. Живемъ порядочно, не нуждаясь, но я скучаю, чего-то мив здёсь не достаетъ. Тяпетъ въ Россію...

Въ ея голосъ ввучала грусть.

- Въдь я московская, была на фельдшерскихъ курсахъ.
- Ну, хорошо, хорошо. Успѣешь еще все разсказать, перебиль ее Вейнштейнъ.—А теперь угощай гостя чѣмъ богата.
- Воть біда, сказаль Вейнштейнь, когда она вышла, прійхала въ Америку, а живеть въ Россіи. Тіло здісь, а душатамь. Нельзя, нельзя такъ. Нужно уміть приспособиться къновой жизни. Въ чужой монастырь съ своимъ караваемъ не ходять.
- Экая у него несчастная страсть къ пословицамъ, подумалъ Бунинъ. Но хозяева ему нравились оба, и мужъ, и жена.

IV.

Первое время своего пребыванія въ Нью-Іорк'я Бунинъ ц'ямие дни рыскаль по городу. Работу онъ р'яшиль искать нед'ями черезь дв'я, а пока кот'яль познакомиться съ Нью-Іор-вюмь. Денегь на это время хватить — ў Вейнштейна онъ

устровися очень дешево.

Нью-Іоркъ сильно интересованъ Бунина. Не вившностью своей, нётъ. Съ вившней стороны этотъ длинный и узкій полуостровъ, не смотря на довольно живописные берега и прекрасный паркъ въ самой его серединв, данеко уступалъ по красотв любому европейскому городу. Весь раздвленный на правильные четыреугольники, съ номерованными улицами и домами,
съ однообразной казарменной архитектурой, Нью-Іоркъ, конечно,

не могъ пленеть сердце москвича, подное поэтических воспоминаній о Вшивой Горке, Николе на Курьихъ Ножкахъ, безчисленныхъ кривыхъ, косыхъ и тупыхъ переулкахъ. Бунину Нью-Іоркъ казанся какимъ-то безцветнымъ и шаблоннымъ. Во всёхъ постройкахъ чувствовалось отсутствіе оригинальнаго творчества, слабость фантазіи. Улицы, огороженныя рядами домовъ, какъ две капли воды похожихъ другъ на друга, казались Бунину глубокими ящиками съ кирпичными стенами. Въ богатой части города встречались дома покрасиве, но система была все таже—одинъ домъ плотно прилегалъ къ другому, безъдвора или сада между ними.

Сначала его, какъ новичка, поражали «дома до неба», въ 20 и более этажей, и онъ простаивалъ передъ ними, закинувъ назадъ голову и терпъливо считая этажи до техъ поръ, покане начинала болеть шея. Но это заняте скоро ему надовло. Онъ сталъ привыкать къ этимъ неуклюжимъ «скребнидамъ неба» *), какъ американцы называютъ двадцати-этажные дома.

Къ постоянному, ни на минуту не смолкающему шуму Нью-Іорка, который вначаль не даваль ему спать по ночамь, Бунинь также началь по немногу привыкать.

Первые дни, когда ему приходилось переходить перекрестки многолюдных улиць, онъ чувствоваль совершенное одурене. Воть съ двухъ противоположных сторонъ несутся электрические вагоны, переръзывая дорогу конкамъ. Междуним удивительно ловко лавирують громадныя фуры и маленькія повозки. На верху, тяжело громыхая, стремглавъ несется поъздъ воздушной желъзной дороги. Звонки электрическихъваровъ и конокъ, грохотъ вагоновъ желъзной дороги, наконецъ, крикъ и говоръ людской сливаются въ невъроятный оглушительный шумъ, доводящій новичка до головокруженія.

Более всего занимать и интриговаль Бунина народь на уницахъ. Онъ внимательно присматанвался въ деловымъ и озабоченнымъ вицамъ подей, торопливо снующихъ по улицамъ съ утра до поздней ночи, и часто задавалъ себе вопросъ: на что идеть удивительная энергія этой толпы, день и ночь волнующейся, какъ море? На что направлены силы этихъ неутомимыхъ людей, день и ночь наполняющихъ вагоны элеваторовъ (воздушной желёзной дороги), конокъ и электрическихъ дорогь? Всё спёшатъ, летятъ куда-то, съ опасностью жизни вскакивають на поёзда, съ быстротою лани перебёгаютъ улицы, задыхаясь взбёгаютъ на лёстницы станцій элеватора, едва успёвъ схватить газету и сунуть центъ въ руку продающаго ее мальчика, поглощають дорогой огромный листь, туть же бросая его и запасаясь новой газетой гдё-нибудь на другой

^{*)} Sky-skrapers.

станців. Куда спішать они? Какая ціль ихъ жизни? Сколько убіжденности въ правоті этой ціли и рішительности нужно, чтобы такъ жить, не оглядываясь, не задумываясь. Впередъ, впередъ!

Бунинь, увлевающійся и витств нерешительный, измученный сомненіями, которыя всегда мёшали ему действовать, поражался этой энергіей. Она импонировала ему и казалась какой-то загадкой.

Иногда, сидя въ своей комнатив и вслушивалсь въ несмолкаемый шумъ, во всякое время дня и ночи доносившійся до него, онъ старался схватить характеръ этого «ввинаго движенія». Онъ напоминаль ему ровный шумъ гигантскаго водопада, который стихаль къ ночи, но не прекращался ни на мгновеніе. Бунину невольно приходиль вопросъ: «Когда же спить Нью-Іоркъ? Когда отдыхаетъ и набирается силь этотъ громадный муравейникъ?» Онъ подстерегаль хоть одну спокойную минуту, но напрасно: шумъ не смолкаль ни на мгновеніе, даже ночью.

Бунинъ внимательно всматривался, изучаль, обдумываль, но не могь ухватить главную руководящую нить этой безпокойной, лихорадочной жизни. Онъ чувствоваль, что знаеть еще слишкомъ мало, и жадно накидывался на газоты, ища въ нихъ объясненія; но огромные листы мелкой печати, отнимая у него массу времени, не давали никакого отвёта. Напротивъ, огромное количество фактовъ, пестрыхъ, отрывочныхъ, казавшихся случайными, только загромождани его умъ и затемняни мысль. Все въ газетахъ Нью-Іорка казалось ему неестественнымъ, преувеличеннымъ, такъ же грубо намалеваннымъ, какъ тв семь толстыхъ женщинь на велосипедахъ, отъ которыхъ онъ, проходя мимо, каждый разъ съ омервеніемъ отвертывался. Даже жаргонъ газеть, совсёмъ особенный, хлесткій и дерзкій, не щадящій для краснаго словца ни друга, ни недруга, быль ому противенъ. Онъ исканъ передовицъ, которыя бы помогли ему выяснить себъ направление газеты, но не находиль ихъ. Все, повидимому, опредълялось интересомъ минуты, и газета наполнялась матеріаломъ, на который быль спросъ въ данный MOMERTE.

Бунинъ влился, упрекалъ себя въ несправедливости, въ слишкомъ поспъшныхъ выводахъ, мучился и всетаки продолжалъ терпъливо читать.

Въ политическую борьбу партій, безцеремонно грызущихъ другъ друга, онъ еще не успѣлъ окунуться, его болѣе интересовали соціальныя и бытовыя черты. Но тутъ ему встрѣчались факты совершенно невъроятные, онъ положительно не могъ имъ върить, не могъ себъ представить, чтобы они были возможны въ странъ, стоящей на вершинъ прогресса. Убій-

ства, самоубійства, сложные процессы о злоупотребленіяхъ полиціи, ловкія мошенничества воровъ — тянулись длинной вереницей изо дня въ день и подъ цвътистымъ перомъ репортера обращавись чуть не въ романическія приключенія.

Бунинъ дрожалъ за свои иллюзіи и иногда чуть не стональ оть душевной боли. Въ такія минуты онъ вскакиваль и

бъжаль къ Вейнштейну.

Вейнитейнъ своей вёрой въ Америку дёйствоваль на Бунина успокоительно, не смотря на страшныя стычки, которыя бывали между нами. Какъ часто бываеть съ новообращенными, Вейнитейнъ быль до крайности нетершимъ. Когда Бунинъ пробовалъ сообщать ему свои впечатлёнія, сопровождая ихъ иногда довольно рёзкими критическими замёчаніями, Вейнштейнъ положительно становился на дыбы. Онъ не допускаль никакой другой точки зрёнія, кромё безусловнаго преклоненія передъ Америкой в американцами.

Разъ вечеромъ Вейнштейнъ въ халатъ и ермолет мирно сидътъ передъ большимъ столомъ, заваленнымъ коробками, папиросами, бумагой, и акуратно раскладывалъ папиросы по генеральскимъ и нигилистическимъ коробкамъ.

Вдругь дверь отворилась и порывисто вошель Бунинь съ газетой въ рукахъ. Видъ у него быль очень взволнованный.

— Скажите, Вейнштейнъ, — началъ онъ, — неужели въ Америкъ върять въ въдъмъ?

Вейнштейнъ покосился на газету и, продолжая работу, уклончиво отвёчаль:

- А почему я знаю? Можеть быть, върять, а можеть быть, и нъть.
- Какъ же вы говорите—нёть? вспылиль Бунинь.— Вёдь воть въ «Геральдё» совершенно ясно стоить: Судъ надъ вёдьмой. Чорть знаеть, что такое! Въ Америке, чуть не въ двадцатомъ столетіи—судъ надъ вёдьмой. Воть полюбуйтесь: въ городё Патерсоне, въ штате Нью-Джерси, рядомъ съ Нью-Іоркомъ цёлый уёздъ взволнованъ въ немъ оказалась ведьма м-съ Кильби (вёдьма-то—миссись!), которая испортила (да, это самое выраженіе—кивнуль онъ въ сторону Вейнштейна), испортила молодую дёвушку Сузи и довела ее до ужасныхъ припадковъ по ночамъ. Семья Сузи подала въ судъ жалобу на вёдьму. Собирается цёлая толна свидётелей, и когда судья спрашиваеть ихъ, вёрать-ли они въ вёдьмъ, есть дають утвердительный отвъта... Понимаете-ли вы это, Вейнштейнъ—есть дают утвердительный отвъта...

Въ голосъ Бунина дрожала драматическая ногка.

— Да что же это такое? Средніе віжа или конець девятнадцатаго віжа? Отвічайте же, Вейнштейнь, что это такое?

Вейнштейнъ молчалъ. Онъ былъ нъсколько смущенъ и со-

валъ въ генеральскую коробку больше папиросъ, чёмъ слё-довало, такъ что штуки двё упали на полъ.

На минуту онъ задумался и опустилъ глаза. Потомъ онъ медленно поднялъ голову, и Бунинъ увидалъ уже его обычный, самоувъренный взглядъ.

- A чтожъ такое? Очень просто, сказаль онъ спокойнымъ тономъ.
 - Какъ просто? въ недоумени спросиль Бунинъ.
 - А такъ просто. Это остатки.
 - Остатки чего?—наступаль Бунинь на Вейнштейна.
- Остатки отъ старой Европы, изъ jenseits, невозмутимо отвъчалъ Вейнштейнъ.
- Ну, хороши остатки!—насмѣшливо протянулъ Бунинъ, цѣлый уѣздъ! Нѣтъ, что ни говорите, это чортъ внаетъ что такое!
- А вы возымите географическую карту, молодой господинъ, и сравнивайте, что такое одинъ убядъ при всей Америкъ. Капля, одна капля! Да и чтожъ такого? Въ каждой семъй есть чучело, какъ говорится по пословицъ.

Онъ помолчалъ, потомъ изъ подлобья взглянулъ на Бунина.

— А позвольте васъ спрашивать, молодой господинь, зачёмъ это вы всегда напоминаете чорта?

Бунинъ не понялъ.

- Что вы хотите сказать? съ удивленіемъ спросиль.
- A при разговоръ, воть и сейчасъ раза три напомянули чорта.
- Скверная привычка, нахмурившись, сказаль Бунинъ. Онъ не любилъ, когда переходили въ личности.
- А хотите, я вамъ скажу, что это такое? Это тоже остатокъ. Остатокъ отъ вашихъ предковъ—они върши въ чорта, а вы не върште, но напоминаете.

Бунинъ нахмурился, молча отыскиваль что-то въ газотъ и не отвъчаль.

— Ахъ да, воть еще случай, нашель, — началь онъ снова, — вы только послушайте. Въ городскую Нью-Іоркскую больницу привозять молодую монашенку. Ноги ея покрыты страшными нарывами. Сначала пораженный докторъ не можеть понять причину бользии, но, при дальнъйшемъ осмотръ, вытаскиваеть до тридцати швейныхъ иголокъ изъ больныхъ ногъ. И представьте себъ, дъвушка сознается, что она гръщила съ одной подругой, и въ наказаніе за каждый проступокъ онъ объ втыкали себъ по иголкъ въ ногу, въ видъ искупленія. Развъ это не ужасно? Я положительно содрогаюсь, когда представляю себъ эти несчастныя ноги. А главное, что за смыслъ? Гръшатъ и искупаютъ, искупаютъ и опять гръшатъ. Въдь это

нельность! Ну, положимь, это уродливый факть личной жизни, но развъ не то же и въ общественной жизни? Тамъ тоже идеть это искупленіе. Воть хотьбы, къпримъру, эта казнь Буканана *).

— Нъть позвольте, позвольте, господинь,—перерваль на этотъ разъ нетеривливо Вейнштейнъ,—и что вы такое знаете объ Америкъ, чтобы такъ критиковать ее? Живете здъсь недълю безъ году, а думаете, что уже что-то такое поняли.

Онъ начиналь сердиться.

— Но послушайте, Вейнштейнъ, въдь каждый имъетъ право высказывать свое мивніе...

— Да, каждый, кто прожиль здёсь пять, десять лёть. Но не каждый, кто только что вылупился изъ яйца, — отвёчаль рёшительно Вейнштейнъ.

Бунинъ не выдержалъ и засивялся.

- Да, помилуйте, мнъ въдь ужъ 33-й годъ. Хорошъ цыпленовъ!
- А всетаки вы цыпленовъ, сэръ! Настоящій такой-сякой пыпленовъ,—кипятился Вейнштейнъ.—Потому что только въ Америкъ вы можете получить настоящій взглядъ на міръ, только здёсь вы можете учиться жить.
- Такъ воть вы какъ ругаетесь, Вейнштейнъ, —раздался вдругь у дверей мужской голосъ: Настоящій такой сякой цыпленокъ! Вёдь придумаль! И курицей выругають, такъ обидно, а туть цыпленокъ, да еще такой сякой. На вашемъ м'ёсть, милостивый государь, я выяваль бы его на дуэль и убиль наповаль.

Въ пылу спора ни Вейнштейнъ, ни Бунинъ не заметили, какъ отворилась дверь, и не подозравали, что ихъ слушаетъ третье лицо. Въ дверяхъ стоялъ и смеялся, выказывая чудесные бебые зубы, молодой человекъ лётъ 28.

— А, Красавцевъ, очень радъ, очень радъ!—вскричать Вейнштейнъ и вскочилъ, разсыпавъ папиросы.—Позвольте васъ рекомендовать, господа. Красавцевъ—благородный басъ и благородный человъкъ, что не всегда сходится вмъстъ. Знаменитый пъвецъ Парижской оперы. А это—г. Бунинъ, пріъхаль въ Америку искать коммуну Белами, но, къ несчастью, черезчуръ много увлекается другими вопросами и пока еще ея не находилъ. Такъ-ли я говорю, мистеръ Бунинъ?

И онъ лукаво на него взглянулъ.

— Очень, очень пріятно,—отв'єтиль Красавцевь на рукопожатіе Бунина. Онъ говориль п'євучимь низкимъ голосомъ, протягивая гласныя.

«Чудесный голосъ», — подумаль Бунинъ. «Да и наружность оригинальная».

Buchanan.

Красавцевъ быль высокъ ростомъ и хорошо сложенъ. Красивая голова его съ черными волнистыми кудрями, падавшими почти до плечъ, имѣла видъ чрезвычайно эффектный, можетъ быть, немного театральный. Блёдное, длинное лицо съ прекрасными черными глазами, безпрестанно мѣнявшими свое выраженіе, имѣло видъ нѣсколько мрачный, благодаря глубокой морщинѣ между густыми бровями.

Но когда онъ сменися, все лицо его освещалось, глава

блествли и мрачное выраженіе исчезало.

- Давно-ли вы въ Америкъ? - спросилъ Бунинъ.

— Два года, два длинныхъ года и не знаю, когда выберусь. Попаль въ эту страну доллара, самъ не знаю зачёмъ.

Красавцевъ говорилъ, точно пълъ, растягивая гласныя и видимо любуясь своимъ голосомъ. Голосъ былъ дъйствительно хорошъ, звучный, незкій и полный.

— Не по душе мне эта меркантильная страна, - добавиль онъ.

— Ну да, ну да, а вы лучше спросите м-ръ Бунинъ, выучился-ли онъ впродолжении двухъ годовъ здъщнему языку. Ни слова въ зубъ толкнуть не знаеть — сказалъ Вейнштейнъ.

- Il a raison, добродушно улыбнулся Красавцевъ. —Я плохо внаю англійскій языкъ. Не учусь изъ принципа, cette langue guturale abime la voix *). Право, я начинаю чувствовать какоето странное сжиманіе въ горлів, какъ только поговорю по англійски десять минуть. Одна корошенькая американка начала было меня учить выговаривать th. Нужно, говорить, немного высунуть языкъ. Ну помилуйте, какъ бы я могь, показать языкъ дамів, је suis trop bien élevé pour ça **) Такъ и бросиль. Онъ махнуль рукой.
- И газеть не читаю, развѣ рецензіи о себѣ—это понять не трудно. М-ръ Бунинъ, мнѣ очень жаль, что я перебиль васъ. Я, кажется, засталь васъ за интереснымъ разговоромъ. Скажите, кто этотъ Букананъ?
- Это извъстный преступникъ, убившій изъ за денегъ свою вторую жену, богатую старуху, которую онъ ненавидълъ, оживленно заговорилъ Бунинъ. Разбогатъвъ такииъ образомъ, онъ снова женился на своей первой женъ, молодой и красивой, которую онъ по своему любилъ, но бросилъ, какъ обузу, мъшавшую его карьеръ, когда онъ былъ бъденъ. Онъ только что собирался наслаждаться жизью, когда совершенно случайно преступлене его было открыто. Два года тянулся судъ надънимъ, онъ упорно не сознавался. Наконецъ, правосудіе восторжествовало, хотя вина его не была вполнъ доказана. На дняхъ онъ быль казненъ электричествомъ «въ одну минуту»,

^{*)} Этотъ гориовой явыкъ портить голосъ.

^{**)} Я слишкомъ хорошо воспитанъ для этого.

какъ радовались всё газеты. Почти во всёхъ газетахъ были иллюстраціи этой казни. Букананъ быль изображенъ сидящивъ на электрическомъ креслё, въ маскё, съ привязанными ремнемъ руками и ногами. И всё газеты радовались, прославляни цивилизацію и удивимельно гуманный способо отнятія окизни у человъка. Воть это прославленіе такой, удивительно ловко убивающей человёка, цивилизаціи меня и поражаеть, — обратился Бунинъ къ Вейнштейну. — Развё счастливъе человёчество отъ того, что убиваеть электричествомъ по всёмъ правиламъ науки, вмёсто первобытнаго удара обухомъ по головё? Дёлается-ли нравственнёе общество? Легче-ли самому преступнику, у котораго все равно жизнь отнимается? Вёдь это все то же—око за око, зубъ за зубъ....

Бунинъ все более и более горячился. Онъ уже не стояль передъ Вейнштейномъ, а ходилъ большими шагами по комнатъ. Красавцевъ по прежнему стоялъ у двери и съ оживленнымъ

лицомъ слушалъ. Вейнштейнъ молчалъ.

— Вообще, знаете ли, продолжаль Бунинь, я отношеній здіннихь газеть къ разнымъ криминальнымъ діламъ понять не могу. Постоянно звучить какая-то хвастливая нотка: вотьде, что мы открыли, какіе мы молодцы! Какъ будто преступленіе, которое открыто, не служить доказательствомъ существованія другихъ подобныхъ же преступленій, остающихся тайными, какъ будто оно не характеризуеть всего общества, прячущаго подъ красивой одеждой страшную рану!

Онъ остановился передъ Вейнштейномъ. Вейнштейнъ продолжалъ свою работу съ опущенными глазами и не отвъчалъ.

— А тв, продолжаль Бунинь, которые открыли это преступленіе, развів не члены того же общества? А сама вмериканская полиція? Развів, вы думаете, я не читаю эти безконечные процессы полицейских влоупотребленій, подкуповь, взятокъ за назначеніе на должности, за разрішеніе держать публичные дома! И это Америка! Мнів просто страшно ділается. И зачімь только я прівхаль?

Туть Вейнштейнь не вытеривль, бросиль работу и вскочиль.

— Да, да, воть онь настоящій русскій характерь. Понюхаль немножко Нью-Іоркь, прочиталь пару газеть—не повравилось и сейчась готовь уже на задворки. Акь, м-ръ Бунинь,
м-ръ Бунинь! Разев такь можно? Разев можно осуждать цёлый народь такь, съ размаху, какъ говорится, съ высоты небеснаго полета. И помните, это великій народь, какого еще на
свётё никогда не бывало. Конечно, и на солнцё есть тёнь. А
только я скажу одно: воть я, бёдный еврей зъ Минска, котораго могли тыкать ногой, какъ паршивую собаку, пріёхаль въ
Америку и теперь я человёкь, настоящій человёкь. Я работаю на одной линіи съ другими людьми, и меня всё уважа-

ногь и я всёхъ уважаю. Нёть, вы должны войти въ ихъ жизнь, работать съ ними заодно и тогда вамъ многое можеть открываться, многое можеть разъясниться. А пока удержите языкъ за зубами. Ну, что же такое? Развъ у васъ лучше? Сосчитайте-ка по пальцамъ, сколько грамотныхъ въ Россіи и сколько въ Америкъ? И что же выйдеть?

— Ну воть, Вейнштейнь,—заговориль нетеривливо Бунинь,—вы всегда такъ. Причемъ туть Россія? Мы, русскіе—варвары, это всёми признано. Но вёдь это совсёмъ другое дёло. Мы и сознаемъ, даже слишкомъ, что мы плохи и учить никого не беремся, а сами учимся. А Америка? Вёдь на Америку мы смотримъ, какъ на высшій идеалъ. Вёдь она для насъ зв'єзда путеводная! Я вонъ какъ пріёхалъ, на берегь ступить боялся, чтобъ не попрать своей грёшной ногой священную землю!

У Бунина задрожаль голось.

- Ну, полноте, полноте, м-ръ Бунинъ, уже совсвиъ добродушно заговорилъ Вейнштейнъ: последнія слова Бунина подействовали на него, какъ бальзамъ—не огорчайтесь. Но, ой, ой, ой молодой человекъ, работать надо, работать! Безъ работы человекъ пропадать можеть.
- А знаете, онъ правъ, сказалъ Красавцевъ, величественно выходя на средину комнаты. Когда у меня нътъ ангажемента, на меня находитъ страшная впохондрія, что то вродъ mal du рауѕ, в все рисуется въ мрачномъ цвътъ, а какъ что-нибудъ навадится, опять точно расцвътешь.
- Да, это върно, это върно, задумчиво повторяль Бунинъ, шагая по комнатъ съ опущенной головой и потирая лобърукой.

Вдругъ онъ встрепенулся.

— Что же это? Вёдь им только ившали Вейнштейну. Садитесь, г-нъ Красавцевъ, давайте помогать ему укладывать папиросы.

Всв трое усвлись за работу и миръ быль возстановленъ.

V.

Въ эту цочь мысли мъщали Бунину спать. Онъ всталъ очень рано.

Въ маленькой комнать было невыносимо душно. Онъ посмотръль на часы, было всего четыре. Онъ одълся и вышелъ на улицу. Съренькое утро чуть брежжило. На улицахъ было тихо, но звонокъ конки слышался безпрестанно и на элеваторъ кодили поъзда. Бунинъ поднялся на ближайшую станцію элеватора и, войдя въ вагонъ, къ удивленію своему, нашелъ его полнымъ. Рабочіе въ синихъ парусинныхъ блузахъ, съ мѣшками, наполненными инструментами, сидѣли и по большей части дремали, качаясь изъ стороны въ сторону отъ толчковъ элеватора. Бунинъ зналъ со словъ Вейнштейна, что многіе рабочіе, ради дешевизны квартиръ, живуть на далекихъ окраинахъ Нью-Іорка, на разстояніи полутора и 2-хъ часовъ ѣзды отъ мѣста ихъ работы, такъ какъ плата за проѣздъ одинаковая для короткаго или длиннаго пути. Эти часы имъ и приходится урывать отъ сна.

Изъ всёхъ пассажировъ Бунинъ одинъ сидёлъ съ газетой, да и онъ мало читалъ: тусклый свёть керосиновой лампы былъсиникомъ слабъ для мелкаго шрифта, которымъ печатаются всё американскія газеты. Его тоже начинало укачивать.

По временамъ молодой кондукторъ отворяль дверь и называль имена станцій, мимо которыхъ пробажаль побадъ.

Вдругь кондукторъ вошель и крикнуль:

— Эй, молодець, тамъ въ углу. Мы провхали Чатамъ Скваръ. Вёдь это ваша станція? Выходите, а то вамъ придется платить второй разъ за билеть.

Но «молодецъ въ углу» спалъ мертвецкимъ сномъ и даже не шевельнулся. Впрочемъ, названіе молодца какъ нельзя менѣе шло къ нему. Грязный, оборванный, съ небритой бородой, въ какой-то странной курткъ неопредъленнаго цвъта, въ штанахъ съ продранными колънями и лохматой бакрамой, спускавшейся на дырявые сапоги, онъ ръзко отличался отъ чисто одътыхъ рабочихъ.

Худое лицо его и вся одежда были забрызганы грязью, потрепанная шапка также была въ грязи, какъ будто онъ только что вылъзъ изъ какой-нибудь придорожной канавы.

— Трампъ *) должно быть, — сказалъ кондукторъ. — Радъ, что нашелъ себъ квартиру за пятакъ. Онъ подошелъ къ спящему, безъ церемоніи потрясъ его за плечо и закричалъ ему прямо въ ухо: — Мы пробхали ващу станцію, серъ, проснитесь!

«Сэръ» на мгновеніе продраль глава, пробурчаль «all riht», потомъ отвернулся къ окну, пристроиль поудобиве свой локоть, положиль на него голову и опять захранвлъ.

- Не внаю, что съ нимъ дёлать—въ раздумые сказаль кондукторъ.—Высажу его на слёдующей станція, да и дёло съ концомъ. Онъ ёдеть изъ Трентона, съ самаго сёвера, не везти же его назалъ.
- Сити Голиь, последняя станція!—прикнуль онь, обращаясь ко всемъ пассажирамъ.

Съ помощью одного изъ пассажировъ онъ поднялъ спящаго трампа и высадилъ его на платформу. Тотъ, качаясь, до-

^{*)} Вродяга.

M 6. Orgáns I.

брель до первой скамьи, тяжело на нее опустился и опять вахрапёль. Худыя, длинныя руки безпомощно повисли, какъ плети, почти касаясь вемли, голова ударилась о желёзную спинку скамьи, но, очевидно, страшная усталость брала свое, и онъ не могь проснуться.

Кондукторъ вошель въ вагонъ, сжавъ кулаки и дълая дви-

женіе руками, какъ-бы боксируя.

«Дзумъ, дзумъ, дзумъ», приговариваль онъ.

— Терпёть не могу этоть народь, сэрь, —обратился онь къ Бунину. — Лентян, которые не хотять работать. Въ Америке неть человека, который не могь бы найти работу, если у него есть две руки и голова на плечахъ.

Въ тонъ его звучало безграничное презръне обезпеченнаго 'человъка къ пролетарію.—А вы куда же? Опять на Съверъ? Тогда вамъ нужно взять новый билетъ въ кассъ.

— Что сдълають съ этимъ бродягой?—спросиль Бунинъ.

— Возьмуть въ полицейскій участокъ. Тамъ онъ выспится, и прогонять. Върно, опять пойдеть гулять. Этоть народъ любить шляться.

Бунину въ первый разъ пришлось видёть американскаго трампа. «Жалкая фигура, —подумаль онъ, —не лучше нашего волоторотца».

Бунинъ провхадъ еще два раза по этой линіи. Все время до 8 часовъ возили рабочихъ. Къ восьми часамъ онъ сильно проголодался, спустился съ элеватора и зашелъ позавтракать въ ресторанъ, неподалеку отъ того мъста, гдъ жилъ Вейнштейнъ.

Народу въ ресторанъ было много, служанки, въ черныхъ платьяхъ и бълыхъ фартукахъ, едва успъвали подавать. Всъ столы были заняты. Бунинъ въ смущении оглядывался, отыскивая себъ мъсто, какъ услыхаль за собой басистый голосъ Красавцева:

— А. мосье Бунинъ! je suis charmé! Venez à cette table *). Бунинъ обрадовался, онъ терпъть не могъ ъсть одинъ.

— Что это вы все французите? — шутливо спросиль онъ

Красавцева, подсаживаясь въ его столу

— Да знаете, долго жиль въ Парижѣ, — отвѣчаль тоть. — Я итѣль нѣсколько лѣть въ Парижской оперѣ и имѣль громадний успѣхъ, се qu'on nomme un succès fou **). А тамъ друзья посовѣтовали поѣхать въ Америку. Вы сами знаете, въ Европѣ думаютъ, что Америка — золотыя горы. Я поддался совѣтамъ коварныхъ друзей, да и попалъ въ кашу. Еt maintenaut je suis planté là, comme vous le voyez ***) при печальномъ интересъ.

^{*)} Очень радъ! Идите въ этому столу.

^{🕶)} Что навывается безумный успахъ.

^{👐)} А теперь я и сижу вдёсь, какъ видите.

Бунина немного коробило это смѣшеніе французскаго съ нижегородскимъ, но открытое лицо его собесѣдника ему очень нравилось.

- А что же, развѣ вамъ не везетъ?—спросиль Бунинъ, съ аппетитомъ принимаясь за яичницу, которую подала ему служанка въ бѣломъ чепчикѣ, съ взбитой челкой и съ претензіей на манеры свѣтской дамы.
- Знаете, се рауѕ п'а раз d'art *)—нѣтъ пониманія настоящаго искусства. Подумайте, такой артисть, какъ я,—онъ сдівлаль величественное движеніе головой и встряхнуль кудрами, должень имъть дѣло съ этими подлыми торгашами—музыкальными агентами. И что же, воть уже два года, какъ я вожусь съ неми, и ничего, говоря вульгарнымъ слогомъ, ни тпру, ни ну... Были кое-какіе ничтожные ангажементы, да и то одинъ антрепренеръ надуль, завезъ далеко на западъ и бросиль насъ всѣхъ на произволь судьбы. Многіе изъ труппы насилу добрались до Нью-Іорка. Говорять, нъкоторымъ пришлось идти пъщкомъ.

Красавцевъ отклебнулъ несколько глотковъ кофе.

— Аћ, mousieur,—ваговориль онъ опять и грустная нота звучала въ его тонъ—Un talent sansargent est une infirmité, c'est moi qui vous le dit **). Представьте, я котъть дебютировать здъсь въ итальянской оперъ. Поймите, я, съ моимъ гепошмее, готовъ быль пъть даромъ, pour le merçi du bon Dieu. И чтоже? не донустили. У насъ, говорять, на басовыя партіи приглашень Эдуардъ де-Решке—Ну что же, говорю, одинъ другому не мъщаеть. Онъ Эдуардъ де Решке, а я Nicolas le Beau, Basse du Grand Opéra de Paris—я тамъ пълъ подъ этимъ именемъ. Нъть, ни за что! Вездъ эта проклятая монополія. Опера въ рукахъ какихъ-то лавочниковъ, президенть симфоническаго общества торгуеть консервами. Что вы котите?

Благородный бась съ полной безнадежностью махнуль рукой.

- Я думаю, за два года вамъ не мало пришлось испытать,—сказаль Бунинъ, принимаясь за кофе.
- И не говорите. Иногда такіе курьези бывали, что трудно пов'врить. Представьте, мы разъ давали Фауста безъ Маргариты.
- Но какъ же? Развъ это возможно?—нанвно удивился Бунинъ.
- Для американца все возможно. Пока вы кончаете вашъ завтракъ я свой кончать, тегсі разскажу вамъ, какъ это случилось. Нужно вамъ сказать, что въ этомъ оперномъ предпріятіи принимала финансовое участіе одна крупная компанія щвейныхъ машинъ. Оперная компанія, по условію, бралась

^{*)} Въ этой странъ нътъ искусства.

^{**)} Талантъ бовъ денегъ-несчастіе, я вамъ это говорю.

допагандировать швейныя машины довольно оригинальнымы способомъ; во второмъ действін Фауста Маргарита должна была пъть арію въ хижинъ не за прядкой, а за пвейной машиной. Это-ли не «утилитарное» пониманіе искусства, рош l'amour de bon Dieu? Hy-съ, хорошо. Вдемъ ны благополучно. трехъ городахъ Маргарита пропъла свою арію подъ акомпанименть швейной машины, на которой, заметьте, крупными буквами стояло имя фабриканта, и съ большимъ успъхомъ. Американцы любять всякія новинки, безь разбора. Въ четвертомъ городъ, кажется Торенро, или что-то въ этомъ родь, Маргарита забольваеть. Антрепренерь быль въ большомъ ватрудненів-по условію съ компаніей швейных машинь, опера Фаусть должна была даваться известное количество разъ и пропустить представление было нельвя. Въ кассъ билеты были всв проданы. Что туть двиать? Ловкій янки не потерянся. Надъвъ фракъ и сунувъ розу въ петличку, передъ началомъ представленія онъ вышель на авансцену и обратился къ публикъ. «Леди и джентльмены, сказаль онъ. Я надъюсь, что имъю дело съ людьми настолько просвещенными, что каждый навърно не разъ слышалъ Фауста и знаетъ партію Маргариты чуть не наввусть. Въ виду того, что наша примадонна заболъда, а спектакиъ отмънить нельзя, я прошу уважаемую публику своимъ воображениемъ пополнить пробым представления. Мы решаемся сънграть Фауста безъ Маргариты». Польщенная публика апплодировала ему за находчивость, que voulez vous: американцы цънять ее послъ денегь больше всего и кричали emy «Smart fellow» *).

— Ну, и что же? — спросиль Бунинь.

— Да такъ и ивли безъ Маргариты, вся ен партія была выпущена. Передъ началомъ аріи «Привіть тебі», Фаусть повертіль машинку, чтобы не нарушить контракта съ компаніей швейныхъ машинъ, пропіль одинъ дуэть, обнимая невидимую Маргариту, внаменитый квартеть пропіли въ 3 голоса. Вообще управлялись чисто по-американски. Антрепренеръ нашъ а етросне 1'argent **), міръ отъ этого ничего не потеряль, развіз бідный Гете лишній разъ новернулся въ своей могилів.

Красавцевъ всталъ и досталъ висъвшую на стънъ шляпу.
— Вы куда?—спросилъ онъ Бунина, который тоже поднялся.

- Я опять на элеваторъ-ванимаюсь наблюденіями.

— И я съ вами, si vous le permettez, monsieur. Vous me plaisez, — и онъ протянуять руку Бунину. Въ васъ есть что-то, comment dirai je, невинное, un petit air innocent qu'on ne

^{*)} Молодецъ.

^{**)} Прикарманиль деньги.

₹rouve pas tous les jours en Amérique *). Позволите вы мнѣ вамъ сопутствовать? Естати мнѣ сегодня и дѣлать нечего.

— Пожалуйста, я буду очень радь, —приветливо отвечаль Бунинь. — Мив надобло скитаться одному.

Оба быстро взбѣжали на станцію, туть же у самаго ресторана. На элеваторѣ за это время публика совсѣмъ перемѣнилась; повалилъ народъ, служащій въ конторахъ и мастерскихъ. Зѣвая украдкой, хорошенькія приказчицы спѣшили занять мѣста поудобнѣе, всегда успѣвая взглянуть въ зеркало между окнами и поправить свой завитой хохолокъ. Одѣты онѣ всѣ были съ большой претенвіей, по послѣдней модѣ, съ необъятными рукавами «шириною въ Черное море», хотя матеріалъ ихъ костюмовъ былъ плохой и наскоро приколотые въ изобиліи бантики изъ грошевыхъ лентъ.

Конечно, Бунинъ этого бы и не замътиль, еслибы Красавцевъ не заявиль себя внатокомъ женскихъ костюновъ и не обратиль на туалеты дамъ особеннаго вниманія. Впрочемъ, онъ оказался знатокомъ не только туалетовъ — ни одно хорошенькое личико не ускользало отъ его вниманія. Онъ сидълъ очень величественно съ серьезнымъ видомъ и только поводилъ кругомъ своими выразительными глазами. Приэтомъ онъ самымъ непринужденнымъ образомъ сыпалъ замъчаніями на своемъ смъшанномъ русско-французскомъ наръчів.

— Saperlot, какія брови снурочкомъ. И глаза недурны, да очень, очень недурны. А тамъ, посмотрите, препикантная мордочка, немножко обезьянья, но прехорошенькая. А у той темные волосы и голубые глаза. С'est joli, n'est се раз? Очень часто встръчается въ Америкъ, замътъте. Вонъ та тоже недурна, но талія черезчуръ тонка, обхватить нечего. Маіз еп revanche elle a l'air distingué **).

Бунину было страшно неловко. Онъ не могь понять такого отношенія къ женщинъ. Но Красавцевъ говориль все съ такимъ серьезнымъ видомъ, что непонимающему языкъ было трудно угадать, что именно онъ говоритъ. Барышни вокругъ посматривали на него очень благосклонно и съ интересомъ. Его эффектная наружность, весьма живописная, нъсколько театральная поза и величественныя движенія обращали на себя всеобщее вниманіе — онъ сильно выдълялся между прилизанными американцами. Даже свътлое, желтоватаго цвъта пальто, которое очень шло къ его смуглому. лицу, и обыкновенную соломенную шляпу онъ умъль носить какъ-то особенно, «аvec du chic», по его собственному выраженію.

^{*)} Вы мей нравитесь. Въ васъ есть что-то, (какъ сказать, вевенное, а в то не каждый день истричается въ Америкъ.

⁴⁴) Но за то у нея взящный видъ.

Красавцевъ болталъ безъ умолку до самаго Сити Голль, гдё онъ предложилъ Бунину пробхать на съверъ въ Гарлемъ по другой, западной сторонъ Нью-Іорка, а потомъ снова вернуться на югь. Это будетъ какъ разъ между 10—11 часами, когда выбдетъ на свътъ Божій нью-іоркская аристократія, «l'aristocratie bourgeoise de New-Jork», какъ ее насмъщливо назвалъ Красавцевъ.

Черезъ какихъ-нибудь полчаса быстрый повздъ элеватора уже летвлъ надъ городомъ по направленію къ Гарлему. Около 90-хъ улицъ дорога начала подниматься. Внизу дома и улицы мелькали съ быстротою молніи. Видъ расширялся. Вправо виднвлись живописные холмы центральнаго парка, вліво, черезъ нісколько улицъ отъ элеватора, то сверкая на солнців, то исчезая за высокими домами, голубовато-серебристою лентоютянулся Гудзонъ.

— А в'ядь, пожалуй, это самый красивый видь въ Нью-Іорк'в.—сказаль Бунинъ.

Іоркв,—сказаль Бунинъ.

— Да, если не считать зданія газеты «Светь», гдв изъ верхней башни вы видите весь Нью-Іоркв, какъ на ладони.

Когда около 11 часовъ наши путешественники возвращались снова на югъ, въ Сити двигалась уже болъе зажиточная публика. Между мужчинами преобладали крупные биржевые дъльцы, банкиры и брокеры. Многіе изъ нихъ, очевидно, были знакомы другъ съ другомъ, толковали о политикъ, повышеніи и пониженіи курса, о новомъ тарифъ. Лица были большею частью не молодыя, съ глубокими морщинами житейской заботы, съ ввалившимися глазами, обведенными темною тънью.

«Нелегко, должно быть, дается богатство», подумаль Бунинь, глядя на эти изношенныя, преждевременно состарившіяся лица.

Бхало также не мало женщинъ, пестръя яркими туалетами, точно бабочки крыльями. Странно, но Бунину всъ дамы казались на одно лицо. Утрированные модные фасоны платья, высокія шляпы съ цълымъ огородомъ цвътовъ и одинаковая прическа дълали всъхъ похожими на модную картинку—индивидуальность совершенно стиралась. Можетъ быть, также одно общее выраженіе недовольства, которое поразило Бунина, дълало ихъ похожими другъ на друга. «Чъмъ онъ недовольны? Откуда у всъхъ эти брезгливо опущенные углы рта и продольная морщинка на лбу?» Онъ сообщилъ свои наблюденія Красавцеву.

«Да вы правы, — сказань благородный бась, — я тоже это подмічаль вы американкахь. Мнів кажется, это своего рода кокетство. Вы американскихы женщинахы очень сильно развита... comment dirai-je... une certaine fierté de sexe *), — что вы рідко

^{*)} Гордость пола.

встретите въ русской женщине. Здесь, въ Америке, женщинъ страшно балують. Одинъ внакомый американецъ шутя уверяеть, что у нихъ въ Америке скоро возникнетъ «мужской вопросъ» и имъ придется защищать «мужскія права». Я лично нахожу въ американкахъ своеобразную предесть. Je la trouve adorable, la jeune fille de Boston avec son velocipède. Elle a l'air un peu garçon, indépendante et courageuse. Vous savez, les americaines...»*).

Но вдругъ онъ смолкъ, устремивъ взглядъ куда то впередъ. Онъ весь встрепенулся, глаза его блествли, лицо вскривилось, губы улыбались какою-то загадочной улыбкой. Вся физіономія его выражала не то любопытство, не то ожиданіе—онъ внимательно всметривался въ кого-то.

— Посмотрите, Бунинъ, — заговорилъ онъ тихо, — скамън черевъ три отъ насъ, видите, рядомъ съ этимъ старикомъ а la barbe blanche, сидитъ дввушка, совсемъ молоденькая. Видите, вонъ та, скромная, гладко причесанная, въ простомъ черномъ платъв. Вотъ она наклоняется и говоритъ что-то старику. Золотистые волосы и каріе глаза, le genre que j'aime **). Теперь она смется! Боже какая прелесть, зубы какъ у мышки. И какой румянецъ! Ахъ пойдемте, сядемъ противъ нихъ. Исполните просъбу человека, который... ну, который, однимъ словомъ, жаждетъ красоты.

Бунинъ засмъялся.

— Что-жъ, перейдемъ, мив все равно, только объщайте мив сидеть молча.

Красавцевъ приложилъ руку къ груди.

— Ma parole, je ne veux que contempler ***), — сказань онъ. — Идемъ, вдемъ, теперь какъ разъ мъняется публика.

Повздъ остановился, нассажиры выходили и входили. Бунинъ и Красавцевъ вмёшались въ толпу и черезъ мгновеніе очутились на скамьв противъ старика и молодой девушки. Бунинъ развернулъ газету и весь за ней спрятался.

Красавцевъ помъстился у окна, противъ молодой дъвушки, принявъ свой мрачный видъ и сложивъ по-наполеоновски руки. Онъ старался не смотръть на нее. Дъвушка силъла, опустивъ глаза и держа въ рукахъ тетрадку, въ которую она, повидимому, что-то записывала. Когда она по временамъ поднимала длинныя ръсницы, онъ не могъ не видъть живыхъ карихъ глазъ, которые на мгновеніе останавливались на немъ, но такъ же мгновенно опускались, какъ только онъ пробовалъ встрътить ихъ взглядъ. Лидо ея было задумчиво и серьезно,

^{*)} Я нахожу божественной молодую бостонку съ ея велосинедомъ. Она житестъ видъ мальчика, независимато и смълаго. Знаете, американки... **) мой любимый жанръ.

^{***)} Честное слово! Я хочу только соверцать.

даже слишкомъ серьезно, какъ находилъ Красавцевъ. Оно дышало безиятежнымъ спокойствіемъ нетронутой молодой души_

Красавцевъ просидвяъ минутъ десять «въ безмолвномъ созерцаніи красоты». Но больше онъ вытерпёть не могь. Наклонившись въ Бунину и глазами указывая на молодую де-

вушку, онъ сказаль: «Тихій омуть».

И вдругъ случилось что-то совершенно неожиданное. Щеки дъвушки вспыхнули, какъ зарево, въ глазахъ замелькали искорки, розовыя губы задрожали, и она расхохоталась самымъ искреннимъ, заразительнымъ смъхомъ, безъ удержу, забывъ, что на нее смотрятъ десятки чужихъ людей. Тетрадка и карандашъ полетъли подъ скамью, на которой возсёдалъ благородный басъ.

Последній казался сконфуженнымъ.

«Неужели поняла»? мелькнуло у него въ умѣ въ то время, какъ онъ, съ величіемъ, достойнымъ лучшей участи, лазилъ подъ скамью, за тетрадкой. Доставъ тетрадку, благородный басъ съ рыцарской въжливостью, приподнявъ шляпу, подалъ ее дѣвушкѣ. Та продолжала смѣяться. Старикъ также усмѣхался, а потомъ сказалъ по-русски:

— Поосторожный нужно быть, иолодой человыкь, случается,

что и въ Америкъ можно русскихъ встрътить.

Красавцевъ началъ разсыпаться въ извиненіяхъ, по обыкновенію міная русскій языкъ съфранцузскимъ, но посреди самой цвітистой фразы остановился. Вниманіе его привлекла,
тетрадка, которую онъ только что подняль и которую молодая дівушка, не замітивъ, держала теперь обратной стороной
къ Красавцеву. На этой стороні быль сділань маленькій набросокъ карандашомъ—фигура Мефистофеля, съ сложенными
руками, наклоненной головой и мрачнымъ взглядомъ изподлобья. Въ этой фигурі, не смотря на то, что черты были нівсколько утрированы, Красавцевъ тотчасъ же узналъ каррикатуру на самого себя. Брови были нівсколько приподняты, глазаудлиннены, оваль лица быль сділанъ боліве худощавымъ, губы
боліве сжаты, наконець, надъ люмъ красовались пресмінные
рожки, но сходство было несомнівное.

Бунинъ бросиль газету и, улыбаясь, смотръль на обоихъ.

— Mademoiselle...—началь опъщившій благородный бась. Въ эту минуту повядь остановился, и старивь ваволновался.

— Батюшки, Маруся, не провхать-бы намъ. Въдь эго, ка-

жется, наша станція?..

— Даже провхали одну лишнюю, папочка. Идемъ, идемъ скорве, — отвъчала Маруся, спвша къ выходу и на ходу кив нувъ головой Бунину и Красавцеву.

— Вашъ адресъ, молю, —почти завопидъ имъ въ слъдъ

благородный басъ.

Витесто ответа въ него полетела визитная карточка, кото-

рую старикъ едва успъть вынуть изъ кармана.

Красавцевъ следилъ, вакъ они проходили по платформе, оживленно разговаривая. Старикъ, высокій и худой, шелъ, немного согнувшись. Девушка, тоненькая и стройная, походила на молоденькую березку радомъ со старымъ дубомъ.

«Какое жизнерадостное лицо», подумаль Бунинъ. Она продолжала улыбаться, и улыбка озаряла ее всю, точно солнеч-

нымъ лучомъ.

Красавцевъ заглядълся на ея стройную фигуру и, когда

отецъ и дочь исчевли за дверями станціи, сказаль:

- Et voilà! Мелькнула, какъ метеоръ, напроказничала и улетучилась, а нашъ братъ страдай. Въдь теперь, пожалуй, ее долго не забудешь. Эхъ, и рисуновъ не успълъ попросить на память!
 - Кто они?—спросиль Бунинь.
- Воть карточка: Дмитрій Петровичь Несловъ. Живуть за Гарлемомъ, на сѣверъ отъ Нью-Іорка. Непремѣнно ихъ разыщу.

(Продолжение слыдуеть).

E. Comoba.

Прощаніе.

Не съ горделивой усмѣшкой презрѣнья Съ юностью вашей прощайтесь, друзья, Съ этою ясной зарей бытія, Съ этой блаженной порой опьяненья,-Траты слёпой самыхъ цённыхъ даровъ, Деракой вражды и съ людьми и съ богами, Горькихъ ошибокъ, несбыточныхъ сновъ, Свётныхъ побёдъ и вёнчанья цвётами! Все, что живого подъ солнцемъ цвететъ. Къ свету и радости вворъ устремляя, Движется ею одною впередъ... Благословенна ты, юность святая! Пусть мудрецы съ охлажденнымъ умомъ Трезвому опыту вась поучають, Небо миражемъ пустымъ называють, Грезы о крыльяхъ-ребяческимъ сномъ: Вследь безпокойной Икаровой тени, Смело, о братья, отважно впередъ, Выще, все выше! не бойтесь паденій Съ ясныхъ дазурныхъ высоть! Слава побъды лишь храбрымъ дается, Срама не знасть погибшій въ борьбі... Юность, теб' наша п'всня поется-Вѣчная слава тебѣ!...

П. Я.

Поэма конца въка.

(«Въ безбрежности». К. Бальмонта).

Общественныя явленія, очень сильно дающія себя чувствовать за послёднее время въ жизни, какъ Запада, такъ и Россіи и окрещиваемыя именемъ «конца віка», не смотря на уже вызванную ими цілую литературу изслідованій, памфлетовь, эпиграмъ и панегирнковь, до сихъ поръ весьма мало выяснены. Остается нераскрытой самая сущность этихъ явленій, то, что объединнеть ихъ въ одно цілое, не смотря на все ихъ разнообразіе. Что такое «конецъ віка» чувствуется, но не выяснена еще причина этой сіти явленій, ни ихъ глубина, ни общественное значеніе. Между тімъ они представляють собой весьма замітный элементь современной жизни и, въ качествій такового, заслуживають самого глубокаго вниманія.

«Конецъ вака» проникаеть повсюду, въ дитературу, въ политику, въ философію, въ науку, въ искусство, всюду вносить свою смутность мысли, отсутствіе принциповь, эгонямь, доведенный до крайнихъ пределовъ, и дрябло пессимистическое отношение къ жизни. Упадочникъ, въ какой бы сфери диятельности онъ ни являлся, всюду вносить извращеніе, разложеніе и смерть. Оть твореній упадочниковь въсть могильнымъ холодомъ, но они иногда такъ красивы, что новольно влекуть къ себе, иногда такъ талантивы, что могуть производить сильное впечативніе, даже на трезваго человака, пока онъ не успаеть дать себа отчета въ ихъ сущности. Наша русская действительность представляеть собой крайне благопріятную почву для развитія упадочничества во всёхъ его формахъ, поэтому намъ кажутся заслуживающими полнаго вниманія даже неособенно крупныя, но типичныя проявленія упадочничества на русской почве. Вивств съ темъ им дунаемъ, что изучение отдельныхъ проявленій упадочничества прольеть извёстную долю свёта на самую ихъ сущность и на вызвавшія ихъ общественныя **У**СЛОВІЯ.

Къ числу талантливыхъ произведеній упадочничества принадлежить и лежащая передъ нами книжка г. Бальмонта «Въ безбрежности.

Книга эта въ теченіи года выдержала два изданія, что свидітельствуєть объ усийхй, рідкомъ для нашихъ поэтовъ. Несомийню, у г. Бальмонта есть поклонники и почитатели, люди, которымъ бливка и понятна его больная поэзія. Такимъ образомъ им им'вемъ діло не съ индивидульной душевной расшатанностью, а съ бол'язнью извійстной части общества, выразителемъ которой явился нашъ танантливый поэть.

«Въ безбрежности» — сборникъ стихотвореній и стихотвореній въ прозі, но въ то же время это поэма личной жизни автора (такъ, повидниому, смотрить на свою книгу и онъ самъ). Отдільныя стихотворенія этой поэмы объединены однимъ настроеніемъ, въ развитіи котораго видны три главныхъ момента.

«Безбрежность»—это та область грезь, куда уходять отъ всего земного человъческаго поэты упадка, область, кажущаяся трезвому человъку больнымъ бредомъ, но нашъ поэть гордится этимъ бредомъ, находять въ немъ почву для своего рода маніи величія, считаетъ себя неязитримо выше трезваго человъчества, по его митию, окутанняго мракомъ ночи.

Начивается поема г. Бальмонта вступительнымъ отнхотвореніемъ, въ которомъ, какъ въ оперной увертюръ, слышенъ основной мотивъ всего произведенія. Далье следують три части, носящія каждая свое претенціовное заглавіе: первая—«За предёлы», вторая—
«Любовь и тени любен», третья—«Между ночью и днемъ». Заканчивается сборникъ стихотвореніемъ— эпилогомъ, которое является заключительнымъ аккордомъ, резюмирующимъ настроеніе всей повмы.

Вотупительное стихотвореніе такъ характерно, что им его приведенть ціликомъ:

Я мечтою ловиль уходящія тени, Уходящія тени погасавшаго дня, Я на башню всходиль и дрожали ступени, И дрожали ступени подъ ногой у меня. И чамъ выше и шель, тамъ иснай рисовались. Темъ ясней рисовались очертанья вдали, И какіе то звуки вокругь раздавались, Виругъ меня раздавались отъ небесъ до земли. Чемъ я выше всходиль, темъ светле сверкали, Темъ светиве свервали выси дремиющихъ горъ И сіяньемъ прощальнымъ какъ будто ласкали, Словно нежно ласкали отуманенный взоръ. И внизу подо мной уже ночь наступила, Уже ночь наступила для успувшей земли, Для меня же блистало дневное свътило, Огневое свътило догорало вдали. Я узналь, какъ ловить уходящія твии, Уходящія тани потускнавшаго дня, И все выше я шель и дрожали ступени И дрожали ступени подъ ногой у меня.

Этоть стихотворный абсурдь напечатань курсивомь: очевидно

• авторъ придаетъ ему особенное значеніе. Башня съ «дрожащими ступенями», звуки «отъ небесъ до земли», отранная ловля «уходищихъ таней потускиввшаго дня»—эти образы, ни чамъ не связанные между собой; это психопатическое повтореніе безъ всякой надобности однихъ и тахъ же словъ,—все это сразу вводить насъ въ міръ бреда или безумія, когда человака пресладують несвязным насильственным представленія. Такимъ насильственнымъ представленіемъ въдушевномъ міра нашего автора, представленіемъ, составляющимъ основной мотивъ его поэзіи, является сладующее: землю по-крыла какая то «ночь», а самъ ноэтъ ушель отъ этой ночи на недосягаемую высоту, къ таниственной «красота». Вокругъ этой нден группируются другія, столь же странныя й смутныя, которыя мы очертнить при дальнайшемъ разсмотраніи поэвін г. Бальмонта.

Первая часть сборника поэмы г. Вальнонта, «За предёлы», должна выражать стремленіе поэта къ высокому, но неясному, выходящему за предёлы земли. Нікоторыя изъ стихотвореній выражають это стремленіе довольно опредёленно.

Эти стихотворенія по вившиссти не носять явныхь признаковь декадентства, декадентскими двласть ихъ настроеніе, скрытое въ нихъ. Лучше и ясиве всего выражаєть безпокойное стремленіе «за предвлы» стихотвореніе «Ввтеръ», посвященное «нвмецкому поэту Георгу Бахману».

Я жить не могу настоящимъ, Я люблю безпокойные сны. Подъ солнечнымъ блескомъ палящимъ И полъ влажнымъ (?) мерпаньемъ дуны. Я жить не могу настоящимъ, Я внимаю намекамъ струны, Цветамъ и деревьямъ шумящимъ, И легендамъ приморской волны. Желаньемъ томясь несказаннымъ. Я въ неясномъ грядущемъ живу, Вздыхаю въ разсвете туманномъ, И съ вечернею тучкой плыву. И часто въ восторгв нежданномъ Поцелуемъ тревожу листру (!). Я въ быствы живу неустанномь, Въ ненасытной тревот живу.

«Неустанное бёготво», «ненасытная тревога», это не стремленіе къ идеалу, не недовольство окружающимъ—такія чувства предполагають извёстную иравственную устойчивость, ясность принциповь, сознаніе цёли въ жизни, жажду дёятельности. Это и не здоровый естественный порывъ къ счастью; для нашего поэта и представленыхъ имъ больныхъ группъ человёчества ничего этого иётъ. Не говоря уже о принципахъ, идеалахъ, имъ чуждо представленіе о здоровомъ личномъ счастін; они даже не пессимисты, они страдають меланхоліей и весь міръ подернуть для нихъ темной дымкой, сквозь которую, какъ въ полумракё лунной ночи, вей явленія міра

представляются имъ туманнини, фантастичными, заключающими въ себъ нёчто таннетвенное, «символическое».

Очастья нёть для машего поэта, онь даже не питается бороться за счастье, онь насенено покоряется судьбё, бросаясь «въ море отчанья, въ темную бездну сомнёнья», какъ выражается онъ въ одномъ изъ талантливейшихъ своихъ стихотвореній («Нёть, не могу я заснуть и не ждать и смириться»). Въ другомъ своемъ отихотвореніи, тоже принадлежащемъ къ числу дучшихъ, поэть говореть:

Въ этой живни смутной Насъ повсюду ждетъ За, восторгъ минутный Долгой скорби гнетъ. Радость совершенства Смъщана съ тоской; Есть одно блаженство: Мертвенный покой. Жажду наслажденья Въ сердив победи, Усмии волиенья, Ничего не жди.

Человѣвъ съ сильной натурой, приди въ такому выводу, либо, примирившись съ недоступностью личного счастья, сталь бы искать успокоенія въ борьбв за счастье другихъ, въ борьбв съ общественнымъ вломъ, постарался бы наподнить свою жизнь, отдавшись какому-вибудь двлу, либо наконецъ покончиль бы съ собой. Нашъ поэгь не принадлежить въ числу сильныхъ людей, какъ и всё представители изнервинчавшагося человѣчества. Не смотри на всю свою меланхолію, онъ продолжаеть тануться въ счастью, какъ тинется въ свёту поставленное въ темнотѣ растеніе. Счастье ему потому и не дается, что оно доступно только сильнымъ и крѣпкимъ, потому что оно можеть покоиться только на твердыхъ устояхъ правственнаго міра человѣка. И эта безсильная погоня за «уходящими тѣнями погасавшаго дня» дѣлаеть все чернѣе и чернѣе сгустившуюся надъ поэтомъ ночь, все причудливѣе и фантастичнѣе вилѣнія этой ночи.

Душевное состояніе постояннаго кошмара, въ которомъ живеть изпервничавшійся упадочникъ, превосходно передается стихотвореніемъ «Подводныя растенія».

На днё морскомъ подводныя растенья Распространяють блёдные листы И танутся, ростуть, вакъ привидемых, Въ безмолый угрюмой темноты. Ихъ тяготить покой уединенья, Ихъ манить мірь безвёстной высоты, Имъ кочется любви, лучей, волненья, Имъ снятся ароматные цвёты. Но нёть пути въ страну борьбы и свёта, Молчить кругомъ холодная вода.

Акулы проплывають иногда. Ни проблеска, на звука, ни прив'ята, И сверху посылаеть зыбь морей .Лишь трупы и обложен кораблей!

Пессимизмъ, какъ видимъ, полный—«нътъ пути въ страну борьбы и свъта», но примириться съ этимъ поэтъ не можеть. Онъ говорить:

Нёть, не могу я заснуть, и не ждать и смириться, Въ сердцё волненье растеть и растеть! Можеть ли вётеръ свободный кому покориться, Можеть ли звёздь не блистать хороводь? Нёть, мий не нужно нокоя, не нужно забвенья. Если же счастіе намъ не дано, Въ море отчаянья, въ темную бездну мученья Брошусь на самое дно.

Искать спасенія отъ пессимняма въ отчанные,—это тоже, что прятаться отъ дождя въ раку; такое рашеніе показываеть только степень пессимняма, степень душевной надломленности.

Ясно, что при такомъ душевномъ состояніи поднаго отчаннія. когда мелянхолія дёлаеть для человіка весь мірь черной ночью. невозможна никакая нравственная борьба, а следовательно и борьба оъ своимъ отчанньемъ. А между темъ жить въ такомъ состояния, видя вокругъ себя лишь трупы да проплывающихъ акулъ, немысиемо. И вотъ упадочниен-менанходики начинають создавать условный міръ, въ который и уходять «на высоту» оть вемян и явлей. Элементы этого міра не новы; упадочники не въ состоянія создать ничего новаго; новое можеть операться только на действительность, развиваясь изъ наиболее жизненныхъ элементовъ ся; упадочники вовхъ категорій, волёдотвіе разныхъ причинъ, прерывають связь съ дъйствительностью и людьми, замыкаясь въ культь своей личности. Все, что не я, для нихъ безразлично. И воть, стремись создать новое-оне только коперують отжившее; ихъ оригинальный на первый взглядъ костюмъ--ни что иное, какъ пестрый плащъ Арлекина, сшитый наъ клочковъ разнаго старыя. Поэты упадочники черпають особенно обильно у техъ прежнихъ поэтовъ, образы которыхъ наименье близки къ современной дъйствительности-напр. у провансальцевь, у романтиковь, окращивая эти образы своимъ лехорадочнымъ настроеніемъ, которое является единственнымъ новымъ элементомъ ихъ поэзіи.

> Кто это ходитъ въ ночной тишинъ, Кто это бродитъ при бледной лунъ? Сонныя вътви рукою качаетъ, Вздохомъ протяжнымъ на вздохъ отвъчаетъ. Кто надъ немою дремою стоитъ, Влажнымъ дыханіемъ травы поитъ? Чье это видно лучистое око— Ближе и ближе и снова далеко? Слышно, какъ старыя сосны шумятъ,

Слышенъ гвоздики ночной ароматъ. Въ сонномъ болоте знакомыя травы Больше не дышутъ дыханьемъ отравы. Тише! Помедли, помедли со мной! Кто ты,—не знаю, о, призравъ ночной! Сладво съ тобой подъ луною встречаться, Съ призравомъ—призравомъ легкимъ вачаться. Что же ты вновь убёгаешь, скользя,— Или намъ ближе обняться нельзя? Или подвластны мы чарамъ запрета Въ царстве холоднаго луннаго света? Кто жъ это гонится тамъ за тобой?— Призравъ сверкаетъ блестящей стопой Легкимъ виденемъ тень убегаетъ,— Только на небе зарница мелькаетъ.

Что же новаго въ этомъ произведении «новаго» искусства? Образы? сни какъ будто бы не обичны, но далеко не новы. Всякому они напомнять что-то давно знакомое, русскому читателю скоръе всего хрестоматию г. Галахова, по которой онъ знакомился въ дътскіе годы съ образчиками домашнаго романтизма; тамъ до-отаточно тъней, блуждающихъ при блёдной лунь, виденій и т. д. Намъ кажется не совсёмъ невёроятнымъ предположение, что именно хрестоматія Галахова и обогатила нашего поэта такими образами. Нъчто сходное, быть можеть, можно замътить и у другихъ упадочнековъ. Такъ, отдельныя группы каргены Пювноъ де-Шаванна «Зима» своей мертвенностью удивительно напоминаеть ть картины. которыя помещаются въ школьныхъ детскихъ книжкахъ и вывешиваются на стенахъ классовъ. Мы не решаемся утверждать, что наще предположение верно, но влиние школьных картинъ и учебнековъ на творчество упадочниковъ мы считаемъ психологически вполев допустимымъ. Въ свсей погонв за нереальнымъ, въ стремленіи отрашиться оть современности, упадочникамъ столь же естеотвенно возвращаться къ давно пройденнымъ моментамъ своего индивидуальнаго развитія, какъ и къ пройденнымъ ступенямъ развитія человічества; образамъ, запечатлівнимия въ умі художника ВЪ ДЕТСТВЕ, СТОЛЬ ЖО ССТОСТВОННО ВОЗНИКАТЬ ВЪ КАЧОСТВЕ ЧОГО-ТО новаго въ творчествъ упадочника, какъ и образамъ, созданнымъ отжившимъ искусствомъ. Но каково бы ин было происхожденіе привраковъ н виденій въ поэзін г. Бальмонта, они не новы. Несометнио новымъ однако должны мы признать проникновение этихъ образовъ въ мирическое стихотвореніе. Эти образы для поэта-упадочника пріобратають гораздо большую реальность, чамь для поэта романтика. Последній извлекь ихъ изъ-подъ спуда, прельстившись ихъ своеобразной красотой и «народностью», первый живеть среди нихъ. Упадочникъ такимъ образомъ возвращается къ душевному состоянію не романтика, а первобытнаго человека. Въ этомъ явленін мы не можемъ не видіть вслідть за Нордау умственной деградацін, хотя она, по нашему мевнію, происходить главнымъ образомъ на соціальной почвъ, и лишь только отчасти на физіологической.

Действительность кажется чёмъ-то холоднымъ, пустымъ, безсмысленнымъ, даже отвратительнымъ. «Я жить не могу настоящимъ», говоритъ г. Бальмонтъ. Въ выше цитированномъ уже стихотвореніи онъ выражаеть свое отвращеніе къ действительности еще опредёление:

> "О нищенская жизнь, безъ бурь, безъ ощущеній! Холодный полумракъ безъ звуковъ и огня! Ни воплей горестныхъ, ни гордыхъ пъснопъній, Ни тымы ночей, ни свъта дня".

Воть это отвращение къ дъйствительности, признание окружающей жизни ложью, безоныслицей и есть, по нашему убъждению, сущность упадочничества: упадочникъ-человакъ, потерявшій подъ собой почву, въ реальности ему не на что опереться, реальность для него ненавистия и отвратительна, отсюда неестественныя построенія упадочниковъ. Если упадочникъ поэть, —онъ ищеть спасенія въ мірі альфовь и грезь, если онь публицисть, онь ищеть спасенія въ «ндеальной власти»; если онъ философъ-въ «метафизическомъ чувствъ г. Введенскаго и т. д. На какой почвъ развивается эта ненависть къ дъйствительности и современности, мы пока говорить не будемъ. Отметимъ только, что особенной ненавистью упалочниковъ пользуются тё элементы современности, развитіемъ которыхъ обусловливается дальнёйшій прогрессъ: такъ, упадочники-публицисты наиболью всего ненавидять просвытительныя стремленія, упадочники-философы отрекаются отъ положительной мысли, у упадочниковъ-поэтовъ отсутствуеть чувство гуманности, ими игнорируется поэзія борьбы труда и мысли. Вивств съ твиъ, у большенства упадочниковъ мы видимъ еще одну очень характерную черту, остроумно подмеченную М. Нордау, но врядъ ли основательно возведенную имъ въ степень «маніи»--- это культь своего я, который поглощаеть въ себе весь міръ. Этоть культь своего «я» сказывается и у нашего поэта. Тяготясь безсодержательностью своей жизни, тяготясь до мученія, до отвращенія къ жизни, онъ не вспоминаеть ни разу о людяхъ; мысль искать спасенія въ общени съ людьми не приходить ему даже. Онъ говорить о личномъ счастьи, и жалветь даже, что въ жизни неть «воплей го-DECTHEIXЪ».

«Воплей горестных», видите ии, въ наше время нать... Жалать о томъ, что въ жизии нать «воплей горестных», можеть только тоть, чье сердце абсолютно глухо ко всему, что далается вив его, иначе пришлось бы стенать, что этихъ воплей слишкомъ, до мучительности миого. Но таково уже свойство души «празднаго человака»—упадочника. Онъ тянется лишь къ сеоему счастью и ищеть его въ міра эльфовъ и чаръ. Но жизнь за пренебреженіе къ себъ мстить все болье и болье тяжелой неудовлетворенностью и тоской, которая дълаеть мало-по-малу существование празднаго человъка настоящей трагедіей, тяжелой, но виъсть съ тымъ и отвратительной.

Уходя отъ земли въ безбрежность, нашъ поэть однако не отказывается отъ чисто земного чувства—любви. Вторая часть сборника-поэмы носить названіе «Любовь и тени любви». Здёсь нашъ поэть трактуеть о своихъ, какъ у всякаго поэта, безчисленныхъ увлеченіяхъ, настоящихъ и минувшихъ, «истинныхъ и ложныхъ», причемъ воспоминанія о прежнихъ увлеченіяхъ, по словамъ поэта, граничащія съ раскаяньемъ, называются «тенями любви».

... Тъни «любвей» нашего поэта, такъ сказать, двухъ цвътовъ: одий розовыя (такихъ меньшинство), другія—черныя. Воть какъ изображаеть онъ свою «Первую любовь»:

Въ царстве света, въ царстве тени, бурныхъ сновъ и тихой лени, Въ царствъ счастія земного и небесной красоты, Я всёмъ сердцемъ отдавался чарамъ тайныхъ откровеній. Я рванся душой въ предвин недоступной висоты. Для меня блистало солнце въ дни весеннихъ упосній, Пели плицы, навевая лучезарныя мечты, И акацін густыя и душистыя сирени Надо мною навлоняли бълосивжные цветы. Точно сказочныя зиви, безконечныя аллен Извивались и сплетались въ этой ласковой странв. Эльфы свётлые свинвались и толпой скользили фен. И водили хороводы при сверкающей лунь: И съ улибкою богини, съ нъжнымъ профилемъ вамен Чья-то тень ко мет безшумно наклонялась въ полусить. И зардъвшіяся розы и стыдливыя лимен Нашу страсть благословляли въ полуночной тишинъ.

Этому стихотворенію нельзя отказать въ граціи и талантичвости, образы подобраны красивые и, если знать, что дёло идеть о первой любви, то, пожалуй, передающія это чувство.

Мы не можемъ не сдълать маленькаго отступленія, чтобы отмътить отличіе «новаго» символизма отъ символизма, всегда существовавшаго въ искусствъ. Отличительная черта новаго символизма, что онъ неизбъжно нуждается въ подписи «се левъ, а не собака», тогда какъ старый въ этой подписи не нуждался. Достаточно сравнить только что приведенное, несомивно талантливое стихотвореніе съ такими стихами Лермонтова:

Ночевала тучка волотая На груди утеса великана...

Или съ отихотвореніемъ, переведеннымъ тімъ же поэтомъ изъ Гейне:

На съверъ дальнемъ стоитъ одиноко На голой вершинъ сосна, и т. д.

Стихотворенія Лермонтова названы «Утесь» и «Сосна», поэту

ненужно было заглавіємь дать понять читателю, что скрываєтся за этими простыми и грандіозными образами. Всякому ясно, что за тоской утеса по пообтившей его тучкі, за грустной мечтой одинокой сосны, скрывается чувство одинокой могучей и гордой души, которая тоскуєть о пережитомъ счастьи, можетъ быть дюбви, или томится въ разлукі съ другой, далекой, столь же могучей, гордой и одинокой душой.

Г. Бальмонть, несмотря на массу нагроможденных выть образовъ, не можеть ими съ такой полнотой передать свое настроеніе, какъ дёлаеть это Лермонтовъ нёсколькими штрихами. Впечатлініе, производимое стихотвореніемъ г. Бальмонта, остается неяснымъ, и онъ для поясненія принужденъ прибігать къ заглавію—пріемъ во всякомъ случав прозанческій и ложный, показывающій, что художественная цёль произведенія не достигнута.

Къ такому пріему принуждень прибъгать однако не одниъ г. Бальмонть, а вообще художники-упадочники, особенно живописцы. Яркихъ примъровъ примъненія такого пріема можно найти
сколько угодно хотя бы въ картинахъ французскихъ художниковъ,
съ которыми могла ознакомиться наша публика во время послъдней
выставки. Тутъ мы увидимъ голову блондинки съ подписью—«Солнечный блескъ», увидимъ профиль дующей въ пространство брюнетки съ подписью «Вьюга» и цёлый рядъ картинъ, въ которыхъ
при очень пылкомъ воображеніи можно найти нногда сходство съ
тёмъ, что хотѣлъ изобразить художникъ, но при видъ которыхъ
мысль о намъреніяхъ художника инкогда не явилась бы въ головъ
зрителя, еслибы последній былъ неграмотенъ или если бы подпись
«се левъ, а не собака» была сдёлана на незнакомомъ ему языкъ.

Стихотвореніе г. Баньмонта: «Въ царотв'я света, въ царотв'я твин» принадлежить именно къчислу произведеній, нуждающихся въ подписи «се левъ, а не собака». Когда знаешь заглавіе этого стихотворенія, можно согласиться, что оно болье или менье передаеть душевное состояніе вмобленности (ниенно влюбленности, а не любви), но если бы заглавія не было, то мы ножемъ съ спокойной совестью утверждать, что никто бы не поняль смысла этого отихотворенія, кром'в разв'є мастеровъ отгадывать шарады. Но разъ шарада отгадана, разъ мы внаемъ, что долженъ выражать калейдоскопъ образовъ, нагроможденныхъ поэтомъ, мы по этой пестротв моженъ судить о карактеръ чувотва, лежащаго въ основъ даннаго настроенія. Упадочники-поэты и ихъ защетники видять въ «смутнома» чувстве, проникающемъ повзію упадка, то новое, чего ищуть упадочники. Смутное чувство, какъ это сознають и лучшіе защитники упадочничества, не ново; ето нъчто въчное, такъ сказать, полугень чувства. Выражение его можно найти и у лучшихъ поэтовъ, но прежніе поэты затрогивали смутныя чувства миноходомъ, упадочники же явились, такъ сказать, «спеціалистами», посвятившими свои силы «разработив» смутныхъ чувствъ. Но поэзія выражаеть внутренній міръ поэта, и спеціализація въ поэзія свидѣтельствуеть только о подобной же спеціализація во внутрениемъ мірѣ. Упадочникъ не потому выражаеть въ своихъ стихахъ смутное чувство, что раньше мало его выражали и онъ рашилъ восполнить этоть пробаль, а потому, что смутное чувство его господствующее настроеніе и что онъ всиѣдствіе культа своего я можеть интересоваться только своими ощущеніями. Отсюда вёчное копанье въ оттанкахъ своихъ чувствъ и изображеніе этихъ оттанковъ дайствительно съ большей полнотой и рельефиостью, чёмъ у представителей здоровой поэвіи.

Въ разсматриваемомъ стихотворенія г. Бальмотна, какъ и върядѣ другихъ, мы видимъ именно такое копанье въ своихъ чувотвахъ, въ данномъ случаѣ смакованіе своей влюбленности.

Въ его жизни, какъ вообще впрочемъ въ жизни празднаго ченовъка, стремящагося наполнить пустоту своей жизни наслажденіями, любовь играеть въсколько иную роль, чъмъ должна бы.
Ада Негри въ одномъ изъ своихъ стихотвореній спращиваеть человъка, объяснившагося ей въ любви, «работаль ли ти?» Эти слова
здороваго человъка менте всего понятны представителю празднаго человъчества. Онъ ищетъ въ дюбви только наслажденіи и потому то самое чувство, которое онъ стремится сділать небеснымъ,
у него териетъ свою законность, а вижстт съ тъмъ силу и свъжесть, становится уродливымъ, тусклымъ, а подъ часъ и низменнымъ. Прекраснымъ выраженіемъ такой дряблости чувства является
у нашего поэта стихотвореніе «Оазисъ».

Ты была какъ оазисъ въ пустынъ, Ты мерцала стыдливой звіздой, Ты луною зажглась золотой И тебъ, недоступной богинъ, Отдавалъ я мечту за мечтой. Я решился въ желаніи смеломъ По кремнистой дорогь идти И не медлить нигдъ на пути (?) Ты вазалась мив высшимъ предвломъ, За который нельзя перейти. И потомь... О какое мученье! Къ недоступному доступъ найденъ. Я, какъ жалкій ребеновъ, смущенъ. Гдв дюбовь, гдв восторгь упоенья? Все прошло, ускользнуло, какъ сонъ. Я мечты отдаваль не богинь, Ты, какъ всъ, ты-земля на землю, Я одинь (!) въ удушающей миль. Я очнулся въ безплодной пустынъ И проснулся на жесткой скаль.

Къ сожалению, неясность, свойственная творениямъ упадочниковъ, не даетъ возможности отгадать, самимъ ди поэтомъ найденъ путь къ недоступному или кемъ другимъ, что, конечно, не безразистно для пониманія и оцінки страданій поэта. Но это отчанніє по такому простому и естественному поводу, что любимая поэтомъ особа не богиня, а женщина, способная любить, что она—«земля на землі», и это поэтическое восклицаніе нашего неземного существа: «Я одниъ въ удушающей мглів!»—все это не требуеть комментарієвъ. Впрочемъ, нашъ поэть не всегда остается столь небеснымъ, какъ въ приведенномъ стихотворенів. Иногда подъ вліяніемъ своего темперамента онъ тоже на время становится «землей на землі». Воть, наприміръ, одно его «земное» стихотвореніе:

Тебя я хочу, мое счастье, Моя неземная враса! Ты—солнце во мракф ненастья, Ты—жгучему (?) сердцу роса! Любовью въ тебф оврыменный, Я брошусь на битву съ судьбой. Кавъ колосъ (!), грозой опаленный, Склонюсь я во прахъ предъ тобой. За сладкій восторгъ упоенья Я жизнью своей заплачу! Хотя бы цёной преступленья—Тебя я хочу!

Это стихотвореніе по откровенности займеть видное місто среди «цензурных» любовныхь стихотвореній. Черта характерная для упадочниковь: стремясь къ небесамь, они оказываются ближе къ землів, чімть другіе. Только что приведенному стихотворенію нельзя отказать въ энергіи и въ содержаніи, въ немъ вылилось сильное и не смутное чувство, хотя довольно низменнаго порядка; другіе любовныя стихотворенія при невысокомъ полеті чувства, лишеннаго всякаго идейнаго содержанія, лишеннаго даже стремленія къ счастью, страдають дряблюстью, какой то старческой болтливостью, по временамъ переходя въ дістское подражаніе готовымъ обравцамъ. Воть напримірь стихотвореніе «Слова любви».

Слова любви всегда безсвизны, Они дрожать, они алмазны, Какъ въ часъ предъутренній звізда; Они журчать, какъ ключь въ пустынів, Съ начала міра и донынь, И будуть первыми всегда; Всегда дробясь, повсюду имльны, Какъ світь, какъ воздухъ безпредільны, Легли какъ всплески въ тростникахъ, Какъ взмахи птицы опьяненной, Съ другою птицею сплетенной Въ летучемъ бігів, въ облакахъ.

Какан пестрота! Какой арсеналъ образовъ, и какъ мало содержанія, какъ мало новаго... Неправда ли, это напоминаетъ нѣчто очень давно извѣстное?

Съ одной стороны:

О, ты, пространствомъ безвонечный, Живый въ движеньи вещества, Теченьемъ еремени пределчный, Безъ лицъ въ трехъ лицахъ Божества. Духъ есюду сущій и единый, и т. д.

Съ другой стороны:

Кудри дёвы-чародейки, Кудри—блескъ и ароматъ, Кудри волны, кольца, змейки, Кудри шолковый каскадъ.

Къ этимъ двумъ образцамъ можно присоединить еще апухтинскія «Ночи безумныя», и врядъ ни мы ошибемся, сказавши, что кромѣ этихъ литературныхъ источниковъ вдохновенія нашего поэта, въ данномъ случав не было никакого жизненнаго источника: очень ужъ все вымучено, фразисто и несвязно! Еще съ большей испостью дряблость чувства сказывается въ следующемъ стихотворенін.

Мы шли въ золотистомъ туманъ И выйти на свёть не могли, Тонули въ нёмомъ океане, Какъ тонутъ во мгав корабан. Намъ снились виденія рая. Tymie rbca n zyra. и прочь отъ родимаго края Иные влекли берега. Стремясь ускользающимъ взглядомъ Къ предвламъ безвъстной земли, Дышали съ тобою мы рядомъ. Но быль я какъ будто вдали И лгали намъ вътры и тучи, Сменлись извивы волны, И были такъ странно пъвучи Веззвучные смутные сны. И мы безконечно тонули. Стремяся отъ влаги къ землъ-И звезды печально шепнули, Что мы утонули во мгав.

Это какой-то рядь грезъ, при отсутствіи даже блазости между имбящими, при отсутствіи празнака счастья—необходимаго условія настоящей ямбян, это продукть напряженія безпокойной, но холодной фантазін,а не чувства. И въ этихъ «скутныхъ снахъ», какъ мётко опредёляеть поэть свое душевное настроеніе, съ последовательностью, характерной для всёхъ вообще сновъ, мелькають «лгущія тучи», отремленіе «оть влаги (?) къ вемлё», тонущіе во мглё корабли и тому подобные образы, либо инчего общаго съ любовью нешивющіе, либо совершенно неестественные. Да, даже любовью которой упадочники такъ носятся, у нихъ не живая сильная страсть, а «смутный сонъ» съ бол'яе или мен'яе дикими вид'яніями. «Жизнь проспать свою», —это зав'ятная мечта для нашего поэта; инчего

больше не находить онь пожелать июбимой женщий въ очень карактерномъ стихотворенія «Вающки-баю». Самая мысль—пійть совершенно серьезно своей воздюбленной колыбельную півсню можеть зародиться только въ голові упадочника; влюбленные много дурачатся, въ качестві дурачества колыбельная цісня возлюбленной была бы естественна,—но въ данномъ случай мы имбемъ діло не съ дурачествомъ: наборъ гремучихъ словъ, общій патетическій тонь півсни, все это говорить за то, что мы имбемъ діло съ дюбопытнымъ отношеніемъ упадочника къ женщинів.

Женщина у упадочника—детя, крошка, мотылекъ, жемчужина, все что хотите, но не человъкъ. Въ этомъ, конечно, нътъ ничего новаго, все это старо, какъ міръ мли по крайней мёрё какъ терема и гаремы, но дюбопытно возведеніе въ принципъ этого смакованія женщины, устраненіе изъ отношеній между женщиной и мужчиной всякихъ другихъ элементовъ. Въ своей враждё ко всему, что дёлаетъ женщину человѣкомъ, упадочникъ совершенно искренень, ему нёть дёла до человѣкомъ, упадочникъ совершенно искренень, ему нёть дёла до человѣка, какънѣтъдѣла до жизни, и чёмъ безцвѣтиѣе будетъ женщина, тѣмъ легче ему дѣлать съ ней все что ему угодио «въ волшебныхъ грезахъ смутныхъ сновъ». Философія жизни—сна съ женщиной—птичкой—сжато и не безъ граціи выражена въ названномъ уже стихотвореніи—«Баюшки-баю»:

Спи, моя печальная, Спи, многострадальная, Грустная, стидливая, Ввчно молчаливая.

Я тебѣ спою Баюшки-баю. Съ радостью свиданія Къ намъ идуть страданія; Лучше—отреченіе, Скорбь—самозабвеніе.

Счастія не жди,
Въ сердце не гляди.
Въ жизни кто огланется,
Тотъ во всемъ обманется;
Лучше безразсудными
Жить мечтами чудными,

Жизнь проспать свою (!). Баюшки-баю. Гдё-то море плещется,—

И оно изменится, Утомится шумное, Шумное, безумное,

Будетъ подъ луной Чуть дышать волной. Спи-же, спи, печальная, Спи, многострадальная, Грустная, стыдливая, Птичка боязливая.

Я тебѣ пою Баюшки-баю. Это колыбельная пёсня не только возіюбленной поета, но и разуму, дёятельности, общественной жизни.

«Любви» г. Бальмонта, повидимому, были безчисления и именно имъ, можно думать, обязань онъ «ночью», охватившей для него землю. Для «празднаго человёка» неудачи въ любви становятся трагедіей, портящей вою жизнь; ему не на что опереться, потерявши надежду на наслажденіе—такъ какъ въ наслажденіе единственный смысль его жизни; естественно поэтому, что неудачи въ любви приводять его къ отчаннію, а если его нервная система представляеть достаточно подготовленную почву, то и къ сумаществію или самоубійству.

Намени на инбовную трагедію правднаго человіна находимъ въ двухъ сонетахъ г. Бальмонта, озаглавленныхъ "«Повдно». Изъ нихъ видео, что, когда поэтъ «полонъ былъ дыханья красоты», «призракъ женщины» все изибилять ему. Ничего, кромі этой горести, повидимому, съ поэтомъ не приключилось, а между тімъ онъ дошелъ до психопатологическаго состоянія. Любовныя неудачи оказываются если не единотвеннымъ вообще, то единственнымъ отразившимся въ поэзім г. Вальмонта поводомъ его меланхолін.

Воспоминаніе о многочисленных своихъ «любвяхъ» г. Вальмонть, какъ мы уже говорили, называеть «твиями любви». «Воспоминаніе граничить съ раскаяньемъ», гласить эпиграфъ, избранный поэтомъ для второй части его книги. И дъйствительно, иъкоторыя стихотворенія, поовященныя «твиямъ любви», носять характеръ покаянный. Въ полупрозанческомъ, полустихотвориомъ отрывкъ «Прощальный взглядъ», повидимому долженствующемъ, по мысли автора, быть стихотвореніемъ въ прозъ, поэть говорить:

«И ее вспоминаю я, подругу монхъ майскихъ дней. Темныя брови, темные глаза, пышные свётные волосы, стройный дёвическій станъ. Самъ позасила я прекрасний свитильникъ, самъ разрушиль свои волисбиые замки. И неужели все? Все. Какъ плоско, мелко! Такъ же, какъ у всихъ (?!). Мон участь и участь другихъ—стертыя монеты; не отличищь одну отъ другой. Хотя бы что нибудь стращное было, что нибудь, передъ чёмъ содрогнуюм бы съ ужасомъ. Ничего. Вёчные сёрые будни».

И такъ поэтъ, оказывается, самъ виновать въ своихъ неочастьихъ, да и несчастья-то его совсёмъ «особаго рода». Его несчастье въ томъ, что его жизнь похожа на жизнь другихъ и что съ нимъ ничего не случалось страшнаго! Какъ это напоминаетъ институтокъ, мечтающихъ въ темной комнатъ о «страхахъ», да и не мудрено, что напоминаетъ: причины «страховъ» г. Бальмонта и институтокъ однъ — мыслъ не занята, жизнь съ ея дъйствительными ужасами, горемъ, борьбою течетъ гдъ-то далеко; какъ же тепличному поэту, подобно тепличной барышнъ, не выдумывать себъ страстей, страховъ и страданій. Институтская поэзія г. Бальмонта даже своими при-

чудами напоминаеть вкусы барышень, кушающих грифель и жженую бумагу.

Да, жестоко мотить жизнь «праздному человку» за его праздность, и вопросъ Ады Негри: работаль ми те? является пробнымъ камиемъ для испытанія нормальности современнаго человка. Мы не будемъ останавливаться на покаянія г. Бальмонта. Онъ кастся не въ своей душевной пустоть. Онъ кастся передъ своими возлюбленными, перемѣшивая свои покаянія жалобами на свою судьбу, упреками тѣхъ же возлюбленныхъ, — до всего этого намъ мало дѣла. Быть можеть нашъ поэть страдаеть истинно и глубоко, но кто же его принуждаеть гоняться за наслажденіями, закрывъ глаза на жизнь, на страшную трагедію человѣчества. Если такая погоня привела къ разочарованію, то въ этомъ можно видѣть лишь справедливое возмездіе судьбы.

Последняя — третья часть сборника г. Бальмонта озаглавлена «Между ночью и днемь». Что такое «ночь» у г. Вальмонта — мы уже говорили. Подъ вліяніемъ меланхолін г. Бальмонть думаеть, что все земное окутала «ночь». «Ночь» г. Бальмонта это его настроеніе, благодаря которому онь стремнтся отрёшиться оть всего земного и уйти «на высоту, довить уходящія тёни погасавшаго дня»; день же—это «неизвёстная красота», неясная, неопредёленная мечта, къ которой стремнтся поэть и ради которой создаеть мірь сновь. Эпиграфомъ къ «Между ночью и днемъ» г. Бальмонть нэбираеть слова Гете «Імшег weiter»: «день» имъ еще не достигнуть, онъ «между ночью и днемъ», но уже не на землів, а «за преділами». Въ стихотвореніи въ прояв, озаглавленномъ «На высоті», г. Бальмонть говорить: «Нёть, не хочу я вічно плакать. Ніть, я хочу быть свободнымъ. Сеободнымъ ото слабостей должень быть тото, кто хочеть стоять на высоти».

Такое признаніе своего собственнаго величія свойственно великимъ людямъ. Горацій и Пушкинъ оставили намъ по одѣ «Памятникъ», отчего же г. Бальмонту не пойти дальше и не признать себя «свободнымъ отъ слабостей», отъ которыхъ до сихъ поръ не былъ свободенъ, какъ изв'єстно, ни одинъ смертный. Но въ чемъ же свобода нашего поэта?

«Какъ будещь стоять надъ пропастью, говорить онъ, когда голова кружится? Какъ войдешь на вершину горы, когда жаль разстаться съ сельскимъ домикомъ? Ничего не возьму я съ собой, ни о комъ я не буду жалёть. Я долженъ стремиться все выше и выше, туда, гдв лазурь не запятнана, гдв вётеръ свободенъ. Такъ высоко кочу я войти, чтобы даже тучи небесныя были подо мной».

Признаемся, этотъ отрывокъ, непосредственно следующій за ранее приведеннымъ, производить впечатленіе полнаго вздора. Съ легкой или, вернее, съ тяжелой руки Тургенева у насъ многіе повадились писать стихотворенія въ прозе, забывая, что для этого надо быть Тургеневымъ. Трудно найти другого писателя, у котораго мысль, ясная и глубокая, граціозные, красняне образы и наящный, колоритный языкъ такъ взанию гармонеровали бы, какъ у Тургенева. Въ стихотворенихъ въ прозё Тургеневъ равно художникъ и мыслитель, каждый изъ его поэтическихъ афоризмовъ заключаеть въ себё глубокую, исную мысль. У г. Бальмонта въ большинстве произведеній ийть не только мисли, но и смысла, его сила въ красоте стиха, въ богатстве образовъ, хотя подъ часъ излишие нагроможденныхъ. Въ стихотворенияхъ г. Бальмонта скудость содержанія, а подчасъ прямая безсимслица, маскируется красивой формой, въ стихотвореніяхъ же въ прозё она выступаеть во всей своей безобразной наготъ. Высота, на которую подымается нашъпоэть — манія величія, свобода отъ слабостей — культъ своего я. Каковъ же будеть день, если уже между ночью и днемъ нашъ поэть попаль въ такіе дебри?

Но, «Іммет weiter»... Въ какомъ круге идей вращается нашъ поэть «на высотё», «между ночью и днемъ»? Въ последней части сборника-поэмы г. Бальмонта элементъ мысли, если котите, своеобразная идейность выражается довольно рельефно; это во всикомъ случае не вношеская поэзія нокусства для мокусства, какъ ее понимали наши ранніе поэты. Туть есть попытка внести въ поэзію философское содержаніе, но какъ чувство упадочника-поэта—смутное чувство, скорей ощущеніе, чёмъ чувство, такъ и мысль его есть отголосокъ чужой мысли, превратившійся въ ощущеніе. Передъ нами три отрывка изъ поэмы «Погибшій». Нельзя не пожалеть, что эта поэма не появилась целикомъ — она дала бы массу ценнаго для характернстики міросозерцанія одного изъ яркихъ представителей упадка и, следовательно, для пониманія сайого явленія упадка.

Во второмъ изъ этихъ отрывковъ мы получаемъ настоящій вопль:

Помогите! помогите! Я одинъ въ ночной тиши. Цълый міръ ношу я въ сердць, но со мною ни души. Для чего кровавымъ потомъ обагряется чело? Какъ мнъ душно! Въковое давитъ зло! Помогите! помогите! Но никто не внемлетъ мнъ. Только звъзды, улыбаясь, чуть трепещутъ въ тишинъ. Только ликъ луны мерцаетъ, да въ саду, среди вершинъ Щепчетъ вътеръ перелетный: ты одинъ,—одинъ, - одинъ.

Очевидно, одиночество, отрешение отъ міра и людей, давить и гнететь нашего поэта. Это обстоятельство показываеть, что разрывь между индивидуумомь и обществомь, заключение индивиду. ума въ культь своего «я», явление столь характерное для упадочничества, развивается на общественной, а не на физіологической почей, какъ думаеть Нордау. Если бы упадочники всегда были самообожателями по своей натурй, они не страдали бы отъ своего разобщения съ міромъ. Настоящему эгоисту міръ не нужень, что мы видимъ и у нівсоторыхъ упадочниковъ, но иногда упадоч-

никъ глубоко отрадаеть оть своей разобщенности съ міромъ. На этой почей внутреннихъ противорйчій быть можеть развивается значительная доля психововъ, столь частыхъ среди упадочниковъ, что Максъ Нордау принялъ упадочничество въ цёломъ за сплошной психовъ.

У г. Бальмонта есть любопытное стихотвореніе «Воскресшій». Поеть разсказываеть, что онь, въ порыві отчаннія, выбросился изъ окна. Онь «ціною страшнаго паденья хотіль купить освобожденье оть узъ, наскучившихъ давно; хотіль убить вийю печали, забить поворь погибшихъ двей». И воть, лежа «полурастоптаннымъ калікой» на мостовой, онь слышить чей то тамиственный шопоть:

Ты не исполнить свой предёль,
Ты захотёль усповоенья,
Но нужно заслужить забвенье
Самозабвеньемъ чистыхь дёль.
Умри, когда отдашь ты жизни
Все то, что жизнь тебё дала,
Иди сквозь мракъ земного зла,
Къ небесной радостной отчизить.
Ты обманулся самъ въ себё
И въ той, что льетъ теперь рыданья,—
Но это мелкія страданья.
Забудь. Служи иной судьбё.
Душой отжившею страдая,
Страдай за мірь, живи съ людьми
И послё—мой вёнецъ прими...

То быль голось смерти, которая впрочемь, давь поэту «жизни откровенье», «прочь—до времени—упла». «И прикоснувшійся къ землі, я всталь съ могуществомь Антея», разсказываеть поэть.

Нять основаній придавать этому стихотворенію автобіографическое значеніе, но едва-ли можно сомнівваться въ его субъективности. Дело однако въ томъ, что привракъ смерти, проговоривъ свои укоризненныя слова, исчесь, и воскресшій остается въ прежнень мірів сновъ, къ которому быть можеть прибавляется нівсколько новыхъ виденій, напр. представленіе о страданьи «за мірь», представленіе о скорби человічества, которое мелькаеть въ двухъ трехъ стихотвореніяхъ нашего поэта, но вменно менькаеть, какъ мимодетный смутный образь, тотчась же уступая мёсто «медким» страданьямъ», эльфамъ, грезамъ и т. д. Не смотря на слова, которыми ваканчиваеть нашть поэть стихотвореніе: «Я всталь сь могуществомь Антея», --- именно могущества то мы такъ и не находимъ въ поевін г. Бальмонта. Въ его лирикъ не отразилось ни одно сильное чувство. Его отчание переходить въ состояние душевной разслабленности. Его любовь трудно даже признать любовью, это вакое то копанье въ эротическихъ мечтахъ; только въ одномъ стихотворения мы встретились съ сильнымъ чувствомъ любви, но скорей физіологической, которая не должна бы иметь места въ лирике. Какъ большинство упадочниковъ, нашъ поэтъ стремится быть религознымъ, но религіозность у него тоже переходить въ область ощущеній. Воть, напримірь, характерное для декадентской религіозности стихотвореніе:

Ахъ, только бы знать, что могу я молиться, Что можно молиться, кому я молюсь! Ахъ, только-бы въ мысляхъ, въ желаніяхъ слиться Съ тёмъ чистымъ, къ чему я такъ жадно стремлюсь! И что мнё лишенья, и что мнё страданья, Пусть буду я ждать и томиться года, Безумствовать, падать во тым испытанья,— Но только бы виреть всегда, Но только бы видеть изъ бездны преступной, Что тамъ надо мной, въ высотё недоступной Горить—и не меренеть звёзда!

Върять—для того, чтобы безумствовать и падать, это странная въра, которая можеть придать только извъстную «инкантность» паденію; это что то вродь переходовъ Вермена оть ультра-эротическихъ стихотвореній къ культу Св. Дъвы, это даже не въра, а мечта о върь, мечта, доставляющая поэту своебразныя ощущенія.

Дётскимъ депетомъ заканчиваеть свою поэму нашъ талантливый поэть, лепетомъ, производящимъ необычайно тяжелое впечатланіе:

За предёлы предёльнаго, Къ безднамъ свётлой безбрежности Въ ненасытной мятежности, Въ жаждё счастья п'яльнаго, Мы воздушные летимъ,

Мы воздушные летимъ, И помедлить не хотимъ, И едва качаетъ крыльями. Все захватимъ, все возьмемъ Жаднымъ чувствомъ обоймемъ! Дерзкими усильями Устремляясь къ высотъ, Дальше прочь отъ грани тъсной, Мы домчимся въ міръ чудесный Къ не извъстной Красотъ!

Мы закончили обзоръ сборника поэмы г. Бальмонта, по нашему мийнію одного меть характернийшихъ проявленій «конца вйка» на русской почві. Что же характернаго въ этомъ частномъ явленін, представляющемъ собой одинъ изъ моментовъ въ общественномъ теченін, которое далеко нельзя назвать выясненнымъ?

Во творчестве нашего поета новаго немного, образы очень знакомы, форма тоже, ново настроеніе (вменно настроеніе, не мысль, не идея, такъ какъ ихъ нётъ). Въ настроеніи же прежде всего бросается въ глаза самозамкнутость личности, ея одиночество. Это не одиночество сильной личности, которая не находить среди людей отклика на свои идеи, на свою любовь къ человёчеству; не одиночество высоко развитой личности, которан не находить себф равныхь, и тоскуеть о мелочности окружающихъ. Это—одиночество слабой личности, которая одинока потому, что не знасть, не понимаеть людей, потому что привыкла жить для себя. Личность черствая, сухая, эгоистичая могла бы блаженствовать въ этомъ культъ своего я, ненавидя все то, что этого культа не раздъляеть. За таквии примърами ходить не далеко. Но личность нашего поэта иного порядка, она жаждеть не только своего счастья, но и высшаго начала, котораго не можеть сознать; она томится и переживаеть глубокую трагедію.

Передъ нами одинъ изъ наибожће симпатичныхъ представителей «конца вѣка» и вмъстъ съ тъмъ человъкъ несомивно очень талантливый. Но на этомъ талантливомъ, искрениемъ поэтъ особенцо ясно выступаетъ мрачный колоритъ того теченія, которымъ онъ увлеченъ и которое его погубило.

Каковы причины этого общественнаго теченія, мы теперь говорить не можемъ, это было бы возможно только при изученіи условій его подготовлявшихъ.

Н. Коробка.

О жилищахъ петербургскихърабочихъ.

Въ этой статъй сгруппированы нёкоторыя свёденія о жилищахъ петербургскихъ рабочихъ, собранныя за послёднее время петербургскими санитарными врачами для комиссіи по изысканію мёръ къ улучшенію жилищъ рабочихъ русскаго общества охраненія народнаго здравія, частью же авторомъ статьи при помощи одного временнаго думскаго врача. Эти свёдёнія относятся къ пяти частямъ города: Спасской, Александро-Невской, Васильевской, Петербургской в Выборгской. Всего имфются свёдёнія о 39 квартирахъ, въ которыхъ помёщается 726 человёкъ рабочихъ и ихъ семейныхъ.

Такъ какъ свътъ и воздухъ составляють самую необходимую принадлежность жилища, то прежде всего мы должны обратить вниманіе на то пространство, которое замимается однимъ человъкомъ, и на освъщеніе комнать дневнымъ свътомъ.

Изъ доставленныхъ свъдъній мы узнаемъ, что въ одной квартирѣ помѣщалось отъ 4 до 73 человѣкъ. Въ 30 квартирахъ было болѣе десяти человѣкъ, въ 11 квартирахъ болѣе двадцати. Въ одной комнатѣ помѣщалось отъ одного до двадцати человѣкъ. 13 равъ въ одной комнатѣ было болѣе десяти человѣкъ. Изъ 117 комнатъ менѣе одной кубической сажени на одного человѣкъ было въ 83, отъ 1

до 2 въ двадцати, отъ 2 до 3 въ десяти, а болве 3 в. с. въ четырехъ компатахъ. Чаще всего встричалось 0,4—0,5—0,7 куб. саж. на одного человъка. Квадратная площадь пола на одного 0,3—0,5 кв. саж., 81 разъ менъе 1-й кв. саж., 23 раза отъ 1 до 2 кв. саж. Въ помъщениять безъ оконъ жило восемнадцать человъкъ.

Эти цифры заслуживають серьезнаго винианія. Въ квартир'я живеть 20—73 челов'якь, а въ одной комната 10—20 чел. На одного челов'яка приходится мен'я одной кубической и мен'я одно кнадратной сажени (¼—¼ куб, и кв. сажени).

0,3 квадр. и 0,3 куб. сажени-такое пространство занимаеть одинь человань. Для того, чтобы составить себа ясное представленіе о значенім этихъ пифръ, напо отміррить у себя въ комнаті три аршина въ динну и вышену и одинъ въ ширину. Это и будетъ треть кубической и квадратной сажени. На такомъ пространствъ должень помещаться однив человекь. Конечно, вы конце концовы намъ надо только три аршина земли. Но живой человекъ не мертвець. Живой человекь не можеть постоянно лежать на своемъ трехаршинномъ мъсть. Онъ хочеть жить и двигаться. Но жить и двигаться невозножно на такомъ пространстве. Поэтому живой человъкъ начинаетъ измскивать всевозножные способы, чтобы удовлетворить свою потребность въ движенія. Онъ въ свободное оть работы время пойдеть въ кабакъ, пойдеть къ знакомымъ, пойдеть во дворъ. Только, навърное, не останется въ своемъ жилище, гдъ ому предоставляется ровно столько места, сколько нужно, чтобы ложать.

Такое пространство мив пришлось видеть въ одномъ новомъ деревянномъ домв. Постройка дома была еще не окончена, а квартиры въ немъ все уже были заняты.

Квартира, въ которой мий пришлось быть, состояла изъ трехъ комнатъ и кухни. Дви комнаты были свитлыя, въ каждой по одному окну. Третън комната проходная и совоймъ безъ оконъ. Въ кухни окно выходило въ корридоръ и тамъ господствовалъ мракъ.

Квартироховнить недавно наниль эту квартиру и въ ней живуть заводскіе чернорабочіе, пока только одинадцать человікь. Въ одной світлой комнаті поміщалось дві семьн. Каждая семья занимала кровять съ ситцевнить пологомъ. Между кроватями находелось узкое пространство для прохода. Стояль столь, дві табуретки и маленькій сундукъ. Въ комнаті довольно чисто и опрятно. Въ ней поміщалось семь человікь: двое мужчинъ, дві женщины и трое дітей моложе десяти літь. Двое изъ нихъ били больны скарнатиной. Одинъ маленькій, на рукахъ, другой—дівочка літь шестисеми поміщалась на сундучкі, который хваталь ей до колінь. Несчастный больной ребенокъ долженъ быль лежать скорчившись. Въ этой комнаті приходилось 0,3 кв. и 0,3 куб. саж. на человіка, считая взрослыхъ и дітей.

Во второй свёткой комнате живеть пока одинь. Кровати двё.

Будуть пускать еще жильцовъ. Можеть быть, въ этой комнать помъстится тоже двъ семьн.

Въ темной проходной комнать жильцовъ еще ивть, но ока сдается и, по всей въроятности, жильцы найдутся. Можеть быть, поселится одна и даже двъ семьи.

Въ темной кухив живеть квартирный козяниъ съ женой и маденькимъ ребенкомъ. Здвоь просторивй, нежели въ комнатахъ, но темно.

Жильцы въ первой сомнать, гдв нельзя сдёлать шагу, чтобы не зацёнать за что-нибудь, и жильцы въ темной сухей,—какую жалкую жизнь емъ приходится влачить въ этихъ темныхъ и узкихъ пространствахъ! Человёкъ принужденъ или какъ звёрь лежать въ своей берлоге, или бёжать вонъ изъ дома. И верослый мужчина, навёрное, убёжитъ. Но что же дёлать женщине, у которой на рукахъ маленькія дёти, да еще больныя? Ей приходится волейневолей покориться своей участи и жить безъ воздуха и въ темноте, прослиная свою горькую долю или впадан въ тупое равнодущіе, которое помогаеть ей кое-какъ влачить свою жалкую жизнь.

Въ этой квартиръ было трое дътей, изъ которыхъ двое скарлатинозныхъ, а третій изнывалъ въ темной кухиъ. Эти дъти, навърное, не выростуть нормальными и здоровним людьми.

Треть кубической сажени, поведемому, чего же меньше, но оказывается, что есть еще меньше, есть четверть куб. саж. на одного человъка. Такой объемъ приходится на одномъ чердакъ, свъдънія о которомъ доставлены д-ромъ Сланской.

Комнаты на этомъ чердаке со сводами. Высота въ середние три аршина, около стенъ полтора. Отношеніе световой поверхности къ площади пола гораздо меньше нормальнаго. Квартира состоить изътрехъ комнать и кухни. Въ ней живеть шесть мужчинъ, двенадцать женщинъ и шестеро детей. Самое большое кубическое содержаніе на человека въ комнать полъкубической сажени. Въ одной комнать, почти совобить темной, живуть женщины. Очевидно, ихъ заработокъ такъ маль, что ничего лучшаго оне не могуть иметь.

Выше было сказано, что въ совершенно темныхъ комнатахъ, совствиъ безъ оконъ, жило восемнадцать человакъ; здёсь жили преимущественно одинокіе мужчины и женщины и пом'ящались въ
проходныхъ корридорахъ. Но мы составили бы себъ ошибочное
представленіе о существующемъ положенія вещей, если бы думали
что только эти восемнадцать челов'якъ живутъ въ темныхъ комнатахъ. Это пом'ящеміе совершенно безъ оконъ, но есть комнати съ
окнами, выходящими въ ствиу или въ корридоръ, и въ такихъ
пом'ящеміяхъ часто живуть ц'ялыя семьи. Вотъ напр., образцы такихъ квартиръ, въ которыхъ ми'я пришлось быть самой.

Квартира пом'ящается въ первомъ этаж'я двухъ-этажнаго деревинаго дома. Состоить изъ двухъ комнать и кухии. Ходъ изъ съ-

ней черезъ кухию въ первую комнату, а изъ первой во вторую. Въ комнатахъ по два окна на улицу. Свёта достаточно. Стёны склеены обоями. На стёнахъ и на нотолкё слёды сырости. Есть форточки. Окно въ кухий выходить въ корридоръ. Въ ней господствуеть полумракъ. Въ квартирё грязь. На лёстницё грязь и зловоніе. Въ этой квартирё помёщались преимущественно семейные рабочіе. Въ первой комнатё живеть восемь человёкъ: трое мужчинъ, три женщины и двое дётей. Всё помёщаются на трехъ кроватяхъ. Во второй двё семьи и двое одинокихъ, всего девять человёкъ (трое дётей). Въ темной кухий живуть только семейные, здёсь же помёщается и квартирная хозяйка съ мужемъ. Всего одинадцатъ человёкъ (четверо дётей). На каждаго въ квартирё приходится своло половины кубической сажени воздуха. Въ квартирё живуть заводскіе чернорабочіе, получающіе 60—80 к. въ день. Плата за кровать въ комнатахъ 4 р. и 3 р. 50 к., а въ кухий 3 р.

Въ этомъ домв во второмъ этажвиаходится такая же квартира, состоящая изъ двухъ комнатъ и кухни. Ходъ черезъ кухию. Въ комнатахъ по два окна на улицу, а въ кухив одно въ корридоръ. Въ ней полумракъ. И здвсь въ комнатахъ грязъ и смрость, а на лестище грязъ и вонь, которую распространяетъ простое отхожее мъсто, здвсь находящееся.

Въ комнатахъ этой квартиры помъщается артель заводскихъ чернорабочихъ, всего двадцать человъкъ. Въ первой комнатъ восемь человъкъ, а во второй двънадцать. Всё помъщаются на десяти кроватихъ. Первая комната служить и столовой. Въ ней стоить столъ, грубо сколоченный изъ досокъ, скамейки и табуретки. На каждаго приходится около половины кубической сажени воздуха. Плата 8 р. 20 к. за кровать или 1 р. 60 к. съ каждаго въ мъсяцъ. За эту плату хозяйка стираетъ бълье, готовитъ кушанье и убираетъ комнаты. Жильцы получаютъ 60—80 к. въ день.

Въ кухив, темной и проходной, помещается три семьи, считая и хозяйскую, всего восемь человекъ (двое детей). Плата 3 р. 20 к. за кровать, но хозяйка инчего не делаеть для семейныхъ.

Дворъ, на которомъ находится этотъ домъ, очень большой, но немощенный, грязный и зловонный. Здёсь было бы достаточно чистаго воздуха, если бы ретирады были устроены сообразио съгитеническими требованіями и если бы дворъ быль замощень и содержанся въ чистотъ. Но ретирады самаго первобытнаго устройства заражають весь дворъ и весь домъ. Грязь съ незамощениаго двора заносится на лёстинцу, а съ лёстинцы въ комиаты, которым и безъ того трудно поддерживать въ чистотъ, такъ-какъ въ нихъживеть двадцать восемь человъкъ.

Въ 39 изследованныхъ ввартирахъ десять семей (33 чел.) жела въ помещенияхъ, подобныхъ кухие этихъ двухъ ввартиръ. Следовательно, изъ 762 чел. 51 чел. были лишены благотворнаго вления дневного света и изъ нихъ было тринадцать детей, которымъ

овъть особенио необходимъ для сохраненія здоровья и нормальпаго развитія.

Насколько рабочіе дорожать дневнымь світомь, доказываеть слідующее описаніе одной квартиры, доставленное санитарнымь врачемь Петербургской части, д-ромь Бонкеромь.

Описанная имъ квартира поміщаєтся во 2-мъ этажі деревиннаго стараго дома, содержимаго довольно удовлетворительно. Состоить она изъ трехъ комнать, прихожей и кухни. Входъ со двора изъ сіней. Пять оконъ выходять на дворъ. Разотонніе отъ противо-положной стіны шесть сажень. Водопровода въ квартирі ніть. Вода доставляется дворникомъ изъ водопровода на дворів. Въ корридорі простое отхожее місто. Въ квартиріз двіз круглыхъ и одна русская печь. Зимой ставится и желізная. Стіны комнаты оклеены обоями, а въ кухніз и корридоріз выкрашены клеевой краской. Форточка есть въ одной комнатіз и въ кухніз. Плата за квартиру восемнадцать рублей безъ дровъ.

Въ ней живуть подбойщики (сапожники, работающіе на удицё). Всего четырнадцать человёкъ (11 муж. и 3 жен). Одинъ помъщается въ темномъ коррядоръ. На каждаго приходится 1—2 куб. саж. воздуха. Свёта достаточно. Кроватей 11. Въ тёхъ комнатахъ, гдё спять, тамъ и работаютъ.

Сама по себъ квартира не представляеть ничего особеннаго, но интересно слъдующее примъчание врача относительно платы за уголъ.

«Квартирохозяннъ, говоретъ д-ръ Бонкеръ, взимаетъ съ жильповъ плату такимъ образомъ:

- 1) Если жилецъ занимаетъ уголъ и окно, т. е. работаетъ у окна, то плата три рубля въ мъсяцъ.
 - 2) Если жилець работаеть не у окна, то два рубля въ месяць.
- 3) Если двое работають у одного окна, то пять рублей въ мъсяпь съ явонхъ.
- 4) Если жилецъ занимаетъ только уголъ, но не работаетъ, то два рубля въ мъсяцъ».

Такимъ образомъ оказывается, что за возможность пользоваться дневнымъ свётомъ жилецъ должевъ приплачивать 1 р. или 50 к.

Въ одной коммать неръдко помъщается 10—20 чел., а въ квартиръ 20—51 человъкъ. Это отвлеченное 10—20 человъкъ не даеть намъ настоящаго представления о дъйствительности. Для того, чтобы составить о ней хотя бы приблизительное понятие, вспомните о жилищахъ рабочихъ въ то время, когда въ вашей маленькой гостиной соберется 10—20 человъкъ гостей и вамъ покажется въ ней очень тъсно. И представьте себъ тогда, что при такихъ условияхъ люди живутъ постоянно, что люди различнаго характера, наклонностей и привычекъ должны проводять совмъстную жизнь въ такой тъснотъ.

Санитарнымъ врачемъ Петербургской части доставлено описаніе

наскольких в квартиры, занимаемых в артелями. Въ этих ввартирахъ помащается двадцать и более человеть въ одной комнате.

Вотъ какъ живетъ, напримъръ, артель камнебоевъ, содержимыхъ подрядчикомъ.

Квартира помѣщается въ подвагѣ деревянно-каменнаго стараго дома. Полъ неже уровня земли на одинъ аршинъ два вершка. Пять оконъ выходять на дворъ. Разстояніе отъ противоположной стѣны четыре сажени. Квадратная площадь каждаго окна полтора аршина. Освѣщеніе дневнымъ свѣтомъ недостаточно. Вода возится съ Невы, хранится въ квартирѣ въ кадкахъ. Простое отхожее мѣсто. Плата за квартиру съ водой 18 р. 50 к.

Квартира состоить изъ одной комнаты. Нёть ин кухии, ни прихожей. Входъ прямо изъ обней. Стёны окрашены клеевой краской. Русская печь и плита. Три форточки. Простой деревянной перегородкой въ комнате отдёлено небольшое престранство для кухарки.

Въ этой квартире помещается 26 чел. (25 муж., 1 жен.). Мужчины спять на нарахъ, устроенныхъ около трехъ стенъ. Ширина наръ равняется 20¹/, аршинъ, а длина 2³/₄ арш. Следовательно, на каждаго приходится приблизительно три четверти аршина ширины. Это пространство настолько мало, что спяще должны плотио лежать другь около друга, чтобы иметь возможность уместиться. И въ такомъ положени должны спать 25 чел., утомленныхъ тяжелымъ трудомъ! На каждаго приходитси около половени куб. и квадр. саж. Квартира содержится грязно. Стены и потолокъ носять следы сырости.

Если ко всему этому мы прибавимъ, что въ этой же комнать готовять и пищу и сущать грязное и мокрое платье, то всякій можеть представить себь ту грязь, тоть невозможный воздухъ и то количество наобкомыхъ, которое должно находиться въ такихъ жилишахъ.

Санитарный врачь Васильевской части также описываеть подвальную квартиру, въ которой живеть артель извощиковъ, содержимая одиниъ каретчикомъ.

Эта квартира пом'вщается въ подвала ом'вшаннаго, грязно содержимаго дома. Полъ подвала ниже уровня улицы на 15 верш.
При большихъ наводненіяхъ подваль заливается водой. Стіны и
потолокъ носять сліды сырости. Рядомъ съ квартирой чуланъ и
отхожее місто. Въ квартирі есть ватерклозеть, но имъ не пользуются, а пользуются простымъ ретирадомъ на дворі. Есть водопроводъ. Квартира состоять изъ двухъ комнать, изъ которыхъ одна
служитъ и кухней. Одна русская и одна голландская печь. Четыре
окна. Три форточки. Освіщеніе въ первой комнаті неудовлетворительное, а во второй плохое. Высота комнать одна саж. Плата
за квартиру 13 р. безъ дровъ.

Въ первой комнать помъщается 9 человъкъ (8 муж. 1 жен.).

Для спанья имъ служать двѣ вровати и шесть наръ безъ перегородокъ. Во второй живеть трое мужчинъ и стоять двѣ кровати. Въ первой около одной, а во второй около половины куб. сажени на человъка.

Следующая квартира, описанная санитариюмъ врачемъ Петербургской части, изсколько лучше. Она помещается въ первомъ этаже стараго деревяннаго дома. Состоитъ изъ двухъ комнатъ и кухни. Ходъ изъ сеней черевъ кухню. Шесть оконъ выходять на дворъ и на улицу. Въ первой комнате света достаточно, во второй мало. Две форточки. Воду носить дворникъ изъ водопровода. Въ этой квартире помещается артель ломовыхъ извощиковъ, получающихъ квартиру отъ хозянна, который живеть здёсь же. Въ первой комнате живутъ извозчики, 12—15 человекъ. Спять на нарахъ, шириною около аршина на каждаго. На каждаго около одной куб. и квад. саж. Во второй комнате помещается содержатель артели съ женой. Въ кухие живеть кухарка. Квартира содержитоя довольно опрятно. За квартиру платить 40 р. безъ дровъ, съ конюшнями на тридцать ставокъ.

Это образцы ввартиръ, нанимаемыхъ хозянномъ для артели. Сладующее описаніе касается квартиръ, даваемыхъ домовладальцемъ своей артели.

Санетарный врачь Васельевской части, д-ръ Альбовъ, дасть следующее описаніе такой квартиры.

Квартира помѣщается въ первомъ этажѣ деревяннаго дома, содержимаго неопрятно, состоить изъ пяти комнать и кухни. Ходъ изъ сѣней. Простое отхожее мѣсто въ корридорѣ и общее на дво рѣ. Есть водопроводъ. Шесть оконъ на умицу, четыре на дворъ. Двѣ круглыхъ, двѣ русскихъ и одна голландская печь. Три форточки и три вентилятора. Въ четырехъ комнатахъ стѣны оклеены обоями, а въ одной и въ кухнѣ выкрашены клеевой краской. Квартира раздѣляется на два помѣщенія. Одно предназначено для рабочихъ—ломовыхъ извощиковъ, а другое для самого хозянна.

Первое стоять изъ двухъ комнать, въ которыхъ помъщается двадцать человъкъ. Спять на нарахъ, 14 вершковъ ширины и 2¹/₂ аршина дляны. Въ одной комнатъ оснъщеніе плохое. На каждаго приходится половина кубической и квадратной сажени. Второе помъщеніе состоять изъ трехъ комнать и занимается хозяйской семьей (четыре человъка). Пять оконъ на улицу. Свъта и воздуха много.

Здёсь домовладёлецъ живетъ въ одной квартирё со своими рабочими и мы видимъ между обоими пом'ещеніями р'езкую разницу. На хозяйской половинё на каждаго боле трехъ кубическихъ сажень и много свёта, а въ комнатахъ рабочихъ недостатокъ свёта и воздуха. Въ хозяйскихъ комнатахъ—кровати, а для рабочихъ нары 14 вершковъ ширины и 2¹/2 аршина длины.

Следующее описание касается артели ломовыхъ извощиковъ, живущихъ въ квартире безъ хозяяна, домовладельца.

Квартира поивщается въ первоиъ этаже деревяннаго, грязно содержимаго дома, соотоить изъ двухъ комнать и кухни. Кухня разгорожена перегородкой, не доходящей до потолка, на столовую и кухню. Ходъ черезъ кухню изъ съней. Общее простое отхожее мъсто на дворъ. Воду носить дворникъ изъ водопровода, хранится въ квартире въ кадкахъ. Стени и потолокъ носить сизды сырости. Въ квартире шесть оконъ, изъ которыхъ два выходять въ корридоръ къ отхожему мъсту. Освещение недостаточное. Две русскихъ и одна круглая печь. Одна форточка и два вентилятора. Въ каждой комнате помещается по десяти человекъ. На каждаго приходится половина кубической и половина квадратной сажени. Въ комнатахъ две кровати и нары. На каждой кровати спять по два человека, а на нарахъ приходится 15—18 вершковъ ширины на каждаго.

Вторая ввартира отличается оть первой тімъ, что расположена около отхожаго міста, къ которому выходять окна. Слідовательно, въ эту ввартиру могуть безпрепятственно проникать міазмы и заражать комнатный воздухъ. Очевидно, домовладілець не могь найти у себя худшей квартиры для поміщенім своей артели.

Санитарный врачь Александроневской части, д-ръ Прокоповичь, даеть иёсколько инбонытных описаній квартирь, занимаемых рабочими съ невской бумагопрядильни.

Квартира помещается во второмъ этаже стараго каменнаго двухэтажнаго дома, въ которомъ находится до двадцати квартиръ. Она
состоять изъ трехъ комнать и кухни. Ходъ черезъ кухню. Вода
доставляется изъ Невы въ бочкахъ, хранится въ кухне въ ушатъ.
Ушатъ содержится грязно. Простое отхожее мёсто на леотницъ. Въ
квартиръ шесть окомъ. Свету достаточно. Въ комнатахъ есть форточки, въ кухне нетъ. Две голландскихъ печи и русская. Стены
выкрашены клеевой краской и носятъ следы сырости. Плата за
квартиру 24 р. 50 к. безъ дровъ. Въ ней живетъ 29 человекъ:
24 мужч. и 5 женщ. Въ первой комнате живетъ 10 чел., спятъ
на пяти кроватяхъ, во второй и третьей по шести человекъ и по
три кровати. Въ кухне семь человекъ и четыре кровати. На каждаго живущаго въ квартире приходится около 0,8 куб. и 0,6 кв.
саж. Плата за кровать 3 р. съ услугой.

По замѣчанію санитарнаго врача, такихъ квартиръ въ этомъ домѣ нѣсколько и взята типичная.

Такія квартиры расположены по правой оторон'я л'ястницы, а по л'явой находятся другого рода, типомъ которыхъ будеть служить сл'ядующая.

Квартира находится въ четвертомъ этажѣ. Состоитъ изъ двухъ комиатъ, кухни и корридора. Простое отхожее мѣсто на иѣстницѣ. Воду возитъ дворникъ изъ Невы въ бочкахъ. Вода хранится въ бакѣ, который содержится плохо. Въ квартирѣ три окна, выходящахъ къ отхожему мѣсту и къ помойной ямѣ. Свѣту достаточно.

Въ комиатахъ и кухив есть форточки. Одна голландская и одна русская печь. Въ комиатахъ ствиы оклеены обоями, а въ кухив и въ корридорв выкрашены клеевой краской; ствиы въ углахъ и подъ окнами сыры. Затхлый и омрой воздухъ. Плата за квартиру 14 р. безъ дровъ.

Въ втой квартерѣ живутъ преимущественно семейные рабочіе съ невекой бумагопрядильни. Всего 15 чел. (6 мужч., 6 женщ. и 3 дът.). Въ каждой комнать помъщается по двъ семьм (4 и 6 чел.). Въ кухнъ помъщается четыре человѣка, а въ темномъ корридорѣ одна женщина. На каждаго живущаго въ квартирѣ приходится 0,5—1,0 куб. и 0,4—0,8 кв. саж. Въ первой комнать и въ кухнъ плата за кровать 3 р. 50 к., а во второй 4 р., въ корридорѣ 3 р. Очевидно, во второй комнать плата дороже, потому что тамъ больше дътей и просториъе.

По замѣчанію санитарнаго врача, въ этой квартирів плата за углы дороже, потому что здісь въ комнатахъ просториве и не такъ много набивается жильцовъ. Кромів того, квартира находится близко около фабрики. Вообще, говорить д-ръ Прокоповичь, за помѣщеніе, находящееся поближе къ фабриків, платится дороже. Если плата одинакова, то самое помѣщеніе тісніве и грязиве.

Такимъ образомъ у насъ имъются две типичныхъ квартиры въ одномъ и томъ же доме и по одной лестнице: одна для семейныхъ, а другая для одинокихъ.

Тотъ-же санитарный врачь даетъ следующее описание одной квартиры въ другомъ доме, съ которой сходны тринадцать квартирь этого дома.

Квартира находится въ третьемъ этажъ стараго каменнаго дома, населеннаго зсаводкими рабочими. Состоить изъ трехъ комнатъ, кухни и корридора. Въ квартиръ водопроводъ и ватерклозетъ. Двъ голландскихъ печи и плита. Шестъ оконъ выходятъ на дворъ къ помойной ямъ. Четыре форточки. Освъщенія достаточно. Въ комнатахъ и въ кухнъ стъны оклеены обоями, а въ корридоръ выкрашены клеевой краской. Стъны сыры, особенно подъ окнами. Въ квартиръ зловоніе отъ помойной ямы и отъ грязнаго двора. Плата 19 р. безъ дровъ.

Въ ввартире помещается 23 чел. заводскихъ рабочихъ, преимущественно одинскіе (20 мужч., 2 женщ., 1 реб.). Въ первой комнате живетъ девять мужчинъ, спятъ на пяти кроватихъ; во второй пять мужчинъ и три кровати, въ третьей четверо мужчинъ, одна женщина и три кровати. Въ кухив семья, состоящая изъ трехъ человекъ, и две кровати. Въ корридоре одинъ человекъ и две кровати. На каждаго живущаго приходится около полкубической сажени воздуха. Плата за кровать въ комнатахъ и въ кухив 3 р., а въ корридоре 2 р.

«Въ этомъ домъ, говорить д-ръ Прокоповичъ, находится тримадцать квартиръ, во веемъ совершенно идентичныхъ съ описан-

ными. Кровати самаго примитивнаго устройства; на козлахъ положены три-четыре доски; постели-машки, набитые солоной, иногла мочалой; подъ важдой кроватью по два сундука съ вещами жильцовъ. На кроватихъ спять по двое, следовательно, каждый шдатить 1 р. 50 в. Въ эту плату входить: 1) отирка бъльи (4 рубахи. 4 пары подштанниковъ, 4 полотенца и 4 пары онучей), 2) уборка комнаты и 3) варка пищи; провизія, коночно, покупаются жильцами. Освъщение тоже приобратается последними. Въ комистахъ около печи протявуты веревки для просушка мелких вещей. Въ стены вбито множество гвозлей разной величины: на нихъ висять шубы, сапоги. полотенца, разные узлы и т. д. Если въ углу поселился одинъжидень, то платить два рубля въ мъсяць со стиркой бъльи и варкой пиши. Цены угловь одинаковы и въ комнатахъ, и въ кухив, въ коррилоръ же дешевле. Лучшини считаются кровати (углы) у оконъ. Онв занимаются жельцами дольше жевущими, теми, кто раньше наняль уголь; позднве въвхавшій занимаеть хулшее пом'яменіе и ватемъ постепенно переходить ближе въ окну. Мебель каждой комнаты состоять изъ большого стола и скамьи и находится въ общемъ пользованія. Нівкоторые жильцы нийють свои табуреты. Самейные завъщиваются ситцовыми пологами».

Предполагая, что въ каждой изъ этехътренадцати квартиръ живеть приблезительно около двалиати человань, мы будемь иметь 260 человъбъ, живущихъ въ помъщенияхъ, полобныхъ только что описанному. На каждаго обитателя полкубической сажени воздуха. На одной вровати спять по двое. Въ этой же квартиръ стирають и сушать мокрое былье и готовать пищу на двадцать человыкь. Въ этяхь переполненныхь дольми комнатахь хранится грязное платье и былье, хранется вся одежда. Въ эти квартиры проникаеть вловоніе отъ ретирадъ и грявнаго двора. Мудрено въ такихъ жилищахъ искать чистоплотности и чистаго воздуха. Въ квартирѣ есть форточки во воёхъ комнатахъ и въ кухив. Но къ чему служатъ форточки при такихъ условіяхъ, когда въ комнатахъ на каждаго приходится полкубической сажени, а на двор'я господствують міазмы? Вентиляців при помощи форточекъ бываеть недостаточно и въ бояве благоустроенных вилищах, а здёсь форточки почти совсёмъ безполезны. Открывъ форточку въ такой квартири, живущіе не только не освёжають воздуха, но впускають въ комнату міазмы съ грязнаго и зловоннаго двора.

Въ описании различныхъ квартиръ очень часто упоминается о томъ, что одинскій рабочій не вибеть отдёльной кровати. Въ огромномъ большинстве случаевъ въ его распраяжении находятся не целая кровать, а полкровати. Въ комнать поміщается шесть—десять человікъ, а кроватей три—пять. Изъ 205 одинскихъ только восемнадцать человікъ спали на отдёльной кровати.

Спать вдвоемъ на одной кровати и неришливо, и нездорово. Совмъстное спанье служить однимъ изъ способовъ распространенія

варазныхь болевней. При техь условіяхь, въ которыхь живуть рабочіе, къ нерашеству и заразь следуєть прибавить еще другія неудоботва. Сдавая померовати, ховяниъ, конечно, не станетъ спрашивать жильца, кого взять ону въ товарищи, и возычеть перваго попавшагося. Въ одномъ меоте мей объяснили, что полкровати одается такимъ же образомъ, какъ целая комната и вся квартира, при помощи билетика. Полкровати нанимаетъ каждый, кто сойдется съ хозянномъ въ условіяхъ. Такимъ образомъ трезвому и чистоплотному въ товарищи можеть попасть пьяница и неряха, порядочному и скроиному-развращенный и безшабашный. Какова булеть живнь лучшаго изъ нихъ при такомъ близкомъ соседстве, каждый можеть себ'в представить. По всей вероятности, одна кровать на двоихъ служить немалымъ источникомъ разнаго зда. ссоръ и непріятностей, которыя разрушительно дійствують на духовное вдоровье рабочихъ. Часто такія, повидимому, инчтожныя причины пораждають большія последствія, особенно если они многочисленны. Уничтожение обычая сдавать полкровати несомивние должно было бы благотворно повліять на духовное и физическое здоровье рабочихъ.

Огромное большинство одинокихъ петербургскихъ рабочихъ спять вдвоемъ на одной кровати—это дико и странно должно по-казаться тому, кто привыкъ видъть, что каждый взросный имъетъ отдъльную постель. Но въ Петербургъ существуеть еще болье удивительное явленіе, нежели полкровати,—это полное отсутсвіе кроватей и спанье на рабочихъ инструментахъ. Ниже следуеть описаніе такихъ жилищъ, доставленное докторомъ Лещинскимъ, санитарнымъ врачемъ Спасской части. Эти жилища находятся въ домъ ки. Вяземскаго, который описывается имъ следующимъ образемъ.

Домъ кн. Вяземскаго выходить фасадомъ на Забалканскій проспекть и набережную ріки Фонтанки, по городской табели им'воть нумерацію 4 и 6 по Забалканскому проспекту и 95 по Фонтанка. Онъ состоить изъ шести отдельныхъ жилыхъ корпусовъ и одного ветхаго, незанятаго. Подъ этими постройками находится 2466 кв. саж. зомин. Въ пяти занятыхъ корпусахъ насчитывается неоколько тысячь жителей обоего пола, разныхъ профессій: торговцы и торговки въ разносъ, чернорабочіе, нищіе, лица, живущія пенсіей и пособінин оть разныхь благотворительныхь учрежденій, каменьщики, плитивки, маляры, штукатуры, корвинщики и др. и часть прологаріата, находящагося на иждевеніи родственниковь и знаконыхъ. Въ лицевомъ корпуст со стороны Забалканскаго проспекта находятся торговыя бани, две портерныхъ лавки, трактиръ, мучной лабазъ, мелочная лавка, две квасныхъ, три сельдяныхъ, ренсковый погребъ, моночная лавка, постоялый дворь, неоколько лединковь и кладовыхъ, арендуемыхъ торговцами съ Сънной площади, въ этомъ же дворь инвитея четыре склада для покупки и продажи бумажныхъ образновъ. Во флигель, выходищемъ на Фонтанку, находится типографія, действующая газомоторомъ, при шести окоропечатныхъ машинахъ. Изъ мастерскихъ въ домё имъются: мёднокотельная, асстаная, слесарная, столярная, двё корзиночныхъ и мебельная. Имъются также одиночки легковые и ломовые извощики. У содержателя постоялаго двора до 25 ломовыхъ закладокъ. Зимой на этомъ дворё останавливаются пригородные крестьяме, прибывающіе въстоляну для обыта деревенскихъ продуктовъ.

Таковъ въ общекъ чертахъ домъ ки. Вяземскаго и надо сознаться, что онъ представляетъ изъ себя много характернаго для жилищъ рабочихъ. Мы находимъ въ этомъ домъ двъ портерныхъ, трактиръ, ренсковый погребъ, три сельдяныхъ лавки, двъ квасныхъ, мелочную, молочную—вообще такія торговыя заведенін, которыя показываютъ, что обитатели дома любять выпить, а питаются чъмъ Богъ послалъ.

Возымень теперь описание инсклыжих квартиры этого дома.

1) Типъ угловой квартиры, где проживають кустари.

Квартира пом'ящается въ корзиночномъ флигелѣ въ первомъ этажѣ. Состоить изъ трехъ комнать, иѣтъ ни кухии, ни прихожей. Отхожее мѣсто, общее для двухъ квартиръ, пом'ящается въ сѣняхъ. Водопровода иѣтъ. Вода доставляется дворниками изъ чана на дворѣ. Въ двухъ комнатахъ стѣны оклеены обоями, третья выкрашена клеевой краской. Чугунка, русская и голландская печь. Одна комната безъ печи и безъ окна. Три окна на дворъ. Двѣ фортки. Свѣту въ двухъ комнатахъ достаточно. Стѣны у оконъ носять слѣды смрости. Плата 31 р. безъ дровъ.

Въ этой квартиръ живуть кустари корзинцики, которые работають здёсь же. Всего 17 человёкъ: хозяннъ съ женой и 15 мужчинъ. Изъ нихъ девять работаеть на себя, а шесть на хозянна.

Въ первой комнать помъщается тринадцать человъкъ. Кроватей нъть. Спять на верстакахъ. Во второй мужъ съ женой, а въ третьей двое рабочихъ, которые спять на одной кровати. На каждаго живущаго въ квартиръ приходится немного болье 1¹/2 куб. саж. воздуха. Работающіе на себя платать 2 р. 50 к. за мъсто, на которомъ стоитъ рабочій верстакъ. Въ первой комнать русская печь и ома служить кухней. Въ ней же работаеть хозяниъ съ двумя вврослыми рабочими и четырымя учениками и остальные девять кустарей.

2) Квартира также кустарей—корзинщиковъ. Она соотоить изъ двухъ квартиръ, заключающихъ въ себй три комнаты и кухню. Помёщается въ первомъ этажё. Девять оконъ выходять на дворъ. Три фортки и вытяжная труба. Свёту мало. Водопровода нётъ. Воду носитъ дворникъ изъ чана на дворъ. Чанъ содержится не всегда удовлетворительно. Въ корридоръ отхожее мъсто, общее для четырехъ квартиръ. Двъ голландскихъ печи, одна русская, двъ чугунки и плита. Стъны выкрашены клеевой краской. Плата за объ квартиры 62 р. въ мъснцъ.

Въ квартиръ живетъ хозяннъ съ женой и сыномъ и 33 рабо- . чихъ, изъ которыхъ одиниадцать моложе двънадцати лътъ. Въ пер-

вой комнать живеть восемнадцать человыкь, во второй—восемь, въ третьей—семь. Хозяннъ съ женой и сыномъ помыщается въ кухив. На каждаго живущаго приходится около половины куб. саж. воздуха.

Изъ 33 чел. ховянну платять за помъщение четверо, по 2 р. 50 к. съ верстака.

«Въ означенныхъ двухъ квартирахъ, говоритъ д-ръ Лещинскій, занимаемыхъ однимъ хозянномъ, помъщается большая корзиночная
мастерская одного хозянна, который пускаетъ къ себъ кустарей—
корзинщиковъ, платящихъ ему по 2 р. 50 к. съ верстака, на которомъ спятъ, ёдятъ, работаютъ и вообще проживаютъ. Самый же
верстакъ имъетъ всего 1¹/2 квад. арш. Такъ какъ на немъ невозможно улечься взрослому, то къ такому верстаку придълываютъ изъ
досокъ изголовье или просто придвигаютъ другой маленькій верстакъ.
Рваное тряпье и полушубки, служащіе постельными принадлежностями, хранятся на досчатыхъ полатяхъ, устроенныхъ въ самыхъ
мастерскихъ, а равно и на русскихъ печажъ».

Такимъ образомъ мы узнаемъ поразительный фактъ, что въ Петербургѣ находятся люди, и по всей вѣроятности такихъ не мало, которые принуждены жить на пространствѣ 1¹/2 квад. арш. И среди нихъ есть дѣти до двѣнадцати кѣтъ. Кажется, чего ужъ хуже полкровати и наръ, а это оказывается еще худшимъ.

Таковы угловыя и артельныя квартиры кустарей. Семейныя оказываются немногимъ лучше, что можно видёть изъ слёдующаго описанія.

3) Квартира находится въ третьемъ этаже того-же дома. Состоитъ изъ одной комнаты и кухни. Оконъ два. Выходять къ отхожему месту и помойной ямъ. Одна форточка. Въ корридоре простое отхожее место, общее для двухъ квартиръ. Есть водопроводъ. Печи нетъ. Одна только плита. Въ комнате стены оклеены обоями, а въ кухие окращены клеевой краской. На стенахъ следы сырости. Плата за квартиру 8 р. безъ дровъ.

Въ комнать живеть хозяниъ портной съ женой и ученикомъ, а въ кухив обойщикъ съ женой. На каждаго около одной куб. и квад. сажени. Работають въ той же комнать, гдв спять. Ученику постель не полагается. Жильцы платять три рубля за уголъ.

4) Типъ квартиры, гдё живуть пріважіе, угловые жильцы и артель.

Квартира пом'ящается во второмъ этажі, рядомъ съ банями. Ходъ черевъ прихожую. Состоить изъ десяти комнать, кухии, прихожей и корридора. Простое отхожее м'йсто въ квартирі въ корридорі. Есть водопроводъ, 16 оконъ, выходящихъ на дворъ и въ проулокъ. Три годдандскихъ печи и плита. Дві комнаты безъ печей. Семь форточекъ, одна вертушка и одна вытижавя труба. Въ трехъ комнатахъ стіны оклеены обоями, въ остальныхъ пом'ященіяхъ окрашены клеевой краской. Плата 200 р. въ м'йсяцъ безъ дровъ съ конюшнями. Квартирный ховяниъ содержить постоялый дворъ, артель локовыхъ извощиковъ съ конюшнями и отдаетъ компаты подъ углы.

Все пом'ящение распред'ямется такимъ образомъ. Въ двухъ комнатахъ, изъ которыхъ одна безъ оконъ, и въ кухий пом'ящаются ломовие извощики. Живеть въ нихъ 25 чел. (22 муж., 2 жен. и 1 реб.), изъ которыхъ пять пом'ящается въ темиой комнатѣ. Спятъ всё на нарахъ, 13 верш. ширины и 2¹/, арш. длины. На нарахъ же спятъ об'я женщины и ребенокъ. На каждаго около полкубической и полквадратной сажени.

ДВЕ ВОМНАТЫ ОТДАЮТСЯ ПОДЪ УГЛЫ. ВЪ НИХЪ ЖИВЕТЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕЛОВЕКЪ, ВЪ ТОМЪ ЧЕСИЕ ШЕСТЬ ЖЕНЩИНЪ. Кроватей десять. На каждаго около полкуб. и полкв. сажени. Плата 1 р. 50 к. въ мёсящъ.

Двѣ комнаты назначены для прівзжихъ. Устроены нары по 15 верш. ширины и 2¾ арш. длины, всего 24 иёста. Плата 15 коп. въ сутки.

Въ четырехъ комнатахъ, изъкоторыхъ дей безъ оконъ, живетъ семья хозянна, четыре человика.

Если представимъ себъ, что всъ 24 мъста заняты прівзжими на ночевку, то въ шести компатахъ будеть находиться 69 чел., изъ которыхъ на каждаго приходится около полкубической сажени воздуха. Можно представить себъ, какимъ ужаснымъ воздухомъ должны дышать живущіе въ этой квартирѣ.

Изъ вышеприведеннаго описанія мы видимъ, что въ этой квартирв въ самыхъ худшихъ условіяхъ живеть артель ломовыхъ извозчиковъ. Для угловыхъ жильцовъ кровати, для пріважающихъ нары въ 15 верш. ширивы, а для артели нары шириной 13 верш. Вообще петербургскія артели, особенно содержимыя хозявномъ, живуть, повидимому, въ самыхъ худшихъ условіяхъ и Петербургу слёдовало бы обратить на нихъ особенное винманіе и подвергнуть ихъ строгому надвору.

Приведемъ описаніе еще одной квартиры въ томъ же домі, въ которой сдаются углы.

5) Типъ угловой квартиры, занятой семейными и одинокими. Квартира помъщается въ третьемъ этаже во флигеле. Входъ въ квартиру черевъ прихожую. Две комнаты, кухня, прихожая и корридоръ, общій для трехъ квартиръ. Водопровода нётъ. Воду носитъ дворинкъ изъ водопровода на дворе. Вода хранится въ кадее, которая содержится грязно. Въ квартире пять оконъ, три въ комнатахъ на улицу, одно въ прихожей, на дворъ. Разстояніе последняго отъ противоположной стены два аршина. Следовательно, освещение не удовлетворительное. Въ кухне окно выходить въ корридоръ, темно. Форточки есть во всёхъ комнатахъ. Въ квартире три голландскихъ и одна русская печь. Въ комнатахъ стены оклеены обоями, а въ кухне и прихожей выкрашены клеевой краской. Плата 37 р. безъ дровъ.

Въ этой квартире помещаются только угловые жильцы, семейные и одинокіе. Здесь живуть торговцы шарами, певчими птицами, размощики събетныхъ припасовъ, ягодники, селедочинцы, торговки мелочью, поденщики. Всего помещается 46 человекъ: 24 мужч., 15 жен. и 7 детей. Живуть въ комнатахъ, въ кухие и прихожей. Кроватей двадцать. На каждаго около половины кубической и около трети квадратной сажени. Каждый взрослый платить 1 р. 50 к. Дети помещаются безплатно.

Въ такихъ квартирахъ живутъ тё уличные разнощики, которые продаютъ селедки, ягоды, шары и разную мелочь. Такъ какъ разнощикъ не всегда продаетъ все въ одинъ день, то ему приходится непроданное ночь держать въ своей квартирѣ. Но гдѣ хранитъ все это въ такомъ помѣщеніи, гдѣ на каждаго приходится третъ квадратной сажени и которое почти все сплощь уставлено кроватями? Трудно прінскать болѣе удобное мѣсто, нежели подъ кроватью. Подъ кроватью и берегуть все то, что осталось непроданнымъ.

Условія подобныхъ квартиръ должны помнить всё тё, которые покупають что вибо у уличныхъ разнощиковъ. Мать покупаєть ребенку воздушный шаръ. Этоть шаръ находился въ грязномъ и тёсномъ жилищё, гдё ютится всевозможная зараза. Этоть шаръ, можеть быть, зараженъ и его надо прежде подвергнуть тщательной дезинфекціи, а потомъ уже дать ребенку. Но мы видимъ, что шаръ какъ купится, такъ сейчась же и дается дётямъ. А потомъ оказывается, что ребенокъ заболёлъ скарлативой или дифтеритомъ, и мы не можемъ придумать, откуда онъ захватилъ заразу. То же слёдуетъ сказать и относительно съёстныхъ принасовъ. Мать покупаетъ ягоды или плоды съ уличнаго лотка и туть же даеть дётямъ. Эти ягоды и плоды переночевани одну, а можетъ быть и нёсколько ночей подъ кроватью въ грязной угловой квартирѐ. Если въ этой квартирѐ есть зараза, то дёти или върослые заболёваютъ.

Въ публикъ очень распространенъ обычай покупать съ уличныхъ лотковъ. Въ виду этого улучшение угловыхъ жилищъ и строгій надворъ за ними представляется прямо вопросомъ общественнаго здоровья.

Въ домѣ ки. Вяземскаго насчитывають болѣе трехъ тысячъ жителей. Если не всѣ, то во всякомъ случаѣ огромное большинство обитателей этого дома живеть въ помѣщеніяхъ, подобныхъ вышеописаннымъ. Множество жильцовъ, малое кубическое содержаніе воздуха, кичтожная квадратная площадь пола на каждаго, тѣсиота, духота, смрость, нары, двое на одной кровати, жизнь на верстакахъ—воть мри какихъ условіяхъ живеть это трехтысячное населеніе.

Обывновенно указывають на домъ кв. Вяземскаго, какъ на самое худшее жилище во всемъ Петербургъ. Но это несправедливо. Какъ мы видъли выше, вездъ въ Петербургъ находится ужасныя жилища. Мы ихъ находитъ въ Петербургъюй, Выборгской, Васильевской,

Александро-невской и Спасской частихъ. Вездё жилища рабочихъ несколько не лучше дома князя Вяземскаго. Есть даже хуже. Вспомнимъ вышеописанный чердачекъ, гдё на каждаго человёка приходится менёе трети куб. саж. По переполненію жильцами и по плохому освёщенію онъ перещеголяль жилища въ домё князя Вяземскаго. Вышеописанныя квартиры съ цёлыми семьями въ темныхъ кухняхъ также свидётельствують, что о домё Вяземскаго, какъ о самомъ худшемъ жилищё во всемъ Петербургё, составилось ложное представленіе. Подобныхъ жилишъ и даже худшихъ въ Петербургё множество, и если бы въ немъ произвести изслёдованіе квартиръ въ общирныхъ размёрахъ, то блестящая снаружи столица показала бы себя съ очень непривлекательной стороны.

Въ Петербургъ существуетъ обычай сдавать уголь для цъюй семьи. Такъ какъ въ углу можетъ помъститься только одна кровать, то на ней приходится спать цълой семью. Семейная кровать, обывновенно, завъщивается пологомъ, которая служитъ виъсто перегородки. Въ 39 квартирахъ семейныхъ кроватей было 26. На одной кровати помъщалось отъ двухъ до пяти человъкъ.

Насколько нормальна можеть быть жизнь семьи при такихъ условіяхъ, предоставляю судить каждому.

27 разъ семья помъщалась въ отдельныхъ комнатахъ. Такія семейныя комнаты отичаются вообще микроскопическими размърами. Въ нехъ также бываеть только по одной кровати и помъщается оть двухъ до семи человъкъ. Такая семейная комната имъетъ одно только пренмущество передъ угломъ — это деровянную перегородку вмъсто ситцеваго полога. Влагодаря деревянной перегородкъ семья чувствуетъ себя хотя нъсколько изолированной отъ остальныхъ обетателей квартиры.

Иногда микроскопическую отдёльную комнату занимать и одинокій. Это было пять разъ. Такіе счастливцы должны считаться привиллегированными среди остальныхъ.

Плата за комнату, за уголъ, за нару представляеть для насъбольшой интересъ. Свёдёнія объ этомъ доставлены нёкоторыми санитарными врачами, собраны докторомъ Сланской по моей просьбё и мною при ея содійствін.

Прежде всего мы должны отметить тоть интересный факть, что жилища рабочих на окраинах в несколько не дешевле их жилищь въ центре столицы. Мы знаемъ, что жилища, занимаемыя более состоятельными людьми, въ центре дороже, а на окраинах дешевле. Относительно жилищъ рабочих этого нельзя сказать. Выше было приведено замечание санитарнаго врача Александро-невской части, который указываеть на то, что жилища рабочихъ удорожаются по мере приближения къ фабриев или въ заводу. Каждая фабрика и каждый заводъ служать центромъ, который увеличиваеть ценность жилища. Это и понятно. При существующихъ условияхъ фабричнаго труда, который отнимаеть бельшую часть дия у рабо-

чих и даеть только короткіе промежутки для пріема пищи, рабочій стремится поселиться поближе къ місту своей работы, чтобы не тратить много времени на ходьбу и иміть возможность обідать дома. Этимъ пользуются домовладільцы и квартирохозяева и беруть дороже за помішеніе.

Выше была приведена также замётка санитарнаго врача Петербургской части, изъ которой видио, что близость угла къ источнику дненного свёта также оказываеть вліяніе на плату: м'юсто около окна оплачивается вийсто двухъ рублей тремя съ одного и пятью съ двоихъ.

Подробныя свёдёнія о платё извёстны относительно 38 семей (155 чел.), живущихъ въ комнатахъ, и 66 семей (428 чел.), занимающихъ углы. Кром'я того, им'яются свёдёнія о 249 челов'ясь одинскихъ. Изъ нихъ отд'яльную комнату занимало семь челов'ясь, отд'яльную кровать 18 чел., кровать на двоихъ 187 чел., спали на нарахъ 24 чел. и на верстакахъ 13 чел.

Плата за комнату семейныхъ была 4—12 р., чаще (20 разъ), 5—6 р. въ мъсяцъ. Въ комнать помъщалось 2—7 чел., чаще 3—5 чел. (25 разъ).

Плата за кровать семьи 1 р. 10—4 р. 50 к., чаще 3 р. (26 разъ). На одной кровати помъщались 2—5 чел., чаще 2—3 чел. (21 разъ).

Одинокіе платили за комнату 3—4 р. Кровать для одного стоила 1—3 р., чаще 3 р. (8 разъ). Плата за полкровати 1—2 р., чаще 1 р. 50—1 р. 60 к. (158 разъ). Плата за мёсто на нарахъ 1 р. 35 к., а на верстакахъ 2 р. 50 к.

Квартирная плата въ разныхъ частяхъ города представляла изъ себя нъкоторую разницу. Въ Спасской части за кровать для семейныхъ платили 3 р. и д-ръ Лещинскій замічаеть, что діти не считаются; въ Александро-невской 2—4 р., чаще 3—3 р. 50 к., за дітей плата увеличивается; въ Васильевской 2—3 р., въ Петербургской 3 р., въ Выборгской 1 р. 10 к.—4 р. 50 к., чаще 3—3 р. 50 к. Діти увеличивають плату.

Полкровати во всехъ частихъ отоило 1 р. 50 к. въ мёсяцъ, а на Выборгской нерёдко 1 р. 60—1 р. 70 к. По всей вёроятности, эта разница зависить отъ того, что въ Выборгской части собрано было гораздо больше свёдёній, нежели въ другихъ частихъ. Такшиъ образомъ оказывается, что на окраниахъ квартиры для рабочихъ не только не дешевле, но, пожалуй, даже дороже, нежели въ центръ.

Для одиновихъ въ квартирную плату постоянно входить стирка бълья, приготовленіе пищи и уборка комнать. Такъ что, собственно говоря, квартирная ховяйка получаеть плату съ рабочихъ скорёв за свой трудъ, нежели за жилище. Возьменъ, напр., квартиру, въ которой живетъ артель заводскихъ чернорабочихъ. Въ квартиру помъщается двадцать человъкъ одиновихъ. Платить по 1 р. 60 къ

каждый, всего 32 р. Кром'в того, въ кухи'в живеть две семьи, шата 3 р. съ каждой. Сибдовательно, хозийка получаеть 38 р. въ мъсяпъ. Сама она платить за квартиру 16 р. безъ дровъ. Если прибавить на дрова рубля четыре въ мъсяцъ, то квартира стоить хозяйкъ 20 р. и ей остается 18 р. Но если представить себе, что она поджна на двадцать человать выстирать былье, приготовать хотя и незатваливое кушанье и убрать комнаты, то едва ли мы скажемъ, что она дорого береть съ своихъ жильцовъ. Кроме того, не всегла бывають заняты всё кровати и ей приходится получать меньше, а за квартиру платить столько же. Суди по тому, что въ желещахъ рабочихъ квартиреме хозяева часто ютятся въ самыхъ дурныхъ комнатахъ и углахъ, трудно думать, что отъ содержанія жильновъ они получають особенныя выгоды. Напр., ховяева вышеупомянутой квартиры съ ребенкомъ помещались въ полутемной кухив, гав кромв ихъ ютились еще двв семьи. И такіе факты им встричаемъ сплошь и рядомъ. Это не то, что домовладиленъ. Выше было приведено описаніе квартиръ двухъ артелей, содержимыхъ домовладельцами. Въ одной изъ нихъ вийсти съ артелью живеть и самъ домовладълецъ. Но, засадивъ артель въ двё комнаты, где на каждаго преходится менье половины куб. сажени, для себя онъ ваняль три комнаты, гдв на каждаго приходится болье трехъ куб. саж. А другой домовладелець, поместивь артель въ тесное жилище, расположенное около отхожаго места, съ окнами, выходящими къ последнему, самъ не живеть вдёсь, а, по всей вёроятности, выбраль себь не худшую ввартиру во всемь домв.

Во время санитарных осмотровъ, предпринятых петербургской санитарной комиссіей въ виду холеры, ибкоторые санитарные врачи хотели выселять жильцовъ изъ слишкомъ переполненныхъ помещеней. Но домовладельцы этому воспротивились, заявляя, что при уменьшеней числа жильцовъ квартирные хозяева не соглашаются платить прежней цёны за квартиры. Судя по тёмъ условіямъ, въ какихъ живуть домовладельцы и квартирные хозяева, и по количеству труда, ими затрачиваемаго на данную квартиру, для насъ становится яснымъ, въ чью пользу главнымъ образомъ идетъ переполненіе жилищъ рабочихъ.

Для насъ очень интересно знать, какую часть своего заработка тратить на свое жилище петербургскій рабочій. По сведеніямь Sax'a оказывается, что плата за квартиру составляеть:

Въ	Лондонъ	•	•	•	•	•	1/10	_	1∕8	BCGLO	дохода	рабочаго
	Верлинъ										>	>
>	Парижв	•			•	•	1/4		_	*	*	*
>	Вънъ.	•	•			•	1/4		1/3	>	>	»

Изъ статистическихъ данныхъ за 1867 годъ д-ръ Швабе нашелъ, что въ Берлинъ чъмъ больше доходъ семьи, тъмъ меньшій проценть она затрачиваеть на квартиру. Напримъръ, получающіе 900 мар. платать 24%, а получающіе 30,000 мар. платать 9,2%. Судя по этому, мы должны думать, что доходь лондонскаго рабочаго больше, нежели парежскаго или бердинскаго.

Относительно петербургскихъ рабочихъ у меня имѣются нѣкоторыя свёдёнія о заработків и о квартирной шлать, которыя собраны на Выборгской сторонів. Общій выводъ, который можно сдівлать изъ этихъ свёдіній, слідующій.

Семейные рабочіе, получающіе 15—20 р. въ місяць, платять за комнату 5—6 р. 50 к., а за кровать 2—4 р. Получающіе 25—35 р. въ місяць, платять 4—9 р. за комнату и 3 р. 25 к. за кровать. Получающій 50—55 р. за комнату платять 6—9 р.

Одинокіе, зарабатывающіе 15—20 р., платить за квартиру 1 р. 50—1 р. 60 к.

Такимъ образомъ петербургскіе рабочіе уплачивають за квартиру:

Это плата за отдёльную комнату. За кровать семейный рабочій уплачиваеть 12—20% своего заработка.

Одинокіе, получающіє 12—20 р. затрачивають на квартиру 7,5—10% своего заработка.

Изъ этихъ цифръ видно, что пстербургскій рабочій затрачиваєть на квартиру 7,5—33% своего заработка и что семейному приходится уплачивать большій проценть, нежели одинокому. Кром'й того, оказывается, что въ Петербургі повторяется тоже явленіе, которое замічено въ Берлині: получающій больше дохода платить меньшій проценть за квартиру.

Общее впечатичніе, которое производять жилища петербургокихъ рабочихъ, можно выразить коротко такъ. Въ нихъ господствуеть сырость, грязь, темнота, духота, недостатокъ воздуха и свёта; часто ийть водопровода и ватерклозета, которые составляють необходимую принадлежность каждаго благоустроеннаго жилища. Въ огромномъ большинстве случаевъ тамъ пользуются первобытными ретирадами, которые постоянно служать источникомъ загрязненія почвы и зловонія на дворахъ и въ квартирахъ.

Въ техъ жедищахъ, въ которыхъ мей самой приходилось быть, зловоніе на дворахъ, въ сеняхъ, на явстинцахъ составляло обычное явленіе. Черезъ открытыя окна и двери оно безпрепятотвенно проникало въ комнаты. Это обычное явленіе для бёдныхъ петербургокихъ квартиръ въ всёхъ частяхъ города. Санитарный врачъ Александро-невской части говорить, что въ одной изъ четырехъ изслёдованныхъ инъ квартиръ господствовало зловоніе, источникомъ котораго служило отхожее мёсто и грязный дворъ. Санитарный врачъ Васильевской части въ своемъ отчетё за 1893 годъ замё-

чаеть, что простыя отхожія міста при квартирахь и общіє ретирады на дворахь въ большинстві случаевь крайне неопрятны и распространяють около себя сильное зловоніе. Думскій врачь Рождественской части въ своемь отчеті за тоть же годь говорить, что въ Консисторской улицій нечетные номера войхь домовь, за исключеніемъ каменныхь, на заднихь дворахь отличаются такой грязью и вонью, что для прохода въ квартиру больного приходится зажимать нось платкомъ.

Женщина-врачъ М. И. Покровская.

Новыя книги.

Гонрихъ Сонковичъ. На свътломъ борогу. Разсказы. Переводъ Ф. В. Домбровскаго. Ивданіе М. В. Попова. СПВ. 1897 г.

Имя г. Сенкевича пользуется у насъ достаточной извъстностью, чтобы переводы его произведеній не нуждались въ особомъ привлечени къ нимъ вниманія публики. Настоящее издание представляетъ собою оборникъ его мелкихъ произведеній, написанныхъ въ послёдніе годы. Открывается онъ довольно большой повёстью "На свётломъ берегу". Тамъ же, гдъ идеть дъйствіе "Вешних водъ" Тургенева, - подъ яркимъ солнцемъ южной Франціи, около Ниццы и моря, нашло себъ мъсто и творчество Сенкевича. Но этимъ сходствомъ внъшняго положенія, обстановки, не ограничивается схопство межлу упомянутыми произведеніями. Тоть же сюжеть за незначительными уклоненіями, та же горечь отъ лжи и фальши человъческихъ отношеній на фонъ чудной природы, та же трепетная жажда молодой искренней любви и обидное сознаніе мужской слабости передъ обаяніемъ женской красоты и чаръ. Художникъ Свирскій, человъкъ уже пожилой, талантливый, честный и умный, встрёчается въ Ниппъ съ молодой вповой, госпожей Эльзенъ. Онъ еще далеко не старъ, красивъ, богатъ, пользуется извъстностью, и красавица-вдова сразу выдъляетъ его изъ ряда своихъ многочисленныхъ поклонниковъ. Самъ онъ хорошо знаетъ о ея полусомнительной репутаціи, чувствуетъ всю жестокость и эгоизмъ ея натуры и однако "съ нимъ случилось то же, что случается со многими, даже интеллигентными людьми. Его разумъ отупёль съ той минуты, когда въ немъ проявилась чувственность, которой онъ и поддался, но витсто того, чтобы бороться съ нею, онъ долженъ быль пред-

ставлять себѣ всѣ аргументы и оправданія, и уговаривать самого себя. Такимъ образомъ Свирскій, который все зналь и понималь, началь все оправдывать, смягчать, вывертываться и объяснять въ ея пользу". Намъ кажется страннымъ, что Сенковичь все же выдвигаеть интеллигентность, какъ качеотво вражнебное этой пвойственной психологіи. Именно на ся почвъ и возможно скорбе всего отсутстве той цбльности и единства чувствъ и отношеній, которая составляеть удёль простыхъ непосредственных натуръ. Вопросъ о бракъ Свирскаго и Эльзенъ почти ръшенъ, когда случайная встръча его съ молодой бёдной дёвушкой, предложившей ему свои услуги въ качествъ натурщицы, сразу раскрыла передъ Свирскимъ всю бездну, отдъляющую испорченную душу колодной и фальшивой женщины отъ чистой нетронутой юной души честной діввушки. Послъ впизода съ однимъ изъ поклониковъ г-жи Эльвень, гувернеромь ся цётей, раскрывшаго еще болёе вою жесткость ея сердца. Свирскій порываеть съ ней всё отнощенія и женится на любимой и полюбившей его дівушкі.

Уже изъ нашего краткаго изложенія сюжета повъсти читатель безъ труда узнаеть въ ея дъйствующихъ лицахъ обычныя у Тургенева фигуры: женщину хищницу съ холоднымъ сердцемъ, жаждующую сильныхъ впечатлъній и подчиненія и въ противоположность ей образъ чистой, самоотверженно и искренно любящей дъвушки, а между ними мужчину колеблющагося, неръшательнаго, безсильнаго передъ обаяніемъ красоты и женской настойчивости, неомотря на жажду правдиваго и искренняго чувства.

Изъ произведеній, составляющихъ остальное содержаніе книги, трогательное впечатлёніе производить разсказь "Изъ записокъ познанскаго учителя", — описаніе послёднихъ дней и смерти ребенка, изнемогшаго подъ непосильной тяжестью школьнаго ученія, всёхъ этихъ латинскихъ, греческихъ и нёмецкихъ спряженій, унесшихъ за долгими безсонными ночами его слабыя силы и хрупкую жизнь. Разсказы: "Свёть и во тый свётить", "Органисть изъ Пониклы" - все это иллюстраціи къ изреченію: "любовь сильнье смерти". Въ первомъ изъ нихъ одинокій въ последнемъ градусе чахотки скульпторъ умираеть въ своей студіи, охваченный порывомъ невыразимаго счастія: въ образѣ сестры милосердія къ нему явилась передъ смертью его страстно любимая покойная жена. "Органистъ изъ Пониклы" замерзъ въ пути, счастливый сознаніемъ только что полученнаго согласія на бракъ съ любимой дъвушкой. Господствующій тонъ всёхъ этихъ произведеній: "У источника", "Свътъ и во тьмъ свътитъ", "Органистъ изъ Пониклы", "Кто виновать", глубоко меланхолическій, бливко напоминающій посліднія произведенія опять того же Тургенева.

Въ изданіи помѣщенъ также цѣлый рядъ афоризмовъ, сентенцій и мыслей, извлеченныхъ изъ разныхъ произведеній Севкевича. Трудно сказать, въ какой мѣрѣ характерны они для самого Сенкевича: не все, что авторъ влагаетъ въ уста персонажей своихъ романовъ и повѣстей, служитъ выражеженіемъ его дѣйствительнаго собственнаго мнѣнія. Съ другой стороны распространять отъ имени автора не всегда согласныя между собою сентенціи, случайно вырванныя безъ связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ теченіемъ мысли, врядъ ли есть особая необходимость.

Существеннымъ недостаткомъ изданія являются неръдкіе промахи перевода. Въ общемъ удовлетворительный, онъ пестрить нерусскими оборотами словъ, которыя всегда могла бы устранить внимательная репакція. Такіе обороты и слова какъ "спятиться назадъ" (27), "отмвиность дней прошлыхъ отъ настоящихъ (57), "бевъннтересное" — вивсто "безкорыстное" благочестіе (159), "такіе дни увеличивали его грусть и усугубленіе" (163), "сроднивается" (224), "берегь валюдняется" (225) и многіе другіе непопустимы въ чистой русской рібчв. Въ особенности досадна неумъстная вульгарность и вкоторыхъ словь въ самыхъ трогательныхъ мёстахъ, но еще болёе страдають оть этого афоризмы, самый смысль которыхь теряется или затемняется. Что сказать, напримъръ, о такой сентенціи: "На самомъ дівлів существують только индивидуумы, а качества-это общее понятіе, находящееся въ отношенія въ единицъ поливащимъ самозабвеніемъ"? (249). Или: ,, по правдъ сказать, любовь въ вначении нарицательнойъ и любовь въ значеній соботвенномъ-вто жизненные каноны, а потомупрочь съ критикой!" (248). Подобные образцы не дають намъ ручательства ва точность остального перевода.

Н. Пружанскій. Новый Монсей. Романъ въ двухъ частяхъ. Изд. Д. А. Наумова. СПб. 1897 г.

Г. Пружанскій задался цёлью раскрыть передъ нами картину общественныхъ теченій современной еврейской жизни. Въ центръ этой картины снъ поставиль своего героя, Вольфа. Это дъйствительно герой: авторъ напълиль его всъмъ, чъмъ могъ: умомъ, силой, гигантскимъ ростомъ, милліоннымъ богатствомъ, таинственнымъ прошлымъ и загадочными цълями жизни, которыя, впрочемъ, постепенно раскрываются въ ходъ романа. Вольфъ или, какъ его настоящее имя, Михаилъ Шоръ, сынъ, даддика"—праведника, чудотворца, царившаго нъкогда надъ рабски покорной ему и слъпо въ него вършвшей толпой, хассидовъ" въ одномъ изъ южныхъ городовъ. По обычаю онъ долженъ былъ унаслъдовать авторитетъ своего отца, но,

родившись съ умомъ проницательнымъ и благороднымъ сердцемъ, онъ рано понялъ всю ложь и шарлатанство, окружавшія его въ домъ. Еще при жизни отца выбивается онъ мыслью на другую дорогу, по смерти же его открыто порываеть съ невъжественной и суевърной средой, которую эксплуатировали его предки, и скрывается вийстй съ перешелщими къ нему богатствами отца. Онъ много учится, путешествуеть, попадаеть въ Америку, тамъ разными предпріятіями увеличиваеть свои средства до баснословной величины. Но это богатство, въ основъ происхожденія котораго лежить обмань и шарлатанство его предковъ, жжетъ его сознаніе. Онъ чувствуеть себя въ долгу передъ своимъ народомъ и кочетъ возвратить ему этотъ долгъ путемъ улучшенія его положенія. Онъ пришель къ убъжденію, что ни для какого народа существованіе самостоятельной культуры безъ земли немыслимо. Еврейство должно или употребить всё усилія и укрёпиться на землё или. если это будеть для него невозможно, исчезнуть, какъ самостоятельный народъ. Руководимый этимъ убъжденіемъ, онъ покупаеть въ Америкъ цълую территорію свободной земли и возвращается на родину, чтобы довершить свое дъло-вывести евреевъ на новую вемлю. Здёсь онъ встрёчаетъ иное движеніе, мечтающее объ основаніи іудейскаго государства въ Палестинъ, о возвращени на землю отцовъ. Эта мысль кажется Вольфу неосуществимой, химерической. Возможно ли еврейству думать о томъ, чтобы успоконться отъ испытанныхъ историческихъ треволненій, отдохнуть и устроиться по своему на томъ мъстъ, которое считается источникомъ распространенія новаго культа, признаваемаго половиною міра, но не евреями, на "міровомъ перекресткъ исторической столбовой дороги", на клочит земли, къ которому протянуты руки встать народовъ, только и ожидающихъ удобнаго момента, чтобы завладёть имъ? И авторъ не жалбетъ красокъ, чтобы описать все умственное и нравственное убожество руководителей движенія, ставшаго поперекъ дороги его герою. Однако, надо признать, что при всемъ своемъ преклоненіи передъ последнимъ-(авторъ считаетъ Вольфа человъкомъ, который, родись онъ не среди евреевъ, а среди какого нибудь другого народа, могъ бы повернуть исторію этого народа, создать въ ней новую эру), -- симпатіи автора не на сторон'в идеи "Новаго Моисея". Уже въ концъ книги устами ученаго, котораго онъ именуеть геніальнымь, нікоего Лоевскаго, произвосится критика этой иден: Да! противъ историческихъ законовъ идти нельзя, съ чёмъ согласенъ и Вольфъ, но дёло въ томъ, что ходъ исторіи теперь ведеть не къ прикрѣпленію къ землѣ, а напротивъ къ отдъленію отъ нея, къ удаленію отъ физическаго труда. Съ тёхъ поръ, какъ начали ходить пароходы, строиться желѣзныя дороги, человѣкъ совершенно оторвался отъ земли. Сила не въ землѣ, а въ человѣкѣ.—На эту критику задачъ в идеи Вольфа ревностиѣйшій его поклонникъ не можетъ ничего возразить. Да и самъ Вольфъ въ письмѣ, помѣщенномъ въ концѣ романа, приходитъ къ безнадежному заключенію, что онъ "опоздалъ", что нѣтъ людей и нѣтъ еврейскаго народа: евреи за время двухтысячелѣтняго скитанія въ разбродъ и безпочвенности совершенно разучились жить общею жизнью, дѣлать общее дѣло. Къ сожалѣнію, авторъ не даетъ возможности понять, въ этомъ ли послѣднемъ обстоятельствѣ видить онъ неудачу замысловъ Вольфа, или въ доводахъ Лоевскаго.

Мы затрудняемся сказать, въ какой мёрё романъ г. Пружанскаго воспроизводить передъ нами дёйствительныя черты современныхъ общественныхъ теченій среди еврейства: слишкомъ ужъ часто прибёгаетъ онъ къ шаржу. Но романъ его написанъ довольно живо, читается легко и, судя по нёкоторымъ главамъ, могъ бы обладать въ большей степени характерными реально-бытовыми подробностями, чёмъ то нашелънужнымъ допустить авторъ.

Гюставъ Лансонъ. Исторія французской литературы. Переводь со второго французскаго изданія, пересмотріннаго и исправленнаго авторомъ. Томъ І. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1897.

Переводъ труда Лансона имбеть то безпорное достоинство, что появляется во-время. У насъ до сихъ поръ нътъ полнаго и обстоятельнаго изложенія исторіи французской литературы. Соотв' втственныя главы-по необходимости, краткія и поверхностныя — въ курсахъ всеобщей исторіи литературы (Корша и Кирпичникова, Іог. Шерра, Ад. Штерна) и монографическіе обворы литературы послёднихъ двухъ вёковъ (Юліана. Шмидта, Шахова, Геттнера, Брандеса, Пелисье) - вотъ все, что находиль у нась читатель, не владъющій иностранными языками и заинтересовавшійся исторіей богатой и яркой литературы, оставившей и до сихъ поръ оставляющей глубокіе следы на литературной жизни всей Европы. Книга Лансона пополняеть этоть важный пробъль; въ ней разработаны наиболъе подробно именно тъ отдълы исторіи французской литературы, которые были до сихъ поръ представлены у насъ особенно недостаточно - зачатки литературы, происхожденіе эпопеи, городская литература среднихъ въковъ, животный эпосъ и фабліо, лирика и литература дидактическая и нраво**учительная**.

Лансонъ ясно представляеть себё предёлы своей задачи и, не расширяя понятія исторіи литературы до исторіи идей, не отожествляеть его съ исторіей языка: "Я не хотёль писать ни исторіи цевиливаціи, ни исторів мысли, говорить онь, и оставляль въ сторонъ многія сочиненія, имъющія первоклассное значение съ точки врвния этихъ предметовъ. Я не навывалъ вменъ, которыя должны были би прославляться въ политической исторіи, - такъ какъ ръчи знаменитыхъ государственныхъ людей могутъ не имъть никакого литературнаго значенія... Я паже не запавался пълію ивлагать исторію языка. такъ какъ для этого надо было-бы написать целую книгу; между исторической грамматикой и исторіей литературы существуеть еще нъчто среднее, что я назваль-бы литератур-ной исторіей языка, состоящей въ изученім литературныхъ свойствъ, особенностей и богатствъ главнаго наръчія въ его равличныхъ историческихъ стадіяхъ". Характеристика различныхъ ступеней исторіи языка въ этомъ смыслі занимаеть извъстное мъсто въ книгъ Лансона и, напримъръ, въ исторіи перехода къ класоической литературѣ (книга V) служитъ прекраснымъ подспорьемъ пониманію того состоянія усталости, которое запечатлълось и на болъе видныхъ явленіяхъ умственной жизни этой переходной эпохи.

Къ сожалѣнію, не все въ теоретическимъ разсужденіяхъ автора такъ просто и безпорно; съ нѣкоторыми его воззрѣніями на исторію литературы едва-ли согласится кто нибудь знакомый съ методологіей этой науки.

Прежде всего, онъ по странному недоразумѣнію не видить въ ней науки; онъ не допускаетъ, "чтобы можно было изучать литературу съ какой нибудь другой цёлью, кром'в саморазвитія, и руководясь какой нибудь другой причиной, кром'ь доставляемаго ею удовольствія". Несмотря на признаніе, что "ничего не можетъ быть законеве всякой попытки связать, путемъ научнаго метода, наши иден и отдъльныя впечатлънія и представить общую синтетическую картину хода и преобразованія литературы", авторъ склонень видёть въ исторіи литературы характеристики отдёльныхъ-и лишь выдающихся-писателей, да эстетическія оцінки ихъ произведеній, расположенныя въ хронологическомъ порядкъ. Указавъ на тотъ общензвъстный фактъ, что въ литературъ "существують произведенія, способность которыхъ вызывать впечатлёнія безконечна, и относительно которыхъ никто не можетъ утверждать, что онъ исчерпалъ все ихъ содержание или нашелъ для нихъ неизмѣнную формулу", авторъ доходить до утвержденія, будто эта свобода видивидуального пониманія художественного произведенія несовивствия съ научнымъ изследованіемъ эволюціи литературы: "литература не можетъ быть предметомъ точной науки; этопредметъ умственныхъ ванятій, вкуса, наслажденія"; "въ основъ исторіи литературы лежать индивидуальныя впечатлънія, индивидуальныя интуиціи" и т. д. Идея преемственности

литературнаго движенія, послідовательности литературныхъ формъ и не коснулась теоретическихъ соображеній автора. Онъ смъщиваетъ исторію литературы съ критикой и думаетъ, что "она изучаеть не виды или категоріи, но Кориеля, Расина или Гюго, и для изученія ихъ она пользуется не такими прісмами или опытами, которые могли-бы быть повторяемы каждымъ и давали-бы всегда неизмённые результаты, а примёненіемъ способностей, различныхъ въ каждой отдёльной личности и дающихъ по необходимости относительные и недостовърные ревультаты". Въ связи съ этимъ авторъ не признаетъ права на м всто въ исторіи литературы твхъ незамвтныхъ тружениковъ, вкладъ которыхъ, какъ показываетъ современная теоретическая исторія литературы, такъ значителень; основаніе для такого пренебреженія второстепенныхъ писателей весьма своеобразно: "къ чему описывать произведенія, которыя едва-ли заслуживають труда быть прочитанными?"

Надо, однаке, сказать, что, если съ точки зрѣнія строго научной такой пріемъ не заслуживаеть одобренія, то для той ограниченной цъди, которую полагаеть себъ авторъ, онъ вполнъ пригоденъ. Исторія литературы, "обращенная ко всёмъ развитымъ или желающимъ развиться людямъ", дъйствительно, можеть быть изложена въ видъ отдъльныхъ яркихъ картинъ выдающихся моментовъ; это скоръе всего можетъ осуществить завѣтную мечту автора: обратить читателя къ самостоятельному знакомству съ первоисточникомъ, съ литературными памятниками. Авторъ съ полнымъ правомъ жалуется на то, что въ наше время, "желая научить ръшительно всему и не допуская никакихъ частичныхъ пробёловъ, достигаютъ формальнаго знанія безъ истиннаго пониманія литературы... Никто не предполагаеть, чтобы исторія искусства могла избавить отъ необходимости видъть картины и статуи... Если чтеніе оригинальныхъ текстовъ перестанетъ составлять постоянную иллюстрацію и конечную цъль исторіи литературы, то она будеть сообщать одни бевплодныя и ни на что непужныя свёдёнія".

Въ виду этой цъли Лансонъ даетъ вездъ свъдънія о главныхъ изданіяхъ сочиненій каждаго автора. Другая категорія библіографическихъ указаній относится къ лучшимъ сочиненіямъ о писатель; здъсь читатель получаетъ возможность, при желаніи, заняться заинтересовавшимъ его авторомъ болье подробно и основательно. Біографіи писателей также отнесены въ примъчанія.

Классическимъ въкомъ заканчивается 1-й томъ полезной книги Лансона. Съ выходомъ въ свътъ 2-го тома мы будемъ имъть законченную исторію французской литературы, весьма пригодную для тъхъ широкихъ круговъ читающей публики, для которыхъ предназначалъ ее авторъ.

- В. Алексвевъ. Ринскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Т. І. Изд. Суворина, Сиб. 1897.
- Г. Алексвевъ продолжаетъ свое полезное предпріятіє: ознакомленіе руоской публики съ образцами древней классической повзін. Составивъ хрестоматію, посвященную древне-греческимъ поэтамъ, онъ собралъ въ лежащемъ предъ нами солидномъ томв (470 стр.) переводы изъ римскихъ поэтовъ, разбросанные по разнообразнымъ и иногда мало доступнымъ изданіямъ.

Грустно думать, что, заинтересовавшись почему-либо римской повзіей, къ книгъ этой должны будуть прибъгнуть не только тъ, которые въ жизни не видали латинской книги, но—за немногими исключеніями—и тъ, которые потратили на изученіе классическихъ языковъ бездну времени, которое, по справедливости, могло быть употреблено съ большей пользой на многое другое. Если-бы этой дорогой цъной хоть покучался тотъ результатъ, который предполагается на бумагъ достигнутымъ всякимъ юношей, прошедшимъ чрезъ горнило классичесскаго образованія— умъніе свободно читать классиковъ. Но этого нътъ; остается знакомиться съ сокровищами древней литературы въ переводахъ.

Кътому-же въ хрестоматію г. Алексвева вошли тв, на нашъ взглядъ самые интересные писатели, чтеніе которыхъ не входить въ гимназическія программы. Ввяніе живой современности классическаго міра рвдко заносится въ окучающіе классы, гдв происходить чтеніе и грамматическій разборъ "Тускуланскихъ бесвдъ" или "Федона"—произведеній драгоцванныхъ для изученія при извёстномъ уровнё интересовъ и развитія, но очень скучныхъ для мальчика. Даже сатиры Горапія, болве близкія къ повседневному быту римской жизни, возбуждаютъ вниманіе ученика въ той степени, въ какой его никогда не задъвали истивные перлы глубокомыслія, художественныя красоты и діалектическіе подвиги классиковъ. Комедіи Плавта и Төренція, полныя реальныхъ подробностей обихода, конечно, могли-бы заинтересовать его еще больше.

Въ книгу г. Алексвева вромв вступительнаго очерка, посвященнаго исторической характеристикв римской повзіи, вошли образцы латинской антологіи и біографіи съ избранными произвеленіями Плавта, Теренція, Катулла и Вергилія; въ примвчаніяхъ дана библіографія переводовъ каждаго произведенія. Переводы въ общемъ читаются гладко; особеннаго упоминанія заслуживаютъ удачные и повтичные переводы Вл. С. Соловьева и Д. П. Шестакова. За то сплошную повтическую, логическую и лингвистическую "вольность" представляютъ собой переводы г. Котельникова. Р. Орженцкій. Ученіе о цінности у влассиковъ и каноинстовъ. Политико-экономическій очеркъ. Одесса 1896.

Ученіе о цівности составляєть несомнівню одинь изь самыхъ важныхъ отдъловъ экономической науки. Вивств съ тёмъ вопросъ о пённости является опнимъ изъ самыхъ сложныхъ, запутанныхъ, по которому существуетъ множество спорящихъ межну собою точекъ зрвнія. Въ русской экономической литературъ установилось опредъленное теченіе въ этой области-своего рода научная традиція. Лучшіе наши представители начки являются выразителями труповой теоріи цівнности. Въ самое последнее время однако стали появляться труды, стремящіеся нарушить господствующее направленіе противопоставленіемъ иныхъ точекъ арвнія по вопросу о цвиности. Труды гг. Георгіевскаго, Бунге, Зальсокаго, Дена, журнальныя статые г. Слонимскаго — таковы литературные факты этого "новаго" теченія (въ сущности повторяющаго зады европейской науки), къ числу которыхъ отнынъ примыкаетъ и "политико-экономическій очеркъ" г. Орженцкаго, представляющій, повидимому, магистерскую диссертацію. Г. Орженцкій избраль темою своей работы изслідованіе весьма отдаленной странички изъ длинной исторіи вопроса о цівнюстиименно ученіе классиковъ и канонистовъ, т. е. греческихъ, римскихъ и средновъковыхъ писателей; но такъ какъ, говорить авторъ, "у классиковъ и канонистовъ совершенно итъ трудовыхъ теорій цівности, тогда какъ въ современной наукі онъ занимаютъ, какъ извъстно, выдающееся мъсто" (стр. I),то, по его мивнію, необходимо было для правильной оцвики ученій классиковъ и канонистовъ "рішить, дійствительно-ли трудовая теорія цінности имбеть такое абсолютное значеніе, какое ей приписываютъ"; а "отвътъ на этотъ вопросъ даетъ критическое изучение современнаго состоянія теоріи цінности". чему посвящена вся первая половина книги и нъсколько страницъ конца ея (стр. 1—121 и 248—256). Такой странный методологическій пріемъ особенно удивиль нась въ приміненіи г. Орженцкаго, который самъ упрекаеть нёкоторыхъ ученыхъ (напр., Endemann'a) въ томъ, что тъ "опънивали идеи канонистовъ съ точки зрвнія понятій, выработанныхъ современной теоріей"; между тёмъ какъ, по его мнёнію, "критеріемъ правильности объясненія хозяйственныхъ явленій извёстной эпохи служить не согласіе этого объясненія съ объясненіемъ козяйственныхъ явленій другой эпохи, не соотвётствіе съ какими либо абсолютными истинами, которыхъ мы не знаемъ, а соотвътствіе и согласіе съ природою тъхъ явленій, которыя подлежать объясненію" (184). Легко видёть, что именно съ этой точки зрънія присоединеніе къ анализу ученія классиковъ и канонистовъ критики современнаго состоянія теорій

цтвнности является совершенно излишнимъ. А между тъмъ такое напрасное расширеніе авторомъ своей задачи невыгоднымъ образомъ отразвлось на всей его работъ, страдающей крайнею неполнотою и отрывочностью. Такъ, напр., изъ греческихъ авторовъ представлены Платонъ. Ксенофонтъ и Аристотель; римскіе юристы и писатели свалены всё вмёстё въ одну кучу; выразителемъ среднев вковыхъ ученій служить епинственный второстепенный писатель Scaccia. При этомъ характеристики хозяйственнаго быта данной эпохи не выдёлены въ особыя главы, нестройно перемъшиваясь съ изложениемъ ученій. Еще болье поверхностнымь характеромь отличается первая половина книги. Адамъ Смитъ не нашелъ вовое мъста въ исторін современняго состоянія теорін пенности; теорія предъльной полезности изложена по ученію одного лишь • Менгера, и ни слова не говоритоя о крупнъйшемъ представителъ этого направленія, -- Бэмъ-Баверкъ; ученіе Родбертуса изложено по соціальнымъ письмамъ къ Кирхману, тогда какъ въ болве раннемъ трудъ этого писателя "Zur Erkenntniss nserer Staatswissenschaftlichen Zustände" (1842) содержится наиболъе полное обоснованіе его взглядовъ на вопрось о ценности. Изъ "новыхъ" писателей выбраны на необозримомъ пространствъ міровой литературы третьестепенный ученый Efferz и русскіе экономисты гг. Антоновичь и Залівскій... Критика удостоенныхъ вниманіемъ новыхъ писателей (Рикардо, Милля, Родбертуса, Маркса) отличается чрезвычайною шаблонностью, не превышая глубиною и обстоятельностью того, что сотни разъ повторялесь на страницахъ элементарныхъ учебниковъ не только европейской, но и русской литературы.

Всли же отъ этихъ частностей перейдемъ къ одбикъ общихъ взглядовъ и конечныхъ выводовъ г. Орженцкаго, го должны будемъ провести ръзкое разграничение между первою и второю половинами его труда. Съ полною похвалою мы отмъчаемъ, что рекомендуемый авторомъ (въ приведенныхъ выше словахъ) и совершенно правильный методъ оцънки экономическихъ идей и въ частности теоріи пънности съ точки врънія соотвътствія ся хозяйственнымь явленіямь данной, изучасмой эпохи, --что этотъ методъ дъйствительно руководиль авторомъ при разборъ ученія классиковъ и канонистовъ (стр. 122-248). Характеризуя экономическій быть провнихь и среднихъ въковъ въ общемъ чертами натурального хозяйства, г. Орженцкій устанавливаеть отсутствіе въ эти эпохи систематическаго, правильно организованнаго обмена. Правда, и въ это время имблъ мбсто обибнъ между отдельными хозяйствами; цълые города и области вели общирную торговлю. но то быль случайный обмёнь, торговля излишками хозяйства или монопольными произведеніями данной мъстности. При

такомъ характеръ торговыхъ сношеній, мъновыя опълки не могли совершаться на основании учета издержекъ производства, крайне разнообразныхъ у отдёльныхъ производителей и невзейстныхъ покупателямъ. Взгляпъ на трудъ, какъ на источникъ и мърило цънности, не могъ существовать у превнихъ и средневъковыхъ писателей, въ эпоху рабства, когда "работникъ-рабъ былъ средствомъ удовлетворенія потребностей. наравев со всёмъ другимъ имуществомъ (стр. 147). Случайный обмёнъ предметами соотвётственно степени ощущаемой въ нихъ потребности создалъ теорію цінности классиковъ и канонистовъ, приближающуюся къ ученіямъ вовременной австрійской школы такъ называемой теоріи преибльной полезности. Не смотря на возраженія, имівющіяся у насъ противъ нъкоторыхъ частностей въ изложении теорій цънности у классиковъ и канонистовъ, мы выражаемъ свое полное согласів съ этемъ окончательнымъ выводомъ, полученнымъ путемъ анализа характера мъновыхъ сношеній того времени. Къ сожалёнію, въ первой половинё книги г. Орженцкій не пользовался указаннымъ методологическимъ пріемомъ и поэтому пришель къ совершенно невърнымъ заключеніямъ. Оставивъ въ сторонъ характеристику современнаго хозяйственнаго строя и поверхностно разобравъ теоріи издержекъ производства, трудовую, предъльной полезности, спроса и предложенія и нъкоторыя "новыя", смъщанныя, — онъ признаетъ истинною теорію предъльной полезности, т. е. ту именно теорію, которая вепеть свое начало отъ Платона и была созпана, какъ прямое слёдствіе козяйственнаго быта, основаннаго на случайности міновых сцілок и ничего общаго не имінощаго съ современною экономическою жизнью, основанною на систематическомъ обмънъ и на широко проведенномъ общественномъ раздъленіи труда. Самъ г. Орженцкій признаеть, что теорія предъльной полезности не даетъ "объясненія обмёна въ сложныхъ условіяхъ разділенія труда и правильнаго производства" (стр. 121),-т. е. не объясняетъ современнаю обмъна и, слъдовательно, должна быть отвергнута, съ его собственной точки эрвнія, видящей, какъ мы уже сказали, мёру цённости экономической теоріи въ ея "соотвётствіи и согласів съ природой тёхъ явленій, которыя подлежать объясненію (стр. 184). Причины такого непонятнаго совывщенія наличности опредівленнаго научно-вритическаго масштаба наряду съ признаніемъ теорін, явно противорівнащей этому масштабу, остаются для насъ совершенною тайною. Равно какъ тайною являются для насъ и причины помъщенія всей первой половины книги - разбора современныхъ теорій, не приведшаго автора ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и не стоякор го ни въ какой логической связи съ собственно темою

работы — изложеніемъ теорій классиковъ и канонистовъ. И если эта послёдняя часть, при всей своей отрывочности и разбросанности, при нёкоторыхъ частныхъ недостаткахъ, отличается правильностью общей точки зрёнія и конечныхъ выводовъ, — то единственнымъ назначеніемъ ни къ селу, ни къ городу приплетенной первой части труда можетъ быть лишь безплодное увеличеніе и безъ того уже безконечной литературы по вопросу о цённости.

В. Е. Унильямсь. Торжество германской промышленности. «Made in Germany". Перев. съ англ. В. Лянидевской, съ предисл. проф. П. И. Георгієвскаго. С.-Петербургь 1897. Цёна 1 р.

Сочинение англичанина Уилльямса, "посвященное промышленникамъ и торговцамъ Великобритании и трактующее о "торжествъ *проможеной* промышленности", своимъ содержаніемъ способно было вызвать со стороны англійскихъ патріотовъ тъ "разнообразные упреки и даже довольно бездеремонную брань" по адресу автора, на которые послъдній справедливо жалуется въ предисловіи. На большомъ фактическомъ матерьялъ, цълою грудою фактовъ, заимствованныхъ большею частью изъ оффиціальных источниковъ, Уилльямсъ доказываеть паденіе промышленнаго первенства Великобританіи и соотвётственный ' рость Германіи, все болбе и болбе поднимающей голову на міровомъ рынкъ, вытъсняющей тамъ продукты англійской промышленности и даже наводняющей самую Великобританію товарами нѣмецкаго происхожденія. Мы не станемъ приводить зпёсь всё эти пифры, отсылая интересующихся ими къ самой книгъ. Мы взамънъ того обратимся къ опънкъ указываемых равтором причинъ констатируемаго имъ явленія. Оказывается, что при разсужденіях объ угнетенномъ состояніи англійской промышленности и торговли, авторъ не им'влъ "никакой спеціальной доктрины, никакого спеціальнаго цёлебнаго средства" (стр. 27). "Эта книга (говоритъ онъ) не была мнъ внушена ни идеями лиги биметалистовъ, ни покловеніемъ принципу свободной торговли, ни какой либо другой изъ экономическихъ системъ, которыя различные реформаторы усиленно предлагали, какъ цълебное средство для нашей погибающей торговли. Моя дёль состоить въ томъ, чтобы расположить имѣющіеся факты въ такой последовательности, чтобы изъ нихъ ясно обнаружились причины, а вмёстё съ тёмъ намётились бы и средства помощи, если только они могуть быть найдены" (ibid). Такое отношение автора къ изучаемому предмету пълесообразно постольку, поскольку оно предохраняетъ оть тенденціозности изложенія, оть стремленія подогнать извъстный матерьяль подъ заранъе выбранную точку зрънія.

Но какъ часто такое отсутствіе тенденціозности граничить съ отсутствіемъ всякой точки врёнія, съ отсутствіемъ того общаго взгляда, безъ котораго и самое кропотливое собираніе фактовъ не приводить къ опредбленнымъ результатамъ. Нвито подобное мы встръчаемъ въ разсужденіяхъ Уилльямса о причинахъ гибели англійской и торжества германской промышленности. Съ одной стороны онъ указываетъ на покровительственную систему, на существование правительственныхъ субсидій и премій въ Германіи (стр. 179, 181), сов'йтуєть Англіи "перейти отъ свободной торговли къ торговдъ равноправной ч (стр. 207), -т. е. по отношенію къ Германіи къ системъ высокихъ таноженныхъ тарифовъ, чёмъ обнаруживаетъ опредвленныя протевціонистскія идеи. Но съ другой стороны онъ върить въ силу свободной человъческой личности, горячо выхваляя самопомощь, настойчивость, приспособляемость нёмецкихъ промышленниковъ, ихъ "живую прогрессивность", ихъ "умъ, сметливость и желаніе угодить покупателю" (стр. 198). Съ одной стороны онъ говорить о вліяній на ходъ торговопромышленныхъ дёль такихъ важныхъ условій, какъ общеви техническое образованіе, величины рабочаго дня и заработной платы, повторяемость стачекъ (причемъ взгляды его на два последнія условія страдають крайнею неопределенностью. двойственностью); съ другой стороны, онъ съ комичною серьезностью пускается въ разсужденія о любви нёмпевъ къ выставкамъ, о превосходствъ нъмецкихъ коммивояжеровъ, о томъ, что "нъмедкие капиталисты ведутъ умъренный и простой образъ жизни, что даетъ имъ возможность обходиться безъ немедленно вначительнаго барыша и навоплять капиталы" (стр. 11-12); о пренебреженіи англичань въ желаніямь покупателей (стр. 199); о "недостаткъ методичности и разворительной небрежности англійскаго народа", о "неспособности англичанъ указать своимъ заграничнымъ покупателямъ въ накладной обшую пёну поставка, включая сюда упаковку и перевозку (202). И еще старается увърить читателей, что "эти детали выбють сищественное (курс. нашь) значение въ спискъ причинъ, почему Германія поб'єждаеть англичанъ" (ibid). При такомъ обилін какъ козяйственныхъ, такъ и психологическибытовыхъ преимуществъ германской торговли и торговцевъ, отибленныхъ Уилльямсомъ, последній однако не даеть въ своемъ трудъ точнаго и подробнаго сравненія соотвътствующихъ качествъ у двухъ соперничающихъ сторонъ. А въдь безъ такого сравнительнаго анализа (замъняемаго у автора нъсколькими случайными разсужденіями) вся аргументація не постигаетъ цъли. Зато Уилльямсъ высокомърно третируеть "британских» экономистовъ" (стр. 2-7) и сибло. чтобы не сказать болье, иронизируеть надъ "преувеличеннымъ

всезнаніемъ такого выпающагося не только англійскаго, во и мірового ученаго, какъ Торольдъ Роджерсъ (стр. 3). А между тъмъ, еслибы Уилльямсъ потрудился подробиве раво--браться въмнёніяхъ "британскихъ экономистовь", онь нашель бы тамъ болъе основательныя изслъдованія причинъ упадка англійской торговли. "Англійскіе фабриканты и заводчики (говорить, напр., Тиббинсь. Промышленная исторія Англін. Спб. 1895, стр. 157) теперь все больше и больше жалуются на иностранную конкурренцію, что нижно понимать въ томъ смысмь, что они ощиблись въ своемъ старинномъ разсчетв на всемірную монополію снабженія; теперь оказывается, что у нихъ вовсе не было этой монополін, а было только то преимущество, что они раньше были впереди, и что другія націи нагоняють ихъ теперь въ современной погонъ за богатствомъ". Вотъ эту-то историко-соціологическую причину сравнительнаго упадка англійской торговли и упустиль вовсе изъ виду Унильямсь. Съ каждымъ шагомъ экономической исторіи, съ ростомъ производительныхъ силь всёхъ странъ, все большое количество последнихъ выступаеть на арену міровой торговли, и темь затруднительнее становится положение каждой отдельвой страны, -- въ частности старой королевы міровой промышленности и торговли-Англіи. Токово естественное слідствіе повсемъстной экономической эколюціи, самое крупное свойство и характернъйшее внутреннее противоръчіе капиталистическаго хозяйственнаго строя. О чемъ не мъщало бы упомянуть въ книгъ, излагающей "разсказъ о позоръ англійской промышленности" (стр. 163). На основаніи всего сказаннаго мы должны з признать, что, какъ сообщение любопытныхъ фактовъ текущей экономической исторіи, сочиненіе Уилльямся представляєть несомивнный интересъ. Но, къ сожалбнію, она содержить въ себъ чисто техническое, а не соціологическое объясненіе собранныхъ въ ней фактовъ, и мы но видимъ причинъ, почему эта жнига должна разойтись въ большой русской публикв, какъ это предоказываеть редакторь перевода, проф. Георгіевскій,

Н. В. Рейнгардть. Неэвклидова геометрія и позитивизиъ. :Казань. 1897.

Въ 1893 году казанское физико-математическое общество издало весьма интересную небольшую (121 стр.) книгу подъзаглавіемъ: "Объ основаніяхъ геометрін". Книга вта содержала переводъ статей Гаусса, Пельтрами, Риманна, Гельмгольца, Ли и Пуанкаре, способствовавшихъ (по словамъ автора предисловія къ этимъ статьямъ) "пониманію и уясненію"
мыслей нашего знаменитаго математика Н. И. Лобачевскаго.
«Поэтому появленіе этой княги и было пріурочено къ чество-

ванію стольтняго юбился Лобачевскаго. Брошюра г. Рейнгардта является въ сущности бъглымъ пересказомъ "Основаній геометріи", причемъ систематичность изложенія источника вамъняются неточностью и отрывочностью изложенія популяризатора. Назвавши г. Рейнгардта "популяризаторомъ", мы, въ сущности, выразились весьма неправильно, но дъло вътомъ, что въ нашемъ распоряженіи нъть слова, вродъ "непопуляризаторъ", для обозначенія авторовъ, которые, не претендуя на самостоятельность, въ то-же время и не дълають болье общедоступными чужія мысли. Въ томъ-то и бъда, что г. Рейнгардть является "не-популяризаторомъ", такъ что, пародируя слова арабскаго полководца, мы можемъ сказать: "кто можеть читать "Основанія геометріи", для того брошюра г. Рейнгардта безполезна, а кто не можеть ихъ читать, для того эта брошюра, опять-таки, безполезна".

Хотя для пониманія "Основаній геометріи" и не нужно особенно глубокихъ математическихъ познаній, но, все-таки, эта книга въ общемъ совершенно недоступна для средняго образованнаго человъка. Однако, и въ этой книгъ, написанной спеціалистами и для спеціалистовъ, есть статья Римана: "о гипотезахъ, лежащихъ въ основаніи геометріи", вполнъ доступная для средняго образованнаго человъка и знакомящая сътакими важными вещами, какъ понятія о величинъ п—протяженной и понятіе мъры кривизны (мъра уклоненія отъ плоскагомногообразія). Г. Рейнгардтъ не сумълъ изложить и этой статьи.

Однако, намъ могутъ замѣтить, что, судя по заглавію, разбираемая брошюра и не задается цѣлью уяснить геометрію Лобачевскаго, а кочетъ указать на связь этой геометріи съ позитивнамомъ. Но и съ этой точки зрѣнія брошюра г. Рейнгардта не представляетъ интереса. Все дѣло ограничивается указаніемъ на то, что и Огюстъ Контъ и Лобачевскій признавали необходимымъ основать геометрію на опытѣ; но при этомъ нѣтъ даже и попытки критически сопоставить эти утвержденія, указать на взгляды предшествовавшихъ н послѣдующихъ философовъ и математиковъ; однимъ словомъ, нѣтъ нвчего, кромѣ простого сопоставленія цитатъ изъ двухъ авторовъ.

P. Flechsig, профессоръ исихіатрін. Предѣлы душевнаго равновѣсія. Рѣчь, произнесенная въ день рожденія Альберта, вороля савсонскаго, 23 апр. 1896 г. Перев. съ нѣмецваго С. Штейнгауза 1897.

Содержаніе этой, во всякомъ случай не лишенной интереса, брошюры, собственно говоря, мало соотв'йтствуетъ еж заглавію. Вопросъ о "пред'йлахъ душевнаго равнов'йсія" въ ней разсматривается мало: читатель напрасно искаль-бы здёсь описанія и анализа тёхь состояній, которыя лежить на границё между "здоровьемь" и "болёзнію". Однако, изь этото еще не слёдуеть, что разбираемая нами брошюра не заслуживаеть вниманія. Напротивь, она можеть быть прочтена съ пользою и янтересомь людьми не знакомыми съ психіатріей.

Ея содержаніе наполнено, главнымъ образомъ, двумя предметами. Во первыхъ, авторъ подробно и убъдитетьно показываетъ, вакъ ошибается публика, незнакомая съ психіатріей и берущаяся судить о помѣшательствѣ на основаніи "адраваго человѣческаго смыла". У публики, сверхъ весьма ограниченнаго личнаго опыта, существуетъ, въ большинствѣ случаевъ, еще одинъ только источникъ свѣдѣній относительно душевныхъ разстройствъ, это—описанія романистовъ, драматурговъ и поэтовъ. Но это крайне недоброкачественный источникъ, и даже величайшіе представители искусства являются въ данномъ случаѣ плохими руководителями. "Развѣ въ жизни хоть одинъ человѣкъ бредитъ такъ, какъ Офелія у Шекспира?"—спрашиваетъ совершенно основательно авторъ (стр. 14).

Авторъ касается столь распространенных обвиненій (поддерживаемыхъ, по его оловамъ, романистами), будто врачи склонны "всюду видёть помёшательство". Хотя авторъ и утверждаетъ категорически: "мы не знаемъ пока въ Германіи случая, гдё бы совершенно здоровый человёкъ, на основаніи какихъ-нибудь нечтожныхъ данныхъ, былъ-бы признанъ душевно больнымъ" (стр. 7—8); однако, онъ отлично понимаетъ, что эти обвиненія дёлаютъ свое дёло. "Вполнё естественно (говоритъ онъ на стр. 8) поэтому опасеніе, что населеніе подъ вліяніемъ подобныхъ обвиненій потеряетъ всякое довёріе къ психіатрическимъ лёчебницамъ, составляющимъ въ настоящее время существенную необходимость, что сами судьи будутъ относиться съ ни на чемъ не основаннымъ недовёріемъ къ заключеніямъ врачей—психіатровъ".

Справедливость послёднихъ словъ автора, къ сожалѣнію, была недавно подтвержена у насъ трагическимъ впизодомъ смерти одного изъ симпатичнъйшихъ земскихъ дъятелей Батуева, убитаго человъкомъ, котораго судъ незадолго передътъмъ призналъ, вопреки мнѣнію врачей, психически здоровымъ.

Другая тема, разсматриваемая авторомъ въ его брошюръ, это ученіе Ломброзо о связи геніальности и помъщательства. Авторъ, по справедливости, относится къ этому ученію сурово. Какъ ръшительно онъ отвергаетъ ученіе Ломброзо, читатель можетъ видъть изъ слъдующихъ его словъ: "Говоря о результатахъ изысканій Рюдингера надъ мозгомъ геніальныхъ людей, Ломброзо ечитаетъ нужнымъ обратить свое вни-

маніе только на одинъ фактъ нахожденія "значительныхъврожденвыхъ аномалій взвилинъ", въ которомъ онъ видить нодтвержденіе тото, что геній представляєть собою дегенеративный типъ. Этимъ Ломброзо только доказываеть, что пониманіе морфологическихъ проблемъ ему совершенно чуждо. Трактовать въ нашъ въкъ точнаго естествознанія научные вопросы въ духъ Ломброзо составляєть во всякомъ случаъявленіе атавизма" (стр. 4—5).

Александръ Чеховъ. (А. Съдой). І. Призрѣніе душевнобольныхъ въ С.-Петербургъ. ІІ. Альвоголизиъ и возножнялесъ нивъ борьба. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Всёмъ извёстно, какіе успёхи сдёлала за послёднее время психіатрія. Пріемы былыхъ временъ, когда съ больными обращались почти какъ съ преступниками, когда употребляли не только смирительныя рубахи, но и цёпи, отошли, конечно, въ вёчность; но, къ сожалёнію, матеріальная сторона дёла, по крайней мёрё у насъ, далеко еще не стоитъ на высотё современныхъ требованій. Лучшіе представители современной психіатріи исполнены самыхъ прекрасныхъ намёреній, но на пути къ осущественію этихъ намёреній они встрёчаютъ частопочти непреодолимыя препятствія.

Книга г-на Чехова знакомить насъ съ тъми затрудненіями. съ которыми приходится бороться психіатрамъ даже въ Петербургъ. Эти затрудненія весьма просты и прозаичны: нъть средствъ, нътъ помъщенія и т. п., но эта проза жизни парализуеть всё благія намёренія людей науки... Къ непостатку средствъ присоединяется еще другое, довольно своеобразное, но для Петербурга характерное бъдствіе. Подобновесьма многимъ важнымъ учрежденіямъ, существующимъ нъ Петербургъ, больницы помъщаются въ зданіяхъ, выстроенныхъ для другого употребленія. Такъ, напр., больница Николая чудотворца пом'єщается въ зданіи бывшей тюрьмы, сооруженной по повельнію Николая І "для лиць продерзостныхь, нарушающихъ благовравіе и наносящихъ стыдъ и зазоръ обществу" (стр. 7 — 8). А больница св. Пантелеймона (на Удъльной) помъщается въ зданів, въ которомъ прежде "помѣщалось земледѣльческое училище, потомъ нѣкоторое время стояла артиллерія (стр. 28). Само собою разум вется, что, строя тюрьму ,,для лицъ продерзостныхъ", приготовляли не особенно комфортабельное помъщеніе, а къ этоту еще въ больницъ вмъсто 380 больныхъ, полагающихся по штату, въ настоящее время "скучено 715—725 больныхъ" (стр. 10).

Существують, правда, больницы, поставленныя въ болве благопріятныя условія. Такова, напр., больница "Всёхъ Скор-

. бящихъ" (такъ называется больница, на одинадцатой верстъ") и "Ново знаменская дача", но всего этого еще далеко недостаточно.

Вторая половина книги г. Чехова занята вопросомъ объ алкоголизмъ и борьбъ съ нимъ. Что бороться съ алкоголизмомъ очень и очень нужно, это можно видъть хотя-бы изътого, что "въ 1893 г. въ Европейской Россіи выпито 22,432,426 ведеръ безводнаго спирта" (стр. 119)!! У насъ въ Россіи пока почти ничего еще не сдълано для борьбы съ такимъ опаснымъ врагомъ: поэтому описаніе авторомъ того, какія мъры приняла у себя Финляндія, не лишено общественнаго интереса. Къ сожальню, авторъ ограничивается описаніемъ (порою идиллическимъ) того, какіе порядки существуютъ въ Финляндіи, но не пытается указать, почему у насъ нътъ этихъ порядковъ, и что нужно сдълать, чтобы и мы могли начать серьезную борьбу съ этимъ народнымъ бъдствіемъ.

Е. Карновичъ. Русскіе чиновники въ былое и настоящее время. Спб. 1897 г.

Въ предълать небольшой брошюры (128 стр. in -80) Карновичь даеть общій историческій очеркь нашего чиновничества и высказываеть нъсколько замъчаній о современномь его значеніи, преимущественно по отношенію къ общественнымъ интересамъ. Исходя изъ того положенія, что существованіе "чиновничества" или "бюрократіи",—употребляя это выраженіе отнюдь не въ порицательномъ смыслѣ, - всегда составляло, составляеть и будеть составлять необходимую принадлежность правительственнаго механизма въ каждомъ государствъ", авторъ сводить вопрось о значени чиновничества къ установленію степени "соравибрности этого рода силы съ действительными интересами страны и съ финансовыми средствами, какими можно вознаградить представителей администраціи, а также въ степени ихъ вліянія не только на дёла администрацін, но и на интересы всего народа". При отсутствіи литературы о русскомъ чиновничествъ въ точномъ значении этого слова, задача, которую поставиль себъ авторь, внушаеть серьезный интересъ. При выполнении ея ему приходилось, какъ онъ говоритъ, руководствоваться отрывочными матеріалами, разсвянными въ историческихъ и юрипическихъ актахъ и въ нъкоторыхъ историческихъ сборникахъ и сочиненіяхъ.

Ограничившись этимъ общимъ замѣчаніемъ, авторъ далѣе не дѣлаетъ никакихъ ссылокъ или указаній на источники, которыми онъ пользовался, чѣмъ лишаетъ возможности судить о причинахъ замѣтной неполноты нѣкоторыхъ отдѣловъ разсматриваемаго имъ предмета.

Чиновничество наше, развившееся къ концу XVII въка, попъ вдіяніемъ старо московскихъ государственныхъ порядковъ и возаръній, находилось въ положеніи крайне неудовлетворительномъ. Государи московскіе, уступая понятіямъ и требованіямъ мъстничества, вынуждены были, обходя людей "худородныхъ", назначать на выстія и представительныя полжности людей родословныхъ, не принимая въ соображеніе ихъ личныхъ достоинствъ н опособностей. Естественно, что, при малой способности, а иногда и совершенной неспособности высшихъ правительственныхъ лицъ, ввъренныя имъ части управленія и подв'вдомственныя имъ д'вла переходили въ руки дьяковъ и подъячихъ, которые и были главными воротилами всего государственнаго управленія; конечно, такой порядокъ представляль господство бюрократін въ самомъ дурномъ вначеніи этого слова. Петръ I задумалъ измёнить этотъ порядокъ внутренняго государственнаго управленія. Старинное приказное управленіе, основанное на личномъ началъ, онъ замёнилъ коллегіальнымъ порядкомъ, а значительную часть козяйственныхъ и распорядительныхъ дёлъ, которыми прежде въдали исключительно приказы и воеводы, передалъ въ открытыя имъ сословныя учрежденія, магистраты и ратуши. Кромъ того, онъ провель по многимъ частямъ общаго и мъстнаго управленія выборное начало, что должно было ослабить вліяніе на нихъ чивовничества. И однако ни воб эти реформы, ни изданіе "Табели о рангахъ", долженствовавшей правильнъе устроить составъ служащихъ, ни заботы Петра о поднятін ыхъ образовательнаго уровня не оправдали надеждъ преобразователя. Произволь и своеволіе знатныхь и незнатныхь чиновниковъ, неурядица и медленность дълопроизводства продолжали имъть мъсто, тъмъ болъе, чъмъ дальше это было отъ глазъ царя. "Се бо нынъ сколько новыхъ статей издано, пишетъ Посошковъ въ извёстной книгъ "О скудости и богатствъ", а немного въ нихъ дъйства, ибо всъхъ ихъ древностная неправда одомьваеть. И того ради, по старому, кто ково сможетъ, тотъ тово и забижаетъ, а суда по старому искать на сильныхъ неможно". "Онъ (т. е. Петръ),-говоритъ далъе Посошковъ, - на гору аще и самъ десять тянетъ, а подъ гору его милліоны тянутъ". Главная неудача Петра въ преобразованіи чиновничества зависвла, по мивнію Карновича, отъ того, что онъ, хотя и далъ самоуправление городамъ, и призвалъ дворянство къ участію въ містномъ управленіи, но, вмъстъ съ тъмъ, не только оставилъ, но даже еще болъе усилилъ прежнюю опеку надъ всъми общественными и частными интересами; и вслёдствіе этого вибшательство чиновничьей администраціи не знало никакихъ границъ. Самоуправленіе же прививалось очень плохо, такъ какъ оно

ввопилось среди забитыхъ и запуганныхъ массъ, для которыхъ служба по выборамъ при необоримомъ вліяніи чиновничества казалась скорве тяжельных ярмомъ, нежели привиллегіей. По всему этому старомосковская бюрократія или подъячество продолжала здравствовать, только подъ иными формами (62).

Со времени изданія "Табели о рангахъ" и до учрежденія министерствъ при императоръ Александръ I, т. е. въ продолженіе 80 лътъ, не было произведено никакихъ коренныхъ и общихъ преобразованій, относившихся до гражданско-служебнаго персонала. Внутренное управление Россіи въ прошломъ столётів было въ рукакъ мелкаго чиновничества, преимущеотвенно секретарей, которые, дъйствуя изъ-за начальниковъ, обходили разнымъ способомъ законъ, замёняя его своимъ произволомъ. Низшее чиновничество продолжало бъдствовать въ виду крайней необевиеченности его въ матеріальномъ отношенів в принуждено было изыскивать недозволенныя средства къ существованію. Чтобы понять, до какой степени правительство было затруднено удовлетвореніемъ чиновниковъ даже причитавшимся имъ по закону жалованіемъ, достаточно указать на то, что выдача его деньгами нередко разрешалась только въ случав удачной продажи въ Петербургв пушныхъ сибирокихъ товаровъ, т. е. дорогихъ мъховъ, собираемыхъ въ видъ дани съ сибирскихъ инородцевъ и поступавшихъ въ казну. Всли же продажа оказывалась безуспъшной, то оклады жалованья чиновникамъ на основаніи указа 11 сентября 1736 года выдавались не деньгами, а наличнымъ товаромъ-мъхами.

Изданіемъ "Городового Положенія" 1775 г. Екатерина II предоставляла городскимъ жителямъ самоуправленіе, а "Грамотою Дворянству" 1785 г. права и превмущества этому сословію, въ томъ числъ право избирать чиновниковъ на судейскія и полицейскія должности. И однако вліяніе чиновническихъ элементовъ ослабъвало въ самой незначительной степени уже потому одному, что избираемыя сословіями должностныя лица смотръли на себя, да и избиратели съ своей стороны смотръли на нихъ, прежде всего, какъ на коронныхъ чиновниковъ. Важность каждой избирательной должности обусловливалась ея рангомъ, а цълью избираемаго на нее лица было не независимое служение обществу ради его интересовъ, но разсчеть на тъ награды и отличія, какихь оно могло удостоиться отъ правительства за службу по сословнымъ или общественнымъ выборамъ. "Городовое Положеніе", а тъмъ болве "Дворянская Грамота" равъединили общественные интересы на особыя сословныя категоріи, почему всё тё дёла, которыя касались общихъ, а не однихъ только сословныхъ интересовъ, т. е. такія дёла, которыя представляли наибольшую важность, остались, по прежнему, въ непосредственномъ въдъніи мъстваго чиновничества. Вдобавокъ къ этому, всъ избираемыя и дворянствомъ и городскими жителями лица были поставлены въ слишкомъ большую подчиненность отъ мъстныхъ начальствъ, и отъ этихъ же послъднихъ находились въ полной зависимости и направленіе и ходъ всъхъ дълъ, касавшихся даже исключительно сословныхъ интересовъ.

Давая приведенную опънку значенію реформъ Екатерины въ области внутренняго управленія, авторъ находить, что и реформы начала настоящаго столътія, указъ 1809 г. объ испытаніяхъ чиновниковъ, учрежденія министерствъ и проч. не только не ослабили прежнее вліяніе чиновничества на общественныя дёла, но еще болёе его усилили. Учрежденыя на исполнительномъ началъ взамънъ прежнихъ коллегій министерства способствовали всего болбе развитію особаго типа петербургскаго чиновника, предръщавшаго заглазно всъ мъстныя потребности Россіи и способы ихъ исполненія только канцелярскимъ путемъ. Сперанскій самъ представляетъ собою выдающійся типъ такого чиновника, который стремился захватить въ свои руки сколь возможно болёе государственныхъ дёлъ и рёшать ихъ канцелярскимъ порядкомъ посредствомъ ловко и красноръчиво составленныхъ докладовъ. Заботы же его о поднятіи образовательнаго ценза гражданскихъ ченовниковъ ослаблялись усилившимся приливомъ въ среду чиновничества военнаго элемента, для котораго, при имънія чина маіорскаго и выше, не существовало правиль объ испытаніяхъ. Низшее чиновничество продолжало пребывать на скудномъ жаловании и "отъ недостатка и бедности" прибегать къ неваконнымъ поборамъ и взяткамъ.

Авторъ доводить свое изследование до самаго последняго времени. Онъ, "чуждаясь всякой лести настоящей эпохъ", считаетъ должнымъ признать, что послъдвія реформы уменьшили власть и вліяніе чиновничества на общественные интересы. Важно уже то, что со введеніемъ вемскихъ учрежденій и новаго "Городового положенія" совершился переломъ въ стародавнихъ господствовавшихъ у насъ понятіяхъ, когда общественная служба отождествлялась съ коронною; подсёчена въ корив мысль о томъ, что представители общественныхъ правъ и интересовъ должны считать себя чиновниками. "Задача правительствъ, заканчиваетъ авторъ свою работу, заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы установить правильное равновъсіе между своею непосредственною властью и представителями общественныхъ дёлъ, причемъ чиновничество займетъ свое опредёленное мёсто въ общей системё государотвеннаго управленія, не давая чувствовать странъ всь неудобства своего постояннаго и мелочнаго вивтательства "...

Книги поступившія въ редакцію.

Мадъярскіе поэты. Издани подъ ред. Н. Новича. («Мајенькая. Антологія» № 14). Спб. 97. Ц. 45 к.

А. Н. Емельяновъ-Коханскій. Клеопатра. Вскрытіе и друг. М. 97. П. 1 р.

Его-же. Месть.—Коварная Панна.—Въ аду.—Ночь подъ Ивана Купала.—Страшное наказаніе.—Легенды. Спб. 97. Ц. 30 к.

Сумерки въка. (Собственность А. Н. Емельянова-Коханскаго) М. 97. П. 25 к.

С. Г. Фругъ. Стехотворенія. Томъ І-мй. Изданіе третье. Сиб. 97. Ц. 1 р. 75 к.

Генрикъ Сенкевичъ. На свётломъ берегу. Повёсть и другіе разсказы. Переводъ Ф. В. Домбровскаго. Изданіе М. В. Попова. Спб, 97. Ц. 1 р. 25 к.

Люди тёмные. Очерки и разсказы изъ народнаго быта. И. Н. Зажарьина (Якунина). Изд. второе, П. П. Сойкина. Спб. 97. Ц. 1 р. Стихотворенія А. А. Грешнера. Кієвъ. 97. Ц. 1 р.

Сказки русских писателей для дётей. Сборникъ редакціи газеты «Кіевское Слово». 4-е изданіе. Кіевъ. 97. Ц. 30 к.

Редьярдъ Киплингъ. Индусскіе разсказы. Перевель съ англійскаго В. Н. Офросимовъ. Спб. 97. Ц. 50 к.

Пов'єсти и разсказы С. И. Смирновой. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 97. Ц. 2 р.

Н. Пружанскій. Отверженный. (Изъ записовъ сумашедшаго). Изданіе Д. А. Наумова. Спб. 97. Ц. 1 р.

А. Осиповичъ. (А. О. Новодворскій). Собраніе сочиненій. Изданіе А. П. Батуева. Спб. 97. Ц. 1 р. 50 к., съ пересывкой 1 р. 70 к.

Н. И. Николаевъ. Театрально-вритические наброски. Кіевъ. 97. П. 1 р.

3:- В. Перръ. Всеобщая исторія литературы. Переводъ подъ редакціей П. И. Вейнберга. Вып. XX и XXI. М. 97.

А. Ө. Кони. Федоръ Петровичъ Гаазъ. Віографическій очеркъ. Съ портретомъ. Спб. 97. Ц. 50 к.

П. Милюковъ. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. І. М. 97. Ц. 2 р.

Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа. Въ трехъ выпускахъ. Вып. 1-й. Перев. В. Я. Богучарскаго подъ редакціей Н. Н. Шамонина. М. 97. П. 50 к.

О демократіи въ Америкъ. Сочиненіе **Алексъя де-Токвиля**. Перев. съ 14-го франц. изданія В. Н. Ливдъ. М. 97. Ц. 2 р. 50 к.

Политическая исторія современной Европы. Эволюція партій и политических учрежденій. 1814—1896. Написаль III. Сеньобосъ. Часть первая. Перев. съ французскаго. Спб. 97. Ц. 2 р.

Д. Багницкій. Политическая испов'єдь современнаго поляка. Спб., 97. Ц. 60 к.;

Открытіе огня. Л. Гейгера. Переводъ съ нѣм. Л. С. Зака. Изданіе Южно-Русск. О-ва Печатнаго дѣла. («Библ. обществен. знаній». Серія ІІ, вып. 5-й). Одесса. 97. Ц. 15 к.

Г. Фр. Кольбъ. Исторія человіческой культуры. Перев. подъ редакціей А. А. Рейнгольдта. Выц. IV. Кіевъ. 97. Подписная ціна на 8 2 в. 2 р. 50 к.

Происхожденіе арійцевъ и доисторическій человівъ. Изслідованіе

И. Тейлора. Съ 30-ю рис. въ текств. М. 97. Ц. 1 р. 25 к.

Изъ народовъдънія. Чтенія для народа. Составиль Ө. Ө. Пуцыковичъ. 1) Болгары.—2) Сербы.—3) Черногорцы.—4) Чехн.—5) Хорваты.—6) Русины.—7) Англачане.—8) Китайцы.—9) Абиссинцы.—10) Французы.—11) Нъщцы.—12) Скандинавы.—13) Итальянцы.—14) Персы.—15) Арабы.—16) Египтяне.—17) Турки.—18) Корейцы.—19) Японцы.—20) Индусы.—21) Испанцы.—22) Венгерцы.—23) Съверо-американцы.—24) Негры.—Спб. 96—97. Ц. 5 к. за книжку.

Народные университеты въ Англін и Америкъ. Д-ра Джемса Руссели. Переводъ съ англ. Изд. Южно-Русск. О-ва Печатнаго дъла. («Библ. обществен. знаній», серія ІІ, вып. 3-й). Одесса. 97. Ц. 50 в.

Свящ. І. Фудель. Народное образованіе и школа. М. 97. Ц. 40 к. Церковная школа на всероссійской выставкі 1896 г. въ Нижнемъ-Новгороді. Составиль Михаилъ Макаревскій. Спб. 97. Ц. 20 к.

· Борьба съ заразными болезнями въ школе. (Изъ журнала «Вестникъ воспитанія»). А. Филиппова. М. 97.

Луи Бланъ. О разводъ, Одесса. 97. Ц. 15 к.

Е. Каричъ. Женщина и жизнь. Спб. 97. Ц. 1 р.

жакъ Лурбо. Женщина предъ судомъ современной науки. Перев. съ французскаго. Кіевъ. 97. Ц. 30 к.

Процессы противъ животныхъ въ средніе въка. Я. Канторовича. Изд. «Юридич. Библ.». Спб. 97. П. 20 к.

Право и нравственность. Очерки изъ прикладной этики. Влад. Соловьева. Изд. Я. Конторовича. («Юридич. Библіот.» № 14). Спб. Ц. 1 р.

Суевѣріе и уголовное право. А. Левенстима. Изд. Я. Конторовича. («Юридич. Библ.» № 15). Спб. Ц. 80 к.

Проф. суд. мед. Ф. А. Патенко. Дело мултанских вотяковъ. Харьковъ. 97.

Т. Рибо. Психологія чувствъ въ двухъ частяхъ. Пер. съ французсваго. Кієвъ, 97.

Д-ръ Т. Рибо. Психологія вниманія. Пер. съ 3-го франц. изданія. Кієвъ. 97. Ц. 30 к.

Естественный нравственный законъ. (Психологическія основы нравственности). Изследованіе Ивана Попова. Сергіевъ посадъ. 97. Ц. 3 р.

Рѣшеніе философскаго вопроса о достовърности существованія въ насъ души и тѣла. Самостоятельное философское изслѣдованіе Свѣчни-кова. Сарапулъ. 97. Ц. 5 р. (in 16°, стр. 79).

Разъясненіе изследованія неопределенности вида $x=\frac{0}{6}$. Составиль Р. М. Шаргородскій. Кишиневъ. 97. Ц. 50 в.

Роб. Люпке. Основанія электрохимін. Перевель С. И. Сазоновъ. Съ 55 рис. въ текстъ. Спб. 97. Ц. 1 р. 50 к.

Натуралисть на Ла-Плать. У. Хэдсона. Перев. съ 3 англ. изданія. Часть 1-я съ 15 рис. Часть 2-я съ 11 рис. Изд. П. И. Сойвина. Сиб. 97. Ц. 50 в. за важдую часть.

Естественная исторія въ разсказахъ Альфреда Майльса. Пер. съ англійскаго Марка Басанина. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 97. Ц. 50 к. Чахотка. Черниговъ 97.

Г. Бунге. О вредё пьянства. Перев. съ нёмецкаго. Изданіе т-ва кахтинскихъ часторговцевъ подъ фирмою Цзинь-Лунь. Спб. 97. Безплатно.

Краткая вегетаріанская поваренная книга. Изданіе «По-

средника». М. 97. Ц. 25 к.

Лошадь. Какъ ходить за нею, выбирать при покупкъ и лъчить чаще встръчающияся ел бользни. Руководство для крестьянъ коневодовъ. Составилъ встеринарный врачъ П. Г. Алтуховъ. Изд. встерин. врача М. А. Исакова. Казань. 97. Ц. 12 к.

Опредъление возраста у лошади. Составилъ ветеринар. врачъ И.Л. Братчиковъ. Изд. ветер. врача М. А. Исакова. Казань. 96. Ц. 3 к.

Какъ осматривать лошадей при покупкѣ. Составилъ ветерин. врачъ И. Л. Вратчиковъ. Изд. ветер. врача М. А. Исакова. Казань. 96. Ц. 3 к

Корова. Какъ ходить за нев, выбирать при покупки и личить чаще встричающихся ся бользии. Руководство для крестьянъ. Сост. встер. врачъ Павелъ Алтуховъ. Изд. вст. врача М. А. Исакова. Казань. 97. Ц. 12 к.

Н. Аметистовой. Средство противъ переутомленія нли какъ надо работать, чтобы вивсто переутомленія да получалась жизнерадостность. (Безусловно—гигіеническое). Для учащихся, лицъ свободныхъ профессій и хозлекъ. Харьковъ. 97. Ц. 5 к.

Русское экономическое обозръніе. Ежемьсячный эконом. журнать подъ ред. М. М. Өедорова. 15 мая 1897 г. С. П. Подписная плата

за 8 мъс. текущаго года 7 р.

Металическія деньги и валюта. Э. Нассе и Лексиса. Изданіе «Русской Мысли». М. 97. Ц. 60 к.

Всемірный почтовый союзь. П. Казанскаго. Одесса. 97.

Международный союз» для охраны промышленной собственности. II. Казанскаго. Одесса. 97.

Къ вопросу о воскресномъ отдыхъ и объ ограничени праздничной торговии. (Прошенія въ Чистопольскую городскую думу чистопольскихъ привазчиковъ и купцовъ). Изд. Е. Д. М. Казань. 97. Ц. 10 к.

Отчетъ совъта общества распространенія начальнаго обученія въ

Нижегородской губ. за 1896 г. Нижній-Новгородъ. 97.

Краткій историческій очеркъ діятельности общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губ. 1872—1895 г. Составиль севретарь совіта общества Н. Іорданскій. Казань. 96.

Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Отчетъ за 1895—96 г. Сиб. 97. Краткая историческая записка о высшихъ

женскихъ курсахъ въ С.-Петербургъ.

Отчетъ совъта общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Семипалатинскъ за 1896 г.

Отчетъ совета общества попеченія объ учащихся въ уездныхъ и начальныхъ училищахъ г. Тюмени за 1896 годъ. Тюмень. 97.

ОТЧЕТЬ дирекцін херсонской обществ. библ. за 1896 г. Херсонъ. 97. ОТЧЕТЬ о дізательности Донскаго общества сельскаго хозяйства въ 1896 году. Новочеркасскі 97. Ц. 1 р.

А. Тарабунинъ. Нован практическая гранматика. Этимологія и синтаксисъ. Учебное пособіе для одновлассныхъ и двуклассныхъ училищъ. Спб. 96. Ц. 50 к.

Руководство въ устройству и веденію публ. народн. чтеній. Съ приложен. ваталога внигь, одобр. для публ. нар. чт. Харьковъ. 97. Ц. 50 к.

Спб. о-во содъйствія физическому развитію. Путеводитель № 1. Позадка въ Новгородъ Великій. Сост. Д. И. Рихтеръ и В. В. Розинъ. Спб. 97. Ц. 15 к.

Изъ Франціи.

Сколько разъ я уже порывался поговорить съ читателемъ о женскомъ вопросъ во Франціи, и всякій разъ останавливался передъ вадачей, которая мев представлялась твиъ болве сложной, чвиъ ближе и подходяль къ ней. Обдумываемь предметь въ общихъ чертахъ: дело кажется довольно просто, и несколько общихъ положеній, повидимому, исчерпывають постановку женскаго вопроса во Францін. Но приступаєть къ самой задачь, хочеть начать съ того, чтобы представить читателю свои непосредственныя впечатавнія, производимыя здінней жизнію: куда дівалась простота и яскость вопроса! Какихъ поправокъ, ограниченій и дополненій требують всь эти общія формулы, ткань которыхь разрывается то тамь, то здысь подъ напоромъ неукладывающагося въ нихъ факта! А какая масса такихъ фактовъ совсемъ не покрываются скороспелыми обобщеніями! Поневол'є начинаєть думать, что мучшій пріємъ для маученія задачи, можеть быть, и заключается вь безхитростномъ сопоставленів различныхъ, даже и прогиворачащихъ одно другому жизненныхъ явленій. Конечно, отъ эгого сградаеть опредёленность отвъта на занимающій насъ вопросъ. Но во всякомъ случав вы такъ не замалчиваете и не искажаете самыхъ фактовъ, которые последующій наблюдатель, можеть быть, объяснить и вдвинеть въ болве широкую формулу, чемъ та, что находится у васъ въ данный моменть подъ руками.

При самомъ первомъ и, какъ зачастую бываеть, преимущественно книжномъ знакомствъ съ женскимъ вопросомъ во Франція я уснововися было на очень распространенномъ взглядь, согласно которому въ этой стране женскій вопрось почги совсемь отсутствуеть, ибо-де громадное большинство женщинь, за исключениемь немногихъ благородно-экспентричныхъ натуръ, не сознають даже необходимости постановки его, а мужчины, хотя бы самыхъ радивальныхъ убъжденій, примо враждебны какой бы то ни было реформ'в отношеній между полами. Затімь, наблюдая нівоторые факты жизни и присутствуя при заметномъ усиленіи женскаго движенія за последніе семь-восемь лёть, я бросился было въ другую крайность и быль склонень думать, что общественный энтузіазив францувовъ, разъ вспыхнувъ въ области женскаго вопроса, дасть вообще огромный толчекъ решенію этой крайне важной задачи и, можеть быть, поставить Францію во глава другахъ странь, борящихся двательно за изменение положения женщины. Пришлось отказаться и оть этого черезчуръ розоваго взгляда на вещи. И вотъ, после разных ь недоуменій и колебаній, я решаюсь изложить въ этомъ письме свою настоящую точку зрёнія на предметь, точку зрёнія нёсколько не опредёленную, сёрую и смёшанную, какъ сёра и смёшана сама будничная дёйствительность. Я постараюсь добросов'єстно поставить передъ глазами читателя и разсмотр'єть вм'єсть съ немъ различные факты, касающіеся женскаго вопроса. И кто знасть, можеть быть, нытаясь разобраться въ этомъ пестромъ клубк'є явленій, мы подойдемъ ближе къ истине, чемъ если бы желали разомъ прикрыть шумную и сложную жизнь, словно какого инбудь б'ёднаго мотылька, с'ёткой готовой формулы.

Положеніе женщины во Франціи по закону крайне низкое. Порого просто недоумъваешь, какъ такая пивилизованная нація, бросившая въ міръ столько широкихъ идей и пролившая за нихъ столько благородной крови, можеть оставаться въ области отношешеній между полами чуть ли не на уровив римскаго законодательства временъ Катона старшаго. Если незамужняя женщина и вдова пользуются, по кодексу Наполеона, кое-какими довольно значительными гражданскими правами, то тяжелыя гири зависимости ложать на женщинъ, вышедшей замужъ, то есть именно той, которая поступила такъ, какъ поступаетъ громадное большинство ся сестеръ. И, однако, удивиаться этому особенно нечего. Кодексъ Наполеона является, какъ известно, искаженіемъ кодекса, выработаннаго во время революція; и на этомъ искаженіи отражаются жалкія и узкія иден средневековаго кондотьери, составлявшія умственный багажъ «спасителя общества». Боясь торжества либеральных взглядовъ, Наполеонъ исковеркать и безъ того уже мизерное учреждение Трибуната, который обсуждань законопроекты по конституція 22-го Фримера VIII (1799) года; и, кром'в того, въ качеств'в президента государственнаго совета, всячески давиль на интин его членовъ, опасаясь особенно либерализма въ вопросв о положении женщины. Противъ боле широкихъ взглядовъ советниковъ первый консуль вовражаль чудовишными фразами:

"Кавъ, въ не внесете въ законъ формальнаго объщанія со стороны жены повиноваться мужу? Но надо, чтобы она знала, что, выходя изъподъ опеки семьи, она поступаетъ подъ опеку мужа. Мужъ долженъ имъть неограниченную власть надъ поступками жены. Онъ имъетъ право сказать ей: «мадамъ! вы не выъдете сегодня вечеромъ! мадамъ! вы не отправитесь сегодня въ театръ! мадамъ! вы не должны видъть того-то и тогото!" *).

И посмотрите на результаты законодательства, выработаннаго подъ вліяніемъ «геніальнаго вонна-администратора». Начать съ того,

^{*)} Цитирую по стать Gustav Lejeal, «L'a Française devant la Loi» въ сборнит (Les Femmes et les Féministes» (№ 169 отъ 28 ноября 1896 года. Revue encyclopédique).

что никакая женщина, даже не замужня, даже вдова, не можеть быть свидътелемъ по гражданскому договору, нотаріальной бумагъ и пр. Передовые французы не перестають удивляться странной легальной аномалін, въ силу которой образованная дівушка, получившая дипломъ доктора правъ (какъ, напр., m-elle Шовэнъ), считается неспособной свидътельствовать при заключеніи какой нибудь гражданской оділки; а швейцаръ докторессы, можеть быть прибъгающій къ ся совітамъ при заключеніи того или нного контракта, признается законнымъ свидітелемъ. Наряду съ этимъ и благодаря новой, не менте комической непослідовательности, законъ принимаетъ свидітельство женщины въ уголовномъ процесст, т. е. какъ разъ тамъ, гдё (какъ зачастую бываеть во Франціи) діло идеть о живни обвиняемаго.

Но французское законодательство особенно свирапо по отношенію въ замужной женщинь. Такъ статья 213, которая открывають собою рядъ параграфовъ, касающихся правъ и обязанностей сунруговъ, является буквальнымъ воспроизведениемъ словъ Наполеона I о необходимости для жены повиновенія мужу. И какого повиновенія! У женщины отнимается мальйшая возможность распоряжаться своей физической и правственной личностью. Она обявана жить постоянно съ мужемъ; она принуждена следовать за нимъ во всвиъ его передвиженняхъ и путешествияхъ, «даже если бы мужу», по наивно-жестокому замічанію извістнаго юриста Потье, «вздумадось отправиться въ зачумленное мёсто». А знаменитый «супружескій долгь», или, какъ называеть его неотвеняющійся въ терминахъ латинскій языкъ, decubitum conjugale! Исполненія этого долга мужъ отъ жены можеть требовать силою, что запрещено ему во воваъ нимъ случанъъ. Довольно крупный французскій криминалисть, некто Фостовь Эли (Faustin Hélie), комментируеть этоть параграфъ савдующимъ безподобнымъ образомъ: «Актъ, составляющій цёдь брака, не можеть быть ни въ коемъ случай вмінень мужу въ преступленіе, даже если бы мужъ прибыть для совершенія его въ населію, лишь бы это населіе не повело за собою ранъ»! Чамъ этоть просвещенный юрноть уступаеть автору Домостроя, который тоже, вакъ известно, советовалъ учить жену плеткой, но вежинвенько и безъ членовредительства!

Супружеская върность предписывается, конечно, женъ самымъ строжайшимъ образомъ. Если мужъ застаетъ жену «въ преступномъ разговоръ» (ен conversation criminelle) съ соперникомъ—какъ выражается, не то свиръпо, не то комично, общепринятая формула,—законъ заранъе извиняетъ убійство невърной мужемъ. И стоитъ коть самымъ поверхностнымъ образомъ слъдить за процессами во Франціи, чтобы убъдиться, какъ здішніе присяжные застатели,—обыкновенно столь жестокіе каратели уголовныхъ діль,—ни во что не ставять пулю или ножь, которыми «обезчещенный» мужъ отдівлялся отъ невірной. Деспотическая власть мужа не ограничивается,

впрочемъ, лишь одной физической стороной: она простираеть свою тираннію на правственную личность жени и имбеть, право копаться въ самыхъ сокровенныхъ изгибахъ человъческаго сердца. Жена отвъчаеть мужу не только за поступки, но и за свои невольных чувства. Такъ мужу; желающему убъдиться въ истинности симпатій къ нему его подруги жизни, законъ разръшаеть вскрывать ея частную переписку. И словно, чтобы лучше оттънить подчиненность женщины, законъ пресхъдуетъ подобное же дъйствіе со стороны жены, какъ преступленіе.

Ярко выступаеть разница правъ двухъ половъ и по отношению къ дѣтамъ. Родительская власть принадлежить лишь одному отцу. Онъ воленъ воспитывать ребенка, какъ ему заблагоразсудится; онъ одниъ можеть позволить ему оставить отцовское жилище, заключить его въ исправительный домъ, дать разрѣшеніе на бракъ и т. п. Мать тутъ на причемъ.

Но гдѣ французское законодательство особенно поражаеть своимъ арханческимъ карактеромъ, такъ это въ сферв имущественныхъ отношеній супруговъ. Какъ извѣстно, французскій кодексъ знаетъ два рода договоровъ, опредѣляющихъ имущественныя права мужа и жены: брачный контрактъ, который выговариваетъ извѣстную часть имущества (приданаго и т. п.) спеціально для жены, и нераздѣльное владѣніе имуществомъ и доходами со стороны обоихъ супруговъ. Брачный контрактъ является, можно сказатъ, привилегіей имущихъ классовъ: онъ предполагаетъ состоятельныхъ родителей, которые желаютъ удѣлить извѣстную частъ имущества выходящей замужъ дочери. Но громадное большивство браковъ заключается безъ всякаго контракта, который быль бы въ данномъ случаѣ лишь юридическимъ времяпрепровожденіемъ, казуистикой надъ сложеніемъ, нбо среди массъ, какъ извѣстно, наслѣдственное и благопріобрѣтенное блестятъ своимъ отсутотвіемъ.

Напримъръ, во всей Франціи пропорція брачныхъ контрактовъ составляеть не болье 47 на 1,000 всьхъ заключенныхъ браковъ. Въ Парижь эта цифра выше, достигая 157 на 1,000 для совокупвости столицы. Но здысь крайне интересно изміненіе упомянутой пропорціи по двадцати округамъ, на которые разділенъ городь и которые різко отличаются между собою по степени благосостоннія ихъ жителей. Такъ, въ исключетельно рабочемъ 20-мъ (Менильмонтанскомъ) округів на 1,000 заключенныхъ браковъ приходится едва 43 брачныхъ контракта, т. е. даже меньше, чімъ во всей Франціи. Наобороть, въ фешіонобельномъ 8-мъ округів (посящемъ очень удачное и въ соціальномъ смыслів названіе «Елисейскихъ полей») изъ 1,000 брачащихся паръ цілыхъ 346, вначить более трети, вступають въ сожительство, оградивъ свои матеріальным права формальнымъ договоромъ *).

^{*)} См. Annuaire statistique de la ville de Paris, XIV, 1893; Парижъ, 1895, таблица на стр. 84.

^{36 6.} Ozgás II.

Какъ-бы то ни было, и въ той, и въ другой форми имущественныхъ отнощеній между супругами мужь пользуется громадными правами, а на женщину законъ смотрить, какъ на существо несовершеннольтнее. Въ самомъ діків, гражданскій кодексь отдаєть въ руки мужчины распоряженіе имуществомъ жены. Не смотри на существованіе брачнаго договора, жена не имість права дарить, отчуждать, закладывать, пріобрітать и вообще распоряжаться своимъ имуществомъ иначе, какъ съ согласія мужа. И если въ этомъ согласія ей отказано, она должна прибігать къ сложной процедурів, чтобы добыть разрішеніе отъ судебной власти.

Таково легальное положеніе женщины въ самомъ благопріятномъ случав. Но что сказать о неоравненно боле распространенной скотемв «нераздвивнаго владвнія вмуществомъ», которая, не омотря на свое идилическое названіе, отдаеть судьбу женщины на проняволь мужчины. Это нераздвивное владвніе простирается, какъ извъстно (за исключеніемъ недвижимости, принадлежавшей каждому няъ супруговъ при заключенія брака), на все движимое ямущество: цвиным бумаги, векселя, заработную плату, различные доходы съ имущества, даже такого, которое принадлежить кому-лебо изъ супруговъ лично, и, наконецъ, на недвижимость, пріобрётенную во время брака.

Но кто-же выигрываеть оть такого порядка вещей? Конечно, мужчина, который является настоящимъ господиномъ всего имущества. Онъ можеть продавать, покупать, закладывать безъ всикаго согласія жены; онъ вийеть право (почти всегда, какъ увидимъ ниже) присвенвать себъ даже заработную плату жены, и она лишена по закону возможности воспротивиться этому. За личные долги мужа отвётствуеть все имущество; и мужъ-же можеть обратить на свои удовольствія и прихоти последній крохи, которыя, можеть быть, нужны женё и дётямъ для того, чтобы не умереть съ голоду.

Немногія и неръщительныя попытки законодателя за последнія патнадцать леть хоть чемь-вибудь смягчить этоть ужасный гнеть мужа надъ семьей (я чуть было не забыль сказать, что онь польвуется доходами съ личнаго имущества своихъ детей вилоть до достиженія ими 18-летияго возраста), эти попытки, говорю я, свелесь ни къчему, благодаря самой робости своей и той ругина въсоціальной области, которая характеризуеть французскіе имущіє и правищіє классы. Такъ, по закону 9-го апреля 1881 г. относительно почтовыхъ осудо-сберегательных вассь, жена можеть делать вызады в выбирать ихъ сразу или по частамъ безъ разрашенія мужа, если только поодедній не протестуєть формально противь этого. А такъ какъ, по отатистикъ, общая сумна такихъ женскихъ вкладовъ равияется почти половина (47%) всего итога ввиссовъ въ почтовыя кассы, то оффиціальные оптимисты только потирали руки оть удовольствія, подагая наявно, что они открыли косвенный путь къ примирению двухъ протевоположныхъ началъ: права женщины на самостоятельный заработовъ и гражданскаго всемогущества мужа. Оказалось однако, что громадное большинство вкладчицъ, принадлежащихъ въменкой буржуван и отчасти рабочему классу, живутъ подъ режемомъ нераздальнаго владанія имуществомъ; и потому, лишь только жена брала съ почтовой книжки извъстную сумму, эта сумма тъмъ самымъ становилась уже общимъ достояніемъ семьи, т. е., говоря попросту, попадала въ руки мужа.

Другой примъръ: когда, благодаря пропагандъ г-жъ Шиаль и Шоврет, идея о необходимости огранить хотя-бы дичный заработокъ жены отъ расточительства мужа проникла въ парламенть и вызвала здёсь два проекта, коммиссія, разсматривавшая ихъ, нашла эти проекты черезчуръ радикальными и изменила ихъ. А именно. она признала за женой право располагать непосредственно своей ваработной платой, но прибавила къ этому: «имущество, пріобрітенное женой ся личнымъ трудомъ, принадлежить тамъ не менае обовиъ супругамъ». Иваче говоря, франкъ, пріобретенный вотъ той бъдной швеей въ теченіе дня, составляеть ея личный заработокъ; но если она отнесеть его въ сберегательную кассу, то мужъ можеть преспокойно наложить руку на эту монету, лишь только жена возьметь ее съ почтовой книжки. И однако, законъ этотъ, вотированный палатой депутатовъ 27-го февраля 1896 г., считается большинствомъ буржуваныхъ юристовъ крайне опаснымъ мововведеніемъ, которое грозить черезь эту первую брешь ввести Врага въ сердце величественной циталели наполеоновскаго ко-Девса!...

Продолжимъ наше изложение правъ французской женщины, какъ они определены законодательствомъ и административными мерами. Наибольшей сравнительно прогрессивностью отмечены взгляды законодателя въ сферъ образованія, что, впрочемъ, и не удивительно: это, можно сказать, единственная область, въ которой оппортунистская республика довольно энергично пошла впередъ, не смущаясь реакціонными страхами за будущность болю грамотнаго и менье сусвърнаго народа. И число учащагося и число обучающаго персонала женскаго пола значительно возросли со времени крупныхъ реформъ, проведенныхъ въ конце 70-хъ и начале 80-хъ годовъ. Но и туть, какъ быстро изменяются къ худшему эти биагопріятныя условія по м'єр'є того, какъ наъ сферы первоначальнаго образованія поднимаєшься въ сферу средняго и высшаго! О первожачальномъ образованіи, конечно, распространяться нечего: по вакону 1882 г. оно стало даровымъ, светскимъ и обявательнымъ для детей обоего пома, и, напр., въ 1895 г., на 2.731,992 мальчиковъ, обучавшихся въ первоначальныхъ школахъ, приходилось 2.710,018 дъвочекъ *). Въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, начиная съ которыхъ принципъ безвозмездности и принудительности падаетъ, число учащихся женскаго пола и абсолютно, и относительно (по сравненію съ учащимися мужскаго пола) быстро убываетъ. Къ 5 ноября 1896 г. число воспитанняковъ въ коллежахъ и лицеяхъ (т. е. городскихъ и правительственныхъ гимназіяхъ) и пр. училищахъ простиралось до 85,485; но воспитанницъ въ соотвётствующихъ женскихъ заведеніяхъ было всего 10,645. Еще печальнее обрисовывается положеніе высшаго женскаго образованія.

Въ 1894 г. изъ 25,582 слушавшихъ лекціи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ оффиціальная статистика насчитывала 24,855 студентовъ и всего 727 студентовъ, причемъ на 448 француженовъ приходилось 279 иностранокъ.

Этоть начтожный проценть женщинь объясняется, впрочемь, и препятствіями, полагаемыми законодательствомъ, и могущественнымъ давленіемъ обычая. Во францувскіе университеты женщины допускаются съ половены 70-хъ годовъ и при этомъ осязательную пользу онъ могутъ извлекать изъ своего диплома лишь на медицинскомъ факультеть, кончивь который, онь получають право практиковать; на всехъ-же другихъ факультетахъ, напр. юридическомъ, ихъ дипдомъ имъеть чисто платоническое значеніе. Не удивительно повтому. что въ то время, какъ медицинскіе факультеты Франціи насчитывали въ 1894 г. на 7,799 слушающихъ 232 женщинъ, на юридическихъ факультетахъ между 8,063 слушающихъ было всего 4 (sic!) женщины и т. п. Кром'в того, противъ учащихся въ высшихъ школахъ женшинъ вооружается общественное мивніе такъ называемыхъ обравованныхъ классовъ, а особенно самихъ студентовъ, среди которыхь къ обычной рутнев и боязки новыхъ сопівльныхъ явленійчъмъ такъ отличаются, котати сказать, всё французы-примещивается очень реальное значеніе конкурренцін женщинь въ либерадыных профессиях. Не типично-ли для французской молодожи, что на ен изыкь «студентка» (étudiante) обозначаеть кокотку Латинскаго квартала, вращающуюся среди студентовъ, и что лишь въ самое последнее время вдешній интеллигенть сталь отличать оть разбитной и веселой подруги своихъ студенческихъ леть настоящую студентку, которая желаеть учиться и жить своимъ трудомъ. Когда десятка полтора — два леть тому назадъ въ медицинскую школу вошли первыя женщины, господа студенты встретили ихъ появленіе въ аудиторін криками, достойными обитателей звіринца, а то и прямо недвусмысленными прозвищами и даже грязными ругательствами. И подобное отношение къ своимъ сестрамъ по ремеслу соотороны рыцарей скальнеля продолжалось целыми годами.

Да что студенты! Сами профессора зачастую пожинали лавры

^{*)} Annuaire statistique de la France. XVI volume. 1895-1896; Парижъ, 1896, стр. 197.

дешевой популярности среди мужской молодежи, ухитряясь превращать свои лекціи въ настоящую пытку для студентокъ, передъ которыми оне умышленно пускались въ скабревныя и совершенио ненужныя подробности. Я какъ сейчасъ вижу передъ собой нокойнаго профессора Кадья (Cadiat), который, дёлая введеніе въ курсу эмбріологін, распространялся ни съ того ни съ сего объ «энергичныхъ движеніяхъ таза» и т. п. «рефлексахъ, механевиъ которыхъ намъ нужно изучить болье подробно, чемъ это можеть казаться профанамъ». Да и пошелъ и пошелъ, и продолжалъ это пересыпанное усмещечками и игривостими «изученіе» до техъ поръ, пока изъ десятка сидевшихъ на лекціи студентокъ одна бедная девушка, почти ребенокъ, не выдержана и съ горящими щеками, со слезами на глазахъ, торопливо смахивая ихъ вуалемъ, не вышла изъ аудиторін при взрыва общаго хохота. А на ен болае привычных въ мужовой тактика подругь посыпалнов циничныя фразы и воселицанія студентовъ: «и вы вой вонъ!»—«неть, эти не уйдуть!»— «эти изъ заведенія Телье» (намекь на бывшій въ то время въ модъ разсказъ Гюн-де-Монассана La maison Teilier)-«кліентовъ что-ль жиете?» и т. п.

Теперь въ медецинской школе къ студенткамъ уже попривыкли, и если между неми и студентами не установилось еще вполнъ чедоваческих отношеній, то прежняя непріязнь вначительно ослабала и даже ивсколько францувовъ поженились на дввушкахъ, съ которыми они сидели на студенческой скамые. Довольно вежливо встречають женщинь въ Сорбонив и на юридическомъ факультетв,отчасти, можеть быть, потому, что туть дипломъ не даеть женщинамъ инкакихъ практическихъ правъ и инкакой возможности конкуррировать съ мужчинами. За то въ другихъ заведеніяхъ дёло оботоять по прежнему, и напр. въ школъ изищныхъ искусствъ студенты всего какой нибудь ийсяць назадь устронии кошачью серенаду женщинамъ, которыя были допущены въ этомъ году впервые въ слушанію лекцій въ стінахъ упомянутаго заведенія. Господа будущіе живописцы и вантели, очевидно, продолжають традицію конца 70-хъ годовъ, когда самъ Тэнъ, этотъ, можно сказать, орелъ между буржуазными воронами, отказался на отрёзъ допустить на СВОИ ЛОВЦІИ ВЪ ШКОЛЬ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ НАШУ ТАЛАНТЛИВУЮ СОотечественницу, В. Н. Никитину (скоро начавшую писать подъ псевдонемомъ Б. Жандръ и умершую, къ сожаленію, очень рано, на порога къ слава, въ 1884 г.).

Почтенный критикъ спиритуализма и страстный англоманъ, увлекавшійся, между прочимъ, самостоятельностью англо-саксонской женщины, не нашелъ ничего лучше въ своемъ отрицательномъ отвётё Никитиной, какъ сослаться на необходимость соблюденія приличій, на «слишкомъ яркій колорить нагого тёла въ картинахъ фламандекой школы» и т. п. пошлости. Но какъ разъ этоть блюститель особыхъ приличій для дамъ и защитинкъ фиговыхъ листиковъ въ преподаванія, сыграль по отношенію къ Никатиной невольно ту роль, которую Сократь избираль сознательно въ своихъ столкновеніяхъ съ учениками. Тэкъ явился акушеромъ литературнаго таланта Никитиной, которая, будучи возмущена филистерскими взглядами историка некусства, изялась за перо и дебютировала страстной и умной отповедью по адресу ученаго мужа *).

Какъ бы то не было, законъ во Франціе-противъ формальнаго расширенія правъ женщинь, и если узкан сфера легальной діятельвости, сдавлявающая женщену железнымъ кольцомъ, становатся то тамъ, то сямъ растяженой и даже допускаеть возможность вырваться на свёть божій, то это лишь вы некоторыхь областихь, где законная роль женщины признана более или менее издавна. Такова пелагогическая деятельность насшаго рода. По статастике 1894—1895 г. въ первоначальныхъ обътскихъ школахъ очиталось 56603 учителей и 43712 учительниць, а въ первоначальныхъ школахъ, нахоляшихся въ рукатъ духовенства (но подъ контролемъ правительства), учителей было 9536, а учительниць 38655 (конечно, главнымь обравомъ монахинь) **). Но когда мы переходимъ къ болве высшему разряду обучающаго персонала, эта благопріятная пропориія жаншенъ сразу падаеть. Та же самая оффиціальная статистика насчитываеть нежду лецами, имвющими такъ навываемое «свидетельство о педагогическихъ способностяхъ» (certificat d'aptitude pédagogique) по закону 1882 г., 20147 учителей и лишь 10926 учительниць ***). Очевидно, и въ педагогической сферь на женщенъ давять предразсудки, нашедшіе такое яркое выраженіе въ пресловутой програмив, набросанной Наполеономъ для Экуанскаго института благородныхъ девицъ (établissement d'Ecouen):

"Чему будуть обучать воспитанниць Экуана? Надо начинать съ редигін во всей ся строгости... Воспитывайте намъ религіозныхъ женщинъ, а не резонеровъ. Слабость женскаго мозга, подвижность женскихъ идей. назначение женщинъ въ обществъ, необходимость для нихъ постоянной покорности судьбв и легкой и снисходительной филантроніи, все это можеть быть достигнуто лишь путемъ религия... Засимъ надо обучить восимтанницъ счету, письму, началамъ граммативи, да чтобы оне знали правописаніе. Надо также обучить ихъ немного географіи и исторіи, но ни подъ вакимъ видомъ не преподавать имъ латыни, ни иностранныхъ языковъ. Нанболъе старшихъ изъ нихъ ножно било би, пожалуй, познакомить немного съ ботаникой и пройти съ ними легкій куроъ физики ми естественной исторіи; но даже и это представляєть свои неудобства. Главнымъ образомъ, нужно заставлять ихъ всёхъ работать въ теченіе трехъ четвертей дня надъ рукодельями; оне должны уметь вязать чулки. мить рубании, вышивать узоры, и словомъ, исполнять всякаго рода женскія работи. Не знаю, можно-ин ихъ будеть познавомить немного съ медициной и съ употребленіемъ аптечки, какъ это требуется отъ сидълки.

^{*)} Cm. B. Gendre, M. Taine et l'éducation de la femme; La Science politique, 1 ro aupens 1879 r.

^{**)} Annuaire statistique, crp. 196.

^{***)} Ibid., crp. 210.

Но хорошо было бы, еслибы онё выучились вести хозяйство. Я желаю, чтобы молодая дёвушка, выйдя изъ Экуана и очутившись въ положеній хозяйки, могла ши ть себё платья, чинить одежду мужа, готовить бёлье для дётей, изобрёта ть лакомства для семьи, ухаживать за мужемъ и дётьми, когда они заболёють и т. д. Все это такъ просто и тривіально, что не требуеть большихъ усилій мысли").

Подобныя разсужденія и не могуть, впрочемь, удивлять насъ въ Наполеонь, который требоваль оть націи пушечнаго мяса, а оть женщинь усердія по части доставки этого продукта, необходимаго или плановь завоевателя.

До сихъ поръ положение женского вопроса, какъ онъ ставится во Франціи законодательствомъ-и, отчасти рутиной, -- должно было представляться читателю очень простымъ: приняженное состояние женщины; деспотическая власть мужчины; законъ, опутывающій всевозможными отвененівми мальйшее проявленіе женской дьятельности: обычай, какъ будто поддерживающій своимъ слінымъ и могушественнымъ авторитетомъ этотъ взглядъ законодателя на женшену, какъ на существо слабое и въчно несовершеннолътнее. Но ета черевчуръ схематическая картина начинаеть измёняться и усложняться подъ вліяніемъ техъ поправокъ, которыя вносить въ нее сама же францувская жизнь, лишь только принимаешься всиатриваться въ нее болье внимательно. У улицы и ея будничныхъ Фактовъ есть своего рода красноречіе. Начнемъ хотя бы съ этой кавовой стороны действительности. Зайдите въ любую мелочную давку и средній магазинь, и вась поразить выдающаяся роль, которую играють здёсь женщены. Онё и продають, и показывають вамъ товары, и сидять у кассы. Мало того, въ извёстныхъ категоріяхъ заведеній оні даже представляють интеллигентный алементь, въ то время какъ мужчина является элементомъ исключительно рабочимъ. Войдемъ воть хоть въ эту мясную; хозяйка вышла на минуту изъ-за конторки,--случай для наблюденія подвертывается самый удобный. Спросимъ у хозянна несколько кусковъ мяса и потребуемъ счетъ. Операція разрубанія, отрізыванія и взвішиванія исполнена хозявномъ и его подручными въ совершенства. Но писанье счета стоить почтенному патрону нечеловических усилій: начать съ того, что онъ никакъ не можеть сообразить, сколько су въ точности приходится за такую-то и такую-то дробь килограмма. Наконенъ, эта ариеметическая операція при помощи головоломныхъ соображеній и фантастических вывладовь приведена въ благоподучному окончанію. Остается едва-ли не самая трудная для мясника задача: это — написать самый счеть... И виля, какъ ражій

^{*)} Питирую по отрывку L'éducation féminine d'agrès Napoléon, въ уже упомянутомъ мною выше сборник Les femmes et les Féministes, стр. 905.

EDECABOIL-XOSHNER CENNEGER HSO BOEXE CHIE BE CHOEKE TOACTHIES пальцахъ непокорно вертящееся перо, какъ онъ спирается своей мускулистой рукой на бумагу и, тажело дыша, наклоняется широкой. грудью надъ конторкой, --- видя это, вы не можете не почувствовать сожальнія въ этому великольшному, но поставленному въ необычныя условія животному... Къ счастію, ховяйка, отлучившаяся на минуту изъ давки, возвращается. «Мари! напиши госполину счеть»--- весело, словно вырвавшійся на свободу школьникъ, кричить мясникъ подругь своей живни и стяжательной двятельности, и подъ проворной рукой хозяйки тонкія, изящныя, мелкія, какъ бисеръ, и сильно наклонення на французскій манерь буквы и пифры выростають въ несколько секундъ въ стройныя и прямыя строчки. И подобныхъ спенъ вы насмотритесь не мало, имен пело съмелкими и средними навками и магазинами. Только въ громадныхъ базарахъ, о которыхъ я говориль уже съ читателемъ и гдё раздёленіе труда достигао высокаго уровня, сложныя счетныя операціи продълываются мужченами, настоящими виртуозами пифръ. Но и собственно въ торговыхъ операціяхъ женщины діятельно помогають мужчинамъ: между мелкой и средней буржузвіей число женщинъ, посвященныхъ въ тайны профессіи мужа и велушихъ порою леда самостоятельно, вначительно превышаеть число неванитыхъ; и француженка по части практической жизни и коммерческой деятельности зачастую оставляеть мужчину за собой. Туть, конечно, статистика, не дасть точныхъ пифръ. Но, повторяю, мало-мальски внимательное наблюденіе и отзывы лиць, спеціально занимавшихся этимъ вопросомъ, ярко обрисовывають вначеніе женскаго труда и женской иниціативы въ широкихъ слояхъ общества *). А что говорить о рабочемъ власов, среди вотораго ваниталистическій строй стеръ всякія различія между обоями полами въ смысле участія въ производстве: передъ неумолимой машиной женщина вполив равноправна съ мужчиной, развъ что гнеть давить на нее сильнъе, ибо за трудъ она получаеть гораздо меньшую заработодинаковый ную плату. И это разсуждение вполив примвнимо и къ «либеральнымъ профессіямъ», где женщине все более и более приходится полагаться на свои знанія и способность въ труду. Обратите винманіе лишь на печальныя причитанія Гюга Ле-Ру въ «Фигаро», указывающаго на трудность пристроиться для «нашихъ дочерей» (пов filles, т. е. принадлежащихъ такъ или иначе къ буржувзіи).

Если теперь подняться въ самые верхи общества, въ среду богатой буржувани и аристократии, то и здёсь поверхностный взглядъ на совершенно второстепенное значение женщины подлежить поправкамъ и ограничениямъ. Въ этихъ сферахъ, которыя освобождены условиями жизни отъ необходимости горькой борьбы за суще-

^{*)} Cm., naup., Charles Bonnier, La question de la femme; Le Devenir Social, N. 5 (Mat) 1897 r., orp. 410-411.

отвованіе, французская женщина сыграла и въ прошломъ важную роль, и продолжаеть играть ее порою и теперь. Кому изъ занимавшихся исторіей цивилизація и общественно-политической жизни во Франціи не кидалась въ глаза громадная координирующая и даже пряме творческая двятельность женщинъ въ такъ называемыхъ литературныхъ и политическихъ салонахъ? Въ эгомъ отношеніи Франціи едва-ли не принадлежнтъ первое мёсто въ ряду культурныхъ странъ.

Возыште, не забираясь вглубь времень, хотя-бы семнадцатый вык, вы которомы вся работа французской общественной мысли, подъ давленіемъ леспотезма пентрализованной монархіи. Ушла въ летературу и разговоры о кнежныхъ сюжетахъ. И что-же? Сообразно съ идейнымъ теченіемъ эпохи, во главь образованнаго общества стали литературные салоны, и салоны, группировавшіеся вокругь женщинь и поль непосредственнымъ ихъ руководствомъ и вліяніемъ. За примеромъ недалеко ходить. Въ одномъ изъ последнихъ выпусковъ новой и подробной «Исторіи французскаго явыка, и французской литературы», выходящей подъ руководствомъ Пети де-Жульвил, какъ разъ разсматривается роль знаменитаго «отеля Рамбуйлье» и его не менъе знаменитой хозяйки-маркизы, урожденной Катерины де-Вивоннъ, «голубая комната» которой являлась центральнымъ пунктомъ всего мыслящаго въ ХУИ въкъ. Вдумайтесь въ значение этого литературнаго и общественнаго собрания, взвёсьте сравнительную важность едей, вышедшихь изь этой комнаты и распространившихся по всей образованной Франціи вплоть до вырожденія этого теченія въ жецанный педантизиъ «Précieuses», и вы убъдитесь, какую роль женщины играли въ работъ тогдашней мысли ").

Но воть наступаеть XVIII вікь, а съ нимъ торжество философски-общественной и политической мысли, которая обошла, можно сказать, въ эту пору небо и землю, подвергая безстрашной критиків вой общепринятыя понятія и гордо созидая изъ элементовъ «разума» храмъ всеобщаго счастія и свободы.

Сообразно съ измънившимся направленіемъ общественныхъ задачъ, чисто-литературные вопросы уступають мъсто философокциъ и политическимъ. Но умственнымъ средоточіемъ являются по прежнему салоны, и опять-таки салоны женскіе, хозяйки которыхъ продолжали координирующую роль своихъ предшественницъ XVII въка, хотя уже въ новой, болье живой, болье близкой къ влобамъ дня сферь. Опять-таки за примъромъ недалеко ходить. Совсьмъ въ последнее время вышла книга некоего Пьера де-Сэгюра, изображающая жизнь знаменитой г-жи Шоффранъ, которая была въ дружбъ и перепискъ съ коронованными особами и въ домъ которой, на улицъ

^{*)} См. L. Petit de Julleville, Histoire de la langue et de la littérature française; Парижъ, 1897, т. IV, вып. 26-й, особенно стр. 82—90 и 100—113.

Сенть-Оноре, собирались всё крупиващіе представители мысли и мекусства тогдащией Франціи,—что и подало поводь автору книги дать ей названіе «Королевство улицы Сенть-Оноре» *).

А сколько другихъ замёчательныхъ женщинъ принимали въ это время деятельное участе въ умственномъ движении страны, охваченной философскимъ и политическимъ энтузіазмомъ! Сколько и прямо и косвенно Франція была обязана этимъ выдающимся руководительницамъ салоновъ! И пусть не думаютъ, какъ это угодно было утверждать нёкоторымъ историкамъ, одержимымъ горделивой маней «сильнаго пола», пусть не думаютъ, говорю я, что эти женщины играли якобы лишь роль салонной мебели или, въ лучшемъ случать, приманки, вокругъ которой собирались блестище мужчины, стараясь одинъ передъ другимъ щегольнуть глубиной или новизною мысли.

Какъ, салонная мебель—г-жа Дю-Шатля, которая была учительницей Вольтера по физики и математики и которую этотъ несравненный умъ называль «ученой Ураніей»? Салонная мебель—г-жа Дю-Деффанъ, одна изъ самыхъ тонкихъ цинтельницъ людей и событій XVIII выка, переписка моторой съ Вольтеромъ, д'Аламберомъ, Вальполемъ нисколько не умаляетъ ея умственной фигуры даже въ сообдетви съ этими замичательными людьми? И простая приманка—М-lle Волланъ, эта вирия подруга Дидро, которая столько литъ умила понимать, умила отзываться на настоящій ураганъ геніальныхъ мыслей и благородныхъ чувствъ, поднимавшійся каждый день въ мозгу великаго энтузіаста?

Придвиньтесь теперь несколько ближе къ нашему веку, и почти на рубеже его вы встретитесь съ міровымъ движеніемъ первой революціи, въ которой опять-таки играють такую роль женщины. Но туть, сообразно съ изменившимися условіями, ихъ деятельность не ограничивается работой мысли въ философіи, литературе и теоретивирующей политике: она переходить въ жизнь, практику, простную борьбу партій. Самый характеръ умственныхъ центровъ общества меняется. На место литературныхъ салоновъ XVII века, на место философскихъ и абстрактно-политическихъ салоновъ большей части XVIII века, являются салоны уже чисто-политическіе (папр. г-жи Роланъ), а по мере расширенія движенія отступають передъ новой формой идейнаго общенія, клубами и политическими обществами, которые представляють собой попитку личностей образовать организацію и коллективно вмешаться въ ходъ исторія.

Туть, впрочемъ, кадръ нашей задачи помеволь расширяется, и намъ приходится говорить не только о женщинь высшихъ классовъ, но болье или менье о всей женской половинь націи, охваченной въ то время двяженіемъ. Ибо переворотъ, опрокинувъ общественным перегородки, смёшалъ и соединилъ для революціонной цъли раз-

^{*)} Pierre de Ségur, Le royaume de la rue Saint-Honoré; Парижъ, 1897.

личныя сословія, и, на ряду съ образованными женщинами, жены пролетаріевъ и рыночныя торговки ставили и общія политическія, и спеціально-женскія требованія. Мвнуя различныя перипетіи общей политической борьбы, укажу лишь на изкоторыя жизненныя и теоретическія проявленія женскаго вопроса.

Уже при самомъ начале движенія, а именно 5 октября 1789 г., женшены, собравшіяся на площади Людовика XV по зову Теруань · де-Мерикуръ, провозгласили «право на существованіе» и, указыван на ужасную нешету, которая давила въ то время особенно женщенъ изъ народа, требовали разрещения присутствовать на заседанияхъ Національнаго Собранія, что и было имъ дозволено въ теченіи въкотораго времени. Двъ-три недъли спустя (26-го октября того-же года) женщины адресовали свою первую петицію Національному Собранію, прося его дать доступь женщинамь ко всемь профессіямь, которыя подручны имъ, и провозгласить совершенное равенство обоихъ половъ. Во время медоваго месяца увлеченія новыми ндеями женщины твердо верили, что освобождение мужчинь оть политического гнета будеть сопровождаться освобожденіемъ женщинь оть мужскаго ига. 'И когда эти надежды не сбылись, наиболье энергачныя и развитыя женщины подняли борьбу за эмансипацію своихъ сестеръ подъ предводительствомъ талантливой и образованной писательницы, Олимпіи де Гужъ (Olympe de Gouges), сформировавмей въ семнадцати положеніяхъ программу эмансипаців. Въ заключенія этой программы, между прочимъ говорилось:

«Женщина рождается свободною и имъющею одинавовыя права съ мужчиной; ибо общественныя различія могуть основываться лишь на общей пользъ. Принципъ всякой власти пребываетъ по существу внутри самой націи, которая есть ничто иное, какъ союзъ мужчины и женщины. Нивавая ворпорація, нивакая инчность не можеть располагать иной виастью, проме той, которая вытекаеть изъ этого союза. Свобода и справединость состоять въ томъ, чтобы воздавать каждому изъ намихъ ближнихъ то, что принадлежить ему. Такимъ образомъ, пользование естественными правами женщины не имветь никакихь иныхь ограниченій. вроме вечной тиранніи, которую противоставляеть этимъ правамъ мужчина. И, однако, законъ долженъ быть выраженіемъ всенародной воли; всё гражданки, какъ и все граждане, должны участвовать лично или черезъ своихъ представителей въ установленіи упомянутой воли. Она должна быть равна для всёхъ. Всё гражданки, какъ и всё граждане, явияясь равными передъ нею, должны быть одинаково допускаемы ко всёмъ должмостамъ и общественнымъ мъстамъ, согласно съ ихъ способностами и безъ какого-бы то ни было иного различія, кром'в доброд'втелей и талантовъ. Женщина несетъ, подобно мужчинъ, государственные налоги: ясно, что, подобно ему, она имбетъ право потребовать отчета въ веденіи двяъ отъ каждаго агента администраціи. Женщина имфетъ право всходить на эшафотъ:--она очевидно, должна также имъть право всходить на трибуну» *).

^{*)} Си. статью Marya Cheliga, L'Evolution du Féminisme въ насловью разъ уже цитированномъ сборника Les Femmes et les Féministes, стр. 910.

Въ 1793 году, который представляль собою вульминаціонный пунеть революціоннаго двеженія, —въ этомъ особенно бурномъ году масса обществъ и политическихъ клубовъ выставила въ своихъ программахъ требованіе коренныхъ соціальныхъ реформъ, основанныхъ на равенствъ мужчинъ и женщинъ. Достаточно упомянуть общество Друзей конституціи, Братское общество обоихъ половъ, Братское общество рынковъ, Общество женщинъ республикановъ и революціонеровь, которыя вели сильную агитацію въ пользу женской эмансицацін. Но діятели первой реводюцін, за очень немногими неключеніями, смотрёли враждебно на женское движеніе. Оне пользовались въ разгаре политической борьбы энтузіазмомъ женщинъ. развертывая передъ ними широкіе горизонты общечеловіческой свободы. Но когда, отчасти благодаря этой поддержкв, они стали у власти, одной изъ самыхъ первыхъ политическихъ мёръ, проведенныхь этими врагами женской эмансипаціи, было исключеніе женщень изъ всякаге участія въ политической жизни по закону 20-го мая 1793 г. Есян ийсколько раньше, при самомъ начали революцін, лишь два представителя народа, Сьейесь и Кондоров, быле рашетельными сторонниками женской равноправности, то въ описываемый нами моменть только одинь депутать, ивкто Шарлье протестовань противь этого закона. Остальные же настойчиво требовали, — утопая въ терминахъ тогданней модной, подражающей греканъ и римлянамъ фразеологіи, - требовали отразать «безстыднымъ женщинамъ» доступъ къ политической деятельности и разъ навсегда покончеть со скандаломъ «особъ женскаго пола, облекавщихся въ мужскую тунику». Вскоре реакція противъ движенія женщинъ достигла провинціи, гдё всё женскіе клубы были закрыты въ силу декрета Конвента. И бъдныя піонерки виансипаціи, угнетаемыя центральной властію, османваемыя громаднымъ большинствомъ органовъ прессы и подвергавшіяся всевозножнымъ притесненіямъ толиы, отчасти разовянись в сошли съ политической сцены, отчасти нашли въ добровольной смерти выходъ изъ невыносимаго положенія, въ которое ихъ поставила начавшая улегаться революція.

Надо-ли говорить, что при Наполеоне I, съ его дикими взгладами на женщину и ея соціальную роль, малейшія проявленія женской самостоятельности были безжалостно подавляемы, и женщина была низведена исключительно на роль самки, производящей работниковъ для страны, чиновниковъ и солдать для государства. Единственнымъ пріобретеніемъ женщины (какъ и мужчины, впрочемъ) остался законъ о разводе 20-го сентабря 1792 г., перенесенный въ Кодексъ Наполеона (ст. 229—231) и смигчавшій требованіе мерасторжимости брака по ученію каголической церкви. Но и этоть законъ быль смыть волною *) новой сопіальной

^{*)} Онъ снова вошелъ во французское право, но и то въ ослабленной редакціи, лишь по закону 1884 и 1886 г.

реакцін, которая ознаменовала возвращеніе Бурбоновъ и періодътакъ называемой реставрацін. / «Пісстой параграфъ первой книги гражданскаго кодекса, касающійся развода», читаю я у літописца этой эпохи отъ 8-го мая 1816 г., «быль уничтожень закономъ, вотированнымъ въ объихъ Палатахъ и получившимъ санкцію короля. Этотъ законъ, подрергшійся сильному нападенію со стороны нікоторыхъ либеральныхъ ораторовъ, уже въ теченіе долгаго времени быль требуемъ религіознымъ чувствомъ католическаго населенія страны» *).

Но за то періодъ реставрація быль отмічень на ряду съ общимь пробужденіемь политической жизни послі военно-административнаго гнета Наполеона, возобновленіемь женскаго движенія. Оно выразилось отчасти возрожденіемь салоновь, напоминавшихь дореволюціонный періодь, но затронутыхь политической борьбой тогдашнихь партій; отчасти агитаціей въ самой отранів. Какь ни ярко прокидывалась во всіхь сферахь жизни соціальная реакція, пущенная въ ходь легитимистами, знаменательно, что въ періодъ реставрація появился новый женскій манифесть, почти столь же энергичный, какь и программа Олимпін де-Гужь, и провозглашавній со стороны женщинь необходимость «активнаго и пассивнаго сопротивленія». Около того же времени возникло и нісколько газеть, поовященныхь женскому вопросу: «La Tribune des Femmes», «La Gazette des Femmes»; но за недостаткомь средствь онів скоро прекратились.

При концѣ реставраців и во время іюльской менархіи женскій вопросъ вошель въ болѣе или менѣе тѣсную связь съ соціальнымъ вопросомъ, и освобожденіе женщины оть ига мужчины разсматривалось, какъ частный случай освобожденія всего человѣчества оть экономическаго и политическаго строя, основаннаго на конкурренців.

Среди самихъ женщинъ февральская революція возбудила большія надежды и вызвала сильное общественное и политическое движеніе. Повсюду составлялись женскіе клубы, образовывались комитеты, писались петиців, возникали газеты, требовавшія избирательнаго права для гражданокъ и допущенія ихъ ко всімъ общественнымъ должностямъ. Но опять-таки это эмансипаціонное движеніе разбилось въ значительной степени о сопротивленіе мужчинъ. Нікоторые мужскіе клубы открыли, правда, двери женщинамъ, и кой-кто изъ женскихъ ораторовъ пользовался вниманіемъ слушателей. Но громадное большинство отвічало сміхомъ и прибаутками на требованія равноправности со стороны женщинъ. Спеціальные женскіе клубы, въ роді, наприміръ, того, который быль основанъ Евгеніей Нибойе, превратились въ місто сборища шутинковъ и

^{*)} См. Abrégé chronologique de l'histoire de France par le président Hénault, continué jusqu'aux événements de 1830. Ouvrage entièrement revu par M. Michaud; Парижъ, 2-е явд., 1840 г., стр. 829.

гориановъ, которые не давани слова вымолвить женщинамъ. Лучше дъла обстоями съ прессой, насчитывавшей въ то время оъ десятокъ женскихъ газетъ, La Voix des Femmes, L'Opinion des Femmes, La Voix des deux Mondes, и т. д. Общественное миние было ближе приготовлено въ защить женскаго вопроса въ печати, чъмъ непосредственно въ самой жизни: читатели привыкли встречать женщинъ между изкоторыми любимъйшими авторами эпохи, и имя Жоржъ Зандъ было, напр., очень популярно.

Наиболье энергичныя сторонницы женской равноправности были вивоть съ темъ и горячими защетницами новаго политическаго и соціальнаго идеала. Факть знаменательный: реакція, последовавшая за імпьскими днями и приведшая три года спустя къ перевороту 2-го декабря, обрушилась нежду женщинами главнымъ образомъ на тахъ, которыя стояли за республику. Достаточно упомя-Роданъ, которая у самого HDOKYDODA ить имена Полины выввала признаніє: «эта женщина-фанатикъ, но честный человъвъ», Жанны Деруанъ, которая, подобно только что упомянутой двятельниць, была брощена въ Сенъ-Лазарскую тюрьму среди ворововъ и публичныхъ женщинъ; и т. д. Преследованія и изгнанія, Овнаменовавшія водвореніе второй имперін, захватили вначительное число піонерокъ женекаго движенія, а эффективи річь Виктора Гюго на тему: «XVIII-й выкъ провозгласняъ права мужчины, XIX-й провозгласить права женщины» была сказана (въ 1853 г.) вив предвловъ Франціи, на островъ Джерси, на могиль Луизы Жюльень, одной изъ жертвъ бонапартистской реакціи.

Женское движение снова проявилось во вторую половину имперін. Но, сообразно съ общимъ характеромъ либеральной опповиціи при имперів, большинство сторонинць женовой экансипаціи этой впохи рядомъ съ прогрессивными идеями въ сферъ политической держатся консервативных взглядовь въ области общечеловъческихъ соціальных вопросовъ. Стоять припоминть лишь буржуазныя разсужденія г-жи Кленансь Ройе насчеть необходимости грызни въ обществъ. Комечно, и въ это время пъкоторыя изъ выдающехся женщинь шин далеко не только по пути спеціальныхъ женских требованій. Какъ бы то ни было, и независимо отъ разнецы соціальнаго міровозарвнія, виансинаціонное движеніе женщинь въ конце второй имперіи связано съ именами Маріи Деремь, Гюбертины Оклоръ и Евгенін Потонье-Пьеръ, къ которымъ надо присоединить защитника женских правъ Леона Рише, основавшаго спеціальный органь Le Droit des Femmes, издаваемый въ теченіе почти четверти въка.

Различіе въ общихъ взглядахъ между сторонницами женскаго движенія, при единстві извістной доли ихъ спеціальной программы, должно было выразиться, и дійствительно ярко выразилось, при третьей республикі. Это различіе отражаеть лишь ту общую разслойку либеральнаго теченія, которая обнаруживается все сильніво

и сильнее, по мере того, какъ Франція отодвигается оть деспотическаго режима имперіи, и общественное мижніе, предоставленное самому себь, логически развиваеть различныя направленія мысли и различные общественные идеалы, волнующіе современниковъ. И общее усиленіе женскаго движенія и только что упомянутую дифференціацію міровозарвній можно прослёдить на разныхъ явленіяхъ. Таковы, напр., интернаціональные женскіе контрессы, первый изъ воторыхъ вибать место въ 1878 г., а посабдній, впервые отврытый публика, осенью 1896 г., тогда какъ въ промежутка происходили другіе конгрессы и засъданін: въ 1889 г. конгрессь, пріуроченный (подобно первому) въ всемірной выставки и соединившій много француженовъ и инострановъ; въ 1891 г. собраніе такъ называемаго Всеобщаго женскаго союза, которое установию окончательно связь между всемірнымъ движеніемъ въ пользу женщинъ и общественнымъ мивнісмъ во Франція; въ 1893 г., интернаціональный контрессъ, организованный уже упомянутымъ союзомъ и новой «Франдузской федераціей женщинъ»; въ томъ же 1893 г. засёданія комитета этой федераціи, комитета, который выработаль «Тетрадь женских жалобъ и требованій» (Cahier des doléances féminines), напоминающую своимъ заглавіемъ знаменитыя тетради 1789 г.

Что васается до различныхъ женскихъ обществъ и организацій, то самый бытини взгиндъ на ихъ тенденцін и программы уже указываеть на ту глубину дифференціаців, которой подверглось мірововврвије сторонниковъ и сторонницъ женской равноправности. Нечего говорить о томъ, что последователи самаго крайняго общественнаго міровозврвнія не составляють въ настоящее время многочисленной «феминистской» группы. Они подчиняють женскій вопросъ соціальному; они не вірнть даже въ возможность рішнть первый независимо оть последняго. Таковъ взглядъ и сайнхъ жейщинъ, принадлежащихъ въ этой партін, въ родё Паулы Минковской (Paule Mink, какъ называется здёсь эта получившая право французскаго гражданства полька). Воть почему спеціальныя женскія общества далеко не выражають распространенности среди женщинъ рабочаго класса взглядовь на женскую равноправность: для жень и сестеръ продстаріевъ эта рависправность является фактическов при всеобщемъ гнете капитала, не различающаго въ этомъ смысле мужчину оть женщины. И во Франціи есть сравнительно не мало рабочихъ женскихъ организацій, которыя, однако, нисколько не подчеркивають своего спеціальнаго характера и не могуть найти мёста въ этой статью. Изъ числа такихъ женскихъ обществъ, существующихъ въ Париже, можно, впрочемъ, упомянуть Союзъ (Sindikat) прачевъ и больничныхъ сидъловъ, который въ общинъ требоврніямъ программы присоединяєть еще спеціальныя требованія радикальнаго характера, касающіяся политической правоспособности конщинъ. Но изъ собственно женскихъ организацій, въ одномъ Ща чжв можно насчитать (нди слева направо, согласно окраске

программы): Всесобщій союзь женщинь, преследующій широкое преобразованіе женскихъ правъ и всего строя на почві федераціи народовъ; общество «Солидарность», выставляющее радивальныя требованія главнымъ образомъ для французскихъ женщинъ; общество «Равенство», сводящее нова свою практическую программу къ достижению изкоторыхъ здементарныхъ правъ, въ которыхъ Наполеоновскій кодексь отказываеть женщинь. И таково же направленіе «Французской лиги, борящейся за права женщинъ» и «Общества для улучшенія положенія женщины и признанія ся правъ. Консервативныя тенденціи представлены обществами «Предвозвістинца» и «Христіанскія феминистки». Какъ видито, эманонцаціонное двеженіе захватываеть разлечные слои инсле и уживается оъ различными оттенками общаго мірововзренія. Но что всего нитересиве въ последије годы, это распространение между мужчинами более здравыхъ взглядовъ на женскую самостоятельность и ослабленіе чудовищно преврительнаго отношенія къ женщинь, лишь только она выражала желаніе жить, мыслеть, чувотвовать и развиваться не только для мужчины, но и для самой себя.

Дъйствительно, печально было видъть, какъ во Франціи, за самыми немиогими исключеніями, наиболье сильные мужскіе умы мало
чёнь отличались оть заурядныхъ мужчинъ въ вопрось о соціальномъ и политическомъ положеніи женщинъ. Зачастую, серьевные
дъятели и искренніе прогрессисты и демократы лишь ръзче и ярче
отражали воззрѣнія или, лучше сказать, рутинные вкусы своихъ
среднихъ собратовъ. Не буду останавливаться на Прудонь, о взглядахъ котораго столько уже писалось и который, ничтоже суминшеся, построняъ свою аргументацію противъ женщинъ на посылкахъ, заимствованныхъ у римскаго законодательства или же католической церкви. Но кто изъ французовъ не декламироваль съ жаромъ и убъжденіемъ страстныя обличенія поэта - мыслителя, направленныя противъ женщинъ болье полвъка тому назадъ:

«Въчная борьба ведется всегда и повсюду на землъ, на глазахъ Бога, между мужской добротой и женскимъ коварствомъ, ибо женщина есть существо нечистое и тъдомъ, и душой» *).

Кто изъ бородатой половины человачества не чувствовалъ своего превосходства, кичась действительно возмутительнымъ стихомъ того же поэта, который и принужденъ оставить здёсь въ оригиналё:

• La femme, l'enfant malade et douze fois impur! И еще сравнительно недавно, одинъ изъ подававшихъ серьез-

^{*)} Cm. Alfred de Vigny BE ero «La colère de Samson»:

Une lutte éternelle en tout temps, en tout lieu
Se livre sur la terre, en présence de Dieu,
Entre la bonté d'Homme et la ruse de Femme,
Car la femme est un être impur de corps et d'âme!

жыя надежды поэтовъ, горячій республиканець и овободный мыолетель, именно во имя служенія возвышеннымъ принципамъ, читаль такую тиораль тионошамъ:

«Молодой человые», оставь женщину пресмываться у твоих ногы! Иди съ гордо поднятымъ челомъ и сохрани свое пламя для болые благо-ролной любен; и будетъ-ли то герцогиня, буржувака или гризетка, не дылай изъ этой красивой игрушки ничего другого, кромы забавы на одниъ день... Посмотри: легкомысленна женщина, полна невыжества и фривольности; и ея капризъ, словно бабочка, устремляется къ пустякамъ. Всякая побрякущка прелыщаеть ее, всякій блуждающій огонекъ одурачиваеть ее; это вычный ребенокъ, жалкая душа, которою управляеть патеръ при помощи своего кропила».

А воть въ какихъ выраженіяхъ грозный судья обращался къ-

Женщина! Какой глупець, какой осель захотёль украсить твой увий лобь ореоломь идеала и разрушить твое очарованіе, стараясь втиснуть въ твой черень, въ твой легковесный мозгъ знаніе съ его холоднымъ и строгимъ взглядомъ? Я же хочу тебя, о женщина, невежественной, хочу тебя глупой, такой глупой, чтобы ты жевага траву, чтобы ты инчего не понимала, не имъла ничего въ сердцё ин въ головъ, была тупа какъ быкъ и послушна какъ собака... Какое мив дъло до твоего сердца? До твоей души? Я люблю лишь твою форму и хочу лешь твоего тъла, и т. д. и т. д. *).

И воть эта-та возмутительная точка эрвнія мужчині-эгонота. Властно выпрививающаго, на подобіе султана, «я хочу тебя такой», «IOTY STAKOË», HE HOLOSPERAL, TO H MEHILIHHA MOMETE SACABLITECE «Вгрой въ такіе же лекреты серлпа и фезіологических» ошущеній.— Эта точка врвнія сталь замітно ототупать на задній плань передь болье виравыми и человраемии взглядами въ послединя пять - десять леть. Метаморфова ота отчасти отразвивсь на инкоторыхъ песателяхь-ветеранахъ, начавшихъ свою деятельность еще подъ -выявиемъ отарыхъ возорний, а впоследотви заменившихъ новыми: напомею лишь Алоксандра Дюма-сына. Отчасти же современное міровозарініе захватило сравнительно молодыхъ людей, жоторые пробуждались въ сознательной жизии и общественной даятельностя въ последнее десятилетіе. Назову между ними: двухъ братьевъ Рони, романы которыхъ, не смотря на тажелую и быющую на оригинальность форму, заключають въ себв изображеніе какойнибудь серьевной стороны общественной или личной психологіи: талантиваго драматурга Поля Эрвьё (Hervieu), две недавнія пьесы жотораго, «Клеще» я «Законъ мужчены», возбудили въ публикъ и между органами прессы оживленные толки и полемику; остроумнаго

^{*)} Навывается этотъ женоненавистникъ, сошедшій, если не ошибаюсь, со сцены вскоріз посліз перваго томика своихъ звучныхъ стиховъ, Шеве (Chevé). Я цитирую по сборнику статей Liudes sociales, philosophiques et morales уже упомянутой мною машей талантинной соотечественницы В. Н. Никити-жой (В. Сепdre). Паршиъ, 1886, стр 361—362.

N 6, 02225 II.

оратора и философствующаго (не всегда, впрочемъ, достаточно глубоко) публициста Леопольда Лакура, который, посвятивъ первурполовину своей уже цитированной мною книги объ «Интегральномъ гуманизме» «дузли половъ», во второй половина деласть ваключение о «городъ будущаго», какъ объ общественномъ стров. нуждающемся для своего осуществленія въ полевёшемь равенстваправъ и обяванностей мужчины и женщины; Жоля Буа, которому увлечение сатанивномъ и прочимъ «чертобисиемъ» не ившаеть быть искреннимъ сторонникомъ женской эмансинаціи; романиста Люсьена. Декава, который свою ненависть противь гиста дисциплины въ военной сферь (см. его сильный этодъ Les sous-off) перемесъ на. тираннію мужчины; аббата Виктора Шарбоннамя (Charbonnel), который тщетно пытается винть новое вино демократів въ старые межи католицизма (вспомните его проекть Всемірнаго Конгресса религій въ Европ'в) и т. д. Я, конечно, не говорю о тіхъ представителяхъ передовой мысли, которые не желають быть исключительно «феминистами», не желають именно потому, что смотрять на женскій вопросъ, какъ на одну изъ частныхъ сторонъ грандіовнагообщаго вопроса и посвящають этому последнему все оным свои, но которые темъ не менее приветствують всякій даже малейшій шагь общества по пути освобожденія женщины.

Наблюдая современное положение женскаго вопроса во Франців, я склоняюсь въ той мысли, что новый серьезный толчовъ въращеню его будеть исходить оть самихъ женщинъ. Я разумбютахъ женщинъ изърабочаго класса и изъ промышленной или интеллектуальной буржуазіи, которыя уже въ настсящее время играютъ такую же роль въ борьбв за существованіе, какъ и мужчина, зачастую даже превосходя его быстротой пониманія и оцінки, искоторыя не рашаются изъ-за боязни традицій потребовать отъ страны законнаго признанія ихъ равноправности съ мужьями и отцами. Но и этому новому шагу научить французскихъ женщинъ самажень. Воть почему въ конців концовъ окажутся, можеть быть, ближе въ ціли тіз изъ нихъ, которыя, не выділяють женскаго вопроса изъ современной общественной задачи и борятся рука объ руку съ мужчинами.

Изъ Германій.

После управдненія неключительнаго закона въ 1890 году и отклоненія репрессивнаго законопроекта въ 1894 г., въ парламенталь
пемецкихь странь то и дело заходить речь о ревизіи и реформе
законодательства объ обществахъ и собраніяхъ. Мотивы, руководящіе въ этомъ случає различными партіями, различны. Интересы сохраненія политическаго могущества прусскаго викерства были той почвой, на которой вырость новый законопроекть о совзахъ и собраніяхъ, внесенный недавно въ прусскую палату и вызвавшій во всей
Германіи то крайнее возбужденіе, какое съ начала 90-хъ годовъ
сдёлалось своего рода періодическимъ явленіемъ. Можно сказать, что
формула: «прусская реакція и угроза единству имперія» сдёлалась
періодическимъ кличемъ въ обиходё нёмецкой жизни для отраженія
всякаго рода бёдъ, ндущихъ какъ разъ отъ того государства, которому на свою бёду объединенная вмперія предоставня а гегемонію
надъ собою.

Начало болбе новаго законодательства о союзахъ и обществахъ въ Германія слідуєть отнести въ прусскому земскому праву 1794 г. *). Въ этомъ кодексв заключены прежде всего частно-правовыя нормы касательно обществъ, предназначенныхъ исключительно служить емущественнымъ выгодамъ ехъ членовъ. Далее следують всякія другія общества съ корпоративной организаціей; ихъ основаніе дозволено и безъ предварительнаго разрашенія, если цали и даятельность таких обществъ не угрожають общественному порядку и тишинъ. Правда, государство сохраняло за собою право закрывать эти общества каждый разъ, «когда оне тормозили или причиняли ущербъ другимъ общенолезнымъ учрежденіямъ». Если же какоенибудь общество возники съ разръшенія власти, то его закрытіе вовможно лишь на убъдительныхъ основаніяхъ общаго блага и при условін достаточнаго матеріальнаго возміщенія; въ этомъ посліднемъ могло быть отвазано въ томъ лешь случав, если члены даннаго общества по строгому судебному разследованію погрёшили противъ требованій закона. Подъ вліянісиъ французской революцін были однако, какъ въ Пруссін, такъ н въ другихъ нёмецкихъ странахъ, воспрещены все общества, занимавшіяся обсужденісмъ политических вопросовъ, или подчинявшіяся неизвістими высшинь властимъ, или члены которыхъ по статутамъ обизывались замалчивать двив своихъ обществъ передъ посторонними людьми.

^{*)} Cm. Mascher: Vereins-und Versammlungsrecht in Deutschland. 2 Auflage, 1892.

На этой точки вринія оставались до 1848 года большинство ийменких государствъ. Образование обществъ, не имавшихъ полити-THE THE TABLE TO THE TABLE THE THE TABLE TO THE TOTAL TO THE TABLE TO шества или требовали для своего основанія предварительнаго разрешенія, наи совершенно воспрещанись. Такъ, напр., указъ баварскаго правительства отъ 1818 года, котя и признаеть инчиую свободу гражданъ и ихъ право участія въ общественныхъ діявхъ, но не насть нив ассопіаціонных правъ- «исходя изв того убежденія. что нотинное благо государства и его гражданъ можеть быть споопашествуемо лишь правительствомъ, которому одному и надлежетъ вавъщивать напичныя отношенія и по иниь опредълять требованія общаго благополучія». Въ указъ того же правительства отъ 1832 г. сказано: «Ваварская конституція нигді не предоставляеть гражданамъ права произвольнаго образованія политическихъ асеопіацій раномъ съ существующими государственными, общинными и представительными учрежденіями; образованіе такихь ферейновь безь можиючения по прежнему зависить отъ предварительнаго представденія статутовь правительству и оть разрёшенія этого послед-

Оть намеченных здёсь принциповь отступали лишь неместа государства, какъ Ваденъ въ своихъ законахъ объ обществахъ и собранияхъ отъ 1833 года, Вюртембергъ въ законахъ отъ 1839 г., а конституция Саксенъ-Мейнингена уже въ 1829 г. полностью признала свободу и право союзовъ.

Лишь законодательство 1848 года и последующаго времени окончательно отступило оть начала, въ силу котораго образовавіе союзовь и совывъ собраній зависьки оть предварительнаго разрішенія. Образцомъ для законодательства этого времени послужильшь особенности для Пруссін, Ваварія и Саксоніи—французскій законъ о собраніяхъ и союзахъ оть 1848 года. Въ настоящее время действующимъ законодательствомъ въ интересующей насъ области являются—въ Пруссін: т. н. законъ о предупрежденія угрожающихъ законюй свободі и порядку злоупотребленій правомъ союзовъ и собраній, оть 11 марта 1850 г.; въ Ваварін: законъ оть 26 январа 1850 г.; въ Саксонін: законъ оть 22 ноября 1850 г.; въ Вюртембергі: законъ оть 2 апріля 1848 г. и полицейскія постановленія оть 27 декабря 1871 г.; въ Бадені: законъ оть 21 ноября 1867 г. Въ Эльзасі и Лотарингія остаются еще въ силі изданные до 1870 г. французскіе законы.

Въ виду занемающаго въ наотоящее время общественное внеманіе прусскаго законопроекта, ны остановямся здёсь по превнуществу на главийшихъ постановленіяхъ прусскаго законодательства объ обществахъ и собраніяхъ, отийчая попутно тё особенности,

^{*)} Cm. Iosef Grossmann: «Vereins und Versammlungspolizei in Bayern» Schmoller's Iahrbücher 1896, 3 Heft.

которыя отличають его оть соотвётственных ваконодательствъ другихъ союзныхъ государствъ Германіи.

Права собраній и союзовъ установлены, какъ основныя права населенія, въ слёдующихъ статьяхъ (29 и 30) прусской конституціи:

Вой прусскіе граждане иміють право безь предварительнаго разрішенія властей мирно и не вооруженными собираться въ закрытыхъ поміщеніяхъ (29). Оди иміють кромів того право соединяться въ общества для цілей, не противорічащихъ законамъ страны (30). Одинаковыя съ этимъ постановленія существують почти во всіхъ німецкихъ государствахъ: только въ Мекленбургъ-Шверині, Мекленбургъ Стрелиція и Эльзасъ-Лотарингіи требуется предварительное разрішеніе начальства для образованія политическаго общества и для совыва политическаго собранія.

Само собою разумается, что въ предълахъ имперін полноправнымъ гражданнюмъ считается каждый намецъ. Права иностранцевъ на участіе въ политическихъ обществахъ и собраніяхъ подлежать сомивнію; ихъ участіе въ собраніяхъ не всегда поддается контролю, а изъ состава политическаго общества они могутъ быть всегда исключены.

Принципъ свободы собраній и обществъ, ограждая гражданъ отъ полицейськъъ посягательствъ, не исключаетъ тёмъ не менёе нёкоторыхъ ограниченій, вытекающихъ изъ особенностей положенія даннаго лица. Такъ лица военнаго званія не им'яютъ права произвольно собираться и организовываться въ общества и начальство можетъ воспрещать имъ принимать участіе въ обществахъ и собраніяхъ. Пося'єдняя м'яра особенно настоятельно проводится военнымъ начальствомъ по отношенію къ рабочимъ обществамъ и собраніямъ.

Полицейскія предписанія относительно собраній и обществъ различны, смотря потому, преслідують ли данныя общества и собранія публичныя (öffentlich) задачи или ність. Законы не дають точнаго опреділенія понятія публичности, требують однако, чтобы относительно собраній публичнаго характера созыватели этихъ посліднихъ заявляли містной полиціи не позже, чімъ за 24 часа до начала собранія. Въ заявленіи должны быть указаны місто и время собранія. Полиція обязана тотчась засвидітельствовать предъявленное ей заявленіе. Публичныя приглашенія на собраніе, ділаются ли они путемъ наклейки особыхъ афишъ, или опубликованіемъ въ газетахъ, должны быть скріплены подписью созывателей.

По баваровниъ законамъ при заявленіи полиціи о политическомъ собраніи требуется, кромѣ указанія мѣста и времени, указаніе также и цѣли собранія. Между тѣмъ Баденъ и Саксенъ-Кобургъ-Гота совсѣмъ не знають заявленій, а въ Вюртембергѣ такого заявленія не требуется, есля праглашеніе на собраніе сдѣлано публичнымъ образомъ. Въ Пруссіи публицими собранія могуть продолжаться далеко за полночь; собранія, напр., извозчиковь, поваровь, булочниковь и т. п. начинаются обыкновенно после полуночи, т. е. когда этогь людь свободень оть работы. Но въ другихъ изстностяхъ Германіи время и продолжительность собраній зависять оть действующихъ полицейскихъ постановленій на счеть т. н. Polizeistunde, т. е. оть времени закрытія ресторановь и другихъ публичныхъ «локаловъ».

Для публичных собраній подъ открытымь небомь требуется предварительное письменное разръшение мъстной полицейской власти. Заявление о такомъ собрании должно быть сдёлано не повже, чёмь 48 часовь по начала собранія, которое можеть быть воспрещено, если есть основание опасаться угровы общественному спокойотвію и порядку. Въ случав же разрішенія собранія, полиція исжеть принять всё необходимыя мёры предосторожности. Въ Саксонін, Бремень, Брауншвейгь и других в мелких государотвах разрашение собраний подъ открытымъ небомъ вависить отъ свободнаго усмотрънія начальства; въ Эльзасъ-Лотарингін, обоихъ Мекленбургахъ н Гамбурга такія собранія совершенно воспрещены. Само собою понятно, что похоронныя и церковныя процессіи, свадебныя собранія и т. п. не подлежать такить полицейскимъ ограниченіямъ. Савдуеть еще упомянуть, что публичныя собранія не должны быть допущены въ Пруссіи въ предвлахъ двухъмиль отъ резиденціи кородя и отъ ивста нахожденія парламента (дандтага и рейхстага). При этомъ подъ резиденціей понимается место нахожденія короля въ каждый данный моменть, а относительно парламентовъ следуетъ виёть въ виду лишь продолжительность сессіи. По баварскить законамъ принята въ разсчеть иншь палата депутатовъ, оть которой на разотоянін 6 часовъ (взды или ходьбы?) не могуть быть допущены народныя политическія собранія.

На обязанности предсъдателя собранія, подлежащаго полицейскому контролю, лежить заботиться о порядкі и законности. Оят должень лишать слова ораторовь, преступившихъ требованія закона, и закрыть собраніе, если его требованіе не находить удовлетворенія. Собранія могуть постановлять резолюція, но могуть эти резолюція, петиців или адресы передавать властямь, парламенту и пр. черезь посредство не болье десяти лицъ.

Въ собранія публичнаго характера м'єстная полиція вправ'є посылать для надзора одного или двухъ своихъ агентовъ, которымъ должны быть предоставлены особыя м'єста на трибуні. Полицейскій коммисаръ можеть требовать оть предсёдателя названія имени того или другого оратора, онъ помогаеть также предсёдателю поддерживать порядовъ въ собраніи, но лишь въ тёхъ случаяхъ, гдё власть предсёдателя оказывается недостаточной. Представители полиціи должны съ своей стороны легитимироваться передъ собраніемъ путемъ или формы, или другихъ признаковъ; н эти только агенты и признаются облеченными властью. Нерёдко поэтому можно наблюдать, какъ предсёдатель, узнавъ о присутствім на собранім посторовнихъ тайныхъ или явныхъ агентовъ полицін, предлагаетъ имъ оставить залъ. Въ Пруссім полицейскіе представители являются обыкновенно въ полной формѣ съ каской, въ южной Германім діло обстоитъ нёсколько патріархальнёе: полицейскій коммисаръ имѣетъ съ собою въ качестве служебнаго признака лишь форменную фуражку.

Облеченый правомъ надзора полнцейскій коммисаръ можетъ распустить собраніе по развымъ основаніямъ: 1) если предсёдатель не предъявляеть ему засвидётельствованнаго полицієй заявленія о созывё собранія, 2) если собраніе началось болёе чёмъ часъ спусти послё того времени, которое было указано въ заявленіи, или если собраніе было продолжено послё болёе чёмъ часовой паузы; 3) если на собраніе дёлаются и обсуждаются предложенія, призывающія или подстрекающія къ наказуемымъ дёлніямъ; 4) если на собраніе явелись вооруженные и не слёдуютъ приказанію удалиться; и наконецъ 5) если собраніе было заявлено отъ имени политическаго общества (а не какъ общее публичное—öffentlich) и на немъ присутствують женщины, ученики и подмастерья, не слёдующіе приказанію удалиться.

Независимо отъ полицейской практики; не отвѣчающей часто смыслу закона (въ этомъ отношенів, какъ мы увидимъ ниже, особенно грѣшить саксонская практика), въ нѣкоторыхъ государствахъ еще болѣе расширены основанія для распущенія собранія: такъ въ Эльзась и Лотарингіи распущеніе возможно, если дебаты собранія касаются предметовъ, не находящихся въ связи съ вопросомъ, стоящимъ на очереди собранія; въ Мекленбургѣ—если полицейскому коммисару отказано въ мѣстѣ; и т. п.

Доля немецких женщинь въ отношени права участия въ пометических собраниях не по всей Германи одинакова. Въ Пруссіи оне могуть присутствовать, дебатировать и руководить на т. и.
публичных собраниях, между темъ какъ ихъ участие на собраниях политических обществъ и самое участие въ таких обществахъ въ качестве членовъ не допускается. Понятно, что пруссачки
очень недовольны такимъ ограничениемъ ихъ Vereinsrecht, ихъ
союзнаго права, но темъ усердиве оне стводять душу при посредстве публичныхъ политическихъ собраний, которыя, въ особенности
въ Верлине, насчитываютъ сотни и тысячи женщинъ, съ женскимъ
президентомъ, женскимъ бюро и женскими «орднерами», следящими
ва порядкомъ.

Въ противоположность пруссачкамъ, баварки, по строгому симску законовъ, не только не могутъ быть членами политическихъ обществъ (politischer Verein), но и не могутъ участвовать на публичныхъ собраніяхъ, обсуждающихъ общественные вопросы (öffentliche Angelegenheiten). При растяжниости понятія «öffentlich», которое при современныхъ условіяхъ далеко не совпадаеть съ представленіями

объ общественных делахъ 50 лёть тому назадъ, когда сотинялнов дъйствующіе законы, — баваркъ можно бы формально воспретить: занатів делами благотворительности и прочими скромными матерінии. Но здравый симсять опереднять здісь педантическій симсять вакона, да къ тому еще прибавилось кваленное баварское добродуше, не ставящее всякое лыко въ строку. Это, конечно, недостаточная гарантія законности, варнае-справединости, въ виду чегои въ Баваріи, какъ повоюду, слышатся настоятельные голоса въпользу реформы устаръвшаго законодательства. Тёмъ временемъ на. публечныхъ полетеческих собраніяхь въ Баварін сплощь да рядомь ножно встратить женщинь, и радкому коминсару вабредеть. въ голову распускать изъ за этого собраніе. Конечно, дразнить гусей все-таки не следуеть, поэтому одна спрачется за спину своегомужа или брата, другая покрость голову мужской шляпой, а господинъ коммисаръ съ добродушной пивной физіономіей смотрить. сквовь пальцы на весь этоть «противуваконный» маскарадь.

Баловнемъ заксновъ и еще более баловнемъ административнополицейской синсходительности являются женщины въ Вюртемберге. Здёсь законодательство о собранияхъ и союзахъ, вообще говоря, самое либеральное. Къ этому присоединиется еще чрезвычайно
либеральная практика, объясняющаяся историческими причинами.
Женщины Вюртемберга могутъ безпрепятственно участвовать какъ
на ферейнскикъ, такъ равно и на публичныхъ политическихъ собранияхъ, и никто не скажетъ, чтобы швабския матроны отличалисьособенною политическою разнузданностью. Напротивъ, пруссачки
въ этомъ отношение куда более бойки.

Касательно права обществъ чрезвычайно важенъ § 8 прусскаго узаконенія по этому предмету, послужнящій источникомъ всей пардаментской кампаніи и того политическаго возбужденія, о которомъя упоминаль въ началі этого письма. Этоть § гласить: на общества, преслідующія политическія ціля и ихъ обсужденіе на собраміяхъ, распространяются слідующія постановленія:

- а) Они не должим принимать къ себъ женщинъ, учениковъ но поднастерій въ качествъ членовъ:
- b) Они не должны вступать въ сношенія съ обществами одинаковаго характера для преслідованія общихъ цілей. Разъ эти ограниченія нарушены, то містная полиція, сохраняя за собою право судебнаго преслідованія виновныхъ, можеть впредь до судебнаго рішенія объявить общество закрытымъ... Этогь же § воспрещаеть женщинамъ, ученикамъ и подмастерьямъ присутствіе насобраніяхъ политическихъ обществъ, въ противномъ случай наблюдающій коммисаръ можеть распустить собраніе. Баварія, Саксонія и др. боліве мелкія государства, вмісто учениковъ и подмастерій называють малодітнихъ.

Еще маленькая подробность и мы исчерпали главийнія постамовленія объ обществахъ и собраніяхъ. Эта подробность касается: формы распущенія собранія. Для этой ціли уполномоченный полицейскій коммисарь должень только во всеуслышаніе ваявить объэтомь собранію и покрыть свою голову каской. Собраніе обязанопослі этого немедленно оставить заль, въ противномь случай можеть быть прибігнуто къ вооруженной силь. Коммисарь не обявань объяснять собранію резоны распущенія, но руководители собранія могуть обжаловать дійствія коммисара передь его ближайшимь начальствомь и до высшей инспекцін—высшаго административнаго суда.

Если такимъ образомъ въ 22 государствахъ германской имперів чуть яв не отолько же раздичныхь законодательствъ объ обществахъ и собраніяхъ, то разнообравів административной и полипейской практики и истолкованія законовъ не подкается прибливительному исчислению. Политическое развитие измецкаго народа, а также и вагляды на задачи государства такъ радикально изменились за последніе 50 леть, что составленные тогда и еще поные действующіе законы являются, по выраженію одного уміревнаго депутата, «насмёшкой надъ основными правами народа». Вывшій баварскій министръ фонъ-Пфордтенъ заявиль какъ то въ палать депутатовь: «Если спросить, какъ обстоить теперь явло въ Баварів, то я отвічу: баварскій народъ не имінеть союзнаго права н если мы, правительство, захотимъ, то можемъ завтра же объявить все ферейны Баварін закрытыми». За полотолетіе, протекшее со времени изданія действующаго нына законодательства, общественныя отношенія німцевь усложнимись до меувнаваемости, самы намцы стали самостоятельнае. Громадныя вадачи, вытекающія изъ могущественнаго положенія объединенной имперіи, инкониъ обравомъ не могуть быть выполняемы безъ содъйствія богатыхъ силь Hapona.

При этихъ условіяхъ будуть понятим слова, сказанныя имперскимъ канцлеромъ княземъ Гогендов при обсуждении новаго законопроекта о собраніяхъ и обществахъ въ прусскомъ дандтагѣ: «Я не смущаясь заявляю, сказаль между прочимь престарвыми князь, что считаю право союзовъ и собраній однимъ изъ драгопаннайшихъ вавоеваній, однимь изъ неизбежнейшихь средствъ дли политическаго развитія и воспитанія народа». Съ этой точки зранів можно. по меньшей мёрё пожалёть, что это «драгоцённое завоеваніе» въ его далеко не совершенной современной форм'в нер'вдко лежить въ такихъ рукахъ, которыя годятся на все, что угодно, только не на политическое воспитание народа. Хорошо еще, если это тертый городской коммисаръ полицін, дійствующій на глазахъ своего начаньства; но это сплошь да рядомъ можеть быть сельскій урядникъ ние жандарыт, призванный разбираться въ хитросплетеніяхъ законовъ объ угровъ общественному порядку и законности. Извъстенъ тоть курьевъ изъ полицейской практики, когда наблюдающій агенть. слыша во время лебатовъ слово «тема» и предполагая. что это что.

то незаконное или неприкосновенное, вдругь заявиль: über «Thema» darf nirht gesprochen werden и тотчасъ распустивъ собраніе. Въ особенности богата такими «воспитательными» эпизодами полицейокая практика прекрасной Саксонів. Недавно депутать Бебель выпустиль для общаго назиданія книжку со сводомь запрещенныхь и распущенных собраній въ Саксонін за последніе 2—3 года *). Для примъра приведу несколько случаевъ: въ одномъ местечев было воспрещено собраніе, потому что по близости не было отхожихъ мъстъ; въ другомъ мъстечкъ, потому что было лишь одно отхожее мъсто. Мы встръчаемъ далее случай воспрещения, потому что въ данной местности не оказалось достаточно полиціи, или потому что ваборъ сада, въ которомъ должно было происходить собраніе, представился недостаточнымъ (nicht geeignet). Общество натуральнаго леченія (Naturheilverein) просило о разрівшеній собранія для прочтенія реферата о женских бользияхь. Оно было воспрещено въ виду неподходящаго характера реферата для молодыхъ незамужнихъ жениенъ и «проистекающей такимъ образомъ опасности иля общеотвеннаго спокойствія и нравственности». Сходний съ этимъ случай касается воспрещенія собранія, на которомъ предполагалось товорить объ уходъ за грудными детьми и леченіи детскихъ больз- • ней, потому что «эта тема представляла опасную угрозу общественному спокойствію, тишина и порядку въ физическомъ отношенін (in gesundheitlicher Hinsicht)». Въ Лейпцигь на од--момъ .собраніи предподагалось говорить о дюбви въ современномъ обществъ, собраніе было воспрещено, потому что «эта тема склонна умалеть качества современной жизни на счеть прославленія общества будущаго». Наконецъ въ одномъ м'ястечкі литературный влубъ предполагаль собраться для прочтенія реферата о «Фаусть» Гете. Собраніе было воспрещено въ виду того, что настоящая тема даеть «достаточно поводовъ» коснуться общихь соціальныхъ и политическихъ вопросовь и настроить слушателей противь существующихь ваконовь и существующаго порядка.

Вотъ еще 1—2 примъра изъ практики лишенія слова оратора полицейскими чинами: депутатъ рейхстага, говорившій на одномъ собраніи въ Глахау, былъ лишенъ слова, потому что онъ объяснялъ многочисленные случан самоубійства нуждой и матеріальными лишеніями и кромѣ того замѣтилъ, что милліонеры не имѣютъ основаній налагать на себя руки. Въ Лейпцигѣ былъ лишенъ слова одинъ ораторъ, потому что критиковалъ китайскаго вице-короля Ли-Хунъ-Чанга... На собраніи переплетчиковъ въ Дрезденѣ полицейскій чиновникъ потребовалъ отъ предсёдателя прервать на время оратора, такъ какъ ему, чиновнику, необходимо сходить для естественной надобности... Этихъ примъровъ пожалуй достаточно. О нѣмецкой

^{*)} Die Handhabung des Vereins-und Versammlungsrechts im Königreich Sachsen.

вудьтурі можно бы получить очень плохое миніе, если бы судить о ней по этимъ кунстштюкамъ полицейского начальства, являющимся лишь продуктомъ соціально политической обостренности въ наиболіве промышленныхъ странахъ Германіи, къ каковымъ принадлежать Пруссія и Саксонія.

Но въ пределахъ имперін есть земли, въ которыхъ мы видимъ совсёмъ иное. Къ нимъ принадлежить прежде всего Вюртембергъ. Всё, кому близка къ сердцу прогрессивная реформа законовъ объ обществахъ и собраніяхъ, указываютъ обминовенно на Вюртембергъ: вотъ, дескать, образцовое законодательство!.. Между темъ при ближайшемъ разсмотреніи оказывается, что все вюртембергское законодательство состоитъ изъ 3—4 пунктовъ, а все остальное представляетъ неписанный законъ и традиціонную практику*).

Эта краткость вюртембергскаго законодательства даеть при желаніи много простора для полицейскаго вмішательства и репрессій,
а между тімъ административная практика сложилась здісь въ самомъ либеральномъ духъ. Мы виділи выше, что для созыва собранія въ Вюртембергі достаточно лишь опубликованіе такого созыва
въ газетахъ или въ афишахъ. Извістно даліе, что на собранія
являются здісь полицейскіе надзиратели только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. И т. д. Спращивается, почему слежились здісь
такіе порядки, что на нихъ съ завистью засматриваются саксонцы
и пруссаки?

Вюртембергское ваконодательство объ обществахъ и собраніяхъ, какъ уже упомянуто, состоять большею частью изъ неписанной правтики. При этихъ условіяхъ нежніе полицейскіе чины останавлеваются всегда передъ кругой мірой, опасаясь суда публики и твиъ самынъ осужденія со стороны своего начальства, ближайшаго и высшаго. Это посивлнее также возперживается оть дачи инструкців нежнемъ чинамъ. Т'й немногія инструкців, какія тоть или иной министръ даль по своему вёдомству, имеють тайный характерь и потому не имъють большого вначенія. Полиція не можеть ссылаться на нихъ въ своихъ сношеніяхъ съ публикой и потому предпочитаеть въ сомнетельныхъ случаяхъ рёшать въ польку милости вмёсто гийва. Политика воздержанія со стороны высшихъ властей въ Вюртембергь находить свое объяснение въ сложившейся здесь министерской ответственности. Виртембергская палата представителей никогда не согласится на ограничение свободы союзовъ и собраний н никакой министръ не ръшется внести въ палату такого рода нроекть, если у него не будеть на то безусловно уважительныхъ причинъ и основаній. Не только оппозиціонныя, но и консервативныя партін стоять едісь на такой точкі зрінія, и ин вь одну избирательную кампанію ни съ чьей стороны не слышались такія тре-

^{*)} Cm. Ludwig Iolly. Das Würtembergische Vereins'und Versammlungsrecht.—Schmoller's Iahrbuch, Heft 2, 1896.

. бованія. Политическая власть въ Вюртенбергі, болье тімь въ вругихъ частяхъ Германін, перешла на широкін массы народа и м'яст-, ныя условія сильно рознятся оть техъ, что госполотвують спепіально въ Пруссіи. Здесь уже съ давикъ поръ существуеть властина парламенть, а вюртембергская конституція ставится многими на ряду съ англійской. Народное представительство слагается въ Вюртембергь на основаніи общаго, прямого избирательнаго права, хотя съ небольшимъ предатеомъ привилегерованныхъ членовъ. Вюртембергская знать потеряла всякое значене, не располагая ни матеріальными богатствами, ни политическою властью. Тогда какъ въпрусской армін всв высшія должности находится въ рукахъ знати, а въ управленіи министры, президенты и оберпрезиденты провинцій до ландратовъ и неже вербуются также изъ среды прусской аристократін,—въ Вюртембергь, напротивь того, знать играеть въ армін очень скромную роль, а въ управление-никакой. Вольшая часть чиновниковъ по внутрениему управлению выходить даже не изъвысшей буржувзін, а изъ самыхъ скромныхъ слоевъ населенія. Лемократизации общественных отношений содействуеть также дробденіе вемельных владеній, приведшее къ тому, что вначительнаю часть крестьянства представляеть въ то же время сельских или промышленных поденщиковъ. Въ виду этого интересы рабочаго населенія продагають себ'в часто путь въ общиное управленіе. Характерно то, что при всей этой демократизаціи отношеній Вюртембергь не имъеть ни одного соціаль-демократическаго представителя въ имперскомъ рейхстагь, въ мъстномъ ландтагь имъется, впрочемъ... два такихъ депутата.

Указанныя здёсь условія вюртембергскаго быта удерживають правительство оть ограниченій права союзовъ и собраній.

Въ прошломъ году, при обсуждения въ рейкстата новаго гражпанскаго удоженія, нівкоторыя партін (сь лівой стороны) предлагали воспользоваться случаемъ и на основании компетенции рейхстага въ вопросахъ обществъ и собраній урегулировать законодательство объ обществахъ въ накоторыхъ его частяхъ. Дело касалось приведеннаго выше § 8 узаконеній, согласно которому политическія общества не могуть входить въ скощенія съ обществами: одинаковаго типа для общихъ целей... Во власти рейхотага было упразднить его однимъ почервомъ пера. Ни одна партія принципіально. не вивла нечего противъ упраздненія, но консервативныя группы, предпочитая хозяйничать въ покорныхъ имъ дандтагахъ, настанваля на предоставленім ландтагамъ разрёшить данный вопросъ. Упорство консервативныхъ партій шло такъ далеко, что оне гровили годосовать противъ всего гражданскаго уложенія, если ихъ требованіене будеть выполнено. Партія центра и національ либералы не оказали достаточнаго противодействія этимъ угрозамъ и согласились науступку, после того какъ канцлеръ Гогенлов объщаль содействовать скоръйшему упразднению помянутаго § путемъ партикулярнаго законодательства.

Съ техъ поръ прошян месяцы и за кулисами шла деятельная работа. Консервативныя партін, конечно, и не пумали соглашаться на упраздненіе \$, не получивь за то вознагражденія сторицей въ смысле внесенія новых ограниченій въ прусское законодательство. «Король» Илтумиъ употребиль все свое вліяніе и не только намедъ въ прусскомъ министръ внутреннихъ дълъ фонъ-Реке достойнаго исполнителя реакціонных плановъ, по и самого князи Готенкое заставиль применуть възадуманному предпріятію. Възтомъ последнемъ обстоятельстве и завлючался, между прочимъ, роковой моменть всей политической аферы: имперскій канцлерь, заслуженный и пользующійся всеобщемъ довіріємь государственный діятоль, даеть торжественное объщание передъ рейкстагомъ упраздмить извистный § и въ конце концовъ, въ качестве прусскаго мимистра президента, даеть свою подпись подъ законопроекть. направленный на значительное ухудшение действующаго законодательства.

Воть главивития постановления новаго законопроекта:

1) Собранія, противорвчащія существующимъ уголовнымъ законамъ или угрожающія общественному спокойствію, въ особенности спокойствію государства (Sicherheit des Staates), или общественному миру,—могуть быть распущены полицейской властью. 2) на собраніяхъ, обсуждающихъ политическіе вопросы, не могуть присутствовать малолітніе. 3) общества, ціль и діятельность которыхъ противорічать уголовнымъ законамъ или угрожають общественному спокойствію, въ особенности прочности государства или общественному миру,—могуть быть закрыты полицейской властью.

Остальныя постановленія проекта васаются упраздненія помянутаго воспрещенія взаимныхъ сношеній между политическими обществани и другихъ менъе существенныхъ пунктовъ. Съ ръдкимъ единодушіемъ всё партін, за исключеніемъ консервативныхъ группъ, признали новый проекть посигательствомъ на дарованное конституціей право собраній и союзовъ. Уже при действующемъ теперь законодательстве то и дело происходили влоупотребления и полищейскій произволь, когда діло, напр., касалось присутствія на собранін женщинь, учениковь и подмастерій. Этоть произволь будеть еще значительные, если воспрещение будеть распространено на всыхъ малолетнихъ — Minderjährige, т. е. на лицъ моложе 21 года. Возможень на тугь какой нибудь строгій контроль, когда на собраніи присутствують сотии и тысячи народа. Еще опасиве въ этомъ отношенін ті параграфы, которые говорять объ общественномъ спокойотвін, меръ, о прочности государства, угрова которымъ должна служеть основаниемъ для распущения собрания и закрытия общества. Это понятія, допускающія массу толкованій, и всего мелёе поддаются дратерію какого набудь агента съ унтеръ-офицерскимъ образова-

ніемъ. По действующему законодательству, какъ мы видели выше, распушеніе собранія и закрытіе общества возможны дишь, если насобраніи являются и обсуждаются предложенія, заключающія въ себв призывъ или подстрекательство въ наказуемымъ двяніямъ, и если на собраніи присутствують вооруженные. Это куда болье определеные моменты, тогда какъ новый проекть ставить соответственное законодательство подъ безусловную диктатуру пелицін. Полицейскіе чины должны бы быть ангелами, чтобы не позводить себі. произвола и злоупотребленій. Между тімъ прусскіе полицейскіе чиновники далеко не ангелы, и оттого между прочимъ вызвалъ новый проекть такую бурю протестовь со стороны всёхь слоевь общества. Профессоръ Делбрюкъ, издатель «Preussische Jahrbücher», и назначенный теперь зам'ястителемъ покойнаго Гейнрика Трейчке. говорить въ последней книжев своего журнала: «Прусское полицейское чиновничество воспитало въ себе значительную развизность. но не воспетало въ себъ достаточнаго чувства законности; поэтому дескреціонная власть не должна быть доверена прусской полиців».

Новый проекть не прошеть еще черезь всё законодательных инстанціи. Суди по размёрамъ, какъ парламентской, такъ и внё-парламентской оппозиціи, нельзя думать, что проекть пройдеть. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ рейхстагь снова подияль вопросъ о § 8 и внесь соотвётственное предложеніе. Поинтно, что предложеніе объ упраздненіи воспрещенія сноситься обществамъ другь съ другомъ было принято подавляющимъ большинствомъ. Замёчательно между прочимъ то, что изъ консервативныхъ депутатовъ сынъ канцлера, принцъ Александръ Гогенлов, былъ единственнымъ, голосовавшимъ виёстё съ большинствомъ за предложеніе, бывшее своего рода демонстраціей противъ его родителя.

Только что закончился второй акть той судебной драмы, первый акть которой извёстень подь названіемь «процесса Лекерть-Лю-цовь». На этоть разь передь судомь предсталь полицейскій коммисарь фонь-Таушь, фигурировавшій вы первомь акть выкачестяй свидётеля, а во второмь обвинявшійся вы люсприсягів, злоупотребленія властью и преступленіи по должности. Громкій политическій процессь втянуль на судебную арену безконечный рядь такь им иначе причастныхы ділу лиць, начиная оть высшихь сановниковь, — министровь, дипломатовь—и кончая низшими полицейскими чинами. Процессь, при участія присяжныхы засёдателей, тянулся десять двей и отодвинуль на задній плань не только греко-турецкія распри, но и внутреннюю сумятицу по поводу прусскаго законопроєкта.

Личность главнаго подсудинаго фонъ-Тауша также стушевалась передъ бездонною пропастью натриги и грязи того авгісва стойла, которое въ Пруссіи называется политической полицієй. Вся та масса скандальныхъ актовъ, которая уже послё процесса Лекерта-Люцова.

ваставила войхъ требовать очищения стойла съ помощью «желізнаго помела», — удесятерилась разоблачениями процесса Тауша. Между тімъ и предсідатель суда и прокуратура ревниво слідили за тімъ, чтобы втягиваніемъ «постороннихъ моментовь» не затя нуть процессъ до безконечности. Эта забота не лишена была основанія, потому что въ противномъ случав произошло бы страшное нагроможденіе гріховъ политической полиціи, изъ-за которыхъ совершенно не видать было бы подсудимаго въ данномъ процессь.

Процессъ Тауша подтвердиль цёлый рядь фактовь изъ прошлаго процесса и даль массу новыхь. Онъ подтвердиль заново безстыдную ложь искаженія царскаго тоста обергофиаршаломь графомъ. Эйленбургомъ, сванившимъ затімъ будто бы всю вину на статоъсекретаря по вностраннымъ дёламъ фонъ-Маршалля. Эта ложь была между тімъ распространена агентами политической полиціи. Выло подтверждено, что со стороны политической полиціи велись систематическія интриги противъ бывшихъ министра внутреннихъ ділъфонъ-Келлера (высщій шефъ полиціи!) и военнаго министра Вронсаръ-фонъ-Шеллендорфа. Данныя процесса съ наглядностью показали, что оклеветанные министры и прежде всего г. фонъ-Маршаллъ инкакимъ внымъ путемъ, кромѣ гласнаго суда, не могли стряхнуть съ себя клеймо гнусныхъ подозріній и очистить свое відомотвооть грязныхъ навітовъ.

Положительнымъ образомъ удооговерено, что тертый агентъ полетической полиціи и профессіональный сочинитель статей оскорбляющихъ величество, Норманъ-Шуманъ своевременно зналъ и подучаль отъ полиціи копін съ документовъ, съ помощью которыхъ оклеветанныя и оскорбленныя имъ въдомотва старались доискаться корней и нитей. Вижайшіе начальники этого агента,—какъ коммисаръ Мавдороде и бывшій президенть берлинской полиціи фонъ-Рехтгофонъ, очень во время скончавшіеся,—эти начальники знали продълки Нормана-Шумана и грозили ему отогавкой, если онъ будеть клеветать на свое «прямое начальство», следовательно, въ дучшемъ случав на полицію и министра внутреннихъ двяъ. Всв. прочія ведомства объявлянись такимъ образомъ вие всякой пощады. Доказано также, что въ высшей степени оскорбительныя статьи с. Вильгельм'в, появлявшіяся одно время въ парижских газетахъ, были писаны тыпь же агентомъ Норманомъ-Шуманомъ. Верлинская политическая полицін не съуміна донскаться автора этихь статей, что легко удалось вёдомотву иностранныхъ дёлъ. Статоъ-севретарь Маршалль, сообщавшій о влеветахъ на него въ прессъ еще повойному превиденту полиціи, домосиль объ этомъ и теперешнему превиденту, который на основанін донесеній Тауша указываль на вноотранное ведомогво, какъ на источникъ всехъ интригъ. Лишь гласное судопроизводство выяснию, что подъ вовым этими свидиніями въ пресов скрывался агенть Тауша фонъ-Люцовъ и агенть Люцова малолетий Лекерть.

Процессъ Тауша, обнаружниъ далве, что этотъ коммисаръ разсказываль своимъ собутыльникамъ самыя чудовищныя вещи про **ушныя бользни и умственное состояніе Вильгельма**, котораго онь, жакъ онъ сообщаль одному свидетелю, окружиль целою сетью шиюновъ. Дъло въ томъ, что на обязанности Тауша лежало также наблюдать за личною безопасностью виператора... Распространеню слуховъ о болезняхъ Вильгельна было также спеціальностью Нормана Шумана, которому, какъ мы видели выше, угрожали отставжой въ случав нападокъ на его «непосредственное начальство»... Этоть Норманъ Шуманъ находнися въ самыхъ интимныхъ сношеніяхъ съ Таушенъ и скрынся изъ Берлина только въ день ареста овоего патрона. Удоотовърено, что частимя лица отягощались по-ЕУЧЕНИЪ НАДЗОРОМЪ ПОЛЕЦЕЙСКИХЪ ВГЕНТОВЪ ЛЕШЬ ПОТОМУ, ЧТО ЭТОГО требовали интересы Нормана-Шумана. Сплошь да рядомъ оперирусть полетеческая полеція фальшевыми именами, росписками и т. п. Она потворствовала проделкамъ своихъ агентовъ, которыя, вообще говоря, стоять въ противоречін съ уголовными законами, но на которыя поляція смотреть сквозь пальцы изъ т. н. «государот венных ревоновъ». Лучшіе агенты политической полицін, по заявленію Тауша на судів, и есть вменно самые печнотоплотные. Порядочные люди не ндуть къ намъ на такую службу. --* Заявиль другой полицейскій начальникъ.

Такимъ образомъ Таушъ, Норманъ Шуманъ, Люцовъ, Лекертъ и т. п. — вотъ тв люди, съ помощью которыхъ только и можетъ быть спасено отечество отъ всякаго рода угрозъ. Это, конечно, роковая нелъпость, и неудивительно, что теперь еще сильнъе, чъмъ послъ перваго процесса, слышатся голоса: поскоръе прочь со всей этой системой, которая вносить въ жизнь лишь деморализацію, которая питаетъ самые низменные инстинкты, которая отдала теперь страну на посрамденіе всего свёта и, вмёсто спасенія отечества, подкапываеть его кории.

Судъ надъ Таушемъ свелоя въ суду надъ политической полищей. Неудявительно поэтому, что передъ ужасами, разоблаченными относительно всей системы, Таушъ оказывается еще невиннымъ агацемъ. Обвинеть его въ яжеприсять было невозможно, для этого было недостаточно основаній. Трудно было доказать, напр., что Таушъ инспирировалъ журналистовъ и газеты, когда онъ самъ увърнеть, что онъ только делился своими сведеніями, безъ всакихъ заднихъ мыслей. Присяжные не признали его виновнымъ въ яжеприсять. Гораздо болье удивительно, что они не призналя его виновнымъ въ преступленіи по должности. Его, впрочемъ, такъ или неваче ждеть еще дисциплинарный судъ. Но, какъ сказано, дело собственно не въ Тауше, и общественное митніе было бы мало удовлетворено его обвиненіемъ. Общественное митніе требуеть другого приговора.

А. Ковровъ.

Литература и жизнь.

Авторъ предисловія въ новому, 12-и томному изданію сочиненій Лескова, г. Сементковскій, относить его «въ числу первовлассных наших писателей» и ставить въ одинь рядъ съ «Гончаровымъ, Тургеневымъ, Островскимъ, Достоевскимъ, Писемскимъ, Салтиковимъ. Л. Толстимъ», «какъ талантъ не во всемъ имъ равный, но въ нъкоторыхъ отношеніяхъ имъ не уступающій и нревосходящій ихъ въ другихъ». Затёмъ г. Сементвовскій цитируеть г. Венгерова: «Подходя некоторыми сторонами своего таданта въ Островскому, Писемскому и Достоевскому. Лесковъ ни одному изъ этихъ великихъ мастеровъ русскаго слова не уступаеть по чисто художественнымъ силамъ... Ни у одного русскаго писателя неть такого неисчернаемаго богатства фабулы... Въ тёсной связи съ богатствомъ фабулы находится сконцентрированность беллетристической манеры Лескова... Наконець, немного знаеть Ласковь соперниковь по колоритности и оригинальности своего явыка».

Я думаю, что весьма и весьма иногіе искренніе друзья русской литературы не только не согласятся съ этою оценкою, но будуть даже нъсколько скандализованы сопоставлениемъ Лёскова съ нашими действительно первоклассными писателями. Я думаю, что н гг. Сементвовскій и Венгеровъ не стануть отрицать того, что ихъ опънка не встрътитъ сколько нибудь единодушнаго признанія. И у нихъ найдется даже объясненіе этому прискорбному съ ихъ точки зрвнія, но несомнвиному факту. Двло въ нашей литературной критикв. Г. Венгеровь, какъ видно изъ дальнейшей цитаты г. Сементвовскаго (самая статья г. Венгерова меть неизвестна), утверждаеть, что «критика мало занималась» Лёсвовымъ. Г. Сементвовскій съ этимъ не согласенъ. Онъ думаетъ, что въ количественномъ отношения Лесковъ не могь бы жаловаться на вритику, но «русская литературная критика до сихъ поръ не задавалась цёлью понять нашего автора: къ нему прикладывали лишь мірку собственныхь возаріній и симнатій ті или другіе критики, и такъ какъ Лісковъ подъ эту мітрку не подходиль, то оценка его не могла быть ни справедливою, ни убъдительною; надъ Лъсковымъ до сихъ поръ произносила судъ не русская литературная критика, а та или другая партія». Г. Сементвовскій хочеть положить конець этой несправедливости. «Попитаемся—говорить онь-установить умственный обливь Льскова, руководствуясь не голосомъ представителей разныхъ партій, а анализомъ его произведеній».

Прекрасное наибреніе. Но відь и вообще въ критикі слів-LYCT'S DYEOBOICTBOBATSCA SHAINSON'S DOCASBOICHIE EDUTHEYCMAD автора, а не чьимъ бы то не было чужниъ голосомъ, хотя можеть быть и невыгодно совершенно пренебрегать чужным голосами. Во всякомъ случав, предполагая писать о Лвсковв, а кочу слёдовать доброму примёру г. Сементвовскаго или, по крайней мъръ, его доброму намеренію и даже пойду дальше его въ этомъ направления. Онъ всетави входить въ разсуждения объ отношенін разных наших партій къ Лескову, объ его отношенін къ немъ, о нъвоторыхъ связанныхъ съ этиме отношениями острыхъ и щекотливыхъ моментахъ въ жизни и литературной двательности Лескова. Я постараюсь обойти эти пункти совсёмъ, насколько это возможно при оценке такого резко тенденціознаго писателя; постараюсь видёть въ немъ исключительно только художника. Не буду и съ г. Сементвовскимъ препираться и замѣчу по его адресу только одно: гр. Л. Толстой, Достоевскій, Тургеневь, съ которыми г. Сементвовскій осмінавается (это дійствительно огромняя и ничемъ не оправдиваемая смелость) ставить Лескова рядомъ, не разъ и не два подвергались самой ръзкой партійной критикъ, но ни читающая публика, ни самая эта критика никогда не сомнёвались въ первоклассныхъ дарованідуъ этихъ звёздъ руссвой литературы. Одно дело-соглащаться или не соглашаться съ политическимъ или инимъ образомъ мыслей писателя, и дру-TOO INIO-CYARTE O CTERENE ETO TALAHTANBOOTH, ETO XYAOMECTBENнаго дарованія. Конечно, и эта опінна можеть бить не только невърна bona fide, а и пристрастиа, но дъйствительно сильный талантъ въ концв концовъ не можеть не овазаться общепризнаннымь, если онь имьль достаточно времени развернуться ве всемь своемъ блескъ. А талантъ Лъскова вивлъ для этого достаточно времени: онъ действоваль въ литературе тридцать пять леть (1860-1895). Что же касается безпристрастія самого г. Сементжовскаго, то достаточно привести одну его фразу: «гр. Л. Толстой, савдуя примъру Люскова, начерталь на своемъ знамени лозунгъ любви въ ближнему» (Предисловіе, XLIV).

Лёсковъ любиль причудивыя сочетанія словь въ родь «совістний Данило», «несмертельний Головань», «безнатурный человікь» и т. п. Въ подражаніе этимъ грамматическимъ вольностямъ, самого Лёскова можно назвать «безмірнымъ писателемъ», въ смыслів писателя, дишеннаго чувства мірн. Я знаю, что для художника это очень нелестная характеристика, но думаю, что «безмірность» составляеть наиболіве выдающуюся черту Ліскова.

Взять коть бы эту «колоритность и оригинальность языка», которая сказалась, между прочимъ, и въ разныкъ «несмертельныхъ Голованахъ», «безнатурныхъ человъкахъ» и проч. Безъ со-матнія языкъ Ліскова быль и колоритенъ, и оригиналенъ, но ж

то, и другое вачество были испорчены отсутствиемъ чувства мёры. Въ романъ «На ножахъ», одно изъ дъйствующихъ лицъ ведетъ такую рёчь: «Гляньте-во, вонь гляньте: видите небось: всё вапрады посведали вафтаны, а воть Божія сосеночка промежду всёхъ другой законъ бережеть: стоить вся въ лиотей, какъ егарь въ мундирчивъ, да командуетъ: кому когда просыпаться и изъ теплыхь вётровь одежду брать. Надо, надо, людцы, главаря слушаться» (IX, 405). Это разговариваеть переодётый сыщикъ. н авторъ отъ себя замвчаетъ: «Ермоланчъ все старался шутить въ риому и вообще велъ ръчь; отзывавшуюся выдъланною искусственностью простонароднаго говора». Самъ Ласковъ очень часто писаль именно этимъ искусственно выдъланнымъ, утрированнымъ простонароднымъ говоромъ. Такъ сплощь написана, напремъръ. свана «Часъ воли Божіей» (XI, 1-31), въ которой въ непомфриомъ воличествъ разсипани явоби простонародние обороты рыч и разныя уменьшительныя въ роды «мыленка», «зинунишечка», «пяточки», «плетушечки», «народушко», «воречка» н проч. Этакъ же говорять и многія отладьныя личности въ разжыхъ другихъ произведеніяхъ Лескова. Вообще, онъ точно избегалъ обывновенной живой русской річи и при всякомъ удобномъ и неудобновъ случав подвиняль ее или утрированно простонародною, нии смёсью обывновеннаго разговорнаго языка съ церковно-славянскимъ, какъ въ общирномъ дневникъ отца Туберовова («Соборяне»), въ «Запечативнномъ Ангеив», отчасти въ «Очарованномъ страннивъ», гдъ, впрочемъ, господствуетъ уже полное смъшеніе явиковъ. Можно, конечно, скавать, что священнику такъ и подобаеть писать дневникь, какъ пишеть Туберововъ, а старовёру такъ разсказивать, какъ ведется разсказъ въ «Запечатденномъ Ангеле». Но если даже допустить, что и въ томъ, и въ другомъ случав ми имвемъ двло не съ явно утрерованной подделеой, то остается все таки загадкой-почему Лесковъ такъ часто прибёгаль из явику, во всякомъ случай для него чужому и, следовательно, искусственному; почему не самъ онъ разсказиваетъ непомерно дленныя исторіи «Запечатленнаго Ангела», «Очарованнаго странника» и проч., а влагаетъ ихъ въ уста людей, говорящихъ чужинъ для него языкомъ.

Съ другой сторони, онъ выработаль совсёмъ особенний, ни на что не похожій языкъ или, вёрнёе, особенное украшеніе языка, которымъ тоже злоупотребляль сверхъ всякой мёры. Въ разсказё «Лёвша» находимъ графа «Кисельвроде» (Нессельроде), ласковые «междоусобные» разговоры, «двухсёстную» (двухмёстную) карету, «Аболона Полведерскаго», «буреметры» (барометры), «непромокабли», «бевразсудокъ» (предразсудокъ), «Канделабрію» (Калабрію), «неифоворію», «четыре правила сложенія», «мелко-скопъ», «вёрояцін», «свистовыхъ» (вёстовыхъ) казаковъ, «плезирную» (клистирную) трубку и проч. И всё эти выкрученныя,

мотя подчасъ дъйствительно смешныя словечки повторяются множество разъ, такъ что наконецъ просто надоблартъ. А еще явторъ вроив того вставляеть ихъ въ намеренно неправильныя фразы, чтобы смішнію выходило. Напримірь, изъ спертаго и свёжаго воздуха онъ составляеть такую фразу: «У мастеровъ въ ихъ тёсной хороминкё отъ безотдышной работы въ воздухе такая потная спираль сдёлялась, что непривичному человёку съ сепжаю посттрія и одного раза нельзя было продохнуть». Или еще примерь: «ТВ лица, которымъ курьеръ нимфозорию сладъ. сію же минуту ее разсмотрёли въ самый сильный мелкоского и сейчась вь публицейскія выдомости описаніе, чтобы завтра же на всеобщее извистие касветоно вышель». Или: «Перель кажанив на виду висить долбица умножения, а подъ рукой стирабельная дощечва: все, что который мастеръ двлаетъ, -- въ долбицу смотрить и съ понятиемъ свъряеть, а потомъ на дощечкъ одно имшеть, другое стираеть и въ акурать сводить» (П. 259, 268. **2**73).

«Лѣвна» есть «Сказ» о тульсениъ восомъ Лѣвшѣ и о стальной блохв». Кто же это «сказываеть»? Прямо намъ этого не сообшають, но изъ последней глави, написанной уже обывновеннымъ русскимъ языкомъ, видно, что герой «сказа» есть «олипетворенный народною фантазіей миоъ», что въ тѣ времена, когда дъйствоваль Львша, существовала «артистическая удаль, которая иногда превосходила мъру, вдохновляя народную фантазію въ сочинению подобныхъ нынъшней (то есть «Свазу») баснословныхъ легендъ». Значить, народъ, и вменно тульскій рабочій говорить этимъ «колоритнымъ и сильнымъ» языкомъ «публицейских» въдомостей», «клеветоновъ» и проч. Это вздоръ, конечно, и вздоръ этоть находится въ прямой зависимости отъ «безмърности» Льскова вообще. Немного нужно наблюдательности, чтобы знать, что простой народъ часто перевираетъ иностранныя слова, но выть онь ихъ и знаеть то пожалуй меньше, чемь разсипано въ «сказв» о тульскомъ Левше. Лесковъ несомненно отъ себя сочиняеть «непромокабли» и «клеветоны», а затымь уже сверхъ всякой мёры и чисто русскія слова калёчить: «свёжее пов'ётріе», «свистовые вазаки». Допустимъ однако, что Лескову попался такой экземплярь тульскаго рабочаго, которому незнакомы въстовне казаки и свежий ветерь, но за то знакомы мелкоскопы, Аболоны полведерскіе, клеветоны и проч., и авторъ пожелаль увёковъчить манеру выражаться этого экземпляра. Но этимъ же языкомъ говорять у Лескова и люди, не именощіе, повидимому, ничего общаго съ тульскимъ рабочимъ. «Мелкескопъ» фигурируетъ, напримъръ, въ «Запечатлънномъ Ангелъ», гдъ онъ вложенъ въ уста начетчика старовъра. «Долбица умноженія» и «четыре правила сложенія», объ которыхъ говорится въ сказъ о тульскомъ Лъвшъ, знакомы и какой то приживалев въ «Полунощникахъ»,

разсказывающей о себъ, между прочимъ, такъ: «Меня опредълили учиться; но у меня объявилась престранная снособность; во всвиъ решительно понятимъ развитие очень большое, а въ начезиъ совствить никакой памяти не было. Ко всему память и соображенія хорошія, а въ ученію нёть, — долбину умноженія сколько ни долбила, а какъ, бывало, зададутъ на четыре правила сложенія—плюсить или минусить, или въ ум'в составить, напримъръ, пять из семьи-сколько вз отставкъ?-То я и нивакихъ пустявовъ не могу отвъчать» (XI, 50). Эту приживалку ЛЕСКОВЪ ЗАСТАВЛЯЕТЬ ГОВОРИТЬ И О «ПУПОНАХЪ» (КУПОНАХЪ), О «подземельномъ банкъ», о «монументальной фотографіи», о «выдающемся животь а-ла-пузе», «инпузоріях»», «фиміазмах», «блеярдных» шарах», «полицейсвихъ аргентахъ» и проч. и проч. и проч. О Лъвшъ разсказывается, что у него въ моръ «отъ волтыханія морская свинка сділается» (П, 275). Въ разсказ в «Перамуръ» тоже «отъ колты-ханія морская свинка ділается» (П, 472). Но на этотъ разъ эти слова говорить не тульскій рабочій, а бывшій студенть петербургскаго технологическаго института. Странный это студенть. Неговоря о его чрезвычайной глупости, онъ даже слово «пеклеваннивъ не можеть выговорить какъ следуеть, а говорить: «поплеваннивъ»; добровольцевъ онъ называетъ «доброходцами», а Молдавію и Валахію «Волдавіей» и «Молдахіей», и я не внаю, почему бы ему не называть фельетонъ вдеветономъ и Аподлона Бельведерского Аболономъ полведерскимъ.

Я могь бы привести еще много образчиковъ этого страннаго языка, которымъ у Лескова говорять русскіе люди самыхъ разнообразныхъ положеній, но, думаю, и приведеннаго достаточно, чтобы признать этотъ языкъ языкомъ самого Лескова. Замечу еще только, что неумвренная склонность къ вычурнымъ словеснимъ эффектамъ проявлялясь у него и разними другими способами. Въ рядв анекдотовъ, озаглавленныхъ «Смехъ и горе» нъвій Дургальскій такъ шепелявить, что у него выходить «голодь» вивсто «городъ» и «блошка» вивсто «брошка» (V, 173, 174). Въ «Соборянахъ» въ числъ дъйствующихъ дицъ есть учитель Варнава Препотенскій. Это одно изъ тіхъ созданій Лісскова, которыкь онь безь всякой мёры заставляеть продёлывать всякія мервости и глупости, за что самъ же и навазываетъ ихъ осмвяніями, заушеніями, оплеваніями. Варнава Препотенскій уже довольно долго фигурируеть въ повёсти, какъ вдругь въ немъ обнаруживается еще одна комическая черта: оказывается, что онъ «имъетъ слабость въ затруднительныя минуты заговариваться и ставить одно слово вийсто другого». Поэтому у него выходять «люди воспитанскаго семинарія», «Лимона Ивановна дайте инъ матренчика», «болова голить», «знако лицомое, а гдъ васъ помнелъ-не увежу», «наступилъ на любемую мозоль»

(1, 221, 227, 230). Два последнія взреченія, вёроятно многемъм помемо Лёскова навестныя, какъ образчики вомическихъ обмолвовъ, показывають, что онъ не только самъ сочиняль разныя смёшныя сочетанія словъ, но не брезгаль и чужнив. И дёйстветельно, онъ по этой части не только мастеръ, а и любитель. Въ «Печерскихъ антикахъ» Лёсковъ вспоминаетъ, между прочимъ, о первой кіевской газетё «Телеграфъ» и ея редакторё Юнгъ. Газета эта—разсказываетъ Лёсковъ—славилась своими опечатками и поправками въ опечаткамъ. Въ такомъ родё: «Вчера у насъ напечатано: Кіевляне премущественно всё омамисты, —четай: оптимисты». Въ другой разъ авторъ хотёлъ говорить о «лизоблюдахъ», а вышло: «неудивительно, что притакомъ воспитаніи выходять медоблуды»; поправка же гласила: «по ошибкё напечатано: «недоблуды», —должно читать: перебляды» (X, 371).

На ловца и звёрь бёжить. Охотникь до словесныхь эффектовъ, Лѣсковъ и анекдоты соотвётственные находить. Если однако читатель заглянеть въ указанную страницу «Печерскихъ антиковъ», то увидить, что провёрить разсказъ Лѣскова объ опечаткахъ «Телеграфа» нельзя или, по крайней мѣръ, чрезвычайно трудно: онъразсказываеть на память, безъ какихъ бы то ни было фактическихъ подтвержденій, ну, а память вѣдь иногда измѣнаеть людямъ, причемъ иные или прямо «сочиняютъ» или, по крайней мѣръ, присочиняютъ. Во всякомъ случаъ всѣ эти «онанисты—оптемисты», «недоблуды—переблуды» очень родственны творческому духу самого Лѣскова.

При чтенін вышеприведеннаго, читатель нав'врное коть разъульбичеся, а можеть быть и расхохотался. И отчего же не посм'янться, отчего и людей не носм'яшить. Но та чрезм'ярность, съ которою Лісковъ направо и наліво разсыпаеть свои искусственныя словечки, уже сама по себ'я должна бы конфузить людей, желающихъ причислить его кълику первоклассныхъ писателей. Какъи всякая чрезм'ярность, она не свид'ятельствуеть о значительности художественныхъ силъ и наносить явный ущербъ кудожественной правд'я. А между тёмъ это далеко не единственное выраженіе «безм'ярности» Ліскова.

Мы видёли, что въ разсказё о тульскомъ Лёвшё сказалась«артистическая удаль, которая иногда превосходила мёру, вдохновляя народную фантазію къ сочиненію подобныхъ баснословныхъ легендъ». Разсказъ о Лёвшё, дёйствительно, вполнё баснословенъ, но такъ какъ онъ и предлагается намъ въ качествё
сказки, легенды, то «артистической удали» въ немъ естественнопредоставляется гораздо большій просторъ, чёмъ въ другихъ формахъ литературнаго отраженія жизни. Въ разсказё дёйствуютъ
историческія лица—Императоры Александръ I и Николай I, генералъ Платовъ, Нессельроде («Кисельвроде»), но они введены въ-

столь явственное баснословіе, что никому, конечно, и въ голову не придеть искать туть правды исторической. Совствы другой характеръ нивли разскази Кесаря Степановича Берлинскаго, о которомъ Лесковъ вспоминаеть въ «Печерскихъ антикахъ». «Берлинскій быль самый большой фантазеръ, какого мив удавалось видъть, —говорить Лъсковъ, —но фантазироваль онъ не безъ раз-счета, иногда очень наивнаго и почти всегда безвреднаго для другихъ. Соображалъ онъ бистро и сочиналъ такія пестрыя фабули, что еслибы онь котель заняться сочинительствомы литературнымы, то изъ него, конечно, вышель бы любопытный сочинитель. Вдобавовъ въ этому, все, что Кесарь разъ о себе сочиныть, это становилось для самого его истиною, въ которую онъ глубоко в убъжденно върыть. Въроятно оттого анеклотическія импровизаціи «печерскаго Кесаря» производили на слушателей неотразимо сильное впечатавніе, подъ вліяніемъ котораго тв досочинали еще больше». (Х, 827). Въ импровизаціяхъ Берлинскаго играль большую роль императоръ Николай I, и такъ какъ Берлинскій выдавалъ свои импровизаціи за чистую правду, а не за сказку или легенду, то въ его разсказамъ должны быть предъявлены совсёмъ не тв требованія. что въ будто бы безънмянному автору «сказа» . о тульскомъ Лавшъ. И, конечно, чрезмарность импровизацій Берденскаго о будто бы очень фамильярных отношеніяхъ, существовавших между нимъ и виператоромъ Николаемъ, одобренія не заслуживаетъ. «Пестротою фабулъ» Лёсковъ не уступаетъ Берлинскому, а въ его литературномъ багажъ, вромъ беллетристическихъ произведеній, есть и историческія, біографическія, автобіографическія. Къ немъ следуетъ однаво относиться съ осторожностью, можеть быть не меньшею, чемь какая нужна была слушателями вмировизацій Бердинскаго. Послідній съ чрезвычайною точностью н увёренностью разсказываль о своих встрёчах и бесёдах съ ниператоромъ Неколаемъ, и однако-все это были лишь чревитерныя фантазів, построенныя на очень свромномъ фактическомъ фундаментъ: полковникъ Берлинскій быль дично извъстенъ государю, вавъ очень многіе полковники. Лісковъ тоже очень увівренно и съ подробностями разсказываеть о себе и о разникь историческихь личностяхь, но что туть не все Wahrheit, a есть и Dichtung, а вногда даже очень много Dichtung,—въ этомъ едва ли можно сомивваться. Всять коть бы вышеприведенный разсказъ объ опечатвахъ въ віевскомъ «Телеграфѣ». 'Или воть напримѣръ образчикъ фантазій будто бы Вердинскаго. Онъ разсказываль, что въ Петербургъ солдати «такъ его любили, что ему нигдъ, будто, нельзя было показаться: какъ солдаты его увидять, сейчасъ перестають слушать команду и бёгуть за нимь и кричать: пусть насъ ведеть отець нашь полковникь Берлинскій, мы съ нимь и Константинополь возьмемъ, и самого победоноснаго полвоводца Вымезарія на царскій смотръ въ ціпахъ приведемь». Тоть же

Берлинскій называль своего племянника Николая—«Николавра», и Лісковь поясняеть: «Здівсь значеніе усиливалось звукомъ ласра. Николай это было простое имя, какъ бываеть простой монастырь, а Николаера—это тоже самое, что лавра среди простыхь монастырей». Не кажется ли читателю, что полководець Вылезарій и Николавра одного происхожденія съ Волдавіей и Молдахіей, клеветономъ, публицейскими в'ядомостями и проч.? А если не общаго происхожденія, то, по крайней мітрів, общаго духа, свидітельствующаго о нівкоторой родственности Берлинскаго съ самимъ Літ-

Я не буду говорить о тёхъ произведеніяхъ Лёскова, въ которыхъ фигурируютъ подлинныя живыя лица подъ ихъ настоящими именами, такъ какъ рёшиль имёть дёло исключительно только съ художникомъ. Но все вышесказанное объ «артистической удали, превосходящей мёру», мы найдемъ въ беллетристикъ Лёскова. Отмётимъ однако сперва еще одну сторону его творчества, его «безмёрность» еще въ одномъ направленіи.

«Ни у одного русскаго писателя нътъ такого неисчернаемаго богатства фабулы... Въ тесной связи съ богатствомъ фабулы находится сконцентрированность беллетристической манеры Лескова>. Такъ говорить питируемий г. Сементковскимъ г. Венгеровъ; и говорить отчасти правду, а отчасти начто, прямо противоноложное авиствительности. Правда, что трудно указать другого писателя съ такимъ богатствомъ фабулы, какъ Лесковъ. Но вель и полковникъ Берлинскій сочиналь въ большомъ количестві «пестрия фабули». И хотя Лёсковъ утверждаетъ, что изъ Берлинского могь бы выдти «любопытный сочинитель», однако любопытный сочинитель еще не вначить первоклассный или лаже вообще хвалы лостойный сочинитель. Богатство фабулы требуетъ еще многихъ прибавокъ для того, чтобы получилось истинно художественнее произведение, и прежде всего требуетъ отсутствия «пестроты» нли ен незаметности, благодаря той «концентрированности», которую г. Венгеровъ совершенно неосновательно усванваеть ЛЕскову. Въ дъйствительности именно этой то сконцентрированности и недостаеть большинству произведеній Ліскова. Здісь ему опать поперевъ дороги его безмарность стада.

Признаюсь, миж стоило немалых усилій дочитивать некоторыя произведенія Ліскова, — до такой степени они растянуты и переполнены всякаго рода отступленіями, въ свою очередь непомірно растинутыми. Многія изъ нихъ представляють собою просто длиннівшій рядь анекдотовь, весьма слабо связанныхь въ какое то подобіе цілаго. Напримірь «Сміхъ и горе». Нікоторый человінь, Орестъ Марковичь Ватажковъ, разсказываеть въ вругу случайныхъ слушателей «такое же ротрошті изъ сюрпризовь, какъ биваеть ротрошті изъ півсень». Ротрошті это занимаеть слишкомъ 200 страниць пятаго тома и разсказчикъ полагаеть, что оно

«варьировано на интереснёйшую тему», а именно слёдующую: «Жизнь нигдё такъ не преизобимует» самыми внезапитийшими разнообразілми (подчеркиваю, какъ карактерное для Лёскова нагроможденіе превосходныхъ степеней), какъ въ Россіи. По крайней мёрё я убяжаю отсюда ваграницу именно для усновоенія отъ калейдоскопической пестроты русской жизни» (V, 5). И такъ выму, на которой концентрируется безконечный рядъ разскавовъ или анекдотовъ Ватажкова, составляють «калейдоскопическая пестрота русской жизни»... Центръ довольно сомнетельный и во всякомъ случав предоставляющій автору возможность вертёть сколько ему калейдоскопъ и прекратить это занятіе опять таки когда угодно, а не въ силу внутренней необходимости, заключающейся въ самой фабулё.

Въ безконечной болтовий приживалки въ «Полунощинкахъ» пожалуй есть известный центръ: исторія Клавдинъви. Но она до такой степени переплетена отступленіями, что самъ Лёсковъ обрываетъ разсказъ словами: «Шехерезада умолкла». Именно Шехерезада: она могла бы пожалуй и больше тысячи и одной ночи разсказывать сказку за сказкой, густо посыпая ихъ солью реченій въ родё «выдающійся животъ а-ла-пузе», «одётъ а-ла-морда», «подземельный банкъ», «пупоны» и проч.

«Очарованный странник». Въ смыслъ богатства фабулы это можетъ быть самое замъчательное изъ произведеній Ліскова, но въ немъ же особенно бросается въ глаза отсутствіе какого бы то ни было центра, такъ что и фабулы въ немъ, собственно говоря, нівть, а есть цілый рядъ фабуль, нанизанныхъ, какъ бусы, на нитку; и каждая бусина сама по себі и можеть быть очень удобно вынута, замізнена другою, а можно и еще сколько угодно бусинъ нанизать на ту же нитку. Припомнимъ хоть начало этого ожерелья.

Группа пассажировъ йдетъ на пароходи по Ладожскому оверу отъ Коневца въ Валаму, по дорога завзжаетъ въ Корелу, потомъ пливетъ дальше. Завязывается разговоръ о Корелъ. Оденъ нвъ нассажировъ виражаетъ мисль, что хорощо би било «неудобныхь въ Петербургъ дрией» отправлять не въ отдаленныя вавія нибудь міста, а воть сюда, въ Корелу, «гді любое вольномисліе и свободомисліе не могуть устоять передъ апатіей населенія и ужасною скукою гнетущей, скупой природи». Другой пассажиръ разскавиваетъ, что однажди сюда быль сосланъ какой то дьячевъ и повъсился. Разговоръ переходить на тему о самоубійцахъ и о томъ, «можно ли за нехъ молиться». Молчавшій до тёхъ поръ пассажиръ въ монашеской одеждё вступаеть въ бесвду разскавомъ объ одномъ священнявъ, который «всегда на святой проскомедін за безъ поканнія скончавшихся и руки на ся наложившихъ» молился. Дёлалъ онъ это съ разрёшенія московскаго митрополита Филарета, а митрополить въ свою очередь

нивль на этотъ счетъ разния видёнія. Трогательний и довольно длинный разсвазъ монаха заинтересовалъ слушателей. Они освъдомельсь о лечности разскавчика. Оказалось, что онъ, между прочить, быль въ военной службь, и именно воть къмъ: «Я коноссерьсъ, конессеръ, или, какъ простонародиве выразеть, я въ лошадяхъ . знатовъ и ири ремонтерахъ состояль для ихъ руководствованія». Идеть разсказь объ томъ, какъ «коноссеръ» укрощать лошадей н въ особенности одну, отъ которой самъ «бъщенный укротитель» Рарей отказался; затёмъ разсказъ объ томъ, какъ Рарей приглашаль «конэссера» къ себъ на службу и почему это дъло не состоялось. Тогда слушатели приступають въ разскавчику съ просъбой поведать имъ свою жизнь, на что онъ тотчасъ же и соглашается. «Только, говорить, я иначе не могу, какъ съ самаго первоначада». И начинаетъ... Тутъ и эпиводы изъ ранняго дітства, и татарскій плінь, и цыганскій таборь, и исторія любви какого то внязя, у котораго конессеръ служиль, и исторія другой любви того же князя, и разсказы объ томъ, какъ конэссеръ на Кавказъ солдатомъ сражался, и какъ онъ въ адресномъ столъ служиль, и вакь онь на балаганахь демона представляль, вакь въ монастырь попаль и вавія ему тамъ искушенія были и проч. Все это съ величайшими и подчасъ очень утомительными подробностами. Архитектоника этого литературнаго калейдоскопа нисволько не пострадала бы, еслибы коноссерь, напримъръ, не представляль демона на балаганахъ или, напротивъ, представляль не только демона, но еще и какого небудь «Видезарія»; если бы онъ совсимъ не быль въ татарскомъ плину или, напротивъ, побываль въ этомъ плену, а потомъ еще во Францію или Англію вавъ нибудь попалъ. Вдобавовъ пестрыя привлючения воноссера разсказаны вакимъ то двланнымъ, то утрированно-простонароднымъ, то стареннымъ внежнымъ язывомъ.

«Запечативний Ангель». Это одинь изь лучшихь разсказовь во всемъ летературномъ багажъ Лъскова. Но, не говоря ужъ объ утрированности языка, отсутствие чувства мёры портить этотъ разсказъ и въ другихъ отношеніяхъ. На постоядый дворъ ночью выога загнала много людей разнаго званія. У одного изъ нихъ, овазавшагося старовъромъ, какъ это часто случается у Лъскова, нашлась ві запасі «цілая большая исторія», которую онъ, тоже по примъру многихъ другихъ персонажей Лъскова, по первой же просьбв присутствующихъ, соглашается разсвавать. Почему то этоть разсказчикъ стоить на колвияхь, когда всв прочіе сидять нан лежать. Ему предлагають устронться поудобиве, но онъ отвічаєть: «Ніть-сь, на этомь благодарю-сь! Зачёмь вась стіснять, да и въ тому же повъсть, которую и предъвами поведу, пристойные на волыняхь стоя свазывать, потому что это дыло весьмасвященное и даже страшное». И затемъ онъ, стоя на коленяхъ. говорить на протаженіи слишкомь 70 страниць убористаго шрифта.

Пусть ито небудь изъ почетателей Лескова прочетаеть этотъ разсказъ, стоя на коленяхъ, и я уверенъ, что, поднявшись, онъ сважеть: да, это ужъ, «безмърно»! А и эта безмърность вызвана безибрностыю же: весь тонъ разскава свидвльствуеть, тоже до чрезмёрности, о чувствахъ, волнующихъ разсвазчика, но Лёскову н это важется мало, а потому онъ считаетъ нужнымъ еще подчервнуть ихъ, заставивъ своего героя стоять на вольняхъ. При этомъ не видно, однаво, зачёмъ онъ стоялъ на коленяхъ до разсказа о «дълъ весьма священномъ и даже страшномъ»: онъ не молнися и участвовалъ въ разговоръ объ обыкновенныхъ житейскихъ дълахъ. Какъ бы то ни было, но чтоби растянуть разсвазъ на 70 страницъ, разсвазчивъ торопиться не долженъ. Онъ и не торошится и вводить въ свою повъсть непомерное количество отступленій и постороннихь эпизодовь, причемь річь не всегда о делахъ священныхъ и даже страшныхъ идетъ. Напримъръ: «У насъ въ русскомъ настоящемъ поняти насчеть женсваго сложенія соблюдается свой типъ, который по нашему гораздо нинъшняго легкомислія соотвътственнье. Мы длинных цибовъ не уважаемъ, а любимъ, чтобы женщина стояда не на долгихъ ножвахъ, да на препоньвихъ, чтобъ она не путалась, а вавъ шаривъ всюду ваталась и поспъвала, а цибастеньвая побъжетъ да спотывнется. Зміевидная тонина у насъ тоже не уважается, а требуется, чтобы женщина была изъ себя понъдристве н съ пазушкой, потому оно хотя это и не такъ фигурно, да за то материнство въ ней обозначается; лобочви въ нашей настоящей чисто русской женской породъ коть потельные, помясистые, а зато въ этомъ магкомъ добочев веселости и привъта больше. То же и на счетъ носика: у нашихъ посики не горбылемъ, а всебудто пипочкой, но этакая пипочка, она, какъ вамъ угодно, въ семейномъ быту гораздо благоувътливъе, чъмъ сухой гордый носъ. А особливо бровь» и т. д. (I, 465, 466). Согласитесь съ твиъ, что для этой диссертаціи можно бы и поднять разсказчива съ колънъ, а еще бы лучше и совствиъ не вводить ее въ повъсть о «дъль священном» и даже страшномъ». Пропорціональность отдёльных частей разсказа отъ этого только выиграла бы, равно какъ и пропорціи фигуры разскавчика; но пропорціональность, художественная мёра и есть именно то, чего никогда не кватало Лескову.

То же отсутствіе чувства мёры свазывается и въ пристрастіи Лівскова въ изображенію съ одной стороны «праведниковъ» (онъмить иногда тавъ и называетъ), а съ другой злодбевъ, превосходящихъ всякое вёроятіе. Изъ нашихъ писателей, не то что первовлассныхъ, а коть сволько нибудь заслуживающихъ памятной отмётви въ исторіи литературы, не найдется ни одного, который бы тавъ неумёрено возвеличивалъ своихъ любимцевъ и всячески пригнеталъ своихъ художественныхъ пясынковъ. Здёсь эстетиче-

ская «безмёрность» переходить уже въ ту свою парадлель въ правственной области, которая называется отсутствемъ справедливости. Но мы будемъ говорить, какъ условились, только о художникъ.

Разными орудіями бьеть и казнить своих в пасынковъ Лёсковъ. Я не имбю ни времени, ни, признаться, охоты изследовать весь этотъ арсеналъ, да евда ли въ этомъ есть и надобность. Двухътрехъ примеровъ для моей цёли достаточно.

Въ романъ «На ножахъ» есть глави, называющися «Два вора», «Дека на доку нашель», «Ворь у вора дубинку украль». Житейское положеніе, выражаемое этими поговорками, есть одна изъ излюблениващихъ темъ Ласкова. И это очень характерно все для той же его безиврности: нвобразивъ негодая или, по крайней мёрё, хитреца, онь искаль случая свести его съ человёкомъ еще гнусиве или хитрве, ватвив этого последняго или обонхъ съ хитръйшими, наконецъ, согласно своей склонности къ нагроможденію превосходных степеней, съ самымь китрійшимь. Темі этой Лесковъ иногла посващаль отлельные разскавы (напримерь «Отборное зерно», «Обманъ», т. VII), а иногда эксплоатировалъ въ видъ эпизодовъ въ большихъ своихъ произведеніяхъ. Впрочемъ романъ «На ножахъ» почти сплошь состоить изъ такихъ эпизодовъ. Тутъ два-три «праведника», несмотря на всю свою неизреченную красоту, еле мерцають среди какого то неистоваго шабаша вёдьмъ и демоновъ, кувыркающихся другъ черезъ друга и озабоченныхъ лишь твиъ, чтобы не только «праведниковъ», но и одинъ другого, другой третьяго и т. д. надуть. Воры, убійцы, поджигатель, обманщиви-спириты, ростовщиви, шпіоны, содержанки спутываются въ какой то невероятно дикій клубокъ, сле дить за нитями котораго почти физически тажело. Но поровъ въ концъ концовъ не торжествуетъ. И вотъ, для образца, какъ казнится онъ въ лицъ одного ввъ негодяевъ, Висленева. Это воръ н убійца н все таки далеко не самый большой негодей въ коллевціи. У него «ворують дубинки» архи-негодяй Гордановъ, красивый демонъ въ юбев Глафира Бодростина, собственная его жена, любовникъ ел, шпіонъ и ростовщикъ Кищенскій. Послёдніе двое составляють источникь едва ли не наибольшихь несчастій Висленева: они запутали его въ неоплатные долги и всячески притесняють, такъ что онь, когда то пропагандисть «женскаго вопроса», и, такъ скавать, ради него женившійся (это особая и очень длинная исторія), теперь трепещеть передъ этимъ «женскимъ вопросомъ», видя его воплощение въ своей женъ. Это не мъщаетъ ему быть варобленнымъ въ Глафиру Бодростину и, домогаясь взаимности, совершать всевозможныя подлости. Бодростина, въ своихъ преступныхъ цвляхъ, оближно подаетъ ему надежды н. между прочимъ, везеть его съ собой въ Парижъ, гдъ выдаетъ его за лакея, дворецкаго, а потомъ медіума, каковня роли онъ

нсполняеть съ успёхомъ. Изъ всей этой путаници мы остановимся только на возвращении Висленева, вийсти съ Бодростиной, въ Россио.

Въ Берлинъ Висленевъ выкрасился — или, какъ не совсъмъ изящно, но во вкуст Лъсковскаго остроумія выражается Бодростина, «окрасился въ вороную масть и росписаль себв родимими бородавками фронтонъ». Онъ такъ мотивируетъ эту метаморфозу: «Я за границей, при иностранныхъ законахъ о правъ женщины, не трусиль и никогла бы не струсиль и не побоялся моей жены, будь я ей хоть даже вдесятеро болье должень; но вогда мы въвзжаемъ въ Россію, гдв на сторонв женщины законъ, тутъ... я, какъ мужчина, обяванъ сберечь свою свободу отъ жениной власти; да-съ, я это обязанъ!» (ІХ, 189). — Не забудьте, что это трусить воръ и убійца, но дідо въ томъ, что у него «украли дубинку» още болве вороватые жена и ел любовникъ. Казалось бы, даже гораздо болье совыстливый человыкь, чымь Висленевь, можеть довольно просто выпутаться изъ когтей жены и ея любовника, но нашъ авторъ не любить простыхъ путей: ему нужно, чтобы у вора была украдена дубинка и чтобы болве вороватие колотили его этой дубинкой, что называется, сколько влёзеть. И вотъ Висленевъ, не довольствуясь переодъваніемъ въ Берлинъ, еще усиливаетъ его въ Петербургв: подвязалъ себъ огромную бороду и надъль на голову «вазаный полосатый британскій колпачекь». Въ этомъ дурацкомъ видъ онъ, къ удивленію Бодростиной (да и читателя), зачёмь то вскакиваеть, за лакоя, на козли ся кареты, нанятой у вокзала, котя, конечно, въ каретв овъ быль бы безопаснее. Затемъ, добравшись въ дакейскомъ виде до дома мужа Бодростиной, онъ вихремъ продетаетъ черезъ всю квартиру и запирается въ ванной комнать, откуда уже не хочеть выходить. При этомъ онъ выдергиваетъ кранъ въ ваннъ и чуть не ватопляеть квартиру, а самъ стоить «какъ мраморный дельфинъ, окатываемый брызгами фонтана»...

Этимъ далеко не кончаются злоключения Висленева, но право же скучно за ними слёдить. Я выбралъ далеко не самый яркій эпизодъ изъ романа «На ножахъ», притомъ же подкрашенный комивмомъ, но его, по крайней мёрѣ, можно выдёлить. Исторія же краденыхъ дубиновъ другихъ дёйствующихъ лицъ романа—Бодростиной, Горданова, Кишенскаго, Ропшина, княгини Вахтерминской и двухъ ея любовниковъ и проч. — просто непередаваема, до такой степени переплетены влодёйства и подлости этихъ ковнодёевъ и архи-кознодёевъ. По истинъ можно сказать: «быкъ реветъ, медвёдь реветъ, а кто кого деретъ,—самъ чортъ не разберетъ». А въ добавокъ въ концъ романа на сценъ появляются судебные слёдователя и сыщики, которые, не будучи сами «ворами», есёхъ или почти всёхъ «воровъ» перехитряютъ и на законномъ основаніи у нихъ дубинки отбираютъ.

Такую же непомёрную путаницу всевозможных пакостей н взаниных подсиживаній представляють отношенія Варнавы Препотенскаго, князя Борноволокова, Термосесова и др. въ «Соборянахъ». Любопитно, что Варнава Препотенскій терпить отъ автора приблизительно такую же казнь, какъ Висленевъ въ «На ножахъ». Воть что сообщаеть объ немъ дъявонъ Ахида изъ Петербурга: «Варнава сталь человькъ жестоко несчастливий, потому что невдавнять женедся на забшней баришей, которая гораздо всякой дамы строже и судить все противь брака, а Варнаву, говорять, не редко бъетъ, и онъ теперь совсемъ уже не такой: самъ мев отврился, что еслиби не боялся жени, то готовъ би даже за Бога въ газетъ заступиться, и ругательски ругаетъ госпожу Бизювину, а особливо Термосесова, который чудесно было себя устрониъ и получалъ большое жалованье на негласной службъ для надзора за честными людьме, но врагь его смутель жалностію: сталь фальшивыя бумажен перепущать и теперь въ острогъ свлъ-(1, 319).

Но оставимъ этихъ энциклопедическихъ, всестороннихъ изверговъ и негодяевъ и попробуемъ взглянуть на Лъсковскихъ «праведнековъ». Ихъ у него много. Онъ ихъ и изъ древнихъ сказаній заимствовалъ, и изъ исторической или якоби исторической дъйствительности, и наконецъ изъ собственной художественной фантазіи. Въ числъ ихъ есть люди високопоставлениие и мелкая сошка, духовнаго и свътскаго званія, мужского и женскаго пола, мудрие и придурковатие. Ми остановимся только на одной ихъ группъ, представляющей нъкоторий спеціальный интересъ.

Въ разсказв «Звърь» (т. VII) фигурируетъ жестокій помъ-щикъ, распространяющій вокругъ себя страхъ и униніе. Онъ большой любитель охоты и выращиваеть у себя медвамать, которыхъ, по достижение ими известнаго возраста, травить собавами. Въ числъ его охотниковъ есть двадцатицитильтній парень Ферапонтъ, красавецъ, силачъ и удалецъ. Съ медвёдями онъ быль вообще вы дружескихы отношенияхы, но вы особенности пользовался его любовыю и отплачиваль ему взаимностыю молодой медевдь Сганарель. И вотъ наступила очередь этому Сганарелю быть убитымь. Помещивь, знавшій объ отношеніямь Ферапонта въ Станарелю, съ утонченною жестовостью предоставаль ему главную родь въ охотъ. Кончилось однако тъкъ, что Ферапонтъ далъ медевдю убъжать въ льсь, причемь пулю, предназначенную Сганарелю, получиль нечаянно въ руку онъ, Ферапонтъ. Помъщивъ быль чрезвычайно разгиввань, и всё со страхомь ожидали, кавое навазание придумаетъ онъ Ферапонту. Но случилось нѣчто для всёхъ неожиданное. Дёло было на Рождестве. Старичевъ свищенник заговориль съ дётьми, въ присутствій гиввиаго помъщика, о смыслъ пъсни «Христосъ раждается» и продолжалъ свою рѣчь такъ трогательно на тему о любви и прощеніи, что

номъщивъ смятчился и даже расплавался. А затъмъ произощло слъдующее. Помъщивъ велълъ позвать Феранонта, или «Храпошку», какъ его обыкновенно называли.

Тотъ представъ блёдный, съ подвязанной рукой.

 Стань здёсь! — велёнъ ему дядя (помёщивъ) и показатъ рукою на коверъ.

Храношка подошеть и упаль на колени.

Встань... поднимись!-сказаль дядя.-Я тебя прощаю.

Храпошка опать бросился ему въ ноги. Дядя заговориль нервиниъ, взволнованиять голосомъ.

- Ти любить звёря, какъ не всякій умёсть любить человіка. Ти меня этимъ тронуль и превзошель меня въ всянкодумін. Объявляю тебів отъ меня милость: даю вольную и сто рублей на дорогу. Иди, куда хочешь.
 - Благодарю, я нивуда не пойду, —воскливнулъ Храпошка.
 - Что?
 - Никуда не пойду, повториль Ферапонтъ.
 - Чего же ты хочешь?
- За вашу милость я хочу важь вольной волей служить честней, чемъ за страхъ по неволъ.

Дядя моргнуль глазами, приложивь въ нижь одной рукой свой бёлый фулярь, а другой, нагнувшись, обняль Ферапонта...

Ферапонтъ сталъ вольнимъ, но остался служить у помъщика, перебхалъ съ нимъ въ Москву, тамъ похоронилъ его, самъ умеръ и «лежить въ ногатъ у него». «Но въ московскихъ норахъ и трущобахъ есть люди, которые помнятъ бёлоголоваго длиннаго старика, который словио чудомъ умёлъ узнавать, гдё есть истинное горе, и умёлъ поспёвать туда во время самъ, или посылалъ не съ пустыми руками своего добраго пучеглаваго слугу». Эти два праведника и были возроднвшійся къ новой жизни помъщикъ и его вёрный Ферапонтъ.

ЛЕСКОВЪ есть по преимуществу разскавчикъ анекдотовъ. Даже его большія произведенія представляють собою, собственно говоря, цёнь анекдотовь, болёе или менёе прямолинейную, какъ въ «Очарованномъ странинай», «Започативнномъ Ангелв», «Полунощникахъ», «Смъхъ и горъ», «Печерскихъ антикахъ» и проч., или же чрезвичайно запутанную, какъ въ «Соборянахъ», «Захудаломъ родъ», «Некуда», «На ножакъ». Анекдотъ же, какъ нъчто отривочное и случайное, серьезно самостоятельного значенія не ниветь. Въ лучшемъ случав онъ призванъ не характеривовать извъстное лицо или положение, а лишь дополнять или иллистрировать характеристику. Вы большинствы же случаевы анекдотъ пънется рази его менолетной занимательности: анеклотъ вислушанъ, произвелъ извёстное впечатлёніе, трогательное или комическое, и съ васъ этого довольно, вы не очень задумиваетесь надъ тъмъ, сколько въ немъ были и сколько небылицы. Можно бы было признать именно такимъ анекдотомъ разсказъ о жестокомъ помещике и верномъ Ферапонте, на ряду съ какими ннбудь пустявами въ родъ «Путемествія съ негилестомъ»

(т. VII), «Голоса природы» (тамъ же) и т. п.: пробъжать можно. но задумиваться не стоить и сейчась же забить можно. Однаво въ разсказв о Феранонтв есть черта, которую Лесковъ не даваль забыть, къ которей онъ даже слешкомъ часто возвращался и въ мелкихь своихъ произведеніяхъ, и въ романахъ. Черта эта-рабская преданность. Естественно, что черта эта главнымъ образомъ пробивается въ разсказахъ изъ дореформеннаго помъщичьяго, врепостного быта. Главнымъ образомъ, но отнюдь не исключительно. Ласковъ вовсе не быль почитателемъ крапостного права. вакъ учрежденія, и умилялся не имъ, а добровольнымъ рабствомъ. Въ разсказъ «Дама и Фефела» мы имъемъ параллель между утрированно грубою «ламой» и «простолюдинкой», горничной или нянькой, Прашей, съ нъжнымъ и благороднимъ сердцемъ, настоящей праведницей. Дело происходить уже въ новейшее время, и Праша, хотя и врестьянка, но человівть вольный. Когда «дама», истерзавъ своего мужа, разощиясь съ нимъ, Праща переселидась въ нему. «Я — разсказывала она — только и хотёля, чтобъ онъ вналь, что онъ теперь не одинь, а у него есть раба» (курсивъ ЛЕСКОВА: XII, 83). Въ «Старинныхъ психопатахъ» жена помещика Вишневскаго поставляеть ему любовинць; «препостных» одалисовъ». Мужъ жилъ иногда въ другомъ имъніи и жена, при-TOTOBEBL ALE HOLO LEBRILLA «10 GLO BEACA», IDHLEBILAR GLO EP себъ. Онъ отвъчаль: «очень тебя благодарю и заботы твои обо мив цвию, а впрочемъ, въ главномъ выборв я на твой вкусъ . больше, чемъ на свой собственный, полагаюсь». А жена въ свою очередь писала: «За довёріе твое, безпінный другь мой, весьма тебя благодарю и въ разсуждении моего вкуса, въ чемъ на меня полагаешься, отъ души тебъ угодить надъюсь, но только прошу тебя, ангель моей души, прівзжай во мев сколь возможно сворве, потому что сердцо мое по тебъ стосковалося, и ты увидишь, что я не объ одной себъ соврушаюсь, но и твой вкусъ понимаю. Дъти наши объ здорови и тебъ вланяются и цълують ручки. Подпись: «твоя върная жена и раба Степанида» (VII, 379). Авторъ приводитъ еще такое же письмо и съ видимымъ удовольствіемъ прибавляеть: «И опять таже подпись: «жена и раба».

Эта рабская преданность, именно рабская, какъ неоднократно и разными способами подчеркиваетъ Лъсковъ, умиляетъ его сама по себъ, какъ таковая, и онъ не заботится объ томъ, чтобы какъ нибудь мотивировать ее и тъмъ самымъ сдълать для читателя понятною. Напримъръ, въ вышеупомянутомъ разсказъ «Звъръ» нътъ ни одного штриха, который подготовилъ бы читателя къ ръшенію Ферапонта, получивъ вольную, остаться служить свиръпому помъщику. Ферапонтъ человъкъ молодой, полный жизни, казалось бы, съ чего ему оставаться при баринъ, который только что сънграль съ нимъ злую шутку, да н вообще своею свиръпостью преславился? Но, по щучьему вельнью, по авторскому

прошенью, на Ферапонта ни съ того, ни съ сего нисходитъ духъ преданности, за что авторъ и производитъ его, вмёстё съ барипомъ, въ праведники.

Въ числъ вводнихъ эпизодовъ, непомърно пестрящихъ «На пожахъ», любонытно появление у гроба Бодростана его стараго двороваго, полупомъщаннаго восьмедесятилътняго «Сида». Онъ ругательски ругаетъ своего барвна; ему замъчаютъ, что не годится такъ говорить о покойникъ, да еще надъ его тъломъ.

 — А что мий его тело! резко ответние старике. А известно ин кому. что это не его твло, а мое? Да, да: кто мив смветь сказать, что это его тело? Когда онъ двенадцати леть тонуль, кто его вытащиль? Я! Кто его устыжаль, когда онъ въ Бога не вършль? Я! Кто его на война изъ чужихъ мертвыхъ тыль на спинъ унесъ? Я! Я, все я, върный рабъ Сидоръ Тимоосевъ, я его изъ могилы уносъ, мониъ дыханьемъ отдышалъ!-завричалъ старикъ, начавъ колотить себя въ грудь, и вдругъ подскочилъ къ самому столу, на которомъ лежалъ обезображенный мертвецъ, присъль на корточки и зашамкаль: - Я ради тебя имя врестное потеряль, а ты какъ Снпора Тимонена замив псомъ назмень? Кань по сусаламь биль? нань ты его за дерзость на цень сажаль? За что, за правду! За то, что я верный рабъ, я връпостной слуга, не наемникъ скаредный, не за деньги тебъ служиль, а за побон, потому что я правду говориль, и говориль я тебъ, что я тебя переживу, и я тебя пережиль, пережиль, и я на судь съ тобой стану, и ты мив повлонишься и сважешь; "прости меня, Сидъ", и я тебя тогда прощу, потому что я верный рабь, а не наемщикъ, а теперь ты лежи, когда тебя Богъ убиль, лежи и слушай" (IX, 421).

Изъ разсказовъ постороннихъ людей оказывается, что Сидъ дъйствительно много разъ выручалъ барина изъ большихъ бъдъ, но и былъ отъ него жестоко битъ, преимущественно за докучныя наставленія. А когда баринъ «давалъ Сиду и отпускную, и деньги, и землю, то Сидъ Тимоеемчъ все это съ гордостію отвергъ:—Ишь ты, подлое твое дворянское отродье, откупиться лучше хочешь, чтобы благодарнымъ не быть,—отвъчалъ онъ, разрывая отпускную и дарственную».

Въ хронивъ «Захудалаго рода» Патривъй Сударичевъ, връпостной слуга внязя Протозанова привозить женв последняго извъстіе, что внязь убить на войнъ. Княгиня наградила его за върную службу отпускною и клочкомъ вемли. Преданный Патрикъй возропталъ противъ этого и сталъ энергически отказываться. Княгиня настояла на своемъ, но затёмъ оказалось, что Патрикей засунуль вольную въ какой то ящикт, гдв она и провадялась соровъ лать. Патривай «ималь умъ довольно глубовій и сосредоточенный, карактеръ солидный и даже немножко важный; онъ по натурів быль фанатикь расской преданности и твердый консерваторъ старыхъ поридковъ» (VI, 33). «Охотникъ мечтать о дарованіяхь и талантахь, погибшихь въ разных русских в людахь отъ приностного права, нийль бы хорошую задачу расчислить: вакихъ степеней и положеній могь достичь Патривий на поприщ'в диппоматін или науки, но я не знаю, предпочель ли бы Патривай M 6. Orgins II.

Семеннить всякій блестящій путь тому, что счаталь своимъ призваніемъ: быть вірнымъ слугой своей великодушной внягинь. Ел рабъ, говориль онъ, и ел рабомъ л умру. И онъ такъ и сділаль. Въ этомъ быль его point d'honneur и даже боліе: онъ чувствоваль потребность бить ей преданъ бевъ мірн» (68).

Именно «безъ меры». Типъ безкористно преданнаго двороваго человъка не разъ эксплоатировался въ нашей беллетристикъ и большени, и малыми художниками. Но нието не обращался въ нему такъ часто и не освъщаль его такъ преувеличенно и одностороние, такъ во всехъ отношеніяхъ «безмёрно», какъ Лесковъ. Для «фанатика рабской преданности» Патриква Сударичева онъ придумиваетъ, напримъръ, такое невозможное положение. У Патрикъд есть сынь, котораго внягиня Протозанова береть поль свое покровительство, отдаеть учиться и, что называется, выводить въ люди. Молокой Сударичевъ прівзжаеть въ отцу на побывку уже архитекторомъ. Княгиня приглашаеть его въ себъ объдать. Старый Сударичевъ возсталъ противъ этого: «Кавъ, онъ, его сынъ «Никодашка», будеть сидеть за однимъ столомъ съ княгиней! За тёмъ самымъ столомъ, за воторымъ самъ онъ, Патривей Семенычь, такъ упорно присвоиль себъ право стоять и обходить гостей съ бутылкой мадеры... И, стало быть, теперь онъ и въ смну, къ «Николашкъ», долженъ будетъ подойти съ обернутою салфетвой бутылкой вина и спросить «приважете мадеры» (65). Положеніе, конечно, трудное, но не безвыходное, даже не для такого тонкаго ума, какимъ авторъ рекомендуетъ княгиню Протованову. Но внягиня нашлась только на половину: утихомирила старика и дала ему какое то поручение на время объда, но допустила, что въ половинъ объда онъ явился, занялъ свое обычное мъсто за внягиненымъ стуломъ, а въ надлежащее время сталъ обходеть гостей съ бутылкой мадеры. «Онъ хотель повазать, что изъ преданности можетъ даже и это снести», но, дойдя до сына и уже навлонившись въ нему для обычнаго вопроса: «приважете?»---не выдержаль и, крикнувь: «пошель вонь!» упаль въ обморовъ...

Нѣтъ, кажется, надобности настаивать на совершенной нелѣпости этой сцены. Ясно, что для возведенія Патривѣевской преданности въ «самую превосходную» степень Лѣсковъ наградилъ всѣхъ присутствовавшихъ за обѣдомъ, со включеніемъ Сударичева-сына и добродѣтельной княгини Протозановой, мѣдными лбами: никому изъ нехъ не позволилъ предотвратить нелѣпый эффектъ лакейскаго услуженія старика отца молодому сыну.

Съ особеннить наслаждением размазиваеть (именно размазиваеть) Лёсковъ словесную автобіографію «плодомасовскаго карлика», Николая Афанасьевича, «вёрнаго раба», крёпостного господъ Плодомасовыхъ. Въ изданіи сочиненій она имется въ двухъ экземплярахъ: въ первомъ томе (150—171 стр.) и въ шестомъ (410—430). И не только самъ Лёсковъ наслаждается, сочиняя

эту автобіографію, но и слушателей разсказовъ безмірно преданнаго карлика заставляють умиляться. Они восклицанія: «Наительййше это у него выходить»! «Ахъ, старичекъ прелестний!» Между прочимъ, карликъ разсказываетъ, какъ барыня котёла его женить на карлиці же, метті Ивановні, «для пыжиковъ». «Это, то есть, она желала маленькихъ людей развесть», записываеть въ своемъ дневникъ священникъ Туберозовъ. Свадьба не состоялась собственно потому, что г-жа Плодомасова котёла купить метту Ивановну, а владівлица метты Ивановны котёла напротивъ сама купить Николая Афанасьевича; дітей отъ нихъ, то есть «пыжиковъ», обі поміщицы другь другу уступали. А въ то время, какъ шла эта торговля, карликъ и карлица должны были забавлять барынь: ихъ, наприміръ, одівали медвідями и ваставляли бороться...

Этотъ разсказъ кардика производить необывновенно тяжелое впечатавніе. Всв мы знаемъ, что и не такія еще вещи продвамвались надъ людьми въ такъ называемое доброе старое время. Поэтому не столько содержаниемъ своимъ непріятно поражаетъ разсказъ кардека, сколько тъмъ умиленнимъ, слащавимъ тономъ, которымъ онъ ведется, тамъ восторгомъ, съ которымъ его слушають присутствующіе, наконець, тімь явнимь сочувствіемь, сь которымъ все это сочиняетъ Лесковъ. Г-жа Плодомасова изображена вообще гораздо болъе симпатичными чертами, чъмъ баринъ «върнаго раба» Ферацонта или баринъ «върнаго раба» Сила, но выь нельяя же все-таки, важется, восторгаться желаніемь свести двухъ кардиковъ для приплода «пыжиковъ», или этой борьбой двукъ несчастныхъ уродцевъ, нараженныхъ медвъдями. Пусть бы «върный рабъ» умилялъ вавими нибудь другими воспоминаніями о своей барынь, а объ этой обидь и издывательствы коть умолчаль бы неъ уваженія въ памяти покойницы. А онъ не только не умалчиваетъ, но разскавываетъ съ восторгомъ и приводить въ восторгъ и умнаго и благороднаго попа Туберозова, и добродушнаго дьявона Ахиллу, и другихъ, а главное-Лескова. Чемъ же Лесвовъ тутъ восторгается? Ни чёмъ инымъ, какъ фактомъ безмёрной преданности върнаго раба, ради которой онъ тоже безиврно готовъ пожертвовать и заравымъ смысломъ, и хуложественной правлой.

Я кончиль о Лескове. Я не думаль исчернать содержаніе всёхь двёнадцати томовь его сочиненій, но, думаю, и приведеннаго достаточно, чтобы видёть, что въ какомъ бы направленіи чли отношеніи мы ни изследовали этого плодовитаго писателя,— въ отношеніи ли языка, или характера действующихъ лицъ, или архитектуры фабулы, — мы вездё встрётимся съ однимъ и тёмъ же его кореннымъ свойствомъ: безмёрностью, отсутствіемъ чув-

ства міры. Это станеть еще боліве яснымь, если ввести элементь, мною наміренно устраненный: его отношеніе въ нашемъ различнымь партіямь. Здісь преродная безмірность оврыляется политическою озлобленностью, вслідствіе чего образи и картины получають характерь чудовищно фантастическій. Пусть любуются на нихь гг. Сементвовскіе, тімь самымь свидітельствуя, помемо всего прочаго, о своей свободі оть элементарнійшаго художественнаго чутья, а для нась и безь того ясно, что писателю, столь во всіхь отношеніямь безмірному, не місто въ первыхь рядахь литературы.

За посладніе годи на одно беллетристическое произведеніе не вызывало столько разговоровь, какъ напечатанный въ апрёльской внижив «Русской Мысли» разсказъ г. Чехова «Мужнив». Не въ первий разъ г. Чеховъ вызываеть въ себв такое усиленное и сосредоточенное вниманіе. Такъ было, наприміръ, съ его . комедіей «Ивановъ». Скоро однако разговоры объ этомъ вполнъ неудачномъ произведение совсимъ прекратились и вышло такт. вавъ будто нивогда и не было комедін «Ивановъ». Мив думается, что то же самое должно произойти и съ разсказомъ «Мужнин». Это, разумъется, ни мальйше не колеблеть репутаців г. Чехова, а репутація эта очень опредвленна: сельный таланть, который можеть, конечно, промажнуться и слабой вещью, но которому, главное, вавія то обстоятельства мішають развернуться во всю мъру своей сили. Въ то же время едва ли вто отнесетъ г. Чехова въ числу писателей, «подающих» надежды». Всё его почитатели-а у него ихъ очень много-признають его уже осуществившимъ возможныя надежды и следовательно мярятся съ твиъ, что этотъ большой талантъ инкогда не покажеть намъ полной мёры своей селы.

«Мужнен» были встрвчены критикою болье чыть благосклонно. По крайней мёрё тё отзывы, которые миё попадались, переполнены похвалами. Говоря совершенно искренно, я не понимаю этихъ восторговъ. «Мужнен» далеко не изъ лучшихъ разсказовъг. Чехова. Въ нихъ есть что то недодёланное, отзывающееся черновикомъ, при пересмотрё котораго авторъ навёрное нёкоторыя части развиль бы, выдвинуль бы впередъ, а нёкоторыя другія напротивъ сократиль бы. Вотъ, напримёръ, часть описанія пожара:

Марья металась около своей избы, плача, ломан руки, стуча зубами, котя пожарь быль далеко, на другомъ краю; вышель Николай въ вален-кахъ, повыбъгали дъти въ рубашенкахъ. Около избы десятскаго забиле въ чугунную доску. "Бемъ, бемъ, бемъ"... понеслось но воздуху, и отъэтого частаго, неугомоннаго звона щемило за сердце и становилось холодно. Старыя бабы стояли съ образами. Изъ дворовъ выгоняли на улицу

овецъ, телять и коровъ, выносили сундуки, овчини, кадин. Вороной жеребень, котораю не пускали ет табунг, такт какт онг лягал и ранил лошадей, теперь, пущенный на волю, топоча, со ржаньень, пробижал по деревии разъ и другой и едругь остановился около тельни и стал бить ее задними могами.

Зазвонили и на той сторонъ, въ церкви.

Около гервешей избы было жарко и такъ светло, что на земле видна была отчетниво каждан травка. На одномъ изъ сундуковъ, которые успели вытащить, сидътъ Семенъ, рыжий мужикъ съ большимъ носомъ, въ картузъ, надвинутомъ на голову глубоко до ушей, въ пиджакъ; его жена лежала лицомъ внизъ, въ забытън, и стонала. Какой то старикъ летъ восьмидесяти, низенъкій, съ большой бородой, похожій на гнома, не здъшній, но, очевидно, причастный къ пожару, ходиль вездъ съ бъльшъ узелкомъ въ рукахъ; ма лысиме сто отсемчиваль отомъ.

Не правда ли. яркая картинка? Вглядитесь, однако, въ неепопристальные, кота бы только нь ты мыста, чеоторыя в подчеркнуль. «Старыя бабы стояли съ образами». На одной изъ передвижних выставовъ, нёсколько лёть тому назадъ, была картина на этотъ сюжеть: освещенняя очевидно бинзимъ пляменемъ пожара часть избы, у дверей которой стоить старая баба съ неоной въ рукахъ. Ничего больше, некакехъ другихъ подробностей. Но въ физіономію баби художникь (въ сожалінію, не помию его имени) вложиль столько спокойной уверенности, что нвона оградить избу оть огня, воторый, однаво, воть-воть отгонить бабу,-что передъ вами распрывается цёлая сложная сторона мужицкой живни. Въ картине г. Чехова стария баби съ образами-медкая деталь, заиннающая ровно столько же ивста, сволько отражение огня на лиснив старика. Притомъ же записана эта деталь такъ небрежно, что не всякій и пойметь, въ чемъ тутъ дело: можетъ бить баби просто спасали образа. За то ми узнаемъ, не только какъ вель себя на пожара вороной жеребець, но и какой у него вообще дурной карактеръ.

Это, конечно, мелочи. Но и въ самыхъ существенныхъ частяхъ разсказа мы встрёчаемъ ту же черновую небрежность или недодёланность, особенно бросающуюся въ глаза при тщательной разработив вгоростепенныхъ подробностей.

Крестьянинъ Неволай Чикильдевъ служиль въ Москве, въ «Славянскомъ Базаре», половимъ, но пришелъ въ негодность, заболель и рениять убхать въ родную деревню, вмёстё съ женой, служившей въ Москве же горничной въ меблированныхъ комнатахъ, и маленькой дочерью. Въ деревне онъ съ перваго же дня получаетъ множество непривичныхъ для него тяжелыхъ впечатленій: грязь, нищета, грубость, пьянство, драки. Онъ рвется изъ этого омута, но податься некуда. Здоровье его слабетъ, кавой то старикъ, отставной военный фельдшеръ, ставить ему банки, непосредственно после которыхъ больной умираетъ. Его жена и дочь уходять въ Москву пёшкомъ, побираясь по дороге Христовымъ именемъ.

Таково въ общихъ чертахъ солержание «Мужиковъ». Нъкоторыя летали равсказа савланы съ свойственнымъ г. Чехову мастерствомъ. Нъкоторыя фягуры, напримъръ, старосты Антона Съдельникова, двухъ невъстокъ, -- забитой Марын и «оворной» Оекли, -намъченния всего нъсколькими штрихами, стоять передъ вами. какъ живне. Но маже и они вызывають временами чувство досады на автора, на его небрежность. Напримъръ. Оворная Осклаочень дурно относится къ прівзжимъ москвичамъ, въ особенности въ женъ Николая, Ольгъ: ругается, даже дерется. Кротвая. не помнящая вла Ольга отплачиваеть ей добромъ. Өевла ночью-«гуляла» за ръкой съ вакими то «озоринками» изъ помъщичьей усадьбы, а тё въ заключение раздёли ее до нага, да такъ и пустили домой. Ольга. ласково прикрыла ее въ двоякомъ смыслъслова: и одбла, и помогла сврить привлючение. У читателя естественно является вопросъ; какъ же после этого стала относиться Өекла въ Одъгъ? Разумъется, читатель не имъетъ права приставать въ автору со всёми вопросами, какіе ему придутъ въ голову при чтенін. Но въ данномъ случав вопрось самъ собой витекаетъ нзъ особеннаго, экстреннаго положенія, въ которое самъ авторъ поставиль своихъ действующихь лиць. Озорная, грубая Осила, ножеть быть, во всю свою жизнь ни одного ласковаго слова не слыхала, -- вонъ даже сейчась она вернулась изъ-за рви осрамленная, а еще это была гулянка, веселье. Можетъ быть, въ нервий разъ въ жизни нашелся человъкъ, который ее ножальлъ, в мы хотимъ внать, какъ она къ этому отнеслась. Мы ничего не подсказиваемъ автору, не требуемъ, напримъръ, чтоби Өеклапронивлась чувствомъ благодарности въ Ольге или, наоборотъ, еще пуще не взлюбила ее; им хотвли бы только посмотрёть на нихъ вивств после описаннаго случая. Но автору не приходить въ голову удовлетворить это естественное желаніе: имева Осклы н Ольги больше ни разу не встрачаются въ разсказа рядомъ, хотя онв прожими еще чуть не пвлый годь въ одной избв.

Во всякомъ случай нівоторыя второстепенныя дійствующія лица сділаны гораздо лучше, чімъ главныя: Николай и Ольга Чикильдівевы и ихъ дочь Саша. Въ особенности неудачна Ольга. Я не хочу сказать, что такихъ не бываеть, но авторъ не сділаль ее віроятною, не представиль въ ея пользу никакихъ оправдательныхъ «человіческихъ документовъ». Ольга—сама кротость, наска и приличіє; она грамотная и любитъ читать евангеліє; читаеть она его безъ всякаго пониманія я плачеть отъ умиленія при словахъ «аще» и «дендеже», но она и безъ пониманія проникнута духомъ евангельской любви и всепрощенія, въ каковомъ духів и дочь свою, Сашу, воспитала. Все это ділаетъ ее какимъ то світлимъ пятномъ на мрачномъ и гразномъ фоніжизни «мужиковъ». Но васъ невольно беретъ сомнівніе въ правдивости этого образа. Ольга била въ Москвіт горничной въ меблированных вомнатах, а что такое московскія меблированныя комнаты, объ этомъ несейдущіе люди могуть отчасти узнать изъ напетатаннаго въ апрёльской же кнежей «Русской Мысле» разсказа г. Тямковскаго «Привать-доценть». Въ одномъ изъ такихъ учрежденій «передъ Корнеліевымъ (привать-доцентъ) замелькали потныя, сердитыя лица, полупьянне глава, отчанно жестикулирующія руки; слишались возгласи: «шулерство... негодяйство... ноги моей не будетъ... пошелъ ко всёмъ чертямъ!» и т. п. Испуганный и оглушенный, Корнеліевъ бочкомъ пробрадся къ двери и внокользнулъ въ коридоръ». Въ другихъ меблированныхъ комнатахъ одинъ жилецъ жалуется Корнеліеву: «У васъ вонъ тамъ весна, а анаеемская хозяйка по этому случаю топить перестала: видите, какую сирость развела? Эти квартирныя хозяйки, я вамъ скажу, такія...»

Разсказъ г. Тимковскаго посвященъ вовсе не описанию меблированных вомнать. Приведенныя черты жизни являются въ разсказъ, конечно, въ болъе развитомъ видъ, чъмъ у мена, но все таки онъ отмъчаются мимоходомъ. Въ нашей литературъ найдутся гораздо болье яркія и полныя изображенія жизни въ московских меблированных комнатахъ, и я привелъ нъсколько строкъ изъ разсказа г. Тимковскаго только потому, что читатель найдеть его рядомъ съ «Мужнами» г. Чехова. По и въ приведенных нёскольких строках содержится достаточно намековъ на ту действительность, въ которой жила Ольга въ Москев. Богема, населяющая меблированныя комнаты, часто проводить время болью, чемъ весело, и горинчива туть всякой штуки навидится и наслышится; а хозяйка, хоть и не непремённо «анаоенская», своего во всякомъ случав не упустить, и горничная туть всякой штуки натершится и въ смысле неустанной работы съ утра до вечера, и въ смысле помещения где нибудь въ конурв подъ люстницей. При этихъ условіяхъ могуть выработываться очень различные типы горинчныхъ, но только не Ольги; это не тниъ, а экземиляръ, сложнышійся благодаря вакниъ то особеннымъ, необычнымъ обстоятельствамъ, которыхъ намъ авторъ не показалъ, а потому и Ольга является совершенно неоправланною.

Можетъ быть, на Одьгу вліяль мужь, Неколай? Это, повидимому, мягкій, добрый человікь, но это и все, что объ немъможно сказать: онъ гораздо бліднію Ольги. Къ профессіи своей Неколай относится какъ бы даже восторженно. Когда онъ въ деревні слышить въ первый разъ звонь ко всенощной, онъ «мечтательно» вспоминаетъ: «Объ эту пору въ Славянскомъ Вазарів обіды». Ночью, когда его некто не видить, надівнаеть свой лавейскій фракъ и умеленно улыбается; при случай охотно говорить о котлетахъ марешаль и т. п. Эти нісколько комическія черты, придавая нікоторую жизненность блідной фигурів Николая, тонутъ въ его мягкости и деликатности, но не въ нихъ же исвать источника святости Ольги. И опять таки мы ничего не узнаемъ о жизни Николая до его прівзда въ деревию, кромъ того, что онъ одиннадцати лътъ былъ отвезенъ на трактирную ла кейскую службу въ Москву.

Недавно въ «Сынъ Отечества» была напечатана замътка о положении трактирныхъ половыхъ. Авторъ, между прочимъ, говоритъ:

Одинъ изъ монкъ читателей пишеть мив отъ своего имени и отъ ниени своихъ товарищей по работи и указываеть, что ихъ работа начинается съ 7 часовъ и продолжается до 2-хъ и 4-хъ часовъ ночи. Въдь это не меньше 19 часовъ работы. Скажуть, что эта работа легкая, что очень часто приходится сидеть совсемъ безъ дела. Да, но ведь сидеть бевъ дъла въ ожиданіи, что каждую минуту дюбой пьяница можеть васъ позвать и начать безнаказано издеваться надъ вами, — это еще не значить отдыхать. Большинство служащихъ работають безъ жалованья, существуя исключительно теми деньгами, которыя посетители дають «на чай. Изъ этихъ же денегь служащій уплачиваеть хозянну за разбитую посуду. «Никакое начальство, никакое покровительственное общество не входить въ наше положение, жалуется авторъ письма, такъ что въ общемъ служащій человівь что то такое ненужное и презрівнюе, что ни просьбъ, ни жалобъ отъ него нивто не желаетъ принимать. Разъ онъ слуга, значить долженъ быть и подчиненъ и добръ по каравтеру и честенъ и за все модчать и все переносить. А въдь онъ тоже человъкъ. А CATSPOX ATHEM IN SECON CHO.

Воть какіе виды видаль и Николай Чикильдьевь за свою долгольтнюю лакейскую службу съ одиннадцати льть и до старости. Но авторь вычеркнуль все эго изъ его памяти, не показаль и читателю и поставиль въ среду «Мужиковь» такимъ, какимъ онъ является посътителю Славянскаго Базара: чистоплотнымъ, деликатнымъ, весело предупредительнымъ, любезно предлагающимъ скушать котлету-марешаль. Выходить опять своего рода свътлое пятно, и опять неоправданное.

Вообще весь разскавъ г. Чехова производить такое впечативніе, какъ будто талантивый и наблюдательный человъкъ, попавъ въ деревню, поразился ея нищетою и гразью, наскоро занесъ свои впечатлънія въ свою записную книжку; потомъ вспомнилъ лакея, видъннаго имъ въ московскомъ трактиръ и обратившаго на себя его въ деревенскую картину; потомъ присочинилъ ему жену и дочь, потомъ наскоро и грубо присочинилъ кое какія сцены для пополненія запаса подлинныхъ наблюденій. Еслибы все это выровнять, отдълать, то, при талантливости автора, могла бы выдти прекрасная вещь, а теперь вышли только «Мужики».

Но можеть быть этотъ разскавъ, хотя бы и не ввъ удачныхъ самъ по себв, дорогь темъ, что даетъ матеріалъ для важныхъ выводовъ, которые вотъ и делаются критикой? Посмотримъ.

Во всемъ, что я слышаль и четаль о «Мужикахъ», меня

прежде всего перазило то, что, весхищалсь талантинвостью этого произведенія, талантомъ г. Чехова вообще, никто не попытался вспоменть хоть одно вакое небудь изъ прежнихъ произведеній г. Чехова. А въдь это такъ естественно, когда ръчь идетъ о произведения талантинваго писателя, инфициго болбе или менбе долгое литературное прошлое. Читая, напримерь, не то что тавую грандіозную работу, какъ «Война и миръ», а даже такой незначительный разсказъ, какъ «Хозяннъ и работникъ», вы невольно вспоминаете рядъ образовъ и картинъ изъ другихъ пронзведеній Толстого, ищете въ нихъ дополненій, разъясненій, парамлечей, контрастовъ; вамъ открываются такія или иныя перспективы въ творческій міръ Толстого вообще. Возьмите любого другого беллетриста, привлекавшаго въ себв внимание публики: Тургенева, Салтывова, Успенсваго, Достоевскаго; вездъ вы получите то же самое: столь тёсную связь между, если не всёми, то большинствомъ ихъ произведеній, что даже при желаніи изолировать какое нибудь одно нев нихъ, сделать это трудно. Это напротивъ очень дегко относительно г. Чехова. Трудно напротивъ наёти какую нибудь связь между «Мужиками» и «Ивановымъ», «Стенью», «Палатой № 6», «Чернымъ монахомъ», водевилями въ родъ «Медевдя», иногочисленными мелкими разсказами. Есть только одно произведение, которое мий всегда вспоминается при чтенія каждой новой работы г. Чехова. Эго «Скучная нсторія», и въ ней грустныя слова главнаго д'яствующаго лица: «Во всёхъ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ, какія я составляю обо всемъ, нътъ чего то общаго, что связывало бы все это въ одно целое. Каждое чувство и каждая мысль живуть во мив особиявомъ, и во всвиъ мониъ сужденіямъ о наукв, театры, литературъ, ученикахъ и во всъхъ картинахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитивь не найдеть того, что называется общей идеей или богомъ жевого человъка. А поли нътъ этого, то, значать, нътъ и ничего»...

Последнее, можеть быть, ужь слешкомъ сурово: Никодай Степановичь, говорящій эти печальныя слова, есть умный, ученый и добрий человекь; умь, внанія, доброта за нимъ и остаются. Точно также за г. Чеховымъ остаются таланть и наблюдательность, но «того, что называется общей идеей или богомъ живого человека» — у него нёть. Въ этомъ, между прочимъ, и заключается разгадка той странности, что всё мы, почитатели таланта г. Чехова, твердо внаемъ, что онъ никогда не развернеть этотъ свой таланть во всю мёру его силы. Отсюда же слёдуеть и другой общій виводъ, а именно тогь, что никакихъ общихъ выводовь изъ произведеній г. Чехова дёлать не слёдуеть, да и просто нельзя. Безпрестанно перенося свое художественное вниманіе съ одного предмета на предметь, онъ довольствуется самыми поверхностными наблюденіями. Поверхностность эта скрадывается боль-

шою талантливостью, но все таки не нужно быть «самымъ некуснымъ аналитикомъ», чтобы усмотрёть ее, а значить и отказаться отъ какихъ бы то ни было выводовъ на основание столь скуднаго, поверхностнаго матеріала.

Чеховъ котёль показать «Мужиками» то-то или то-то... Такъ говорять и пишуть. Я этого не знаю и вполив допускаю, что г. Чеховъ даже ровно ничего не котель показать, а просто писаль, какь писалось, подъ влінніемь изв'ястнихь впечатлівній сь одной стороны, навъстнаго настроенія — съ другой. Для меня лично никакіе общіе выводы не следують изъ написанной ниъ картены, въ которой столько случайнаго, экземплярнаго, непропорціональнаго и недоговореннаго, несмотря на громкое и какъ бы суммирующее заглавіе «Муживи». Другіе думають иначе. Говорять, напримъръ, что мы получили яркую картину деревенской нищеты, невъжества и дикости, а это уже само по себъ есть призывъ, указаніе на необходимость просвіщенія деревни. Вогда то подобныя вартины не были редеостью въ нашей литературе, раздавались даже негодующіе голоса, что она «провоняла мужикомъ» и что надовно слушать, какъ «какой нибудь Сысойка отъ дикости своей принужденъ сосновой корой питаться». Потомъ и совсёмь было о мужике забыли, а теперь воть онь опять всплыль въ разсказъ г. Чехова, да еще какого шуму надълалъ! Какъ бы то ни было, но необходимость просвёщения мужика (если ее еще нужно доказывать) двиствительно вытекала бы наъ разсказа г. Чехова, еслибы не лучезарность Николая и Ольги Чикильдеевыхъ. Одна плачетъ при словахъ «аще» и «дондеже», а другой умъеть въроятно написать счеть, обозначивъ въ немъ котлетумарешаль и «бфъ бруп» и многое другое. Это, конечно, просвъщеніе, но діло не въ немъ, очеведно, а въ тонкой чувствительности, деликатности, «гуманности», воспитанныхъ городской жизнью.

Необходимость просвещенія — выводъ правтическій, приглашающій къ некоторымъ действіямъ. Другіе считають его пустяками, не стоющими внимавія, а важенъ, дескать, выводъ теоретическій: городъ въ лица полового Николая и горничной Ольги выше деревни въ лица ихъ дикихъ сродниковъ. Ну, а дальше что? Сладуеть ли изъ этого, что городъ, который и безъ того хорошъ, можно оставить безъ вниманія, и всё заботи общества. должны сосредоточиться на деревна, которая такъ темна и безпомощна? Повидимому, натъ, и даже скорае напротивъ. Во всякомъ случай насъ предпочитаютъ держать на высота чисто теоретическаго вывода и настанвають на немъ съ страннымъ полеинческимъ задоромъ. Задоръ этотъ страненъ по своей запоздалости. Было время, когда кое кто изъ нашихъ беллетристовъ чрезмарно идеализировалъ деревню въ ущербъ или въ пику городу. Выли у этого направленія свои теоретики-публицисти, при-

бъгавине въ чрезвичанно страннимъ присмамъ для оправдания и развитія своихъ положеній. Напримірь, одинь изъ нихъ писаль: «Если только намъ суждено скоро услышать «надлежащее слово», его скажуть люди деревни, а не города, и ужъ всего меньше Петербурга. Да, скажеть его деревня, какъ бы презрительно ни думале о ней внижники. Хотелось бы пояснить, что подъ деревней здёсь подразумёвается единица, олицетворяющая собою принципъ солидарности, правственной связи, въ противоположность принципу врайняго индивидуализма и разобщенности, выразителемъ которого быль и есть европейскій городъ». Это писаль яванцать лёть тому назадь въ «Нелёлё», нёкто г. П. Ч., вёроятно давно уже отказавшійся оть своей тогдашней точкн врвнія. Да и вообще въ настоящее время въ литературів нівть ся представителей. Но за то ее усвоили, напримъръ, комментаторы «Мужиковъ», только, такъ сказать, съ перемвною адреса. Логическая отнова вышеприведеннаго разсуждения г. П. Ч., какъ я тогда же указываль, состоить въ томъ, что, вёрно или невёрно усвонвъ деревив известную черту, онъ отвлекаето ее отъ всекъ непривлекательных сторонъ деревни-ея невъжества, пьянства, грубости-и противопоставляеть эту отвлеченную деревию конкретному Петербургу, въ которомъ, конечно, много мерзостей. Совершенно такъ же поступають вомментаторы «Мужековъ» (я не говорю самъ г. Чеховъ). Върно или невърно приписавъ извъстныя черты городскому жителю вообще, они беруть отваеченмато полового — витирають изъ его прошлаго всв тычки, пинки, ругательства и издевательства, претерпенныя имъ съ одиниадцатвивтняго возраста до твиъ поръ, пока онъ самъ сталъ раздавать таковыя такомъ же мальчинкамъ-ученикамъ; промывають его глава и уши отъ всего, что онъ видълъ и слишалъ въ отдельныхъ кабинетахъ; вычеркиваютъ и его ежедневную 19-и-часовую работу, и всё гнусныя привычки хамскаго угодинчества изъза «на-чаевъ», выработываемыя нашими дивнии нравами вообще, н всв тв оснорбленія, которыя онъ, благодаря все той же нашей общей дивости, получиль отъ пьяныхъ посетителей, и проч., и проч., и проч. Вотъ, напримъръ, недавно писали въ газетахъ, что какой то милліонеръ нвъ купцовь заставиль лакоя-татарина. въ загородномъ ресторанв дечь на полъ кабинета и, поливая его шампанскимъ, приговаривалъ: «плавай!» Старикъ-татаренъ, для угожденія «хорошему гостю», легь на поль и началь руками н ногами производить движенія, какъ во время плаванія. — «Теперь получай награду», — возвёстиль коммерсанть, и даль татарину нятьсоть рублей. Татаринъ останся врайне доволенъ и съ восторгомъ, какъ заявляють газеты, заявель окружающемъ: «Тредцать лътъ служу, а такого хорошаго господина не видалъ»... Все это отметается, стирается, и получается исключительно воплощение того момента каторжной жизни полового, когда онъ любезно и

Ţ

٢

Ē

٤

S

3

ď

Ţ.

N.

ø

TC

0 🐔

jes 1

B 1 ¹

95

предупредительно предлагаеть вамъ въ хорошемъ московскомътрактиръ: спаржи не прикажете ли?—хорошую и лучили. И этого отвлеченнаго полового вибдряють въ конкретную, даже въ ультраконкретную деревию, изъ которой не только ни одна подлинная соринка не выметена, а еще лищняго навозу навалено для большей яркости.

Отвлеченный половой всёмъ возмущается въ конкретной деревив. «На Илью пели, на Успенье пили, на Воздвиженье пили. На Покровъ въ Жуковъ былъ приходскій праздникъ, и мужики но этому случаю пили три дня; пропили 50 рублей общественныхъ денегъ и потомъ еще со всвять дворовъ собирали на водку». Да, это правда, и ужасная правда. Но вёдь это только для отвлеченнаго полового неведаль, а конкретний половой внасть. что въ московскихь трактерахъ кругляй годъ, каждый день пьють. — Вь езбе, въ которой пришлось поселиться Чикильдевник, грязно, твено, душно. Да, навврное такъ. Но прочтите печатающуюся въ этой же внижей «Русскаго Богатства» статью г-жи Покровской «Желеща петербургских» рабочих», и вы увидите, что не только на деревенской родинь Чикильдьева есть люди, живущіе въ грязи, тъснотъ, смрадъ. И конкретний половой не можеть этого не знать, потому что, вакъ засвидетельствовано многочисленными полицейсвими протоколами, многіе половне, проработавъ 18-19 часовъ въ трактирной атмосферь со всеми ся предестями, отдыхають, то есть спать въ условіяхь, своими неудобствами, можеть быть, превосходящих даже избу Чивильдвевых в. Ну, а отвлеченный Чивильдеевъ, -- тотъ такъ и стоить въ храмоподобномъ зале Славянскаго Базара, облеченный во фракъ в крахмальную манишку, и любезно улыбается. Есть, однако, и относительно этого франта одно указаніе, способное очень ослабить то впечативніе світлаго пятна. которое онъ производить на фонъ деревенскаго мрака. Проработавъ, не зная отдыха, летъ соровъ, онъ не имеетъ, где приклонить голову, и вдеть кончать жизнь въ деревир; а послё его смерти его жена и дочь побираются Христовымъ именемъ. И такъ это просто, точно она всегда къ этому готовыбыли. Дойдя до перваго же села, «остановившись около избы, которая казалась побогаче н новће, передъ. открытыми окнами, Ольга повлонилась и сказала громко, тонкимъ, пъвучимъ голосомъ: - Православные христівне, подайте милостыню Христа ради, что милость ваша, родителямъ вашимъ царство небесное, въчний покой. — Православные христіане-запала Саша, - подайте Христа ради, что мелость ваша, парство небесное

Господа, подайте милостыно своего вниманія подлинной вдов'в и сврот'в подлиннаго рабочаго челов'вка, гд'в бы онъ ни работаль, въ деревн'в ли, въ город'в ли; и не сшибайте лбами двухъ разрядовъ людей, жизнь которыхъ, въ разномъ род'в,

но одинавово темна и свудна, одинавово требуетъ и одинавово заслуживаетъ участія...

«Кто то нарядель его во фравъ, научилъ его держаться полакейски, заставилъ выражать всей своей фигурой удовольствіе при видѣ кушающихъ и пьющихъ господъ, заставилъ «затеердеть» сотни какихъ то словъ, невѣдомо что означающихт, словомъ замаскировалъ и скрилъ его подлинную человѣческую сутьи вотъ эта то суть, горькое, каторжное существованіе простого рабочаго человѣка, недосыпающаго и недоѣдающаго, вдругъ зазвучало въ его монологѣ о ликерахъ и финзербахъ такъ ясно и такъ жалобно, что скучающіе посѣтители не осмѣлились продолжать шутки.

- Конечно, продолжаль лакей, уже не какъ лакей, а какъ каторжный работнекъ, конечно, кто знастъ, напримёръ, вностранный язывъ и досугъ у него есть, тавъ это очень дегко затвердить, а нашему брату-мужику очень это трудно! Я отродясь не знаю, каковъ таковъ и досугъ то есть на свётё... Десяти годовъ меня въ Петербургъ представели изъ деревии... У насъ въ Ярославской губерній народъ все отхожій-то въ Москву, по трактирной части, то по фабричной... У меня отепъ на фабривъ померъ, осталась мать, двъ сестры маленькія, да я по десятому году. Мать то на фабрику пошла, а меня въ Питеръ увезли. Насъ, ярославскихъ ребять, какъ телять въ Питерь возять. Такіе есть мужикинабереть мальчишевъ штукъ десятовъ, на свой счетъ представить ихъ въ Питеръ ли, въ Москву ли и раздастъ по трактирамъ, по кабакамъ. Конечно, на этомъ и наживаетъ съ козяевъ. Такъ меня десяти годовъ на Сънную, въ самый черный трактиръ опредълнин. День и ночь торговали, извощиций. Два года стояль ва стойкой, посуду мыль. А что побоевы! Все по головъ, все по ватылку, съ оплеухой! Такъ сколько я претерпвлъ, покудова Господь меня сподобиль съ Свиной то изъ вертепа достигнуть до ресторана! Конечно, добрые люди помогли, научили всему.
 - Да чему же тугъ учить?
- Помилуйте, какъ чему? Теперича на сватьбахъ оффиціантомъ приглашаютъ, все надо знать, оршадъ, лимонадъ, весь порядокъ. Да тутъ страсть Господна! Опать, какъ подать, какъ обойтись... Облей ко соусомъ то гостя—ну и вонъ! Какъ можно! Тутъ ни дня, ни ночи покою нётъ. Главное, спишь кое-какъ, совсёмъ по нашей должности сна мало... Такъ тутъ, при такой живии, гдъ ужъ намъ доходить до всего—дай Богъ только цамятью не сбитьса! Я этотъ самый прейсъ-курантъ то мъсяца три по ночамъ зуделъ, съ огаркомъ, покудова вошелъ въ память. Только бы Господъ далъ не перепутать. А кромъ того надо съ гостемъ обойтись умёть, услужить ему; а иной буйный на то в

въ трактиръ ндетъ, чтоби наскандальничать.. Иной разъ не дожарятъ или пережарятъ—а ругаютъ то нашего брата. Бываетъ, который сердитый гость, такъ прямо тарелкой въ рыло норовитъ: ему нипочемъ, напримъръ, въ сердцахъ, за лацканъ дернуть, оторвать или соусомъ какимъ облить... А въдь фракъ то маломало девять цълковнихъ!»

.Это я вишисаль изъ разсказа Глеба Успенскаго «Развеселиль госполь» (Сочиненія, т. І. 959—970), который рекомендую прочитать или перечитать всемь, такъ или иначе заинтересовавшимся «Муживами» г. Чехова. Надо ваметить, что въ разсказв полового нътъ не одной сочененной черты, онъ весь записанъ съ натуры, какъ мив доподлинно известно, потому что я присутствоваль при разсказъ; Успенскій только вставиль его въ рамку, опредълнитую и заглавіе: «Развеселня» господъ». Половой Успенскаго тоже мягкій, делекатный человінь, какь и Николай Чинильдвевъ. Но, во-первихъ, у этого полового всирита его <подлинная человѣческая суть» и его «горькое каторжное суще-</p> ствованіе простого рабочаго человіна». Во-вторихь, отношенія этого полового въ деревий прямо противоположны тимъ, которыя мы видимъ у Чикильдева: онъ только и мечтаеть объ томъ, какъ бы, помаявшись еще года два въ половыхъ, поселиться въ деревий, жизнь которой рисуется ему идиллическими красками. Въ третьихъ, наконецъ, Успенсвій не то, что г. Чеховъ, который, записавъ несколько своихъ наблюденій, даеть имъ исчерпивающее заглавіе «Мужики», а затімь перейдеть, можеть быть, иъ «Черному монаху» или иъ водевилю «Медвадь». Успенскій постоянно трепетно и вдумчиво вглядывался въ деревенскую жизнь. Онъ зналь, какая это обширность и сложность. Зналь, что подлинный разсказъ полового объ его идилическихъ деревенских отношениях не исчерпываеть этой общирности и сложности, въ которой есть и скорбь, и мракъ, и ужасъ, какъ есть они и въ жизни городского рабочаго человъка.

Ник. Михайдовскій.

Дневникъ журналиста.

О гимназическихъ учебникахъ.

I.

Греко-турецкая война, какъ неотножная злоба дня, отвлекая наше вниманіе отътимнавических учебниковъ, которыми мы занимались въ апрёдьокомъ Днеенико и къ которымъ обёщали возвратиться. Наступившее лётнее затищье даеть намъ для того необходимый досугъ. Сегодня мы опять займемся этимъ, давно назрёвшикъ, вопросомъ. Чему научають наше молодое поколёніе въ средней школь? Чему желають научить и можно ли научить желаемому по предлагаемымъ руководствамъ и учебникамъ? Эти вопросы не только давно назрёли, какъ мы только что выразились, но и давно наболёли. Мы видёли, какъ и чему учать учебники русскаго языка. Посмотримъ теперь на знанія, предлагаемыя руководствами по другимъ общеобразовательнымъ предметамъ.

Межну гимназическими предметами нельзя не обратить вимманія на одинь, им'яющій особое значеніе, какъ свизующее звено между гуманитарными и реальными предметами, заключающее въ себъ и повианіе природы, и повианіе человька. Я говорю о географін. Для средней гуманитарной школы землевідініе есть преннущественный и наиболье удобный проводникь реальных знаній и связаннаго съ ними пониманія міста человіка въ природі и міста его обиталища, земли, во вселенной. Безъ такого пониманія самое широкое гуманитарное образование будеть неполно. Более того, оно будеть немощно принести требуемые оть него плоды, дать пониманіе мъста человъка въ человічестві, въ стечестві и въ великомъ мірів человівческих идей, идеаловь и задачь. Съ другой стороны, та же географія является въ средней реальной школь проводникомъ гуманитарнаго знанія, исправияя односторонность реальной школы, знакомя человека съ человекомъ и человечествомъ. Покамъсть мы не выработали еще типа школы, призванной замвнить объ существующія системы, объ устарілыя и объ давно нуждающіяся въ замінь, до тіхъ поръ преподаваніе географія можеть явиться однимъ изъ немногихъ коррективовъ объихъ системъ, дополняя ихъ односторонность и исключительность, давая представденіе о мірозданін ученику гуманатарной школы, о человікі и его культурь-реалисту. Поэтому-то значеніе географін въ нашей средней школь можно смело поставить наряду съ самыми важными предметами, съ самимъ преподаваніемъ родного языва (этого необходимаго предварительно усводемаго орудія всякаго образованія).

Землеведение и связанное съ нямъ народоведение сделали въ

наще время колоссальные успёхи и представляють собою теперь одну изъ самыхъ разработанныхъ и вийсти съ тимъ изъ самыхъ увлевательных отраслей знанія. Давно ли наши свёдёнія о внутренней Азін, о центральной Африкв, о внутренности Австраліи были самыя скудныя? Давно ли карты этехъ общирныхъ территорій представляли пустоту, наполненную гадательными, малодосто-ВЕДНЫМИ СТОЛЬКО ЖО, СКОЛЬКО МАЛОЧИСЛОВНЫМИ ЛАННЫМИ И ОТМЕТКАМИ? Немногое, что здёсь отмёчалось, было извлекаемо изъ Птоломея и Страбона, изъ Массуди, Иби-Батуты и Марка Поло. Данныя о населенія и государствахъ, скудныя и ничтожныя, относились при ЭТОМЪ ВЪ СВИМИЪ ОТЛАНОМНЫМЪ ДРУГЪ ОТЪ ДРУГА ЭПОХАМЪ, НАСИЛЬственно и противуестественно соединяемымъ на одной фантастичесвой карть. Столь же фантастичны были и карты строенія территорін. Стоить только вопомнить о знаменитомъ меридіональномъ средне-азіатскомъ хребть Велуртать, будто бы отдылявшемъ среднеазіатокую шлоскую возвышенность (какъ тогда называли внутреннюю нагорную Азію) на востокі оть Туранской незменности на вапаль. Этоть несуществующій хребеть (признававшійся изъ самыхъ высокихъ на земномъ шарв) фантазія географовъ населила особымъ голубоглазымъ светловолосьмъ племенемъ белуровъ или болоровъ, последнить обломкомъ нидо-европейской расы, вышелщей будто бы изъ ущелій этого Белуръ-тага. Я привель крупный, різжушій глава премёръ, но вся географія этехъ громадеця внутри-MATERIALD TO DESCRIPTION MAJO OTHER MAJO OTHER MAJO OTHER MAJOR OF DESCRIPTION OF THE OTHER MAJORIAL OTHER MAJO графін Белуръ-тага. Въ настоящее время все изменилось. Наука прорезана по всемъ направленіямъ громадные малодоступеме материки, ознакомилась съ строеніемъ и геологіей, флорой и фауной, населеніемъ и культурой. Проникла на высочайшіе пики, спустилась на дво обезновъ, проложена пути въ полярныя страны, открыла новые материки и вемли. Нельзя еще сказать, чтобы земной шарь быль вполев изучень, но уже можно и должно сказать, что наука вемлевъдънія съ немъ основательно ознакомилась вообще, а въ частности подробно и обстоятельно изучила многія очень обширныя его части, притомъ всёхъ типовъ и поясовъ. Все это не только преобравовало содержание науки, до неузнаваемости изманило изложение предмета, но выесть съ твиъ преобразило и всю физіономію науки, ся составъ, методъ, задачи, выводы. Землевъденю теперь удовлетворяеть уже не только любознательности человъческой и инкоторымъ практическимъ запросамъ. Оно призывается удовлетворить высшей умственной пытливости, раскрывая законы строенія и жизни нашей шланеты, законы возникновенія и многообразнаго развътвленія человъческой жизни и культуры, законы взаимодействія между природою и культурою. И знакомить насъ географія съ этими ваконами и данными не въ отвлеченныхъ формулахъ, еще не пригодныхъ для усвоенія ученивами средней школы, а въ конкретныхъ образахъ, занимательныхъ и увлекательнихъ, живо запечатавающихся въ молодихъ мозгахъ и постепенно мало по малу вводящихъ эти мозги въ пониманіе законовъ, которыхъ воплощеніемъ и выраженіемъ и служать эти живне, полиме красокъ и движенія образы. Нётъ науки поэтому болье пригодяой для введенія молодого ума въ область точнаго знанія, чёмъ географія, и вибстё съ тёмъ нётъ науки, которая могла бы соперинчать съ географіей въ легкости усвоенія. Конечно, и то, и другое подъусловіемъ, чтобы преподаваніе стояло на высотё современнаго научнаго уровня, и давало бы въ самомъ двиё живне образы, полные красокъ и движенія, хотя отчасти отражающія чудеса природы и культуры, чудеса жизни и развитія. Удовлетворяють ли, въ какомъ либо, хотя бы въ самомъ скромномъ, масштабё этому требованію географическіе учебники и руководства, господствующіе въ нашей средней школё? На этоть вопрось мы и понщемъ теперь отвёта.

Говорить о многихъ учебникахъ им не будемъ. Ихъ и не много мивется, да къ тому же и эти немногіе вивоть нервако очень скромную, свою спеціальную сферу распространенія. За исключеніемъ одного, конечно, именно, за можимчениемъ учебника г. Смирнова, господствующаго решительно повсеместно въ среднихъ школахъ, влассических и реальныхъ, мужскихъ и женскихъ ведоиства миинстерства народнаго просвъщенія. Передо иною межить «XXXV изданіе» этой «Учебной книги географіи», вышедшее въ 1896 году. Первое изданіе вышло въ 1861 году и сейчась же вытеснию устаръный учебникъ Ободовскаго, который до того времени такъ же исключительно царотвоваль въ среднихъ школахъ, какъ съ техъ поръ руководство г. К. Синриова. Милліовы учениковъ выучились по внигь г. Смирнова, сотии тысячь учатся въ настоящее время я, въроятно, еще будутъ не налое время учиться. Естественно, если мы займенся именно этимъ руководствомъ, которому нельзя назвать даже соперинковъ. До такой степени учебникъ этотъ составляетъ общепривнанное и общепринятое руководство въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Нёсколько поколеній обучались по этому руководству и ныив учащіяся молодыя поколенія знакомятся съ земмею и ся обятателями все по тому же учебнику. Моя задача не въ томъ, чтобы найти удовлетворительный или болёе удовлетворительный учебникъ. Это дело спеціалистовъ. Моя задача оценить только то, что уже пріобріло общественное значеніе. Такое, я при томъ, громадное значеніе и имъеть книга г. Смернова. И между учебниками Всеобщей зеографіи—только она одна.

II.

Если мы остановимся на выборѣ части свёта, описаніе которой насъ лучше всего бы познакомило съ достоинотвами и недостатками любого учебника географіи, то не трудно зам'ятить, что такою частыю м 6. Опакъ I.

свъта можеть быть скорне всего Азія, благодаря своему громадному. прямо истерпывающему разнообразію физическаго строенія, общирмости распространенія, сосредоточенію всевозножных рась, многообразію культуръ и цивилизацій. Европа и Америка суть части света, соетоящія по премнуществу изъ общирныхъ низменностей, перерезанных въ определенных направлениях горинии папяни. Плоскогорія адёсь р'ядкость и не тянични. Стравъ уступовъ вовое пъть. Гориме узим не характерим. Явление дивергенции и коивергенцін гориму папей виражены сравнительно слабо, не типично, не характерно. Климатическія особенности, хотя и разнеобразны въ Европъ, по диктуются и въ Европъ и въ Америкъ среднительно немногописленными факторами. Еще болбе, чёмъ въ Европъ и Амерекв. эти замвчания о влиматологии надо отнести из Африкв и Австралів, отанчающимся особымъ единообразіемъ климатическихъ факторовъ, учетъ которыхъ не затруднителенъ. Сходясь въ этомъ отношение от прумя вышеназванными частями овета, Африка и Австранія въ останьномъ отношенін составляють примую нать противоположность, по крайней мірі, во всемь, что касается ихъ строенів и природы. Не навменности и горныя ціни, а плоскогорія и страны уступовъ, окаймиенным такъ навываемыми окраниными хребтами, составляють основную черту строенія этихь материковь. Явиснія конвергенція и дивергенціи и гориме увлы слабо и не типично выражены. Развитіе береговъ роскошно выражено въ Европа, слабо выражено въ Америкъ и, можно сказать, отсутотвуеть въ Африкъ н Австрадін. Европа вся лежить нь унівренномъ поясі, Африка н Авотралія ціливомъ на жаркомъ. Европа населена одною білою расою, создательницею одной общей европейской цивилизаціи. Америка, населенная двуня расами, восприняла европейскую цавиливацію на всемъ протяженіи. Также Австралія. Африка большею частью погружена въ первобытное варварство, на окранняхъ воспринимая европейскую цивилевацію. Таковы зарактеривання черты каждой изъ перечисленныхъ четырехъ частей свита. При всемъ внутрениемъ разнообразін каждой части свёта изъ числа назван-ныхъ, всякая, пріобрётая *свой* преммущественный характеръ и типъ, темъ самымъ не можеть служить представителемъ еспаз характеровъ и типовъ. Азія скужить вменно такимъ представителемъ всахъ характеровъ и типовъ.

Страна самыхъ общирныхъ, самыхъ высовихъ и самыхъ тиничвихъ плоскогорій, Азія является вийстй съ тімъ отраною самыхъ общирныхъ, самыхъ тиничныхъ и самыхъ низвихъ низменностей (не мало даже отрицательныхъ). Изобилуя горными цінями европейскаго и американскаго типа, Азія не менйе того богата и окрамиными хребтами африканскаго типа. Страны уступовъ, карактерно выраженныя уже въ Африки, но ни въ Европів, на въ Америки, на материки Азін выражены още поливе, карактерийе и разнообразийе. Горные узлы, явленіе дивергенція и конвергенція могуть быть изучаемы съ достаточною ясностью только въ Asie... Факторы клематическіе такъ разнообразны, какъ негдѣ больше. Поясы азіятскаго материка простираются черезь всв зоны, оть экватора (м. Вуру, одинъ градусъ с. ш.) до самаго съвернаго пункта какого либо материка (мысь Челюскинъ, 77% с. ш.). Изъ расъ Авію населяють бълм, черная и малайская, населяющія и другія части, и желтая, составляющая исключетельную особенность Азін. Изъ цивилизацій Азія распреділена между европейскою и мусульманскою, свойственвыми и другимъ частямъ света, а такъ же будлійскою и индобраминского, свойственными искиючительно Азіи. Представительница всёхъ типовъ строенія, родина всёхъ расъ, колыбель и поприню вобув певилизацій, простирающаяся во вобув поясаув и KAHWATANA, COCEMHAA BOEM'S OCTAMBRINES VOTEDOM'S VACTAM'S CHETA, Авія представияєтся дин географа самою благодарною частью света, гдв легче всего показать тайны строенія в развитія природы, человыва и культуры. По нашимъ гимназическимъ программамъ съ Азін начинаєтся обученіе частямъ свёта. Эта раціонально, такъ какъ, ознакомившись съ Азіей, ученикъ далее будеть находить по частань то въ более развитомъ, то въ рудиментариомъ виде дишь то (по не все то), что уже усвониъ въ Азія. Надо только, чтобы онъ въ самомъ дъл усвоилъ. Это вообще. Въ частности же для насъ, русскихъ. Азія ниветь особый интересь, какъ въ значительной части входящая въ сферу нашей исторія, нашихъ матеріальныхъ, политическихъ и моральныхъ интересовъ. Поэтому, не желая утомлять читателя разборомъ всего курса г. Смернова, я выбираю для этого преимущественно отдель объ Азін. Вогатство географическаго матеріала и сравнительная легкость изложенія, общая важность азіятокой географіи или познавія вобуь остальных частей свёта н спеціальная важность ея для русскихъ делають изъ этого отдела нанболее достоверный показатель достоинствь и недостатковь учебинка.

Еще Карат Раттеръ научелъ начинать изучение страны общимъ наглядомъ на ея строение, «на горивонтальнее и вертикальное развитие территории», какъ назвалъ этотъ отдълъ великій основатель научеой географіи, самимъ насваніемъ указывая два существенныхъ момента въ строенія поверхности страны. Горизонтальное развите— это очертаніе береговъ материка, количественно выражаемое численнымъ отношеніемъ между площадью страны и длиною береговой линіи и находящее качественное выраженіе въ конфигураціи этой линіи и въ свойствахъ окружающихъ водъ. Горизонтальное развитіе имъсть громадное значеніе и для природы, и для культуры изучаемой территоріи. Отъ обилія соприкосновенія омывающихъ материкъ водъ съ его сушею, отъ глубены ихъ проникновенія въ континенть въ видъ заливовъ и проливовъ зависить, прежде всего, климать, этоть нервъ и природы, и культуры страны. Оть теченій, госнодствующихъ въ омывающихъ страну моряхъ, отъ близости

другихъ странъ, отъ обили острововъ, сближающихъ материкъ съ другими, зависить естественный обмень флоры и фачны. За этимъ естественнымъ обивномъ следуеть искусственный обивнъ человаческихъ произведеній, культуръ, идей. Въ общемъ установлено неоспоремо, что богатое горизонтальное развитие благопріятно и сотественному развитию страны, и оссбение развитию историческому, общенію ндей и культурь, составияющему одинь изъ самыхь могучихъ импульсовъ человеческого прогресса. Это вообще, но въ частности вначение горивонтального развития очень видовяжениется и колеблется въ прямой зависимости отъ карактера омывающихъ водъ. Холодныя, надолго замерзающія воды представляють далеко меньшее значеніе, нежели теплыя. Бурныя моря, или изобилующія опасными мелями, менье, нежели спокойным и безопасныя. Лишенныя бахроны острововь ненве, нежели ими изобилующія. Обшириме бассейны повже пріобратають то же культурное значеніе, нежели умвренные. Океаны повже морей. Такимъ образомъ, съ перваго шага, при изученім страны, съ самаго начала знакомотва съ ся границами и очертаніями, геніальныя обобщенія Риттера и глубокія изследованія ценаго ряда последующих в географовь дають возможность вводить обучающагося въ пониманіе типа страны, подготовлять его въ усвоению основной сущности ея строения, природы н культуры и къ ясному разграмичению ея отъ другихъ странъ н территорій. Посмотремъ, что даеть намъ объ Азін въ этомъ отношенін учебникъ г. Смирнова.

"Самая съверная обонечность материка, мисъ Vesocknus насается $77^1/_2$ ° с. ш.; самая южная, Eypy-1°; самая западная, $Ea6a-43\frac{3}{4}$ в. д. отъ Ферро; самая восточная, мисъ $Aexmess-208\frac{1}{4}$ ° в. д.

"Морскую границу составляють океаны—Стверный, Великій, Индійскій и моря—Среднземное, Архинелагь, Мраморное и Черное; комписимськую границу съ Европою—Кавказскія горы, р. Ураль и Уральскія горы; съ

Африкою-Суэзскій перешескъ (около 100 вер.).

"Полуострова: Малоазійскій, Аравійскій, Индостанъ, Индовитай съ Малаккою, Корея и Камчатка: острова: Кипръ, Цейлонъ, Зондскіе (Суматра, Ява, Борнео), Молукскіе, Филиппинскіе, Формоза, Японскіе (Хондо), Сахалинъ и Курильскіе; моря и заливы: Черное, Мраморное, Архипелатъ, Средиземное; заливы: Аравійскій, Персидскій и Бенгальскій, моря: Южно-Китайское съ заливами Сіамскимъ и Тонкинскимъ, Восточно-Китайское, Желтое съ заливомъ Чжилійскимъ, Японское, Охотскіе и Берингово; проливы: Константинопольскій, Дарданелльскій, Бабъ-эль-Мандебскій, Малакскій, Зондскій и Беринговъ.

"Моря представляють следующія неудобства: один наполнены коралювыми рифами (Красное и Японское); другія представляють меми, какъ
напр., Бенгальскій заливъ, у Корамондельскаго берега, и Желтое. Рифы
и мели становятся тёмъ опаснее, что въ этихъ моряхъ бываютъ бури;
въ Бенгальскомъ заливъ даже ураганы; ураганы господствуютъ, кромъ
того, въ моряхъ—Восточно- и Южно-Китайскомъ. Нъкоторыя моря замерзаютъ на более или мене продолжительное время. Охотское бываетъ
покрыто льдомъ столько же времени, сколько наше Балтійское; Берингово—большую часть года; Северный океанъ почти круглый годъ; иногда,
въ іюлё и августе, ледяныя глыбы относятся отъ береговъ, но не надолго"

Мы приведи все, отъ строки до строки. Даже уже «устройство поверхности», т. е. вертикальное развитіе Азія. О горизонтальномъ больше ни слова. Не упомянуто даже этого выраженія «горизонтальное развитіе», которое обязало бы хоти бы намекнуть на значеніе азіатскаго берегового очертанія. Простая номенклатура, списокъ ничего не говорящихъ уму именъ и названій, и вы напрасно булете искать во всемъ учебникъ чего инбудь объ этой сторонъ азіатской географіи, чего нибудь кромѣ этой полустранички мертвыхъ названій, подъ которыми, однако, скрывается подъ каждымъ живая индивидуальность, имъющая свой смыслъ и значеніе для географіи Азіи, для ся климата, флоры, фауны, населенія, культуры.

Авія по горизонтальному развитію, изм'яряемому количественно, занимаеть между частями свёта второе место. Естественно, если она и въ исторіи человічества оспариваеть первенство у самой Европы, далеко превосходя все остальныя части света. Но особыя свойства омывающихъ Азію морей значительно понижають значеніе богатаго горизонтальнаго развития Азін. Накоторыя изъ нихъ перечислены г. Смирновымъ, но, взятыя безъ причиной и логичеокой связи между собою и характеромъ азіатокой исторіи и природы, эти сведенія являются непонятнымъ балластомъ, дополняющимъ своими некоординованными отрывочными данными такую же несогласованную, неодухотворенную номенклатуру морей, заливовъ. проливовъ, полуострововъ и острововъ. Къ тому же не вов сведенія вёрны. Охотокое море замерзаеть на срокь более долгій, нежели Валтійское (почему «наше» Валтійское?) Відь не вой учащіеся живуть въ Петербургв, а русскимъ моремъ Охотское является въ большей степени, нежели Балтійское. Берингово же море въ своей вожной наиболее важной части замерзаеть на более короткій срокъ. Одно время даже очитали Авачинскую губу (завань въ Камчаткъ на берегу Берингова моря) незамервающимъ портомъ. Японское море неудобно не столько рифани, сколько изтомъ-луманами, зимою—замерзаніемъ, особенно во всей своей западной половинъ (приблизительно на срокъ Балтійскаго). Главное неудобство Красного мори опить таки не рифы, а безвѣтріе, до изобрѣтенія пароваго двигателя, вивышее такое важное значение для мореплаванія. Меня и бури Венгальскаго залива вибють, конечно, большое значеніе, но еще болье того отсутствіе архипелага и общирность этого воднаго бассейна, который здёсь отъ береговъ Индін не внастъ материка до подярныхъ отранъ антарктическаго пояса. То же значение имъетъ и Аравійское море (пропущенное г. Смирновымъ) съ южнымъ продолженіемъ, темъ же Индійскимъ океаномъ, что примываеть и къ Бенгальскому и также отсюда волнующимся на безконечное пространство до льдовъ южнаго полюса.

Такимъ образомъ, перечисление неудобствъ водъ, омывающихъ Азію невѣрно, неполно и вовсе не истолковано. Съ другой стороны, рядомъ съ неудобствами не перечислены удобства. Напр. архипе-

лагъ Эгейскаго моря и относетельная безопасность плаванія по Средиземному морю, послужевшія столь быстрому, ранеему я богатому развитію вультурнаго общенія западных азіатових окрави к (Финивія, Малоазійскія греческія волонів). Цілля бахрома архипелаговъ, окайминющая восточный берегь Азів, послужнае и забсь для значительнаго историческаго развитія, даже вопреки пегостепрівиству омывающих эти берега морей. Здёсь риломъ съ континентальной китайской пивиливаціей выросла островная японская, зародились и ихъ ответвленія и разновидности въ Корей, на Ликейскихь островахь (пропущенныхь въ учебника), въ Индо-Катав. OTCOMA MO. GRANDIADH OURTE TOR MO GANDOME ADMINISTRATORS, KYREтура, еще залого до появленія европейцева, проникла на малайскіе острова. Муссоны аравійскаго моря и суверо-западной части Индійскаго оксана должны быть тоже упомянуты при перечисленін удоботвъ авіатекихъ водъ. Благодаря этимъ муссонамъ уже давно человачество побанию пространство, и арабы издревле проложили дорогу въ восточнымъ берегамъ Африки и въ западнымъ Индін.

Теперь можно считать весьма візроятнымъ, что первоначальною родиною пегритянской расы является Индія, тогда какъ аборигенами Африки была малорослая раса, обложи которой вотрічаются въразныхъ містахъ Африки вкращенными между неграми (боліве навістны бушмены). Негры проникли въ Африку не черезъ Аравію, Сирію и сіверную Африку. Это путь расы Хамитской (Эсіопской). Только муссоны могли прамо перенести ихъ отъ Малабара и Цейлона къ Занянбару и Мозамбику. Тіснимая наступленіемъ монгольской и туранской расы (которыя смішались съ черною туземною, и образовали ныявішніе прото-дравидійскія и дравидійскія темнокожія племена Декана), черная раса, въ незапамятныя времена, когда еще индо-европейская раса не появлялась на полусстровів (потому что она уже застала дравидовъ готовыми), воснользовалась муссонами для своихъ миграцій на африканскій континенть, ставшій постепенно настоящимъ ся отечествомъ. Везъ муссоновъ, Африка могла остаться и безъ негровъ.

Читатель видить, что даже вовсе не излагая прагматически сожеть, а только вритякуя и дополняя г. Смирнова, уже можно оживить его номенклатуру, дать смысль этимъ именамъ, поставить ихъ во взаниную логическую связь. Не говоря даже о томъ, что только въ такомъ пониманни отроенія земли и заключается землевідівніе, слідуеть не забывать, что истолкованіе очертанія материва и его составныхъ частей является лучшимъ средствомъ для запоминанія именъ. Зубреніе не иміющихъ смысла названій и трудніве, и меніе прочно. Осмысленное усвоеніе не требуеть зубренія, запоминается легко и надолго.

При простой номенклатурѣ и указаннаго г. Смерновымъ списка именъ много. При осмысленномъ преподавани легко усвоилось бы гораздо больше. И въ самомъ дѣлѣ пропущено очень много. Изъ морей совершенно пропущено Аравійское и не упомянуто въ перечисленіи границь Авін кром'є того Красное. Изъ замивовъ не упоминути губы Обекая, Енисейская, Тазовая, Ленская, замивы Анадырокій, Акабекій (между Синайскинъ полуостровонъ и Аравіей), Синайскій (между тъмъ же полуостровонъ и Африкой), Аденскій и др. Изъ промивовъ—Карскія ворота, Югерскій шаръ, Маточкинъ шаръ, Ормуздекій, Цеймонскій, Формовскій, Корейскій, Татарскій, Лаперузовъ, Восфоръ Восточный и другіе, мен'є важные. Изъ острововъ—всё азіатскіе острова Мраморнаго и Эгейскаго морей, Перимъ, Бахрейнскіе, Хуріанъ-Муріанскіе (оба эти архипелага пріобр'єм въ посл'єднее времи очень серьезное значеніе), Лакедивскіе, Манедивскіе, Андаманскіе, Никобарскіе, Целебесъ, всі Малые Зондскіе, Пескадорскіе, Воинъ-Сима, Ликейскіе, Чусанскіе, Корейскіе, Командорскіе, Ново-Сибирскіе и др. Изъ помуострововъ пропущены Измидскій, Синайскій, Катарскій и др.

Я перечисаниъ только те меотности, которыя наи по величине, или по географическому строенію, или по культурно-политической роли имають значение, не меньшее перечисленных г. Смириовымъ. Изъ острововъ, пропущенныхъ въ вышеприведенномъ обзоръ, пъкоторые позже приведены при политическомъ обозрвији (далеко не вов и не важиващіе); остальныя же мёстности пропущены сововив. Мысы, кроме четырехъ, совсемъ не упоминуты, такъ что даже такіе, какъ Чукотскій Нось и Коморинь, остаются пензивотными даже по вмени. Бизмы совершенно пропущены (поздне очень неполно названы въ нолитическомъ обозрвнін). Эта неполнота является, помалуй, даже заслугою учебника, потому что, въ самомъ деле, заучивать массу не имеющихъ симска названій, все равно фатально обреченныхъ на забвеніе, было бы безполезно и обрементельно. Осмысленное, истолкованное изложение позволило бы ввести эту подноту, которая при этомъ нисколько не обременила бы намяти и бесь которой все очертаніе и горизонтальное развитіе изучаемаго материка явилется въ неполномъ и дожномъ свете.

ПІ.

Обратимся въ вертиваньному развитио Азін или «устройству новерхности», какъ предпочитаетъ выражаться г. Смирновъ (почему «устройство», а не отроеніе? Или, кром'й нев'йрности и неноиноты, и неточность, и ненаучность выражевій тоже требуются отъ учебника?). Сначала разберемъ по частямъ изложеніе г. Смирнова, а затімъ посмотримъ, насколько нарисованная имъ картина въ ел приомъ соотв'ятствуеть дійствительности.

"Азія—самая возвышенная часть свёта; возвышенности ся занимаютъ около ¹/₂ ся поверхности и состоять главнымъ образомъ изъ плоскогорій; горныя цёни представляются или разбросанными по плоскогоріямъ, или расположенными по краямъ ихъ, или простирающимися отъ нихъ, въ видѣ

отраслей. Азіатскія возвышенности занимають среднну материка; низменности только по краямъ" (стр. 8—4).

«Только» симпкомъ сильно сказано. Отрицательная Турфанская назменность находится въ самомъ центрѣ материка, да и громадную Туранскую низменность, частью тоже отрицательную, едва-да справедляво назвать окранною. Это, впрочемъ, сравнительно небольшія неточности. Вообще върно, хотя очень тускю.

"Возвышенности. Средне-азіятское плоскогорів почти въ 11/, раза болье Европы и самая высовая часть на Югв называется Тибетомъ (3%-4% вер.); часть въ 3. отъ Тибета — плато-Памиръ (врыша света) еще выше; это самая высокая на земномъ шаръ мъстность; горныя вершины на ней 5-7 слишкомъ верстъ. Отъ Памира, по южному краю плоскогорія, къю.-в. тянутся высочаншія на земномъ шарв Гимислам съ высочаншею горою на свёте Эсерестом, выше 8 версть; парамельно съ Гиммалами по наоскогорію Кара-Корумь; прямо въ в. — Курнь-Лунь; въ с.-в. — Іли-**Шамь.** Северо-западная часть средне-азіатскаго плоскогорія прорезывается Алмайскими горами, свверный край сопровождають его Саянскія и Даурскія (?), северо-восточный—Татарскія (оть устья Амура до Корен), юговосточный—рядъ парамельныхъ цёней. Отъ илоскогорія простираются Становия. Индо-Китайскія и Гинду-Кушь. Горы Хитань, на свверо-восточной части плоскогорія, и Китайскія (?Сюз-Шань?) на восточной, служать какь бы продолжениемь, первыя—Становыхь, вторыя—Куэнь-Луня" (crp. 4).

Таково описаніе «средне-азіатскаго плоскогорья». Какое нибудь представление составить себь по этому описанию, конечно, невозможно, по его крайней неясности и дурному языку. Пожалуй, это и хорощо. Иначе, представление было бы ложное «Параллельно съ Гинналадин по плоскогорью — Каракорумъ: прямо къ востоку -- Кувнь-Лунь; къ съверо-востоку -- Тянь-Шань». Откуда въ востову и съверо-востоку? По точному смыслу предложения отъ Гиммадаевъ, Однако, отъ Гиммадаевъ оба хребта дежатъ прямо къ овверу. Если же пренебрегая русскимъ языкомъ, будемъ оріентироваться оть Каракоруна, то все же съ Тянь Шанемъ будеть не ладно. Далво, что за сонъ такой Даурскія горы, составляющія будто бы овверную окраину плоскогорыя? Дауссе-Амию (Даурскія горы) имя, действительно небезънзвестное въ географіи, именно какъ другое название хребта, болве известное подъ именемъ Малаю Хинзана. Это невысовій и ліснотый мерипіональный хребеть, отдівдяющійся оть Станового и направляющійся прямо на югь раздідля боле возвышенную западную террасу Даурскую, отъ боле восточной Уссурійской. Его прорываеть Амурь ниже Влагов'ященска, а Сунгари насколько выше впаденія въ Ануръ. Плоскогорія онъ нигде не касается, темъ менее съ севера (такъ какъ дежить на значительномъ разотоянім къ востоку оть самаго восточнаго его края). Г. Смирновъ, даже при своемъ феноменальномъ невниманів въ излагаемому имъ предмету, не могь этотъ хребеть помъстить, какъ съверную окранну плоскогорія. Суди по одному м'єсту полилическаго обвора, г. Смирновъ Даурскимъ хребтомъ назвалъ хребеть Яблоновый, который, действительно, составияеть окраину шлоскогорія на съверо-востокъ подобно тому, какъ Алтай и Саянъ на съверо-западъ. На съверъ же, на наибольшемъ протяжения, отъ Енисен до Селенги на разотояни 11/, тысячи версть окрайнымъ хребтомъ является могучій вічно-сивжный кряжь Кентей, совсімъ забытый г. Смирновымъ. Нелькя похвалить его и за произвольное перевменованіе Яблоноваго хребта въ Даурскій, какъ и за такоеже перевменованіе хребта Сихота-Аминь—въ Татаровій, который вдобавовъ оказывается окранной средне-азіатскаго плоскогорыя, MEMAY TEM'S KAK'S IIDOMETACTS OT'S HERO K'S BOOTOKY CHAMB, WEN'S на тысячу версть. Окранной плоскогорыя съ востока служить Большой Хинганъ, который отнюдь не есть продолжение Станового. Нельзя учебнику поставить въ заслугу и незнаніе, какъ называются «паракцельныя цёпи», окаймияющія юго-востовъ плоскогорія. Въ виду того, что г. Смирнову не вполив ясно само представлевіе объ описываемомъ плоскогорін и его очертаніе, и я не могу помочь ему припоменть название этихъ мненческихъ «параллельныхъ ценей», потому что не могу сообразить, где надо искать укавываемый г. Синриовымъ «юго-востокъ». Если разумёть Монгольское плоскогоріе, то южная окранна его окаймляется Кальанскими кряжень, Инд-Шанема, Ала-Шанема. Если же разумьть плоскогоріе Тибето-туркестанское, то вёдь южной (и юго-восточной) окранной булуть сами Гиммалан.

Пора сказать, что вежнесе средне-азіатское вздутіе коры земной явотвенно разделяется на два плоскогорія, соединенныя между собою лишь однимъ изъ угловъ своижь. На саверо-востока это плоскогоріе Монгольское, на юго-западі-Тибето-туркестанское. Сіверною окранною последняго является хребеть Тянь-Шань. Прямое его продолженіе (после некотораго пониженія) Ала-Шань, Инь-Шань и Канганскій кряжь, простирающіеся въ такъ же шеротакъ, служать, вавъ мы уже упомянули, южною окранною Монгольскаго плоскогорія, которое своямъ юго-западнымъ угломъ лешь сопривасается съ съверо-восточнымъ угломъ Тибето-туркестанскаго. Кузнь-Лунь разръзываеть это последнее на два плато, Тибетское, очень высокое, и Восточно-туркестанское, не выше Монгольскаго и соединенное оъ нимъ, какъ уже сказано, на съверо востокъ посредствомъ такой же вносты небольшаго плато Ордосъ. Плато Памира составляеть такое же, только очень высокое, узловое плато, соединяющее Средне-азіатское плоскогоріе съ плоскогоріемъ Иранскимъ, которое лежить такъ же на юго-западъ отъ Тибето-туркестанскаго, какъ это посийднее отъ Монгольскаго. Г. Смирновъ, конечно, ничего этого не отмъчаетъ. Это разделеніе средне-авіатскаго плоскогорія на две самостоятельвыя части, оприняющием между собою, по тому же плану, какъ н съ плоскогоріемъ Ирана, совершенно міняють сбивчивую картину невиниательно, не всегда верно и грубо надапанную г. Смирновымъ. Впрочемъ, г. Смирновъ дополняетъ ее нъсколькими замъчанами о хребтакъ описываемаго плоскогорія.

«Куэнь-Лунь и особенно Кара-Корунъ замічительны первына въ світі, по средней высоті, хребтами и горными проходами» (—4). Что это могло бы означать эта первая въ світі средняя высота? Если первая, то не средняя, если средняя, то далеко не первая. «Тянь-Шань (небесныя горы) такой же высоты, какъ и Куэнь-Лунь» (ibidem). Гді же, однако, «первыя въ світі»? Кажетси, лучше бы безъ дополнительных замічаній. Достаточно напутано и въ основномъ описанія.

«Иранское плоскогоріе значительно ниже Средне-азіатскаго. Изъгорныхъ цібпей, ограничивающихъ его, примічательни: Гімоду-Кумъ, Индо-Персидскія (Солимановы) и Эльбурсъ» (—4). Не указано, что восточная часть Эльбурса носить названіе Конемъ-Дола (хребеть, ограничивающій нашу Закаспійскую область). Важибе, пропускъ Загроса длиниаго сийжнаго хребта, окайминющаго Иранъсь юга и юго-запада.

«Нанболье извъстны проходы Баміанскій черезь Гинду-Кушъ, изъ Индостана въ Туранъ, и Кабумский (Хайберскій), черезъ Индо-Персидскія изъ Индостана въ Иранъ» (-5). Эти строки столь фантастичны и отоль нелены, что могли бы доставить иннуту веподдельно веселаго смеха, есля бы только не соображение, что въдь эту ерунду заучивають наши дъти. Представьте только себъ, что Хайберскій проходъ (почену то навываемый у г. Смирнова Кабульскимъ) ведеть отъ Цешавера въ Кабулъ, а Баміанскій (правильнье: Хаджи-Хакскій) — нев Кабула же въ Баміанъ. Конечно, Пешаверь можеть быть отнесень къ Индіи, а Баміанъ можеть считаться преддверіемъ Туркестана, но что же въ такомъ случав Кабуль? Если г. Смирновъ правъ, утверждая, чтс Хайберскій проходъ ведеть отъ Индостана въ Иранъ, то Кабулъ выходять Ираномъ, но тогда Баміанскій будеть вести изъ Ирана въ Туркестанъ (собственно говоря, въ Иранъ же, такъ какъ Баміанъеще на плоскогорін, хотя въ настоящее время и населень тюркских наводомъ хезарейцевъ). Если же г. Смирновъ, напротивъ того, правъ, сообщая, что Ваміанскій проходъ ведеть изъ Индостана въ Туркестанъ, то Хайберскій ведеть изъ Индостана въ Индостань и Кабуль оказывается частью Индостана! Подите же, разберитесь въ этомъ тонкомъ знанін географів!..

Надо замітить еще, что оть Пешавера въ Кабуль дорога пролегаеть черезь два ущелья, отдіненным другь оть друга широкою террасою Джелалабада: первое — Хайберское, нынів находящееся въ рукахъ англичанъ; затімъ упомянутая терраса, принадлежащая афганцамъ, за которою на слідующую боліве высокую террасу, Кабульскую, выводить второй проходъ, Хурдз-Кабульскій, въ которомъ въ 1842 году афганское племя Гильдван истребили антионидійскую армію. Называя Хайберскій проходъ Кабульскимъ, яв смішанть и его г. Смирновь съ Хурдъ-Кабульский. Весьма возможно, котя они отділены другь отъ друга сотнями версть и прорізывають два различных хребта. Кстати о прорізываємих хребтахъ. Сообщеніе г. Смирнова, что Баміанскій проходъ ведеть черезъ Гинду-Кушъ правильно, но чтебы Хайберскій (яли котя бы Хурдъ-Кабульскій) вель черезъ Солимановь хребеть (пронавольно называемый у г. Смирнова Индо-Персидскимъ)—это новая фантакія г. Смирнова. Солимановъ хребеть кончается значительно южийе, на нівоколько соть версть, у Корумскаго прохода, который отділяєть сіверныя оконечности Солимановыхъ горъ (меридіональнаго кребта) отъ южныхъ силоновъ Сефидъ-Кула (хребта широтнаго, перпендидикулярнаго Солимановымъ цінимъ). Черезъ отроги этого-то Сефидъ-Куга (входящаго въ систему Гинду-Куша) и пролегають оба прохода, Хайберскій и Хурдъ-Кабульскій. Почти на дияхъ, въ текущемъ іюні 1897 года около упомянутаго только что Корумскаго прохода истребленъ племененть Вазирноовъ англо-индійскій отрядъ.

Почему, одняко, г. Синрновъ вообще счелъ необходимымъ упомянуть о проходахъ Хайберскомъ и Баміанскомъ? Мы выше привели полностью описаніе средне-азіатскаго плоскогорія и не встрівтили ни одного указанія на проходы и переваны черезъ окружающія и прорізывающія ціпи. Между этими перевадами есть въ высшей степени интересные въ физико-географическомъ отношении другіе, еще болье важные, въ культурномъ и политическомъ. Указаніе на проходы и перевалы такъ же необходимо, какъ и указаніе на проливы, но относительно другихъ плоскогорій г. Смирновъ умалчиваеть. Наконецъ, между проходами, ведущими на пранское плоскогоріе, почему г. Смирнова особенно заинтересоваль только Хайберскій и Ваміанскій? Изъ нихъ Хайберскій имбеть ибкоторое коммерческое значение для сравинтельно незначительной торговым между Индіей в Кабулистаномъ (другія части Афганистана польвуются лучшени и кратчайшени путями). Ваніанскій же проходъ, очень неудобный, лежащій выше сніжной динів, не вийсть в этого значенія. Когда то этимъ путемъ Тамерланъ водиль свои орды на Индію, по трудно сказать, почему этоть «мірокрушитель» предпочелъ Хаджи-Хакскіе сивжиме перевалы (потому что ихъ не одинъ, а три) другимъ, болве удобимиъ. Изъ Герата, откуда онъ направляль свои орды, было ближе, а знаменитый «бичь божій» не очень щадиль и своихъ. Александръ Македонскій спустился на Кабульскую террасу черезъ вынашній Логарскій проходъ, шарокія ворога между Гинду-Кушемъ и Сефидъ-Кугомъ. Ваберъ, завоеватель Индін и основатель имперік моголовь (потомовь Тамерлана) предпочиталь пользоваться проходами Горбендскимъ и Пендширокамъ, лежащими на съверо-востовъ отъ Хаджи-Хакскаго и выводищими наъ Кабула примо на дорогу въ Балкъ (древняя Бактра), которая лежить уже на окранив туранской низменности. Ваміанскій проходъ ничемь не замечательнее полдюжены другихь черезь тоть же ГиндуКушъ. Хайберскій же имбеть меньше значенія, чемь вышеупомянутый Корумскій, выводящій прямо изъ Индійской незменности на Иранское плоскогоріе, и гораздо меньше, чемъ лежащій юживе, Боланский, ведущій изъ Шекарпура по берегу Инда въ Кветту, въ Бенуджистанъ на Иранскомъ плоскогорін. Черевъ Боланскій проходъ загличане проложили железную дорогу въ Кветту, занятую англійскимъ гарнезономъ, и далее на северо-ваналъ по Пишина. на границахъ Афганистана, въ двухъ переходахъ отъ Кандагара. второй афганской отолицы. Коммерческое, культурное и политическое вначение Боланскаго прохода отъ этого стало первостепеннымъ, но ниенно объ немъ-то и умалчиваеть географія г. Смирнова (вышедшая, однако, въ 1896 г.). Большое культурное и политическое значеніе имъють и проходы съ Иранскаго плоскогорія черезъ мало доступный, візно сніжный Загрось (забытый г. Смирновымь) въ берегу мори. Здёсь извёстно два прохода: изъ Шираза въ Бендеръ-Буширу по берегу Персидскаго залива и изъ Мекрана иъ Бендеръ-Абассу, по берегу Ормуздоваго пролива (тоже забытаго г. Смирновымъ). Это-пути англійской торговля съ Персіей; пути англійскаго наступленія въ бывшія двіз англо-персидскія войны и візроятные пути проектируемой желевной дороги изъ Россіи къ Индійскому океану. Забытый Богомъ и людьми Боміанскій проходъ кажется г. Смирнову важнёе. Не упоминаеть онъ и о проходе по долине Теджента (ръка, тоже пропущенияя г. Смирновымъ) изъ Туранской низменности (русокой закаспійской области, въ данномъ случав) къ Герату, на Иранскомъ плоскогорін. Этоть пропускъ г. Смирновъ отчасти исправляеть при политическомъ обзоръ, но всь остальные вабыты освовательно, какъ и вов сообщения двухъ средне-азіатскихъ плоскогорій съ окрестными территоріями.

Выше цатарованныя восемь строкъ—все, что очель нужнымъ сообщить г. Смарновъ объ пранскомъ плоскогорів. Неясно, невёрно, неполно и веосмысленно,—это самая снисходительная характеристика свёдёній, сообщаемыхъ этимъ учебникомъ.

«Мало-азійское плоскоюріє ниже Иранскаго. Горныя пізня, ограничивающія плоскогоріе на югі, называются Тавромі, на юго-востокі— Анти-Тавромі. Къ сіверо-востоку отъ плоскогорія возвышается знаменитая въ Св. Исторіи гора Арараті, въ 4½ версты.

«Таврскія горы, простираясь почти по самому берегу Мало-азійскаго подуострова, въ направленіи своемъ оть востока къ западу становится постепенно ниже; въ восточной части средняя высота ихъ доходить до трехъ версть; наружу отвёсны, къ плоскогорію отлоги» (—5).

Трудно было бы преднамаренно написать более неварную картину строенія Мало-азіатской поверхности. Малая Азія, вмасте съ Арменіей, лежащей къ В. отъ нея и соединяющей ее съ Иранскийъ плоскогоріемъ, отнюдь не представляеть одного плоскогорія, какъ пранское или монгольское, но рядъ сравнительно небольшихъ плато, раздаленныхъ и окаймленныхъ горными цапями и понижающихся

уступами съ востова въ западу. Это карактерная страна уступовъ, завирченная, какъ между отвиами, между горною ценью Анти-Тавра н Тавра съ юга и такого же характера горною цепью Понимиских зора съ севера (пепь эта забыта составетелемъ учебника). Объ цвин, какъ всегда въ странахъ уступовъ (если при этомъ не окаймияють сосъднихь плоскогорій) понижаются по мере пониженія окаймиенных террась (въ наиномъ случай отъ востока къзападу). Саман вооточная терраса, Вемико-Армянския, принываеть въ Иранскому плоскогорію. Она самая общирная и самая возвишенная. Въ обверо-восточномъ углу ея, а не къ свверо-востоку отъ нея. какъ ошибочно подагаеть г. Смирновъ) возвышаются вершины двухъ Араратовъ. Къ юго-западу отъ Велико-армянскаго плато расположена терраса Каппадокиская (нынь вылайеть Конія), ванкнутая со всехъ сторонъ высокнии горами и не нивищая стоковъ. Она неже велико-армянской, но выше остальныхъ. Соседняя съ него съ оввера (а отъ Велико-армянской лежащая къ западу и свверо-западу) Пафлагонская (ныв'в Сивась) общириве, но ниже. Наконецъ, въ западу отъ Каппадокійской в Пафлагонской расположена невысокая, нвобнаующая дугами, отдичающаяся плодородіємъ и благоодовеннымъ влиматомъ терраса Фриниская (нынь вилайеть Анюра), постепенно переходищая на съверо-западъ въ холинстую нивменность Висинію в Мизію (нын'в визайсть Брусса), а на запад'в н вого-западе- въ такую же назменность Іонію и Карію (нын'в вилайеть Смирна).

Назвать вою эту спотему террасъ однимъ Мало-азіатскимъ плоокогорісмъ и упомянуть всего лешь о южномъ окраниномъ хребтвзначить не дать никакого понятія объ описываемой странь. Вообще г. Смирновъ совершенно не знаеть того типа страны, который, всявдь за Риттеромъ, принято называть странами уступовъ. Въ Азін-это очень распространенный типъ, нерідко являющійся методомъ, коимъ природа пользуется для перехода отъ нагорія къ пониженію. Монгольское плоскогоріе ниветь такін отраны уступовъ: на востокъ-Дауро-Манджурію, на западъ-Чжунгарію. Иранское плоскогоріе, на северо-востоке—Кабулистань, на северо-западе— Маную Азію. Этоть же типь территорін, столь распространенный въ Азін, обусловливаеть уже упомянутое явленіе давергенців и конвергенців (расхожденія и схожденія) горныхъ кряжей. Въ Азін вообще заивчается дивергенція къ востоку и конвергенція къ западу. Выше констатированное явленіе горных увловъ въ юго-западныхъ углахъ азіатекихъ плоскогорій тоже свазано съ этимъ любопытнымъ явленіемъ. Въ культурно-историческомъ отношеніи законъ конвергенців вибеть то значеніе, что, благодаря, ему, Азія распадается на рядъ обшерныхъ территорій, въ себі замкнутыхъ, по своей обширности способимхъ совдать свой особый культурный міръ, мало, однако, доступный общению съ другими такими же мірами.

«Сирійское плоскогоріє глубочайшею въ свётй долиною (ийстами даже на ¼ версты ниже уровня океана) разділяется на дві части восточную и западную. На западной горная ціль Лисан; на восточней Анти-Лисан; противъ Ливана), вдвое ниже Тавра. Ливанъ и Анти-Ливанъ, соединяєсь на югі образують горный узель Гермон, высотою около 3 версть» (—5).

Конечно, всякій пойметь это описаніе такь, что «глубочайтам долина въ світі» (долина Іордана и Мертвое Море) нежить нежду Ливаномъ и Анти-Ливаномъ, а Герменомъ замыкается съ юга. Иначе поиять невозможно, а между тімъ совершенно наоборот: Гермонъ нежить сіверніе истоковъ Іордана, текущаго на югь отпюдь не между Ливаномъ и Анти-Ливаномъ. Ливанъ и Анти-Ливанъ ограничивають Кайдосирію, которая составляеть сіверную, а Палестина южную ноловину Сиріи. Если къ этому прибавить мензивотное г. Смирнову обстоительство, что Сиріи (какъ и Аравія), котя и расположены на азіатскомъ материкі, но принадлежить уже нъ системъ Африканскихъ плоскогорій (какъ и Пинейскій полуостровъ, расположенный на европейскомъ материкі, то какъ должим им назвать характеристику Сиріи, данную учабникомъ?

«Аравійское плоскогоріє большею частью съ крутими склонами, на югів отвівсными своими скалами падаеть прямо въ море. Средняя высота такай же, какъ и Иранскаго» (—5).

Составитель учебника, візроятно, позабнять, что онь не сообщиль средней высоты Иранскаго плоскогорія... А остальное? Развів это карактеристика? Къ тому же и Аравія—не единое плоскогоріе, а система по типу столообразныхъ плато, свойственныхъ Африкі.

«Деканское плоскоюрие наполняетъ собою почти весь (?) полуостровъ Индостанъ съ незначительнить наклономъ къ востоку; нёсколько ниже Иранскаго. Съ востока и запада ограничивается невысокими горами Гамъизъ которыхъ западный выше восточнаго» (—5).

Не «почти весь полуостровь», а около половины (если считать съверяюю границею примую линію между устьемъ Инда и Брама-путры). Остальное върно, но ничего не говорить уму. Этоть предполагаемый обломокъ исчезнувшаго міра, Деканъ очень оригинамень по строенію, по генетически не связань съ остальнымъ акіатскимъ нагорьемъ. Поэтому, съ прискорбіемъ отмічая пустословіе учебника, за недосугомъ не останавливаемся дольше.

«Низменности. Сыбырская—общирнъйшая въ свётъ; въ свеерной части тундры, въ юго-западной—степи съ солончаками.

«Туранская. На съверъ-луговыя степи, а на югь песчаныя пустыви съ оззами.

«Индостанская. На западё—большею частью песчаныя и глинистыя равнины, которыя только во время дождя покрываются травой, на востоев плодородивания пространства земного шара.

Китайская. Въ съверной части ровна, какъ столь, въ южной холмиста, весьма плодородна.

«Месопотамская—однообразная песчаная пустыня» (5-6).

Есть и висторыя невърности: характеристика западнаго Индостана относится только къ меньшей его части. Для Пендмаба, Радмиутаны или бассейна Нербуды (котати, вовое пропущеней учебникомъ) она не годится. Характеристика Сибирской низменности какъ бы разділяеть ее на тундру и степь, между тімъ большая чясть Сибири въскотая равника. Забити миогочисленныя горы, прорізмивающія Сибирь, а равно и невысокое, но обширное плато Якутекое. Горы, и очень замічательныя, забиты и на Туранской инзменности. И месопотамія не везді пустыня, а «песчаная» даже весьма мало. Хотя эти ошибки и невірности почти ціликомъ покрывають собою все это коротенькое сообщеніе объ Азіатскихъ инзменностихъ, тімъ не межію главный дефенть даже не въ этомъ, а въ полномъ неумінім оріснтироваться въ замічательно закономірномъ и поучательномъ расположенію этихъ незменностей.

Мы уже знаемъ, что среднну материка составляють три обширнайшія и высочайшія плоскогорія. Монгольское, Тибето-туркестанское и Иракское, окруженныя высочайшими горами, спускающися въ разныя стороны четырьия характерными странами уступовъ (Дауроваго, Чжунгарскаго, Кабульскаго и Мало-акійскаго) и по-CLIMADILIA OTE COOR MEOFOURCECERNO OTDOFE BE BEAT FORMETS ITSпей и кражей. Эти плоскогорія соеднияются между собою своими своеро-восточными и юго-западными углами, такъ что тотъ возвышенный гребень материка, который можно было-бы назвать осью его строенія, простираєтся съ съверо-востока на юго-западъ. Винмательный ваглядь на карту покажеть, что эта ось продолжается и на северо-востокъ, и на юго-западъ. Съ северо-востока къ монгольскому плоскогорію примываеть уже упомянутое невысокое плато Якутское, окаймленное хребтомъ, спускающееся уступами въ Берингову проливу, где у Чукотского Носа и закончивается одинъ конецъ этой нагорной оси Авін. Съ юго-запада, Аравійское плоскогоріе, хоти и отделенное отъ Ирана Персидскимъ заливомъ съ Месойотамскою нивменностью, межить, однако, на продолжения той же оси, какъ въ томъ же направлении, на той же оси, къ юго-западу оть Аравійскаго плоскогорія лежить уже въ Африкъ Абиссинское, далье плоскогоріе великих оверь, далье-южно-африканскою, характерною страною уступовъ опускающееся въ Южному океану и завершающееся Мысовъ Доброй Надежды. Персидскій заливъ, отділяющій Иранское плоскогоріе отъ Аравійскаго, разділяєть дві системы плоскогорій, весьма отличающихся по геологическому и тектовическому строенію, по характеру поверхности, по флорі, фауні и пр., но лежащія обі, на одной оси педнятія, общей всему соединенному материку Стараго Свъта. На свверовостокъ Чукотскій Носъ, на югозападе Мысъ Доброй Надежды составляють крайніе концы этой оси.

Если мы теперь посмотримъ на расположение низменностей относительно этой нагорной оси Стараго Свёта, то къ свверо-

западу отъ нея увидемъ всё африканскія низменности, обширивётшія авіатскія (сибирскую, туранскую и месопотамскую) и всю Европу (низменность, только переріванная хребтами), тогда какъ на юго-востоке океанъ почти повсемёстно плещеть свои волны непосредственно у подножія нагорыя. Оть Мыса Доброй Надежды до устья Инда всюду плоскогорія непосредственно оступаются въ море. Только индостанская низменность, заключенная нежду тибетскимъ, иранскимъ и деканскимъ плоскогоріями, да китайская, такъ же оберегаемая монгольскимъ и тибетскимъ плоскогоріями и альпійскою стороною Индо-Китая (ответвленіємъ Тибета), и представляють съ юго-востока довольно значительныя низменности, совершенно теряющіяся передъ необозримыми низменностами сёверо-запада.

Если при этомъ не забыть, что этотъ северо-западъ, по геологическому составу, является относительно новообразованіемъ, а юговостокъ принадлежить къ самымъ древимъ сушамъ земного шара, то прямо упремен въ факть первокласснаго значенія, безъ котораго непонятно отроеніе Стараго Свёта вообще, Авін въ частности, въ фактъ секумярнаго перегибанія всего материка Стараго Свёта съ съверо-запада на юго-востокъ (подобно такому же перегибанію Новаго Света съ запада на востовъ). Секумерное поднятіе северозапада (продолжающееся и понынъ) выдвинуло изъ водъ обширнъйшія низменности Судана, Сахары, Европы, Сибири, Турана. Секулярное опускание юго-востока погрузило целые міры въ воды овеана и привело его въ подножія нагорья. Бахрома архипелаговъ, шменно съ юго-востока обранияющая и Азію, и Африку, свидетельотвуеть о горимкъ цепяхъ, изрезывавшихъ исчезнувшую подъ волнами сушу. Въ свъть этихъ данныхъ законъ расположения низмение, стейвъ Азін (и законъ расположенія острововъ) становится яснымъ, доступнымъ, осмысленнымъ,

Въ заключение этихъ заметокъ объ орографіи Азіи укажу, что разбираемый учебникъ совершенно пропустиль всё низменности, образованныя наносами большихъ рёкъ Азіи. Между ними есть довсльно значительныя, въ устьяхъ Амура, Иравади, Меконга, но особенно Сіамская, по берегамъ Селуэна и Менама. Эти низменности тёмъ более достойны отметки, что расположены на юговостоке нагорной оси, понемногу возвращая суще отнятое океаномъ.

IV.

Сделанный нами подробный разборъ горизонтальнаго и вертикальнаго развити Азів, какъ оно излагается учебниковъ г. Смирнова, выяснить намъ достаточно характеръ учебника. Крайняя неполнота, масса непростительныхъ невёрностей и неточностей и совершенная неосмысленность, неистолкованность, крайняя безсвязность сообщаемыхъ данныхъ,—таковы свойства учебника, какъ они положительно выясняются изъ вышевзяюженнаго. Я полагаю, что мы можемъ поэтому не следить далее, шагъ за шагомъ, за наложениемъ г. Смирнова и можемъ ограничиться отметкою наиболее достойнаго вниманія. Везсвязность и неосмысленность изложенія составляють, какъ видно изъ приведеннаго, основной методъ учебника и большихъ иллюстрацій не требують. Неполнота и неверность, прямыя ошибки — воть что мы собираемся еще пополнить.

Говоря о районѣ муссоновъ, юго-восточныхъ лѣтомъ и сѣверозападныхъ зимою, г. Смирновъ распространяетъ эту область на «юго-восточныя стороны острововъ Остъ-Индскаго Архипелага (?Малайскаго?), Индо-Китая и Средне-азіятскаго плоскогорія» (стр. 6). Область этихъ муссоновъ гораздо обширнѣе: въ нее входятъ весь Китай, Корея, Японія, Пріамурскій и Уссурійскій край, Манджурія, Даурія и даже частью Монгохія. Это болѣе чѣмъ удвоиваетъ площадь области муссоновъ, вводя въ нее старо-культурныя страны, гдѣ сама культура въ значительной степени подчинена этому факту.

«Необыкновение сильное испареніе воды въ этомъ морѣ (Мертвомъ) производить сильное сгущеніе раствора соли, такъ что въ немъ плавають иногда довольно тяжелыя асфальтовыя глыбы, отчего оно называется также Асфальтовымъ» (стр. 7). Если признать, что это мѣсто написано по-русски, то пожалуй окажется, что сильное сгущеніе раствора соли производить асфальтовыя глыбы... На какомъ бы нарѣчін злѣсь писалъ г. Смирновъ?

На странице 8 оказывается, что р. Кабуль прорежываеть Индо-Персидския горы. Мы видели, что Индо-Персидскими горами нашъ учебникъ называеть Солимановъ хребеть, который, однако, лежитъ изоколько сотъ версть въ стороне отъ р. Кабула.

На той же стр. Си-изянь оказывается впадающимъ въ Индійскій океанъ. На этой рікі стоить Кантонъ, и ока впадаеть въ Тихій океанъ (собственно говоря, въ Южно-Китайское море, составляющее однако часть не Индійскаго, а Тихаго океана). Эта ошибка непростительна для ученика и заслужила бы ему единицу.

Характерная особенность больших азіатских рікъ, указанная Риттеромъ, ихъ париость, совершенно не отмічена учебникомъ. Такими парами являются: Тигръ и Евфрать, Гангъ и Брамапутра, Гоанго и Янтсекіангъ, Аму-Дарья и Сыръ-Дарья, Обь и Иртышъ. Начинаясь приблизительно въ однихъ мёстахъ, эти «ріки-близнецы» затімъ далеко расходятся, но въ устьяхъ опять сближаются, нікоторыя же даже сливаются. Это опять крупное физико-географическое и культурно-историческое вначеніе. Исходя изъ одной страны, эти воды несуть и сімена растеній, и постепенно спускающуюся культуру одной расы сначала въ совершенно различныя условія (ріки сначала далеко расходятся) и сто создаеть различны, вти культуры способны къ общенію; испытавшія различныя вліянія,

долго разлученныя, - оне, снова сливаясь, дарують разнообразіе и разносторонность развитія, нначе не такъ легко достижниую. Конечно, г. Смернова начто подобное не интересуеть.

Объясняя континентальность климата Азів, г. Смирмовъ, между прочимъ, указываетъ причину, «что ³/з ея состоятъ изъ высокихъ плоскогорій, на которыхъ воздухъ не столь плотенъ, какъ на низменносте, и земная поверхность быстро теряетъ собранную емо днемъ солнечную теплоту» (стр. 9). Что разумъетъ г. Смирновъ подъ плотностью воздуха? Если то же, что всё люди, то кому же мензвъстно, что именно азіатскія плоскогорія суть область высокихъ атмосферныхъ давленій, а низменности наоборотъ. Быстрое лученспусканіе почвою Средней Азін пріобрътенной теплоты—фактъ, но объясняется онъ не меньшей плотностьи (которая, наоборотъ, здъсь больше), а отстутствіемъ растительнаго покрова, сухостью ночвы и атмосферы, безоблачностью. Цитированныя строки не только явная невърность, но и явное невъжество.

«Наиболе ценное богатотво Сибири — ел хвойные леса. Изъживотныхъ ей свойственны преимущественно пушные звери и итицы» (стр. 11). Эти «птицы», свойственныя Сибири, это довольно таки прелестно. Другія страны мало знають птицъ... Вёдь, если птицы особенность Сибири, то какъ же иначе понимать? Да и изъбогатствъ Сибири обиліе ценныхъ минераловъ и черновемной почвы чего нибудь да стоять же, не одни хвойные леса.

Довольно фантастичны представленія г. Смернова и о расахъ, населяющихъ Авію. «Монгольское племя разселилось превмущественно по северо-восточной части материка» (стр. 11). Такъ какъ Индо-Китай заселенъ монголами, а Якутское плато тюрками, то скорве даже юго востокъ, а не свверо-востокъ Азін заселенъ монголами. Правильные всего сказать, что монголы живуть въ восточной части материка. «Кавказское—на юго-западной» (ів.). Очевидно, г. Смирновъ еще не знаеть о русской колонизаціи Сибири. «Малай № 00-занимаетъ полуостровъ Малакку и почти всв о-ва Зоидскіе» (ib.). Надо прибавить Молукскіе о-ва, Филипинскіе, виутренность о. Гайнана (впрочемъ, совершенно забытаго г. Смирновымъ), восточныя горы Формозы. «Приблизительною гранццею между монгольскимъ и кавказскимъ племенемъ служать инзовья Ганга, горы Гимиалайскія, Гиндукушь и съверная окраина Иранскаю маоскогорія» (стр. 11). Это уже пряно безподобно. Оказывается, что вся Сибирь, Джунгарія, Восточный и Западный Туркестанъ населены монголами! Г. Смирновъ ихъ не умъетъ отличить отъ тюрковъ, которые однако входять, какъ составная часть, въ великую кавказскую (бълую) расу, вивств съ индо-европейцами и семитами. Забыть эту азбуку, составляя учебникъ географіи, внушать эти ложныя представленія учащемуся юношеству, какъ прикажете назвать этоть подвигь?

«Островъ Цейловъ и южная часть Индостана населены черно-

жожимъ народомъ Дравида» (стр. 12). Я говорилъ выше о происхожденін Дравидійскихъ племенъ. Черная раса, покоренная монголами. образовала отъ смещения съ ними прото-дравидійскую народность «поторая понына сохранилась въ малодоступных горахъ центральнаго Индостана). Затемъ, покоренные тюрками, протодравидійцы, омъщавшись съ покорителями, создали дравидійскую народность (тамидовъ, излабаровъ и др.). Оне населяють южную Индію (съ ущельяхь хребта Гать сохраннянсь и чистые негры). Это, однако. не относится къ Цейлону, где дравидійцы-недавніе пришлецы и соотавляють меньшинство населенія. Сингалевы, составляющіе чисденно господствующую народность Цейлона, отнюдь не принадлежать къ дравидійской народности. Это метисы, происшедшіе отъ сившенія вавоевателей арійской расы съ чернокожими туземцами. Племя Веддахи, сохранившееся въ малодоступныхъ десахъ и джунгляхъ внутренняго Цейлона, признается остатками этой туземной народности. Безъ Веддаховъ можно и обойтись въ учебнике, но населить Цейлонъ дравидійцами—стывная ошибка, или еще болве стылное невъжество.

«Въ Азів получили начало всё важитійшія релими земного шара, какъ поличенстическія—Браминская, Буддайская и пр., такъ и моноченстическія—Христіанская, Магометанская и Гудейская» (стр.
12). Буддизить причислять къ политенстический религіямъ—очень
отыдно. И что это такое за Буддайская религія? Принято говорить
буддійская. Вообще въ этомъ отношеніи г. Смерновъ очень дибераленъ. Онъ пишеть Бомбай, Зунгари, Нагазаки, и пр., вийсто
общепринятого начертанія Бомбей, Сунгари, Нагазаки и т. д., какъ
и поличенстическій, вийсто полименстическій. Зачёмъ это понадобилось? Только новое затрудненіе для учащихся.

Родина всёхъ расъ, Азія, въ этомъ отношенім представляють не только глубовій научный интересь, но и сблежая ихъ, сличая ихъ культуру и жизнеспособность, она можеть служить превраснымъ введеніемъ для овнакомленія съ расами, подготовленіемъ для ихъ нвучения въ другихъ частихъ, гдв онв, обрети новое отечество. получили свое полное определение и выражение, бълвя — въ Европъ, черная—въ Африкв, малайская—въ Океанін, красная—въ Америкъ (анны Японів и Сахалина, курильцы, камчадалы, коряки, чукчи ныив наукою все более и более сближаются съ американскими расами, указывая и для нихъ родину въ Азін). Даже техъ немногихъ неспотематическихъ ваметокъ, брошенныхъ нами выше мимоходомъ по разному поводу, достаточно, чтобы показать поучительность этого факта. Г. Смирнову, конечно, ни до чего подобнаго нать никакого дала. Все общее физико-географическое и этнографическое обозрвніе Азін изложены на двинадцати разгонисто напечатанныхъ страничкахъ!.. Правда, это почти совершенно обнаженная номенклатура... Для этого двывадцати страниць много. Затымъ, политическое обозрвніе занимаеть еще 26 страниць, всего же географія Азін—тридцать восемь! Остановимся на кое-какихъ отмѣткахъ политическаго обозрѣнія.

Японской имперіи, пріобрівшей теперь такое крупное значеніе, учебникъ посвящаеть дві страницы. Невірностей не особенно много, но пропусковъ такъ много, что не знаешь, на чемъ остановиться. Статистика отсутотвуеть. Пути сообщенія не указаны. Нітъ свідвій о государственномъ устройстві, на объ административномъ діленіи. О расії сказано, что одна и та же съ китайскою, между тімъ это омісь монгольскихъ завоевателей (не китайской, а скорів-корейской или манджурской отрасии) съ туземцами, візроятно, родственными аннамъ. Раса різко отличается отъ китайской. Даліс: не упомянуты вовсе такія важныя владінія, какъ архипелагь Пескадорскій и Вовниъ-Сима, островъ Чу-Сима. Не упомянуть второй по значенію порть Японіи, Кобе. О Нагасакахъ сказано только, что торгуєть съ Китаємъ; забита торговля съ Европою и стоянка русскаго флота. Не упомянуть такъ же порть Хакадате, имівющій значеніе для сіверной Японіи, и древняя резиденція Міско.

Индін посвящено четыре страницы, но, если это только возможно, свідінія еще меніе удовлетворительны, чімъ о Японін. Индія— цільй міръ, боліе разнообразный, чімъ міръ Европы. Учебникъ этого не изображаеть. Индія населена расами: негритянскою (Веддахи, Тодды и другія племена мало доступныхъ горъ); протодравидійскою (центральныя горы); дравидійскою (Деканъ); сингалезскою (Цейлонъ); боліе нли меніе чистою индо-европейскою (высшія касты нидусовъ, брамины и кшатрін, а также народности патановъ и парсовъ); сийсью видо-европейцевъ съ дравидійцами (иняшія касты индусовъ); тюрками (джаты); нонголами (племена, разбросамныя въ долинахъ Гиммалаевъ). Учебнякъ знаетъ только индо-европейцевъ и дравидовъ, да неправильно именуетъ монголами гуркасовъ, господствующихъ въ Непалів. Этого слишковъ мало.

Изъ религій въ Индіи исповъдуется: браминизма въ двухъ своихъ развътвленіяхъ (вишнуизма на съверъ и сиваизма на югъ); буддизма тоже въ двухъ развътвленіяхъ (ламаизма на съверъ и ортодоксальный буддезмъ—на югъ, на Цейлонъ); ислама, особенно на съверо-западъ; джашнизма, религія, родственная буддизму; маздеизма, древняя религія Зенд-Авесты, исповъдуемая въ западной Индіи парсами, бъжавшими изъ Ирана отъ арабовъ; христіанство, по преданію внесенное апостоломъ Фомою и, кромъ того, распрестраненное европейскими миссіями. Изъ воъхъ этихъ религій учебникъ упоминаеть только о браминизмъ! Тоже болье, чъмъ мало.

Въ политическомъ отношении Индін распадается на области двухъ родовъ: англійскія владінія и вассальныя государства съ тувемными правительствами. Учебникъ, кажется, даже не подозріваеть о существованіи посліднихъ. Между тімъ, между ними есть не мало интереснаго и въ политическомъ, и въ культурномъ отношеніи. Въ политическомъ очень важно могущественное мусульманское государ-

ство Гайдерабадское на Деванскомъ плато. Во многихъ отнощеніяхъ интересно и мусульманское же владініе, Кашмира. Въ составів браминистскихъ владіній надо отличать двів интересныхъ группы: радженутанскую и маратскую, любонытныхъ по культурів и національному патріотизму. Между другими владініями встрічаются нынів потерявшія значеніе, но славныя своимъ прошлымъ. Такъ на среднемъ Гангів лежить сохранившее цишь тінь автономін владініе Бегарское. Здісь, однако, царевичемъ родился Будда. Отсюда же Асока управляль Индіей. Туть же расположень и Бенаресъ. Все это не интересуеть г. Смирнова, и учащіеся даже и подоврівать не будуть считать всю Индію просто англійской провинціей.

По поводу Индін г. Смирновъ пускается въ кое-какія соображенія: «Чрезм'врное богатотво страны наніжняю ихъ (индусовъ) до того, что они время отъ времени легко были покоряемы иноземными завоевателями; ихъ безъ труда (!) покориль Александръ Македонскій. ЛЕТЬ 500 назадъ напали на Индостанъ монголы и основали тамъ нагометанское государство подъ именемъ Имперіи Великаю Монома» (стр. 25). Чудная философія исторіи здёсь соперинчаеть съ такимъ же чуднымъ невъдъніемъ, истинно блаженнымъ. Александръ Македонскій Индін не покориль, а только два чебольшихъ княжества въ Пенджабъ, и покорилъ ихъ съ трудомъ, вотретивъ нивакъ не изивженное, но очень воинственное населеніе, которое по уходъ великаго македонскаго авантюриста немедленно прогнало грекомакедонянь, а затемь отняло у нихъ и значительную часть нынёшняго Кабулистана. Монголы напали на Индію не 500 леть тому назадъ, а 700, на порогъ XIII въка, раньше вторженія въ Россію. Оне опустопили Индію и ушли. Никакого государства не основывали, а темъ менее магометанскаго, потому что и сами не были магометанами. Г. Смирнова ввело въ заблуждение созвучие словъ Монголо и Великій Моголо. Имперію Великаго Могола основаль, какъ уже упомянуто, султанъ Баберъ. Его войско состояло изъ тюрковъ и пранцевъ. И это было не 500, а около 300 леть тому назадъ! И скучно, и грустно, и поучительно отмичать всю эту чепуху, выдаваемую за географію.

И сведенія объ недійских городах у г. Смирнова очень устарели. Теперь не Мадрась, а Коконадо — главный порть Коромандельскаго берега; не Лагорь, а Смис — важнейшій городь Пенджаба. Г. Смирновь забываєть такь же о французских и португальских владеніях въ Индін (Пондишери, Гоа, Діу). Устарёли сведенія и о местных произведеніях . Некогда въ самомъ деле Цейлонь славняся кофейными плантаціями. Теперь оне тамъ реджость, ихъ замениль чай. Андаманскіе острова, по мернію г. Смирнова, служать местомъ ссылки преступниковъ. Это было когда то, но вследотвіе нездороваго климата они оставлены. Ихъ замениль

острова Никобарскіе, тоже расположенные въ Бенгальскомъ заливѣ. Все это было бы даже забавно, если бы не было грустно.

Обозрѣвая Малайскій архипелать, учебникь инчего не знаеть объ англійскихъ владёніяхъ (Лабуанъ, сѣверный Борнео, Бали, часть Тимора и др.), имфющихъ и для англичанъ, и для всемірной торговли очень большое значеніе. Едва ли не курьезите еще, что при этомъ обозрѣвіи совершенно пропущены Молукскіе острова, этоть перлъ голландскихъ колоній, цѣлые вѣка ихъ обогащавшій своими прянностями, мускатомъ, гвоздикой и др. Долго торговляпрянностями была монополіей голландцевъ и только въ самое послёднее время эти драгоцѣныя растенія разведены и въ другихъмістахъ тропическаго пояса, но и до сихъ поръ вывозятся главнымъ образомъ съ Молукъ. О Филипинскихъ островахъ упомянутотолько, что они испанскіе. Хоть бы о сигарахъ не забыли. Въ прошломъ году они были театромъ возотанія христіанскаго испаномадайскаго населенія.

Двъ странечке, посвященныя Ирану, тоже достаточно чепуховаты. Кабуль и Герать, оказывается, лежать на двухъ концахъ дороги изъ Индін въ Туранъ и потому имбють важное коммерческое значеніе. Пройти изъ Индін въ Герать черезъ Кабульможно (ходиль такь Тимуръ), но это очень неудобно и въ коммерческихъ видахъ никто этимъ путемъ не пользуется. Обычный путьняъ Индіи въ Гератъ черезъ Боланское ущеліе и Кандагаръ (выше уже упомянуть). Составъ населенія Иранскаго плоскогорія наображенъ поверхностно и невърно; пропущены цълыя важныя группы населенія: таджики, ганчасы, хезарейцы, аймаки, туримены, брагуи и др. Последніе-дравидійцы, три предъидущихъ-тюрки. На западъ пропущены-армяне, језиды, арабы. Изложенје болье, чъмъ небрежное. Изъ городовъ Персін не названъ самый важный-Тавризъ, не названа недавняя столица Испанань, ни одного порта въ Персидскомъ заливи (Бендеръ-Абасъ, Бендеръ-Буширъ, Мохамерай). Статистика по обыкновенію вполив отсутствуеть.

Съ Аравіей еще менте благополучно. Учебникъ внастъ, что существуетъ какая-то незавновмая Аравія, но что это такое, надо нолагать, не очень освъдомленъ. По крайней мърт ни слова больше, кромъ факта существованія. Можно подумать, что это одно государство, а нхъ цять (Шамаръ, Неджедъ, Неджранъ, Гадрамаутъ н Джауфъ). Если бы г. Смирновъ зналъ что ннбудь о незавновмой Аравін, онъ, втроятно, не удержался бы хоть нъсколько строкъ датьо ней. Въдь эта страна Вехабитовъ, особаго, въ высшей степени оригинальнаго втроисповъданія, отложившагося отъ нелама и возникшаго на соціально-политической почвт. Въ турецкой Аравін г. Смирновъ не отличаетъ Геджаса отъ Ісмени, двухъ совершенноотличающихся областей, по природт и культурт. Онъ не называеть ми одной гавани (Джедда въ Геджаст, Ходейда и Мокка для Ісмени). И англійскія владтнія въ Аравін не вполить язвъстям учебнику. Пропущень очень важные по женчужнымь ловиямь Карамана и политически важные острова Хурганз-Мурганз.

Лежащая у нашихъ европейскихъ границъ, имеющая такое большое значение для Европы. Азіятская Турція изображена такъ же неуповлетворительно. Начать съ того, что пълыя значительныя группы племенъ и народностей совершенно пропущены: Лазы, Іевиды, Зейбеки, Марониты, Несторіане и др., въ совокупности составляющіе очень значительный элементь. Распределеніе остальныхъ народностей дано поверхностное и невърное. «Турки Османыгосподствующій классь населенія, превмущественно по городамъ» (стр. 35). Именно, не по городамъ, где больше сосредоточиваются греки, армяне, арабы. Турки силошь занимають террасы Каппадокін, Пафлагонів и Фригін; въ вначительномъ числе великовриянскую; распространяются слабе къ берегамъ морей; въ Сирію и Месопотамию почти не проникли. «Курды—по склонамъ армянскаго нагорыя». Надо бы сказать: «преннущественно по южному склону ADMARCKATO HAPODLE, VACTLED DO CAMOMY HAPODLED>, DOTOMY TO CEверный склонъ занять лазами, восточный-грузинами, а западныйтурками и ариянами. «Арияне-на ариянскомъ нагоръй». Опять таки «преимущественно», а частью по всей Малой Азін. «Друзы-въ Сирів, въ Ливанскихъ горахъ» (іб.). До шестидесятыхъ годовъ друвы жили въ горахъ Антиливана, но после ихъ усмирения францувани выселились на востокъ въ горы Гауранскія, где не дальше 1896 года произведи возмущение, дишь съ трудомъ подавленное тур-Kame.

Статистика, конечно, тоже отсутствуеть. Государственное устройство, пути сообщенія, административное діленіе тоже не интересують г. Смернова и по отношенію къ Турців. Изъ городовъ забыты очень крупные и нажные — Алеппо, Антіохія, Александретта, Адана, Конія, Ангора и др. Попадаются курьезныя свідінія: «Родось — станція, турецкаго флота!» Увы, ийкогда была... Это на 38 страниців, т. е. на послідней, посвященной Азін. Да будеть это и нашимъ послідникь замічаніемъ объ этой части світа.

Не менте невъжества обнаруживаеть учебникъ и по отношению къ другимъ частямъ свёта. Суецкій каналь въ отдёлё объ Азін диною 100 версть, а въ отдёлё объ Африкъ уже 150 версть (стр. 50). Въ Гвинет учебникъ не знаетъ Дагомеевъ, Ашантіевъ, ни германскихъ владёній въ Камерунт. Вушмены дже г. Смирнова негры. Мадагаскаръ до сихъ поръ самостоятельное государство говасовъ. Республика Оранжевой реки названа полусамостоятельной, а Трансвааль—самостоятельнымъ. Слёдовало бы наоборотъ. Абиссинія (которая почему-то пишется Абессинія, Abyssinia) почитается итальянскою колоніей, и т. д., и т. д. Если бы мы послёдовали ва г. Смирновымъ черезъ Атлантическій океанъ въ Америку, то мы тамъ указали бы, пожалуй, еще больше курьезовъ, невёрностей, пропусковъ, прямого невѣжества. Одчако, съ насъ довольно. Итоги

ясны до очевидности. Основной, ничких непоправники дефекть учебника — это полная и совершенная неосмысленность, неистолкованность и бевсвязность сообщаемых сведеній. Это не географія, а географическая номенклатура, одно обременительное упражненіе памяти, не дающее представленія о земномъ шарі. Къ этому основному недостатку надо прибавить чрезвычайное обяліе невірностей, порою изумляющих по своему безпросвітному невіжеству. Пора, давно пора этоть старый хламъ выбросить за борть и позаботиться, чтобы такой важный образовательный предметь, какъ географія, получиль подобающее місто въ системів средней школы.

Въ закиюченіе, укажу на следующій поистине замечательный факть. Я сличаль разобранное выше тридцать пятое издание учебника г. Смирнова со вторымъ, вышедшимъ тридцать три года назадъ, въ 1864 году. Сличение это во всихъ отношенияхъ не въ пользу изданія 1896 года. Учебникъ значительно укудшился. Въ первыхъ изданіяхъ г. Смирновъ тоже не отличается дарованіемъ, но онъ пробуеть найти хотя какую небудь аріаднину вить для странствія по этому дабиринту именъ. Онъ старается ихъ оживить н осмыслить, дълветь сравненія и сближенія, указываеть связь и вліяніе. Видно вліяніе географовь-мыслителей, изъ которыхъ воечто заимствовано. Все это тщательно и окончательно истреблено върядь изданій до тридцать пятаго включительно. Общее повиженіе уровня нашей средней школы сказалось и въ этомъ самонскаженів г. Смирнова. Не велики достоинства были его учебника и въ первыхъ изданіяхъ, потому что не велики таланты автора. Но тамъ быль методъ, была идея, быль осмысленно выбранный путь. Выла, словомъ, полытка въ чему то лучшему. А теперь? Пожалуй, и о старика Ободовскомъ пожалать можно. Если назначить премію ва худшій учебникъ географіи, то едва ли нашелся бы другой, болье достойный премін, нежели учебникь г. Смирнова.

Я хотель сегодня поговорить еще объ учебникахь русской географіи. Мёста для этого, однако, на сегодня не хватаеть. Оставлю ихъ совсёмъ безъ исповёди и покаянія. Мимоходомъ замёчу только, что и съ учебникомъ географіи Россіи г. Бёлоха произошло нёчто вродё метаморфозы учебника г. Смирнова. И учебникъ г. Бёлоха въ теченіе тридцати лётъ все сокращали, покуда не сократили до сухой, начего не говорящей уму, трудно заучиваемой, легко забываемой, неосмысленной номенклатуры... По этому пути порчи учебниковъ намъ, кажется, дальше идти некуда. Не пора ли остановиться и образумиться? Впрочемъ, прежде, чёмъ зачяться этими общими вопросами, мы еще заглянемъ въ учебники исторіи, не принесуть ли хоть они намъ нёкотораго утёшенія.

С. Южаковъ.

Розт Scriptum. Въ прошлой майской книжкѣ «Русскаго Богатства» я оговорнять инкоторыя опечатки, вкравшияся въ текстъ моего априльскаго Дисеника объ учебнивахъ русской грамматики. Между прочими, оговорена и опечатка, вкравшаяся въ заглавіе учебника г. Петрова. Еще до выхода майской книжки, но послѣ отпечатанія моей статьи, я получиль отъ г. Петрова письмо съ просьбою возстановить весь тексть заглавія его книги и привести голь изданія. Исполняю его просьбу. Книга называется:

Русскій языкь. Опыть практическаго учебника русской грамматики. Эгимологія въ образцахъ. Составиль Конст. Өедор. Петровъ. 1882 годъ.

Г. Петровъ прислать при письме и последнія, поздивищія изданія своего учебника. Пятое изданіе вышло въ 1896 году. Я его просмотрель по темъ вопросмиь, которыхь коснулся въ моемъ разборе. Есть некоторыя улучшенія. Напр., число и названіе видовъ и залоговъ приведено къ согласію съ г. Буслаевымъ. Вообще же, много утешительнаго объ учебнике и въ новомъ виде сказать нельзя. Лучше учебники гг. Кирпичникова и Гилярова, но вёдь то геркулесовы столбы.

C. 10.

Хроника внутренней жизни.

Законъ 7 апреля 1897 г. и паспортные порядки. Наши тюрьмы. Къ пересмотру положенія о крестьянахъ. Сельскія власти. "Ты" и "Вы". Общественное пьянство. Телесныя наказанія.

Профессоръ Сиворскій написаль книгу о психологіи славянь. Къ отличительнымъ чертамъ славянской натуры онъ относить, между прочимъ, нерішительность. Сущность этой психологической черты состоить въ выжиданіи, въ опасеніи сказать слово или совершить дійствіе, не допускающее возврата. Однимъ словомъ то, что русская пословица выражаетъ словами: «семь разъ приміряй, одинъ отріжь». Черта эта имбеть тісное соотношеніе съ тонко развитымъ чувствомъ славянъ, составляеть послідствіе преобладающаго значенія чувства въ ихъ душевномъ стров.

Конечно, нерешительность въ смысде осторожнаго и обдуманнаго способа действій въ ответственномъ деле ость качество поквальное. Но нерешительность тамъ, где дело ясно, какъ день, врядъ ли можетъ составлять достоинство какой бы то ни было націи. Между темъ, у той вётви славянъ, къ которой мы имеюмъ честь принадлежать, слишкомъ часто приходится встречаться съ нервинтельностью именно этого последняго рода и, притомъ, убёждаться, что тонко развитое чувство и преобладаніе его въ душевномъ строй не играютъ туть инкакой роли.

Закономъ 7 апреля 1897 года отменены сборы, взимаемые въ польку казны съ видовъ на жительство. По словамъ оффиціальнагооргана министерства финансовъ, обременительность и несостсятельность паспортныхъ пошлинъ издавна была сознаваема правительствомъ. «Несостоятельность паспортныхъ пошливъ и желательность ихъ отивны, читаемъ мы въ «Вестнике Финансовъ»,--очевидны. Эти пошлины представляются несправедливыми и крайне стесиительными для большей части обывателей имперіи, онь ложатся тяжелымъ бременемъ пренмущественно на наименъе обезпеченные классы населенія». И журналь приводить въ пользу отивны пошлинъ тв самыя соображенія, которыя, по слованъ «Русскихъ Вёдомостей», «высказывались въ печати много разъ въ последнія тридцать тридцать пять лёть» (№ 112). И если законъ издается лишь теперь, то, по словамъ оффиціальнаго взданія, мотивомъ тому послужили особо благопріятныя условія, въ вакихъ въ последнее время находится нашъ государственный бюджеть. Положинъ, тв 4-5 милліоновъ рублей, которые приносили указанные сборы казив, составлями до изданія закона настолько инчтожную долю въ нашемъ обще-государственномъ бюджеть, что и тогда не могли некупить всей суммы вреда, который приносили они населеню, стёсная его свободу передвиженія и экономической діятельности. Скорію это было проявление все той же нерешительности и медленности, которыя сказываются у насъ въ важномъ дёлё освобожденія населенія отъ связывающихъ его путь, налагаемыхъ паспортной формой надзора. Эта нервшительность проявилась у насъ во всей исторіи паспортной реформы. Все вло существовавшихъ паспортныхъ порядковъ быдо сознано и населеніемъ, и правительствомъ задолго до реформы 3іюня 1894 года. Но уже то обстоятельство, что черезъ два съ подовиною года после изданія новаго положенія о паспортахъ потребовалось внесеніе столь существенняго дополненія, какъ отивна соединенныхъ съ выдачею паспортовъ денежныхъ сборовъ въ пользу казны, показываеть, насколько нерешетельно была проведена реформа. Было признано, что паспорты не должны имать другого значенія, кром'в удостов'вренія инчности предъявителя и его права на свободный переходъ изъ одного мъста въ другое. Установлены паспортныя внежки долгосрочныя и краткосрочныя, облегчень порядокь выдачи паспортовъ лицамъ податныхъ сословій и нівкоторыя отлучки разрешены даже безъ паспортовъ. Но право отлучекъ безъ паспортовъ ограничивалось неопределенностью понятія о «м'єстожительствё», установленіемъ для того произвольныхъ разотояній. По прежнему населеніе связывала обязательность фиктивныхъ принисокъ къ обществамъ. И взыскание пошлины отъ 15 коп. до 1 руб. ва паспортныя бланки, какъ это было установлено положениемъ 3іюня 1894 г., оказывалось весьма чувотвительнымъ для всякаго простолюдина, отправлявшагося на заработки подъ гнетомъ нужды и безъ того принужденнаго дёлать различныя затраты по сборамъ въ дорогу.

На эту сторону дела и обращаеть вниманіе законь 7 апрёля 1897 года. Раньше за 15 коп. можно было получеть только 3-хъмісячный паспорть, за 50 коп.—полугодовой, за 1 руб.—годовой.
Теперь же и уплата за паспортныя бланки и рублевый годовой сборь съ паспортных книжекь и временныя свидётетельства —
отміняются. Вланки паспортовь, т. е. годовых видовь на жительство, будуть выдаваться безплатно. Для возміщенія расходовь казны по печатанію видовь на жительство, за паспортныя книжки, т. е. за виды, выбираемые на срокь не менёе 5 літь, будеть взиматься ихъзаготовительная стоимость въ размірі 15 коп. (вмісто прежняго 50-ти копівечнаго единовременнаго сбора). Сборь будеть сохранень, и то лишь временно, для паспортовь заграничныхь, для паспортовь, выдаваемыхъ прійзжающимь въ Россію иностранцамь, и, наконець, для паспортовь, выбираемыхъ обывателями губерній Царства Польскаго.

Печать приветствовала эту меру, какъ дальнейшій и существенный шагь въ освобождение населения оть паспортныхъ узъ. Закономъ 7 апраля положенъ конецъ фискальному значенію паспорта. въ пользовании имъ внутри страны. Это открываеть возможность къ дальней шему устранению обязательности паспортовъ. Но и законъ 7 априля, избавляя населеніе оть довольно обременительнаго налога, налога строго личнаго, не перемъщаемаго, и создавая большую легкость въ передвижении населения, далеко не снимаеть съ него всей массы затрудненій при отлучкахъ. Какъ совершенно основательно говорить авторь статьи «Обложеніе паспортовь» въ «Недёлё» (№ 5): «нявъстно, что, съ одной стороны, свободу передвижения стъсняють блежайшія сельскія власти своею медленностью и придирчивостью. а съ другой-куда бы рабочій не показался-онъ встретится съ ивотными прописочными сборами, особенно чувствительными въ отолецамъ. Эте последене сборы превысять тоть, оть какого освоболится уходящій рабочій въ своей деревив или городь, сабдовательно, въ общемъ онъ вынграеть не особенно много. Для соблюдеиія последовательности и поддержанія действительнаго значенія проектированнаго закона необходимо серьезно пересмотрать и прописочные сборы, съ целью возможно большаго ихъ облегчения». И, действительно, о томъ, какъ тажелы бывають для трудящагося населенія прописочные и адресные сборы свидательствуєть тоть же «Въстникъ Финансовъ», приводя следующій примеръ: «рабочій, являясь въ С.-Петербургъ, долженъ уплатить при самомъ прибытіи овоемъ около 3 рублей, т. е. сумму, вначительную даже для лицъ. съ среднимъ достаткомъ, но эта сумма является минимальною в относится собственно до прислуги и чернорабочиль, другія же лица,

живущія частнымъ трудомъ, уплачивають гораздо больше, такъ, напр., адресный сборъ достигаеть до 7 р. 15 к. въ годъ». Проекть объщаеть пересмотръ и этой категоріи паспортныхъ сборовъ, что составить третье существенное дополненіе къ закону 1894 года.

И, однако, главное вло прежней и современной паспортной системы заключается не въ натеріальной тягости, которою паласть ока на трудящееся населеніе. Это вло ваключается въ томъ, что обязательность паспортовъ отдаеть его въ руки низшихъ мастныхъ властей, волостного и мещанскаго начальства, создавшаго на почве этой обязательности цвиую систему прижимовъ и незавонныхъ поборовъ, и еще въ большей степени вло заключается во взгляде на паспортъ, какъ орудіе полицейскаго надвора. Несостоятельность этого взгляда безчисленное число разъ доказала наша следственная практика. Необходимость иметь паспорть не только не стесияеть злонамеренных видей, но часто служить имъ пособіемъ при совершенін преступныхъ дійствій. «Русь» приводить мийніе экспертовъ по полицейской части, высказанное ими еще въ 1875 г., когда поднять быль вопрось объ обязательности паспортовъ. «Они единогласно заявили, что наспорть вовсе не нужень для охраненія общественной безопасности, и что въ большинстве случаевъ онъ вначительно затрудняеть преследование нарушителей оной. Привыкнувъ нивть дело не сълечностими, а съформенными бумагами, полицейскіе чины впадають нерідко въ заблужденія, нивющія крайне прискорбныя последствія. Разыскивая заподозренных въ преступленія лецъ, оне сосредоточивають все свое винманіе на не имеющихъ письменнаго вида».

Въ результате ловкіе мошенники и действительно злонамеренные люди гуляють себе свободно съ подложными и чужими видами въ кармане, а честные работники и мирные обыватели испытывають такія передряги, которымъ подчась отказываеныся верить. Но сомивваться тутъ не приходится, потому что факты ети не единичны и обставлены достаточно достоверными свидетельствами. Воть какъ описываются въ письме въ редакцію «Орловскаго Вестника» мытарства некоего Вездольнаго (письмо имъ подписано).

- «... Пошелъ я въ свой городъ, отстоявшій отъ нашего селенія версть на 20. Прихожу въ городъ, начинаю искать заработка, вдругь подходять городовой и спрашиваеть:
 - Ты что за человакъ?
- Крестьянинъ такого-то селенія, такой-то волости и уведа, отвічаю я.
 - А паспорть имвешь?
 - Нать.
 - --- Что-же ты околачиваешься? Пойдемъ въ часть!
- Явите божецкую милость, господинъ городовой, туть мен знають, я вёдь не впервой въ городе.
 - Нечего разговаривать—сказано пойдемъ и пойдемъ.

Двиать нечего, пошли въ часть. Тамъ, конечно, допросъ, протоконъ и кутузка. Въ кутузка Вездольный встратиль тоже овоего брата-мужика.

- А ты за што?-спрашиваю.
- Прівхаль съ бабой на базарь кое-что продать. Завхали съ бабой въ трактирь чайку попить, а туть, какъ на грвхъ, городовой. Подходить и спрашиваеть: ты кто будещь? Такой-то, говорю. А наспорть? Какой, говорю, наспорть, и съ бабой прівхаль на базарь, продаль кое-что, да воть и завхали чайку, значить, испить, вёдь мы не дальніе, всего въ 15-ти верстахъ оть города, меня туть знають. Нечего говорить знають, пойдемь въ часть. А лошадь-то какъ же? Лошадь, баба отведеть домой. Ну, значить, меня взяль, воть и сижу, а баба повхала домой.

Потомъ Бездольнаго отправили въ увядное полицейское управленіе и хотбан было съ городовымъ вести въ деревию. Но туть на очастье случился односелецъ, удостовърилъ его личность, и Вездольнаго отпустили.

- Ну, думаю: слава тебё Господи, коть до двора дойду безъ караульныхъ. Вёдь страмота противъ обчества. Иду это я и радъ; только прошелъ умицу, другую... глядь, городовой.
 - Ты кто? опять шляться?
 - Меня отпустили, говорю, иду домой.
 - Нать, говорить, погоди, пойдемъ въ часть.

Пришли—опять тоже и протоколь. Меня опять заседили въ кутувку и на другой день повели въ увздную полицію съ городовымъ.

Я говорю: пустите Бога ради, в'ядь, я двое сутокъ ничего не аль.

— Подожди, приведутъ домой-повшь.

Насилу, насилу до дома добранся».

А воть другой случай, приведенный въ «Саратовском» Листка», наглядно показывающій, какъ обязательное имініе вида на жительство отнюдь не мешаеть действительнымъ преступникамъ ускольвать оть правосудія, въ руки котораго предварительное полицейское дознаніе, руководясь неключительно документальными данными, отдаеть людей совершенно неповинныхъ. Въ Сызрани была совершена кража со взломомъ. Лецо, въ ней заподозрвеное, представело судебному следователю видь, впоследстви оказавшийся подложнымь, на имя Семена Быкова, саратовскаго мещанина. Следователь отправиль миниаго Быкова въ Саратовъ для удостоверения личности мещанскому староств, который и удостовприяз. По прівздв въ Сыврань этотъ человекъ быль выпущень на свободу и, воспользовавшись ею, бежань. Документы на имя Быкова, между темь, высылаются въ Саратовъ и по нимъ полиція арестовываеть нёкоего Семена Акимова Быкова, итщанина, сапожника по ремеслу, человтка смирнаго, работящаго и семейнаго. Можно представить себи его ужасъ,

жогда онъ узнаетъ, что его обвиняють въ кражъ со взиомомъ, совершенной въ Сызрани, гдѣ онъ никогда и не былъ. Черезъ адвоката онъ добился того, что полиція, по приказанію прокурора, произвела дознаніе. Допрошенные свидътели удостовърили, что Быковъ никуда не отлучался, слыдъ за человъка скромнаго, честнаго. Выясинлось даже, что въ день совершенія кражи въ Сызрани, Быковъбылъ свидътелемъ при брачномъ обнокъ въ Саратовъ и росписался въ церковной книгъ. Все это не помъщало, однако, тому, что Семенъ Быковъ, арестованный, былъ препровожденъ въ тюрьму, въ Сызрань. И уже послъ того, какъ онъ испыталъ всъ пренести этапа и тюрьмы, сызранскій судебный слёдователь окончательно выясниль, что саратовскій Быковъ—несчастный человъкъ, именемъ котораго злоупотребияъ какой - то бродяга. Быкова освободили и дали денегь на проёздъ.

Такимъ образомъ, правда восторжествовала. Но, вѣдь, могло бы быть и неаче. Справедниво говорить «Смоленскій Вѣстикъ» (№ 62): «Хорошо еще, что Быковъ, повидимому, оказался человѣкомъ магкимъ и, будучи арестованъ ни за что, ни про что, только просилъ и молилъ о пощадѣ, а попадись другой съ белѣе сангвиническимъ темпераментомъ, «преступникъ», чего добраго, началъ бы протестовать, ругаться, а тамъ, глядишь, слѣдователь счелъ бы себя «оскорбленнымъ при исполненіи служебныхъ обязанностей», и разыгралось бы чисто щедринское происшествіе:

«а теперь, медая тетенька, прокуроръ настанваеть, чтобы меня сосмани въ каторгу»...

Мінцанскій староста г. Саратова безъ промедленія удостовівриль личность мнимаго Быкова, но обычное явление составляеть, наобороть, убійственная канцелярская волокита изъ-за выправки и высылки паспорта одинаково какъ въ мещанскихъ управахъ, такъ и въ волостныхъ управленіяхъ. «Самарская Газета» (№ 100) передаеть случай съ престыниномъ самарскаго убяда Николаемъ Лапинымъ, который въ январь месяць пославъ въ правление волости, куда быль приписанъ, заявление съ деньгами, прося выслать пятильтній паспорть; на страстной недьль за неимьніе документа быль уволонъ изъ масторовихъ самаро-здатоустовской дороги, гдв работалъ, и уже после праздниковъ, не получивъ документа даже при содъйстви ивстнаго земскаго начальника, добился его высылки, обратившись въ помощи г. начальника губернін. Достаточно одного каприза сельскаго старосты, чтобы заториозить дело на целые ифсяцы. Корреспонденть газеты «Жизнь и Искусство» пишеть изъ Сосницы Черниговской губернін: «На дняхъ получиль письмо оть одного крестьяника съ просьбой «похлопотать» о скорейшей высылка паспорта. «Недоимокъ за мною нёть никакихъ,-писалъ крестыянинъ, пришедшій на заработки на Полюскую желізную дорогу, — а паспорта не выдають». Деньги на высымку наспорта отосланы 30 дежабря 1896 года, и вотъ уже три мъсяца прошло. Изъ наведенныхъ

оправовъ оказалось, что староста на сдёдавный ему будто бы запросъ: нёть ин препятствій?—упорно модчить и не отвечаеть » (№ 89). Этого одного достаточно, чтобы иншить человіка заработка, поставить его на чужой стороні въ безвыходное положеніе, подвергнуть опасности попасть за безпаспортство въ тюрьму, быть высланнымъ по этачу. Отсутствіе письменнаго вида обрежаеть человіка на всі случайности полицейскаго усмотрінія, налагаеть на него клеймо преступности и обвиненіе въ укрывательствів. Понятень послів этого тоть трепеть, который испытываеть всякій мирный обыватель, почему либо оказавнійся въ положенія безпаспортнаго. До чего можеть доводить эта болзнь изъ-за ненмінія документа оказаться въ рукахъ властей въ качестві заподозріннаго преступника, показываеть слідующій печальный случай, передаваемый «Биржевыми Відомостими».

«Въ Сувалки изъ Граева прівхаль безъ надлежащихъ документовъ пятнадцатильтній мальчикъ и нанялся въ одну изъ пекарень. На-дняхъ въ пекарию зашелъ городовой, чтобы купить чего нибудь съвстного. Но мальчикъ, думая, что тоть явился за его документами, которыхъ у него истъ, такъ испугался, что собжаль въ погребъ и тамъ повъсился».

Но тажелье всего отражается существующая наспортная система на судьбв твхъ группъ населенія, которыя стоять въ особомъ положенія, на судьбв старообрядцевь, раскольниковь, евреевь. Открывающаяся здёсь возможность всегда придраться по тому или яному формальному поводу, затинуть дёло выдачи вида или прописки подъблаговиднимъ предлогомъ создаеть изъ паспортнаго надзора за этой частью населенія постоянный источникъ незаконныхъ доходовъ для низшихъ властей. О положеніи въ этомъ случав старообрядцевъ «Биржевыя Вёдомости» пишуть слёдующее:

Въ 1874 г. быль обнародованъ законъ, по которому въ городахъ при полицейскихъ управленіяхъ и въ деревняхъ при волостныхъ правленіяхъ ведутся метрическія книги для записи рожденій. браковъ и смертей старообрядцевъ; браки, запизанные въ эти кинги, признаются законными. И воть этими метрическими книгами заправим волостных правленій съумбли воспользоваться для вымоганія из ды оъ бедняковъ. Обыкновенно, эти книги совсёмъ не ведутся или ведутся исключительно съ нечистыми целями. Мы не останавливаемся на другихъ способахъ незаконнаго пользованія помощью этихъ книгъ, а только относительно паспортовъ, Собрался, напримёръ, старообряденъ съ женой на дальній заработокъ и является въ волостное правленіе за паспортомъ. Если старообрядецъ знасть свое дъло и раскошелится въ требуемомъ количествъ, ему, само собой разумеется, наспорть выдается тоть же чась; въ противномъ же случав происходить очень простая исторія. Старообрядцу выдается ведь, на которомь значится «холость». А жена -- бери ведь откуда угодно. Все ссыдки на бракъ разбиваются о непреклонное:

«въ книгахъ не записанъ!» Само собой разумћетси, вследъ за этинъ начинается хожденіе съ мольбами и слезами, затёмъ внесеніе требуемой суммы, и только тогда получается паспортъ.

Въ рукахъ невшаго полицейскаго чиновника паспортъ это ключъ, чтобы подойти ко всякому обратившему на себя его вниманіе человъку, ворваться въ его частную жизнь; при желанін—орудіе къ тому, чтобы вынудить у него взятку. Туть понстинъ разыгрывается «произволь, ограниченный взяточничествомъ». Нъть паспорта,—и вы во власти всевозможныхъ случайностей, и самое лучшее, что вамъ остается,—это искать себъ защиты подъ кровомъ постояннаго «исстожительства». Вотъ поучительная исторія одного мамадышскаго мъщанина, служащая илиостраціей все къ той же необходимости имъть у себя всегда въ карманъ видъ, удостовъряющій твою личность:

«Мъщанитъ г. Мамадыша А. Е. Ворисовъ 15 января повхалъ въ гости въ своему дядъ Андрею Авдвеву, жителю села Ныртовъ, мамадышскаго увзда (находящагося въ 55 верстахъ отъ г. Мамадыша).

Переночевавши у дяди, онъ, по приглашенію послёдняго, отправился на слёдующій день къ знакомому молоканину Потапу Васи льевичу Молчанову, гдё его, какъ грамотнаго человёка, попросили почитать Св. Евангеліе.

Чего бы, кажется, дурного въ такомъ поступкв Ворисова?

Однако, мѣотный урядникъ, Геранинъ, очевидно, нашелъ «такое дѣяніе преступнымъ», поэтому онъ виѣстѣ съ 5-ю понятыми, взятыми изъ кабака, подошелъ къ дому Потапова и «сталъ наблюдать за поведеніемъ находящихся въ этомъ домѣ людеё».

Любонытство урядника Геранина, конечно, не ограничелось однимъ заглядываніемъ въ окна, и вскор'й мириое чтеніе Евангелія было прервано внезапинымъ появленіемъ «власти».

— Кто у вась туть прівзжій? — строго спросиль «блюститель» удивленных читателей.

Мъщанинъ Ворисовъ подробно назвалъ свое имя, фанили и мъстожительство.

— Паспортъ вашъ?—требовалъ дальше урядникъ.

Мащанинъ Борисовъ на это отватиль, что наспорта у него въть, по той простой причинъ, что онъ, уважая въ гости къ дядъ (который всегда могь удостовърить его личность), не считаль нужнымъ запасаться видомъ на жительство, да и кромъ того ему извъстно, что въ своемъ увадъ паспортъ не обязателенъ.

Урядникъ Геранияв, авторитетно замѣтивши, что наспортъ не обходимъ всегда, когда уѣзжають дальше чѣмъ на 50 версть отговоего мѣстожительства, строго спросилъ Борисова, какую книжку онъ только что читалъ.

И увидъвши Св. Евангеліе, заявиль, что непремѣние по поводу этого чтенія (Св. Евангелія!!.) составить протоколь... Нечего, конечно, и говорить, какое впечатание на присутствующихъ произвело такое странное заявление Геранина!

- Г. Борисовъ не протеотовать противъ желанія «урядника», коти быль очень удивлень; отранно, какъ же это такъ, вёдь мы не водку пали, не въ карты играли, а между тёмъ протоколъ... «Странно, сказать велухъ В., если урядникъ вправё составлять на меня протоколъ, то почему же после этого въ церквахъ, где меняменно въ каждый правдникъ читается та же священная книга, не составляется никакихъ протоколовъ!»
- Молчать!!!—закричаль урядникь Геранинь и приказаль г. Борисову тотчась запригать лошадей и вхать домой, угрожая въ противномъ случав посадить его въ общественную караумку...
- За что же?!—спрашеваеть въ своемъ письмъ г. Борисовъ, за то, что читали Св. Евангеліе?!

Ночь была темнан, дорога нёсколько версть пролегала лёсомъ, ёхать жутко... но урядникъ настанвалъ на своемъ, дойдя въ своемъ сумасбродстве до того, что даже не далъ г. Ворисову поужинать.

И когда приказаніе урядника было исполнено, и г. Борисовъ, сопровождаемый своимъ дядей, вывзжалъ изъ Ныртовъ, урядникъ и Ко съ угрозами было бросились на Борисова, и только быстрая дошадь спасла несчастнаго мѣщанена еще оть одного готовившагося оснорбленія... («Сам. Газ.» № 58).

Говорить о положеніи евреевь въ связи съ наспортными стісненіями, которыя они испытывають, мы считаемь излишнимь: настолько положеніе это исключительно. И опять же оно столько же тяжело своими законными рамками, сколько и всей суммой непріятностей, неудобствъ и случайностей, которыя вытекають изъ него, изъ положенія человіка, всюду и всегда обязаннаго им'єть при себів документь, ограничивающій его свободу передвиженій. Отсутетвіе этого документа обращаеть человіка въ существо совершенно безправное, беззащитное, съ которымь можно ділать, что угодно. Только на почвіе такихъ порядковь возможны случан, подобние передаваемому «Одесскими Новостями»:

Въ одесскую еврейскую больницу доставлена сильно избитая молодая женщина Шаръ. Послё подачи первой медицинской помощи она пришла въ себя и разсказала следующую исторію. Будучи иностранной подданной, Шаръ обратилась съ просьбой къ мёстной администраціи разрёшиль ей прожить въ Одессё до полученія паспорта. Администрація разрёшила. Между тёмъ, околоточный надвиратель Михайловскаго уч., Погребнякъ, настойчиво требоваль отъ нея документа, безъ котораго не разрёшаль ей прожить здёсь и день. Когда она всетаки не уёзжала, Погребнякъ арестоваль ее съ 4-мя дётьми при участей, гдё они голодали весь день. Выпущенная лишь къ вечеру, Шаръ пошла жаловаться мёстному приставу на дёйствія надзирателя. Узнавъ объ этомъ, Погребнякъ по-

звалъ къ себе женщину и до того се избилъ, что пришлось препроводить се въ сврейскую больницу.

Читатель, въроятно, уже замътить, что на задиемъ фонъ всъхъ этихъ паспортныхъ исторій неизмънно рисуется образъ «кутузки», «общественной караулки», «участка» и тому подобныхъ мъстъ заключенія, радушно открывающихъ двери для всъхъ «безпашпортныхъ», кто бы они ни были, дъйствительно укрывающіе свое ния и званіе или случайные и невольные нарушители заксиныхъ правиль. О томъ, что такое мъста заключенія при городскихъ полицейскихъ участкахъ и какова бываетъ подчасъ судьба временно туда попадающихъ, въ печати было не мало сообщеній. Но состояніе сельскихъ тюремъ, встхъ этихъ «караулокъ», «холодныхъ», «темныхъ», которыхъ минуетъ рёдкій обыватель деревни, даже самый смирный и благонамъренный, извъстно гораздо менъе. Вотъ что пишеть о нихъ тамбовекій корреспонденть «Русскихъ Въдомостей» (Ж 125).

«Холодимя» вполив оправдывають свое названіе. Это, дійствительно, большею частью пом'ящемия, въ которыхъ въ холодное осеннее и зимнее время температура редео уклоняется отъ нуля въ сторону тепла. По Тамбовскому увзду, что, конечно, будетъ примънимо безъ ощибки и ко всей Россіи, помъщенія хододныхъ встръчаются двухъ родовъ. Это или отдёльныя врошечныя взбушки, въокоро сколочениня, едва-едва проконопаченныя, оъ положавшимся и провадившемся поломъ, съ такиме щеляме въ стенахъ, что вривающися въ нихъ вътеръ тогчасъ же тушить поднесенную свъчку, нин же холодими помещаются въ самомъ волостномъ правления, гда нибудь въ углу за перегородкой. Безъ преувеличения можно сказать, что наши невинныя тюрьмы-колодимя, въ которыя и садятся всегда самые неввиные преступники, а чаще всего даже и не преступники, а просто бъдняки неплательщики и недонищики, представляють изъ себя едва ли не самый ужасный виль тюреинаго заключенія. Въ холодныхъ ничего, кром'в голыхъ станъ, встратить нельзя. Здесь никогда не бываеть ин лавки, ни стола, ни стула, ни постели. Посаженный въ колодную въ полномъ смысле слова ввергается въ теминцу. Къ его услугамъ одинъ только полъ, дырявый и колодный, на которомъ едва можно растянуться во всю длену тела; въ головы можно власть только собственный кулакъ: завлюченному ни подушки, ни постели не полагается. Это въ полномъ смыслё отверженный, въ которомъ человеческая личность решительно и окончательно отрицается. Можно подумать, что наш холодныя при волостныхъ правленіяхъ-ивста заключенія для с мыхъ страшныхъ здодвевъ и преступниковъ. «Холодныя» въ то время и «темныя». Наряду от холодомъ въ нихъ царить больш. частью и полный мракъ. Есть не мало холодныхъ, въ которы: екна совершенно отсутствують. Прибавьте по всамъ этимъ пред

стамъ спертую и душную атмосферу, и картина будеть поистинъ ужасная».

Холодь, мравъ, духота не составляють однако всего зда этихъ тюремъ. Главное здо заключается въ томъ, что человъкъ, туда брошенный, не обезпеченъ не отъ какихъ насилій надъ его личностью.
Цълый рядъ возникшихъ въ послёднее время судебныхъ процессовъ
показываетъ, что въ этихъ «темныхъ» и «холодныхъ», стоящихъ
обыкновенно въ стороне отъ другихъ жилыхъ помещеній, свободно
и невозбранно могутъ чиниться самыя возмутительныя насилія надъ
заключенными. Впрочемъ, справедливость требуетъ отметить, что
это не есть особенность однихъ сельскихъ тюремъ: порядки городскихъ тюремныхъ помещеній не отстають отъ нихъ въ этомъ отношеніи. Возмутительнейшій случай передаетъ газета «Уралъ» къ
характеристике того обращенія, которое испытывають лица, нийвшіе несчастіе попасть въ тюрьму при местномъ полицейскомъ
управленіи.

Въ каталажную камеру барнаульскаго окружнаго полицейскаго управленія привели пьянаго м'ящанна Н. Его втолкнули въ камеру, гдъ онъ упалъ на полъ и уснулъ. Часовъ въ пять угра отаршій дежурный при камер'я городовой Я. его подняль и велель ему вынести парашку. Н. исполнить это безпревословно. Потомъ Я. велёдь ему мыть поль въ сборной камерё. Н. на это отвётиль, что онъ не срочный и не долженъ мыть камеру. Тогда Я. началь его бить, втолкнуль въ камеру, где продолжаль бить, пинать ногами, потомъ сказалъ арестантамъ, чтобы они били его также. Несколько человых арестантовъ принялись бить Н., кто какъ могь: ктокулаками, кто пеналъ ногами. Этого показалось мало: начали таскать за волосы по полу. Все это время городовой Я. въ дверяхъ поощрядь бившихъ арестантовъ. Затамъ велаль затащить Н. въ сборную камеру, гль битье несчастнаго продолжалось. Туть Я. опять оказаль свою посельную помощь. Наконець, все это, должно быть, надовло. По распоряжению того же Я., Н. толкнули головой въ парашку и окунули тамъ. Потомъ одинъ изъ арестантовъ началъ мазать лицо Н. мочалкой, которую прежде окунули въ той же парашъ. Наконецъ, добились того, что Н. вымыль часть пола. Потомъ его снова втолкнули въ камеру, откуда онъ и быль освобожденъ часамъ въ 10. (Сиод. Въсти. № 75).

Послів всего этого становится понятною вся жестокость правиль, благодаря которымь человікь, случайно утерявшій документь, не озаботившійся имізть его при себі или не получившій его во время, благодаря паспортной неурядиців и волокить, обрекается испытывать всі предести пребыванія въ тюрьмахь и прохожденія по этапу. Тімь настоятельніе выступаеть передь нами необходимость скорійшаго и рішительнаго наміненія той части нашего свода законовь, которая говорить о преступленіяхь, вытекающихь изъ наспортной системы и наказаніяхь за нихь. Внимательнаго пере-

смотра требують также наши законы о бродяжничестве, излишняя суровость которых влечеть за собою рядь житейских драмь, отнюдь не вызываемых существомы дела. При реформе нашей наспортной системы недостаточно обращать вниманіе на ту только сторону ея, которая матеріально отражается на положеніи личности, надо сдёлать все возможное, чтобы судьба документа, бумаги, не являлась рёшающимы моментомы вы судьбе человёка, живой и чувствующей личности.

«Новое Время» недоумѣваеть, чему принисать, что ни въ печати, ни въ обществъ не ощущается живого витереса къ пересмотру крестьянскаго положенія. Вопрось настолько важный, проникающій въ самое вутро русской жизни, не возбуждаеть и не волнуеть общаго вниманія, какъ то было раньше. Явленіе это отмѣчають и другіе органы печати. «Волжско-Камскій Край» пишеть, напремѣръ, въ одной изъ своихъ передовыхъ: «Въ нашей періодической печати за послѣднее время можно встрѣтить очень общирныя разсужденія по поводу пересмотра «положенія о крестьянахъ». Не смотря на обеліе всякаго рода принципіальныхъ статей по этому вопросу—отношеніе печати къ проектируемой реформѣ въ общемъ, однако, довольно вялое» (№ 357).

Вникая, однако, въ сущность дъла, указанному отношению общества и печати къ предположенному пересмотру крестьянскаго по-доженія удивляться не приходится. Что объщаеть намъ реформа? Детальныя изменения въ юридическомъ положени крестьянъ на существующихъ основанияхъ. Въ какомъ направлении осуществятся эти наивненія? Начто не ручается намъ за то, что они будуть дальныйшимъ развитіемъ началь, положенныхъ въ основу реформы 12 іюня 1889 года. Между тамъ, самый фактъ необходимости пересмотра, сознанной саминь правительствомъ, показываетъ, повидимому, на непригодность этихъ началъ въ целяхъ упорядочения и поднятія общественнаго уровня деревии. Развіз не имілось въ виду при учрежденія земских начальниковь, что они введуть порядокь и отчетность въ делахъ волостного управленія, усмирять вліяніе «горлановъ» и «кулаковъ» на сельскомъ сходъ, уничтожать общественныя растраты и пьянство и проч? Однако, прошло уже 7 леть, вреня достаточное для того, чтобы судить, идеть-ли общественная жизнь деревни впередъ или назадъ, и мы опять стоимъ передъ этими задачами. По прежиему въ волости царитъ вліяніе водостного писаря, по прежнему составъ должностныхъ лицъ сельскаго и волостного управленія оказывается неудовлетворетельныкъ, на сходахъ вершагъ дела «горлопаны», то и дело читаешь въ гаветахъ о случаяхъ общественныхъ расграть и общественныхъ пропитій. И пишуть объ этомъ тв самыя газеты и, можеть быті

чаще и болье другихъ, которыя возлагали такія надежди на вляніе мъстной реформы 1889 года,

Что касается нась, то нась это инсколько не удивляеть. Какому уважающему себя и маломальски развитому крестьянику придеть охота исполнять должность волостного старшины, сопровождаемую значательной ответственностью, но нисколько не гарантирующую его отъ возможности время отъ времени попадать въ те самыя «холодима», которыя мы описывали выше? Какъ известно, местные представителя власти имеють право подвергать не только сельскаго старосту, по в волостного старшину за неисполнене ихъ требоване административному взысакию, включительно до ареста на 7 дней при полицейскомъ управление. И пользуются они этимъ правомъ довольно шароко. О сельскихъ же старостахъ воть что пишеть Д. Вородинъ въ «Новостахъ».

«Что касается сельских старость, на которых в, главным собразомь, лежить вся черная работа крестьянскаго самоуправленія, то
крестьяне смотрять на эту должность, какъ на тяжелую повинность,
и воть почему отказы оть должности старосты составляють заурядное явленіе. Сходы избирають не лучших в, зажиточных в, толковых домохозяевь, а самых посредственных а иногда и изъ захудалых дворовь. Намъ приходилось иногда спрашивать крествяны:
«Зачёмь вы избираете таких худых пюдей въ представители
села?»—и отвёть быль одниь: «Пусть их кормятся, кому-же охота
арестантом быть». И это явленіе теперь общее: избирають повсюду
старость изъ захудалых врестьянь, и они «кормятся» на счеть
міра, мёстных кулаковь и міроёдовь. Должность старосты въ такой
степени умалена въ глазахъ крестьянь, что на исправленіе этой
обязанности смотрять, какъ на наказаніе, которое можно заслужить
только порочнымъ поведеніемъ».

Повидимому, всякая общественная должность должна не только не умалять правъ и достоинства лица, ее принимающаго, но ставить ихъ подъ особую охрану. Но въ сферъ деревенскаго управленія происходить зачастую совершенно обратное. Какой-нибудь почтенный, зажиточный и вліятельный крестьянинь, пользующійся уваженіемъ не только своихъ односельчанъ, слышить отовоюду приличное «вы» даже оть лицъ недеревенской среды. Но воть онъ попадаеть въ волостные старшины, начальство надъ нишъ приходится счетать десятвами и все оно, по мончаливому уставу, созданному неститутомъ земскихъ начальниковъ и съ успъхомъ проникающему теперь въ область прочихъ нашихъ судебныхъ учрежденій, начинаеть «тыкать» его при всякомъ представляющемся случав. Вольшею частью отаршаны, въ силу исторически сложившейся привычки, мичего, повидимому, не имъють противъ подобнаго съ ними обращенія, но опять-таки жизнь и время, хотя медленно, ділають овое дьно и въ деревив. Авторъ статьи въ «Приавовскомъ Крав» передаеть овой впечативнія оть подобнаго обращенія со старшиной, котораго ему пришлось быть свидетелемъ. «Мий случелось, нишетъ опъ, какъ-то быть свидетелемъ служебнаго объяснения засёдателя (пёчто въ родё станового для Россія) со старшиной. Этотъ последний быть изъ «первыхъ мужиковъ» въ своемъ селе по хозяйственному и умственному уровню: уминца во всякомъ деле, внушительный на «речахъ», каститый по виду, съ медалью на шей по должности, онъ такъ и просился на картину и, вёроятно, таковымъ именно рисоваль въ своемъ воображение старшину законодатель, когда создаваль положене о волости. Засёдатель—юнецъ, въ маденьныхъ чинахъ, только-что, волею судебъ, возвышенный изъ положения, въ которомъ на собственной особё долженъ быль познать воюпрелесть «тыканія», дёлаль этому въ своемъ родё патріарху, въ присутствія односельчанъ, какое-то внушеніе съ частымъ «ты», и мий, случайному очевидцу этой сцены, бросилось въ глаза, чтостаршина при словё «ты» какъ-то морщился.

Несомивнио, что такое третирование достоинства старшины маменькимъ чиновинкомъ, ивсколько роняетъ престижъ его, старшины, въ глазахъ техъ, надъ кемъ онъ поставленъ главенствовать, и ни въ какомъ уже случав не можетъ способствовать укръплению представителя волости «на высотв положения».

Газота замічають, что такой чувотвительный къ своему личному достоинству тяпъ крестьянина еще только нарождается, но что, конечно, упомянутый старшина не единственный въ своемъ родь. Между темъ этому росту чувства личнаго достоинства въ народъ отвъчаеть совершенно обратное стремление подчеркнуть неравноправность между различными общественными слоями даже такъ, гда по закону она не существуеть. Мы уже упоминали о томъ, что, по почену Павлоградскихъ вемскихъ начальниковъ, обязательное употребленіе «ты» по отношенію къ сторонамъ и свидетелямъ изъ врестьянъ, вошло, по словамъ «Юридической газеты», въ практику не только многихъ увздныхъ земскихъ начальниковъ, но и мировыхъ и овружных судовъ. При этомъ происходить разділеніе предсідательствующими свидетелей и другихъ лицъ, являющихся по деламъ на два, такъ сказать, сорга: второй какъ бы худшій составляеть такъ называемое, «простонародье», отличаемое по крестьянской одеждь. Съ этимъ «простонародіемъ» и председательствующіе, не отвеняясь, обращаются на «ты», оставияя ввживную форму разговора для «перваго» сорта публики. Газета справедниво замвчаетъ по этому поводу:

«Такое неравенство въ обращени суда съ равноправными гражданами, которые должны на судъ укръпляться въ чувствахъ равенства и уважения къ личности, нельзя не признать явлениемъ отридательнымъ и не соотвътствующимъ высотъ нашихъ судебныхъ учреждений. И дъйствительно, не только публика, но и сами «тыкаемые» явно чувствуютъ неловкость при окрикахъ «на ты», тъмъ

белье, что туть-же, на этомъ самомъ судь, не только адвокать нли старшина присяжныхъ, но не ръдко и боковой членъ суда или товарвить прокурора задають вопросы тому-же свидьтелю въ обычно въжливой формъ. Многіе изъ крестьянъ склоним, повидимому, объмовить это несоотвътствіе особыми прерогативами предсъдательской власти, что видно не только изъ ихъ спутанныхъ отвътовъ на вопросы предсъдателя, но и изъ изобрътаемыхъ ими по адресу посъбдияго различныхъ титуловъ, въ родъ «вашего сіятельства», «превосходительства и проч.»

Но помимо общихъ соображеній не трудно видёть, что это обывновение вредъ-ле отвечаеть какъ духу, такъ и буква закона. Вполив основательно пишеть Н. Друживинъ: «Не для вакихъ должностныхъ лепъ не можеть быть повода обращаться въ однемъ подведомотвеннымъ лицамъ на «вы», а въ другимъ — на «ты», нбо, согнасно ст. 718 т. III устава о службъ гражданской, изд. 1876 г. «никто изъ служащихъ, въ исполнения возложенияхъ на него обязанностей, не долженъ смотрёть на на какое лицо». Званіе и соотояніе лецъ, съ которыми должностное лецо входить въ сношенія, должны быть для него совершенно бевразличны». И далее: «Въ рвиненіяхъ: за 1870 г. № 1625 и за 1874 г. № 694, — уголовинё кассаціонный департаменть сенага выразнять, что обращеніе къ кому либо съ словомъ «ты» можетъ составить наказуемую обиду при наличности того необходимаго для существованія обиды общаго условія, которое заключается въ намеренін выразить этимь словомъ преврвніе, нанести оскорбленіе. Никто не будеть утверждать, что для всякаго дворянена «ты» составляеть обеду, и наобороть, что ни одинъ врестьянивъ или мещанивъ не можетъ быть обижевъ обращениеть въ нему съ этимъ словомъ. Возможно, что изкоторыя леца и высшаго сословія не будуть обижены этемъ словомъ и также возножно, что лицо невшаго сословія увидеть себя обиженнымъ имъ. За тредцать цять леть уследо въ значетельной степени изгладеться дъйствіе въкового принеженія, тяготёвшаго надъ бывшими крепостными крестьинами. Помино того, отдельныя лица изъ среды низшихъ сосмовій, путемъ самообразованія и благодаря стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, ушин довольно далеко въ умственномъ развити. При такихъ условіяхъ слешкомъ вовможны даже передкіе сиучан, когда обращение со стороны лица должностного къ лицу невшаго сословія со словомъ «ты» составело бы въ глазахъ послепняго прямую обиду и вызвало бы жалобу, которую судъ могь бы признать вполив основательной. Но, понятно, что занятіе какой бы то ин было должности, не исключая и высшей, не можеть почитаться уполномочивающимъ на такое обращение съ гражданами. которое можетъ вызывать въ нихъ чувство обиды и оскорбленияго достоинства. Никакое должностное лецо не можетъ, поэтому, почитать себя въ праве говорить подведомственнымъ ему лицамъ «ты» и.

въ частности, не можеть принадлежать подобное право земскить начальникамъ *).

«Вообще теперь довольно принято считать врестьянъ дюдьми, говорить Поль Лук Курье. Но еще далеко до того, чтобы съ ними обращались, какъ съ людьми» **). Въ особенности обычно обращение съ ними не какъ со верослыми дюдьми, а какъ съ дътъми, притомъ дътъми, дурно воспиталными, которыя нуждаются въ постоянномъ присмотръ и которымъ непозволительно многое изъ того, что доступно верослымъ. Какъ далеко заходять въ этомъ отношения лица, принимающия на себя роль опекуновъ и руководителей этяхъ малолётнихъ, хоти и бородатыхъ дътей, наслядно показываетъ слёдующий случай, происшедший въ с. Синенькомъ Саратовскаго убяда.

«18-го апряля синеньскій водостной сходь вновь выбираль старшину на будущее трехивте. Передъ выборани г. земскій начальникъ заявиль передъ сходомъ, что онъ, земскій начальникъ, запрещаеть своем властью выбирать кандидатовь закрытом подачей голосовъ, такъ какъ, по его менню, крестьяне не соспиманы и еще не доросми до такихъ выборовъ; шары же есть нечто несе, какъ привиленя высших классовъ. Напрасно протестовали въкоторые EPECTLAHO, SARBIER, TTO ORR «HCHOROHI-BERA» BLIGEDARE CYADINERI шарами, что они привыжие къ такому способу избранія должностныхъ липъ — выборы всетави произволились отврытою полачею POJOCOBE H HIDEHOOME, EAR'S STO H MORREO ONIO HDOJUGAORIETS, CANTED неожиданные результаты: избрань прежній старшина г. Сухоруковъ (который, къ слову сказать, въ предыдущіе выборы боллон даже баллотироваться), и кандидатами-Родіоновь и Шейкинъ. Родіоновь въ первые выборы баллотировался въ старшины, по быль забаллотированъ огромнымъ большенствомъ голосовъ. Такимъ образомъ на СХОДЪ «СТАРИКИ» ШЛИ СОВЕРШЕНИОЛЕТИИНИ, а ВОЗВРАТИЛНОЬ СО СХОДА «недоросаями». Узнали они также, что и неотъемленая принадлежность врестынского самоуправленія — закрытая подача голосовъ отала привилегіей высшихъ классовъ». (Сар. Дн. № 87)!

«Сарат. Дневинь» сообщаеть следующій факть:

«30 марта врестьяне дер. Медвідевки, данкловской вол., аткарскаго уізда, собравнись на сельскій сходъ въ количестві 90 чел. (изъ 130 домохозлевъ деревни), сділали слідующее любопытное постановленіе. Принимая во вниманіе—говорится въ этомъ постановлені—что «предками нашими введенъ быль обычай при наемик пастуховъ, въйзжей квартиры, сельской ямщины, при сдачі права на винную торговлю и при другихъ оділкахъ выпивать «могарычь» и считая обычай этоть «безиравственнымъ, весьма вред-

^{*)} Н. Дружжиниъ. Юридическое положение врестьянъ. Спб. 1897 г., стр. 270, 274.

^{**;} Сочиненія. Ч. І. Сиб. 1897, 16 стр.

нымъ и резорительныхъ...», «жы, вой участвующіе на сході, единогласно постановили: съ настойнівго времени не пять никакихъ общественныхъ могарычей», а взам'ять этого «ежегодно взимать деньгами по шести коп. съ каждяго рубля эсей договорной и наэначенной въ жалованіе суммы: съ наймовъ, сельскаго писаря, пастуховъ, сельской яминям, общественныхъ караульщиковъ, учителя нашихъ дітей, въйзжей квартиры, а также съ сдачи винной торговли и съ общественныхъ должностныхъ лицъ», сборъ этотъ обращать въ общественный запасный капиталъ, который долженъ краниться въ уйздномъ казначействі».

Упомянутый обычай, прочно въйвшйся въ практику общественныхъ дёлъ, поддерживался въ особенности группою міробдовъ, получавшихъ, благодаря ему, тё или инмя выгоды. Ворьба съ нимъ оффиціальнымъ путемъ была совершенно немыслима. Обычай породиль цёлую систему ухищреній для отвода главъ, которыя мачали положительно уничтожать велкую возможность провести даже самое незначительное дёло открыто и по совёсти. Противъ подобныхъ порядковъ вооружилась группа медвёдевской молодежи, рёшившая объявить борьбу противъ этого общественнаго зла и свяванная другь друга честнымъ словомъ всёми мёрами претиводёйствовать общественному пъянству. («Сар. Ди.») № 79). Она то свемиъ вліяніемъ и добилась вышеприведеннаго приговора сельскаго схода. Но воть какова была дальнёйшая судьба этого приговора:

Земскій начальникь, на утвержденіе котораго представлено было постановленіе медвёдевскаго схода, приговорь опротествоваль «въ виду полной его незаконности» и передаль его въ съёздь, при чемъ разосналь церкулярное извёщеніе по своему участку о томь, что общественные могарычи вапрещаются, а виновные «какъ въ допущеніи ихъ, такъ и тё, которые будуть въ нихъ участвовать, будуть подвергаться самому строгому наказанію».

Мы не будемъ уже говорить о томъ, въ какой мёрё протестъ вемскаго начальника клонился ко благу ввёреннаго ему населенія, но сами формальным основанія его протеста не представляются намъ безспорными. Развё сходъ не можеть постажовить отчисленіе въ пользу мірскихъ капиталовъ извёстнаго % со всякой договорной суммы, вопросъ же объ общественныхъ могарычахъ входиль лашь въ мотивы приговора.

Вольше-ли будуть пить въ с. Медийдевий посий отрогато циркулира земскаго начальника или меньше, покажеть медалекое будущее. Вообще пріемы борьбы от пьянствомъ, практикуемые ийкоторыми земскими начальниками, довольно своеобразны. Такъ, напр., въ Слободокомъ уйзді, Вят. губ., общество Холуницкаго завода, послій того, какъ містиме винокуры и виноторговцы, гг. Александровы, не изъянили согласія на просимую небольшую прибавку, рішило одно торговать виномъ. Хотя въ другихъ містахъ сами земскіе начальники настанвають на открытів общественной торговин и руководять ею, «но, пишеть корреспонденть «Вятекаго Края» (№ 31), у насъ не легко было осуществить это наивреніе; нашъ вемскій начальникъ нъсколько разъ переспрашивалъ насъ на сходь стакъ вы не бонтесь торговать одни безъ Александровыхъ?» на что дружно ему отвъчали: «не бонися».—Общество стало торговать одно, а недовольные Александровы открыли «дешевку», кабачекъ сначала въ деревив Федосвевской, а за твиъ взяли приговорь на открытіє виноторговли еще поближе къ заводу «въ деревић» или «при деревић» Великопольской. Съ посићиностью, для другого дела немыслимой, быль составлень и утвержденъ приговоръ на этотъ предметь, причемъ не было обращено вниманіе даже на то обстоятельство, что кабачекь открыть не «при деревив», а почти среди ноля, на проселочной дорогь. За этотъ кабакъ Александровы платить обществу 60-70 руб. въ годъ, въ дъйотвительности же не эта, конечно, плата подъйствовала на лопущение торговин. Жалобы на незаконность приловора не были **УСАМИДИМ, ХОДАТАНИЪ** ОТЪ НАШЕГО Общества было заявлено, что Александровы сами закроють этоть кабачекь, если только колунепесе общество для своей внеоторгован вино покупать будеть у нихъ, а не у Савинцева? Но, чтобы покупать вино у Александровыхъ, нужно платить имъ за «обыкновенное» 5 р. 25 к., а у Савинцева за такое же-4 р. 95 к. Выходить хоть плачь, да покупай!»

На ціломъ ряді приміровъ ми наглядно видимъ, какъ общеотвенная самодіятельность въ деревні оказывается безсильной въ борьбі съ укоренившимся зломъ, не находя себі поддержки именно тамъ, гді всего скоріє могла би ее ожидать. А между тімъ, въ ем развитім несомийнно самый дійствительный путь къ тому, чтобы благополучно выйти изъ лабиринта деревенскихъ непорядковъ и золъ.

По поводу пересмотра положенія о крестьянахъ вновь поднялись разговоры о всесословной волости. Но, спрашиваєтся, какая возможна всесословная волость, уравненіе разныхъ сословій въ містнопъ управленін, пока деревенская Русь все еще ділится на «Русь сікомую» и «Русь несікомую», когда то, что считаєтся поворнымъ, унивительнымъ, отринутымъ во имя здраваго смысла и справедливости для одной части населенія, сохраняєтся для другой. Пока существуєть тілесное наказаніе для крестьянства, отміненное для войхъ остальныхъ классовъ общества, разговоры о сліянія войхъ общественныхъ силь Россіи во имя устроенія деревенской жизни, поднятія си благосостоянія и т. п., всё эти разговоры отзываются неумістию маналовщиной. Жизнь сурова, она не терпить лицемірнаго принь ренія взанимо отрицающихъ отношеній.

Убъяденіе въ необходимости устранить существованіе двух правдъ, изъ которыхъ одна имъсть силу но отношеніи къ простои народу, другая къ «чистой публикъ», и замънить ихъ одной обице

человаческой истиной, проникаеть, однако, коть и медленно, въобщественное сознание.

Недавно столичныя газеты, пользуясь свёдёніями «Нижегородск. Листка» и «Волгари», отмачали, что въ Нижегородской губернів примънение тълесныхъ наказаний, сокращаясь постепенно, доходитъ до менимума, отъ котораго недалеко и до полной отмины розги. По увядамъ процентное отношение приговоровъ о телесномъ наказанів въ общему числу діль въ 1890 г. представлялось въ слі-дующемъ виді: самое большое число 12½% (въ Лукояновскомъ увадв), самое меньшее 6% (въ Ардатовскомъ): въ 1895 году тахіmum-4'/10 въ Нижегородскомъ увадв, minimum-2% въ Горбатовскомъ. Если же взять число приговоровъ волостимъъ и исключеть приговоры въ телесному наказанію, отмененню уездимии съвздами и земскими начальниками, то получатом цифры еще болве внушительныя: въ 1890 г. самый большой % равиялся 84, minimum 4, а въ 1895 г. самый большой %—3, самый меньшій—0 (въ Ceменовскомъ убяді. Изъ 249 волостей губернін въ 37 вовсе не было телесныхъ наказаній за весь разонатриваемый періодъ; въ 56 оно вотречается въ виде одиночныхъ случаевъ, въ огромномъ большинства останьных волостей чесла сокращаются постепенно, иногда большими скачками, по мере приближения къ 1896 г. Семеновский увадъ (нанболве крестьянскій) за последніе два года не знаеть этого наказанія.

Но Нижегородская губернія отнюдь не является первою въ этомъ отношенія. Нікоторые укіды Одесскаго градоначальства въ ділів фактической отміны тілеснаго наказанія преввошли ее. Такъ «Одесскія Новости» пишуть объ Одесскомъ укідів слідующее:

«Одесскій увадь, къ счастію, принадлежить, къ твиъ немногочесленнымъ уголкамъ нашего общирнаго отечества, которые не нуждаются въ оффеціальной отмене телеснаго наказанія; этоть устарівній способь наказанія и исправленія окончательно вывелся тамъ. Одесскому увядному съвяду въ лицв земскихъ начальниковъ быль недавно сделань со стороны высшей алминистрація запрось о томъ, въ какой степени применялось въ одесскомъ уезде за последніе годы телесное наказаніе. По собраннымъ сведеніямъ оказывается, что почти съ санаго введенія земских начальниковъ перестали прибъгать въ розгамъ. На первыхъ порахъ введенія земовихъ начальниковъ было нъсколько случаевъ наказанія розгами, но впоследствін вемскіе начальники стали отменять такіе приговоры. Волостные суды продолжали приговаривать крестьянь къ розгамъ, но увадный съвадъ, куда эти приговоры обжалованись, отменяль ихъ, ваменяя розги арестами и денежными штрафами. Прошло два года, н волостные суды перестали уже приговаривать крестьянъ къ розгамъ. За последніе годы не было ни одного случая не только наказанія, но и даже приговора къ розгамъ. Это отрадное явленіе отчасти можеть быть объясияемо темъ, что большинство вемскихъ

начальниковъ одесскаго убяда—инца съ высшинъ оридическимъ образованіемъ».

Еще далбе пошель въ этомъ направленія убядь Бендерскій, корреспонденть изъ котораго пишеть:

«За время, со двя введенія въ нашемъ увядь внотитута зелокихъ начальниковъ, тълесному наказанію подвергся всего лишь одинь челосько, да и то земскій начальникъ и всё высшія инстанців долго колебались, прежде чёмъ рёшились утвердить приговоръ волостного суда. Наказаннаго общество нісколько разъ собиралось удалить изъ своей среды. Что касается остальныхъ приговоровъ, то им одинъ изъ нихъ не быль утвержденъ иъ исполненію, въ виду чего волостные судьи совсёмъ перестали пользоваться правомъ тёлеснаго наказанія, предпочитая лучше налагать другія вэмсканія». (Одес. Нов. № 41).

0. 5. A.

Народно-хозяйственные наброски.

XXXVI. Изъ хозяйственнаго быта тата ъ Малимскаго увзда. — XXXVII. Отхожіе проимсцы Смоленской губ.—XXXVIII. Измъненія площади посъвовъ и распространеніе улучшенныхъ орудій въ Полтавской губ.

XXXVI.

Намъ доставлена весьма интересная брошюра. Это результатъ подворной переписи, произведенный въ 1895 г. въ одной татарской волости Малиыжскаго увзда: О. Жирновъ — Очеркъ экономическаго положенія татарск Кошкинской волости (Вятка, 1896). Брошюра невелика — 50 съ лишнимъ страничекъ съ таблицами — и трактуетъ о козяйственномъ стров на небольшой территоріи, населенной немногочисленнымъ населеніемъ (около 9¹/2 тыс. душъ). Но она очень интересна.

Въ небольшомъ сматомъ цифирномъ изложении авторъ съумълъ просто и ясно развернуть картину такихъ условій жизни своего «медвёжьяго угла», налъ которыми отонть серьезно подумать. Для насъ, конечно, не можеть быть безразлична судьба этехъ 9% тыс. душъ: вёдь это-же не 91/2 тыс. камней, а человеческихъ существъ. нивищихъ свои потреблости, отремленія, нуждающихся въ навістномъ минимумъ удоботвъ жезне, который неоколько отличался-бы отъ уровня потребностей четвереногихъ. Но еще важиве, что ховяйственныя причины, обусловливающія вищенское прозябаніе этихъ татарь, отличаются оть ховяйственныхь условій другихь м'ястностей лишь количественно, а не качественно. Условія эти могуть быть острве или спосиве; они могуть изменяться быстрве или медлениве, но причины, ихъ создающія, носять болье или менье всеобщій характеръ, имеютъ распространение далеко за пределами Кошкинской волости. Съ этой точки зрвнія изследованіе г. Жирнова имъеть еще большій интересь. Въ немь, какъ въ микрокосив, мы можемъ въ маломъ виде наблюдать те процессы, которые совершаются въ разныхъ углахъ нашей страны, такъ какъ аналогичныя причины производять и аналогичныя следствія. Въ последнее время мы стали задаваться вопросомъ о томъ, бъднъемъ мы, или, пожалуй, богаткемъ. Если для кого нибудь это-еще вопросъ, то, конечно, его, действительно, пора поставить и не худо-бы поторопиться выяснить определенно. Небольшая брошюра г. Жирнова можеть служеть и въ этомъ смыслё недурной илимстраціей и опять-такине только для небольшой части Манинжскаго увяда, а для ценаго ряда мёстностей, находящихся въ подобныхъ же хозяйственныхъ условіяхъ.

Къ сожалено, цифирь подворныхъ изследованій мало читается, и занятная брошюра г. Жирнова несомивние находить себв крайне немногочисленное распространеніе. Поэтому невозможно только указать на эту работу; весьма полезие подвлиться главивйшими изъея выводовъ.

Населеніе Кошкинской волости—исключетельно земледёльческое. Промыслы, если и существують, то лишь въ видё подспорныхъ занятій. Поэтому основу «благосостоянія» тамъ составляєть земля. Съ землевладёнія слёдуеть и начать.

Пахатныя земли кошкинских татаръ не плохи. При унаваживанін окі могин бы дать хорошій урожай, такъ какъ почва (серая земля) «даетъ прекрасный эффектъ удобренія и продолжительную отплату его, доходящую до 15 леть». Но, по недостатку скота, татары могуть унаваживать ежегодно не болье 1/13-1/2 парового поля, т. е. «весь цеклъ унаваживанія заканчивается въ періодъ 36—75 леть». И воть рядомь съ этимъ размеры ихъ землевляденія ничтожны. Въ среднемъ на дворъ у нихъ приходится всего 8,1 дес.; эта пифра возвышается въ одной деревив всего до 11,6 дес. и опускается въ другой до 7,2 дес.; землевладеніе остальныхъ девяти деревень колеблется въ этихъ предвлахъ. Насколько незначительны эти размёры надёловъ, можно видёть изъ сравненія ихъ съ средними размерами наделовъ другихъ народностей того-же Малмыжскаго увада: у черемисъ-почти 19 дес., у вотяковъ - почти 25 дес., у русскихъ-30 дес., т. е. у вотяковъ-втрое больше, а у черемисъ и русскихъ—почти въ $2^{t}/_{2}$ разв больше, чвиъ у кошкинскихъ татаръ. При сравнени этихъ данныхъ съ цифрами переписи 1884 г. оказывается, что среднее вемельное обезпечение двора сократилось за 11 леть на 1,3 дес. или на 14%, т. е. на 1,. Въ одной изъ деревень Кошкинской волости оно уменьшилось за тотъ же періодъ на 3,4 дес., что составляеть 23%, т. е. почти целую четверть землевладвийя 1884 г.

Таковы среднія данныя. Только что было сказано, что изслідованіє г. Жирнова иміветь боліве или меніве общее значеніє, теперь мы видимі, что оно касается такой волости, которая наділена землей гораздо хуже прочихъ народностей того-же уізда. Но въ этомъ ніть противорічія: кошкинцы только идуть впередъ по тому-же пута, по которому слідують за ними и нісколько боліве обезпеченныя группы крестьянства. Мы виділи, какъ быстро тають средніе разміры земельнаго обезпеченія крестьянскаго двора. Въ только что приведенной деревнії средній наділ на дворъ равнялся еще въ 1884 г. 15 дес., т. е. лишь немногим меньше иминішняго наділа черемисъ, а теперь равняєтся всеі 11,6 дес. При такихъ небольшихъ величинахъ земельнаго фондуменьшеніе его почти на ¼ въ 11 літь должно быть признан весьма внушительнымъ.

Следуемъ далее за нашимъ авторомъ. Распределение вемли межл

отдъльными группами дворовъ таково: безвемельные соотавляють $\frac{1}{2}$ (5,6%), which go 5 dec. — $\frac{1}{2}$ (20,9%), or 5 do 15 dec. — 63.9% и, наконецъ, болъе 15 дес.—9.6%. Или, принимая 15-ти десятинную норму на дворъ, видимъ, что обевпечено вемлей-1/10 домохозяевъ, а необезпечено-9/10. Первая группа составляеть болье богатую часть населенія, «въ рукахъ которой находится всв остальвые»; изъ второй группы, какъ упомянуто, 5,6% уже прекратили всякую связь съ землей и живуть сторонянии заработкани; «заработаль на хлебъ-ладно, неть-пошель по міру побераться». Остальные домоховаева той-же группы должны или пополнять овои дефицеты арендой земян въ последенкъ деревняхъ, или промышлять заработками на сторонъ. Представляеть, дажье, большой интересъ сопоставить аналогичемя данныя двухъ переписей на разотояніи 11 леть-1884 и 1895 гг., что авторь и деласть. Изъ соответственной таблички оказывается, что число безземельных выросло въ врушномъ размёрё-съ 1.9% на 5.6%, т. е. втрое; увеличилась и чесленность второй группы (до 5 дес.) на 2,9%, но за то уменьшились объ последнія: третья (5—15 дес.) на 4,3%, а четвертая на 2,4%. Уменьшение третьей группы сравнетельно невелико (4,3% при 68,1%), но обращаеть на себя вниманіе уменьшеніе последней (съ 12,0% на 9,6%, т. е. на 2,4% ние на приую пятую часть). Оказывается, что истекцій 11-летній періодь, въ состав'я котораго были несчастные 1891 и 1892-й годы, болье всего отразился на крайнихъ группахъ и притомъ въ противоположныхъ направленіяхъ: безземельные сильно увеличились въ числъ, а обезпечениме землей сильно уменьшилесь. Это показываеть, что съ теченіемъ времени постепенное объединение кошкинцевъ выражается въ перемъщенияхъ извъотной части домоховяевъ изъ старшихъ земельныхъ группъ въ младшія, увеличивая кадры пролетаріевъ и наиболее малоземельныхъ. Матеріаль не выясняеть, къ сожальнію, возникающаго при этомъ интереснаго вопроса о томъ, какія изміненія претерпіваеть наиболее многоземельная группа-ети оставшееся 9,6% домохозневъ съ 15 и болъе дес. на дворъ: уменьшаясь въ числъ, увеличиваетъ-ли она въ то же время свое благосостояніе, концентрируя надылы и вивентарь остальных группъ въ своих в немногих рукахъ, или же благосотояніе ся умаляется, подобно прочимъ, но лишь несколько медлениве, обладая ивсколько большей устойчивостью. Безъ отвёта на этоть вопрось картина, начерченная авторомъ, несколько теряеть въ ясности. Выше уже приведено его выражение: «въ рукахъ этнхъ дворовъ (9,6%) находится все остальное население»; можно-ии принять это за намекь въ первомъ симсив?

Пополнять свое малоземелье внё-надвивной арендой кошкинскіе татары не могуть по отсутствію вблизи казенныхь, удвивныхь и частно-владвивческих земель. Но недостаточность средствъ къ обработкъ земель заставляеть малоземельные дворы сдавать часть ихъ надвловь более состоятельнымъ домохозневамъ, т. е. такимъ, у которыхъ еще инветси скотъ, орудія и свиена. Но такихъ окавывается въ предвлахъ волости меньше, чёмъ то было бы нужно сообразно предкоженію надвльныхъ земель въ аренду: беруть 57 домохозяевъ 224,6 дес., а сдаютъ 102 домохозянна 418,3 дес., т. е. половина сданныхъ надвловъ нанимается, очевидно, лицами, живущими вий предвловъ волости. Другими словами, не увеличивая своего земленользеванія арендой вий-надвльныхъ земель, кошкинцы уменьшають его сдачей надвловъ постороннимъ: они такъ обіднали, что имъ не подъ силу обработка даже столь инчтожнаго надвла...

Таковы земедыми отношения. Не лучше стоять тамъ и платежныя. Лежащіе на кошкинцахъ платежи невелики по сравненію съ окрестнымъ населеніемъ: на дворъ — 10 р. 81 к. (ненѣе средняго по уѣзду на 7 р.) или на работника м. п. 8 р. 22 к. (ненѣе средняго на 3 р.); но они очень велики по сравненію съ доходностью надѣловъ: на десятину пашни—1 р. 53 к. при средней чистой доходности той же десятины — 1 р. 1 к. «Иначе говоря, крестьине описываемой волости должны ежегодно приплачивать 52 к. на каждую десятину пашни, которая находится въ ихъ пользованіи. Этоть недочеть они должны пополнять постороминия заработками, или же оставлять недоникою за собою». До переложенія оброчной подати въ выкупные платежи населенію приходилось платить казнѣ въ два раза больше, чѣмъ оно платить теперь.

Вов эти данныя и дежать въ основъ хозяйства кошкинцевъ. Легко можно предположить, что является въ результатъ.

Прежде всего, пахота тамъ занимаетъ 82,3% въ составъ надъла, т. е. «все, что можно быхо распахать, уже превращено въпашню»; лъса нътъ; сохранившійся кое-гдъ кустаринь такъ мелокъ, что не годится даже на дрова, и «если онъ сохранился, то только благодаря тому, что площадь, занимаемая имъ, совершенно недоступна для обработки подъ пашню». Топливомъ служить ржаная солома; по разсчету автора, для удовлетворенія этой потребности населенію волости нужно 6,4 милл. сноповъ, т. е. вдвое больше того, сколько оно ихъ получаеть съ своихъ полей. «Прежде зола сбывалась на стекольные заводы, но теперь она бросается, какъ ни къ чему не нужный продукть». Это во-первыхъ.

Далее, скота у кошкинцевъ почти не существуеть, не смотря на то, что главнымъ занятіемъ нхъ служеть земледеліе... На дворъ у нихъ приходится... полз-лошади (0,5), т. е. въ среднемъ на два двора одна. Ни ез одной дересию, входящей въ составъ волости, итъ столько лошадей, сколько дворовъ; въ одной (Ураскина) приходится одна лошадь на три двора. Всего скота приходится только 12 головъ на 10 дворовъ. «Если возьмемъ за норму, говорить авторъ, что одной лошадью можно обрабатывать 8 дес. пашни, что вполивсогласно съ действительностью, то недостатокъ въ рабочемъ скотв выразится въ цифре 737 головъ. Это тоть минимумъ, который не-

обходимъ населению Кошкинской волости, чтобы оно могло удовлетворительно обрабатывать свою вемлю». Вольше половины —54.6% домоховяевъ не имъють рабочаго скота; «воцащва ихъ напъловь находится въ зависимости отъ того, найдутся или нёть лишнія рабочія лошади у соевдей», поэтому всв работы ихъ производятся несвоевременно, что не можеть «не отозваться на произволительности полей». После голоднаго года здёсь создался особый видъ артелей (изъ 2-3 домоховлевъ), существующихъ на время полевыхъ работь; одинь члень артели имъеть лошадь, другой-безлошадникъ; землю обрабатываютъ сообща, сообща жнуть, кладуть своим и пр.; урожай не делится, а каждый получаеть то, что уродилось на его полосахъ. «Появленіе такихъ артелей весьма характерно, прибавляеть авторь; оно свидетельствуеть, что населеніе ищеть выхода изъ своего тяжелаго положенія». Рогатый скоть у кошкинцевъ столь-же большая рёдкость, какъ и лошади: 55,5%, домохозневъ его не имёють и часть ихъ довольствуется козами вмёсто коровъ... Всякъ стремится помочь себъ, чёмъ можеть...

Въ соответствие со всемъ сказаннымъ, и обработка земли «характеризуется у кошкинцевъ своей примитивностью. Въ то время, какъ въ соседнихъ волостихъ, получили уже распространение сабанъ, однолеменная соха, косуля и жельзная борона, тамъ еще продолжають работать двуральными сохами и деревянными боронами. «Производство полевыхъ работъ отличается продолжительностью. Когда въ соседнихъ волостяхъ пашня кончена, посевъ произведень, кошкинцы продолжають работать на своихъ поляхъ»; несвоевременная и плохая обработка полей сильно понижаеть ихъ урожайность. Да и какъ же быть иначе? Мы видели, что скота почти нъть, что солома сжигается, следовательно-удобренія взять не откуда, орудія примитивны-по какой же причина улучшаться урожайности?... Далье, повазателями хозяйственнаго благосостоянія татаръ могутъ служить ихъ постройки. «Извёстно, что каждый татаринъ средней зажиточности уже не довольствуется одной избой; онъ строить себь другую избу, былую, въ которой обыкновенно принимаеть своихъ гостей, состоятельный татаринъ имбеть уже месколько избъ». И воть при такой бытовой особенности племени весьма характерны данныя о постройкахъ у кошкинцевъ. Изъ нихъ 206 хозяевъ (11,4%) уже не импьють крова и живуть на квартирахъ. «Могутъ-ли вести они хозяйство удовлетворительно---это вполив понятно важлому и элесь излишни ваків-либо комментаріи», говорить авторъ. Къ этой группъ примыкають еще 515 хозяевъ (28,5%), которые имають только по одной изба (безь надворных в построекь). Это-тоже маломощные, не имъющіе помъщенія для скота, котораго котати у «подавляющаго большинства ихъ» вовсе и не оказывается. Двв и болье избъ съ надворными постройками имъють всего 12,90/о домоховяевъ-только они и удовлетворяють съ точки зрвнія M 6. Orgina II. 12

татарскаго быта иннимальнымъ требованіямъ средней зажичочности двора; изъ нихъ только 1,6% превышають этотъ минимумъ...

Въ симске задолженности населенія Кошкинская волость и вообще татарокое населеніе увада «пріобріло печальную навістность». Объетомъ нічколько разъ «говорилось въ губерискомъ и увадномъ земскихъ собраніяхъ». По обывнововію, говорилось «о явности татаръ, о ихъ неспособности въ земледъльческому труду и пр. пр.». Эте при 8 дес. на дворъ неудобренной земли и при платежахъ, въ 11/2 раза превышающихъ доходность пашин... Но фактъ остается въ сняв. Кошквицы могуть пользоваться большой извёстностью даже въ нашей задолженной отранѣ по размѣрамъ своей недоимочности. У имхъ праходится недоимокъ въ среднемъ на дворъ 78,34 руб., на работника 62,78 р., т. в. состоить въ недоника на дворъ семерной, а на работникасосьмерной ожогодный окнадь. Ценность всехь яхь построекь ниже суммы недоннокъ на 41 тыс. рублей. Очевидно, *такія* недоники для кошкинцевь безопасны—взыскать ихъ невозможно... «Эти общіє выводы вполет приложимы къ любому селенію волюсти, такъ какъ въ распределени недоники по отледенииъ ослевиямъ нетъ ръзкихъ колебаній». Воть ужъ къ кому по нотика приложамо выражение Лавело — égalité dans la misère! Весъ малаго половина дворовъ (45,3%) накопила недонику въ 50-100 р., почти воя другая половина имъетъ 10-50 р. (23%) и 100-150 р. (24%), 73 двора—150—250 р., только 47 дворовъ—до 10 руб. и, наконецъ, только 20 дворовъ не инфоть недоники. Это—тв, которые живуть торговией или производствомъ валенокъ, представляя собой хозаовъ-фабрикантовъ.

Наконецъ, вліяніе приведенныхъ хозяйственныхъ условій свазывается в на прирості населенія. Въ то время, какъ дійствительний ежегодный прирость для Россін выражается префрой—1,44%, у кошкинцевъ онъ не достигаеть даже 1% (0,3% по средвему ревсчету на 37 літъ). Это обстоятельство отчасти объясняется высоленіями изъ преділовъ волости, начавшимися въ 70 годахъ и предолжающимися до настоящаго времени. Но цефры выселившихся не приведены и потому мы лишены возможности судить о томя, посколько служать причиной указаннаго явленія одни выселенія и посколько—колебанія рождаемости и смертности.

Подспорными занятими кошкинцевъ служать накоторые мастиме промысли—валяльный, веревочный, чеботарный, кумечный, плотимчый, портимый, печной и др. Но значение ихъ невелико, если судить по тому, что число занятыхъ въ наиболее распростраменномъ изъ нихъ — валяльномъ—не превышаетъ 400 человъкъ мужчинъ, женщинъ и детей, т. е. всего около 4% населения волоствъ Промыссять требуетъ не малыхъ заграть на сырье (160—350 р.) и на пріобрётеніе перстобитной машины. Заграты эти кошкинцамъ, конечно, не подъ силу и потому кустарей-валеньщиковъ среди нихъ нётъ, а всё они работають на хозяевъ; «валеньщики всецеле на-

ходятся въ рукахъ крупныхъ промышленниковъ, которые поставили валяльное дело на широкую ногу, завели шеротобитныя машины, особыя мастерскія, въ которыхъ и работають кошкинскіе валеньщики».

Шире развиты отхожіе промыслы; въ 1894 г. ими занято было -806 человъкъ, т. е. 35,7% всехъ работниковъ волости. «Помятно, болве % работниковъ уходить на сторону не по охотв, не по лвии, а ихъ гонить туда, вдаль отъ семьи и родныхъ горькая нужда, заработками на сторонъ оне разочитывають покрыть тоть дефицить. жоторый даеть вемледеліе». Но и эти надежды обываются редко. Вольше половины ихъ уходять въ Перменую губ. на заводы и угольныя копи, при чемъ въ результате веська тяжелой работы оказывается чистый заработокъ менье 5 р. въ мъсяцъ, а многда не окупается даже и стоимость пищи. Случается и такъ: «продасть доноховяннъ лошадь, часть вырученныхъ денегь оставить дома жень на расходы, а другую береть съ собой на дорогу, надвись, вонечно, возвратить эти деньги оторицею. Ущель. Проходить годь, другой, денегь семья не получаеть, самь онь не возвращается домой. такъ какъ не мого заработать на дороги... И живеть по нескольно леть, ожидан очастыя. «Кто пошель уголь копать, тоть безь лошади будеть», говорять сами татары. — Кроме чернорабочихь, уходять на сторону валеньщеки и друг. промышленным, переходять изъ деревни въ деревню; где находять работу, оотанавливаются и работають небольшими артелями, изь хозяйского матеріала, на хозайской пищъ. Иногда работають просто изъ-за харчей, иногда вырабатывають 10-25 руб. възниу на человека.-Отхожіе смолокуры также не зарабатывають часто начего и не более 6-8 руб. за осещь.

На основаніи отзивовь містнихь жителей, авторь сообщаєть, что до 60-хъ годовъ татары жили «хорошо»: «хлёбъ родился, работа была дона, лучше жели». Эти отвывы «отарожиловь», конечно, можно принимать въ сведению обыкновению «подумавши». Золотой въвъ всегда ресустся назади. Но въ данномъ случав есть нъкоторые объективные признаки, по которымъ можно думать, что дейотвительно благосостояніе кошкинцевь было гораздо кучше ньсколько десятковъ леть назадь. «Масса новинных» земель, ниввшехся въ распоряжение населения, сильно повышала урожайность ихъ полей». Это разъ. Во-вторыхъ, въ уезде существовало китасчное и кумачное проезводство, дававшее не малый заработокъ населенію въ зимній севонъ, въ свободное оть вемлельнуескихъ работь время. Но съ 60-хъ годовъ производство это стало быетро сокращаться, вследствіе развившейся конкурренціи сичца, и уничтожилось въ началь 70-хъ годовъ. Освободившеся рабочи принялись за ивствые и отхожіе промыслы. Но мы только-что видели, насколько нечтожны подопорные заработки, доставляемые тими и другами. И воть въ 1872 г. кошкинцы впервые обратилнов въ

земотво за продовольственной ссудой. Съ тёхъ поръ, «цёлый рядълёть населеніе продовольствуется на счеть земотва», а обёднёніе его прогрессивно увеличивается. Утёсненіе въ землё возрастаеть, размёры надёловь уменьшаются до ничтожной величны, почва истощается, возстановнять ея плодородіе становится нечёмь, соотношеніе между ея доходиостью и платежами прогрессивно увеличивается. Отсюда скотоводство уничтожается, работать становится нечёмь, удобрять нечёмь, приходится замёнять коровье молоко козьимь; орудія остаются на примитивной ступени своего развитія; постройки сокращаются; часто уничтожается кровь для скота и даже для людей; задолженность принимаеть громадные размёры; первыя потребности населенія удовлетворяются все хуже и хуже, часть населенія ищеть лучшихъ условій жизни на сторонё, прирость его уменьшается.

Таковъ въ общихъ чертахъ смыслъ картины, нарисованный г. Жирновымъ. И надо ему сказать за это большое спасибо не только потому, что онъ познакомилъ насъ съ интересными деталями быта одного изъ нашихъ заброшенныхъ угловъ, но также и потому, что его схема вёрна также и для массы другихъ «угловъ». Въ самомъ дёлё, развё только у однихъ кошкинцевъ можно найти инчтожные размёры надёловъ при высокихъ платежахъ и при небольшомъ развити промысловъ? А вёдь въ этомъ и заключается корель всёхъ прочихъ явленій, которыя выяснились изъ неумолимыхъ цифръ нашего автора...

XXXVII.

Въ прошломъ году намъ пришлось на страницахъ нашего журнала беседовать съ читателемъ объ отхожихъ промыслахъ. Мы сдёдали попытку тогда сгруппировать относящіяся къ нимъ данныя земской статистики, чтобы продить накоторый светь на это важное народно-хозяйственное явленіе нашей страны, къ тому-же — мало нзученное. Съ техъ поръ наша литература обогатилась и сколькими изследованіями того-же предмета. Почти одновременно появились работы гг. Кудрявцева, Пономарева, кн. Шаховского, давшія немало новыхъ фактовъ и обобщеній. Не со всеми ими, конечно, можно соглашаться, о многомъ можно-бы поспорить, но названныя монографіи явились все-же какъ нельзя болье во время, такъ какъ много способствують знакомству съ этой мало известной стороной нашей экономики.—Въ последнее время появилось еще одно изследованіе, спеціально касающееся того-же явленія въ одной изъ губерній: Д. Н. Жбанковъ-Отхожів промыслы въ Смоленской губ. въ 1892-95 г. (Смоленскъ, 1896, изд. Смол. Губ. Земства). Эта работа нивла-бы большой интересъ даже въ томъ случав, еслибы цаша литература по отхожимъ промысламъ была гораздо богаче нынъшней. И это по двумъ причинамъ, во-первыхъ, по имени почтеннаго автора, давно работающаго надъ изученіемъ этого вопроса, а во-вторыхъ, потому, что именно Смоленская губ. принадлежитъ въ числу тёхъ, гдё отхожіе промыслы развиты особенно сильно и гдё ихъ изученіе представляеть особенный интересъ. Въ табличкв, приложенной въ упомянутой нашей статьй, 6 уйздовъ Смоленской губ. занимають пересе мёсто среди 131 уйзда, о которыхъ свёдёнія тамъ приведены, потому что еще въ половини 80-хъ годовъ (при земско статистическомъ изслёдованіи) оттуда отправлялась въ отхожіе промыслы наибольшая часть муж. рабоч. населенія (42½%).—По этимъ причинамъ изслёдованіе г. Жбанкова заслуживаеть того, чтобы остановить на немъ вниманіе читателей.

Начнемъ съ того, что и Смоленской губернін свойственно то явленіе, которое признано нами всеобщимъ для всей Россіи: отхожіе промысны въ ней въ періодъ 1875-95 гг. «постоянно и значительно возрастають». Уменьшение ихъ замъчено только въ 1/6 части волостей (17,2%), а въ ½ (80,3°/о) они увеличиваются. Въ шести увядахъ ихъ 12 (Вяземскій, Рославльскій, Ельнинскій, Краснинскій. Сычевскій и Смоленскій) возрастаніе отхода наблюдается ночти во вобкъ волостяхъ (91%-100%), въ другихъ пяти-болбе чёмъ въ 1/10 волостей (72,4%—80%) и только въ одномъ Поречскомъ уёзлё количество волостей съ возрастающимъ отходомъ невелико (11,7%). Ко всему этому необходимо прибавить весьма важное наблюдение г. Жбанкова: нанбольший отходъ въ губерни быль въ 1895 г., т. е. именно въ последний изъ годовъ, которыхъ касалось изследованіе. Стало быть, причины, обусловливающія возникновеніе и развитіе откожихь промысловь, продолжають дійствовать въ Смоленской губ. безпрерывно и значение ихъ, повидимому, продолжаеть увеличиваться. Причинь этихь г. Жбанковъ почти не касается, но въ упоминутой статьй мы старались ознакометься съ ниме и ведёле, что главевёшія изъ нихъ коренятся въ разогройстве земледельческого крестынского хозайства въ местахъ, откуда выходять отхожіе промышленники.

Заслуживаеть, далёе, серьезнаго вниманія слёдующій выводь нашего автора. Мы говорили ранёе, что женскій отходъ развивается позднёе мужского. По наблюденіямъ И. М. Красноперова въ Тверской губ., женщина является въ этомъ случав, такъ сказать консервативнее мужчины; хозяйка и ея дочери долго не покидають своей избы, своего хозяйства, когда ихъ отцы, мужья и братья уже давно ищуть заработковь на стороне; женщины начинають слёдовать ихъ примеру лишь тогда, когда ни интересы домашняго хозяйства, ни опасенія за порчу нравовъ женщинъ и дівушекъ не въ состояніи превозмочь рёшительной необходимости въ подспорномь отхожемъ заработке всёхъ членовъ семьи. Согласно этимъ наблюденіямъ, развитіе женскаго отхода можеть служить показателемъ более глубокаго хозяйственнаго разстройства деревенскаго на-

селенія, чёмъ развитіе одного мужского. Поэтому данныя г. Жбанкова о женскомъ отходё Смоленской губ. представляють неманый интересъ. Въ 1895 г. тамъ выдано было болёе 140 т. паспортовъ *)изъ которыхъ почти 26 тыс. было выдано женщинамъ (3,6°/0 женскаго населенія губеркіи). Такимъ образомъ, мужской отходъ ещевъ 4¹/1 раза больше женскаго, хотя приведенная абсолютная цифрапредставляется уже довольно значительной. Характерно, однако, воть что. По продолжительности отлучки всё ушедшіе въ указанномъ году распредёляются такъ:

	_	_	мужчины:	женщины:
H8	5	atau.	0,3%	0,8%
>	1	годъ	26,7 >	40,4 >
>	1/2	года	42 ,8 »	36,7 >
> 1-3 ивсяца			30,1 >	22,1 >

Получается весьма ентересный выводъ, полуверждаемый и летальной разработкой тёхъ-же цифръ по отдёльнымъ уёздамъ: жемскій отходь во всей губерній продолжительнье мужского. Чеслопаспортовъ, выпанныхъ на большіе сроки—5 леть **) и одинь голь. относительно выше у женщинь, чемь у мужчинь. Только четверть-СЪ НООЛЬШИМЪ ОТХОЖИХЪ ПРОМЫШЛОНИНЕОВЪ ВОСПОЛЬЗОВАЛИСЬ ЛОЛГОорочными паспортами, но более 1/4 промышлениять. И наобороть, краткосрочныя отдучки относительно больше распространены средимужчинь, чемь среди женщинь. Выводь этоть усидивается ещетыть соображениемъ, что среди последней группы женщить далеконе вов идуть на заработки: билеты на 1-3 месяца беругоя женщинами часто для путешествій на богомолье въ отдаленныя містности. «Женщинъ труднъе выбраться изъ деревни и уходять изъ-можно прибавить, изъ захудалыхъ дворовъ; «уходя при такихъусловіяхъ, женщяны должны дельше оставаться на сторонь, а миогія изъ нихъ, разъ ушедши въ городъ, совстить прерывають всякуюсвязь съ деревней; не нужно забывать, что и дорога для женщинъ дается трудийе; при сравнительно меньшемъ заработий женщинъ, имъ нужно дольше прожить на стороне, чтобы окупить стоимость. дороги» (18).

^{*)} Не считая вторыхъ и третьихъ лицъ, уходящихъ но семейнымъ паспортамъ, говоритъ авторъ, мы фиктивно уменьшаемъ число уходящихъ; съдругой стороны, принимая всё повторные паспорты, какъ выданные новымълицамъ, мы фиктивно увеличиваемъ число уходящихъ; эти неточности взаимно парализуютъ другъ другъ и общее число паспортовъ, записанныхъ въпаспортныя книги въ волостяхъ, довольно вёрно выражаютъ действительноечисло уходящихъ изъ губерніи (отр. 2—3).

^{**) «}Върсятно, только недавнее введеніе долгосрочныхъ паспортовъ было причиною того, что всв, подолгу отсутствующіе, не выправляли въ 1895 г. пятильтнихъ паспортовъ; въ будущемъ число этихъ паспортовъ должно значительно увеличиться» (17).

Заслуживаеть большаго вниманія замічаніе г. Жбанкова о связи. существующей нежду развитенть откожихъ проимсловъ съ одной отороны и брачностью и рождаемостью, съ другой. При средней брачности сельскаго населенія въ Сиоленской губ. 1,00/0 въ наиболье отхожихъ увядахъ Сычевскомъ и Гжатскомъ цифра эта спускается до 0,7% и 0,6%, цефра средней рождаемости въ губернів 5,74% падаеть въ тёхъ-же увадахъ до своей минимальной величини $4,31^{\circ}/_{\circ}$ и $3,73^{\circ}/_{\circ}$. Связь между объими серіями явленій очевидно существуеть, отходъ способотвуеть сокращению брачности и рождаемости. Следуеть выразить большое сожаление по поводу того, TTO ABTODE TAKE MAIO OCTAHOBRICH HA STHEE SABRCHMOCTREE, HMEDщихъ особенно важное значеніе для изученія общественной роли отхожнуъ проимсловъ. Елва-ин ону следовало останавливаться на той вполив понятной истинв, что брачность, рождаемость и смертность колеблется въ зависимости не оть одной только величины отхола-въ этомъ некто не сометвается. Но изъ этого не следуетъ. чтобы недьзя было проследеть вліяніе его на движеніе населенія болье детально, чемь это сделано авторомъ. Въ табличке на стр. 6, допущенъ такой пробъль, который исключаеть возможность пользованія од: не указано въ какомъ порядка (возрастающемъ или убывающемъ) расположены увады по остальнымъ тремъ признакамъ, вромъ отхода. Относительно рождаемости и брачности можно лишь догадываться, что увады расположены въ возрастающемъ порядка; относительно-же смертности читатель не въ права даже сдалать никакой догадки.

Вольшей детализаціи и обработки матеріала нужно-бы ожидать отъ автора врача и по вопросу о вліяніе отхожихъ промысловъ на ваболевнемость населенія. Въ работе г. Жбанкова, къ сожаленію, мы далеко не встречаемъ того инследования этого вопроса для Смоленской губ., какое дають мапр. работы гт. Тезякова и Кудрявцева для Херсонской. Отдельныя указанія, однако, им'ють и здісь неманую цену. Такъ, «еремя отсутствия мужчинъ изъ дому оказываетъ значительное вліяніе на время зачатій и распреділеніе рожденій въ деревняхъ по временамъ года; время рождаемости въ свою очередь сильно вліяеть на большую болезненность и смертность детей. Дъти, рожденныя весной и въ началь льта, еще весьма слабыми подпадають подъ усиленную летнюю детскую смертность и, конечно, рискують погибнуть скорье, чемь дети, рожденныя осенью и, следовательно болье окрышия из сезону лытией дытокой смертности». «Мюсто отхода и занятия уходищих оказывають очень значительное, но менте уковеное вліяніе; тв деревни, которыя отпускають своихъ жителей въ города ради ремеслъ и другихъ постоянныхъ ванятій, дающихъ хорошій ваработокъ, гораздо состоятельніс..., тогда какъ селенія, изъ которыхъ идуть на «авось», для всяхъ такъ называемыхъ черныхъ работь, дающихъ небольшой заработокъ.., по благосостоянію неріздко уступають осідлинь деревнянь. Состаєв

уходящих на заработки, т. е. идуть-ии одии взросные мужчины, или также дёти и женщимы, несомиённо также отражается на физическомъ развити, культурё и вообще благосостоянии населения данной мёстности; значительный женскій отходъ способствуеть неправильной половой жизни среди уходящихъ; отходъ подростковъ и дётей, особенно при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ житье въ столичныхъ подвалахъ или работі на рыбъихъ промыслахъ и пр., несомитино ведеть къ тому, что эти такъ рано начавшіе отходчики по физическому развитію будуть уступать своимъ деревенскимъ сверстникамъ» (8—9).

Новолостная таблица, приложенная въ работе г. Жбанкова, показывающая, куда направляется отходъ смолянъ, даеть весьма пеструю картину. Она показываеть, какъ сильна должна быть потребность въ удовлетвореніи насущевищихъ потребностей этихъ 150 т. человъкъ, разбрасывающая ихъ по всей территоріи стравы въ понскахъ за заработками, заставияющая ихъ приспособияться въ всевозножнымъ влиматамъ, правамъ и обычаямъ разноплеменныхъ давальцевъ имъ работы, живущихъ на тысячи вероть одни оть другихь, обучаться самымъ разнохарактернымъ профессіямъ, не имършинъ часто нечего общаго съ темъ основнымъ занятіемъземледаліемъ, въ которомъ они и отцы ихъ родились и выросли. Отхожіе промышленники направляются изъ Смоленской губернів, конечно, чаще всего въ ближаншие крупные промышленно-торговые центры — Петербургъ, Москву, Ригу; затвиъ, они ищуть себъ заработковъ въ сосёднихъ губерніяхъ; наконецъ, нассами двигаются они въ мъста весьиа отдаленныя-въ Кіевъ, Кіевскую и Подольскую губ., въ Новороссію (особенно часто упоминаются заводы и кони Екатеринославской губ., Одесса, Керчь, другія містности Херсонской и Таврической губ., Ростовъ-на-Дону), въ Сухуиъ, на Кавказъ, въ Сибирь (не только въ качестве желевнодорожныхъ рабочихъ, но и для плотничныхъ, каменотесныхъ и пр. работъ). Итакъ: Петербургь и Кавказъ, Рига и Сибирская ж. д...

Чаще всего смоляки направляются на фабрики и заводы, въ столицы и въ московскій промышленный районъ. Второй по распространенности группой спеціальностей называють услуги разнаго рода (прислуга, дворники и т. п.); затёмъ слёдують плотники, пильщики, чернорабочіе, занимающіеся сплавомъ ліса, плотовъ, дровъ, барокъ, земляными работами, каменьщики, каменотесы, мраморщики, бетонщики, мастеровые, рабочіе на желізныхъ дорогахъ, сахарныхъ заводахъ, земледёльческіе, киричники, льнотрепальщики, извозчики, грузчики, крючники, рогожники, рыболовы и друг.

Приведенныя личныя изследованія автора дополнены имъ вёсколькими выдержками изъ газетныхъ сообщеній о смоленскихъ откожихъ промыслахъ. Эти описанія представляли бы большой интересъ, если бы можно было поручиться за ихъ достовёрность. Свёдёнія о бытовой стороне отхода, напр., въ работе г. Тезякова до-

быты на основание массоваго опроса многихъ тысячъ рабочихъ н потому безепорно служать важнымъ матеріаломъ для изученія промысла. Иное отношение вызывають къ себъ стр. 74-78 труда г. Жбанкова. Насколько, напр., можно доверять корреспонденту «Сиоденскаго Въстинка», когда онъ разскавываеть, будто некоторые отхожіе омодяне усп'ян нажить себ'я капиталы въ 5-20 тыс. рублей «исключительно» перевознымъ промысломъ на Невъ? Кто можеть обосновать это «искиючительно?» Или: вёрно ли сообщеніе ивъ Дорогобужа о томъ, что мъщане этого города, «одъвшись въ дохиотья и заменивъ сапоги рваными даптами, на тощей кляче, впряженной въ развалившуюся тележку» отправляются въ профессіональное нищенство по деревнямъ, когда крестьяне начнуть обмолачивать хлёбъ? Какъ-то непонятно выходить: будго эти мещане и «тощую клячу», и «развалившуюся тельжеу» держать только для этого случая... а можеть быть, у нихъ другихъ-то и иёть? Казалось бы, что работа г. Жбанкова много выиграла бы, если бы почтенный авторъ вовсе не включаль въ нее этихъ рискованныхъ страницъ.

XXXVII.

Въ заключение и всколько интересныхъ сообщений о крестьянскомъ земледели въ Полтавской губерние, сообщаемыхъ местнымъ земскимъ «Обзоромъ сельскаго хозяйства за 1895 годъ». Измененія, совершающіяся въ этой области, регулируются теперь главнымъ образомъ паденіемъ хлёбныхъ цёнъ, какъ важнёйшимъ факторомъ той части нашего земледёлія, которое работаеть на рыновъ. Отм'ятить вывощіяся на этоть счеть наблюденія и представляется нужнымъ въ виду того интереса, который возбудился у насъ въ этому предмету въ последнее время. Выгодной особенностью названнаго «Обвора» въ данномъ случав служить то обстоятельство, что, говори о крестьянскомъ хозяйстви, онъ различаеть разныя группы крестьянетва, на которыя оно распадается по своему достатку, а не трактуеть его, какъ однородное целое, вое члены котораго вивють совершенно одинаковые козяйственные интересы, какъ это часто дълается въ аналогичныхъ изданіяхъ. Такое смещеніе довольно дифференцированныхъ уже въ настоящее время влементовъ, изъ которыхь состоять теперь сельская вемлельнеская насса, только затеминеть истинный характеръ процессовъ, совершающихся въ нашемъ современномъ хозяйствъ. Изучать каждый изъ нихъ и вою ихъ совокупность въ ихъ взаимодъйствии можно лишь путемъ анализа вліяній, оказываемыхъ ими на интересы каждой изъ упомянутыхъ группъ въ отдельности.

И такъ, посмотримъ, какія новыя фактическія наблюденія дасть намъ названный «Обзоръ».

Многочисленным отзывы корреспондентовъ, читаемъ мы въ немъ, устанавливають фактъ, что въ хозяйствахъ средне и малосостоя-

memmays edoctemb, beigebadinens needs thabelies dedarced ind своего продовольствія и вообще для нуждь своего ховяйства, имещадь поства провых хитоовт на своей земит весьма мало вемянилось. Совращение сказанной площади замечено, правда, из иско-TOPHAL, NOTE H HOMHOPHAL MECTANA (BE COME BOROCTANA TOTALPONA ужадовъ). Между другими причинами этого носледнито явленія ворресцонденты указывають и на низкія табоныя цібны: «не смотря на обняьный урожай 1894 г., крестьинамъ приходилось при существующихъ нивкихъ ценахъ продавать значительное количество клаба главнымъ образомъ на уплату различныхъ повинностей, а отчасти и на необходимым потребности своего ховийства; поэтому у въкоторыхъ хозяевъ не хватило своего хлеба не только на обобмененіе, но даже и на продовольствіе». Но, повториемъ, такія сообщенія получены были наъ небольшого количества ийстностей губермін. Остальние «относительно часто наблюдавшіеся случан сокращенія запашень» у креотьянь ярового и даже озимого кийба замёчены у «важиточных», многоземельных» хозяйствах», работающихъ хлібъ для продажи; угнетенное состояніе хлібнаго рынка отразвиось на нехъ уменьшениемъ площади посевовъ зерновыхъ хивоовъ и отремленіемъ развивать иныя культуры, на которыя не распространнется действіе паденія цень на хабов. Такь, у няхъ наблюдается расширеніе посівовь масияничныхь растеній, ціны на продукты которыхъ объщають большія денежныя выгоды. Къ такимъ главнымъ образомъ относится ленъ. Важно при этомъ отивтить, что этогъ зажиточный слой крестьянотва сходится въ данновъ случай съ владельческимъ ховийствомъ, относительно котораго швъ восьми увядовъ получены сведения, что оно по темъ же причинамъ начало усиленно заниматься въ последніе годы культурой масыничных растеній; и у нихь на первомъ месте стоить день, а затвиъ провой рапсъ и рыжей, наконецъ-подсоднухъ и накъ. Владыльцы расшеряють при этомъ въ некоторыхъ месталь на счеть ярового поля кормовую площадь, занявъ часть этого поля сеновосомъ, а часть-пастбищемъ для скота. Этого, очевидно, не можетъ дёлать въ нассё даже зажиточный слой полтавскаго крестьянотва.

Такъ стоить дело на надельной земяв. Что касается до съемной, то илощадь яровыхъ крестьянскихъ посёвовъ на ней «безусловно и довольно значительно сократилась». Весьма жаль, что составители «Обвора» не расчлении въ данномъ случав движенія денежныхъ и натуральныхъ арендъ, такъ какъ вліяніе низкихъ ценъ на обё эти формы найма вемян существенно различны между собой. Надо предполагать, что речь ндеть здёсь только о денежныхъ арендахъ. «Многіе корреспонденты, говорить «Обзоръ», по отдёльнымъ увздамъ положительно утверждали, что въ этомъ году, не смотря на понижение съемной платы за землю, среди крестьянъ встрёчалось весьма мало желающихъ нанимать землю подъ посёвъ яровыхъ хлёбовъ; замеченное явленіе объясиялось тёмъ, что при

ii ii

IR

E

11

ğ

f

очнествующих нажих ценах на врестыянскую пшеницу (30-35 к. за пудъ) и на ячмень (15-18 к.) производство этихъ кийбовь на чужой земяв ноложетельно убыточно для съемпиковъ. Сумя по указаніямъ нёкоторыхъ корреснондентовъ, если крестьяне н нанимани въ этомъ году земию, то въ большинстви случаевъ для посъва масличныхъ растеній, превмущественно подъ посъвъ льна, затвиъ ранса, отчасти рыжея». Изъчетырехъ убядовъ (Пиритиноваго, Лубенскаго, Хорольскаго и Золотононеваго) получено составителями «Обвора» особенно много сообщеній объ увеличенін культуры этехъ растоній у крестьянь. Изъ этой выдержки можно видьть, что въ данномъ случав рачь идеть о найме вемли не для погребительныхъ, а для рыночныхъ цълей. Выше было указано, что только болье состоятельный слой полтавского крестьянства принялся за культуру масленичных растеній, обіщающихь при реадизацін урожая больнія денежныя выгоды. Теперь мы видимъ, что это теченіе принядо мастолько значительные размівры, что этоть слой, не смотри на свое сравнительное многоземеліе, считаеть выгоднымъ даже принамимать вемли для той же цели. «Даже на своихъ «подметахъ» эти домоховнева поседии въ 1895 г. больше льна_ чемъ коноши». Что же касается до найма земли полъ верновые хивов, то не смотря на паденіе арендныхь цинь, онъ значительно сократился. Денежныя арендныя цены сократились. Казалось бы, наемъ вемли сталъ выгодиве съемшикамъ. На самомъ леле обнаруживается обратное явленіе: денежный съемъ сокращается, значить, паденіе хивбныхь цвиъ глубже, чвиъ паденіе арендныхь. Очевидно, работа кивба на рыновъ для состоятельного слоя креотьянства при этихъ условіяхъ невозможна. Средне и малосостоятельные крестьяне, арендующіе для потребительных цілей, также не ногуть развивать своихь денежения врендь. Выдь для взиоса арендной платы въ 1 р. до паденія цінъ на клібъ ниъ приходидось выноснть на рынокъ и пуд. хлаба, а послю паденія-приходится выносить 2 х или около этого. Воть причины, которыми вполив удовлетворительно объясилется приведенное сообщение Полтавскаго «Обзора». Но дальше, къ сожавению, его свёдёния не ндуть. Для удовлетворенія потребности въ хлібі для себя, семьи, для хозайства и въ виду удешевненія найма земель эти слои крестьянства, очевидно, могуть развивать не безъ выгоды для себя натуральныя аренды. Это въ самомъ деле и наблюдается въ другихъ ивотахъ; напр., такія сообщенія мы получаемъ изъ «Обвора» но Нижегородской губ. ва тотъ же 1895 г. Выло бы весьма желательно, чтобы Полтавское бюро нашло возможенить выяснить фактическое положение этого вопроса въ своей губерния въ последующихъ выпускахъ своего «Обзора».

Въ томъ же наданіи находимъ свёдёнія о распространенія среди врестьянъ полтавщины улучшенныхъ земледёльческихъ орудій. Опять же существенный интересь этихъ свёдёній заключается въ

томъ, что въ нихъ разграничены данныя, касающіяся разныхъ слоевъ крестьянства, что опять-таки почти никогла не вотречается въ соотвётствующихъ сборникахъ. Сообщенія о діятельности тахъ нии пругихъ земствъ по снабжению сельскаго населения землентивческими орудіями почти всегда именно и страдають тамъ крупнымъ недостаткомъ, что по немъ нельзя съ точностью судить, кому именно фактически помогаеть земство, достигаеть ин земская помощь именно къ темъ, для кого она необходиме всего. Въ техъ увадахъ Полтавской губернін, гдв земскіе склады орудій производили продажу безъ разсрочки платежа, распространение земледальческих орудій подвигается вообще весьма медленно. Въ Лохвипкомъ и Роменскомъ убядахъ крестьяне пашуть по большей части простыми деревянными плугами; безденежье и отсутствие кредита не повволяють пріобретать другіе. Поэтому улучшенныя орудія доступны тамъ пока исключительно зажиточнымъ хозяевамъ. Иначе діло стоить вь тіхь уівдахь Полтанской губернін, гді крестьяне нивють возможность пріобрётать орудія въ земскихъ складахъ не только по более дешевой цень, но и на более льгодныхъ условінхъ, т. е въ кредить съ разсрочкой платежа на 6 месяцевъ безъ процентовъ. «Почти въ каждомъ» изъ такихъ убздовъ «вотрёчаются теперь цёлыя селенія, где желевные плуги, бороны и рала въ крестьянскихъ хозяйствахъ не только преобладають надъ числомъ такихъ же деревянныхъ орудій, но составляють достоявіе почти наждаго хозянна». Какъ же справляются съ покупкой такихъ орудій малонощные врестьяне? А воть какъ: «бедные, малоземельные ховяева, по прежнему, покупають плуги, соединившись въ небольшія товарищества; это явленіе, судя по сообщеніямъ изъ Золотовошскаго. Кременчугскаго и Кобеликскаго убздовъ, не только продолжаеть существовать, но, повидимому, имеють склонность въ распространевію, встрічаясь все чаще и чаще среди маломощныхъ хозяевъ». Далее, «веняки (заводскія и кустарныя) въ настоящее время имаются не только въ хозяйствахъ зажиточныхъ крестьянь, но все чаще и чаще входять въ обиходъ и среднесостоятельных козяевъ». Въ Хорольскомъ и Переяславскомъ убадахъ у такихъ же среднесостоятельныхъ входять въ употребленіе, по свидетельству корреспондентовь бюро, и экстириаторы для рабрыхленія почвы.

Сказаннымъ ограничивается усовершенствованіе орудій у рядового крестьянства. Составители «Обзора» прибавияють, что замічаемое среди него усиленное стремленіе къ улучшенію своего ховяйства разбивается о недостатокъ средствъ и знаній. «Нікоторые корреспонденты выражають мысль, что при современномъ экономическомъ и культурномъ положеніи массы населенія врядъ-ли возможно безъ посторонней помоща ожидать какихъ-либо серьезныхъ и прочныхъ улучшеній въ крестьянскомъ хозяйстві, а въ связи съ

этимъ и болье существеннаго улучшенія матеріальнаго благосостоянія крестьянъ».

На ряду съ этитъ у более состоятельнаго слоя деревни въ последнее время появилось «сравнительно весьма много» конныхъмолотилокъ: «почти у каждаго зажиточнаго крестьянина есть теперь молотила», четырехсильная и даже шестисильная. Владельцы этихъорудій, обмолотивши свой хлебъ, сдають ихъ внаймы другимъ, не имъющимъ своихъ молотилокъ, и этотъ капиталистическій пріемъмолотьбы «годъ-отъ-года все более и более распространяется среди крестьянъ», вызывая большое неудовольствіе и ропоть бедиейшихъкрестьянъ, зарабатывающихъ хлебъ со снопа. Конкурренція машинъ вытесияеть ихъ. Наконецъ, единичные хозяева, отличаюпісся выходящею изъ ряда зажиточностью, обзаводятся рядовыми связками, сортировками, жнеями, конными граблями и т. п.

Н. Карышевъ.

RN3HB 3AMB9ATENBHBIXB NDAEN

BIOTPAONUECKASI BUBLIOTEKA O. HABJEHKOBA.

Въ составъ, библіотеки войдоть около 200 біографій вам'ячетельникь июдей Вышли отдільными книжками 170 біографій слідующихъ лиць:

І. Представители религім и церкви: Будда (Саків Муни), Григорій VII, Гусъ, Кальвинь, Конфуцій, Лойова, Савонарола, Торивемада,

Григорій VII, Гусь, Кальвить, Конфуцій, Лойола, Савонарола, Торивемада, Прингик.—Авванумь (глава рус. раскола), начріарть Никонь.

П. Государственньке люди и народньке герон: Висмаркъ, Гарибальди, Гладстонъ, Гранхи, Кромвель, Линкольнъ, Мирабо, Томась Моръ, Решемь.—Воренцовы, Дамиова Іоаннъ Грозный, Канкринъ, Меншиковъ, Потеминъ, Скобелевъ, Сперанскій, Богданъ Хмільницій.

ПІ. Ученьке, Сибелевъ, Сперанскій, Богданъ Хмільницій.

ПІ. Ученьке, Ваккарія и Бентамъ, Болль, Галимей, Гарвей, А. Гумбольт, Дамиова, Дарвинъ, Дженнеръ, Кеплеръ, Кетле, Кондорое, Конернивъ, Кюнье, Лякумве, Ламиова и Эймеръ, Ламиой, Дайсиль, Мальтусъ, Миль, Монтеское, Паскаль, Ньютонъ, Прудонъ, Адамъ Смитъ, Фарадей.—К. Верь, Ботлинъ, Ковалевская, Лобачевскій, Пироговъ, Соловьевъ (историкъ), Струве.

ІV. Философы: Аристотель, Веконъ, Дж. Бруно, Гегель, Кантъ, Огюстъ Контъ, Лейбницъ, Локкъ, Сенека, Спинова, Шопенгауэръ.

V. Филантропы и дъятели по народному пресв'ященію: Говардъ, Оуенъ, Песталлоци, Франклинъ, Каравинъ, (основатель кар. уни-

Говардъ, Оуенъ, Песталиоця, Франкинъ, Каразинъ, (основатель кар. университета), баронъ Н. А. Корфъ, Новиковъ, К. Д. Ушинскій. VI. Путешественники: Колумбъ, Ливинстонъ, Стенли.—Прис-

VII. Изобретатели и люди широкаго почина: Гуттенбергь, Дагерь и Нівись (ивобр'ятатели фотографія). Лессенсь, Ротшильды, Стефенсонъ и Фультонъ (изобрёт. жел. дорогь и пароходовъ), Уатть, Эдисонъ и Морзе. — Денидовы.

VIII. Писатели русскіе и иностранные.

Иностранные писатели: Андерсенъ, Байронъ, Бальзавъ, Верне, Веранше, Вонкачіо, Вомарше, Вольтеръ, Гейне, Гете, Гюго, Данть, Дефо, Диккенсъ, Жоркъ Зандъ, Золя, Кардейль, Лессингъ, Маколей, Мельтонъ, Минкевичъ, Мольеръ, Рабле, Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, Теккерей, Шик-

мольеръ, Раске, Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, Теккерей, Пикакеръ, Джоркъ Злютъ.

Руссије писатели: Аксаковы, Бълинскій, Гоголь, Гончаровъ, Грибойдовъ,
Державинъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жуковскій, Кантемиръ, Карамантъ,
Кольцовъ, Крымовъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Никититъ, Писаревъ, Писамскій, Пушкинъ, Сактыковъ (Щедринъ), Сенковскій (баронъ Брамбеусъ),
Левъ Толстой, Тургеневъ, Фонвиннъ, Шевченко.

ІХ. Жудожники: Леонардо де - Винчи, Миксаь Анджело, Рафазнъ,
Рембрандтъ.—Ивановъ, Крамскій, Перовъ, Оедотовъ.

Х. Музыканты и актеры: Батковенъ, Вагкеръ, Гаррикъ,
Мейелберъ, Моларотъ. Шопенъ, Шуманъ.—Волковъ, (основатель, русск. та-

Мейерберъ, Моцартъ, Шопенъ, Шуманъ.—Волковъ (основатель русск. те-атра), Глинка, Даргомымскій, Сфровъ, Щенкинъ.

Изна каждой книжки 25 к. Біографіи продаются во всвхъ книжныхъ магазинахъ.

Главный складь въ книжномъ магазинъ П. Луковникова. (Спб., Лештуковъ пер., № 12).

Приготовляются къ печати біографіи следующих в лицъ. Александра II, Вашингтона, Вирхова, Дидро, Екатерины II, Лютера, Магомета, Маніавелля, Метгерниха, Наполеона I, Накрасова, Островскаго, Пастера, Петра Великаго, Ренана, Сократа и Платона, Суворова, Гл. Успенскаго, Франциска-Ассивскаго, Францика II, Шексинра и др.

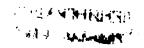
> **ЛЕНИНГРАДСКА**Я MENTPARAM SEE"

Къ сведенію гг. подписчиковъ.

- 1) Подписавшіеся на журнать съ доставной—въ Московскомъ отділенія конторы «Русскато Богатства» или черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о переміні адреса благоволять обращаться непосредственно въ контору редакціи—Петербурга, уг. Спаской и Басковой ул., д. 1—9.
- 2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакців не позне, какъ по полученіе следующей книжки журнала.
- 3) При переменахъ адреса и при высылей дополнительныхъ ввиссовъ по разсрочей подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его М.
- 4) При каждомъ заявленіи о переміні адреса въ преділахъ провинціи слідуєть прилагать 25 коп. почтовыми марками.
- 5) При перемвив городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемвив же иногороднаго на городской —50 к.
- 6) Перемвна адреса должна быть получена въ конторв не позме 10 числа наждаго мъсяца, чтобы ближайшая кница журнала была направлена по новому адресу.
- 7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отділеніе конторы, благоволять прилагать почтовые бланки или марки для отвітовъ.

Къ сведению авторовъ статей.

- 1) На отвътъ редакцін по поводу присланной статьи должна быть приложена почтовая марка.
- 2) Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ должны быть приложены марки, соразмірно стоимости пересылки закази й бандеролью.
- 3) Непринятыя рукописи хранятся въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока рукописи уничтожаются.

Продолжается подписка на 1897 годъ

PYCCKOE BOTATCTBO,

ивдаваемый Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

ПОДПИСНАЯ ЦЪНА: На годъ съ доставной и пересникой 9 р.; безъ доставки въ Петербургъ и Москвъ 8 р.; за границу 12 р.;

подписка принимается:

ВъС.-Петербургъ въ конторъ журнала— уз Спасской и Басковой ул., д. 1—9.

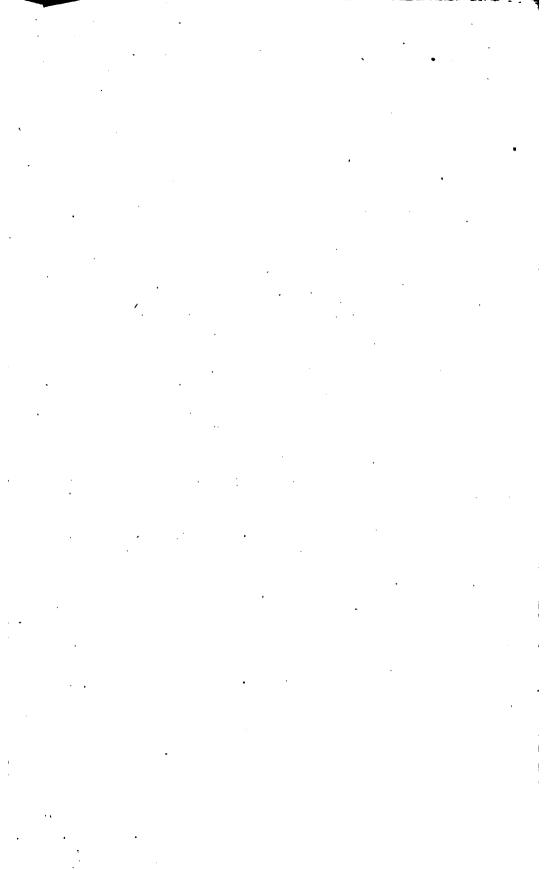
Въ Москвъ-въ отделени контори — Никитскія ворото, д. Газарина.

Книжные магазины, доставляюще подписку, могуть удерживать за воминссію и пересыжу денегь только 40 жоп. съ каждаго годового экземилара.

Подписчени «Русскаго Богатотва» пользуются уступной при выписий мингъ изъ петербурговой монторы журнана для изъ моснововаго отделенія монторы.

Каталогъ внигъ печатается въ важдой книжей журнала.

Редакторы: П. Быковъ, С. Поповъ.

Продолжается подпис

на ежемъсячный литерату

BACCRo.

Вл

подг

HARVARD COLLEGE LIBRARY